

МОНИТОРИНГ ОБЩЕСТВЕННОГО МНЕНИЯ

экономические и социальные перемены

№ 2 (162)
март — апрель 2021

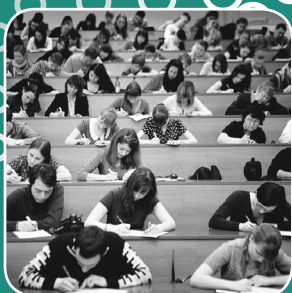
ГОСУДАРСТВО
И ОБЩЕСТВО

СЕМЬЯ
И ДЕМОГРАФИЯ

МЕТОДЫ
И МЕТОДОЛОГИЯ

СОЦИОЛОГИЯ
ОБРАЗОВАНИЯ

18+

ISSN 2219-5467

9 772219 546006 >

Главный редактор журнала:

Федоров Валерий Валерьевич —
кандидат политических наук, генеральный директор ВЦИОМ,
профессор НИУ ВШЭ

Заместители главного редактора:

Седова Наталья Николаевна —
помощник гендиректора по науке ВЦИОМ

Подвойский Денис Глебович —
кандидат философских наук, ведущий научный сотрудник
Института социологии ФНИСЦ РАН, доцент РУДН

Ответственный редактор:

Кулешова Анна Викторовна —
кандидат социологических наук, член российской
Ассоциации научных редакторов и издателей (АНРИ) (Россия)

M77   Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. — М.: АО «ВЦИОМ», 2021. — № 2 (162). — 304 с.

ISSN 2219-5467

Объективная, точная, регулярная и свежая информация «Мониторинга» полезна всем, кто принимает управленческие решения, занимается прогнозированием и анализом развития общества. Наш журнал пригодится сотрудникам научных и аналитических центров, работникам органов управления, ученым, преподавателям, молодым исследователям, студентам и аспирантам, журналистам.

Тематика материалов охватывает широкий круг социальных, экономических, политических вопросов, основные рубрики посвящены теории, методам и методологии социологических исследований, вопросам взаимодействия государства и общества, социальной диагностике. Каждый номер журнала содержит двухмесячный дайджест основных результатов еженедельных общероссийских опросов ВЦИОМ.

Мы публикуем статьи специалистов, представляющих ведущие научные социологические центры, институты, организации, а также ВУЗы России и зарубежных стран. Широкая тематика журнала представляет возможность выступить на его страницах представителям смежных специальностей (политологам, историкам, экономистам и т.д.), опирающимся в своих исследованиях на эмпирические социологические данные.

Журнал издается с 1992 г.

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕОРИЯ, МЕТОДОЛОГИЯ И МЕТОДЫ

Е. А. Настина, И. Ф. Девятко

Моральная оценка себя: разработка и апробация
русскоязычного инструментария 4

О. Р. Михайлова

Возможности применения эго-сетевого анализа для изучения
распространения моральной паники на межиндивидуальном уровне 28

СЕМЬЯ И ДЕМОГРАФИЯ

S. S. Biryukova, O. V. Sinyavskaya

More Money — More Births? Estimating Effects of 2007 Family Policy Changes
on Probability of Second and Subsequent Births in Russia 48

Э. Э. Сыманюк, И. Г. Полякова, Ю. В. Мокерова

Отношение жителей мегаполиса к репродуктивному донорству
(на примере Екатеринбурга) 73

М. В. Кравцова

Предикторы исторического типа семьи на примере Российской империи 95

ГОСУДАРСТВО И ОБЩЕСТВО

А. В. Каравай

Действия россиян по улучшению собственного материального положения
в эпоху COVID-19 121

Е. В. Щанина

Практики поведения пожилых людей, направленные на повышение
своего благосостояния, в современном российском обществе 138

Л. Е. Ильичева, А. О. Кондрашов, А. В. Лапин

Доверие как мост над пропастью неуверенности
между властью и обществом 162

Д. Б. Литвинцев

30 лет приватизации жилья в России: удалось ли воспитать
ответственных собственников? 186

Н. Ю. Танющева, Н. Н. Куницына

Оценка общественного мнения о соблюдении антиотмывочного
законодательства в России 213

Н. П. Попов

Дональд Трамп и американский авторитаризм 234

МОНИТОРИНГ МНЕНИЙ

Мониторинг мнений: март — апрель 2021..... 255

СОЦИОЛОГИЯ ОБРАЗОВАНИЯ

С. В. Докука

Использование стохастических акторно-ориентированных моделей для анализа коэволюции сетей и поведения..... 273

И. А. Коршунов, А. М. Тюнин, Н. Н. Ширкова, М. С. Мирошников, О. А. Фролова

Как учатся взрослые: факторы выбора образовательных программ 286

СОЦИОЛОГИЯ ПОВСЕДНЕВНОСТИ

Д. Г. Подвойский, А. К. Спиркина

Общество в маске и перчатках под микроскопом социологии повседневности: беглый взгляд..... 315

И. В. Мерсиянова, Н. В. Иванова

Трудно или легко быть общественно активным человеком во время пандемии? 340

I. O. Papushina

Testing the Omnivore Hypothesis in Russia 362

И. В. Лисовская

Перевоспитать нельзя наказывать? Как конструируются сценарии реинтеграции и ресоциализации «трудных» подростков..... 383

МЕДИА И КОММУНИКАЦИИ ВО ВРЕМЯ ПАНДЕМИИ COVID-19

Приглашенный редактор С. Г. Давыдов

С. Г. Давыдов

Цифровые компетенции россиян и работа на самоизоляции во время пандемии COVID-19 403

А. В. Сапонова, И. В. Задорин

«Хорошими делами прославиться нельзя»: проблемы репрезентации в СМИ деятельности некоммерческого сектора во время пандемии COVID-19 в России..... 423

А. В. Шариков

Глобальное информационное онлайн-пространство в 2020 г.: динамические характеристики 445

Ж. В. Чернова, Л. Л. Шпаковская

«Бесконечный день сурка»: социологический анализ учебных практик студентов вузов в ситуации вынужденной изоляции..... 464

А. А. Кирзюк

«У меня нет страха»: ковид-диссиденты в поисках агентности и правды..... 484

РЕЦЕНЗИИ НА КНИГУ

К. А. Галкин

Экстра время? Смыслы пожилого возраста
и их понимание в книге К. Кавендиш.

Рец. на кн.: Cavendish C. Extra time: 10 Lessons for an ageing world.

Glasgow: Harper Collins, 2019..... 510

И. А. Вершинина

Ритмы современной жизни.

Рец. на кн.: Lyon D. Rhythmanalysis: Research Methods.

London, Oxford, New York, New Delhi, Sydney: Bloomsbury Academic, 2021 520

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

И. В. Богдан, Д. П. Чистякова, А. В. Праведников

Проблематика доверия в социологии медицины..... 526

DOI: [10.14515/monitoring.2021.2.1720](https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.2.1720)

Е. А. Настина, И. Ф. Девятко

МОРАЛЬНАЯ ОЦЕНКА СЕБЯ: РАЗРАБОТКА И АПРОБАЦИЯ РУССКОЯЗЫЧНОГО ИНСТРУМЕНТАРИЯ

Правильная ссылка на статью:

Настина Е. А., Девятко И. Ф. Моральная оценка себя: разработка и апробация русскоязычного инструментария // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2021. № 2. С. 4—27. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.2.1720>.

For citation:

Nastina E. A., Deviatko I. F. (2021) Moral Self-Evaluation: Developing and Validating Methodology for Russian-Speaking Populations. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 2. P. 4–27. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.2.1720>. (In Russ.)

МОРАЛЬНАЯ ОЦЕНКА СЕБЯ: РАЗРАБОТКА И АПРОБАЦИЯ РУССКОЯЗЫЧНОГО ИНСТРУМЕНТАРИЯ

НАСТИНА Екатерина Александровна — стажер-исследователь Лаборатории сравнительных социальных исследований, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия

E-MAIL: enastina@hse.ru

<https://orcid.org/0000-0002-6261-1814>

ДЕВЯТКО Инна Феликсовна — доктор социологических наук, ординарный профессор, зав. кафедрой анализа социальных институтов, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия; главный научный сотрудник, Институт социологии ФНИСЦ РАН, Москва, Россия

E-MAIL: deviatko@gmail.com

<https://orcid.org/0000-0002-1955-7592>

Аннотация. Оценка человеком самого себя как морального субъекта представляется важным предиктором социального поведения индивида, его установок и качества жизни, а также позволяет пролить свет на механизмы конструирования, поддержания и защиты моральной Я-схемы как особого вида социальной идентичности. В рамках двухэтапного эксперимента нами были разработаны и апробированы инструменты для измерения моральной самооценки: шкала моральных конструктов с использованием техники репертуарных решеток в идиографической (ШМК-И) и конвенциональной (ШМК-К) версии, заведомо адаптированные для русскоязычных респондентов. Обнаружены значимые связи в предсказанном направлении обеих

MORAL SELF-EVALUATION: DEVELOPING AND VALIDATING METHODOLOGY FOR RUSSIAN-SPEAKING POPULATIONS

*Ekaterina A. NASTINA*¹ — Research Assistant at the Laboratory for Comparative Social Research

E-MAIL: enastina@hse.ru

<https://orcid.org/0000-0002-6261-1814>

Inna F. DEVIATKO^{1,2} — Dr. Sci. (Soc.), Tenured Professor, Head of the Department for Social Institutions Analysis; Chief Researcher

E-MAIL: deviatko@gmail.com

<https://orcid.org/0000-0002-1955-7592>

¹ HSE University, Moscow, Russia

² Institute of Sociology of FCTAS RAS, Moscow, Russia

Abstract. Moral self-evaluation can be an important predictor of social behavior, personal attitudes and quality of life. It also allows exploring the construction, maintenance, and protection mechanisms of the moral self-scheme as a special type of social identity. Within this study, in a two-stage experiment, the authors develop and test several tools for measuring moral self-evaluation: idiographic and conventional versions of the Moral Constructs Scale based on the repertory grid technique. Both versions were found to be significantly related to Moral Self-Approval Subscale, as well as to theoretically relevant constructs (general self-esteem, life satisfaction, moral emotions of guilt and shame), which serves as evidence in favor of their validity. However, the relationship patterns

версий инструмента с подшкалой морального самооодобрения, а также с теоретически релевантными конструктами (общая самооценка, удовлетворенность жизнью, моральные эмоции вины и стыда), что служит свидетельством в пользу их валидности, однако паттерны отношений указывают на то, что речь может идти о разных типах или компонентах моральной оценки себя. Отмечается многокомпонентность обеих версий ШМК, отражающая их большую чувствительность в сравнении с предшествующими инструментами для измерения моральной идентичности и самооценки. Обсуждаются некоторые возможные направления для будущих исследований с использованием предложенного инструментария.

Ключевые слова: мораль, моральная идентичность, моральная самооценка, техника репертуарных решеток

indicate that there may be different types or components of moral self-evaluation. The authors note the multicomponent nature of both versions of the Moral Constructs Scale, reflecting their greater sensitivity in comparison to other scales measuring moral identity and self-esteem. Some possible directions for future research using the proposed tools are discussed in conclusions.

Keywords: morality, moral identity, moral self-evaluation, repertory grid technique

Введение

Наблюдаемый в последние годы рост интереса к эмпирическим социальным исследованиям в области морали [Abend, 2010; Turner, 2013; Greene, 2015] требует разработки новых инструментов для измерения моральных конструктов. Реакцией на эту потребность стало создание оригинальных методик изучения морального сознания и моральных суждений, примерами которых могут служить, среди прочих, опросник моральных оснований [Graham et al., 2012], позволяющий определить, какими системами «интуитивной этики» человек склонен руководствоваться при принятии моральных решений, или шкала моральной идентичности [Aquino, Reed, 2002], показывающая, насколько важны моральные характеристики в Я-образе индивида. Однако до последнего времени малоисследованным оставался вопрос о том, каков механизм оценки человеком самого себя как морального субъекта, каковы причины и следствия интраиндивидуальной и межиндивидуальной вариативности такой оценки.

Между тем подобный концепт обладает большим потенциалом для объяснения социального поведения индивидов, их установок и качества жизни. Так, люди, выше оценивающие себя по таким традиционно моральным качествам, как честность, забота, доброта и др., более склонны к участию в благотворительности и менее склонны к вождению в пьяном виде [Stets, Carter, 2012]. В то же время возможен и обратный эффект, например, в случае «морального самолицензиро-

вания», когда безупречное поведение индивида в прошлом повышает вероятность совершения им проступка впоследствии, предположительно за счет более благоприятной оценки своего морального уровня [Merritt, Efron, Monin, 2010]. Кроме того, некоторые исследования показывают, что положительная оценка своей ответственности, честности, щедрости и доброты обнаруживает позитивную связь с удовлетворенностью жизнью [Andrews, Withey, 1976; Headey, 1981]. Понимание механизмов просоциального поведения и факторов субъективного благополучия является важной задачей социальных наук, которая становится как никогда актуальной в контексте глобального кризиса [Bavel et al., 2020].

В свою очередь, надежный и валидный инструмент для измерения моральной самооценки представляет возможность и для проверки гипотез о механизмах конструирования, поддержания и защиты моральной подсистемы образа Я. Люди стремятся поддерживать положительные представления о самих себе, в частности в контексте оценки присущих им моральности и порядочности [Hitlin, 2008]. Однако если у них не получается действовать в соответствии со своими внутренними моральными стандартами, активизируется ряд механизмов социальной перцепции — от избирательного восприятия обратной связи [Swann, Pelham, Krull, 1989] до избирательного забывания невыгодных фактов биографии [Mulder, Aquino, 2013]. Создание валидного и надежного инструментария, позволяющего оценивать и рефлексивные, и автоматически задействуемые интуитивные [Evans, Stanovich, 2013] моральные суждения о себе, оказывается, таким образом, важным шагом на пути к дальнейшему изучению обозначенных вопросов.

Первая детальная классификация типов самосознания личности была разработана У. Джеймсом. Описав, наряду с эмпирическим «я» (the empirical self, me), имеющим иерархическую структуру объектом познания и оценки, также чистое «я» как активно познающую и оценивающую инстанцию, У. Джеймс высказал предположение, что расхождение между ожиданиями личности относительно собственных свойств и возможностей, с одной стороны, и реально достигаемыми результатами — с другой, может стать источником внутреннего конфликта, утраты самоуважения и недовольства собой. Он отметил, что для социального «я» как генетически связанного с признанием со стороны других акторов аспекта эмпирического «я» существенным источником самооценки и эмоционального самочувствия служит величина расхождения (или совпадения) между актуальными и потенциально достижимыми для личности идеальными свойствами, оцениваемыми с точки зрения социального окружения, референтной группы или даже некоего верховного арбитра (Бога или Абсолютного Разума) [James, 1918: 291—317].

Развивая описанные идеи Джеймса, Ч. Х. Кули предложил первое детализированное социологическое описание рефлексивной природы самосознания как продукта взаимодействия в социальной группе, в которой последняя выступает не только в качестве «социального зеркала», то есть источника воспринимаемых индивидом реакций других на действия, декларируемые ценности и иные проявления «я», но и в качестве эталона для нормативных суждений о себе и первопричины вызываемых этими суждениями моральных эмоций гордости или стыда [Кули, 2000]. Развитие Дж. Г. Мидом взглядов Ч. Х. Кули на рефлексивную и интерактивную природу целостной структуры «я» как объекта привело к пониманию множест-

венности ее аспектов — не всегда идеально гармонизированных «элементарных самостей», динамически задействуемых в различных социальных контекстах [Mead, 1967]. Распространение этих взглядов в современной социологической теории стало, наряду с описанными ниже идеями психоанализа, источником дискуссий о том, насколько неизбежно растущая сложность социальной организации и потенциально безграничная множественность социальных отношений, в которые индивид вовлечен благодаря революции в области средств коммуникации, должны вести к дезинтеграции самосознания как целостной структуры [Gergen, 1991; Giddens, 1991].

В классическом психоанализе регуляторная система «Сверх-Я»/«Идеальное Я» выступает источником как связанных с самосознанием эмоций и аффектов (в частности, вины, гордости), так и когнитивных моральных стандартов, формируемых в социальных взаимодействиях со значимыми другими и обеспечивающих саму возможность моральной рефлексии [Фрейд, 1989]. Расхождения между актуальным (реальным) и идеальным, как и между актуальным и должным состояниями эмпирического «я», представленными соответствующими внутренними репрезентациями или Я-схемами, ведут к нарушению согласованности целостного Я-образа, порождая состояния когнитивного дисбаланса и внутреннего конфликта, которые, в свою очередь, имеют последствия для самооценки, эмоционального самочувствия и общего благополучия индивида [Festinger, 1957; Higgins, 1987; Rogers, 1961].

В современной социологии морали развитие представлений о влиянии согласованности когнитивного компонента морального Я-образа на моральную самооценку как его эмоциональный компонент связано с опирающейся на описанные выше идеи теорией идентичности (identity theory). Под последней понимается совокупность убеждений (значений), посредством которых индивид описывает себя как личность, как носитель социальной роли или член социальной группы [Burke, Stets, 2009; Cast, Stets, 2016]. Личностные, ролевые или групповые идентичности поддерживаются в ходе социального взаимодействия, так что акторы стремятся сохранять согласованность и избегать дисбаланса по результатам обратной связи, получаемой от других участников взаимодействия, — дискурсивных оценочных суждений, эмоциональных реакций и т. д. Иными словами, система идентичности представляет собой функциональную систему, в которой существует центральный компонент контроля обратной связи, верифицирующий представления актора о себе путем сличения с сигналами, получаемыми от других социальных акторов (блок сравнения, некий аналог прибора сличения или акцептора результата действия в теории функциональных систем Н. А. Бернштейна и П. К. Анохина). Моральная идентичность как одна из «Я-схем» также подвергается такой социальной верификации, значимость позитивных или негативных результатов которой, при прочих равных, определяется совпадением или расхождением представлений о себе и получаемых от других акторов релевантных социальных сигналов. Позитивная и негативная верификация моральной идентичности могут иметь последствия и для мотивации морального поведения, и для моральных эмоций, возникающих благодаря влиянию результатов верификации на самооценку [Stets, 2010]. Таким образом, чувствительное и к индивидуальному тезаурусу

«Центральных» моральных качеств, и к специфике локальной культуры измерение расхождений между представлениями личности о собственных актуальных и достижимых в идеале моральных качествах или между этими представлениями о себе и нормативными ожиданиями других оказывается необходимым условием для более глубокого понимания ключевых механизмов морального поведения и социальных факторов, детерминирующих динамику общей самооценки и субъективного благополучия. Вместе с тем, несмотря на полученные в этой области в последние два десятилетия важные результаты, основные из которых будут проанализированы ниже, задача создания надежного и валидного инструментария для измерения расхождений в моральном Я-образе и оценке себя остается не до конца решенной.

Данное исследование ставит своей целью заполнение обозначенного пробела. В его рамках разрабатываются и апробируются два инструмента для измерения оценки себя как морального субъекта среди русскоязычных респондентов. Мы начнем с краткого обзора существующих подходов к измерению морального самосознания и самооценки, уделив особое внимание их возможностям и ограничениям, чтобы далее перейти к описанию двухэтапного методического эксперимента, направленного на разработку указанных инструментов, а также первичную оценку достигаемого с их помощью качества измерения.

Исследования морального самосознания и самооценки: методологические подходы и инструментарий

Одна из первых попыток создания инструмента, позволяющего эмпирически исследовать релевантные для социологии аспекты морального самосознания, была сравнительно недавно предпринята К. Акино и А. Ридом, авторами популярной шкалы моральной идентичности [Aquino, Reed, 2002]. Примечательно, что, определяя моральную идентичность как Я-концепцию, организованную вокруг моральных черт, они представляют ее в качестве социальной идентичности, одной из составляющих социальной Я-схемы [Markus, 1977]. Нужно, однако, отметить, что при этом предложенный К. Акино и А. Ридом инструмент измеряет не самовосприятие как таковое, а степень выраженности моральных качеств в глобальном восприятии себя: респондентам предлагается выразить согласие с рядом суждений, отражающих, насколько важно для них быть моральным человеком и демонстрировать это другим. Девять качеств, описывающих моральную личность — заботливый, сострадательный, справедливый, дружелюбный, щедрый, трудолюбивый, готовый помочь, честный, добрый, — были получены на основе контент-анализа ответов респондентов (студенческая выборка, N = 228) на соответствующий прямой вопрос и впоследствии использовались другими исследователями для измерения схожих моральных конструкторов.

Наиболее интересен в целях данного исследования «моральный образ-Я» — конструктор, предложенный Дж. Джордан и соавторами [Jordan, Leliveld, Tenbrunsel, 2015]. Используя обозначенные выше девять признаков моральной личности в качестве униполярных шкал, авторы измеряют динамическое восприятие себя в моральном плане в противовес более стабильной, в их представлении, моральной идентичности [Aquino, Reed, 2002]. Для этого они просят респондентов дать

прямую субъективную оценку по каждой из шкал близости к «человеку, которым [им] хотелось бы быть» или «каким [его] желали бы видеть другие» по каждому качеству.

Такой формулировкой вопроса авторы отсылают читателя к упомянутой во введении концепции саморасхождения (self-discrepancy), получившей наибольшую популярность в рамках одноименной теории Э. Т. Хиггинса [Higgins, 1987]. Однако в некоторой степени следуя данной традиции, Дж. Джордан и соавторы необоснованно отказываются от одного из важнейших составляющих развивавшегося в ней методологического подхода — косвенного измерения моральной самооценки. Так, подвергая свою теорию эмпирической проверке, Э. Т. Хиггинс просит респондентов оценить различные компоненты своего «я» по отдельности, и лишь после этого исследователь сам рассчитывает расхождения между ними. Именно такой подход, в отличие от прямого вопроса о соответствии своему собственному или некоему широко принятому социальному идеалу, позволяет в некоторой степени нивелировать эффект защитных механизмов психики, способствующих поддержанию положительных представлений о себе даже в случаях невыгодных сравнений с другими [Alicke, Dunning, Krueger, 2005; Tesser, Millar, Moore, 1988]. При этом Хиггинс также выступает защитником идиографического (от гр. ἴδιος — особенный) подхода в измерении: утверждается, что качества могут быть в разной степени важны и доступны различным индивидам, следовательно, предсказательная сила инструмента будет выше, если респондент выберет критерии оценки самостоятельно [Higgins, 1987: 335].

Продолжая исследования в сфере оценки саморасхождений и их эффектов, Н. Уотсон и коллеги [Watson, Bryan, Thrash, 2016] разработали и сравнили между собой инструменты, позволяющие измерять расхождения и «идиографическим» способом, то есть с учетом словаря личностных конструктов (респондентов просили перечислить качества, характерные для Я-реального, Я-идеального и Я-должного, и после этого произвести оценку всех трех последовательно), и «конвенциональным», предполагающим оценку различных аспектов «я» по заранее заданным шкалам, отобранным из широко используемого контрольного списка личностных прилагательных [Gough, Neilbrun, 1983] на основе факторных нагрузок.

При создании двух версий инструмента для косвенного измерения моральной самооценки, основанного на расчете саморасхождений, мы в целом следуем логике Н. Уотсона и соавторов [Watson, Bryan, Thrash, 2016], однако при этом нами используется более точная процедура извлечения важных и доступных участнику исследования индивидуальных конструктов. Наиболее подходящей для этой цели представляется методика «репертуарных решеток» Дж. Келли, разработанная в рамках предложенной им теории системы личностных конструктов, интерпретируемых как самостоятельно разрабатываемые личностью («человеком-как-ученым») и постоянно валидизируемые в процессе накопления жизненного опыта понятийные средства социального познания, позволяющие классифицировать, оценивать и предсказывать события [Келли, 2000]. В соответствии с указанной теорией методика «репертуарных решеток» предполагает применение процедуры эксплицитных сравнений с целью извлечения индивидуальных конструктов с использованием релевантных для конкретной области «фигур», то есть объек-

тов оценивания — личностей, ситуаций и т. п. (см., в частности, [Козлова, 1976; Тарарухина, Ионцева, 1997; Fransella, Bell, Bannister, 2004]).

Мы исходили из предположения, что, сопоставляя разные аспекты своего «я» и релевантные ролевые образцы с позитивной и негативной «моральной валентностью» («морально безупречного» и «безнравственного человека»), индивид генерирует значительно более соответствующие своему опыту критерии моральной оценки, чем при использовании «оторванного» от реальных объектов списка качеств. Кроме того, характер такой процедуры предполагает активацию «высокозатратной» системы рефлексивных моральных суждений и оценок («системы-2»), играющей ведущую роль в формировании взвешенного мнения в ходе принятия или оспаривания моральных установок, при вынесении утилитаристских суждений в моральных дилеммах и т. п. (см., например, [Greene et al., 2008]). В то же время, вслед за Н. Уотсоном и соавторами [Watson, Bryan, Thrash, 2016], мы разрабатываем и «конвенциональную» версию инструмента, содержащую в нашем случае наиболее популярные из выявленных на первом этапе качеств, которые отражают основной тезаурус связанных с моральной оценкой слов современного русского языка. Отсутствие необходимости самостоятельно формулировать конструкты обуславливает, как можно предположить, более интуитивный, основанный на ассоциативной «системе-1» характер вынесения суждений и оценок [Evans, Stanovich, 2013]. Эта версия более удобна для использования в массовых социологических опросах и заведомо адаптирована для русскоязычной выборки.

Нельзя, однако, оставить без внимания и другую традицию в измерении восприятия себя как морального субъекта. Последнее часто становилось предметом внимания при анализе общей самооценки в тех исследованиях, где она рассматривалась как взвешенная сумма оценок отдельных аспектов удовлетворенности собой. Так, подшкалу моральной самооценки содержат анкета самооценки Куперсмита [CSEI, Coopersmith, 1981], Тенессийская шкала Я-концепции [TSCS, Fitts, 1965] и анкета многоуровневой самооценки [MSEI, O'Brien, Epstein, 1988], более ранние версии которой (SRI I—III) представлены в диссертации первого автора [O'Brien, 1980]. Все они имеют различное концептуальное наполнение, тем не менее их объединяет подход к измерению, опирающийся на абстрактные этические суждения о принципах, поведении и эмоциях. Это отличает их от ранее описанных подходов, опирающихся на оценку человеком себя по конкретным морально-релевантным личностным качествам [Aquino, Reed, 2002; Jordan, Leliveld, Tenbrunsel, 2015; Stets, Carter, 2012]. Сокращенная и адаптированная версия подшкалы морального самоодобрения из опросника самоотчета О'Брайена [O'Brien, 1980] будет использована в данном исследовании для оценки конвергентной валидности предложенных нами методик.

Вне зависимости от того, каким образом измеряется моральная самооценка, вслед за С. Куперсмитом [Coopersmith, 1981] и другими авторами многомерных опросников, приведенных выше, логично предположить, что она служит одним из источников общей самооценки, и, следовательно, должна быть положительно связана с последней. В исследовании Дж. Джордан и др. [Jordan, Leliveld, Tenbrunsel, 2015], где моральная и общая самооценки более четко разведены, такое предположение проверялось эмпирически, и самооценки действительно

обнаруживали значимую, однако довольно слабую связь в предсказанном направлении ($r = 0,20$).

Далее, опираясь на теорию саморасхождения [Higgins, 1987], мы предполагаем, что низкая моральная самооценка, являющаяся результатом диссонанса между тем, как человек воспринимает себя в моральном плане, и его личным или социальными идеалами, повлечет за собой различные негативные эмоции, которые, если испытываются постоянно, могут привести к более низкой оценке своей жизни в целом, и этому существуют некоторые эмпирические подтверждения [Andrews, Withey, 1976; Headey, 1981]. Дж. Стетс и Дж. Картер [Stets, Carter, 2012] обнаружили, что несоответствие своему моральному стандарту связано с моральными эмоциями вины и стыда. Данные теоретические соображения позволят нам оценить конструктивную (номотетическую) валидность разработанных инструментов измерения как соответствие теоретически предсказанному паттерну связи между переменными [Девятко, 1993].

Метод

К основным задачам исследования относились разработка и валидизация инструментов для измерения моральной самооценки среди русскоязычных респондентов. Исследование проводилось в два этапа. Основной целью первого этапа была апробация идиографической версии шкалы моральных конструктов (ШМК-И), основанной на репертуарном тесте Келли [Келли, 2000], проверка ее надежности-воспроизводимости и валидности. Тестирование проводилось в бумажном формате ($N = 67$).

По итогам первого этапа был произведен отбор из совокупности полученных конструктов для конвенциональной версии инструмента (ШМК-К) на основе частоты их встречаемости с участием экспертов. Далее, на втором этапе в ходе онлайн-эксперимента ($N = 106$) была реализована апробация ШМК-К, анализ ее внутренней структуры, конвергентной и конструктивной валидности.

Конвергентная валидность на обоих этапах оценивалась через связь разработанных инструментов и подшкалы морального самоодобрения, в то время как паттерны отношений с общей самооценкой, удовлетворенностью жизнью, а на втором этапе — также моральными эмоциями вины и стыда были проанализированы в рамках проверки конструктивной валидности. Подробное описание процедуры и инструментов приводится ниже для каждого этапа методического эксперимента.

Этап 1

Процедура

Участие в данном этапе исследования предполагало заполнение двух опросников. Первый опросник включил в себя идиографическую версию шкалы моральных конструктов (ШМК-И), вопрос об удовлетворенности жизнью, социодемографический блок (возраст, пол, семейное и материальное положение), а также вопросы о сложности выполнения заданий теста. Во втором опроснике, предъявлявшемся позднее, респондентам была предложена таблица с указанными ими в предыдущем тестировании конструктами для повторной оценки тех же пяти

«фигур» в целях проверки ретестовой надежности инструмента. Помимо того, для проверки валидности разрабатываемого инструментария в исследование были включены подшкала морального самоодобрения, шкала общей самооценки и вопрос об удовлетворенности жизнью. Анкеты заполнялись в бумажном формате в групповой форме в учебном заведении после получения информированного согласия участников. При первом заполнении респондентам в квазислучайном порядке был представлен один из десяти вариантов анкет, которые отличались порядком сравнения персонажей при заполнении репертуарных решеток. Время между заполнением двух опросников составило от двух недель до месяца.

Инструменты

Для измерения моральной самооценки на данном этапе нами была использована *идиографическая версия шкалы моральных конструктов (ШМК-И)*, основанная на технике репертуарных решеток с применением процедуры триадических сравнений [Келли, 2000]. Испытуемым последовательно предлагались две таблицы (см. Приложение 1). В первой из них в столбцах были представлены пять фигур для сравнения: «Я реальное» (то, какой(ая) я есть сейчас); «Я идеальное» (то, каким(ой) мне хотелось бы быть); «Я должное» (то, каким(ой) я должен(на) быть по мнению других); а также самый морально безупречный и самый безнравственный человек, знакомый им (в последних двух случаях респондентам предлагается вписать имена или инициалы конкретных людей, соответствующих данным характеристикам). Респонденту нужно было последовательно сравнить все фигуры в тройках, обозначив, по какому существенному моральному/нравственному качеству два человека сходны между собой и в то же время отличны от третьего, и сформулировать качество, противоположное обозначенному. Выявленные в результате личные биполярные конструкты респонденты использовали для оценки фигур по семибалльной шкале во второй таблице. В результате два вида показателей саморасхождения рассчитывались как средняя абсолютная разность между оценками Я-реального и Я-идеального (РИ), и Я-реального и Я-должного (РД) по каждой шкале. Саморасхождения рассматриваются нами как показатель, обратный моральной самооценке: чем выше расхождение между восприятием себя в настоящий момент и личным или социальным идеалом, тем ниже оценка себя в моральном плане.

Подшкала морального самоодобрения, используемая для проверки конвергентной валидности, включает в себя ряд суждений из II и III версий опросника самоотчета (Self Report Inventory, SRI) [O'Brien, 1980]. В них респондента просят использовать пятибалльную шкалу, чтобы выразить согласие или несогласие с рядом суждений. Суждения (см. табл. В.1 в Приложении 2), представляющие возможность для наиболее однозначного перевода на русский язык, были отобраны в согласии с концептуализацией автора опросника, согласно которой довольство собой в моральном плане выражается в степени уверенности в своих моральных стандартах и соответствии им [ibid.: 71]. Были исключены суждения, касающиеся чувства вины и сексуального поведения как отражающие потенциально независимые явления и установки. При адаптации шкалы применялись процедуры прямого и обратного перевода [Bracken, Varona, 1991]. Для подсчета результата индекса вычислялся средний балл по всем суждениям.

Для измерения *общей самооценки* использовалась шкала Розенберга [Rosenberg, 1965], состоящая из десяти суждений типа «В целом я удовлетворен собой», с которыми респондент должен согласиться или не согласиться, используя пятибалльную шкалу. *Удовлетворенность жизнью* оценивалась с помощью прямого вопроса «Насколько Вы удовлетворены своей жизнью в целом в настоящее время?» с применением семибалльной шкалы [Campbell, Converse, Rodgers, 1976].

Участники

В исследовании приняли участие 67 студентов московских вузов нетехнических специальностей в возрасте от 17 до 22 лет (13 мужчин), часть из которых получили вознаграждение за участие в виде дополнительного балла к финальной оценке по курсу. 53 респондента прошли оба этапа тестирования.

Результаты и обсуждение

В рамках заполнения идиографической версии шкалы моральных конструктов (ШМК-И), респондентами было сгенерировано 669 биполярных шкал, содержащих 700 уникальных униполярных качеств. В целом можно отметить, что содержание наиболее популярных выявленных конструктов («злой — добрый» упомянуто 23 раза, «безответственный — ответственный» — 12, «лживый — честный» — 10, «эгоист — альтруист» — 8, «ленивый — трудолюбивый» — 8, «грубый — вежливый» — 8) во многом соответствует результатам исследований в сфере «морального характера» [Vauclair, Wilson, Fischer, 2014; Smith, Smith, Christopher, 2007; Aquino, Reed, 2002], где качества генерируются менее трудоемким способом. Однако идиографичность опросника предоставила респондентам возможность оценить себя и других и по ряду довольно оригинальных качеств, таких как «шубы, мясо, загрязнение окружающей среды — любовь к миру, животным», «цена людей высокая — люди расходный материал», «расхлябанность, невоздержанность — умеренность в удовольствиях» и др. Интересно отметить, что метод главных компонент, примененный к индивидуальным репертуарным решеткам, указывает, что большая часть оценок, полученных с помощью ШМК-И, многокомпонентны: почти половина имеет двухфакторную структуру, присутствуют трех- и четырехфакторные решения. Это указывает на более высокую чувствительность нашего инструмента в сравнении с предшествующими разработками [Aquino, Reed, 2002; Jordan, Leliveld, Tenbrunsel, 2015]. Содержательная интерпретация полученных индивидуальных решений представляет собой отдельную задачу, которая останется за пределами данной статьи.

На основании оценок респондентами пяти фигур, где в качестве критериев использовались сгенерированные ими конструкты, были рассчитаны два типа внутриличностных расхождений в моральном плане (между Я-реальным и Я-идеальным — РИ, и Я-реальным и Я-должным — РД), а также обратные показатели моральной самооценки. В целом результаты респондентов (см. табл. 2Б в Приложении 2) демонстрируют действие широко представленного в литературе «эффекта лучше среднего» (см. обзор: [Zell et al., 2020]), то есть полученные средние значения смещены в сторону более благоприятных, в данном случае — более низких, значений.

Процедура заполнения репертуарных решеток характеризуется достаточно высокой когнитивной нагрузкой, а необходимость ручного переноса выявленных конструктов и неоднозначность направления полученных шкал лишь повышают сложность поставленной перед респондентами задачи. Среднее время заполнения опросника составило 38 минут, 75% участников исследования посчитали задание по формулированию моральных качеств скорее трудным или очень трудным. В связи с этим неудивительно, что некоторые респонденты при изначальном или повторном заполнении путали полюса. Это отразилось на полученных показателях надежности-устойчивости, хотя большинство все же успешно справилось с заданием: среднее средних ретестовых корреляций для индивидуальных матриц — 0,66, медиана — 0,81. В то же время обозначенные ошибки при заполнении не оказали серьезного влияния на надежность-устойчивость расхождений (РИ — 0,82, РД — 0,87).

Конвергентная валидность методики проверялась с использованием подшкалы морального самоодобрения¹. Как видно из таблицы 1, инструменты обнаруживают значимую, но умеренную корреляционную связь, означая, что в некоторой степени они измеряют различные аспекты моральной оценки себя.

Таблица 1. Проверка конвергентной и конструктивной валидности ШМК-И

	РИ	РД	РИ (ретест)	РД (ретест)
Моральное самоодобрение	-0,27**	-0,35**	-0,32**	-0,33**
Удовлетворенность жизнью	-0,37***	-0,25**	-0,46***	-0,42***
Общая самооценка	-0,49***	-0,41***	-0,56***	-0,6***

Примечание: ** $p < 0,05$; *** $p < 0,01$. Указаны значения коэффициентов корреляции Пирсона.

Что касается конструктивной валидности (см. табл. 1), во всех случаях обнаружена значимая связь в предсказанном направлении. Интересно отметить, что связь расхождений с общей самооценкой выше, чем с моральным самоодобрением. Это может указывать на то, что респонденты называли не только «традиционно» моральные качества, но любые качества, обладающие для них сильной валентностью. Это подтверждается также и обратной связью от испытуемых: многие отмечали, что для них затруднительно было сфокусироваться именно на моральных качествах в связи с неоднозначностью понимания морали. Также иногда отмечались сложности при выборе конкретных людей из ближайшего или более отдаленного окружения для заполнения фигур «морально безупречного» и «безнравственного» человека, для последнего большинство указало исторических или литературных персонажей. Впрочем, этот факт косвенно подтверждает экологическую валидность инструментария, поскольку статус безусловного морального

¹ Результаты анализа главных компонент указывают на однофакторную структуру инструмента, однако нагрузка для одного из суждений — «совесть редко меня мучает» — оказалась незначимой. После его исключения подшкала показала хорошую внутреннюю согласованность ($\alpha = 0,71$; $\omega = 0,83$), коэффициент асимметрии для этого инструмента составил $-0,33$.

героя или злодея редко является результатом индивидуального опыта и обычно присваивается ретроспективно, в результате длительных процессов формирования культурного консенсуса.

Можно заключить, что идиографический вариант шкалы моральных конструктов показал высокую ретестовую надежность и валидность при расчете саморасхождений. В то же время воспроизводимость результатов заполнения матриц может быть повышена путем компьютеризации тестирования и использования автоматической подстановки сгенерированных конструктов в таблицу оценок. Инструмент отличается высокой когнитивной нагрузкой на испытуемых, однако он позволяет им произвести рефлексивную оценку по наиболее важным для них моральным критериям, а также открывает ряд уникальных возможностей, в частности для исследования систематических различий в содержании и сложности моральных подсистем индивидуальных систем конструктов.

Этап 2

Процедура

Участие во втором этапе исследования предполагало заполнение онлайн-анкеты, содержащей конвенциональную версию шкалы моральных конструктов (ШМК-К), подшкалу морального самоодобрения, инструменты для измерения самооценки, удовлетворенности жизнью, а также чувства стыда и вины за последние две недели и социо-демографический блок. После прочтения приглашения к участию в исследовании и формы информированного согласия респонденты приступали к заполнению анкеты. Конструкты, используемые для измерения моральной самооценки, были представлены в контрбалансированном порядке в целях снижения эффектов переноса (carry over effects).

Инструменты

Для измерения морального самоодобрения, общей самооценки и удовлетворенности жизнью использовались те же инструменты, что и на первом этапе. Кроме того, были измерены моральные эмоции через ответы на вопрос: «Как часто в течение последних двух недель Вы испытывали чувство стыда / или чувство вины?» по пятибалльной шкале от «ни разу» до «очень часто» (по аналогии с [Watson, Clark, Tellegen, 1988]).

Конвенциональная версия шкалы моральных конструктов (ШМК-К), с помощью которой происходило измерение моральной самооценки на данном этапе, включает в себя биполярные конструкты, ранее извлеченные посредством использования техники репертуарных решеток и отобранные на основе частоты их встречаемости, а также частоты встречаемости одного из полюсов и совпадения противоположного полюса по результатам экспертной оценки (в качестве экспертов выступили студенты первого курса). Так, были отобраны все биполярные конструкты, встречающиеся пять раз и более, после чего конструкты, один полюс которых был упомянут более пяти раз, но респонденты разошлись во мнениях по поводу их антонима, были предложены для экспертной формулировки противоположного полюса. Из семнадцати биполярных конструктов, для которых как минимум два из трех экспертов предложили одинаковый противоположный полюс,

для облегчения когнитивной нагрузки на респондентов были отобраны десять, основываясь на соображениях семантического разнообразия и релевантности (исключены, например, конструкты «глупый — умный», «слабый — сильный», «негативный — позитивный» и др.). В остальном структура инструмента сохранялась. В итоге респондентам было предложено оценить пять фигур по восемнадцати шкалам (см. табл. В.3 в Приложении 2), на основе чего были рассчитаны два типа внутриличностных расхождений в моральном плане (между Я-реальным и Я-идеальным — РИ, и Я-реальным и Я-должным — РД).

Участники

В исследовании приняли участие 106 студентов нетехнических специальностей московского вуза в возрасте от 18 до 24 лет (в том числе 15 мужчин), получившие вознаграждение за участие в виде дополнительного балла к финальной оценке по курсу. Учитывая особенности выборки и мотивации респондентов, а также заочную форму заполнения анкеты, полученные данные были проверены на наличие многомерных выбросов и выбросов по времени заполнения, также было проанализировано качество заполнения табличных вопросов для исключения установки на ответ (straightlining), учтены результаты проверок на внимательность. В результате данные всех респондентов оказались соответствующими требованиям и были использованы для анализа.

Результаты и обсуждение

Иллюстративное сравнение описательных статистик конвенциональной и идиографической версий ШМК представлено в таблице В.2 в Приложении 2. Нужно отметить, что максимальное значение для РИ равняется 2,6, а для РД — 3,2 при измерении их с помощью ШМК-К, что значительно ниже, чем показатели 3,4 и 4,5 соответственно для ШМК-И. Средние значения также ниже для ШМК-К, она соответствуют более высокой моральной оценке себя, однако в то же время коэффициент асимметрии для этого варианта шкалы указывает на меньшую скошенность распределения. Конвенциональная версия требует значительно меньше времени и проще в администрировании и обработке данных, что подтверждает высказанное выше предположение о том, что она основана на работе интуитивной и ассоциативной «системы-1». Значительно ниже и когнитивная нагрузка на респондентов: лишь 20% посчитали задание скорее трудным или очень трудным.

На данном этапе исследования представляется возможным проанализировать факторную структуру инструмента для всей выборки, а не для индивидуальных решеток. В таблицах В.3 и В.4 в Приложении 2 представлены результаты анализа главных компонент (косоугольное вращение) на основании матрицы корреляций между расхождениями РИ и РД по восемнадцати качествам с учетом знака. Полученные с использованием метода локтя две двухфакторные структуры напоминают по содержанию «Доброжелательность» и «Добросовестность» в диспозициональной модели личности «Большая Пятерка» [Costa, McCrae, 2008] и факторы «Ориентация на других» и «Выдержка», полученные М. Вебером [Weber et al., 2013] при анализе достоинств характера и добродетелей К. Питерсона и М. Селигмана [Peterson, Seligman, 2004]. Однако нужно обратить внимание, что процент объ-

ясненной двумя факторами дисперсии составляет лишь около 30 %, а для того, чтобы достичь 70 %, необходимо расширение структуры до как минимум восьми факторов. Данные результаты позволяют заключить, что представленные в шкале качества вносят в большой степени уникальный вклад в формирование оценочного суждения о себе в моральном плане.

Конвенциональная версия ШМК обнаруживает значимую корреляционную связь с подшкалой морального одобрения, что указывает на ее конвергентную валидность (см. табл. 2). Что касается конструктивной валидности, обнаружены значимые корреляции с удовлетворенностью жизнью и общей самооценкой в ожидаемом направлении, при этом коэффициент связи последней с РИ почти в два раза выше, чем в случае РД, а моральное самоодобрение, напротив, в большей степени связано с расхождением между Я-реальным и Я-должным. Чувство стыда оказалось значимо связано только с РИ, в то время как чувство вины коррелирует с обоими расхождениями на уровне $p < ,05$.

Таблица 2. Проверка конвергентной и конструктивной валидности ШМК-К

	РИ	РД
Моральное самоодобрение	-0,35***	-0,53***
Удовлетворенность жизнью	-0,29***	-0,29***
Стыд	0,22**	0,06
Вина	0,21**	0,19**
Общая самооценка	-0,45***	-0,26***

Примечание: ** $p < 0,05$; *** $p < 0,01$. Указаны значения коэффициентов корреляции Пирсона.

На основе полученных результатов можно заключить, что ШМК-К отличается довольно высокими показателями валидности, а различия в отношениях между двумя расхождениями и теоретически связанными с ними конструктами, такими как общая самооценка и частота переживания чувства вины, представляет дополнительное обоснование их дифференциации. В то же время внутренняя структура ШМК-К требует дальнейших уточнений на большей по размеру и менее гомогенной выборке.

Выводы

Оценка человеком самого себя как морального субъекта представляется важным предиктором социального поведения индивида, его установок и качества жизни, а также позволяет пролить свет на механизмы конструирования, поддержания и защиты моральной Я-схемы как особого вида социальной идентичности. В рамках данного исследования были разработаны и апробированы инструменты для измерения моральной самооценки — шкала моральных конструктов в идиографической (ШМК-И) и конвенциональной (ШМК-К) версии, заведомо адаптированные для русскоязычных респондентов. ШМК основана на косвенном

измерении и предполагает расчет расхождений между представлениями о своих моральных качествах и личным или общественно принятым идеалом вместо прямой субъективной оценки, при этом в идиографическом варианте респонденты генерируют качества-критерии самостоятельно, а в конвенциональной им представляется список наиболее упоминаемых моральных характеристик человека. Обе версии шкалы оказались значимо связаны с подшкалой морального самоодобрения из опросника самоотчета [O'Brien, 1980] и теоретически релевантными конструктами, что служит свидетельством в пользу их конвергентной и конструктивной валидности.

Важно отметить, что шкала моральных конструктов, особенно в идиографической версии, может быть использована не только для расчета расхождений, но и в качестве имеющего самостоятельную ценность инструмента измерения моральной Я-схемы [Markus, 1977] с фокусом на изучении индивидуальных и социокультурных факторов вариации в содержании личностных конструктов и сложности их структуры.

Видимые различия в средних и показателях разброса представляют первичное подтверждение гипотезы о том, что более длительная и трудоемкая процедура, использованная в ШМК-И, мотивирует более рефлексивную и потенциально более реалистичную оценку своей моральности, в то время как использование ШМК-К приводит к более интуитивным и предвзятым суждениям. В то же время мы предполагали, что косвенное шкалирование должно позволить более эффективно обходить эффекты защиты Я-образа, однако предварительное сравнение показателей асимметрии ШМК и подшкалы морального самоодобрения, основанной на прямом измерении, не предоставляет прямого подтверждения этому предположению.

Интересным результатом стала многокомпонентность обеих версий ШМК, что можно интерпретировать как их большую чувствительность в сравнении с предшествующими инструментами для измерения моральной идентичности и самооценки [Aquino, Reed, 2002; Jordan, Leliveld, Tenbrunsel, 2015; Stets, Carter, 2012]. У обозначенных авторов при использовании меньшего количества качеств неизменно вырисовывается однофакторная структура оценки, что не согласуется ни с исследованиями в сфере многокомпонентности морали [Curry et al., 2019; Graham et al., 2012], ни с положениями теории личностных конструктов о вариативности в мере когнитивной сложности индивидуальных подсистем [Келли, 2000].

Несмотря на то, что анализ содержания моральных категорий не входит в задачу данного исследования, нельзя не отметить, что полученный список, используемый в ШМК-К, а также более высокие коэффициенты связи расхождений и общей самооценки, чем в исследованиях, использующих более ограниченный набор качеств [Jordan, Leliveld, Tenbrunsel, 2015], указывают, что мораль может пониматься обычными людьми, не имеющими специальных познаний в области философии морали, значительно шире, чем позволяют зафиксировать другие инструменты. Преимуществом ШМК также оказывается дифференциация расхождений между восприятием себя, личным идеалом и воспринимаемой нормой, характеризующихся различными паттернами связи с моральными эмоциями, что требует дальнейшего углубленного изучения.

Ограничением данной работы является использование студенческой выборки, для которой, в силу возраста, может быть характерна более высокая степень самоидеализации [Foster, Campbell, Twenge, 2003], свидетельством чему служат довольно низкие средние значения расхождений. Кроме того, можно предположить, что доступность, а, следовательно, и частота упоминаний определенных моральных качеств потенциально отличаются в разных возрастных и статусных группах. Результаты нашего исследования могут послужить для последующего уточнения измерительных инструментов и обнаруженных эффектов с опорой на представления более гетерогенной и многочисленной группы населения.

Таким образом, исследование моральной самооценки в социальных науках находится лишь в начале пути. В своей работе мы постарались предложить будущим исследователям стартовый инструментарий для эмпирической проверки гипотез в этой области.

Список литературы (References)

Девятко И. Ф. Диагностическая процедура в социологии. Очерк истории и теории. М.: Наука, 1993.

Deviatko I. (1993) *The Diagnostic Procedure in Sociology. Essay on History and Theory*. Moscow: Nauka. (In Russ.)

Келли Дж. Психология личности. Теория личных конструктов. СПб.: Речь, 2000.

Kelly G. (2000) *The Psychology of Personal Constructs*. Saint Petersburg: Rech'. (In Russ.)

Козлова И. Н. Личность как система конструктов. Некоторые вопросы психологической теории Дж. Келли // Системные исследования. Ежегодник. М.: Наука, 1976.

Kozlova I. (1976) *Personality as a System of Constructs. Some questions of the psychological theory by G. Kelly. System Research. Yearbook*. Moscow: Nauka. (In Russ.)

Кули Ч. Х. Человеческая природа и социальный порядок. М.: Идея-пресс, Дом интеллектуальной книги, 2000.

Cooley Ch. H. (2000) *Human Nature and the Social Order*. Moscow: Idea-press. (In Russ.)

Тарарухина М. И., Ионцева М. В. Техника репертуарных решеток Дж. Келли // Социология: 4М. 1997. № 8. С. 114—138.

Tararukhina M., Iontseva M. (1997) *Repertoire Grids Technique by G. Kelly. Sociology: 4M*. No. 8. P. 114—138. (In Russ.)

Фрейд З. Продолжение лекций по введению в психоанализ // Фрейд З. Введение в психоанализ: лекции / пер. с нем. М.: Наука, 1989. С. 300—399.

Freud S. (1989) *Continued Introductory Lectures on Psychoanalysis*. In: Freud S. *Introductory Lectures on Psychoanalysis*. Moscow: Nauka. P. 300—399. (In Russ.)

Abend G. (2010) What's New and What's Old about the New Sociology of Morality. In: Hitlin S., Vaisey S. (eds.) *Handbook of the Sociology of Morality*. P. 561—584. New York, NY: Springer. https://doi.org/10.1007/978-1-4419-6896-8_30.

- Alicke M. D., Dunning D. A., Krueger J. I. (2005) *The Self in Social Judgment*. New York, NY: Psychology Press.
- Andrews F. M., Withey S. B. (1976) *Social Indicators of Well-Being: Americans' Perceptions of Life Quality*. Boston, MA: Springer.
- Aquino K., Reed A. II. (2002) The Self-importance of Moral Identity. *Journal of Personality and Social Psychology*. Vol. 83. No. 6. P. 1423—1440. <https://doi.org/10.1037/0022-3514.83.6.1423>.
- Bavel J. J. V., Baicker K., Boggio P. S. et al. (2020) Using Social and Behavioural Science to Support COVID-19 Pandemic Response. *Nature Human Behavior*. Vol. 4. P. 460—471. <https://doi.org/10.1038/s41562-020-0884-z>.
- Bracken B. A., Barona A. (1991) State of the Art Procedures for Translating, Validating and Using Psychoeducational Tests in Cross-Cultural Assessment. *School Psychology International*. Vol. 12. No.1—2. P. 119—132. <https://doi.org/10.1177/0143034391121010>.
- Burke P. J., Stets J. E. (2009) *Identity Theory*. New York, NY: Oxford University Press.
- Campbell A., Converse P. E., Rodgers W. L. (1976) *The Quality of American Life: Perceptions, Evaluations, and Satisfactions*. New York, NY: Russell Sage Foundation.
- Cast A., Stets J. (2016) The Self. In: Abrutyn S. (ed.) *Handbook of Contemporary Sociological Theory*. Cham: Springer. P. 343—365. https://doi.org/10.1007/978-3-319-32250-6_17.
- Coopersmith S. (1981) *Manual of the Coopersmith Self-esteem Inventory*. Palo Alto, CA: Consulting Psychologists Press.
- Costa P., McCrae R. (2008) The Revised NEO Personality Inventory (NEO-PI-R). In: Boyle G. J., Matthews G., Saklofske D. H. (eds.) *The SAGE Handbook of Personality Theory and Assessment*. Vol. 2. Thousand Oaks, CA: Sage. P. 179—198. <https://doi.org/10.4135/9781849200479.n9>.
- Curry O. S., Jones Chesters M., Van Lissa C. J. (2019) Mapping Morality With a Compass: Testing the Theory of 'Morality-As-Cooperation' With a New Questionnaire. *Journal of Research in Personality*. Vol. 78. P. <https://doi.org/106-124>. 10.1016.
- Evans J. St. B. T., Stanovich K. E. (2013) Dual-Process Theories of Higher Cognition: Advancing the Debate. *Perspectives on Psychological Science*. Vol. 8. No. 3. P. 223—241. <https://doi.org/10.1177/1745691612460685>.
- Festinger L. (1957) *A Theory of Cognitive Dissonance*. Evanston, IL: Row, Peterson.
- Fits Wi. H. (1965) *Tennessee Self Concept Scale Manual*. Nashville: Counselor Recordings and Tests.
- Fransella F., Bell R., Bannister D. (2004) *A Manual for Repertory Grid Technique*. Chichester: John Wiley & Sons Ltd.

- Foster J., Campbell W. K., Twenge J. (2003) Individual Differences in Narcissism: Inflated Self-Views Across the Lifespan and Around the World. *Journal of Research in Personality*. Vol. 37. No. 6. P. 469—486. [https://doi.org/10.1016/S0092-6566\(03\)00026-6](https://doi.org/10.1016/S0092-6566(03)00026-6).
- Gergen K. J. (1991) *The Saturated Self: Dilemmas of Identity in Contemporary Life*. New York: Basic Books.
- Giddens A. (1991) *Modernity and Self-Identity*. Cambridge: Polity.
- Gough H. G., Heilbrun A. B. (1983) *The Adjective Check List Manual*. Mountain View, CA: Consulting Psychologists Press.
- Graham J., Haidt J., Koleva S., Motyl M., Iyer R., Wojcik S. P., Ditto P. H. (2012) Moral Foundations Theory: The Pragmatic Validity of Moral Pluralism. Rochester, NY: Social Science Research Network.
- Greene J. D. (2015) The Rise of Moral Cognition. *Cognition*. Vol. 135. P. 39—42. <http://dx.doi.org/10.1016/j.cognition.2014.11.018>.
- Greene J. D., Morelli S. A., Lowenberg K., Nystrom L. E., Cohen J. D. (2008) Cognitive Load Selectively Interferes with Utilitarian Moral Judgment. *Cognition*. Vol. 107. No. 3. P. 1144—1154. <https://doi.org/10.1016/j.cognition.2007.11.004>.
- Headey B. (1981) The Quality of Life in Australia. *Social Indicators Research*. Vol. 9. No. 2. P. 155—181.
- Higgins E. T. (1987) Self-Discrepancy: A Theory Relating Self and Affect. *Psychological Review*. Vol. 94. No. 3. P. 319—340. <https://doi.org/10.1037/0033-295X.94.3.319>.
- Hitlin S. (2008) *Moral Selves, Evil Selves: The Social Psychology of Conscience*. New York, NY: Palgrave Macmillan.
- James W. (1918) *The Principles of Psychology*. Vol. 1. New York: Henry Holt and Co.
- Jordan J., Leliveld M. C., Tenbrunsel A. E. (2015) The Moral Self-Image Scale: Measuring and Understanding the Malleability of the Moral Self. *Frontiers in Psychology*. Vol. 6. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2015.01878>.
- Markus H. (1977) Self-Schemata and Processing Information About the Self. *Journal of Personality and Social Psychology*. Vol. 35. No. 2. P. 63—78. <https://doi.org/10.1037/0022-3514.35.2.63>.
- Mead G. H. (1967) *Mind, Self, and Society*. Chicago: University of Chicago Press.
- Merritt A. C., Effron D. A., Monin B. (2010) Moral Self-Licensing: When Being Good Frees Us to Be Bad. *Social and Personality Psychology Compass*. Vol. 4. No. 5. P. 344—357. <https://doi.org/10.1111/j.1751-9004.2010.00263.x>.
- Mulder L. B., Aquino K. (2013) The Role of Moral Identity in the Aftermath of Dishonesty. *Organizational Behavior and Human Decision Processes*. Vol. 121. No. 2. P. 219—230. <https://doi.org/10.1016/j.obhdp.2013.03.005>.

O'Brien E. J. (1980) The Self-Report Inventory: Development and Validation of a Multidimensional Measure of the Self-Concept and Sources of Self-Esteem. *Doctoral Dissertations 1896 — February 2014*. 1525.

O'Brien E. J., Epstein S. (1988) MSEI: The Multidimensional Self-Esteem Inventory: Professional Manual. Odessa, FL: Psychological Assessment Resources, Inc.

Peterson C., Seligman M. E. P. (2004) Character Strengths and Virtues: A Handbook and Classification. New York, NY: Oxford University Press.

Rogers C. R. (1961) On Becoming a Person. Boston: Houghton Mifflin.

Rosenberg M. (1965) Society and the Adolescent Self-Image. Princeton, NJ: Princeton University Press.

Smith K. D., Smith S. T., Christopher J. C. (2007) What Defines the Good Person? Cross-Cultural Comparisons of Experts' Models with Lay Prototypes. *Journal of Cross-Cultural Psychology*. Vol. 38. No. 3. P. 333—360. <https://doi.org/10.1177/0022022107300279>.

Stets J. E. (2010) The Social Psychology of the Moral Identity. In: Hitlin S., Vaisey S. (eds.) *Handbook of the Sociology of Morality*. New York, NY: Springer. https://doi.org/10.1007/978-1-4419-6896-8_20.

Stets J. E., Carter M. J. (2012) A Theory of the Self for the Sociology of Morality. *American Sociological Review*. Vol. 77. No. 1. P. 120—140. <https://doi.org/10.1177/0003122411433762>.

Swann W. B., Pelham B. W., Krull D. S. (1989) Agreeable Fancy or Disagreeable truth? Reconciling Self-enhancement and Self-verification. *Journal of Personality and Social Psychology*. Vol. 57. No. 5. P. 782—791. <https://doi.org/10.1037/0022-3514.57.5.782>.

Tesser A., Millar M., Moore J. (1988) Some Affective Consequences of Social Comparison and Reflection Processes: The Pain and Pleasure of Being Close. *Journal of Personality and Social Psychology*. Vol. 54. No. 1. P. 49—61. <https://doi.org/10.1037/0022-3514.54.1.49>.

Turner S. (2013) Sociology Rediscovering Ethics. *Society*. Vol. 50. No. 6. P. 602—609. <https://doi.org/10.1007/s12115-013-9718-1>.

Vauclair C.-M., Wilson M., Fischer R. (2014) Cultural Conceptions of Morality: Examining Laypeople's Associations of Moral Character. *Journal of Moral Education*. Vol. 43. No. 1. P. 54—74. <https://doi.org/10.1080/03057240.2013.873365>.

Watson D., Clark L. A., Tellegen A. (1988) Development and Validation of Brief Measures of Positive and Negative Affect: The PANAS scales. *Journal of Personality and Social Psychology*. Vol. 54. No. 6. P. 1063—1070. <https://doi.org/10.1016/j.paid.2013.03.006>.

Watson N., Bryan B. C., Thrash T. M. (2016) Self-Discrepancy: Long-Term Test — Retest Reliability and Test — Criterion Predictive Validity. *Psychological Assessment*. Vol. 28. No. 1. P. 59—69. <https://doi.org/10.1037/pas0000162>.

Weber M., Ruch W., Littman-Ovadia H., Lavy Sh., Gai O. (2013) Relationships Among Higher-Order Strengths Factors, Subjective Well-Being, and General Self-Efficacy — the Case of Israeli Adolescents. *Personality and Individual Differences*. Vol. 55. No. 3. P. 322—327. <https://doi.org/10.1016/j.paid.2013.03.006>.

Zell E., Strickhouser J. E., Sedikides C., Alicke M. D. (2020) The Better-Than-Average Effect in Comparative Self-Evaluation: A Comprehensive Review and Meta-Analysis. *Psychological Bulletin*. Vol. 146. No. 2. P. 118—149. <https://doi.org/10.1037/bul0000218>.

Приложение 1

**Таблица А.1. По какому существенному, с Вашей точки зрения, моральному качеству двое из этих людей сходны между собой и в то же время отличны от третьего?
 Пожалуйста, старайтесь не повторяться**

	I	II	III	IV	V	Полюс сходства	Полюс различия
	Я-Реальное	Я-Идеальное (по моему мнению)	Я-Должное (по мнению других)	*	**		
1.	0	0	0				
2.	0			0	0		
3.		0	0		0		
4.	0		0	0			
5.	0		0		0		
6.			0	0	0		
7.		0	0	0			
8.	0	0		0			
9.		0		0	0		
10.	0	0			0		

Примечание. В этой и следующей таблицах в клетках, обозначенных астерисками, респонденты указывали инициалы самого морально безупречного (*) и самого безнравственного человека (**).

Таблица А.2. Оцените человека из каждого столбца по каждому качеству от 1 до 7

	Различие (1)	Я-Реальное	Я-Идеальное	Я-должное	*	**	Сходство (7)
1.							
2.							
3.							
4.							
5.							
6.							
7.							
8.							
9.							
10.							

Приложение 2

Таблица В.1. **Перевод суждений для подшкалы морального самоодобрения**

Перевод	Оригинал	Версия	Год
Я считаю себя высоконравственным человеком	I regard myself as a highly ethical person	II	1974
Я точно знаю, что хорошо, а что плохо, и веду себя соответственно	I have a firm sense of what is right and wrong, and act accordingly	II	1974
В целом я считаю себя хорошим, порядочным человеком	I regard myself as basically a good and decent person	II	1974
Совесть редко меня мучает (–)	I almost always have a clear conscience concerning my sexual behavior/ How often do you have a clear conscience?	III	1979
Я обычно веду себя порядочно, морально, несмотря на соблазн поступить иначе	I usually do the decent and moral thing, no matter what the temptation to do otherwise	III	1979
Я часто поступал в противоречии с моими ценностями (–)	I have often acted in ways that went against my moral values	III	1979
У меня нет четких жизненных принципов (–)	I lack firm guiding principles	II	1974

Примечание. Было протестировано большее количество суждений, часть из которых была в дальнейшем исключена из-за синонимии. (–) обозначены суждения с обратным кодированием при расчете значений индекса.

Таблица В.2. **Описательные статистики ШМК-И и ШМК-К**

	ШМК-И				ШМК-К	
	РИ	РД	РИ (ретест)	РД (ретест)	РИ	РД
Min	0,6	0,6	0,7	0,5	0,6	0,2
Max	3,4	4,5	3,3	4,5	2,6	3,2
M	1,87	2,38	1,84	2,34	1,4	1,7
SD	0,69	0,87	0,65	0,89	0,46	0,54
Skew	0,69	0,33	0,5	0,25	0,29	0,16

Таблица В.3. **Результаты анализа главных компонент для измерения РИ в ШМК-К**

Конструкт	F1	F2
Злой (1) — Добрый (7)	0,67	0,02
Безответственный (1) — Ответственный (7)	0,3	0,06
Лживый (1) — Честный (7)	0,58	0,03
Эгоист (1) — Альтруист (7)	0,59	-0,12
Ленивый (1) — Трудолюбивый (7)	0,16	0,61
Грубый (1) — Вежливый (7)	0,31	-0,15
Закрытый (1) — Открытый(7)	0,33	0,44
Трусливый (1) — Смелый (7)	0,21	0,63
Смиранный (1) — Упорный (7)	-0,25	0,38
Скупой (1) — Щедрый (7)	0,46	0,09
Корыстный (1) — Бескорыстный (7)	0,67	0,07
Равнодушный (1) — Неравнодушный (7)	0,54	0,06
Несправедливый (1) — Справедливый (7)	0,57	0,14
Неверный (1) — Верный (7)	0,22	0,1
Наглый (1) — Скромный (7)	0,34	-0,65
Нетерпимый (1) — Толерантный (7)	0,23	-0,07
Зависимый (1) — Самодостаточный (7)	0	0,52
Жестокий (1) — Сострадательный (7)	0,55	-0,3

Примечание. Использовалось косоугольное вращение, доля объясненной дисперсии 30%. Нагрузки на фактор выше 0,3 по модулю выделены жирным шрифтом.

Таблица В.4. **Результаты анализа главных компонент для измерения РО в ШМК-К**

Конструкт	F1	F2
Злой (1) — Добрый (7)	0,73	0,03
Безответственный (1) — Ответственный (7)	0,23	0,6
Лживый (1) — Честный (7)	0,5	0,22
Эгоист (1) — Альтруист (7)	0,54	0,09
Ленивый (1) — Трудолюбивый (7)	0,29	0,55
Грубый (1) — Вежливый (7)	0,57	-0,07
Закрытый (1) — Открытый(7)	0,41	-0,12
Трусливый (1) — Смелый (7)	0,25	0,43
Смиранный (1) — Упорный (7)	-0,31	0,57
Скупой (1) — Щедрый (7)	0,56	-0,11
Корыстный (1) — Бескорыстный (7)	0,57	-0,01
Равнодушный (1) — Неравнодушный (7)	0,45	0,3
Несправедливый (1) — Справедливый (7)	0,23	-0,04
Неверный (1) — Верный (7)	0,43	0,08
Наглый (1) — Скромный (7)	0,57	-0,25
Нетерпимый (1) — Толерантный (7)	0,02	0,36
Зависимый (1) — Самодостаточный (7)	-0,17	0,71
Жестокий (1) — Сострадательный (7)	0,65	0,01

Примечание. Использовалось косоугольное вращение, доля объясненной дисперсии 32%. Нагрузки на фактор выше 0,3 по модулю выделены жирным шрифтом.

DOI: [10.14515/monitoring.2021.2.1818](https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.2.1818)

О. Р. Михайлова

ВОЗМОЖНОСТИ ПРИМЕНЕНИЯ ЭГО-СЕТЕВОГО АНАЛИЗА ДЛЯ ИЗУЧЕНИЯ РАСПРОСТРАНЕНИЯ МОРАЛЬНОЙ ПАНИКИ НА МЕЖИНДИВИДУАЛЬНОМ УРОВНЕ

Правильная ссылка на статью:

Михайлова О. Р. Возможности применения эго-сетевого анализа для изучения распространения моральной паники на межиндивидуальном уровне // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2021. № 2. С. 28—47. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.2.1818>.

For citation:

Mikhaylova O. R. (2021) The Perspectives of Ego-Network Analysis in the Moral Panic Propagation Studies on the Interpersonal Level. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 2. P. 28–47. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.2.1818>. (In Russ.)

ВОЗМОЖНОСТИ ПРИМЕНЕНИЯ ЭГО-СЕТЕВОГО АНАЛИЗА ДЛЯ ИЗУЧЕНИЯ РАСПРОСТРАНЕНИЯ МОРАЛЬНОЙ ПАНИКИ НА МЕЖИНДИВИДУАЛЬНОМ УРОВНЕ

*МИХАЙЛОВА Оксана Рудольфовна — аспирантка аспирантской школы по социологическим наукам, стажер-исследователь Центра исследований современного детства, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия
E-MAIL: oxanamikhailova@gmail.com
<https://orcid.org/0000-0002-0236-6992>*

Аннотация. Моральная паника возникает в результате веры в существование людей, поведение которых якобы не согласуется с текущими моральными нормами и тем самым угрожает сохранности социума. Будучи предложенным С. Козном в конце XX века, это понятие не нашло устойчивого места в лексиконе социальных наук, в том числе из-за трудностей его операционализации и последующего измерения.

В статье мы обсуждаем перспективы, открываемые перед исследованиями моральной паники эго-сетевым анализом. Мы опираемся на определение данного понятия через веру в современную легенду и используем социально-психологический подход к его изучению. На примере моральной паники относительно ожирения мы подробно анализируем методические решения, которые требуется принять при сборе и анализе данных с использованием эго-сетей в рамках биографических интервью. В заключение делаются выводы относительно преимуществ, которыми обладает предложенная в статье методология, и обсуждаются

THE PERSPECTIVES OF EGO-NETWORK ANALYSIS IN THE MORAL PANIC PROPAGATION STUDIES ON THE INTERPERSONAL LEVEL

*Oxana R. MIKHAYLOVA¹ — Ph. D. student (Sociology); Research Assistant at the Centre for Modern Childhood Studies
E-MAIL: oxanamikhailova@gmail.com
<https://orcid.org/0000-0002-0236-6992>*

¹ National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia

Abstract. Moral panic is a collective reaction that stems from a belief in the existence of people whose behavior contradicts social expectations and therefore threatens societal safety. This concept, while being proposed by Stanley Cohen at the end of the 20th century, has not yet gained a stable position in the social sciences lexicon due to the difficulties of its operationalization and subsequent evaluation.

The paper discusses the perspectives of ego-network analysis for moral panic studies. The author relies on the definition of this concept through belief in a contemporary legend and uses a socio-psychological approach to its analysis. Basing on the example of moral panic about obesity, the author studies the methodological decisions that should be made when collecting and analyzing data using ego-networks in the framework of biographical interviews. In conclusion, the author discusses advantages of the approach proposed in the paper and names methodological and theoretical issues, that need to be addressed for this methodology to be applied in empirical research.

методические и теоретические вопросы, решение которых необходимо для ее полноценного использования.

Ключевые слова: моральная паника, современная легенда, эго-сети, сетевой анализ, глубинное интервью, ожирение, межиндивидуальный уровень

Keywords: moral panic, contemporary legend, ego-networks, social network analysis, in-depth interview, obesity, interpersonal level

Благодарность. Автор выражает благодарность Быкову Андрею Вячеславовичу за комментарии и советы при подготовке статьи, которые способствовали повышению ее качества.

Acknowledgments. The author expresses gratitude to Andrey V. Bykov for his comments and suggestions which helped to improve the quality of this paper.

В последнее время исследователи фиксируют повышение уровня тревожности на индивидуальном и групповом уровнях в связи с различными социально-экономическими стрессорами (такими как пандемия коронавируса, которая внесла существенный вклад в ухудшение психологического благополучия детей и взрослых по всему миру [Salari et al., 2020]). В статье мы обращаемся к изучению механизмов распространения такого коллективного феномена, как моральная паника (МП), возникающего вследствие тревог, испытываемых на групповом уровне [Garland, 2008], и делаем это на примере МП относительно ожирения.

Моральная паника — это результат веры в современную легенду. В свою очередь, современная легенда — это нарратив о том, что существует субъект (группа субъектов, «народные дьяволы»), поведение которого не соответствует текущим моральным нормам и угрожает сохранности общества [Victor, 1998]. Не все типы современных легенд могут вызывать МП: в основу МП ложатся только те из них, что имеют негативный, в некоторых случаях даже стигматизирующий характер. Легенды же, заключающие в себе шуточный нарратив, где не упоминается нанесение серьезного вреда героям, обычно не побуждают массовых страхов и тревог и, скорее, выполняют функцию развлекательной истории, которую рассказывают собеседнику для поддержания непринужденной беседы.

Определяя МП через веру в современную легенду, мы сознательно опускаем дискуссию относительно дефиниций МП, поскольку наша работа имеет методический фокус. Однако исследователи ставят целый ряд вопросов относительно данного концепта. В частности, в литературе по теме обсуждаются трудности операционализации этого понятия, ценностная окрашенность и необходимость ограничения круга эмпирических явлений, к которым оно применяется [David et al., 2011; Михайлова, 2020].

Вклад в распространение МП вносят различные типы акторов: СМИ, «моральные предприниматели»¹, социальные движения, сами «народные дьяволы», го-

¹ Под «моральными предпринимателями» понимаются люди, осознанно и целенаправленно распространяющие современную легенду в рамках МП. Например, активисты, которые верят в то, что Билл Гейтс создал коронавирус, чтобы массово чипировать мировое население, повреждают вышки 5G, считая, что они распространяют коронавирус.

сударство, а также аудитория (публика). Важно оговорить, что данный феномен не является простой суммой сходных индивидуальных эмоциональных состояний, действий, а представляет собой совместное действие [Walby, Spencer, 2011]. То есть МП — это результат конвергенции индивидуальных актов, поэтому изучать его следует с использованием не только психологической, но и социологической оптики.

Современная легенда распространяется в форме слухов, требований, обвинений и предложений относительно того, как необходимо поступить с народными дьяволами. Например, в рамках МП относительно ожирения циркулирует информация о том, что полные люди, будучи виноватыми в своей полноте по причине «нездорового» образа жизни, создают серьезную нагрузку на систему здравоохранения страны, а также становятся обузой для своих родственников и знакомых [Murray, 2008]. Кроме того, они формируют неправильные ориентиры для детей и молодежи, нормализуя наличие лишнего веса. В связи с этим, согласно МП, таких людей необходимо лечить, приводить в форму и всячески способствовать тому, чтобы они похудели и пришли к «нормальному» весу, иначе общество будет продолжать нести издержки, связанные с обеспечением их жизни.

Исследователи рассматривают МП в связи с широким кругом вопросов, касающихся как центральной для этого понятия проблематики (детей и молодежи), так и новых сюжетов (животные, технологические риски, здоровье) [Cohen, 2011; Михайлова, 2020]. Несмотря на динамичное развитие данной научной области, одним из проблемных вопросов остается недостаточность внимания, уделяемого роли аудитории в распространении МП [David et al., 2011]. СМИ не только выступают в качестве первостепенного источника интереса для социальных исследователей, помимо этого аудитория изучается преимущественно лишь с опорой на данные СМИ. Такая стратегия изучения аудитории может давать некорректную информацию о механике явления, что, в свою очередь, мешает предсказанию тенденций его развития. В связи с этим возникает необходимость в разработке способов исследования диффузии МП на микроуровне от «человека к человеку». В данной статье мы предлагаем подход, который позволит решить обозначенную проблему. Мы хотим рассмотреть возможности применения эго-сетевых анализа для измерения распространения этого феномена на межличностном уровне. Эго-сетевой анализ — это техника сбора и анализа персональных связей человека, которая используется в качественных и количественных исследованиях, а также в исследованиях, выполненных смешанными методами. Она уже применялась для анализа распространения различных социальных представлений — например, идеологий/дискурсов/установок [Bernhard, 2018], однако ее возможности для анализа диффузии МП еще не отражены.

Стратегию измерения распространения МП на межличностном уровне мы обсуждаем на примере МП относительно ожирения. Последнее рассматривается некоторыми исследователями как социально сконструированная проблема [Monaghan, Hollands, Prtichard, 2010]. В производстве этой проблемы считаются задействованными СМИ, государство, научное сообщество, специалисты, занимающиеся общественным здоровьем, и люди, которые на индивидуальном уровне выстраивают свою жизнь в соответствии с представлением о существовании

такого феномена, как ожирение. Мы предполагаем, что предметом изучения среди всех акторов МП относительно ожирения при помощи качественных эго-сетевых интервью могут стать индивиды, имплементирующие диетические практики в собственную жизнь. Эти «моральные паникеры» воспроизводят современную легенду об ожирении².

Итак, цель статьи состоит в разработке методологии для изучения распространения МП на межиндивидуальном уровне. Такая методология, как мы надеемся, сделает извлечение информации о восприятии аудиторией паники более валидным и поможет расширить знания исследователей о механизмах диффузии данного явления на межиндивидуальном уровне. Также наша работа раскрывает новую область применения эго-сетевого анализа. Использование эго-сетевого анализа в исследованиях МП, вероятно, создает специфику реализации этой техники, ее более глубокая рефлексия, на наш взгляд, возможна в последующих эмпирических исследованиях.

Далее мы продемонстрируем существующие методические стратегии для анализа динамики МП и теоретические предпосылки применения эго-сетевого анализа для изучения данного явления. После этого подробно представим процедуру интервью с использованием эго-сетевого анализа и те методические выборы, которые возникают перед желающими внедрить эту технику в свой исследовательский проект. В заключении мы обобщим возможности и преимущества представленной в статье методологии, а также предложим направления для дальнейших исследований.

Методические стратегии измерения динамики моральной паники

Исследование динамики МП является одним из теоретических объектов изучения в данной научной области наряду с «моральными предпринимателями», «народными дьяволами», СМИ, социальной культурой контроля, публикой. Динамика МП в большей мере рассматривается в ходе социально-исторических исследований [Deflem, 2019] и анализа СМИ [Мейлахс, 2004; Алексеев, 2017; Ефанов, 2018; Саляхиева, Савельева, 2018]. С измерением динамики распространения МП напрямую связан анализ восприимчивости публики к содержанию современной легенды, который обычно проводится с помощью фокус-групп [Pearce, Charman, 2011], экспериментов [Johnen, Jungblut, Ziegele, 2018], опросов [Schildkraut, Elsass, Stafford, 2015] и этнографии [Flores-Yeffal, Vidales, Martinez, 2019]. Несмотря на то, что перечисленные стратегии решают проблему измерения аудитории МП и позволяют оценить восприятие людьми современной легенды, они обладают двумя значимыми недостатками:

- 1) не позволяют напрямую изучить процесс включения человека в МП;
- 2) не учитывают влияние социального окружения и его различных сетевых характеристик на восприятие человеком современной легенды.

² Мы называем их моральными паникерами, а не моральными предпринимателями, поскольку имеем в виду не только тех людей, кто распространяет МП осознанно, но и тех, кто делает это неосознанно, так как воспроизводит знания/осуществляет практики, свойственные тем, кто верит в современную легенду, лежащую в ядре МП. Таким образом, наше понятие морального паникера включает в себя моральных предпринимателей, а также некоторых представителей публики, распространяющих легенду нецеленаправленно.

В рамках эксперимента тестируется гипотеза идентификации с современной легендой [Johnen, Jungblut, Ziegele, 2018], а в случае фокус-групп для людей создается неестественная ситуация ознакомления с современной легендой и включения в МП [Pearce, Charman, 2011]. Таким образом, в обеих стратегиях анализ распространения МП на межиндивидуальном уровне происходит в искусственно созданной обстановке, что может сказаться на экологической валидности результатов, получаемых по результатам подобных исследований. В тех же работах (опросах [Schildkraut, Elsass, Stafford, 2015], этнографических исследованиях [Flores-Yeffal, Vidales, Martinez, 2019]), где вера в современную легенду измеряется у людей, имеющих к ней отношение, и не создается искусственно, усвоение легенды рассматривается индивидуализированно, то есть не принимается в расчет влияние социального окружения человека, который воспринимает современную легенду, на его отношение к этой легенде (о том, как окружение может влиять на усвоение человеком тех или иных установок, пойдет речь в следующей части статьи). В то же время исследований распространения МП немного, поэтому мы до конца не понимаем, как МП передается от человека к человеку и переходит с макроуровня на микроуровень³.

Понимая два основных недостатка имеющихся стратегий измерений МП, мы предлагаем методическую стратегию измерения распространения МП, которая позволяет справиться с ними. Наше предложение заключается в применении эго-сетевого анализа в качественных биографических интервью⁴. Мы полагаем, что в ходе подобных интервью станет возможным повышение экологической валидности исследований распространения МП, поскольку диффузия анализируется на основе данных, полученных от людей, уже включенных в МП в прошлом или находящихся в ней сейчас. Также такие интервью позволят выяснить, как окружение человека связано с его индивидуальной динамикой веры в современную легенду, чего не позволяли сделать описанные экспериментальные исследования и фокус-группы. Наряду с этим посредством интервью можно определить роль СМИ и моральных предпринимателей в распространении МП. К тому же анализ данных, собранных вышеописанными методами, может производиться не только качественным образом. Это создает предпосылки для построения причинно-следственных связей и прогнозирования. Связи информантов и их степень веры в современную легенду могут быть изучены с применением количественного анализа текстов и сетевого анализа. Для увеличения надежности данных лучше комбинировать сбор информации через интервьюирование с анализом личных документов, таких как дневники, и изучением репрезентаций «народных дьяволов» в СМИ. Далее подробнее остановимся на теоретических предпосылках предлагаемого подхода для измерения распространения МП на межиндивидуальном уровне.

³ Здесь мы специально уточняем, что в данной статье идет речь именно об измерении МП в современном мире, поскольку в прошлом распространение коллективных эмоциональных реакций происходило несколько иным образом [Дмитриев, Сычев, 2014]. До развития современных форм СМИ МП распространялись без их участия. Примером подобного рода МП, которые существовали до современных моральных паник, служит «охота на ведьм».

⁴ Подробнее о теоретических и методологических основаниях биографического метода в социологии можно прочесть в книге «Биографический метод в социологии» [Рождественская, 2012].

Теоретические основания измерения динамики распространения моральной паники на межиндивидуальном уровне с использованием эго-сетевого анализа и биографических интервью

В основе нашего представления о том, что современная легенда, вера в которую инициирует начало МП, может передаваться через непосредственные социальные связи, а не только при помощи СМИ, «моральных предпринимателей» и культуры контроля, лежит социально-психологический подход к изучению МП [Pearce, Charman, 2011]. В рамках этого подхода в исследовательском фокусе находится роль публики в распространении МП. Социальные психологи [ibidem] отмечают недостаточность внимания, уделяемого восприятию публикой данного феномена, в работах, написанных после появления диссертации С. Коэна (одного из авторов теории МП). В его диссертации реакция аудитории изучалась посредством групповых дискуссий и индивидуальных интервью. В вышедших позже работах анализ СМИ редко совмещается с изучением публики, из-за чего восприятие этим агентом паники остается в тени.

Вместе с тем причины, которые лежат за присоединением к МП, неоднозначны: нельзя сказать, что эти паники привлекают больше внимания аудитории, если они апеллируют к эмоциям или направлены на работу с человеком через убеждение, риторические приемы (когнитивный уровень) [Cricher, Pearce, 2013]. Среди сюжетов МП есть те, которые привлекают больше эмоциональной реакции (иммиграция, педофилия, уличные кражи), и те, к которым относятся менее эмоционально (рекреационное потребление психоактивных веществ, секс и насилие в СМИ). Также социальные психологи считают, что объяснить отклик на МП можно процессами групповой динамики. Соответственно, для того чтобы выяснить, почему человек присоединился к панике, необходимо изучить отношения между его группой и группой «народных дьяволов». Как правило, МП позволяет укрепить социальную идентичность обеих групп (паникеров и «народных дьяволов»), поскольку создается позитивный образ интруппы и контрастный, зачастую негативный — аутгруппы. В свою очередь, причины обращения морального паникера к материалам из СМИ предлагается объяснять теорией социальных репрезентаций С. Московичи [Московичи, 1995]. Социальные репрезентации, которые производят СМИ, входят в обиход морального паникера, поскольку помогают лучше ориентироваться в границах своей группы.

Социально-психологическое объяснение формирования МП использовалось в небольшом количестве эмпирических исследований. Работа Дж. Пирс и Э. Чарман показала, что люди, включенные в МП относительно иммигрантов, действительно опираются на репрезентации иммигрантов в СМИ и имеют слабое представление о реалиях жизни этих «народных дьяволов» [Pearce, Charman, 2011]. Эксперимент, проведенный для анализа факторов, способствующих участию в онлайн-МП, продемонстрировал, что субъективное представление о сходстве с людьми, которые уже затронуты паникой, способствует включению в нее [Johnen, Jungblut, Ziegele, 2018].

Дополнить социально-психологическую рамку объяснения МП, на наш взгляд, может сетевой анализ, поскольку в нем существует несколько обоснований (гипотез) того, почему человек оказывается в окружении людей, по тем или иным атрибутам похожих на него (*социальное влияние, социальный отбор, коэволюция*).

Соответственно, эти обоснования потенциально могут помочь в объяснении того, как связаны окружение человека и степень его веры в современную легенду.

Гипотеза социального влияния основана на предположении, что когда между двумя людьми завязываются социальные отношения, со временем, в процессе взаимодействия, они становятся более похожими друг на друга [Friedkin, 2001]. Применительно к изучению МП это означает, что степень веры человека в современную легенду может измениться в результате коммуникации с другими людьми. То есть можно стать частью сообщества морально паникующих людей, изначально не веря в современную легенду, войдя в контакт с одним из них и переняв его установки и практики в ходе взаимодействия.

Гипотеза социального отбора (социальной селекции), в свою очередь, исходит из того, что существуют социальные процессы, влияющие на способность актора сформировать связь [Lazarsfeld, Merton, 1954]. Один из таких процессов — гомотилия (тенденция к формированию связей с похожими на тебя индивидами). Основываясь на теории социального отбора, можно предположить, что люди склонны формировать социальные отношения с теми, кто обладает одинаковой степенью веры в современную легенду. Иными словами, маловероятно стать членом сообщества моральных паникеров, если у тебя нет склонности к вере в легенду или ты в нее уже не веришь.

Козволюционный подход — это третий тип объяснения связи между личностными установками, практиками и социальными контактами [Lazer, 2001]. В рамках этого подхода утверждается, что люди склонны искать баланс между собственными и чужими установками и практиками. Такой баланс может быть установлен несколькими путями:

- 1) при помощи образования связей с похожими на эго альтерами⁵;
- 2) адаптации эго к группе;
- 3) путем комбинации 1 и 2 способов балансировки.

То есть из козволюционного подхода следует, что человек, который имеет склонность к вере или уже верит в современную легенду, может быть предрасположен к включению в сообщество людей, имеющих с ним близкую степень веры. В то же время индивид может адаптировать свою веру к среднегрупповой с течением времени, чтобы лучше интегрироваться в выбранную им социальную группу.

Таким образом, социально-психологический подход к объяснению МП предполагает, что персональные связи могут иметь значение для распространения современной легенды, поскольку люди со схожими опасениями способны формировать группу и укреплять свою идентичность посредством конструирования образа аутгруппы. Распространение современной легенды среди подобных людей может объясняться одним или несколькими из описанных выше сетевых обоснований диффузии установок и поведенческих характеристик. Далее мы опишем процедуру проведения интервью с эго-сетевым анализом, посредством которой можно проверить подобное теоретическое объяснение распространения МП. Проиллюстрируем эту процедуру вопросами, измеряющими МП относительно ожирения.

⁵ Под альтерами в сетевых исследованиях обычно понимаются другие люди/организации/животные и иные субъекты и объекты, с которыми эго строит связи. В данной статье мы в первую очередь называем альтерами людей, входящих в социальное окружение информанта.

Процедура измерения распространения моральной паники на межличностном уровне посредством биографических интервью и эго-сетевого анализа

Эго-сетевой анализ — это техника сбора и анализа социальных связей человека. Мы предлагаем использовать ее именно в качественном интервью для изучения участников МП, поскольку применение эго-сетевого анализа в нем позволит получить более подробное описание характера связей, которые формирует моральный паникер. Нам необходимо добиться как можно более подробного описания отношений информанта с другими людьми, так как фиксация источников получения информации о современной легенде в рамках формализованного интервьюирования может привести к искаженному представлению о порядке ее распространения.

Например, если в рамках опроса мы узнаем, что об опасности ожирения и методах борьбы с лишним весом человек первый раз услышал от своей подруги, то это может привести нас к выводу, что на установки по отношению к своему телу первоначально повлияла подруга респондента. В свою очередь, дополнительные вопросы в процессе неструктурированного качественного интервью могут показать, что подруга получила эти знания об ожирении не от своих знакомых, а читая информацию в онлайн-сообществах, посвященных похудению. Таким образом, наше предположение о том, что установки относительно ожирения распространяются посредством межличностной коммуникации, сделанное на основе результатов опроса, окажется не совсем точным. Конечно, в целях стандартизации и удешевления процедуры исследования можно перевести ее в опросную форму, но лучше пытаться делать это только после проведения серии разведочных исследований, которые позволят сформировать предположения о процессе распространения той или иной МП на межличностном уровне. Эго-сетевой анализ обладает гибкостью в реализации, поэтому далее, помимо общей структуры качественного интервью с применением эго-сетевого анализа, мы подробно опишем исследовательские выборы и их достоинства и недостатки, с которыми сталкивается тот, кто решает использовать эту технику в своей работе.

Мы не будем подробно останавливаться на этом моменте, но до сбора эго-сети информанта необходимо расспросить о его степени веры в современную легенду или выявить ее косвенными методами, например, при помощи анализа личных документов. Далее следует перейти к сбору эго-сетевых данных. Мы считаем, что интервьюирование должно начинаться с выяснения установок информанта по отношению к современной легенде, потому что это в дальнейшем может помочь участнику исследования оценить степень веры в нее альтеров и связи их веры с установками и практиками эго.

Сбор эго-сетевых данных в качественном интервью

Как правило, процедура интервью с использованием эго-сетей начинается с расспроса человека об именах людей, входящих в его социальное окружение (альтеров). Затем исследователи выясняют характеристики альтеров, например, их роли, социально-демографические данные. Далее с информантом обсуждают связи, которые есть между людьми из его окружения. В заключение рисуется

карта окружения информанта и проверяется корректность зафиксированных в ходе интервью связей между эго и его альтерами.

При планировании порядка проведения интервью, если исследователь хочет использовать картирование, необходимо также решить, в какой момент оно будет происходить и кто будет рисовать сеть (интервьюер или информант). Картирование эго-сети может осуществляться до, во время или после интервью. В зависимости от того, в какой момент интервью производится графическое отображение связей информанта, можно получить более или менее расширенные нарративы от участника интервью. Так, предъявление информанту сети в начале интервью, структурированной исследователем на основе нереактивных данных, может привести к искажению всего дальнейшего процесса интервью, поскольку человек будет опираться не на свою логику упорядочивания связей, а на предложенную ему интервьюером.

Не менее значим и выбор субъекта, картирующего связи информанта. От этого зависит агентность данных, которые будут получены в результате исследования. Так же, как и в случае с предъявлением информанту заранее подготовленной карты, интервьюер способен повлиять на логику структурирования связей информантом. Однако иногда все же имеет смысл отдать картирование на откуп интервьюеру, приняв во внимание риски искажения. Если рисовать сеть будет интервьюер, то это позволит ускорить процесс интервьюирования, стандартизировать его, а также поможет при работе с людьми с низким уровнем образования / детьми / информантами с ментальными и физическими особенностями. Например, в ходе интервьюирования людей с деменцией исследователи отмечают необходимость большей вовлеченности интервьюера в проведение беседы, даже выработки дополнительных «поддерживающих» техник ведения разговора [Галкин, 2020].

Наряду с принятием решения о процессе проведения картирования нужно определиться с тем, будет ли ограничиваться количество альтеров, о которых может рассказать информант в ходе интервью. Ограничение количества альтеров, с одной стороны, ведет к ускорению, удешевлению и стандартизации процедуры. С другой стороны, лимитирование человека по количеству альтеров приводит к получению неполной информации о его/ее сети. Далее остановимся подробнее на этапах интервьюирования.

Выявление людей, входящих в социальное окружение информанта

Распрашивание информанта о людях, входящих в его окружение, обычно составляет первый этап сбора эго-сетевых данных. Оно представляет собой вопрос или серию вопросов, направленных на выявление социальных контактов человека (например, *«Назовите, пожалуйста, имена тех людей, с которыми Вы обсуждаете похудение»*).

На этой стадии интервью необходимо определиться с типом и количеством вопросов, которые будут задаваться для выяснения связей человека. В зависимости от типа вопросов, которые спрашиваются у информантов, исследователи получают разные по размерам и степени детализации сети, здесь мы опишем три основных типа вопросов, выделяемых К. Бидарт и Дж. Шарбоне [Bidart, Charbonneau, 2011], а также те виды данных, которые можно получить, пользуясь ими.

Вопросы, позволяющие построить сеть на основе данных о регулярности взаимодействия эго и альтеров. В рамках интервью вопрос такого типа может выглядеть следующим образом: «Подумайте, пожалуйста, о всех людях, с которыми Вы взаимодействуете (например, по телефону, в социальных сетях, в мессенджерах, офлайн), и назовите тех из них, с кем Вы наиболее часто обсуждаете похудение». Такой тип вопросов направлен на получение информации о тех, с кем информант поддерживает отношения на регулярной основе. Он исходит из предположения, что социальное благополучие индивида связано с размером сети, в которую он включен, и частотой контактов с этими людьми [ibid.: 270—272]. Обычно этот тип вопросов используется в исследованиях социальной изоляции индивидов и применяется не только в рамках интервьюирования. Нередко данные о взаимодействиях человека получают от сотовых операторов, провайдеров интернета и т. д. Главный недостаток подобного типа генератора имен — игнорирование людей, с которыми информант редко поддерживает контакты: альтер может быть весьма значимым для эго, несмотря на невысокую частоту контактов с ним. Кроме того, исследования показывают, что социальная изоляция не напрямую связана с размером сети контактов человека, скорее, играет роль субъективная оценка степени собственной изолированности.

Вопросы, позволяющие построить сеть на основе данных о субъективной степени значимости альтеров для эго. Вопрос, соответствующий данному типу в интервью, может выглядеть следующим образом: «Назовите, пожалуйста, имена тех людей, с которыми в последние шесть месяцев Вы обсуждали наиболее значимые для Вас вопросы в сфере похудения». В основе этого типа вопросов лежит задача выяснения наиболее значимых для человека альтеров. Традиция использования таких вопросов зародилась в антропологии и городских исследованиях [ibid.: 272—273]. Основным недостатком такого способа выяснения социального окружения человека является многозначность самого слова «значимость». Как правило, информанты по-своему понимают его, в результате каждый выдает список людей, основанный на собственных представлениях о значимости людей. Вдобавок часто информанты забывают озвучить имена людей, с которыми у них есть негативные связи, то есть тех, кто с их точки зрения мешал, создавал трудности для них.

Для решения проблемы полисемии вопросы, направленные на выявление значимых для человека социальных контактов, советуют операционализировать в виде «батареи», разделенной на отдельные тематические блоки. В нашем случае, отдельно спрашивают у участника исследования о людях, которые были значимы для внедрения в образ жизни ограничительных практик в питании, физических нагрузок, представлений о необходимости корректировки тела и т. д. Искажения, вносимые в данные в связи с неупоминанием в ходе интервью информантом негативных для человека альтеров, могут быть решены путем дополнительных инструкций в процессе интервью. Например, «Скажите, пожалуйста, а был ли кто-то в Вашем окружении, кто скептически отнесся к Вашему желанию начать худеть?».

Вопросы, позволяющие построить сеть на основе данных об обменах, которые осуществляет эго. Такие вопросы в рамках интервью могут носить проспективный или ретроспективный характер. Проспективный вопрос: «Если бы Вам понадоби-

лось получить информацию о похудении, к кому бы Вы обратились с этой просьбой?». Ретроспективный вопрос: «Когда Вы хотели узнать, какой образ жизни необходимо вести для похудения, к кому Вы обращались за советом?». Приведенный тип вопросов был разработан в исследованиях социального капитала, где он использовался для изучения социальной поддержки, которой располагает индивид [ibid.: 273—275]. Чаще всего подобный способ сбора связей эго критикуется с точки зрения аутентичности ситуации, в которую помещают информанта. В этом случае возможность обмена / получения помощи сильно зависит от обстоятельств. Кроме того, считается, что этот способ сбора эго-сетевых данных позволяет измерить только сеть социальной поддержки человека, но не способствует получению информации обо всем его окружении.

Несмотря на то, что каждый из перечисленных способов формирования списка социальных контактов человека обладает определенными недостатками, есть и общая критика, относящаяся к выяснению социальных связей человека посредством интервьюирования его в рамках опроса или качественного интервью. Она касается надежности (риск получения данных с когнитивными искажениями), специфичности (информанты склонны вспоминать только наиболее сильные связи, теряется информация о более слабых связях эго), обобщаемости результатов (неизвестно, упоминает ли информант все связи, которыми он/она обладает в ходе интервью) и цены (интервью занимает несколько часов) [Hogan, Carrasco, Wellman, 2007]. Решение всех этих вопросов — насущная задача для современных методических исследований в области сетевого анализа. Иногда на этой же стадии интервью, после создания списка людей, входящих в окружение информанта одним из перечисленных выше способов или их комбинацией, сгенерированные имена наносятся на карту.

Выяснение характеристик людей, входящих в социальное окружение информанта

После того, как исследователь составил список альтеров информанта, происходит интерпретация названных имен посредством уточнения социально-демографической информации о названных альтерах и других параметров, значимых для исследователя: «*Расскажите, пожалуйста, поподробнее о Саше...*» Например, можно спросить о возрасте, поле, частоте контактов с эго, продолжительности знакомства с ним, а также о профессиональной деятельности альтера [Cullingham, 2013].

Кроме того, интервьюируя информанта о его социальном окружении, мы хотим узнать, как связано это окружение с его/ее верой в современную легенду. Соответственно, на этом этапе нужно уточнить степень веры альтеров морального паникера в современную легенду. Измерение этой степени можно осуществить с помощью батареи-воронки вопросов. То есть начать интервьюирование с отношения к социальной проблеме в целом и таким образом выявить общее содержание современной легенды: «*Скажите, пожалуйста, а Саша тоже считает значимой проблему ожирения для России?*». Затем следует уточнить, как повседневная жизнь альтера соотносится с этой верой. Например, в случае МП, касающейся ожирения, конкретизировать телесные практики альтеров и их отношение к пол-

ным людям: «А как, с Вашей точки зрения, Саша относится к людям „в теле“?»; «Что Саша делает, чтобы держать себя в форме?».

Построение матрицы связей между эго и альтерами

После того как интервьюер получил информацию об альтерах, нужно уточнить связи между альтерами: «Скажите, пожалуйста, а Саша и Лера знакомы между собой?». Можно зафиксировать данные об отношениях между альтерами в виде матрицы либо записать эту информацию в свободной форме. При составлении матрицы связей уточняются отношения между альтерами и эго. Информантов просят рассказать, как, по их мнению, складываются отношения между парами альтеров. На этом этапе исследователю необходимо определиться со способом фиксации наличия связи; выбрав один из критериев: субъективно (в связи с представлениями информанта) или объективно (с опорой на дефиницию, данную исследователем). Субъективное определение наличия связи, с одной стороны, способно обогатить данные исследования смыслами, которые человек вкладывает в понятие связи, с другой стороны, такой подход к фиксации связей усложнит сопоставление кейсов между собой.

Картирование социального окружения информанта

Некоторые аспекты применения картирования уже были затронуты в начале этой статьи, теперь остановимся на нем подробнее. Исследователи, которые проводят интервью с применением эго-сетевого анализа, используют разные рисуночные техники. Эти техники были разработаны в нескольких дисциплинах, поэтому их эффективность в немалой степени зависит от соответствия исследовательскому вопросу. В целом считается, что рисование эго-сети позитивно сказывается на исходе исследовательского процесса. В частности, визуализация эго-сети в качественном интервью:

- 1) улучшает качество данных (работает как дополнительный способ стимуляции памяти информанта);
- 2) облегчает коммуникацию интервьюера и информанта;
- 3) позволяет информанту абстрагироваться и увидеть свое социальное окружение со стороны;
- 4) может быть способом предоставления обратной связи;
- 5) дает дополнительные аналитические возможности (полезна для анализа структуры, выделения групп, типологий, моделей, сравнения эго-сетей во времени) [Molina, Maya-Jariego, McCarty, 2014].

Картирование может быть свободным или делаться с учетом заданной исследователями структуры. Наиболее известный структурированный метод картирования — иерархическое картирование американских психологов Р. Кана и Т. Антонуччи [Kahn, Antonucchi, 1980]. Эта рисуночная техника разработана в психологии развития. Авторы техники выделяют три уровня близости (теоретические и эмпирические), поэтому иерархическое картирование предполагает использование трех концентрических кругов для отображения персональных контактов человека [Molina, Maya-Jariego, McCarty, 2014]. В середине схемы находится слово «Вы», и информантов просят расположить людей, с которыми

они взаимодействуют, на расстоянии от центра круга в зависимости от степени близости отношений, которые информант имеет с тем или иным человеком. Эта техника позволяет понять примерный размер сети и ее распределение с точки зрения близости к респонденту.

Альтернативой структурированным способам картирования выступает свободный дизайн. Исследования демонстрируют, что он подходит для информантов с высоким экономическим статусом, при более низком экономическом статусе применяют структурированные техники [Hollstein, Töpfer, Pfeffer, 2020]. В то же время было выявлено, что информанты предпочитают концентрические круги Р. Кана и Т. Антонуччи свободному дизайну и воронкам. Помимо учета предпочтений информанта при выборе типа техники нужно ориентироваться на исследовательскую задачу.

Кроме того, при разработке стратегии картирования необходимо выбрать между бумажным и электронным сбором информации. Как показало исследование Б. Хогана, Дж. Карраско и Б. Велмана, бумажное картирование дает возможность получения более качественных данных. Также оно надежнее, чем электронное. Помимо этого, в процессе рисования эго-сетей на бумаге люди чувствуют себя включеннее в процесс. Эта процедура пока дешевле электронной и предоставляет дополнительные аналитические возможности [Hogan, Carrasco, Wellman, 2007]. Вместе с тем бумажное картирование требует больших вложений в тренинг интервьюеров, подготовку и сбор оборудования, нежели электронное. Вдобавок нужно много места для размещения полотна, на котором происходит рисование. К тому же эффект интервьюера в процессе бумажного картирования больше, чем при электронном сборе информации. Для того чтобы его уменьшить, Б. Хоган, Дж. Карраско и Б. Велман советуют исследователям разработать как можно более детализированные рекомендации для интервьюеров по процедуре картирования.

Анализ данных качественного эго-сетевого интервью

По результатам сбора данных при помощи качественных эго-сетевых интервью исследователь получает два типа данных (сетевые и нарративные). В научной литературе предлагаются разные способы их анализа. Поскольку в нашем интервью помимо вопросов об эго-сетях выясняется степень веры в МП, то необходимо также разработать стратегию анализа информации, полученной о данном предмете изучения. Это отдельная исследовательская задача, которой мы не будем касаться в данной статье. При анализе данных о социальном окружении, полученных посредством качественных эго-сетевых интервью, следует определиться с соотношением изучения сетевых данных и нарративных: будет ли отдан приоритет информации, полученной исходя из построения эго-сети, нарративных данных, или в равной степени будут учтены оба источника данных.

В первом случае, если делается выбор в пользу анализа эго-сети, а нарративные данные второстепенны, то изучаются структура и композиция полученных эго-сетей [Molina, Maya-Jariego, McCarty, 2014]. Также могут исследоваться группы альтеров, которые выделил сам информант или исследователь на основе характеристик альтеров и их связей, полученных от информанта. Нарративы, в свою очередь, используются как вспомогательный источник информации. Применение

такого подхода может быть удобным для ускорения процедуры анализа, а также стандартизации. Однако в таком случае исследователь теряет смысловую палитру, которую формирует при рассказе о своем окружении информант. В результате ускользает из виду то, как человек рассказывает о своих связях, что в случае сенситивных тем исследования, которые нередко связаны с МП, может обеднить исследовательские выводы.

Во втором случае эго-сеть выступает как инструмент сбора текстовых данных и не анализируется. Поэтому после получения нужных данных аналитик сосредотачивается на текстовых данных, интерпретируя их, исходя из выбранного подхода к анализу текстов [Noack, Schmidt, 2013]. Отказ от анализа эго-сетей может быть связан с необходимостью приобретения дополнительных компетенций для анализа сетевых данных (освоения методов и программ). Вместе с тем, ограничиваясь только интерпретацией текста, исследователь лишается возможности для построения количественных моделей⁶, позволяющих статистически доказать релевантность одного из конкурирующих между собой объяснений распространения МП в сетевом анализе (социальное влияние, социальный отбор, коэволюция). Кроме того, без анализа сетевых данных количественными методами затруднены прогнозы распространения измеряемой МП в будущем.

В третьем случае предлагается одновременно анализировать эго-сети и текстовые данные, описывающие содержание этих сетей. Например, в рамках качественного структурного анализа, в котором скомбинированы принципы сетевого структурного анализа и качественного нарративного анализа данных, процедура анализа включает три этапа [Altissimo, 2016]. Сначала исследователи изучают карту без обращения к нарративу. По результатам анализа карты формулируются предположения о структуре и композиции сети информанта. Затем следует анализ нарратива из интервью, в рамках которого тоже делаются выводы об альтерах эго. В заключение сопоставляются результаты анализа карты и нарратива. После этого результаты, полученные по итогам анализа двух типов материалов, совмещаются и создается резюме кейса.

Поскольку однозначных аргументов в пользу того или иного подхода к анализу данных интервью с применением эго-сетей пока нет, мы предполагаем, что выбор подхода должен зависеть от временных ресурсов, которыми обладает исследователь, поскольку построение эго-сетей требует не только знакомства с соответствующими программами анализа сетевых данных, но и значительного количества времени. Во-вторых, поскольку карта сети человека и его рассказ предоставляют возможности для триангуляции данных, более выигрышна будет комбинация данных в ходе аналитической процедуры, как предлагается в третьем подходе к анализу качественных эго-сетевых данных.

Заключение

Мы рассмотрели возможности, открывающиеся в результате применения эго-сетевого анализа для исследований распространения МП на межличесудивидуальном уровне, руководствуясь определением МП через современную легенду, а также

⁶ Подробнее об основных лонгитюдных моделях в сетевом анализе можно прочитать в [Snijders, 2005; Докука, Валеева, 2015].

иллюстрируя их на примере МП относительно ожирения. Было продемонстрировано, что использование эго-сетей в биографических интервью помогает решить две основные проблемы существующих методических стратегий анализа распространения МП.

Во-первых, предлагаемая нами методическая стратегия подразумевает выяснение истории включения в МП и позволяет напрямую изучить процесс включения человека в этот феномен, а следовательно, выяснить факторы, которые в прошлом способствовали формированию текущей степени веры морального паникера в современную легенду.

Во-вторых, сбор и анализ данных о социальном окружении морального паникера в динамике потенциально может способствовать восполнению наших знаний о том, как социальное окружение таких людей связано со степенью их веры в современную легенду. Эти знания могут формироваться как из качественного анализа данных нарративов, так и из количественной оценки эго-сетей, получаемых по результатам интервьюирования. Кроме того, в случае использования на этапе анализа данных количественных методов лонгитюдного сетевого моделирования становится возможным осуществление прогнозов относительно будущих установок, а также предсказания характеристик окружения человека, способствующих его/ее включению в МП. Такая информация может быть использована не только в исследовательских целях, но и для превенции развития МП. Возможно, что в дальнейшем, используя эго-сети, мы выясним, что в зависимости от типа паники действуют различные механизмы распространения современной легенды. Помимо этого, может быть выявлена степень значимости персональных контактов для распространения разных типов паник. Мы предполагаем, что эго-сетевой анализ также может потенциально ответить на вопрос, почему разные по способам воздействия на аудиторию паники распространяются с соизмеримой скоростью и приобретают сопоставимые масштабы.

Обсуждая применение эго-сетей в биографических интервью для анализа распространения МП, мы также осветили методические выборы, которые необходимо осуществить в процессе подготовки исследования. Эти выборы касаются характера вопросов, задаваемых для определения лиц, входящих в социальное окружение паникера, использования картирования эго-сетей в процессе сбора и анализа данных. Однако мы не останавливались на операционализации степени веры в современную легенду, блок вопросов о которой также должен содержаться в подобном интервью. Этот аспект требует дальнейших исследований, чтобы сформировать полноценный инструментарий для анализа распространения МП на межиндивидуальном уровне.

Список литературы (References)

- Алексеев А. Б. Конструирование моральной паники в политическом дискурсе // Политическая лингвистика. 2017. № 2. С. 55—64.
Alekseev A. B. (2017) Moral Panic in Political Discourse. *Political Linguistics*. No. 2. P. 55—64. (In Russ.)

Галкин К. Особенности нерационального социологического интервью: если у информанта диагноз «деменция» // *Laboratorium: журнал социальных исследований*. 2020. Т. 12. № 2. С. 212—220. <https://www.doi.org/10.25285/2078-1938-2020-12-2-212-220>.

Galkin K. (2020) Features of an “Irrational” Sociological Interview: If the Informant Is Diagnosed with Dementia. *Laboratorium: Russian Review of Social Research*. Vol. 2. No. 12. P. 212—220. <https://www.doi.org/10.25285/2078-1938-2020-12-2-212-220>. (In Russ.)

Дмитриев А., Сычев А. Скандал. Социофилософские очерки. 2014. М.: ЦСП и М. Dmitriev A., Sychev A. (2014) Scandal. Sociophilosophical Essays. Moscow: TsSP and M. (In Russ.)

Докука С. В., Валеева Д. Р. Статистические модели для анализа динамики социальных сетей в исследованиях образования // *Вопросы образования*. 2015. № 1. С. 201—213. <https://www.doi.org/10.17323/1814-9545-2015-1-201-213>.

Dokuka S. V., Valeeva D. R. (2015) Statistical Models for Analysis of Social Network Dynamics in Educational Studies. *Educational Studies*. No. 1. P. 201—213. <https://www.doi.org/10.17323/1814-9545-2015-1-201-213>. (In Russ.)

Ефанов А. А. «Волны» моральных паник в российском обществе 1990—2010-х годов: историко-социологический анализ // *Известия Саратовского Университета. Новая Серия. Серия: Социология. Политология*. 2018. Т. 18. № 1. С. 4—9. <https://www.doi.org/10.18500/1818-9601-2018-18-1-4-9>.

Efanov A. A. (2018) “Waves” of Moral Panics in Russian Society in 1990—2010s: Historical-Sociological Analysis. *Izvestia of Saratov University. New Series. Series: Sociology. Politology*. Vol. 18. No. 1. P. 4—9. <https://www.doi.org/10.18500/1818-9601-2018-18-1-4-9>. (In Russ.)

Мейлахс П. А. Дискурс прессы и пресс дискурса: конструирование проблемы наркотиков в петербургских СМИ // *Журнал социологии и социальной антропологии*. 2004. Т. 7. № 4. С. 135—151.

Meilakhs P. A. (2004) Press Discourse and Pressing of the Discourse: Construction of the Drug Problem in St. Petersburg Mass Media. *Journal of Sociology and Social Anthropology*. Vol. 4. No. 7. P. 135—151. (In Russ.)

Михайлова О. Р. Кто использует понятие моральной паники? Библиометрический анализ научных публикаций. *Социологическое обозрение*. 2020. Т. 19. № 19. С. 351—375.

Mikhaylova O. P. (2020) Who Uses the Moral Panic Concept? A Bibliometric Analysis of Moral Panic Scientific Literature. *The Russian Sociological Review*. Vol. 19. No. 3. P. 351—375. (In Russ.)

Московичи С. Социальные представления: исторический взгляд. *Психологический журнал*. 1995. Т. 16. № 1. С. 3—18.

Moscovici S. (1995) Social Representations: A Historical View. *Psychological Journal*. Vol. 1. No. 16. P. 3—18. (In Russ.)

Рождественская Е. Ю. Биографический метод в социологии. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2012.

Rozhdestvenskaya E. Yu. (2012) *Biographical Method in Sociology*. Moscow: The Higher School of Economics Publishing House. (In Russ.)

Саляхиева Л. М., Савельева Ж. В. Добровольная бездетность в российском обществе и медиа: конструирование социальной проблемы чайлдфри // Научный Татарстан. 2018. № 4. С. 46—61.

Salyakhieva L. M., Savelyeva J. V. (2018) Voluntary Childlessness in Russian Society and Media: Construction of Childfree's Social Problem. *Scientific Tatarstan*. No. 4. P. 46—61. (In Russ.)

Altissimo A. (2016) Combining Egocentric Network Maps and Narratives: An Applied Analysis of Qualitative Network Map Interviews. *Sociological Research Online*. Vol. 21. No. 2. P. 152—164. <https://doi.org/10.5153/sro.3847>.

Bernhard S. (2018) Analyzing Meaning-Making in Network Ties — A Qualitative Approach. *International Journal of Qualitative Methods*. December. <https://doi.org/10.1177/1609406918787103>.

Bidart C., Charbonneau J. (2011) How to Generate Personal Networks: Issues and Tools for a Sociological Perspective. *Field Methods*. Vol. 23. No. 3. P. 266—286. <https://doi.org/10.1177/1525822X11408513>.

Cohen S. (2011) *Folk Devils and Moral Panics*. London: Routledge.

Critcher C., Pearce J. (2013) A Missing Dimension: The Social Psychology of Moral Panics. In: Krinsky Ch. (ed.) *The Ashgate Research Companion to Moral Panics*. P. 371—386. Farnham: Ashgate Publishing.

Cullingham C. M. (2013) *New Mothers' Networks in the Canadian Context: A Combined Methods Investigation into the Characteristics, Function, and Dynamics of First Time Mothers' Social Networks* (Unpublished master's thesis). Calgary: University of Calgary. <https://doi.org/10.11575/PRISM/27096>.

David M., Rohloff A., Petley J., Hughes J. (2011) The Idea of Moral Panic — Ten Dimensions of Dispute. *Crime, Media, Culture: An International Journal*. Vol. 7. No. 3. P. 215—228. <https://doi.org/10.1177/1741659011417601>.

Deflem M. (2019) Popular Culture and Social Control: The Moral Panic on Music Labeling. *American Journal of Criminal Justice*. No. 45. P. 2—24. <https://doi.org/10.1007/s12103-019-09495-3>.

Flores-Yeffal N. Y., Vidales G., Martinez G. (2019) #WakeUpAmerica, #IllegalsAreCriminals: The Role of the Cyber Public Sphere in the Perpetuation of the Latino Cyber-Moral Panic in the US. *Information, Communication & Society*. Vol. 22. No. 3. P. 402—419. <https://doi.org/10.1080/1369118X.2017.1388428>.

Friedkin N. E. (2001) Norm Formation in Social Influence Networks. *Social Networks*. Vol. 3. No. 23. P. 167—189. [https://doi.org/10.1016/S0378-8733\(01\)00036-3](https://doi.org/10.1016/S0378-8733(01)00036-3).

Garland D. (2008) On the Concept of Moral Panic. *Crime, Media, Culture: An International Journal*. Vol. 4. No. 1. P. 9—30. <https://doi.org/10.1177/1741659007087270>.

Hogan B., Carrasco J. A., Wellman B. (2007) Visualizing Personal Networks: Working With Participant-Aided Sociograms. *Field Methods*. Vol. 19. No. 2. P. 116—144. <https://doi.org/10.1177/1525822X06298589>.

Hollstein B., Töpfer T., Pfeffer J. (2020) Collecting Egocentric Network Data With Visual Tools: A Comparative Study. *Network Science*. Vol. 8. No. 2. P. 223—250. <https://doi.org/10.1017/nws.2020.4>.

Johnen M., Jungblut M., Ziegele M. (2018) The Digital Outcry: What Incites Participation Behavior in an Online Firestorm? *New Media & Society*. Vol. 20. No. 9. P. 3140—3160. <https://doi.org/10.1177/1461444817741883>.

Kahn R. L., Antonucci T. C. (1980) Convoys Over the Life Course: Attachment Roles and Social Support. In: Baltes P. B., Brim O. G. (eds.) *Life-Span Development and Behavior*. Vol. 3. P. 253—286. New York: Academic Press.

Lazarsfeld P. F., Merton R. K. (1954) Friendship as a Social Process: A Substantive and Methodological Analysis. *Freedom and Control in Modern Society*. P. 18—66.

Lazer D. (2001) The Co-Evolution of Individual and Network. *Journal of Mathematical Sociology*. Vol. 25. No. 1. P. 69—108. <https://doi.org/10.1080/0022250X.2001.9990245>.

Molina J. L., Maya-Jariego I., McCarty C. (2014) Giving Meaning to Social Networks: Methodology for Conducting and Analyzing Interviews Based on Personal Network Visualizations. In: *Mixed Methods Social Networks Research. Design and Applications*. P. 305—335. Cambridge: Cambridge University Press.

Monaghan L., Hollands R., Prtichard G. (2010) Obesity Epidemic Entrepreneurs: Types, Practices and Interests. *Body & Society*. Vol. 16. No. 2. P. 37—71. <https://doi.org/10.1177/1357034X10364769>.

Murray S. (2008) Pathologizing “Fatness”: Medical Authority and Popular Culture. *Sociology of Sport Journal*. Vol. 25. No. 1. P. 7—21. <https://doi.org/10.1123/ssj.25.1.7>.

Noack A., Schmidt T. (2013) Narrating Networks: A Narrative Approach of Relational Data Collection. *Procedia — Social and Behavioral Sciences*. Vol. 100. P. 80—93. <https://doi.org/10.1016/j.sbspro.2013.10.701>.

Pearce J. M., Charman E. (2011) A Social Psychological Approach to Understanding Moral Panic. *Crime, Media, Culture: An International Journal*. Vol. 7. No. 3. P. 293—311. <https://doi.org/10.1177/1741659011417607>.

Salari N., Hosseinian-Far A., Jalali R., Vaisi-Raygani A., Rasoulpoor Sh., Mohammadi M., Rasoulpoor Sh., Khaledi-Paveh B. (2020) Prevalence of Stress, Anxiety, Depression Among the General Population During the COVID-19 Pandemic: A Systematic Review and Meta-Analysis. *Globalization and Health*. Vol. 16. No. 57. <https://doi.org/10.1186/s12992-020-00589-w>.

Schildkraut J., Elsass H. J., Stafford M. C. (2015) Could It Happen Here? Moral Panic, School Shootings, and Fear of Crime Among College Students. *Crime, Law and Social Change*. Vol. 63. P. 91—110. <https://doi.org/10.1007/s10611-015-9552-z>.

Snijders T. A. (2005) Models for Longitudinal Network Data. In: *Models and Methods in Social Network Analysis*. P. 215—247. New York: Cambridge University Press.

Victor J. S. (1998) Moral Panics and the Social Construction of Deviant Behavior: A Theory and Application to the Case of Ritual Child Abuse. *Sociological Perspectives*. Vol. 41. No. 3. P. 541—565. <https://doi.org/10.2307/1389563>.

Walby K., Spencer D. (2011) How Emotions Matter to Moral Panics. In: Hier S. (ed.) *Moral Panic and the Politics of Anxiety*. London: Routledge. P. 117—130.

DOI: [10.14515/monitoring.2021.2.1830](https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.2.1830)

S. S. Biryukova, O. V. Sinyavskaya

MORE MONEY — MORE BIRTHS? ESTIMATING EFFECTS OF 2007 FAMILY POLICY CHANGES ON PROBABILITY OF SECOND AND SUBSEQUENT BIRTHS IN RUSSIA

For citation:

Biryukova S. S., Sinyavskaya O. V. (2021) More Money — More Births? Estimating Effects of 2007 Family Policy Changes on Probability of Second and Subsequent Births in Russia. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 2. P. 48–72. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.2.1830>.

Правильная ссылка на статью:

Бирюкова С. С., Синявская О. В. Больше денег — больше рождений? Оценка влияния изменений в семейной политике 2007 г. на вероятность рождения второго и последующих детей // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2021. № 2. С. 48—72. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.2.1830>. (In Eng.)

MORE MONEY — MORE BIRTHS? ESTIMATING EFFECTS OF 2007 FAMILY POLICY CHANGES ON PROBABILITY OF SECOND AND SUBSEQUENT BIRTHS IN RUSSIA

Svetlana S. BIRYUKOVA¹ — *Cand. Sci. (Econ.), Editor-translator, Department of Publishing Programs*

E-MAIL: biryukova_s@wciom.com

<https://orcid.org/0000-0003-2626-7021>

Oksana V. SINYAVSKAYA² — *Cand. Sci. (Econ.), Director, Centre for Comprehensive Social Policy Studies, Associate Professor, School of World Economy*

E-MAIL: osinyavskaya@hse.ru

<https://orcid.org/0000-0002-6044-0732>

¹ Russian Public Opinion Reserach Center (VCIOM), Moscow, Russia

² HSE University, Moscow, Russia

Abstract. From 2007 to 2015 total fertility rate in Russia increased from 1.42 to 1.78, following a long period of decline in 1990–1999 and stagnation in 2000–2006. Politicians attribute this growth to a package of pro-natalist policy measures introduced in 2007 and particularly to the maternity (family) capital program, the most well-known innovation of the 2007 reform. Existing studies, although sparse, have not actually proven this point of view clearly yet. This paper aims to reveal whether the pro-natalist measures of 2007 have influenced probability of second and consequent births in Russia. Since in 2007 several family policy measures were introduced simultaneously, and the authors estimate their cumulative effect applying a set of binary logistic regressions on the

БОЛЬШЕ ДЕНЕГ — БОЛЬШЕ РОЖДЕНИЙ? ОЦЕНКА ВЛИЯНИЯ ИЗМЕНЕНИЙ В СЕМЕЙНОЙ ПОЛИТИКЕ 2007 Г. НА ВЕРОЯТНОСТЬ РОЖДЕНИЯ ВТОРОГО И ПОСЛЕДУЮЩИХ ДЕТЕЙ

БИРЮКОВА Светлана Сергеевна — кандидат экономических наук, редактор-переводчик департамента издательских программ, Всероссийский центр изучения общественного мнения, Москва, Россия

E-MAIL: biryukova_s@wciom.com

<https://orcid.org/0000-0003-2626-7021>

СИНЯВСКАЯ Оксана Вячеславовна — кандидат экономических наук, директор, Центр комплексных исследований социальной политики, доцент департамента мировой экономики, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия

E-MAIL: osinyavskaya@hse.ru

<https://orcid.org/0000-0002-6044-0732>

Аннотация. С 2007 по 2015 г. суммарный коэффициент рождаемости в России увеличился с 1,42 до 1,78. Рост показателя произошел после длительного периода его снижения в 1990—1999 гг. и стагнации в 2000—2006 гг. Политики связывают положительную динамику рождаемости с принятием в 2007 г. пакета пронаталистских политических мер, в частности, с программой материнского (семейного) капитала. Однако существующие эмпирические исследования, хотя и немногочисленные, пока не могут с уверенностью подтвердить эту точку зрения. Цель данной статьи — выяснить, повлияли ли пронаталистские меры 2007 г. на вероятность рождения второго и последующих детей в России. Поскольку в 2007 г. был запущен целый

panel of Russian Generations and Gender Survey data collected in 2004, 2007, and 2011. The study reveals that the probability of second and subsequent births before the introduction of policy measures does not differ significantly from that observed after it. The authors find no effect of 2007 family policy changes on probability of second and consequent births in Russia. The data shows some signs of selective influence of the 2007 policy changes on women with lower human capital and incomes, however, further studies on bigger samples are needed to prove this fact. The study extends the academic discussion and adds to the pool of empirical evidence on the pro-natalist policy effects on fertility. By demonstrating no significant effects of Russian 2007 family policy measures the paper contributes to the overcoming of existing publication bias in the field.

Keywords: family policy, pro-natalist policy, Russian Maternity Capital Program, Generations and Gender Survey, Russian Federation

Acknowledgments. The authors are grateful for the support granted to the research within the Basic Research Program at the National Research University Higher School of Economics (HSE).

пакет нововведений в семейной политике, авторы оценивают их совокупный эффект посредством серии бинарных логистических регрессий на панельных данных российской части исследования «Поколения и гендер», собранных в 2004, 2007 и 2011 гг. Согласно полученным результатам, показатели вероятности рождения второго и последующих детей до и после введения мер по стимулированию рождаемости существенно не отличаются. Авторы не обнаружили влияния принятых в 2007 г. изменений семейной политики на динамику рождаемости в России. Проведенный анализ выявил некоторые признаки избирательного воздействия политических мер 2007 г. на рождаемость женщин с более низким человеческим капиталом и доходами, однако для подтверждения этого факта необходимо проведение дальнейших исследований на более крупных выборках. Представленный в статье анализ вносит вклад в продолжение академической дискуссии и дополняет пул эмпирических данных о влиянии пронаталистской политики на рождаемость. Не демонстрируя значимого эффекта мер семейной политики, принятых в России в 2007 г., статья способствует преодолению существующей предвзятости публикаций в этой области.

Ключевые слова: семейная политика, пронаталистская политика, российская программа материнского капитала, исследование «Поколения и гендер», Российская Федерация

Благодарность. Авторы благодарны за поддержку, оказанную исследованию в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ.

Introduction

The question of whether the population, family and, wider, social policies influence fertility occupies the minds of researchers and policy makers for several decades, but still has no clear answer. From the perspective of economic theory of fertility [Becker, 1991], family policy instruments, mainly child benefits and allowances, reduce the costs of having children and thus can contribute to an increase in the number of births. Sociology provides several alternative theoretical explanations, including risk aversion explanation or postponement transition, gender-equity concept, and welfare regime approach [Balbo, Billari, Mills, 2013; Bradshaw, Attar-Schwartz, 2011; Billingsley, 2010]. Despite of the differences among these sociological explanations, they all focus on how various social institutions structure people's life courses and, hence, affect their fertility decisions [Balbo et al., 2013; McDonald, 2000a]. However, most of empirical research focuses on micro-level determinants of reproductive behavior and, furthermore, tries to estimate the effect of separate policy measures (e. g., cash allowances, or formal childcare availability, etc.). Although under certain circumstances (e. g., quasi-experimental or comparative data) this strategy can bring interesting results, it still suffers from the inability to catch the potential complementarity of different policy measures realized simultaneously [Thevenon, 2011].

This question is currently highly relevant for Russia. In 2016, the total fertility rate (TFR) in this country amounted to 1.78 children per woman. The birth rate in the country has been steadily growing since early 2000s up to 2017, yet the most significant increases occurred in 2007, 2008 and 2012. Moreover, in early 2010s the growth of the number of births was mostly associated with an increase in the number of second and subsequent births [Frejka, Zakharov, 2013]. Government officials interpret these processes as an unequivocal indicator of the success of the 2007 family policy measures aimed at supporting families with several children and promoting motherhood, which was only interrupted by economic downturn in the most recent years.

The most well-known instrument is the launch of the maternity (family) capital program; however, the adopted package of policy measures also included an introduction of the lump-sum birth grant and a revision of the maternity and parental leaves and childcare allowances. Very often, the entire increase in TFR is being attributed to the maternal capital program efficiency. However, existing studies do not actually prove this point of view clearly yet [Zakharov, 2013; Tyndik, 2015; Slonimczyk, Yurko, 2014].

In this paper, we attempt to develop this discussion and assess overall effects of the 2007 Russian family policy changes on fertility behavior focusing on second and consequent births. We consider all policy changes introduced in 2007 together as in our opinion it is impossible to separate effects of maternity capital program from effects of all other family policy novelties, and the latter are as important as the former. Therefore, we focus on the following research questions:

- Have the measures of Russian pronatalist policy introduced in 2007 influenced probability of second and consequent births?
- Whether and to what extent their effects on births vary depending on the social and economic characteristics of women?

The paper consists of eight sections. Following this introduction, in Section two, we provide an overview of the family policies launched in Russia in 2007. Section three

discusses the theoretical framework of the studies assessing the effects of family policy measures and briefs existing studies considering Russian case. Section four provides a detailed description of the data and methods used in the study. Section five describes the dynamics of fertility indicators before and after the policy introduction. Moving on to modelling, in Section six we present the descriptive analysis of the data, and in Section seven we review the regression analysis results. Finally, in the last section, we conclude the study and provide space for further discussion on the topic.

An overview of the 2007 policy changes

In 2007, the Russian government introduced a number of family policy changes. Most of them were of a monetary nature and in fact increased well-being of families with children. However, their main officially declared goal was to stimulate the second and subsequent births, and hence they were presented from the pronatalist population policy perspective. Overall, there are four major novelties of the 2007 family policy reform.

First, a lump-sum birth grant for those who had their child born, adopted or fostered was added to the system of family benefits. In case of the birth of two or more children, this grant is paid for each child. The amount of the grant was set at 8,000 rubles in 2007 and due to the annual indexation, it reached 18,004.1 rubles in 2020.

Second, the maximum amount of the monthly allowance paid to working mothers during their maternity leave has been increased almost by 1.5 times, from 16,125 rubles to 23,400 rubles in June 2007. By 2020 due to the annual revision, this upper limit of the allowance amounted to approximately 69,000 rubles per month.

Third, rules of the childcare allowance paid to working women during parental leaves until the child is 1.5 years old also changed. Since 2007, its size equaled to 40 % of the woman's average salary calculated for twelve months preceding the childcare leave, no less than 1,500 rubles for the first child and 3,000 rubles for each of subsequent children, but no more than 6,000 rubles. Before this allowance amounted to 700 rubles for all working women regardless of their salary or of the number of children they had already had. In whole, in 2007 it immediately increased the total amount of payments for each woman getting salary over 15,000 rubles per month approximately by 90,000 rubles for the whole period or by 5,300 rubles monthly for 16—18 months. The rules for setting maximum size of this allowance were once more revised in 2011, and in 2020 the maximum monthly payment reached 27,984.7 rubles¹.

At the same time, from January 2007, a monthly childcare allowance for children under 1.5 years old was extended to non-working women, who received 1,500 rubles per month for the first child and 3,000 rubles for each of the subsequent children. By 2020, due to the annual indexation the minimum amounts of the childcare allowance reached correspondingly 6,752 rubles both for first and any subsequent children.

Finally, fourth, and maybe the best-known novelty of 2007 was the introduction of the maternity (family) capital program². This program was adopted for the period of

¹ For a detailed description of the maternity and parental leave regulations and related benefits see [Sinyavskaya, Billingsley, 2015].

² Later on, in the paper we will be referring to it simply as to *maternity capital program*.

2007—2016³ and aimed at encouraging families to have a second or subsequent child by entitling them to the *maternity (family) certificate*, worth 250,000 rubles in 2007, and indexed by 2020 up to 616,617 rubles. Initially, the certificate money was allowed to be used no earlier than three years after the birth of the child. Generally, families owning the certificates could not get this money in cash. Over the past thirteen years the opportunity to get lump sum payments from the maternity capital was provided several times, during the economic crises' periods, in 2009—2010 (12,000 rubles each year), in 2015 (20,000 rubles), and in 2016 (25,000 rubles). However, apart from that the rules of the program initially allowed using maternity capital funds as a non-cash payment for one of three purposes, namely, (a) to improve family's housing, and this includes both purchase of new housing via mortgage or directly and improvement of the current housing, (b) to pay for the child's education or (c) to invest in the mother's retirement savings. In 2016, this list the government also allowed to (d) spend funds on the purchase of goods and services intended for social adaptation and integration of children with disabilities. In 2020, this program was transformed into a broader social support scheme implying direct financial payments for low-income families at the expense of the certificate; however, within this paper we will focus on the design implemented in 2007—2011.

Altogether these four major novelties of Russian family policy substantially lower childbearing costs and thus constitute a “critical juncture” that might cause changes in fertility behavior [Neyer, Andersson, 2008]. However, almost all of them are cash transfers, unconditional or conditional ones, affecting families at the moment of a childbirth. Although the research proves the more diverse and complex family policy systems to be the more efficient ones [Thevenon, Neyer, 2014], a broader goal of supporting families with children at all stages of their existence has not been recognized in Russia, at least until recently. Problems of reconciliation of childbirth and childcare with mother's employment and hence of early pre-school services availability came to the official governmental discourse just a few years ago. Furthermore, until now these issues remain mainly in the field of rhetoric and do not transform into efficient policy actions. Formal childcare is mostly available for children over three years old, while coverage of children under three was estimated at the level of 18% in 2014/2015 according to Transmonee database [Sinyavskaya, 2017].

The estimates in figure 1 give grounds to assume differentiated effect as well as perception of the adopted policy changes across different socio-economic groups of women or families. Indeed, for non-employed or low-paid women, the cost of the maternal capital certificate exceeds the amount of all other birth-related payments many times, and for them, the maternity capital program becomes the dominant of the reform. To the contrary, for well-paid women employed before the childbirth, the value of all other changes is, at least, comparable, and might be better recognized — since all the allowances are in-cash transfers which affect the current well-being of the families.

³ In 2016, it was prolonged till 2018, and then transformed to a broader program of social support for families with children.

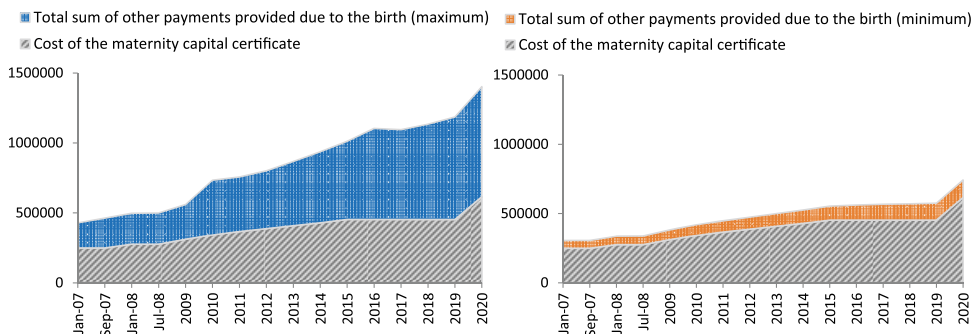

Fig. 1. Comparison of the maternity capital value and other payments provided due to childbirth during the childcare leave in Russian rubles (2007—2020)⁴

Theoretical perspective and previous empirical studies

Measures implemented in Russia in 2007 are essentially cash benefits or financial measures, which are based on the assumption that the main factor of low fertility in this country is low incomes. Hence, by increasing household income the government expected to motivate people to have two or more children. Economic theory, developed by Gary Becker [1991], predicts that the effect of birth-related allowances, which increase household income and decrease direct costs of having children, on fertility would be most probably positive. However, the effect can vary depending on the opportunity costs of having children, which relate to mother's education and labor income [Becker, 1991; Cigno, Ermisch, 1989; Ermisch, 1989]. The only possibility why the allowances might not lead to higher fertility is that families decide to use this money to increase quality of children [Gauthier, 2007]. Though, it can hardly be relevant when we talk about benefits closely related to the moment of childbirth.

The limitation of the classical economic theory of fertility is that it focuses mainly on the completed fertility. In an attempt to overcome this limitation, some models were developed to predict the effect of different policy instruments on the timing of the first births [Cigno, Ermisch, 1989; Walker, 1995]. However, theoretical predictions of the effect of the child allowances on the spacing between births and on the probability of second and subsequent births remain unclear.

The debate about the extent to which family and population policies can influence the reproductive behavior and generate the rise in births in countries with low fertility, has no agreement either in Russia or abroad [see McDonald, 2000b; Sleebos, 2003; Gauthier, 2008; Bongaarts, 2008; Langridge et al., 2012; Zakharov, 2013; Slonimczyk, Yurko 2014, and others]. Results of empirical assessments of the impact of family and population policies on fertility, summarized in several reviews [Sleebos, 2003; Gauthier 2007, 2008], are contradictory both in estimating the direction and the magnitude of the effects of different policy instruments, even when the estimations are based on similar or same data of the same countries, usually the OECD members. Joëlle

⁴ Source: Estimates based on the System Garant and Rosstat data.

Sleebos [2003], summarizing the results of previous research, concludes that direct cash child benefits as well as pro-family tax instruments, in general, have a weak but positive effect on both the TFR and the completed fertility. Anne Gauthier [2007, 2008], in her reviews of the relations between family policy and fertility, claims that there is plenty of empirical evidence of the positive, although small or uncertain, effect of the child allowances on the timing and spacing of births rather than on the final number of births. Angela Luci-Greulich and Olivier Thevenon [2013], testing the impact of various family policy measures on the TFR on the basis of eighteen OECD countries data for 1982—2007, conclude that payments during maternity / parental leave and childbirth allowances have smaller effect than formal child care for children under the age of three or cash benefits for families with children older than one year. Several recent studies of the US Earned Income Tax Credit (EITC) program, based on state-level time-series data on fertility rates, found either very small, limited to some groups of women and temporal positive effect of that program on fertility [Baughman, Dickert-Conlin, 2003; Crump, Goda, Mumford, 2011] or even negative effect of its expansion on high-order births among white women [Baughman, Dickert-Conlin, 2009].

Most of the studies focused on the family policy effects on fertility are based on macro-level data or national time-series data. However, Gerda Neyer and Gunnar Andersson [2008] argue that the influence of the policy instruments on fertility should be based on micro-level individual data.

Anne Gauthier [2007] concludes that most of the micro-level studies also confirm positive effect of cash benefits on fertility, yet there is some variation with respect to the parity. From the perspective of our research, the results of the Kevin Milligan's study [2005] of the effect of the Allowance for the Newborn Children, existed in the Quebec province of Canada in 1988—1997, are quite important. He finds that fertility of families whose childbearing decisions were made exactly during the existence of this allowance increased by 25%. Furthermore, he reveals the higher response to the policy among high income families. Guy Laroque and Bernard Salanié [2008] estimate that adding a child subsidy of 150 euros per month can increase TFR in France by 0.3 percentage point. Alma Cohen and colleagues also observe an increase in fertility in Israel induced by the mean level of governmental child subsidies; they estimate price elasticity of fertility at the level of 0.540 and benefit elasticity equal to 0.192 [Cohen, Dehejia, Romanov, 2013]. Notably, price elasticity is higher for high-income and secular groups, and the positive effect of subsidies on fertility is particularly high for the lowest 50% of households differentiated by income. There is more country-specific research which provides some positive evidence. For instance, Mike Brewer and coauthors [2012] estimate almost 15-percentage increase in births among low-income low-educated British women in response to the introduction of Working Families' Tax Credit and the increased level of means-tested Income Support for families with children. Giovanna Boccuzzo et al. [2008] test the effect of the bonus at birth introduced in Italy in 2000 and then re-oriented toward families with lower incomes in 2004. They find some significant effects of this bonus on the reproductive decisions of low educated women related to higher-order (second and particularly third) births. Robert Drago et al. [2009] studying the introduction of Baby Bonus in Australia in 2004 observe the modest growth of the birth rate in response to this measure. Nick Parr [2011] also

concludes that the effect of the Baby Bonus and Child Care Rebate in Australia are positive but small and much less than the effects of socio-demographic and economic characteristics. Regina Riphahn and Frederik Wijnck [2017], investigating the fertility effect of the 1996 reform of the German child benefit program, obtain results somewhat similar to Kevin Milligan [2005], i. e. find no effect of benefits among low income families and small positive effect among high income families.

Research on the relationship between 2007 family policy measures and fertility in Russia is sparse. There are only two published studies exploring this relationship on the basis of individual micro-data. Sergei Zakharov [2013], using three waves of Russian Generations and Gender Survey (GGG) data, finds that intentions to have another child within three years did not increase from 2004 to 2011 and concludes that the fertility growth shown by the dynamics of TFR was temporal and caused mostly by the birth calendar shifts. Fabián Slonimczyk and Anna Yurko [2014] apply the structural dynamic programming model to the Russian Longitudinal Monitoring Survey (RLMS-HSE) data, with a major focus on the effect of maternity capital measure, which they consider as the most substantial and hence influential 2007 family policy innovation. After including it in the model as a direct and unconditional financial support for families, they find a positive long-term effect of the 2007 policy changes on fertility, at the level of 0.15 children per woman. Also, they do not reveal any significant differential effects of policy on fertility of women living in urban or rural area, with different employment status or educational level. Another study based on the RLMS-HSE data — which was presented within the XXI April International Academic Conference on Economic and Social Development at HSE, although not yet published — applies difference-in-difference approach and shows inconsistent evidence of the impact of the MC policy, ranging from no effect to moderate positive effect [McMullen, Becker 2020].

Data and method

To answer the question on the possible relations between the 2007 family policy changes and subsequent fertility dynamics we use the individual panel data of *Parents and children, men and women in a family and society* survey conducted in Russia (also known as Russian Generations and Gender Survey or Russian GGS). Russian GGS is a part of the international program *Generations and Gender* (GGP)⁵. Three waves of the Russian GGS were conducted by the Independent Institute for Social Policy (IISP) with assistance of the *Demoscope* Research Group and the Max Planck Institute for Demographic Research (MPIDR) in 2004, 2007 and 2011⁶. The period of the survey covers time before and after the 2007 pronatalist family policy measures introduction, and therefore suits well for the aim of this study.

Apart from the GGS, there is only one longitudinal panel survey in Russia that contains information on the wide range of socio-demographic parameters of the population, *Russian Longitudinal Monitoring Survey* (RLMS-HSE). This survey has been

⁵ See more in [Vikat et al., 2008].

⁶ The Survey was held with the financial support of the Russian Pension Fund, the Max Planck Society for the Advancement of Science, Sberbank of Russia, the United Nations Population Fund (UNFPA), the Ford Foundation, and the Victoria Children Foundation. The datasets for the first two waves were harmonized with the international database and might be found at the official GGP website (in English), and all three waves were transferred to the Joint Economic and Social Data Archive (JESDA) of the Higher School of Economics and might be accessed by request (in Russian).

running yearly since 1992, and over the years it has become one of the main sources of information for academic studies focusing on dynamics of major economic, social and humanitarian changes in the country. For several times, as we noted in the literature review above, RLMS-HSE was used to estimate effects of the 2007 demographic policies [Slonimczyk, Yurko, 2014; McMullen, Becker, 2020]. However, since the RLMS-HSE questionnaire covers a wide range of topics, information on a range of demographic parameters, including the detailed structure of household and the exact dates of significant demographic events, is less accurate compared to that registered in the GGS, or even absent, which might be crucial for the analysis. For this reason, in our study we employ the GGS data.

The regression analysis presented in the paper is based on a binary logistic model estimated with full 2004—2011 panel subsample. To evaluate the impact of the family policy measures introduced in 2007, the time elapsed between the first and the third waves of the Russian GGS is divided into two intervals. The first interval covers the period from the time of 2004 survey (June–August) to August 2007, while the second interval lasts from September 2007 up to the time of the 2011 survey (May–November). Thus, all the births occurred in the second interval are planned after the introduction of the 2007 family policy novelties. In this paper, we estimate two sets of models. Set A bases on intervals specified by the calendar of field work described above. However, in this case we end up with the non-equal exposure to risk intervals, where Interval 1 (before policies) lasts approximately 38 months, while Interval 2 (after policies) covers over 50 months. Knowing this, we also estimate Set B — with equal exposure to risk intervals, where Interval 2 closes in October 2010.

In both cases the subsample used in the analysis is limited to women who already had had at least one child at the start of the observation, i. e. at the date of the 2004 survey in this case, reported the date of his or her birth and at the same time had stayed in the reproductive age until the end of the observation period, i. e. until the date of the 2011 survey. The upper limit of reproductive age is set at 49 years old. These conditions reduced the size of the analytical panel sub-sample to 1,196 observations.

To assess the impact of the new family policy measures we reorder the files in the following way. We duplicate cases keeping all women's characteristics for 2004 in the initial lines and rewriting them with the 2007 characteristics in the new ones. After that, we add a dummy variable, which turns 0 for cases referring to the first interval and turns 1 in other cases. We reckon that inclusion of this variable in the regression model together with all control variables allow us to instrumentalize the new measures of family policy introduced in 2007. While assessing the model, we cluster all observations by women's ID in order to avoid the within-panel autocorrelation, or the influence of unobservable characteristics.

The dependent dummy variable is set to 1 if a woman had a second or subsequent child within the observation period and to 0 if she had not.

The set of control variables included into the model consists of two major groups. First, we control for the basic demographic characteristics of the women, namely, age group, age at the time of the first birth, partner status, number of children born by the beginning of the observation period together with the age of the youngest child

at that moment, and area of living (rural or urban). Second, as economic theory of fertility emphasizes the role of socio-economic characteristics of parents in determining family and reproductive behavior [Becker, 1991], we also control for women's educational level, women's employment status and household's income level measured by self-estimation, even though existing research provide contradictory results of the links between these variables and fertility in Russia [see Kohler, Kohler, 2002; Roshchina, Boykov, 2005; Billingsley, 2011; Sinyavskaya, Billingsley, 2015]. To ensure the comparability of results between different groups of women, all characteristics which could have changed over time are measured at the start of each one of the two observation periods. Sample distributions for all control variables is presented in Appendix 1. Now, as we control for all the characteristics mentioned above, the independent testing variable — an *interval* dummy included into the model — should reflect the effects caused by the new 2007 family policy measures.

Dynamics of fertility

Before proceeding to the regression analysis, we follow the dynamics of fertility on macroeconomic level. Generally, according to the official Rosstat data, period indicator of total fertility rate (TFR) in Russia showed negative dynamics in 1990—1999, then it increased slightly in 2000—2004 and went down in 2005—2006. Starting from 2007 and until 2014 period TFR has been growing steadily among both rural and urban women (see fig. 2). The decline observed in the following years occurred on the background of the economic vulnerability, and therefore might not necessarily indicate ineffectiveness of the demographic policies. However, Tomas Frejka and Sergei Zakharov [2014] note that fertility decline in 1990s matches the beginning of the births postponement process in Russia, and hence the subsequent growth the period TFR might be compensatory, and not necessarily be associated with any increase in cohort fertility. At that, the average age of mothers in Russia is still relatively low. According to estimates based on the unpublished Rosstat data, the average age of mothers at the time of the first birth in 2013 reached 25.2 years, and for second and third births it came up, respectively, to 29.5 and 32.2 years⁷. Thus, the current period TFR dynamics might still be linked to the calendar effects leveling.

The same authors point to the high volatility of the period TFR growth in 2007—2014 [Frejka, Zakharov, 2014]. Indeed, in 2006—2007 its increase amounted to 8.5% of the coefficient value in the first of the two years, in 2010—2011 it made only 1%, in 2011—2012 again rose by 6.8%, and in 2013—2014 increased just by 3.3%. Such fluctuations may indicate instability of the observed trend. Still, the official statistics data has not once detected any fertility decline in 2007—2014.

If we consider the frequencies of the second and consequent births in the GGS subsamples constructed for this study, we observe increase in their number within non-equal exposure to risk intervals and decrease — within equal (see table 1). However, in both cases the change in proportion of women who had second or subsequent child within the observation period is statistically insignificant.

⁷ The estimates were kindly provided by Alla Makarentseva (Institute for Social Analysis and Prediction at Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration), contact via makarentseva-ao@ranepa.ru.

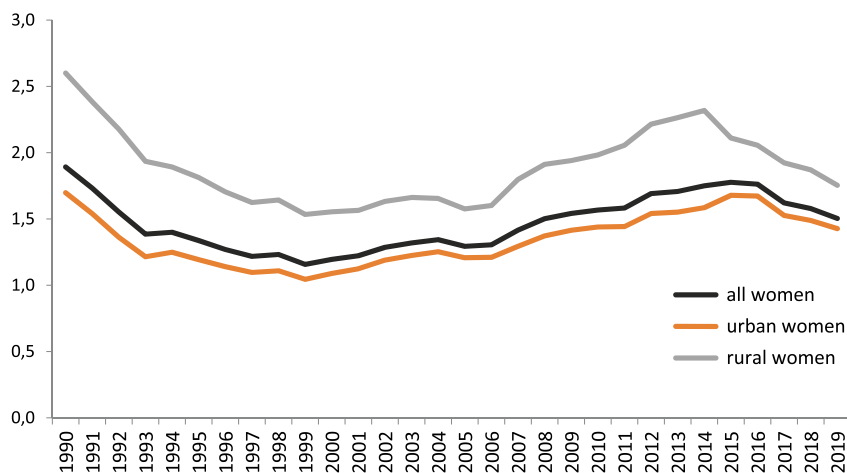

Fig. 2. Period total fertility rate dynamics in Russia, 1990—2019⁸

Table 1. **Frequencies of second and subsequent births in the panel sample***

	Interval 1		Interval 2a Non-equal exposure to risk		Interval 2b Equal exposure to risk	
	Abs.	Sample %	Abs.	Sample %	Abs.	Sample %
A woman had not another child born	1115	93.2	1104	92.3	1126	94.2
A woman had another (second or subsequent) child born	81	6.8	92	7.7	70	5.8
Total	1196	100.0	1196	100.0	1196	100.0

Differences in the distributions are not statistically significant

*Source: Calculations based on the Russian GGS data.

Descriptive analysis of sample group differences

Before moving on to the modelling effects we study socio-demographic composition of our samples and estimate the differences observed between women who had or had not a second or subsequent child within the observation period.

The principal feature of the panel sample is its aging from the first observation interval to the second one. It shifts upwards women's age structure in the second observation interval, and influences distribution of women by the age of the youngest child at the start of the second observation period and by total number of their children. Hence, women in the second interval have lower chances of a new birth, particularly if they had given a birth in 2004 — September 2007.

Besides, due to sample attrition the proportions of rural population in the samples are significantly higher than the proportion of rural population reported by Rosstat

⁸ Source: Rosstat data.

for the country as a whole (see table A1 in Appendix)⁹. We attribute this to the higher mobility of the urban population [Evsyukov, Zhukova, 2012], especially in terms of local (intra-settlement) mobility. Therefore, urban citizens have on average lower chances of staying in the panel sample. This effect in a certain sense counteracts the sample ageing: since fertility in Russia is higher in rural areas, this might lead to overestimation of second and third births' frequencies in the data.

We also observe some differences between the two groups of interest, namely, the women who had a second or subsequent child within the observation period and those who had not. The most obvious difference concerns age composition of these groups (see fig. 3). The distribution of the women who had not a second or consequent child is shifted toward older ages. Those of the women who had a child seems to be symmetric and centered around the age of 28—30 years in the first observation interval, and they become more rambling in the second interval. This could probably indicate some behavioral changes occurring under the influence of the family policy measures.

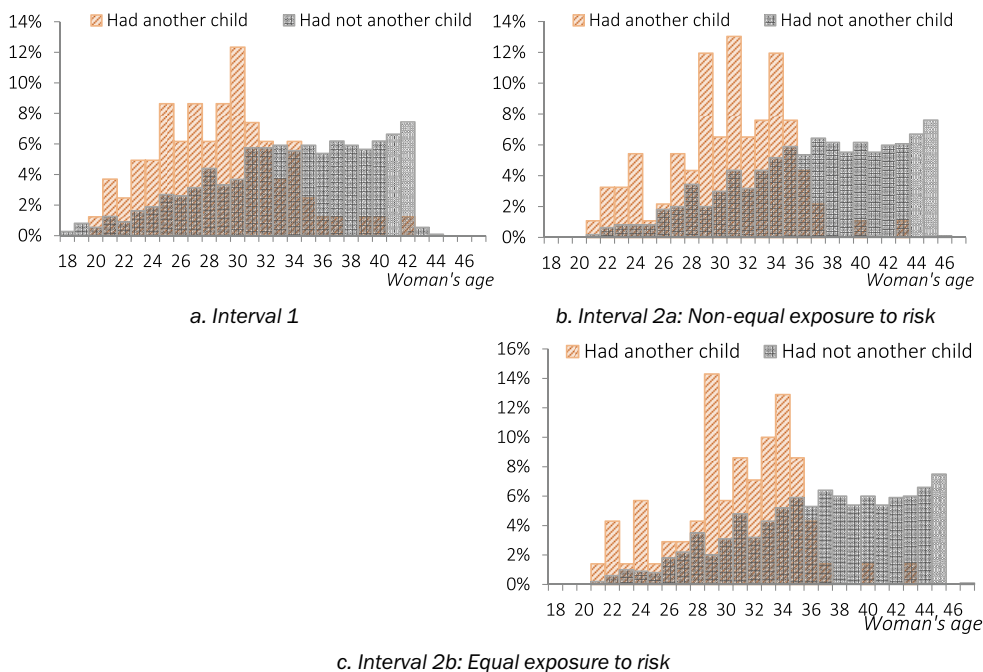

Fig. 3. Age distribution of women who had and had not another child born at the beginning of the observation period¹⁰

Another important distinction between women who had and had not a second or consequent child is related to their educational level; we observe significant educational differences both in the first and in the second interval between these groups.

⁹ According to the 2010 Census data, proportion of rural population in Russia came down to 26.3%.

¹⁰ Source: Calculations based on the Russian GGS data.

Specifically, in the first interval we discover higher proportion of women with basic post-secondary vocational education (ISCED 4) among those who had another child — 18.5% against 10.2% among women who had not a child (see fig. 4). The difference is significant at the 0.05 level. In the second interval this gap between the two groups of women widens, and the difference concerning ISCED 4 education level becomes significant at the 0.01 level both in non-equal and equal exposure to risk intervals, while other differences remain insignificant. Generally, these results may indicate a slight shift towards lowering relative educational level of women having second or subsequent children.

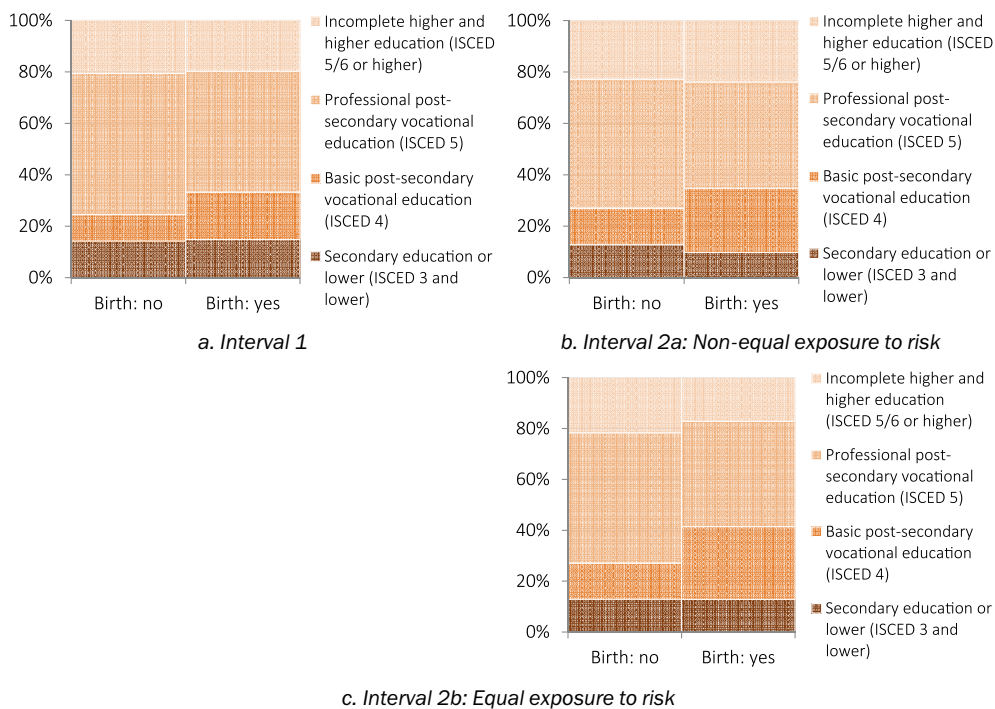

Fig. 4. Composition of women who had and had not another child born by education level at the beginning of the observation period¹¹

The results of the descriptive analysis presented above shed light on some possible correlations between important socioeconomic variables and birth occurrence and allow us assuming possible heterogeneity of response to the family policy package among women with different human capital (education level), or selective policy influence. However, we need to control other important characteristics to make any firm conclusion about factors influencing births.

¹¹ Source: Calculations based on the Russian GGS data.

Regression analysis results

To find out if the 2007 policy changes had any significant impact on fertility, we estimated a binary logistic regression on the basis of the two panel samples of female respondents (see Section four for details). We estimate models A1 and A2 for non-equal exposure to risk intervals and B1 and B2 for equal intervals.

The woman's age expectedly appears to be one of the strongest factors influencing the probability of having a second or subsequent child within the observation period in all models, and the effect remain stable when we shift from one observation interval to another (see table 2). Generally, the higher is the age at the beginning of the observation, the lower are the chances to have another baby, though we observe almost no difference between groups of 25—29 and 30—34-year-olds. The chances for women aged 35—39 are over 7 times lower, and for women over 40 years old — 25 times lower compared to the youngest group.

Table 2. **Odds ratios for second and subsequent births' occurrence. Estimates from the binary logistic regression models**

		Interval 2a Non-equal exposure to risk		Interval 2b Equal exposure to risk	
		Model A1	Model A2	Model B1	Model B2
Area of living	Urban (REF)	REF	REF	REF	REF
	Rural	1.25 (.22)	1.24 (.22)	1.36* (.25)	1.31 (.24)
Age of a woman at the start of observation	18–24 years old (REF)	REF	REF	REF	REF
	25–29 years old	0.63 (.19)	0.64 (.20)	0.66 (.21)	0.71 (.22)
	30–34 years old	0.63 (.22)	0.63 (.23)	0.58 (.22)	0.63 (.24)
	35–39 years old	0.14*** (.06)	0.14*** (.06)	0.13*** (.06)	0.14*** (.06)
	40–47 years old	0.04*** (.03)	0.04*** (.03)	0.04*** (.03)	0.04*** (.03)
Number of children a wom- an already had at the start of observation	1 (REF)	REF	REF	REF	REF
	2 or more	0.33*** (.07)	0.33*** (.07)	0.35*** (.08)	0.34*** (.08)
Age of the woman's young- est child at the start of observation	0–1 years old (REF)	REF	REF	REF	REF
	2–3 years old	1.49 (.63)	2.06* (.90)	1.23 (.55)	1.75 (.78)
	4–6 years old	2.52** (1.02)	4.13*** (2.00)	2.32** (.97)	3.90*** (1.96)
	7–15 years old	1.73 (.73)	2.89** (1.45)	1.79 (.78)	3.02** (1.59)
	16 years old and older	1.16 (.73)	1.82 (1.28)	1.52 (.99)	2.38 (1.76)
A woman's partner status at the start of observation	Does not have a partner (REF)	REF	REF	REF	REF
	Has a partner	3.77*** (1.01)	3.77*** (1.01)	3.81*** (1.13)	3.80*** (1.13)

New partner during the observation period	No (REF)	REF	REF	REF	REF
	Yes: found a partner or changed a partner	2.16** (.75)	2.22** (.78)	2.19** (.79)	2.31** (.83)
A woman's highest education level at the start of observation	Secondary education or lower (ISCED 3 and lower, REF)	—	REF	—	REF
	Basic post-secondary vocational education (ISCED 4)	—	2.10** (.68)	—	1.99** (.65)
	Professional post-secondary vocational education (ISCED 5)	—	0.94 (.28)	—	0.81 (.24)
	Incomplete higher and higher education (ISCED 5/6 or higher)	—	1.08 (.37)	—	0.82 (.29)
Household income status (self-estimation) at the start of observation	Hard to make ends meet (REF)	—	REF	—	REF
	Not hard to make ends meet	—	1.10 (.29)	—	1.30 (.35)
A woman's employment status at the start of observation	Working (REF)	—	REF	—	REF
	On a childcare leave	—	2.17** (.82)	—	2.27** (.88)
	Jobless	—	1.45 (.51)	—	1.52 (.55)
	Economically inactive (including studying)	—	0.89 (.24)	—	0.93 (.23)
Interval	Before the introduction of new policy measures (REF)	REF	REF	REF	REF
	After the introduction of new policy measures	1.71*** (.30)	1.70*** (.31)	1.21 (.22)	1.18 (.23)
<i>Pseudo R-squared (McFadden)</i>		.194	.207	.179	.197
<i>Significance of the model</i>		***	***	***	***
<i>Number of observations</i>		2 392 (1 196 clusters)			

*** $p < 0.01$; ** $p < 0.05$; * $p < 0.1$.

Note: Constant was included into the regression but omitted from the table. Source: Calculations based on the Russian GGS data.

Another predictably strong factor of the probability of having a second or subsequent child is woman's partnership status. According to our results, chances of having a second or subsequent child are 3.8 times higher among women who had a partner at the beginning of the observation period. Transition from single status to a relationship or change of a partner over the observation period also has a significant impact on the chances of birth, increasing it by approximately 2.2 times, and the effect remains stable in intervals 1 and 2.

The next factor according to its contribution to fertility is the number of children born by the start of observation and the age of the youngest child. The highest chances to have another child are observed for women with the youngest child approaching the school age, that is, aged 4—6 at the beginning of the observation period. For them

chances are around four times higher compared to women who had a child less than a year ago. Next are women with children of school age, and chances for them are around three times higher compared to women who had a child less than a year ago. However, the coefficients for this category are statistically significant only in the extended models including socio-economic regressors, which might indicate differences in fertility behavior of women coming from different socio-economic groups. The odds ratios estimations coming with other age groups do not gain their significance at all. Additionally, chances to have a baby are significantly lower for women who already have two or more children.

Socio-economic variables generally have weaker influence on birth probabilities. The educational effects are limited to the approximately two times higher chances of having a second or consequent child observed for a group of women with basic post-secondary vocational education (ISCED 4). Coefficients of the employment status (except for *childcare leave* status), as well as of income level and rural-urban differences, are insignificant.

Finally, estimates concerning the independent interval variable, through which we instrumentalized the 2007 policy effect, in the A set of models show that chances of having a second or subsequent child are 1.7 times higher in the second interval than in the first one. However, this effect vanishes once we shift to the equal exposure to risk intervals, i. e. in the Models B the coefficients coming with the interval variable become statistically insignificant.

To check for possible selectivity of the new family policy measures influence within this study, we additionally estimated A models (showing statistically significant policy effects) with interactions between period and woman's educational level, as well as period and woman's employment status, but did not reveal any statistically significant results. However, the scope of such an analysis is strongly limited by the small sample size, and we believe that the hypothesis of selective influence requires further studies.

Conclusions and discussion

This study assesses how a 'critical juncture' [Neyer, Andersson, 2008], i. e. a package of family policy changes introduced in 2007 was related to the fertility behavior in Russia in recent years. Although the maternity (family) capital program is the most well-known innovation of 2007 family policy reform, we argue that it is a mistake to attribute all observed effects only to this measure. Due to very strict rules of using the maternity (family) capital grant, it has a very limited and delayed effect on the families' well-being. We believe that changes introduced in the same year with regard to the system of child benefits, primarily, to the rules of monthly childcare allowance assignment had a much greater impact on disposable income of families with children and should be considered as a major component of the 2007 family policy reform. Since all measures were introduced simultaneously, the only possibility is to estimate their cumulative effect on subsequent fertility behavior.

Our study reveals that, controlling for all demographic and socioeconomic factors, there is a statistically significant increase in the probability of second and subsequent births in September 2007 to Summer 2011 in comparison with the period of Summer 2004 to September 2007 (models A). However, when we use equal durations of expo-

sure to risk before and after 2007, the period effect, although still positive, becomes insignificant (models B). Therefore, based on our data, we can assume that there is no or only weak positive effect of 2007 family policy changes on temporal shifts in fertility. Furthermore, our data do not allow us making any conclusions about completed fertility of the cohorts affected by 2007 family policy reform yet. Therefore, our results are more in line with studies observing only modest financial effects on fertility [Parr, 2011; Riphahn, Wiyneck, 2017], or interpreting the existing fertility increase in terms of compensatory growth or fertility model changes [Zakharov, 2013; Frejka, Zakharov, 2014]. In terms of the demographic effect of the pronatalist policy in Russia, we interpret our results as evidence that the introduced programs of financial support, although rather generous, cannot provide the increase in fertility rates inscribed in national programs and plans. However, this does not diminish their importance, since all the introduced measures increase the well-being of families with children and at the same time force the state to gradually recognize their financial and other material needs. They also promote parenting, and help to create a society generally supporting the upbringing of children.

With regard to the effects of other characteristics of women correlated with fertility outcomes, our study confirms evidence from previous research that demographic factors are more strongly correlated with the probability of second and consequent births than socioeconomic characteristics. Partner status and age are still the most powerful factors in explaining fertility outcomes. Controlling for other characteristics, we do not reveal significant differences in probabilities of having second or subsequent births among urban or rural, employed or unemployed women, with low or average and high incomes. The relations between education level and fertility are not linear.

Although looking at the estimates of the changes in payments (see fig. 1) we expected to find higher response to the 2007 family policy measures among low income families, our results do not confirm this hypothesis. Interactions in the Models A appeared to be insignificant, and GGS data do not allow checking this assumption for separate subsamples. The observed lack of heterogeneity of 2007 family policy effects is consistent with the findings of Slonimczyk and Yurko [2014]. These results may indicate a low potential of the monetary pronatalist measures introduced in 2007.

Our study has several limitations. First, within this paper we do not consider the national welfare or family policy on the whole and use a single-policy approach, which can in fact lead to over- or underestimation of the policy effects [Thevenon, 2011; Neyer, 2013]. However, sociological theory stresses that differences among welfare regimes in the level of decommodification and defamilialization as well as in the coverage by social programs can affect the life courses of individuals including their fertility decisions [Mills, Blossfeld, 2005]. Besides, reviewing the welfare state parameters contributes to the results greatly if we can tell to what extent the policy of our interest builds into the national welfare regime. At the same time, there is a lack of the empirical literature on the potential effects of the welfare state regimes on the fertility [Balbo et al., 2013]. Also, to reveal the effects of the different welfare arrangements on fertility we need a cross-country comparative data [Bradshaw, Attar-Schwartz, 2011]. Furthermore, according to Russian experts, the national welfare policy in this country is still very fragmented and does not match any of the common typologies [Sidorina,

2005]. Finally, we believe that in this study broadening of the policy context would not undermine the conclusions.

Second, we have to admit some methodological shortcomings. We are not able to introduce policy variables in our models directly, which complicates methodology and imposes additional restrictions on the sample under review. Also, the design of this study does not allow us to estimate the final effect of the policy in a change of the parity progression ratios directly, however, since we focus on the second and subsequent births, we do this indirectly. Another important feature is that our analysis covers a relatively short period of four years after the introduction of new family policy measures and does not include years of further fertility growth. In addition, the interval after the policy introduction covers years of economic crisis (2008—2009) which, although was milder in Russia than in the most European countries, could have to some extent affected fertility behavior in the country in short term, and we cannot control for this shock in our study. Finally, limited number of observations and also of events (births) hamper in a more detailed analysis of the factors associated with fertility behavior.

References

- Balbo N., Billari F. C., Mills M. (2013) Fertility in Advanced Societies: A Review of Research. *European Journal of Population. Revue Européenne de Démographie*. Vol. 29. P. 1—38. <https://doi.org/10.1007/s10680-012-9277-y>.
- Baughman R., Dickert-Conlin S. (2003) Did Expanding the EITC Promote Motherhood? *The American Economic Review*. Vol. 93. No. 2. P. 247—251. <https://doi.org/10.1257/000282803321947137>.
- Baughman R., Dickert-Conlin S. (2009) The Earned Income Tax Credit and Fertility. *Journal of Population Economics*. Vol. 22. No. 3. P. 537—563. <https://doi.org/10.1007/s00148-007-0177-0>.
- Becker G. S. (1991) *A Treatise on the Family*. Cambridge, MA: Harvard University Press.
- Billingsley S. (2011) Economic Crisis and Recovery: Changes in Second Birth Rates Within Occupational Classes and Educational Groups. *Demographic research*. Vol. 24. P. 375—406. <https://doi.org/10.4054/DemRes.2011.24.16>.
- Billingsley S. (2010) The Post-communist Fertility Puzzle. *Population Research and Policy Review*. Vol. 29. No. 2. P. 193—231. <https://doi.org/10.1007/s11113-009-9136-7>.
- Boccuzzo G., Caltabiano M., Zuanna G. D., Loghi M. (2008) The Impact of the Bonus at Birth on Reproductive Behaviour in a Lowest-Low Fertility Context: Friuli-Venezia Giulia (Italy), 1989—2005. *Vienna Yearbook of Population Research*. Vol. 6. P. 125—147. <https://doi.org/10.1553/populationyearbook2008s125>.
- Bongaarts J. (2008). What Can Fertility Indicators Tell Us About Pronatalist Policy Options? *Vienna Yearbook of Population Research*. Vol. 6. P. 39—55. <https://doi.org/10.1553/populationyearbook2008s39>.

Bradshaw J., Attar-Schwartz S.H. (2011) Fertility and Social Policy. In: N. Takayama, M. Werding (eds.) *Fertility and Public Policy: How to Reverse the Trend of Declining Birth Rates*. Cambridge, MA: The MIT Press. P. 185—212.

Brewer M., Ratcliffe A., dSmith S. (2012) Does Welfare Reform Affect Fertility? Evidence from the UK. *Journal of Population Economics*. No. 25. P. 245—266. <https://doi.org/10.1007/s00148-010-0332-x>.

Cigno A., Ermisch J. (1989) A Microeconomic Analysis of the Timing of Births. *European Economic Review*. Vol. 33. No. 4. P. 737—760. [https://doi.org/10.1016/0014-2921\(89\)90023-8](https://doi.org/10.1016/0014-2921(89)90023-8).

Cohen A., Dehejia R., Romanov D. (2013) Financial Incentives and Fertility. *The Review of Economics and Statistics*. Vol. 95. No. 1. P. 1—20. https://doi.org/10.1162/REST_a_00342.

Crump R., Goda G. S., Mumford K.J. (2011) Fertility and the Personal Exemption: Comment. *The American Economic Review*. Vol. 101. No. 4. P. 1616—28. <https://doi.org/10.1257/aer.101.4.1616>.

Drago R., Sawyer K., Shreffler K. M., Warren D., Wooden M. (2009) Did Australia's Baby Bonus Increase the Fertility Rate? *Melbourne Institute Working Paper Series*. WP No. 2009n01. URL: <https://econpapers.repec.org/paper/iaeiaewps/wp2009n01.htm> (accessed: 28.04.2021).

Ermisch J. F. (1989) Purchased Child Care, Optimal Family Size and Mother's Employment Theory and Econometric Analysis. *Journal of Population Economics*. No. 2. P. 79—102. <https://doi.org/10.1007/BF00522403>.

Evsyukov A. N., Zhukova O. V. (2012) Migration Rates as Inferred From the 2002 Russian Census. *Russian Journal of Genetics*. No. 48. P. 628—639. <https://doi.org/10.1134/S102279541206004X>.

Frejka T., Zakharov S. V. (2014) Fertility Trends in Russia During the Past Half Century: Period and Cohort Perspectives. *Demographic Review*. No. 1. P. 106—143. (In Russ.) Фрейка Т., Захаров С. В. Эволюция рождаемости в России за полвека: оптика условных и реальных поколений // Демографическое обозрение. 2014. № 1. С. 106—143.

Frejka T., Zakharov S. V. (2013) The Apparent Failure of Russia's Pronatalist Family Policy. *Population And Development Review*. Vol. 39. No. 4. P. 635—647. <https://doi.org/10.1111/j.1728-4457.2013.00631.x>.

Gauthier A. H. (2008) Some Theoretical and Methodological Comments on the Impact of Policies on Fertility. *Vienna Yearbook of Population Research*. Vol. 6. P. 25—28. URL: <https://www.jstor.org/stable/23025491> (accessed: 29.04.2021).

Gauthier A. H. (2007) The Impact of Family Policies on Fertility in Industrialized Countries: A Review of the Literature. *Population Research and Policy Review*. No. 26. P. 323—346. <https://doi.org/10.1007/s11113-007-9033-x>.

Kohler H.-P., Kohler I. (2002) Fertility Decline in Russia in the Early and Mid 1990s: The Role of Economic Uncertainty and Labour Market Crisis. *European Journal of Population. Revue Européenne de Démographie*. No. 18. P. 233—262. <https://doi.org/10.1023/A:1019701812709>.

Langridge A. T., Nassar N., Li J., Jacoby P., Stanley F. J. (2012) The Impact of Monetary Incentives on General Fertility Rates in Western Australia. *Journal of Epidemiology and Community Health*. Vol. 66. No. 4. P. 296—301. <http://dx.doi.org/10.1136/jech.2009.100347>.

Laroque G., Salanié B. (2008) Does Fertility Respond to Financial Incentives? *CESifo Working Paper Series*. No. 2339. URL: <https://ssrn.com/abstract=1157260> (accessed: 29.04.2021).

Luci-Greulich A., Thevenon O. (2013) The Impact of Family Policies on Fertility Trends in Developed Countries. *European Journal of Population. Revue européenne de Démographie*. No. 29. P. 387—416. <https://doi.org/10.1007/s10680-013-9295-4>.

McDonald P. (2000a) Gender Equity, Social Institutions and the Future of Fertility. *Journal of the Australian Population Association*. No. 17. P. 1—16. <https://doi.org/10.1007/BF03029445>.

McDonald P. (2000b) The “Toolbox” of Public Policies to Impact on Fertility — a Global View. *ANU Research Publications*. URL: <https://openresearch-repository.anu.edu.au/bitstream/1885/41446/3/sevilleMcD1.pdf> (accessed: 29.04.2021).

McMullen S., Becker C. (2020) The Impact of the 2007 Maternity Capital Policy in the Russian Federation. Paper presented at the XXI April International Academic Conference on Economic and Social Development, HSE University, Russia. URL: <https://events-files-bpm.hse.ru/files/2F4640E2-14F4-4296-ADA6-AA6D7AA907C3/McMullen,%20Stella%20&%20Becker,%20Charles.pdf> (accessed: 29.04.2021).

Milligan K. (2005) Subsidizing the Stork: New Evidence on Tax Incentives and Fertility. *The Review of Economics and Statistics*. Vol. 87. No. 3. P. 539—555. <https://doi.org/10.1162/0034653054638382>.

Mills M., Blossfeld H.-P. (2005) Globalization, Uncertainty and the Early Life Course: A Theoretical Framework. In: H.-P. Blossfeld, E. Klijzing, M. Mills, K. Kurz (eds.) *Globalization, Uncertainty and Youth in Society: The Losers in a Globalizing World*. London: Routledge. P. 1—24.

Neyer G. (2013) Welfare States, Family Policies, and Fertility in Europe. In: G. Neyer, G. Andersson, H. Kulu, L. Bernardi, C. Bühler (eds.) *The Demography of Europe*. Dordrecht, NL: Springer. P. 29—53. https://doi.org/10.1007/978-90-481-8978-6_3.

Neyer G., Andersson G. (2008) Consequences of Family Policies on Childbearing Behavior: Effects or Artifacts? *Population and Development Review*. Vol. 34. No. 4. P. 699—724. <https://doi.org/10.1111/j.1728-4457.2008.00246.x>.

Parr N. (2011) The Contribution of Increases in Family Benefits to Australia's Early 21st-Century Fertility Increase: An Empirical Analysis. *Demographic Research*. Vol. 25. P. 215—244. <https://doi.org/10.4054/DemRes.2011.25.6>.

Riphahn R. T., Wiyneck F. (2017) Fertility Effects of Child Benefits. *Journal of Population Economics*. No. 30. P. 1135—1184. <https://doi.org/10.1007/s00148-017-0647-y>.

Roshchina Y., Boykov A. (2005) Fertility Determinants in Modern Russia. EERC Working Paper Series. WP No. 05/04. URL: <https://ideas.repec.org/p/eer/wpalle/05-04e.html> (accessed: 29.04.2021).

Sidorina T. Yu. (2005) Two Centuries of Social Policy. Moscow: RGGU. (In Russ.)
Сидорина Т. Ю. Два века социальной политики. М.: Издат. центр РГГУ, 2005.

Sinyavskaya O. (2017) Russian Federation Country Note. In: S. Blum, A. Koslowski, P. Moss (eds.) *International Network on Leave Policies and Research, 2017*. P. 344—351. URL: <https://publications.hse.ru/chapters/214520916> (accessed: 29.04.2021).

Sinyavskaya O., Billingsley S. (2015) The Importance of Job Characteristics to Women's Fertility Intentions and Behavior in Russia. *Genus*. Vol. 71. No. 1. P. 23—59. <https://doi.org/10.4402/genus-542>.

Sleebos J. (2003) Low Fertility Rates in OECD Countries. *OECD Labour Market and Social Policy Occasional Papers*. No. 15. <http://dx.doi.org/10.1787/568477207883>.

Slonimczyk F., Yurko A. (2014) Assessing the Impact of The Maternity Capital Policy in Russia. *Labour Economics*. Vol. 30. P. 265—281. <https://doi.org/10.1016/j.labeco.2014.03.004>.

Thevenon O. (2011) Does Fertility Respond to Work and Family-life Reconciliation Policies in France? In: N. Takayama, M. Werding (eds.) *Fertility and Public Policy: How to Reverse the Trend of Declining Birth Rates*. Cambridge, MA: The MIT Press. <https://doi.org/10.7551/mitpress/9780262014519.003.0010> (accessed: 29.04.2021).

Thevenon O., Neyer G. (2014) Family Policies and Their Influence in Fertility and Labour Market Outcomes. In: O. Thevenon, G. Neyer (eds.) *Family Policy and Diversity in Europe: The State-of-the-art Regarding Fertility, Work, Care, Leave, Laws and Self-Sufficiency*. Families And Societies Working Paper Series. No. 7. P. 2—13. URL: <http://www.familiesandsocieties.eu/wp-content/uploads/2014/12/WP7ThevenonNeyer2014.pdf> (accessed: 29.04.2021).

Tyndik A. O. (2015) Russia's Demographic Agenda: The Structure and Population Change. Moscow: PH 'Delo', RANEPА. Series 'Scientific Reports: Social Policy'. (In Russ.) <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.2568413>.

Тындик А. О. Демографическая повестка современной России: структура и воспроизводство населения. М.: Издательство «Дело», РАНХиГС. Серия «Научные доклады: социальная политика». 2015. <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.2568413>.

Vikat A., Spéder Z., Beets G., Billari F. C., Bühler C., Désesquelles A., Fokkema T., Hoem J. M., MacDonald A., Neyer G. (2008) Generations and Gender Survey (GGS): Towards a Better Understanding of Relationships and Processes in the Life

Course. *Demographic Research*. Vol. 17. P. 389—440. <https://doi.org/10.4054/DemRes.2007.17.14>.

Walker J. R. (1995) The Effect of Public Policies on Recent Swedish Fertility Behavior. *Journal of Population Economics*. Vol. 8. No. 3. P. 223—251. <https://doi.org/10.1007/BF00185251>.

Zakharov S. V. (2013) Stimulating Measures of the Population Policy Had Not Strengthened the Desire of Russians to Have More Children. In: A. G. Vishnevsky (ed.) *Population of Russia 2010—2011*. Moscow: HSE Publishing House. P. 309—317. (In Russ.)

Захаров С. В. Стимулирующие меры демографической политики не усилили желания россиян иметь больше детей // Население России 2010—2011 / под ред. А. Г. Вишневого. М.: Издательский дом ВШЭ, 2013. С. 309—317.

Appendix

Table A1. **Sample distributions for full 2004—2011 panel sample**

		Interval 1		Interval 2	
		column%	abs.	column%	abs.
		100.0	1,196	100.0	1,196
Age of a woman at the start of observation	18–24 years old	7.9	95	3.3	39
	25–29 years old	17.6	211	11.2	134
	30–34 years old	27.3	326	22.0	263
	35–39 years old	27.5	329	28.2	337
	40–47(44) years old	19.7	235	35.4	423
Area of living	Rural	40.6	486	40.6	486
	Urban	59.4	710	59.4	710
Number of children a woman already had at the start of observation	1	50.4	603	44.9	537
	2	49.6	593	53.6	641
	3 or more	—	—	1.5	18
Age of the woman's youngest child at the start of observation	0–1 years old	11.2	134	3.5	42
	2–3 years old	12.0	143	8.3	99
	4–6 years old	16.6	199	16.8	201
	7–15 years old	46.2	552	42.9	513
	16 years old and older	14.1	168	28.5	341
A woman's partner status at the start of observation	Has a partner	75.7	905	75.8	907
	Does not have a partner	24.3	291	24.2	289
New partner during the observation period	Yes: found a partner or changed a partner	7.5	90	5.2	62
	No	92.5	1,106	94.8	1,134
A woman's highest education level at the start of observation	Secondary education or lower (ISCED 3 and lower)	14.3	171	12.9	154
	Basic post-secondary vocational education (ISCED 4)	10.8	129	15.1	181
	Professional post-secondary vocational education (ISCED 5)	54.4	651	50.6	605
	Incomplete higher and higher education (ISCED 5/6 or higher)	20.5	245	21.4	256
A woman's employment status at the start of observation	Working	71.0	849	79.8	954
	On a childcare leave	9.3	111	3.4	41
	Jobless	6.9	82	3.4	41
	Economically inactive (including studying)	12.9	154	13.4	160

		Interval 1		Interval 2	
		column%	abs.	column%	abs.
		100.0	1,196	100.0	1,196
Household income status (self-estimation) at the start of observation	Hard to make ends meet	92.1	1,102	89.5	1,070
	Not hard to make ends meet	7.9	94	10.5	126

Note: Numbers may not add to 100 due to rounding.

Source: Calculations based on the Russian GGS data.

DOI: [10.14515/monitoring.2021.2.1813](https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.2.1813)

Э. Э. Сыманюк, И. Г. Полякова, Ю. В. Мокерова

ОТНОШЕНИЕ ЖИТЕЛЕЙ МЕГАПОЛИСА К РЕПРОДУКТИВНОМУ ДОНОРСТВУ (НА ПРИМЕРЕ ЕКАТЕРИНБУРГА)

Правильная ссылка на статью:

Сыманюк Э. Э., Полякова И. Г., Мокерова Ю. В. Отношение жителей мегаполиса к репродуктивному донорству (на примере Екатеринбурга) // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2021. № 2. С. 73—94. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.2.1813>.

For citation:

Symaniuk E. E., Polyakova I. G., Mokerova J. V. (2021) The Attitude of the Megalopolis Inhabitants Towards Reproductive Donation (on the Example of Ekaterinburg). *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 2. P. 73–94. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.2.1813>. (In Russ.)

ОТНОШЕНИЕ ЖИТЕЛЕЙ МЕГАПОЛИСА К РЕПРОДУКТИВНОМУ ДОНОРСТВУ (НА ПРИМЕРЕ ЕКАТЕРИНБУРГА)

СЫМАНИУК Эльвира Эвальдовна — доктор психологических наук, профессор, заведующая кафедрой общей и социальной психологии, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина, Екатеринбург, Россия

*E-MAIL: e.e.symaniuk@urfu.ru
<http://orcid.org/0000-0002-7591-7230>*

ПОЛЯКОВА Ирина Геннадьевна — научный сотрудник Уральского межрегионального института общественных наук, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина, Екатеринбург, Россия
*E-MAIL: irinapolykova@yandex.ru
<http://orcid.org/0000-0002-9619-2152>*

МОКЕРОВА Юлия Викторовна — кандидат социологических наук, доцент кафедры прикладной социологии, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина, Екатеринбург, Россия
*E-MAIL: julia.mokerova@gmail.com
<https://orcid.org/0000-0002-0963-9906>*

Аннотация. В статье представлены результаты опроса населения, проведенного в Екатеринбурге в 2019 г. (выборка составила 1300 респондентов). Цель исследования — определить степень информированности жителей Екатеринбурга о репродуктивном донорстве и их отношении к разным видам репродуктивного донорства в целом и в связи со спецификой репродуктивного материала. Полученные данные анализируются с помощью теории стиг-

THE ATTITUDE OF THE MEGALOPOLIS INHABITANTS TOWARDS REPRODUC- TIVE DONATION (ON THE EXAMPLE OF EKATERINBURG)

Elvira E. SYMANIUK¹ — Dr. Sci. (Psych.), Professor, Head of the Department of General and Social Psychology
*E-MAIL: e.e.symaniuk@urfu.ru
<http://orcid.org/0000-0002-7591-7230>*

Irina G. POLYAKOVA¹ — Researcher at the Interregional Institute of Social Sciences
*E-MAIL: irinapolykova@yandex.ru
<http://orcid.org/0000-0002-9619-2152>*

Julia V. MOKEROVA¹ — Cand. Sci. (Soc.), Associate Professor at the Department of Applied Sociology
*E-MAIL: julia.mokerova@gmail.com
<https://orcid.org/0000-0002-0963-9906>*

¹ Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin, Ekaterinburg, Russia

Abstract. The paper presents the findings of a population survey conducted in the city of Ekaterinburg in 2019 (1300 respondents). The study aimed at measuring the citizens' awareness about reproductive donation and their attitudes to different types of reproductive donation in general and in connection with the specificity of reproductive material. The data were analyzed in the context of Goffman's concept of social stigma and the results of similar works by other au-

матизации Гофмана и результатов аналогичных работ зарубежных авторов. Большинство опрошенных осведомлены о существовании репродуктивного донорства и относятся к нему положительно. Уровень осведомленности, как и уровень положительного отношения, зависит от специфики репродуктивного материала. Наиболее известной и принимаемой респондентами технологией является донорство спермы, наиболее спорной — эмбриональное донорство. Более половины опрошенных (52 %) считают эмбрион человеком, и 47 % относятся отрицательно к донорству эмбрионов. Восприятие статуса эмбриона коррелирует с полом, наличием семьи и религиозными взглядами. Большинство респондентов утверждают, что сами не готовы стать донорами генетического материала, а главным мотивом тех, кто становится репродуктивным донором, считают финансовый интерес. Наблюдается разрыв между общими нормами отношения к донорству, поддерживаемыми абстрактно, и ситуациями личной вовлеченности в проблематику репродуктивного донорства. В последнем случае отношение респондентов к репродуктивному донорству становится гораздо более положительным. Очевидно, что вовлечение в родительский проект третьих лиц этически и психологически неоднозначно и вместе с позицией возможных реципиентов требует дальнейшего изучения. Поскольку Екатеринбург, с одной стороны, демонстрирует тренды, присущие столичным городам, а с другой — обладает явной региональной спецификой, полученные данные могут отражать современное отношение к репродуктивному донорству населения крупных городов России.

thors. The majority of the respondents are aware of reproductive donation and have a positive attitude towards it. The level of awareness, as well as the prevalence of positive attitudes, depends on the specificity of the reproductive material. The most well-known and accepted technology is sperm donation, while the most controversial is embryonic donation. More than half of the respondents (52%) consider the embryo a human being, and 47% have a negative attitude towards embryo donation. Perceptions of embryo status are correlated with gender, family history, and religious beliefs. Most of the respondents say that they themselves are not ready to become donors of genetic material, and the main motive of those who become a reproductive donor is financial interest. The study reveals a clear gap between the general attitudes towards donation, when it is perceived in abstract, and situations of personal relatedness to the field of reproductive donation. In the latter case, the attitude towards reproductive donation becomes much more positive. The results of the study strongly suggest that the involvement of third parties in the parenting process is ethically and psychologically ambiguous, and it requires further study together with the position of the involved parties. Since Ekaterinburg, on the one hand, demonstrates trends inherent in capital cities, and on the other, has a clear regional specificity, this data may reflect the current attitude of the population of all large Russian cities towards reproductive donation.

Ключевые слова: бесплодие, вспомогательные репродуктивные технологии (ВРТ), репродуктивное донорство, донорство гамет и эмбрионов, отношение к репродуктивному донорству

Keywords: infertility, assisted reproductive technologies (ART), reproductive donation, donation of gametes and embryos, perceptions of reproductive donation

В последние годы проблема бесплодия становится все более актуальной. По версии ВОЗ, бесплодны 15%—20% пар репродуктивного возраста, но достоверные данные в этой области отсутствуют как в мире, так и в России в связи со сложностью проведения исследований. Кроме того, при подсчетах учитываются только те, кто обратился за лечением, а по мнению ряда авторов [Boivin et al., 2007], в медицинские учреждения обращаются не более половины получивших диагноз «бесплодие».

Во многих случаях бесплодие обусловлено отсутствием своего качественного репродуктивного материала у пар, желающих стать родителями. Потребность в донорском материале возникает также при наличии у одного из супругов риска передачи наследственных заболеваний, позднего репродуктивного возраста, либо в случаях однополых союзов и отсутствия партнера. Особенно актуальным в этой связи становится донорство гамет.

На основании отчета регистра вспомогательных репродуктивных технологий (ВРТ) Российской ассоциации репродукции человека (РАРЧ) в 2015—2017 гг. порядка 12% от общего количества циклов ВРТ было проведено с использованием донорского материала (данные за 2018—2019 гг. пока не опубликованы). По данным когортного популяционного исследования, проведенного австралийскими коллегами в период с 2009 по 2016 г., вероятность рождения живого ребенка у женщин после 40 лет путем ЭКО с донорским ооцитом в пять раз выше, чем с собственной яйцеклеткой, а после 44 лет эта вероятность еще больше увеличивается [Hogan et al., 2020]. Тем не менее применение донорского материала в репродукции человека остается одной из самых спорных репродуктивных технологий [Beeson, Darnovsky, Lippman, 2015]. Как и многие аспекты исследований в науках о жизни (например, исследования и использование стволовых клеток, исследования генома человека и манипуляция генами) использование репродуктивных технологий затрагивает основы миропонимания и самопонимания человека, поэтому вызывает неприятие и враждебность со стороны разного рода традиционалистов [Forman-Rabinovic, Sommer, 2018; Mathieu, 2020], а также большое количество споров о юридической субъектности, правах, равенстве и других политико-правовых проблемах [Inhorn, 2020; Ferraretti et al., 2010; Merchant, 2020]. Таким образом, отношение общества к репродуктивному донорству требует, на наш взгляд, более детального изучения.

В настоящее время в России отсутствуют конвенциональное определение и кодификация термина «репродуктивное донорство». С одной стороны, термин как устойчивое сочетание слов повсеместно употребляется в речи. С другой стороны, нет четкого представления о том, что он в себя включает. В официальных мате-

риалах Министерства здравоохранения¹ используются понятия «донорство гамет», «донорство эмбрионов» и «суррогатное материнство». В зарубежной литературе термин «репродуктивное донорство» включает в себя получение яйцеклеток, спермы и эмбрионов от третьих лиц, а иногда и вынашивание плода третьим лицом (суррогатное материнство) [Richards, Pennings, Appleby, 2012]. В данной работе к репродуктивному донорству предлагается отнести донорство спермы, ооцитов (женских половых клеток) и эмбрионов.

Для России репродуктивное донорство — относительно новое и малоизученное явление. Практически всегда как донор, так и реципиент оказываются в непростой этической ситуации, связанной с неоднозначным отношением общества к репродуктивному донорству, особенностями законодательства, несовершенством социальных институтов, психологическими проблемами, а также страхом за будущее детей, рожденных от донорского материала.

В разное время в России было проведено несколько масштабных исследований общественного мнения по поводу вспомогательных репродуктивных технологий². Ни один из этих опросов не содержит подробного описания отношения населения к репродуктивному донорству.

В постсоветских научных источниках данный вопрос практически не освещался. Есть несколько близких по тематике работ [Дадаева, Баранова, 2019; Коржавина и др., 2010; Курило и др., 2001] с небольшой выборкой от 140 до 167 респондентов.

С этой точки зрения интересно исследование, проведенное А. Н. Комогорцевым и А. Е. Ошибаевой, которые поставили цель изучить отношение потенциальных доноров к процедуре донорства мужских половых клеток. Было опрошено 120 мужчин репродуктивного возраста, проживающих в Алма-Ате, которые могли бы теоретически стать донорами [Комогорцев, Ошибаева, 2015].

Что касается зарубежных исследований, то существуют массовые опросы, включающие в себя социально-психологические характеристики, проблемы, способы донации и опыт самих доноров спермы (см., например, [Freeman et al., 2016; Lavoie, Côté, Montigny, 2018; Ernst et al., 2007]) и ооцитов [Pennings et al., 2014].

Нам удалось найти только два зарубежных опроса населения, в которых речь идет в том числе и об отношении к репродуктивному донорству. Самым масштабным из них является опрос более 6 тысяч человек из 6 европейских стран (Великобритания, Германия, Италия, Испания, Франция, Швеция), проведенный международным коллективом авторов [Fauser et al., 2019]. Также вызывает интерес работа шведских коллег [Skoog-Svanberg et al., 2003], в которой подробно

¹ Клинические рекомендации Минздрава России «Женское бесплодие (современные подходы к диагностике и лечению)» (письмо Министерства здравоохранения Российской Федерации от 05 марта 2019 года № 5-4/и/2-1913) и «Вспомогательные репродуктивные технологии и искусственная инсеминация», 2019 (письмо Министерства здравоохранения Российской Федерации от 05 марта 2019 года № 15-4/и/2-1908. URL: <https://minzdrav.samregion.ru/category/inye-dokumenty/klinicheskie-rekomendatsii/> (дата обращения: 24.04.2021).

² См. Соболевская О. В. Почему россияне боятся медицины будущего // IQ. HSE.ru 2016. 26 мая. URL: <https://iq.hse.ru/news/182808665.html> (дата обращения: 11.04.2021); Соболевская О. В. «Дети из пробирики»: чего боятся россияне // IQ. HSE.ru 2017. 16 мая. URL: <https://iq.hse.ru/news/205997613.html> (дата обращения: 11.04.2021); ЭКО — это нормально! // ВЦИОМ. 2018. 26 июля. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=9224> (дата обращения: 11.04.2021).

описано отношение к ВРТ населения Швеции (1000 мужчин и 1000 женщин фертильного возраста).

Цель настоящего исследования — определить степень информированности жителей города Екатеринбурга о репродуктивном донорстве и их отношение к разным видам репродуктивного донорства в целом и в связи со спецификой репродуктивного материала.

Исследовательские задачи:

1. Определить уровень осведомленности жителей Екатеринбурга о существовании репродуктивного донорства.
2. Выяснить личную готовность респондентов к разным видам репродуктивного донорства.
3. Определить вероятные мотивы репродуктивных доноров.
4. Определить отношение участников опроса к репродуктивному донорству в связи со спецификой репродуктивного материала, в том числе отношение к эмбриональному донорству и продаже/покупке эмбрионов за деньги.

Методология

Для реализации поставленных задач была использована комбинированная методическая стратегия. Исследование такой деликатной темы, как отношение к донорству в области репродукции, с одной стороны, требует анализа существующих установок, представлений, оценок, стереотипов и «мифов» в сознании широких слоев общества. С другой стороны, вопросы реализации различных стратегий репродуктивного поведения представляются достаточно чувствительными, многосоставными, когда за однозначной оценкой или мнением может формироваться несколько проблемных уровней, которые вскрываются только в индивидуальной, более доверительной, чем анкетный опрос, беседе.

Эмпирическую базу исследования составили материалы массового опроса населения Екатеринбурга в возрасте 18—55 лет, а также глубинные интервью с мужчинами и женщинами репродуктивного возраста.

В августе 2019 г. был проведен опрос жителей Екатеринбурга, метод сбора — уличный опрос, личное стандартизованное интервью. Предварительно для конкретизации проблемного поля были проведены несколько полуструктурированных интервью, возраст респондентов не был регламентирован по верхней границе. Ограничения по возрасту для основного этапа исследования были запланированы с учетом ключевого исследовательского вопроса и полученных в ходе пилотного этапа данных. По медицинским нормативам официально донорами половых клеток могут быть люди в возрасте от 18 до 35 лет. Люди старше 55 лет, как показали предварительные данные, безусловно, также имеют свое мнение по данному вопросу, но их информированность и «причастность» оказывались ниже, в первую очередь по причине относительной новизны и доступности данного вопроса для широкой общественности.

Выборка составила 1300 респондентов. Отбор осуществлялся в два этапа. На первом этапе был произведен случайный вероятностный отбор точек проведения опроса, чтобы обеспечить участие жителей, проживающих в разных районах, с разными типами деловой активности. На втором этапе — систематический

случайный отбор респондентов с контролем квотных параметров (пол и возраст). Погрешность измерения составила менее 3%. Среди опрошенных респондентов 52,4% составили женщины и 47,6% — мужчины. Распределение по возрастным группам представлено в таблице 1.

Таблица 1. **Распределение респондентов по полу и возрасту, % от числа опрошенных**

Пол/Возраст	18—24	25—34	35—44	45—55	ИТОГО
Мужчины	11,6	18,0	12,5	5,5	47,6
Женщины	12,5	17,5	14,9	7,5	52,4
ИТОГО	24,1	35,5	27,4	13,0	100,0

Такой подход позволил обеспечить получение статистически обоснованных выводов о распространенности тех или иных представлений о репродуктивном донорстве как части современных репродуктивных стратегий населения среди жителей мегаполиса (на примере Екатеринбурга).

На пилотном этапе в интервью участвовали 11 человек: 6 женщин и 5 мужчин. Все информанты были условно разделены на две возрастные группы: с одной стороны, к участию в исследовании приглашались мужчины и женщины в возрасте 18—35 лет, те, кто сам может быть официальным донором; в другой группе были люди старше 35 лет. Внутри каждой из двух возрастных групп были те, кто использовал (предполагал использовать) ВРТ для зачатия и деторождения сам или был знаком с подобным опытом близких родственников, друзей, а также те, кто с такой практикой не сталкивался вообще. Такой подход позволил выделить особенные характеристики, представления и поведенческие практики тех, для кого «новые технологии» репродуктивного поведения являются частью личного опыта, обогащенного не только особыми суждениями, но и эмоциональными переживаниями, и тех, кто в своих представлениях опирается на «внешние» оценки.

Для проведения интервью был разработан план-гайд беседы, в котором были определены основные содержательные блоки, ключевые тематические вопросы, а также вопросы, предполагающие развернутый ответ с биографическими деталями или углубленное раскрытие отдельных аспектов, касающихся предмета исследования. Интервью записывались на диктофон по предварительному полному согласию информантов, затем эти тексты, уже анонимные, проходили дословную расшифровку. В итоге в исследовании приняли участие люди разного возраста, пола и с разным опытом «контакта» с проблемой ВРТ в вопросах зачатия и деторождения. Добавим, что комментарии были получены от людей с разным культурным, профессиональным, образовательным бэкграундом.

Среди опрошенных шесть человек имели высшее образование, четыре — среднее, один человек являлся студентом. По роду занятий шестеро — специалисты (менеджер по продаже пива, дальнобойщик, бухгалтер, няня, программист, юрист), два — руководители среднего звена, еще два имеют свое дело. Среди опрошенных

были представители разных конфессий (а также те, кто считает себя атеистом), разных национальностей и этнических групп (русские, армянка, узбек, поляк).

Одна информантка год назад находилась в протоколе ЭКО, который закончился прерыванием беременности. Именно она, единственная из всех опрошенных женщин, была готова рассмотреть возможность стать донором ооцитов в случае резкого ухудшения финансового положения ее семьи. В то же время она категорически отказалась бы расстаться с эмбрионами, оплодотворенными спермой мужа, считая их детьми. Среди мужчин также один человек имел опыт ВРТ: в первом браке путем ЭКО у него родились близнецы. Надо отметить, что все респонденты так или иначе были осведомлены о существовании репродуктивного донорства. Теоретически все мужчины независимо от возраста исходно были готовы рассмотреть возможность донорства спермы. Однако в процессе беседы трое из них нашли множество причин, по которым не стали бы этого делать. Двое оставшихся, в том числе мужчина, имевший личный опыт ВРТ, не исключали для себя возможность стать донорами спермы. Самым обсуждаемым во всех проведенных интервью стал вопрос донорства эмбрионов и продажи их за деньги.

На основании данных, полученных на пилотном этапе, были составлены вопросы анкеты для массового опроса.

Результаты исследования

Достаточно высокий процент опрошенных знает, что люди, страдающие бесплодием, могут приобрести сперму, ооциты и эмбрионы в репродуктивных клиниках. Но есть различия в осведомленности о существовании репродуктивного донорства в зависимости от репродуктивного материала. Существенную роль в вопросах осведомленности респондентов играют возраст и пол опрошенных.

Из таблицы 2 можно сделать вывод, что чем старше респондент, тем выше уровень его осведомленности, при этом стоит отметить, что относительно использования донорских эмбрионов данная тенденция хотя и присутствует, но в незначительной степени.

Таблица 2. Осведомленность респондентов о существовании различных видов репродуктивного донорства в зависимости от возраста, % от числа опрошенных

Виды репродуктивного донорства	Возраст				По массиву в целом
	18—24	25—34	35—44	45—50	
Использование донорской спермы	76,7	76,6	81,0	84,0	78,8
Использование донорских ооцитов	31,0	27,1	40,3	43,8	33,8
Использование донорских эмбрионов	46,0	42,6	52,1	50,3	47,0

В таблице 3 представлено различие в осведомленности мужчин и женщин по каждому виду репродуктивного донорства. Обратим внимание, что мужчины в целом менее погружены в эту проблематику.

Таблица 3. Уровень осведомленности о видах репродуктивного донорства в зависимости от пола, % от числа опрошенных

Виды репродуктивного донорства	Мужчины	Женщины	Различие в знаниях мужчин и женщин
Использование донорской спермы	75,3	82,0	6,7
Использование донорских ооцитов	27,3	39,7	12,4
Использование донорских эмбрионов	37,0	56,2	19,2

Знание о существовании того или иного вида репродуктивного донорства, с одной стороны, оказывает определенное влияние на отношение к использованию данной технологии; с другой стороны, нельзя сказать, что оно сказывается на уровне ее поддержки.

Например, среди тех, кто знал об использовании донорских эмбрионов до участия в опросе, выше доля тех, кто положительно относится к продаже эмбрионов. Однако доля респондентов, категорично отрицающих такую продажу, среди знающих о существовании этой технологии достаточно высокая (22%), что не многим меньше, чем у тех, кто до опроса о ней не знал (30%). И, напротив, люди, незнакомые с сутью технологии, могут ее поддерживать (39%), видимо, исходя из идеи поддержки всех вариантов репродуктивного донорства (см. табл. 4).

Таблица 4. Отношение к продаже эмбрионов в зависимости от знания о существовании данной технологии, % от числа опрошенных

Отношение к продаже эмбрионов за деньги	Знание о технологии использования донорских эмбрионов	
	Неизвестна	Известна
Полностью одобряют, так как на свет появится новая жизнь	10,2	10,9
Скорее, относятся положительно, поскольку это поможет кому-то стать родителями	28,4	39,1
<i>Итого доля относящихся положительно</i>	<i>38,6</i>	<i>50,0</i>
Скорее, относятся отрицательно, так как с этой темой связано слишком много нерешенных вопросов, пробелов	22,6	19,8
Относятся резко отрицательно, ведь, по сути, речь идет о продаже детей	30,2	22,1
<i>Итого доля относящихся отрицательно</i>	<i>52,8</i>	<i>41,9</i>
Другое	0,6	0,2
Оценивают нейтрально, не придают этой теме особого значения	2,2	2,3
Затруднились ответить	5,8	5,9

Большинство опрошенных относятся к донорству положительно, но есть небольшие различия в оценке донорства спермы, ооцитов и эмбрионов. Наиболее однозначно респонденты относятся к донорству спермы: с оценками затруднились

17% опрошенных, 75% одобряют этот вид донорства (индекс 0,40). Наименее однозначное отношение — к донорству эмбрионов: с оценкой затруднились четверть опрошенных, а положительно оценили 59% (индекс 0,24). Сравнение представлено на рисунке 1.

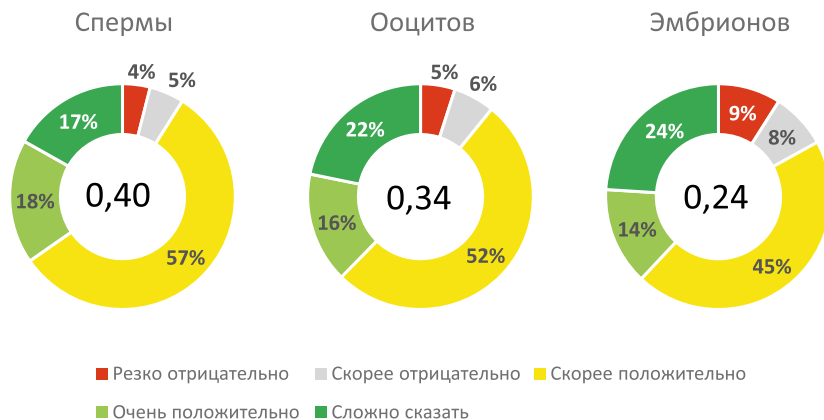

Рис. 1. Отношение к различным видам репродуктивного донорства, в % от числа опрошенных и индексных значениях

Опыт репродуктивного донорства отмечается у незначительного количества опрошенных: доноры спермы составляют 1% совокупности, доноры ооцитов — 0,3%, доноры эмбрионов — 0,2% респондентов. Среди друзей и знакомых опрошенных доноров также немного: о донорах спермы в окружении известно 4% опрошенных, донорах ооцитов — 2%, донорах эмбрионов — 0,7% респондентов

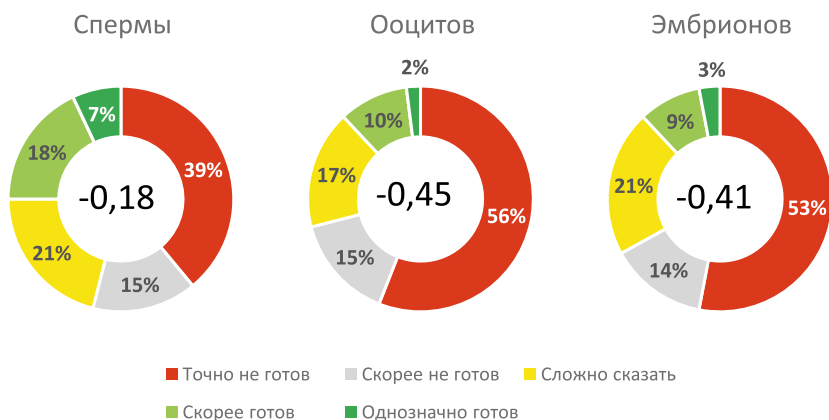

Рис. 2. Готовность к различным видам репродуктивного донорства, в % от числа опрошенных и индексных значениях

Большинство респондентов не готовы стать донорами (см. рис. 2). Мужчины в меньшей степени отвергают возможность стать донорами спермы, чем жен-

щины — донорами ооцитов (50% и 72% респондентов в каждой группе соответственно с той или иной степенью вероятности отметили свой отказ от донорства половых клеток). Что касается донорства эмбрионов, то и в этом случае женщины скорее склонны к отрицательному решению, чем мужчины — практически 60% ответивших женщин точно не готовы к такому решению, в то время как среди мужчин полностью отрицают такую возможность только 43,9%.

Тем не менее, когда женщинам репродуктивного возраста был задан вопрос о том, позволит ли их состояние здоровья в случае необходимости стать донором ооцитов, 73% ответили положительно, и только 23% усомнились в своих возможностях, 4% — затруднились с ответом.

Желание помочь близким, родственникам и друзьям стать родителями является основной причиной, по которой женщина могла бы решиться на донорство (41%). Желание заработать, которое большинство опрошенных считают основной причиной для донорства, мотивировало бы участниц опроса только в 18% случаев — при острой нехватке средств.

В основном причина для донорства — желание помочь как знакомым, так и незнакомым людям, которые не могут завести детей. Необходимо отметить, что в таких случаях респонденту легче назвать социально одобряемую причину (см. рис. 3).

Рис. 3. Причины, по которым женщины могли бы стать донорами ооцитов, в % от числа опрошенных³

Мы оценили готовность респондентов к донорству другим способом: попросили предположить, что они сделали бы с эмбрионами, которые сохранились в банке после удачного зачатия и стали им не нужны. В данной ситуации большинство

³ Можно было выбрать до трех вариантов ответов.

опрошенных не считают проблематичной передачу своих эмбрионов другим людям (см. рис. 4.).

Рис. 4. Вероятные действия в случае наличия собственного свободного эмбриона, в % от числа опрошенных

Респонденты следующим образом характеризуют причины, по которым люди, по их мнению, становятся донорами (см. рис. 5).

Рис. 5. Вероятные причины, по которым люди становятся репродуктивными донорами, в % от числа опрошенных

Наиболее значимый аргумент для донорства — вероятный заработок. На втором месте — помощь тем, кто не может родить ребенка. Остальные причины, по мнению опрошенных, менее актуальны.

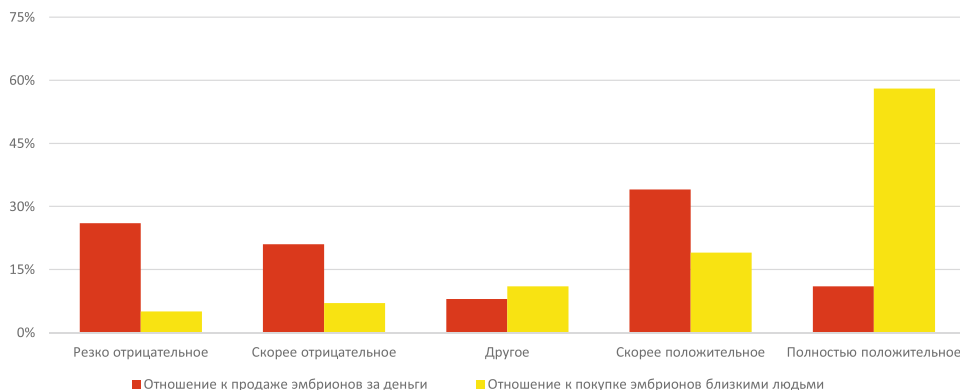

Рис. 6. Отношение к продаже эмбрионов за деньги в сравнении с отношением к факту приобретения донорского эмбриона родственниками/друзьями, в % от числа опрошенных

47 % опрошенных относятся к донорству эмбрионов отрицательно. Но в ситуации, когда близкие люди приобретают эмбрион для решения репродуктивных проблем, их мнение уже не будет таким однозначным (см. рис. 6). Среди тех, кто скорее отрицательно относится к продаже эмбрионов, 40 % отнесутся положительно к решению близких людей купить эмбрионы; среди тех, чье мнение резко отрицательно, 30 % готовы поддержать близких (см. табл. 5).

Таблица 5. Отношение респондентов к покупке эмбрионов близкими людьми в зависимости от их общего отношения к продаже эмбрионов, в % от числа ответивших по строке*

	Полностью положительно, поддержали их решение	Скорее отрицательно, но никак не высказали своего мнения	Скорее отрицательно и попытались переубедить	Полностью не одобрили и не приняли бы такое решение	Другое	Безразлично, никак	Затрудняется с ответом
Полностью одобряют, т.к. на свет появится новая жизнь	89,8	3,6	1,5	1,5	0,0	2,2	1,5
Скорее положительно, поскольку это поможет кому-то стать родителями	83,4	9,0	1,4	0,9	0,2	3,4	1,6
Скорее отрицательно, слишком много нерешенных вопросов, пробелов	39,4	39,0	6,1	5,1	0,7	2,9	6,9
Резко отрицательно, ведь, по сути, речь идет о продаже детей	29,8	25,7	18,4	14,0	0,6	2,6	8,8
Все равно, никак	58,6	3,4	3,4	0,0	0,0	31,0	3,4
Затрудняются с ответом	51,3	9,2	1,3	1,3	0,0	6,6	30,3
Всего	58,2	19,1	6,9	5,3	0,4	3,8	6,3

* Вероятность нулевой гипотезы 0 %. Коэффициент Гамма 0,531. Связь между признаками сильная, прямо пропорциональная (чем лучше отношение, тем больше поддержка близких).

Точку зрения, что эмбрион — это уже человек, разделяют 52 % опрошенных. 40 % считают, что эмбрион — это не человек, а совокупность клеток; 10 % затрудняются с ответом на этот вопрос. Высказанные мнения зависят от ряда признаков. Так, женщины чаще мужчин разделяют мнение, что эмбрион — это человек (62 % женщин против 41 % мужчин)⁴. Люди, состоящие в браке, несколько чаще разделяют эту точку зрения: 59 % против 52 % в целом по массиву⁵. Среди опрошенных, имеющих детей, уровень поддержки этой точки зрения увеличивается до 61 %—62 % соответственно⁶.

Среди верующих доля сторонников точки зрения, что эмбрион — это человек, выше, чем среди атеистов. Верующие, принадлежащие к той ли иной конфессии, разделяют эту позицию в 60 % случаев. Больше всего сторонников мнения об антропоморфности эмбриона среди представителей ислама — 75 %. Те, кто верит в некие «высшие силы», разделяют эту позицию в 51 % случаев, тогда как среди атеистов ее поддерживают 37 % опрошенных⁷. Отметим, что, в отличие от веры в Бога, уровень образования не влияет на восприятие эмбриона человеком.

Обсуждение результатов

Несмотря на то, что существует достаточное количество литературы о донорстве гамет и эмбрионов, содержащей опросы доноров спермы [Bay et al., 2014; Freeman et al., 2016], доноров ооцитов [Omani Samani et al., 2015; Yee, Blyth, Tsang, 2011], доноров эмбрионов [McMahon et al., 2003; Raz et al., 2016], к сожалению, авторам статьи удалось найти только несколько аналогичных массовых опросов об отношении населения к репродуктивному донорству. Прежде всего, это масштабное исследование интернационального коллектива авторов [Fauser et al., 2019], содержащее мнения более 6000 тысяч респондентов из шести европейских стран (Великобритания, Франция, Германия, Италия, Испания, Швеция) о ВРТ в целом и репродуктивном донорстве, в частности. Сравнивая результаты нашего исследования с результатами зарубежных коллег, необходимо отметить, что граждане Европы в целом немного лояльнее относятся к донорству спермы и ооцитов: 78 % респондентов поддержали использование донорских гамет; но среди всех стран, представители которых участвовали в исследовании, респонденты из Испании чаще всего поддерживали донорство гамет, а из Италии — реже (92 %—93 % против 61 %—63 %; $P < 0,001$ за оба). 75 % опрошенных граждан Швеции считают использование донорских яйцеклеток «приемлемым способом для супружеской пары, борющейся с бесплодием, чтобы завести ребенка» [Skoog-Svanberg et al., 2003]. В нашем случае 68 % опрошенных положительно относятся к этому виду репродуктивного донорства.

Мнение респондентов, что ведущие мотивы донорства — альтруизм и коммерческий интерес (55 % и 75 % соответственно), вполне согласуется с результатами

⁴ Вероятность нулевой гипотезы 0 %. Критерий Хи-квадрат = 57,0 при $df = 3$, коэфф. Крамера = 0,210. Связь между признаками слабая.

⁵ Вероятность нулевой гипотезы 0 %. Критерий Хи-квадрат = 37,0 при $df = 15$, коэфф. Крамера = 0,098. Связь между признаками слабая.

⁶ Вероятность нулевой гипотезы 0 %. Критерий Хи-квадрат = 57,1 при $df = 18$, коэфф. Крамера = 0,122. Связь между признаками слабая.

⁷ Вероятность нулевой гипотезы 0 %. Критерий Хи-квадрат = 51,4 при $df = 5$, коэфф. Крамера = 0,141. Связь между признаками слабая.

многих зарубежных исследований: доноры, вне зависимости от донорского материала, могут быть мотивированы как чисто альтруистически [Mohr, 2014; Gürtin, Ahuja, Golombok, 2012; Haimes, 2013; Parames et al., 2014], так и прагматически, то есть рассчитывать на вознаграждение [Ernst et al., 2007; Parames et al., 2014; Bakker et al., 2017; Klitzman, Sauer, 2014].

Многие доноры спермы удовлетворяют собственное желание продолжить свой род [Riggs, Russell, 2011; Jadva et al., 2011; Van den Broeck et al., 2013]. В нашем исследовании так считают 13% опрошенных.

В случае донорства яйцеклетки с точки зрения женщины как потенциального донора картина меняется. По данным нашего опроса, стремление помочь стать родителями — основная причина, по которой женщина могла бы решиться на донорство (62%): помощь близким, родственникам и друзьям (41%) или незнакомым людям (21%). Желание заработать, которое большинство опрошенных считают основной причиной для донорства, мотивировало бы участниц опроса только в 18% случаев, и даже их — только при острой нехватке средств. В зарубежных исследованиях также отмечается, что в принятии решения о донорстве ооцитов друзьями или членами семьи «личное отношение к реципиенту играет важнейшую роль при решении о донорстве» [Yee, Blyth, Tsang, 2011: 407], а доноры воспринимают донорство яйцеклетки как «средство помочь реципиентам забеременеть» [Blyth, Yee, Tsang, 2011: 1138]. Необходимо отметить, что для здоровья женщины возможны серьезные побочные эффекты и осложнения, такие как риск онкологических заболеваний [Ness et al., 2002; Burkman et al., 2003] и синдром гиперстимуляции яичников [Delvigne, Rozenberg, 2002]. «Финансовая прибыль сама по себе не компенсирует усилий, необходимых для прохождения процедуры донорства яйцеклетки» [Keney, McGowan, 2010: 463].

Эмбриональное донорство — самый сложный и неоднозначный среди видов репродуктивного донорства. Один из главных вопросов здесь — статус эмбриона. Большинство потенциальных доноров эмбрионов считают их живыми организмами, следуя логике «ооцит — эмбрион — зародыш — ребенок» [McMahon et al., 2000; Parry, 2006]. Точку зрения, что эмбрион — это человек, разделяют 52% опрошенных.

Многие доноры считают свои эмбрионы потомками и потому рассматривают донорство как передачу ребенка на усыновление [Goedeke, Daniels, Thorpe, 2016]. Тем не менее они все-таки различают донорство эмбрионов и усыновление, то есть «признают свою роль в создании ребенка, но осознают, что только вынашивание и совместное родительство приводят к „настоящему родительству“» [Millbank et al., 2016: 136]. В результате донорство эмбрионов воспринимается как «дарение», в котором доноры скорее «видят себя субъективно альтруистами» [Goedeke, Daniels, 2017: 1405]. Среди наших респондентов 27% передали бы свои эмбрионы в дар клинике для незнакомых людей.

Многие доноры хотели бы знать, какова дальнейшая судьба их эмбрионов и в каких условиях они растут [Skoog-Svanberg et al., 2016]. Некоторые хотели бы, чтобы их реципиентами были родственники или близкие знакомые [ibidem]. В нашем случае 22% опрошенных передали бы свои эмбрионы знакомым людям.

По нашим данным, большинство респондентов считают основным мотивом репродуктивного донорства коммерческий интерес, при этом свои возможные

эмбрионы продали бы за деньги только 16 % опрошенных. В этом смысле в интерпретации результатов особенно полезной нам представляется работа И. Гоффмана о нормах поддерживаемых и нормах выполняемых [Гоффман, 1963]. По словам автора, «как правило, члены одной социальной категории могут проповедовать жесткое подчинение некоему стандарту поведения, которое — по их мнению и по мнению окружающих — не распространяется на них самих. Например, бизнесмен будет ожидать женственного поведения от женщин и аскетического — от монахов, при этом он не будет считать, что эти стили поведения могут относиться и к нему. Различие здесь состоит в том, что в одном случае норма выполняется, а в другом просто поддерживается» [Гоффман, 1963: 5]. Это деление на выполнение и поддержание норм разных социальных категорий вполне может быть перенесено на универсальные нормы, которые поддерживают, и конкретные нормы, которые обладают обязующей силой для самого индивида. Применительно к изучаемому нами предмету исследование выявило несколько примечательных моментов. С одной стороны, большинство опрошенных считают, что основным мотивом репродуктивного донорства является коммерческая составляющая (75 %). В то же время, когда мы задаем вопрос женщинам фертильного возраста о причинах, по которым они могли бы стать донорами ооцитов, большинство из них (62 %) говорят о возможности помочь близким людям (41 %) и просто людям (21 %) стать родителями. Показателен также пример с донорством эмбрионов: 47 % опрошенных относятся отрицательно к продаже эмбрионов. Но в ситуации, когда близкие люди приобретают эмбрион для решения своих репродуктивных проблем, 58 % опрошенных полностью поддерживают такое решение. Таким образом, наблюдается разрыв между общими нормами отношения к донорству, поддерживаемыми абстрактно, и ситуациями личной вовлеченности в проблематику репродуктивного донорства. В последнем случае отношение респондентов к репродуктивному донорству становится вполне положительным.

В процессе исследования выяснилось, что мы задавали вопросы общего характера об отношении к репродуктивному донорству и вопросы, предполагающие ответы с точки зрения потенциального донора. Но, к сожалению, на пилотном этапе ни один из опрошенных не отметил возможную позицию реципиента, и мы совершенно упустили этот вопрос, очень важный для данного исследования, поскольку по данным сербских коллег [Bilinić et al., 2018] из 50 опрошенных женщин, страдающих бесплодием, только 2 (4 %) согласятся использовать сперму донора и только 8 (16 %) готовы на ЭКО с донорской яйцеклеткой. Аналогичное исследование, проведенное ранее в Турции [Baykal et al., 2008], показало, что из 368 женщин, обратившихся за лечением бесплодия, 23 % пациенток готовы принять донорские ооциты и только 3 % — донорскую сперму. Тем не менее необходимо учитывать, что эти исследования основаны на небольшой выборке и сфокусированы только на женщинах, имеющих проблемы с репродукцией, а мы имеем дело с выборкой из общей популяции.

Выводы

Исследование показало, что большинство опрошенных осведомлены о существовании репродуктивного донорства и относятся к нему положительно. Уровень

осведомленности, как и уровень положительного отношения, зависит от специфики репродуктивного материала. Наиболее известная и принимаемая респондентами технология — донорство спермы, наиболее спорная — эмбриональное донорство. Чем старше респондент, тем вероятнее он знает о существовании этой проблематики, а женщины в целом более погружены в нее, чем мужчины. Большинство респондентов утверждают, что сами не готовы стать донорами генетического материала, а главным мотивом тех, кто становится репродуктивным донором, считают финансовый интерес. При этом 73 % женщин в возрасте от 18 до 35 оценивают свое состояние здоровья как достаточно удовлетворительное для того, чтобы стать донорами ооцитов, и 62 % из них говорят о том, что если бы они стали донорами, то ведущим мотивом было бы желание помочь людям стать родителями.

Таким образом, мы можем сказать, что опрошенные ставят под сомнение репродуктивное донорство не по моральным причинам: многие не видят в нем смысла, так как не воспринимают эту проблему как актуальную. Полагаем, что в ситуации, когда близким или знакомым людям могут потребоваться сперма, ооциты или эмбрионы для зачатия, вероятность того, что человек станет донором, будет выше декларируемой.

Самым спорным вопросом донорства оказался вопрос продажи эмбрионов. Более половины опрошенных (52 %) считают эмбрион человеком, и 47 % относятся отрицательно к донорству эмбрионов. Восприятие статуса эмбриона коррелирует с полом, наличием семьи и религиозными взглядами. В то же время в ситуации, когда эмбрион для решения репродуктивных проблем приобретают близкие люди, его покупка за деньги уже воспринимается как вполне приемлемая. Мало того, отношение к приобретению эмбрионов близкими людьми не зависит от того, считает ли респондент, что эмбрион — это человек.

Очевидно, что вовлечение в родительский проект третьих лиц этически и психологически неоднозначно, однако сам факт существования репродуктивного донорства дает шанс людям с диагнозом «бесплодие» стать родителями.

В настоящее время Екатеринбург является одним из наиболее динамично развивающихся региональных центров. С одной стороны, он демонстрирует тренды, присущие столичным городам, а с другой — обладает явной региональной спецификой. Исходя из этого мы полагаем, что полученные данные могут отражать современное отношение к репродуктивному донорству населения крупных городов России.

Список литературы (References)

- Гoffman И. Стигма: Заметки об управлении испорченной идентичностью. 1963. URL: https://www.hse.ru/data/2011/11/15/1272895702/Goffman_stigma.pdf (дата обращения: 23.04.2021).
- Goffman E. (1963) Stigma: Notes on the Management of Spoiled Identity. Englewood Cliffs, NJ: Prentice-Hall. URL: https://www.hse.ru/data/2011/11/15/1272895702/Goffman_stigma.pdf (accessed: 23.04.2021). (In Russ.)

Дадаева Т. М., Баранова В. В. Вспомогательные репродуктивные технологии в репродуктивном поведении городской молодежи (опыт пилотажного исследования) // Регионология. 2019. Т. 27. № 1. С. 138—155. <https://doi.org/10.15507/2413-1407.106.027.201901.138-155>.

Dadaeva T. M., Baranova V. V. (2019) Assisted Reproductive Technology and the Reproductive Behavior of Urban Youth (Experience of a Pilot Study). *Russian Journal of Regional Studies=Regionology*. Vol. 27. No. 1. P. 138—155. <https://doi.org/10.15507/2413-1407.106.027.201901.138-155>. (In Russ.)

Комогорцев А. Н., Ошибаева А. Е. Проблема донорства мужских половых клеток // Центральнo-Азиатский научно-практический журнал по общественному здравоохранению. 2015. Т. 14. № 3. С. 28—35. URL: <https://journal.ksph.edu.kz/2015/06/08/%d0%b2%d1%8b%d0%bf%d1%83%d1%81%d0%ba-14-%e2%84%963/> (дата обращения: 23.04.2021).

Komogortsev A. N., Oshibaeva A. E. (2015) The Problem of Donation of Male Germ Cells. *Journal of Central Asian Health Service Research*. Vol. 14. No. 3. P. 28—35. URL: <https://journal.ksph.edu.kz/2015/06/08/%d0%b2%d1%8b%d0%bf%d1%83%d1%81%d0%ba-14-%e2%84%963/> (accessed: 23.04.2021). (In Russ.)

Коржавина А. И., Чернышев А. В., Лебедев В. В., Чернышева М. Л. Отношение населения к этико-правовым проблемам новых репродуктивных технологий (результаты социологических исследований) // Вестник Тамбовского университета. Серия: Естественные и технические науки. 2010. Т. 15. № 5. С. 1524—1526. <http://journals.tsutmb.ru/go/1810-0198/2010/5/1524-1526/> (дата обращения: 23.04.2021).

Korzhevina A. I., Chernyshev A. V., Lebedev V. V., Chernysheva M. L. (2010) Public Attitudes to Ethical and Legal Issues of New Reproductive Technology (Results of Sociological Research). *Tambov University Reports. Series: Natural and Technical Sciences*. Vol. 15. No. 5. P. 1524—1526. <http://journals.tsutmb.ru/go/1810-0198/2010/5/1524-1526/> (accessed: 23.04.2021). (In Russ.)

Курило Л. Ф., Боркина П. А., Гришина Е. М., Ижевская В. Л., Остроумова Т. В., Савельева А. П., Сорокина Т. М., Черных В. Б., Шилейко Л. В., Ярославцева Е. И. Социологическое исследование, посвященное этико-правовым проблемам биомедицинских технологий // Проблемы репродукции. 2001. Т. 7. № 6. С. 22—26. Kurilo L. F., Borkina P. A., Grishina E. M., Izhevskaya V. L., Ostroumova T. V., Saveleva A. P., Sorokina T. M., Chernykh V. B., Shileiko L. V., Yaroslavtseva E. I. (2001) Sociological Research on the Ethical and Legal Problems of Biomedical Technologies. *Russian Journal of Human Reproduction*. Vol. 7. No. 6. P. 22—26.

Bakker M. R., Maas J., Bekker M. H., Bredenoord A. L., Fauser B. C., Bos A. M. (2017). Autonomy and Self-Esteem of Women Who Donate to an Oocyte Cryopreservation Bank in the Netherlands. *Reproductive BioMedicine Online*. Vol. 35. No. 2. P. 225—231. <https://doi.org/10.1016/j.rbmo.2017.05.002>.

Bay B., Larsen P. B., Kesmodel U. S., Ingerslev H. J. (2014) Danish Sperm Donors across Three Decades: Motivations and Attitudes. *Fertility and Sterility*. Vol. 101. No. 1. P. 252—257.e1. <https://doi.org/10.1016/j.fertnstert.2013.09.013>.

Baykal B., Korkmaz C., Ceyhan S. T., Goktolga U., Baser I. (2008). Opinions of Infertile Turkish Women on Gamete Donation and Gestational Surrogacy. *Fertility and Sterility*. Vol. 89. No. 4. P. 817—822. <https://doi.org/10.1016/j.fertnstert.2007.04.022>.

Beeson D., Darnovsky M., Lippman A. (2015). What's in a Name? Variations in Terminology of Third-Party Reproduction. *Reproductive BioMedicine Online*. Vol. 31. No. 6. P. 805—814. <https://doi.org/10.1016/j.rbmo.2015.09.004>.

Bilinović A., Zotović M., Škorić M., Kričković-Pele K. (2018) Attitudes of Infertile Women in Serbia Towards Third-Party Reproduction. *Teme*. Vol. XLII. No. 4. P. 1107—1122. <https://doi.org/10.22190/teme1804107b>.

Blyth E., Yee S., Tsang A. K. T. (2011) “They Were My Eggs; They Were Her Babies”: Known Oocyte Donors’ Conceptualizations of Their Reproductive Material. *Journal of Obstetrics and Gynaecology Canada*. Vol. 33. No. 11. P. 1134—1140. [https://doi.org/10.1016/s1701-2163\(16\)35081-2](https://doi.org/10.1016/s1701-2163(16)35081-2).

Boivin J., Bunting L., Collins J. A., Nygren K. G. (2007) International Estimates of Infertility Prevalence and Treatment-Seeking: Potential Need and Demand for Infertility Medical Care. *Human Reproduction*. Vol. 22. No. 10. P. 2800. <https://doi.org/10.1093/humrep/dem299>.

Burkman R. T., Tang M.-T.C., Malone K. E., Marchbanks P. A., McDonald J. A., Folger S. G. (2003) Infertility Drugs and the Risk of Breast Cancer: Findings From the National Institute of Child Health and Human Development Women’s Contraceptive and Reproductive Experiences Study. *Fertility and Sterility*. Vol. 79. No. 4. P. 844—851. [https://doi.org/10.1016/s0015-0282\(02\)04950-6](https://doi.org/10.1016/s0015-0282(02)04950-6).

Delvigne A., Rozenberg S. (2002) Epidemiology and Prevention of Ovarian Hyperstimulation Syndrome: (OHSS): A Review. *Human Reproduction Update*. Vol. 8. No. 6. P. 559—577. <https://doi.org/10.1093/humupd/8.6.559>.

Ernst E., Ingerslev H. J., Schou O., Stoltenberg M. (2007) Attitudes Among Sperm Donors in 1992 and 2002: A Danish Questionnaire Survey. *Acta Obstetrica et Gynecologica Scandinavica*. Vol. 86. No. 3. P. 327—333. <https://doi.org/10.1080/00016340601133913>.

Fausser B. C. J. M., Boivin J., Barri P. N., Tarlatzis B. C., Schmidt L., Levy-Toledano R. (2019) Beliefs, Attitudes and Funding of Assisted Reproductive Technology: Public Perception of Over 6,000 Respondents From 6 European Countries. *PLOS ONE. Public Perception of IVF in Europe*. Vol. 1. No. 1. P. e0211150. <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0211150>.

Ferraretti A. P., Pennings G., Gianaroli L., Natali F., Magli M. C. (2010) Cross-Border Reproductive Care: A Phenomenon Expressing the Controversial Aspects of Reproductive Technologies. *Reproductive BioMedicine Online*. Vol. 20. No. 2. P. 261—266. <https://doi.org/10.1016/j.rbmo.2009.11.009>.

Forman-Rabinovici A., Sommer U. (2018) An Impediment to Gender Equality? Religion’s Influence on Development and Reproductive Policy. *World Development*. Vol. 105. P. 48—58. <https://doi.org/10.1016/j.worlddev.2017.12.024>.

Freeman T., Jadva V., Tranfield E., Golombok S. (2016) Online Sperm Donation: A Survey of the Demographic Characteristics, Motivations, Preferences and Experiences of Sperm Donors on a Connection Website. *Human Reproduction*. Vol. 31. No. 9. P. 2082—2089. <https://doi.org/10.1093/humrep/dew166>.

Goedeke S., Daniels K. (2017) The Discourse of Gifting in Embryo Donation: The Understandings of Donors, Recipients, and Counselors. *Qualitative Health Research*. Vol. 27. No. 9. P. 1402—1411. <https://doi.org/10.1177/1049732316672646>.

Goedeke S., Daniels K., Thorpe M. (2016) Embryo Donation and Counselling for the Welfare of Donors, Recipients, Their Families and Children. *Human Reproduction*. Vol. 31. No. 2. P. 412—418. <https://doi.org/10.1093/humrep/dev304>.

Gürtin Z. B., Ahuja K. K., Golombok S., (2012) Egg-Share Donors' and Recipients' Knowledge, Motivations and Concerns: Clinical and Policy Implications. *Clinical Ethics*. Vol. 7. No. 4. P. 183—192. <https://doi.org/10.1258/ce.2012.012024>.

Haimes E. (2013) Juggling on a Rollercoaster? Gains, Loss and Uncertainties in IVF Patients' Accounts of Volunteering for a U.K. 'Egg Sharing for Research' Scheme. *Social Science in Medicine*. Vol. 86. P. 45—51. <https://doi.org/10.1016/j.socscimed.2013.03.002>.

Hogan R. G., Wang A. Y., Li ZH., Hammarberg K., Johnson L., Mol B. W., Sullivan E. A. (2020) Having a Baby in Your 40s With Assisted Reproductive Technology: The Reproductive Dilemma of Autologous Versus Donor Oocytes. *Australian and New Zealand Journal of Obstetrics and Gynaecology*. Vol. 60. No. 5. P. 797—803. <https://doi.org/10.1111/ajo.13179>.

Inhorn M. C. (2020) Where Has the Quest for Conception Taken Us? Lessons From Anthropology and Sociology. *Reproductive Biomedicine & Society Online*. Vol. 10. P. 46—57. <https://doi.org/10.1016/j.rbms.2020.04.001>.

Jadva V., Freeman T., Kramer W., Golombok S. (2011) Sperm and Oocyte Donors' Experiences of Anonymous Donation and Subsequent Contact With Donor Offspring. *Human Reproduction*. Vol. 26. No. 3. P. 638—646. <https://doi.org/10.1093/humrep/deq364>.

Keney N. J., McGowan M. L. (2010) Looking Back: Egg Donors' Retrospective Evaluations of Their Motivations, Expectations, and Experiences During Their First Donation Cycle. *Fertility and Sterility*. Vol. 93. No. 2. P. 455—466. <https://doi.org/10.1016/j.fertnstert.2008.09.081>.

Klitzman R., Sauer M. V. (2014) Creating and Selling Embryos for "Donation": Ethical Challenges. *American Journal of Obstetric Gynecology*. Vol. 212. No. 2. P. 167—170. E1. <https://doi.org/10.1016/j.ajog.2014.10.1094>.

Lavoie K., Côté I., Montigny de F. (2018) Assisted Reproduction in the Digital Age: Stories of Canadian Sperm Donors Offering Their Gametes Online via Introduction Websites. *The Journal of Men's Studies*. Vol. 26. No. 2. P. 184—202. <https://doi.org/10.1177/1060826517737047>.

McMahon C.A., Gibson F.L., Cohen J., Leslie G. I., Tennant C. C., Saunders D. M. (2000) Mothers Conceiving Through in Vitro Fertilization: Siblings, Setbacks and Embryo Dilemmas after Five Years. *Reproductive Technologies*. Vol. 10. No. 3. P. 131—135.

McMahon C.A., Gibson F.L., Leslie G. I., Saunders D. M., Porter K. A., Tennant C. C. (2003) Embryo Donation for Medical Research: Attitudes and Concerns of Potential Donors. *Human Reproduction*. Vol. 18. No. 4. P. 871—877. <https://doi.org/10.1093/humrep/deg167>.

Mathieu S. (2020) Catholic Voice and Art: Revising the French Bioethics Law. *Reproductive Biomedicine & Society Online*. Vol. 11. P. 82—88. <https://doi.org/10.1016/j.rbms.2020.11.001>.

Merchant J. (2020) Inclusion, Exclusion: Comparative Public Policy (France/USA) In Access to Assisted Reproductive Technology. *Reproductive Biomedicine & Society Online*. Vol. 11. P. 18—23. <https://doi.org/10.1016/j.rbms.2020.09.004>.

Millbank J., Stuhmcke A., Karpin I. (2016) Embryo Donation and Understanding of Kinship: The Impact of Law and Policy. *Human Reproduction*. Vol. 32. No. 1. P. 133—138. <https://doi.org/10.1093/humrep/dew297>.

Mohr S. (2014) Beyond Motivation: On What It Means to Be a Sperm Donor in Denmark. *Anthropology & Medicine*. Vol. 21. No. 2. P. 162—173. <https://doi.org/10.1080/13648470.2014.914806>.

Ness R. B., Cramer D. W., Goodman M. T., Kjaer S. K., Mallin K., Mosgaard B. J., Purdie D. M., Risch H. A., Vergona R., Wu A. H. (2002) Infertility, Fertility Drugs, and Ovarian Cancer: A Pooled Analysis of Case-Control Studies. *American Journal of Epidemiology*. Vol. 155. No. 3. P. 217—224. <https://doi.org/10.1093/aje/155.3.217>.

Omani Samani R., Mounesan L., Ezabadi Z., Vesali S. (2015) Development of a questionnaire to measure attitude toward oocyte donation. *International Journal of Fertility and Sterility*. Vol. 9. No. 3. P. 387—392.

Parames S. F., Francisco L. S., Almada-Colucci J., Sato H., Ueno J. (2014) What Influences Oocyte Donation When There Is No Financial Compensation? / O que influencia doação de óvulos quando não há compensação financeira? *Reprodução & Climatério*. Vol. 29. No. 1. P. 8—12. <https://doi.org/10.1016/j.recli.2014.07.003>.

Parry S. (2006) (Re)constructing Embryos in Stem Cell Research: Exploring the Meaning of Embryos for People Involved in Fertility Treatments. *Social Science and Medicine*. Vol. 62. No. 10. P. 2349—2359. <https://doi.org/10.1016/j.socscimed.2005.10.024>.

Pennings G., Mouzon de J., Shenfield F., Ferraretti A. P., Mardesic T., Ruiz A., Goossens V. (2014) Socio-Demographic and Fertility-Related Characteristics and Motivations of Oocyte Donors in Eleven European Countries. *Human Reproduction*. Vol. 29. No. 5. P. 1076—1089. <https://doi.org/10.1093/humrep/deu048>.

Raz A., Amer-Alshiek J., Goren-Margalit M., Jacobi G., Hochberg A., Amit A., Azem F., Amir H. (2016) Donation of Surplus Frozen Pre-Embryos to Research in Israel:

Underlying Motivations. *Israel Journal of Health Policy Research*. Vol. 5. No. 1. <https://doi.org/10.1186/s13584-016-0085-4>.

Richards M., Pennings G., Appleby J. (2012) Reproductive Donation Practice, Policy and Bioethics. Cambridge: Cambridge University Press.

Riggs D. W., Russell L. (2011) Characteristics of Men Willing to Act as Sperm Donors in the Context of Identity-Release Legislation. *Human Reproduction*. Vol. 26. No. 1. P. 266—272. <https://doi.org/10.1093/humrep/deq314>.

Skoog-Svanberg A., Lampic C., Bergh T., Lundkvist Ö. (2003) Public Opinion Regarding Oocyte Donation in Sweden. *Human Reproduction*. Vol. 18. No. 5. P. 1107—1114. <https://doi.org/10.1093/humrep/deg222>.

Skoog-Svanberg A., Sydsjö G., Bladh M., Lampic C. (2016) Attitudes About Donor Information Differ Greatly Between IVF Couples Using Their Own Gametes and Those Receiving or Donating Oocytes or Sperm. *Journal of Assisted Reproduction and Genetics*. Vol. 33. No. 6. P. 703—710. <https://doi.org/10.1007/s10815-016-0694-4>.

Van den Broeck U., Vandermeeren M., Vanderschueren D., Enzlin P., Demyttenaere K., D'Hooghe T. (2013) A Systematic Review of Sperm Donors: Demographic Characteristics, Attitudes, Motives and Experience of the Process of Sperm Donation. *Human Reproduction Update*. Vol. 19. No. 1. P. 37—51. <https://doi.org/10.1093/humupd/dms039>.

Yee S., Blyth E., Tsang A. K.T. (2011) Oocyte Donors' Experiences of Altruistic Known Donation: A Qualitative Study. *Journal of Reproductive and Infant Psychology*. Vol. 29. No. 4. P. 404—415. <https://doi.org/10.1080/02646838.2011.611938>.

DOI: [10.14515/monitoring.2021.2.1690](https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.2.1690)

М. В. Кравцова

ПРЕДИКТОРЫ ИСТОРИЧЕСКОГО ТИПА СЕМЬИ НА ПРИМЕРЕ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

Правильная ссылка на статью:

Кравцова М. В. Предикторы исторического типа семьи на примере Российской империи // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2021. № 2. С. 95—120. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.2.1690>.

For citation:

Kravtsova M. V. (2021) Predictors of the Historical Family Type on the Example of the Russian Empire. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 2. P. 95–120. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.2.1690>. (In Russ.)

ПРЕДИКТОРЫ ИСТОРИЧЕСКОГО ТИПА СЕМЬИ НА ПРИМЕРЕ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

КРАВЦОВА Мария Владимировна — кандидат социологических наук, научный сотрудник Лаборатории сравнительных социальных исследований, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия

E-MAIL: maria_krav@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0001-7660-2030>

PREDICTORS OF THE HISTORICAL FAMILY TYPE ON THE EXAMPLE OF THE RUSSIAN EMPIRE

Maria V. KRAVTSOVA¹ — Cand. Sci. (Soc.), Research fellow of the Laboratory for Comparative Social Research

E-MAIL: maria_krav@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0001-7660-2030>

¹ National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia

Аннотация. В недавних исследованиях было показано, что историческая структура семьи имеет большое значение, так как она предопределила институциональное и экономическое развитие. Данная работа посвящена изучению факторов, обуславливающих разницу в устройстве семьи в прошлом, на примере Российской империи. Анализ основан на переписи Российской империи 1897 г. и других статистических материалах того же периода, а также на всемирных географических базах данных. Всего собранная база данных содержит 829 наблюдений на уровне уездов. Мы показываем, что расширенные семьи были более распространены на территориях 1) с лучшими природными условиями для ведения сельского хозяйства и большой долей сельскохозяйственного сектора в экономике, 2) с высоким уровнем экзистенциальной незащищенности, 3) населенных этносами с сильной локальной идентичностью, которые охраняют целостность своей группы, ограничивая контакты с аутсайдерами. В то же время собственность на землю, плотность населения и религия оказались незначимыми.

Abstract. Recent studies have shown that historical family structure is of great importance, since it affects institutional and economic development. This paper concerns predictors of historical family type in the Russian Empire. The analysis is based on the 1987 census of the Russian Empire and other statistical materials referring to the same period, as well as on various global geographical databases. In total, the collected dataset contains 829 observations at the district level. The author shows that extended families were more widespread in areas: 1) with better natural conditions for farming and a large share of agricultural sector in the economy; 2) with a high level of existential insecurity; 3) populated by ethnicities with strong group identity, who tend to protect the integrity of their group, limiting contacts with outsiders. Land ownership, population density, and religion were found to be insignificant.

Ключевые слова: расширенная семья, нуклеарная семья, сельское хозяйство, локальная идентичность, экзистенциальная незащищенность

Keywords: extended family, nuclear family, agriculture, local identity, existential insecurity

Благодарность. Статья подготовлена в результате проведения исследования в рамках Программы фундаментальных исследований Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ). Мы благодарны Н. Кирилиной, В. Козлову, А. Щербак и другим сотрудникам Лаборатории сравнительных социальных исследований за ценные комментарии.

Acknowledgments. The paper was prepared within the framework of the HSE University Basic Research Program. The author is grateful to N. Kirilina, V. Kozlov, A. Scherbak, and other members of the Laboratory for Comparative Social Research for their useful comments.

I. Введение

Согласно последним исследованиям, исторический тип семьи был одним из важных факторов институционального и экономического развития. Например, по мнению Дж. Шульца и соавторов [Schulz et al., 2019], Западной церкви удалось сместить траекторию развития европейских стран путем изменения структуры семьи и ослабления родственных связей. В результате сегодня страны Западной Европы характеризуются аббревиатурой: западные (West), образованные (Educated), индустриализированные (Industrialized), богатые (Rich) и демократичные (Democratic) (WEIRD). Существует много работ, показывающих, что историческая структура семьи повлияла на различные аспекты современной жизни. Так, доиндустриальный тип семьи сказался на экономическом развитии [Todd, 1990; Duranton, Rodríguez-Pose, Sandall, 2009], участии в политике [Alesina, Giuliano, 2011], генерализованном доверии [Alesina, Giuliano, 2011; Kravtsova, Oshchepkov, Welzel, 2018], позициях женщин и детей на рынке труда [Alesina, Giuliano, 2014], уровне образования и неравенства [Duranton et al., 2009], а также на государстве всеобщего благосостояния [Galasso, Profeta, 2012; Costa-Font, 2010].

В семье происходит первичная социализация человека и формируются его базовые ценности, многие из которых, например способность доверять незнакомым людям [Uslaner, 2000] и миру в целом [Ericson, 1993], закладываются в раннем детстве. Подобным образом отношения внутри семьи, в том числе и распределение власти, могут накладывать отпечаток на будущее и поведение ребенка. Результаты исследований, выявляющие связь между устройством семьи и социально-экономическими индикаторами, служат ярким доказательством того, что внутрисемейные ценности могут влиять на формирование общественных институтов.

Принимая во внимание, что структура семьи потенциально имеет важные последствия для общества, в данной работе мы решили сконцентрироваться на факторах, обуславливающих определенные типы семьи. В частности, на семью могут оказывать влияние географические и социально-экономические условия,

а также важные общественные институты. Изучая предикторы доиндустриальной семьи, мы приближаемся к разгадке известного пазла «Почему именно Европа», то есть почему именно в Западной Европе зародились богатые индустриальные и демократические государства. Таким образом, наша работа позволит изучить механизм институционального развития, основанного на структуре семьи.

Мы обращаемся к исторической семье, а не к современной, главным образом потому, что хотим объяснить длительные институциональные процессы, укорененные в прошлом. Именно исторический тип семьи определил дальнейшую траекторию развития разных стран мира, поэтому он заслуживает особого внимания.

В нашей работе мы различаем нуклеарные и расширенные семьи. Нуклеарная семья включает в себя только супругов и их детей, в то время как расширенные семьи могут состоять из нескольких поколений, а также родственников по боковой линии. Расширенная семья, как правило, более иерархична. Ей присущи два типа иерархий: гендерная (власть мужа над женой) и межпоколенческая (власть старшего поколения над более молодыми). Кроме того, расширенные семьи могут достигать внушительных размеров, поэтому для них, как и для других больших социальных групп, остро стоит проблема интеграции конфликтующих интересов. По этой причине наличие строгих правил и авторитарных отношений более важно для расширенных семей, чем для нуклеарных.

Расширенные и нуклеарные семьи способствуют формированию различных ценностей. Дети, которые были социализированы в расширенных семьях, придают большее значение ответственности, лояльности и послушанию, они меньше ценят индивидуализм и личные достижения [Rosen, 1961]. Расширенные семьи предполагают властные отношения и особый тип воспитания, основанный на физических наказаниях, насмешках и повышении голоса вместо логических вербальных объяснений и положительных стимулов [Elder, Bowerman, 1963]. На страновом уровне преобладание расширенных семей коррелирует с более медленным экономическим развитием [Todd, 1990; Duranton et al., 2009] и худшим качеством институтов, включая такие явления, как коррупция [Lipset, Lenz, 2000]. Подобная дисфункция институционального развития связана с формированием в расширенных семьях сильных родственных связей, которые доминируют над интересами общества и позволяют нарушать существующие нормы и правила в угоду интересам семьи. Распространенность нуклеарных семей, в свою очередь, имеет противоположные социальные последствия.

Для изучения факторов, влияющих на распространенность расширенного и нуклеарного типов семьи, мы используем данные переписи населения Российской империи 1897 г. и другие статистические материалы того же периода, а также шейп-файлы (shapefile) с географическими данными, содержащие информацию о природных условиях. В целом собранная нами база данных содержит 829 наблюдений на уровне уездов¹. Российская империя представляет прекрасную базу для подобного рода исследований, так как, с одной стороны, она включает в себя территории с различными географическими, климатическими и культурными ха-

¹ Единичной эконометрического анализа является уезд Российской империи. Индикаторы экзистенциальной незащищенности, такие как доля людей, страдающих инфекционными заболеваниями, и доля убитых от числа умерших внезапно доступны лишь на уровне губерний (см. табл. 1).

раактеристиками, а с другой — данный подход позволяет контролировать ряд общих для всего государства параметров. Более того, концентрируясь на регионах одного государства, мы можем собрать наибольшее число исторических показателей. Список индикаторов, доступных для разных стран, будет значительно уже, так как сбор данных является крайне времязатратным процессом, который часто бывает осложнен несовместимостью статистических стандартов.

Основываясь на результатах многомерного регрессионного анализа, мы показываем, что основными факторами преобладания расширенных семей являются природные условия, благоприятные для ведения сельского хозяйства, а также размер сельскохозяйственного сектора. Аграрное общество обеспечивало оптимальные условия для увеличения размера семьи, во-первых, потому что сельскохозяйственное производство было крайне трудоемким, а во-вторых, потому что в данном случае семья была производственной единицей. Кроме того, в нашей работе мы показываем, что представители этносов и территорий с сильной локальной идентичностью предпочитают более самодостаточные расширенные семьи, позволяющие минимизировать контакты с аутсайдерами. Наконец люди, постоянно ощущающие угрозу своему существованию и экзистенциальную незащищенность, с большей вероятностью выберут расширенную семью. Возможное объяснение заключается в том, что расширенные семьи более стабильны и менее экономически уязвимы в случае смерти одного из взрослых членов семьи.

Данная работа строится следующим образом: в разделе II мы представляем обзор литературы, который позволяет сформировать список возможных предикторов структуры семьи, а также формулируем гипотезы. Раздел III посвящен данным и методологии, результаты описаны в разделе IV, а V — заключительный.

II. Факторы расширенной и нуклеарной семьи

В этом разделе, исходя из теории, мы формулируем возможные предикторы структуры доиндустриальной семьи. Согласно историческим и этнографическим источникам, расширенная семья была продуктом аграрного общества, которое, с одной стороны, столкнулось с серьезной проблемой резкого увеличения плотности населения, а с другой стороны, нуждалось в больших семьях ввиду высокой трудозатратности сельскохозяйственного производства [Nimkoff, Middleton, 1960]. При этом известно, что в обществах охотников и собирателей преобладали нуклеарные семьи. У первобытных людей не было ни достаточно пищи, чтобы прокормить членов большой семьи, ни острой потребности в дополнительной рабочей силе внутри нее. Аналогичным образом количество расширенных семей начало резко сокращаться в значительно более поздний период развития цивилизации, когда в результате процессов индустриализации сельское хозяйство стало утрачивать свое значение, а семья перестала быть хозяйственной единицей.

Учитывая данные аргументы, можно предположить, что расширенная семья преобладала в обществах, которые раньше перешли к сельскому хозяйству и в которых оно было более развито ввиду благоприятных природных условий. Следовательно, мы выделяем ряд природных условий, которые (не) способствовали ведению сельского хозяйства и обуславливали распространение (нуклеарных) расширенных семей.

Существует теория, основанная на археологических находках, что сельское хозяйство пришло в Европу из Плодородного полумесяца на Ближнем Востоке, распространяясь со скоростью 1 км в год [Gangal, Sarson, Shukurov, 2014]. Таким образом, расстояние от каждого конкретного уезда Российской империи до Плодородного полумесяца может быть индикатором момента перехода от охоты и собирательства к сельскому хозяйству.

Климатические условия, такие как температура и осадки, также были важными предикторами развития сельского хозяйства и, следовательно, формирования определенной структуры семьи. В частности, для производства сельскохозяйственной продукции было необходимо достаточное количество осадков и отсутствие экстремально высоких температур в летний период. Кроме того, качество почвы имело немаловажное значение.

Лесное покрытие территории могло оказывать двоякий эффект. С одной стороны, лесные массивы затрудняли ведение сельского хозяйства, так как прежде, чем землю можно было использовать под посев, с нее должна была быть удалена вся растительность. Более того, леса, богатые растительной и животной пищей, создавали оптимальные условия для охотников и собирателей. В результате живущие в лесах племена имели меньше стимулов для перехода к аграрному обществу, что способствовало более позднему наступлению неолитической революции². Соответственно, на лесных территориях период охоты и собирательства, связанный с нуклеарной семьей, длился дольше. Согласно представленным аргументам, на территориях, покрытых лесом, должна была преобладать нуклеарная семья.

Однако существует и противоположная гипотеза. В Российской империи лесные территории часто использовались под подсечное земледелие. Это очень трудозатратная технология, когда лес сначала срубали, а потом сжигали с целью подготовить участок для ведения сельского хозяйства. Данную работу сложно было выполнять силами нуклеарной семьи, что, в свою очередь, способствовало формированию расширенных домохозяйств [Mitterauer, 1996].

Долины рек представляли благоприятные возможности для ирригации и одновременно были первыми оазисами, в которых зарождалась неолитическая революция [Childe, 1935]. Следовательно, мы ожидаем, что в долинах рек преобладали расширенные семьи.

Горные районы, по мнению некоторых ученых, также должны были способствовать формированию расширенных семей [Kaser, 2001; Todorova, 1989], поскольку в них складывалась особая организация сельского хозяйства, предполагающая обработку удаленных друг от друга земельных участков [Webster, 1973]. Есть работы, в которых расширенные семьи связываются со скотоводством в горах и необходимостью в кооперации нескольких родственников [Mitterauer, 1996]. Другой важной причиной распространения расширенных семей считалась сложность обеспечения общественного порядка на труднодоступных территориях. Например,

² См.: Welzel C., Alexander A. C., Klasen S. (2017) *The Cool Water Effect (Emerging New Monograph)*. URL: <https://www.researchgate.net/project/The-Cool-Water-Effect-Civilizations-Turn-into-Human-Empowerment-emerging-new-monograph> (дата обращения: 11.04.2021).

в горных районах на Балканах, которые Османская империя³ контролировала с трудом, скотоводство ассоциировалось с ношением оружия и борьбой со скотокрадами [Kaser, 2012: 122]. В подобных условиях формирование расширенных семей объясняется высокой потребностью в мужской силе [Brunnbauer, 2003].

Наряду с природными условиями на структуру семьи потенциально оказывали влияние устойчивые культурные факторы, такие как религия и этничность. Протестантизм, будучи индивидуалистической религией [Jha, Panda, 2017], с большей вероятностью мог сочетаться с нуклеарной семьей, чем иерархические религии, такие как ортодоксальное христианство, ислам, иудаизм и даже католицизм.

Этническая принадлежность, несущая в себе отпечаток исторических событий и социальных отношений в прошлом, также может пролить свет на причины того или иного устройства семьи. Нередко более сильной локальной идентичностью отличались этносы, которые в ходе истории часто завоевывались и становились жертвами насилия или принудительной ассимиляционной политики, а также этносы, рассеянные по территории империи и не имевшие привязки к конкретному региону [Fouka, 2020; Rohner, Thoenig, Zilibotti, 2013]⁴. В качестве примеров «неблагополучных» этнических групп можно привести армян, евреев и народности, жившие на границе империи. Желание этих этнических групп не допустить ассимиляции с остальным населением, поскольку это угрожало бы их существованию, могло привести к формированию более самостоятельных расширенных семей. Данный тип семьи позволял сократить контакты за пределами родственной группы, включая взаимодействие с представителями других этносов. Кроме того, сильная групповая идентичность внутри этноса могла быть связана с крепкими родственными связями, необходимыми для поддержания целостности расширенной семьи.

В данной работе отдельно выделяется группа предикторов исторической структуры семьи, которая включает в себя социально-экономические условия в конце XIX века. Во-первых, мы обращаемся к структуре экономики, в частности к долям в ней сельского хозяйства и индустриального сектора. Мы ожидаем, что большая доля сельскохозяйственного сектора и меньшая — индустриальной экономики способствовали формированию расширенных семей. Это объясняется тем, что несельскохозяйственные виды занятости были менее трудозатратными и, как правило, осуществлялись вне семьи.

Во-вторых, мы ожидаем, что плотность населения может быть возможным предиктором структуры семьи. При этом мы исходим из того, что в условиях быстрого роста населения и ограниченности земельных ресурсов люди предпочитали жить со своими родственниками, сформировав расширенную семью.

В-третьих, в ряде работ было показано, что структура семьи связана с собственностью на землю. Так, Р. Уолл приходит к выводу, что в Западной Фландрии домохозяйства крестьян — собственников земли были больше, чем домохозяйства

³ Территории Балканского полуострова находились под властью Османской империи примерно с XIV века до конца XIX века.

⁴ См. также: Dehdari S. H., Gehring K. (2019) The Origins of Common Identity: Evidence From Alsace-Lorraine. *American Economic Association*. URL: <https://www.aeaweb.org/articles?id=10.1257/app.20190772&&from=f> (дата обращения: 11.04.2021).

арендаторов земли [Wall, 1983]. Он объясняет это тем, что дети крестьян, арендующих землю, не имели права на наследство и могли в любой момент покинуть родительский дом. Напротив, в регионах, где земля была в собственности крестьян, наследники часто жили с родителями до их смерти. Мы ожидаем увидеть похожий паттерн и в Российской империи. В дореволюционной России много земель принадлежало крестьянским общинам. Вслед за Уоллом мы предполагаем, что расширенные семьи были более распространены в тех регионах, где земля была в частной собственности. Кроме того, в регионах, где сельскохозяйственные угодья принадлежали крестьянским общинам, семьи должны были быть больше. Данная гипотеза обусловлена политикой общин, которые перераспределяли землю между домохозяйствами в зависимости от количества взрослых мужчин в семье.

Наконец, четвертым фактором, способствующим распространению расширенных семей, можно назвать ощущение незащищенности и постоянной угрозы для жизни. Расширенные семьи были более стабильными, так как смерть одного из взрослых работников представляла меньшую угрозу для экономического благосостояния домохозяйства [Kaser, 2012]. Таким образом, в регионах с высоким уровнем смертности в результате болезней или преступности расширенные семьи были более оправданы.

Постоянное ощущение угрозы могло приводить к возникновению жестких социальных норм и строгих правил, соблюдение которых тщательно контролировалось [Gelfand, 2019]. Согласно теории Р. Инглхарта [Inglehart, 2018], при более благоприятных условиях внешней среды люди, наоборот, чувствуют большую экзистенциальную защищенность и становятся более индивидуалистичными, креативными и гибкими в отношении традиций. Строгое соблюдение правил — одно из важных условий выживания расширенных семей — не имело столь существенного значения для нуклеарных домохозяйств. Именно поэтому мы ожидаем, что атмосфера незащищенности и ощущение угрозы вкупе с наличием жестких норм могли создавать благоприятную почву для формирования расширенных семей.

Анализ приведенных выше теоретических подходов к интерпретации факторов возникновения того или иного типа семьи позволяет нам сформулировать следующие гипотезы:

- 1) Расстояние до Плодородного полумесяца отрицательно связано с расширенной семьей.
- 2) Высокая температура в летний период отрицательно связана с расширенной семьей.
- 3) Низкий уровень осадков отрицательно связан с расширенной семьей.
- 4) Качество почвы положительно связано с расширенной семьей.
- 5.1) Доля территории, покрытой лесом, отрицательно связана с расширенной семьей.
- 5.2) Доля территории, покрытой лесом, положительно связана с расширенной семьей.
- 6) Расстояние до ближайшей реки положительно связано с расширенной семьей.
- 7) Наличие гор положительно связано с расширенной семьей.

- 8.1) Протестантизм отрицательно связан с расширенной семьей.
8.2) Иерархические религии положительно связаны с расширенной семьей.
9) Доля людей, принадлежащих к «неблагополучным» этносам с сильной групповой идентичностью, положительно связана с расширенной семьей.
10) Размер несельскохозяйственного сектора экономики отрицательно связан с расширенной семьей.
11) Плотность населения положительно связана с расширенной семьей.
12.1) Доля сельскохозяйственной земли в частной собственности положительно связана с расширенной семьей.
12.2) Доля сельскохозяйственной земли в собственности крестьянских общин положительно связана с расширенной семьей.
13) Экзистенциальная незащищенность и угроза жизни положительно связаны с расширенной семьей.

III. Данные и методология

Данные

Зависимой переменной в нашем исследовании выступает средний размер семейного домохозяйства, взятый из переписи Российской империи 1897 г. В данный показатель включены только те его члены, которые относятся к родственной группе. К сожалению, имеющиеся данные не позволяют отличать нуклеарные семьи с большим количеством детей от расширенных домохозяйств. Чтобы решить эту проблему, мы вводим в качестве контрольной переменной показатель рождаемости: «количество детей (0—4 лет) на женщину фертильного возраста (15—44)».

В нашей эконометрической модели мы используем ряд независимых переменных, которые отражают предикторы структуры исторической семьи. Все они кратко представлены в таблице 1. Сводная статистика по всем переменным, используемым в работе, приведена в Приложении.

Таблица 1. Основные независимые переменные

Переменная	Источник	Методы расчета
Расстояние до Плодородного полумесяца	Вслед за К. Гангалом [Gangal et al., 2014] мы измеряем расстояние до Гешера (Geshar) в Израиле. Гешер был одним из независимых центров зарождения сельского хозяйства, откуда оно распространилось в Европу.	Расстояние между центроидами уездов Российской империи и центридом Гешера. Расчеты производились с помощью программы QGIS, версия 2.14.3.
Температура в летний период	Метеорологический сервис Meteoblue.com*.	Средняя температура в самый жаркий месяц года, агрегированный показатель за 30 лет (1987—2017). Мы собрали данные для доступных современных населенных пунктов, а потом сопоставили их с историческими уездами.

Переменная	Источник	Методы расчета
Осадки	Метеорологический сервис Meteobl.com.	Мы собрали данные для доступных современных населенных пунктов, а потом сопоставили их с историческими уездами.
Качество почвы	Проект «Всемирная пригодность почвы» (Global Suitability of Soil Project)**. Значение индекса основано на таких параметрах, как температура, качество почвы, осадки, топография.	Значения индекса были агрегированы на уровне уездов Российской империи с помощью программы QGIS, версия 2.14.3.
Лес	Доля территории, покрытой лесом, в досредневековый период [Pongratz et al., 2008].	
Горы	Всемирная мультирезольционная база данных возвышенностей земли 2010 (The Global Multi-resolution Terrain Elevation Data 2010)***.	
Расстояние до ближайшей реки	Всемирная самосоглавованная, иерархичная, высокорезольционная географическая база данных (Global Self-consistent, Hierarchical, High-resolution Geography Database)****.	Расстояние между центроидами исторических уездов и ближайшей точкой на реке, рассчитанное с помощью программы QGIS, версия 2.14.3.
Ортодоксальные христиане; протестанты; мусульмане (в %)	Перепись Российской империи 1897 г.*****	Мы сравниваем протестантов с ортодоксальными христианами и мусульманами потому, что эти две религии были наиболее распространены в Российской империи.
Этничность	Перепись Российской империи 1897 г.	Процент людей, считающих определенный язык родным. Мы используем языковые группы, представленные в таблице переписи, вместо отдельных языков, во-первых, потому что ничтожно малое количество людей в уезде говорит на отдельных языках. Во-вторых, нашей целью было по возможности сократить число независимых переменных в модели. Мы разбиваем языковые группы на отдельные языки только когда: 1) этносы, говорящие на языках одной группы, территориально расположены далеко друг от друга. Например, индоевропейские языки (греческий, индийский, армянский); 2) мы ожидаем, что эффекты различных языков одной языковой группы могут быть разными.

Переменная	Источник	Методы расчета
		Например, литовский, жмудский (преимущественно единонаследие), латвийский (преимущественно делимое наследование); 3) доля людей, говорящих на одном языке из группы, явно превалирует над всеми остальными языками. Пример — романские языки, где доля говорящих на молдавском и румынском языках в разы превышает число представителей других языков.
(Не)сельскохозяйственный сектор экономики	Перепись Российской империи 1897 г.	Первая главная компонента от грамотности (% людей 6+, которые умеют читать и писать) и урбанизации (% городского населения)
Плотность населения	Перепись Российской империи 1897 г.	Людей/км ²
Собственность на землю	Данные «Статистического временника Российской империи» за 1886 г.*****	Процент земли в частной собственности, в собственности общины, императорской семьи и государства
Экзистенциальная защищенность	1) Данные «Временника Центрального статистического комитета МВД» за 1988—1893 гг.*****; 2) Данные «Статистического ежегодника России» за 1912 г.*****	1) Процент убитых от людей, умерших внезапной смертью. Главная компонента от процента убитых мужчин и процента убитых женщин; 2) Процент людей, страдающих инфекционными заболеваниями в 1909 г.

* Метеорологический сервис Meteoblue.com предоставляет данные о погоде высокого качества. Сервис разработан университетом Базеля (Швейцария) в 2006 г. URL: www.meteoblue.com (дата обращения: 03.04.2021).

** Подробнее см. URL: <http://geoportal-glues.ufz.de/stories/globalsuitability.html> (дата обращения: 03.04.2021).

*** Подробнее см. URL: www.usgs.gov (дата обращения: 03.04.2021).

**** Подробнее см. URL: <https://www.ngdc.noaa.gov/mgg/shorelines/> (дата обращения: 03.04.2021).

***** Подробнее см. Архивные фонды Первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г. URL: <http://arch1897.histcensus.asu.ru/> (дата обращения: 03.04.2021).

***** Поземельная собственность Европейской России 1877—78 гг. // Статистический временник Российской империи. Серия III. Выпуск 10. СПб.: Центральный статистический комитет МВД, 1886. URL: http://nipol.ucoz.ru/load/statistika_rossijskoj_imperii/statisticheskij_vremennik_rossijskoj_imperii_1866_1890/statisticheskij_vremennik_rossijskoj_imperii_serija_3_vypusk_10/141-1-0-2422 (дата обращения: 03.04.2021).

***** № 41: Умершие насильственно и внезапно в 1988—1893 гг. // Временник Центрального статистического комитета Министерства внутренних дел. СПб., 1888—1903. URL: <http://elib.shpl.ru/ru/nodes/57575> (дата обращения: 03.04.2021).

***** Статистический ежегодник России 1912 г. (год девятый). СПб.: Центральный статистический комитет МВД, 1913. URL: <https://library6.com/books/ste912.pdf> (дата обращения: 03.04.2021).

Методология

Наш анализ ограничивается выборкой Российской империи. Подобный исследовательский дизайн позволяет собрать и проанализировать наибольшее количество предикторов исторической структуры семьи, а также сократить число возможных пропущенных переменных, часто затрудняющих межстрановое сравнение. Единицей анализа выступает исторический уезд. Максимальное число

наблюдений составляет 829, хотя некоторые переменные недоступны для всех уездов. Нашу базу данных можно разделить на две подвыборки: полная база данных, содержащая все регионы, и сокращенная база данных, включающая в себя территорию европейской части России. Индикаторы экзистенциальной защищенности доступны только на уровне губерний: процент убитых — 86 наблюдений, процент людей, страдающих инфекционными заболеваниями, — 91 наблюдение (подробнее см. Приложение).

В качестве основного метода эконометрического анализа в нашей работе используется многомерная регрессионная модель, где зависимой переменной выступает средний размер семьи. Мы имеем список предикторов, которые могут коррелировать друг с другом. Включение всех переменных в модель одновременно создает риск недостаточности вариации для выявления определенных эффектов. Однако, добавляя переменные в модель последовательно, можно столкнуться с еще более серьезной проблемой: если в ней не будут учтены важные контрольные переменные, можно получить смещенные коэффициенты и сделать ошибочные выводы. Следуя работе Д. Трейсмана [Treisman, 2000], столкнувшегося с аналогичной проблемой, мы предпочитаем взять на себя первый риск. Мы включаем в модель все необходимые контрольные переменные и при этом следим, чтобы фактор инфляции дисперсии (VIF) не превышал значение 5.

Некоторые из предикторов, такие как экономическое развитие или плотность населения, могут быть эндогенны, поскольку не только они могут влиять на структуру семьи, но и структура семьи может влиять на них. Чтобы снизить эндогенность, мы сначала включаем в регрессию экзогенные факторы, отражающие природные условия, затем — культурные факторы, такие как религия и этничность, и в последнюю очередь — социально-экономические условия в конце XIX века. Переменные этничности сильно коррелируют с религией и с расстоянием до Гешера, что приводит к росту VIF, поэтому в регрессионную модель они включены по отдельности.

IV. Результаты

Распределение зависимой переменной по губерниям представлено на рисунке 1. Малые семьи преобладали в прибалтийских губерниях, на приграничных территориях с другими странами, для которых был характерен западноевропейский тип семьи, основанный на единонаследии. Сравнительно небольшой размер семьи наблюдался также в столичных губерниях с высокой долей индустриализации и урбанизации: Московской и Санкт-Петербургской. Наибольший размер семьи встречается в Могилевской губернии, частично занимающей историческую область Полесье, известную своей сильной локальной идентичностью. Кроме того, расширенные семьи были распространены в губерниях, находящихся на территории Армении — региона с сильной этнической идентичностью. Наконец, вполне ожидаемо большой размер семьи был характерен для черноземных сельскохозяйственных губерний.

Результаты проверки большинства гипотез с помощью регрессионного анализа представлены в таблице 2, в то время как таблица 3 посвящена анализу влияния этносов. Полученные результаты показывают, что расширенная семья связана с распространением сельского хозяйства и косвенными признаками

более ранней неолитической революции. Расширенные домохозяйства встречаются в большем количестве в регионах с обильными осадками (гипотеза 3) и в долинах рек (гипотеза 6). Мы находим ожидаемую отрицательную корреляцию между расстоянием до Гешера и расширенной семьей (гипотеза 1). Однако этот результат не реплицируется во всех спецификациях.

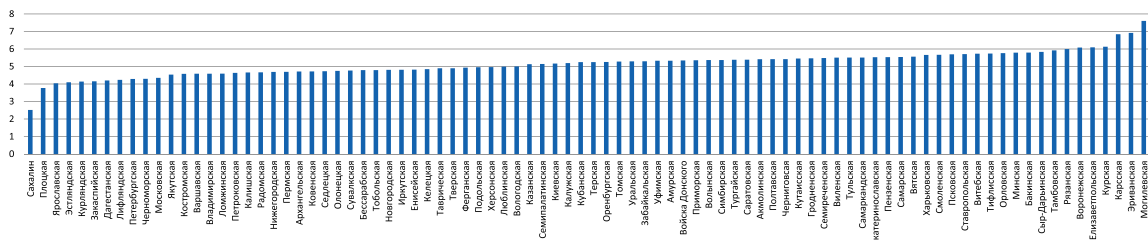

Рис. 1. Средний размер семьи, агрегированный по губерниям

Наиболее сильным предиктором расширенной семьи согласно размеру β -коэффициента оказывается доля земли, покрытая лесом в досредневековый период. В лесных регионах мы наблюдаем меньший размер домохозяйств. Это говорит о том, что сложные условия для ведения сельского хозяйства и более поздний переход от охоты и собирательства к земледелию и животноводству (гипотеза 5.1) в лесных районах с большей вероятностью объясняют структуру семьи, чем трудозатратное подсечное земледелие, указывающее на противоположную связь (гипотеза 5.2). Полученный результат остается устойчивым при контроле общинного и частного землепользования. В данном случае важно учитывать этот фактор, потому что крестьянские общины способствовали большей кооперации между семьями и тем самым снижали потребность в увеличении размера семьи в районах подсечного земледелия.

Доля несельскохозяйственного сектора отрицательно связана с расширенной семьей (гипотеза 10). Данный результат служит дальнейшим подтверждением того, что она является атрибутом аграрного общества и теряет свою значимость с приходом индустриальной революции.

Качество почвы оказывает значимый положительный эффект на размер домохозяйства (гипотеза 4) до тех пор, пока мы не контролируем долю (не)сельскохозяйственного сектора (см. табл. 2, спецификации 1 и 2). Вероятным объяснением может быть то, что развитие сельского хозяйства — единственный канал, связывающий качество почвы и размер семьи. После того как мы учитываем этот канал, качество почвы становится статистически незначимым. Полученный результат не реплицируется на сокращенной выборке для европейской части Российской империи, поэтому следует осторожно относиться к его интерпретации.

Наша модель показывает, что важно не только то, насколько распространено сельское хозяйство, но и какой его тип характерен для того или иного региона. Гипотеза о том, что в горных районах должны быть более распространены расширенные домохозяйства ввиду особого типа земледелия и скотоводства, находит свое подтверждение на данных (гипотеза 7).

Таблица 2. **Предикторы исторического типа семьи***
(результаты регрессионного анализа методом наименьших квадратов (МНК))

ЗП: Средний размер семьи	(1)	(2)	(3)	(4)	(5)
Возвышенность	0,200*** (0,063)	0,169*** (0,066)	0,133** (0,062)	0,103* (0,061)	-0,010 (0,311)
Пригодность почвы	0,137*** (0,056)	0,116** (0,060)	0,003 (0,062)	-0,017 (0,070)	-0,136** (0,091)
Средняя температура в самый жаркий месяц года	0,003 (0,014)	-0,066 (0,017)	-0,063* (0,010)	-0,046 (0,010)	-0,058** (0,009)
Средний уровень осадков в самый сухой месяц года	0,102 (0,007)	0,142* (0,008)	0,111* (0,007)	0,160** (0,008)	0,141*** (0,010)
Доля земли, покрытой лесом в досредневековые времена	-0,151*** (0,044)	-0,168*** (0,046)	-0,196*** (0,043)	-0,202*** (0,043)	-0,234*** (0,063)
Менее 50 км до ближайшей реки	0,121*** (0,039)	0,114*** (0,040)	0,133*** (0,041)	0,135*** (0,043)	0,116** (0,050)
Расстояние до Гешера	0,028 (0,000)	-0,000 (0,000)	-0,117** (0,000)	-0,116* (0,000)	-0,104 (0,000)
Детей (0—4) на женщину фертильного возраста (15—44)	0,355*** (0,050)	0,329*** (0,050)	0,202*** (0,057)	0,189*** (0,058)	0,165** (0,065)
Доля протестантов		-0,147*** (0,023)	0,052** (0,022)	0,064** (0,025)	0,029 (0,031)
Доля мусульман		0,087 (0,067)	-0,018 (0,067)	0,009 (0,069)	-0,048 (0,089)
Плотность населения			-0,012 (0,048)	-0,015 (0,050)	
(Не)сельскохозяйственный сектор			-0,438*** (0,043)	-0,441*** (0,044)	-0,471*** (0,051)
% людей, занятых в сельском хозяйстве			-0,016 (0,265)	-0,017 (0,271)	-0,060 (0,323)
% убитых (от людей, умерших внезапно)				0,065* (0,043)	0,035 (0,105)

ЗП: Средний размер семьи	(1)	(2)	(3)	(4)	(5)
Доля людей, страдающих инфекционными заболеваниями				0,083** (0,643)	-0,007 (1,028)
Доля земли в частной собственности					0,047 (0,003)
Доля земли в собственности крестьянских общин					0,054 (0,003)
_cons	-0,420 (0,539)	0,069 (0,642)	0,638 (0,464)	0,220 (0,478)	0,347 (0,727)
N	630	588	526	518	388
R2	25%	27%	37%	37%	37%

* В таблице указаны стандартизованные коэффициенты. Робастные стандартные ошибки приведены в скобках.

Помимо сельскохозяйственного объяснения мы исследуем также другие причины различий в структуре семьи. Гипотеза о том, что расширенные домохозяйства распространены среди «неблагополучных» этносов с сильной локальной идентичностью, находит частичное подтверждение (см. табл. 3). Мы видим внушительный положительный эффект белорусского этноса и достаточно большой эффект армянского народа. Стандартизованные коэффициенты показывают, что эти два эффекта являются самыми большими в модели с этническими предикторами.

Таблица 3. Влияние этносов на исторический тип семьи* (результаты МНК)

Языки и наречия	ЗП: средний размер семьи		
Польский	0,037 (1,160)	Латвийский язык	0,049** (0,174)
Славянские языки	0,001 (7,304)	Картвельские наречия	-0,078** (0,390)
Немецкий язык	0,068*** (0,566)	Кавказские наречия	-0,036 (0,657)
Еврейский язык	-0,076 (1,230)	Финские наречия	0,019 (0,150)
Армянский язык	0,226*** (0,476)	Молдавский и румынский языки	-0,048*** (1,406)
Таджикский язык	0,055 (1,553)	Наречия северных народов	0,067** (0,711)

Языки и наречия	ЗП: средний размер семьи	
Осетинский язык	0,058*** (1,145)	Германские языки 0,010 (4,721)
Малорусский язык	-0,057 (0,132)	Монголо-бурятские языки -0,025 (20,161)
Белорусский язык	0,347*** (0,413)	Языки народов Крайнего Востока -0,007 (2,381)
Турецко-татарские наречия	-0,028 (0,176)	Другие индоевропейские языки 0,067 (1,928)
Литовский язык	-0,012 (0,186)	Другие романские языки 0,027** (14,843)
Жмудский язык	-0,035*** (0,213)	Другие 0,005 (18,772)
N		489
R		53%

* В таблице указаны стандартизованные коэффициенты. Робастные стандартные ошибки приведены в скобках. В качестве контрольных переменных в модель включены все географические переменные, количество детей (0—4) на женщину фертильного возраста (15—44), размер (не)сельскохозяйственного сектора, доля людей, занятых в сельском хозяйстве, доля убитых от числа людей, умерших внезапно и доля страдающих инфекционными заболеваниями (см. таблицу 2, спецификацию 4 за исключением религиозной принадлежности и расстояния до Гешера). В качестве базовой группы взят процент людей, считающих русский язык родным.

Среди уездов с преобладающим белорусским этносом наибольший размер домохозяйства наблюдается в Могилевской губернии, расположенной на территории исторического региона Полесье. Сегодня Полесье разделено между четырьмя современными государствами: Белоруссией, Украиной, Россией и Польшей. Полесье было полиэтнической культурной зоной с сильной локальной идентичностью, которую населяли русские, белорусы и украинцы [Бондарчик, Браим, Бураковская, 1988]. Сильная идентичность жителей Полесья — полешуков — восходит к XIV веку, когда эта территория входила в Великое княжество Литовское и пользовалась определенной автономией. Далее, в XVI веке, часть Полесья была присоединена к Великому княжеству Московскому, а впоследствии — к Российской империи. Несмотря на тот факт, что большую часть времени Полесье было разделено между разными государствами, полешукам удалось сохранить свою идентичность вместе с обрядами и традициями.

Армения выступает следующим примером, показывающим, что сильная локальная (этническая) идентичность может коррелировать с расширенным типом семьи. Из-за своей стратегической позиции между востоком и западом Армения многократно захватывалась другими народами — персами, греками, римлянами, турками-сельджуками, тюркскими племенами и, наконец, русскими. Периоды

независимости страны сменялись периодами ее завоевания. Сегодня Армения представляет собой независимое государство, но этнические армяне разбросаны по всему миру и хорошо известны своей крепкой диаспорой, отражающей их сильную этническую идентичность [Tölölyan, 2000].

Однако еврейские семьи не подходят под наше объяснение. В спецификации модели, где мы не используем в качестве контрольной переменной (не)сельскохозяйственный сектор, процент евреев отрицательно коррелирует с расширенной семьей. При этом корреляция исчезает, как только мы учитываем этот канал влияния. Таким образом, можно предположить, что иудаизм, стимулируя образование, торговлю и ремесла, способствовал процессам индустриализации и, тем самым, сокращению размера семьи.

Тем не менее даже после того, как мы включаем в нашу модель (не)сельскохозяйственный сектор в качестве контрольной переменной, мы не наблюдаем положительной корреляции между долей евреев и размером домохозяйства. Этому может быть несколько объяснений. Одно из них основано на том, что еврейский этнос не имел четкой географической локализации в Российской империи. Не было ни одного уезда, где евреи составляли бы большинство населения: максимальная доля данного этноса в уезде не превышала 30 %, а в 83 % российских уездах она составляла менее 5 %. Столь маленький процент евреев может быть достаточным, чтобы сформировать образованный слой населения, который будет способствовать развитию несельскохозяйственных профессий в уезде и, в результате, сокращению семьи. При этом доля евреев может быть слишком мала, чтобы напрямую влиять на средний по уезду размер семьи.

Существует и другая причина, по которой положительная связь между долей евреев и размером домохозяйства может отсутствовать. Евреи редко были заняты в сельском хозяйстве, так как основными их профессиями были торговля, аренда и ремесла [Ивлева, 2017]. В результате содержание расширенной семьи для евреев было сопряжено скорее с издержками, чем с выгодами. К сожалению, дизайн нашего исследования не позволяет выявить эффект влияния этничности на структуру семьи при контроле занятости различных народов.

В остальном влияние этничности на расширенную семью обнаруживает предсказуемый паттерн. В частности, этносы, говорящие на румынском и молдавском языках, отличались меньшим размером семьи. В Молдавии и Румынии (бывшей Римской провинции) земельные наделы поровну делились между наследниками еще при жизни родителей, притом что младший сын оставался в родительском доме, а остальные дети основывали свои собственные домохозяйства [Kaser, 2009]. Таким образом, в данном регионе наблюдается смесь нуклеарных и родовых семей, которые могут уступать в размере расширенным семьям.

Средний размер домохозяйства в уездах, где преобладало немецкое население, оказался больше, чем в семьях с преобладающим русским населением. Возможно, это связано с политикой Екатерины II, которая приглашала немцев в Российскую империю прежде всего с целью модернизировать сельское хозяйство. Именно поэтому каждому переселенцу были дарованы большие земельные наделы и освобождение от налогов. Вовлеченность немцев в сельское хозяйство наряду с предоставленными льготами могли способствовать формированию рас-

ширенных семей. Не исключено, что желание сохранить собственную идентичность путем сокращения контактов с коренным населением тоже сыграло свою роль.

Северные коренные народности отличались большим размером семьи, что может быть связано с их кочевым образом жизни. Анализ прибалтийских этносов позволяет проследить границу между делимым наследием и единонаследием, которая отделяет Латвию от Литвы [Wetherell, Plakans, 1999]. Наша модель показывает, что латвийцы, практиковавшие делимое наследие, имели большие семьи, чем русские. Напротив, домохозяйства литовцев (говорящих на жмудском языке), практикующих единонаследие, были меньше, чем у русских. Среди кавказских этносов осетины были более склонны к формированию расширенных семей (об этом см., например, [Блейх, 2015]), в то время как семьи картвельских народов были меньше, чем у русских.

Гипотеза, что чувство угрозы и экзистенциальной незащищенности обуславливает распространение расширенных семей (гипотеза 13), не противоречит нашим данным. Доля людей, страдающих от инфекционных заболеваний, положительно коррелирует с размером семьи. Второй индикатор незащищенности — процент убитых от общего количества людей, умерших случайной смертью, также положительно связан с расширенной семьей, но коэффициент статистически не значим. Мы считаем, что первая мера незащищенности более надежна, потому что доля людей, болеющих инфекционными заболеваниями в 1909 г. (благополучный год в плане эпидемиологической обстановки), значительно выше (12%), чем доля общего количества внезапно умерших людей (0,05%). Следовательно, инфекционные заболевания представляли большую угрозу жизни и вызывали большую незащищенность, чем преступность. Коэффициенты при обеих мерах экзистенциальной незащищенности теряют свою значимость на выборке европейской части Российской империи, что может быть связано с существенным сокращением вариации.

Дополнительным подтверждением того, что расширенные семьи возникают в условиях незащищенности, служит положительная корреляция между горным ландшафтом и размером домохозяйств. Согласно приведенному анализу существующих исследований по изучаемой тематике, возможности государства обеспечивать порядок в труднодоступных горных районах значительно ниже, а уровень преступности, соответственно, выше.

Наконец, обоснование преобладания расширенных домохозяйств у армян и жителей Полесья локальной идентичностью может быть дополнено объяснением, основанным на ощущаемой ими угрозе: «неблагополучные» этносы, пережившие за свою историю множество завоеваний и насилия, предпочитают более стабильные расширенные семьи, которые помогают им компенсировать свою незащищенность.

Далее перейдем к гипотезам, не получившим подтверждения в ходе анализа. Мы не наблюдаем ожидаемой отрицательной корреляции между долей протестантов и расширенной семьей (гипотеза 8.1). Более того, полученная корреляция оказывается положительной. С одной стороны, положительная связь может быть обусловлена определенными характеристиками людей, которые мигрировали в Российскую империю из протестантских стран. Например, многие вышеупомянутые немцы-переселенцы, имеющие большой размер семьи, были протестантами.

С другой стороны, русские крестьяне, принявшие протестантизм, часто были более состоятельными по сравнению с крестьянами, сохранившими ортодоксальную веру [Argudiaeva, 2007]. Имея больше ресурсов, они могли позволить себе содержать семью большего размера. Гипотеза относительно иерархических религий также не находит подтверждения, так как мы не наблюдаем положительной корреляции между долей мусульман и расширенной семьей (гипотеза 8.2).

Гипотезы 12.1 и 12.2 о собственности на землю тоже не подтверждаются нашей моделью. Отсутствие статистически значимых коэффициентов говорит о том, что структура семьи не сильно различалась между территориями, где земля была в собственности крестьян или крестьянских общин, и остальными территориями.

Наконец, анализ показывает, что плотность населения не коррелирует с расширенным домохозяйством (гипотеза 11). Возможно, в силу обширной территории России давление населения было недостаточно сильным, чтобы изменить структуру семьи. В качестве альтернативы полученный результат может означать, что расширенные домохозяйства в Российской империи располагались на достаточно большом расстоянии друг от друга, что не приводило к увеличению плотности населения.

Сравнивая стандартизованные коэффициенты, можно сделать вывод, что расширенные домохозяйства в Российской империи были прежде всего ответом на потребности аграрного общества. Факторы, связанные с незащищенностью и угрозой, имеют меньшее значение, так как β -коэффициенты при переменных, отражающих природные условия для сельского хозяйства и переход от аграрного общества к индустриальному, имеют больший размер, чем β -коэффициенты при факторах экзистенциальной незащищенности. Локальная идентичность, в отличие от природных условий и климатической предрасположенности к распространению инфекций, не является экзогенным фактором, сопровождающим общество на протяжении всей истории. Она скорее связана с образованием государств и борьбой за территорию. При этом размер стандартизованных коэффициентов при переменных «армянский этнос» и «белорусский этнос» вполне сопоставим с размером таковых при «сельскохозяйственных» переменных.

Рис. 2. Процент объясненной дисперсии за счет ключевых факторов

Процент объясненной дисперсии в размере семьи с помощью выявленных нами причин представлен на рисунке 2. Размер (не)сельскохозяйственного сектора и условия для сельского хозяйства, отраженные на диаграмме темно- и светло-оранжевым цветом, относятся к «сельскохозяйственному» объяснению. Всего на него приходится 21 % дисперсии. Этнические переменные объясняют 14 % дисперсии, в то время как экзистенциальная незащищенность отвечает всего за 1 % дисперсии.

V. Дискуссия

Данная работа посвящена предикторам различий между нуклеарной и расширенной семьей в прошлом. Проведенный эконометрический анализ показал, что расширенные семьи с большей вероятностью были распространены в регионах с лучшими природными условиями для возделывания земли и с большим аграрным сектором, а также на территориях, раньше перешедших к сельскому хозяйству. Это связано, во-первых, с тем, что аграрное производство было трудозатратным. Во-вторых, на протяжении истории человечества семья выступала основной производственной единицей сельскохозяйственной продукции, поэтому ее размер был крайне чувствителен к объему сельского хозяйства в экономике региона.

С некоторыми ограничениями подтверждается гипотеза, что сильная локальная (этническая) идентичность может приводить к формированию расширенных домохозяйств. Представители народов, ощущающие необходимость защищать свою идентичность, предпочитают жить большими семьями потому, что это дает возможность ограничить их контакты за пределами семьи и предотвратить ассимиляцию.

Кроме того, мы показываем, что чувство угрозы и экзистенциальной незащищенности создает благоприятные условия для формирования расширенных семей. Подобным образом в условиях бедности и высокой смертности люди пытаются застраховать себя от возможной потери кормильца и получать дивиденды за счет эффекта от масштаба.

Гипотезы о влиянии права собственности на землю, религии и плотности населения на структуру семьи не нашли подтверждения в ходе проведенного нами эконометрического анализа.

Полученные на выборке Российской империи результаты позволяют сформулировать гипотезы для будущего межстранового анализа, который мог бы дать ответ на вопрос, почему в странах Северо-Западной Европы преобладали нуклеарные семьи [Hajnal, 1965], задавшие этой части мира особую траекторию развития. Можно предположить, что северо-западноевропейский тип семьи возник в результате меньшей угрозы инфекционных заболеваний в этом регионе. В пользу данного аргумента говорит то, что страны Северо-Западной Европы имеют низкие значения индекса подверженности инфекционным болезням (Parasite Stress Index) Финхера и Торнхила [Fincher, Thornhill, 2012].

Не исключено также, что нуклеарные семьи преобладали в Северо-Западной Европе потому, что жителям этого региона не нужно было защищать свою идентичность, так как их никогда не завоевывали государства с отличным от европейского культурным и институциональным наследием, такие как Монгольская или Османская империи.

Возможность применения «сельскохозяйственного» объяснения к распространности нуклеарного типа домохозяйств в Северо-Западной Европе вызывает сомнения. Мы не имеем доказательств того, что природные условия для сельского хозяйства в этом регионе были существенно хуже, чем в других⁵. Более того, сочетание нуклеарной семьи с единонаследием, обеспечивающим свободный рынок труда лишенных земли сельскохозяйственных работников, позволяло быстро приспосабливаться к любому уровню трудозатратности сельского хозяйства. В Российской империи, как и во многих других странах мира, где каждый сын получал равную долю наследства, рынок труда был недостаточно развит. В результате регулирование размера семьи было единственным возможным механизмом адаптации к разному уровню трудозатратности экономики.

Проведенное нами исследование может служить хорошим научным заданием для изучения первопричин экономического успеха стран Северо-Западной Европы. Более того, на примере России оно позволяет проследить историческую цепочку факторов, обуславливающих формирование определенной структуры семьи и, как следствие, — региональных экономических различий.

Список литературы (References)

Блейх Н. О. Вопросы семейной организации северокавказских народов в XIX — начале XX века // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. 2015. Т. 4. № 3. С. 23—32.

Bleich N. O. (2015) Questions of the Family Organization of North-Caucasian Peoples at XIX—The Beginning of XX Centuries. *Pushkin Leningrad State University Journal*. Vol. 4. No. 3. P. 23–32. (In Russ.)

Бондарчик В. К., Браим И. Н., Бураковская Н. И. Полесье. Материальная культура. 1988. Киев: Наук. Думка.

Bondarchik V. K., Braim I. N., Burakovskaya N. I. (1988) Polessie. Materialnaya kultura. Kiev: Naukova Dumka. (In Russ.)

Ивлева Ю. А. Основные занятия еврейского населения Таврической губернии в первой половине XIX века // Россия в мировой истории, науке и культуре. 2017. С. 3—10.

Ivleva Yu. A. (2017) Main Occupations of the Jewish Population in Tavricheskaya Gubernia in the First Half of the XIX Century. *Russia in the World History, Science and Culture*. P. 3–10. (In Russ.)

Alesina A., Giuliano P. (2011) Family Ties and Political Participation. *Journal of the European Economic Association*. Vol. 9. No. 5. P. 817–839. <https://doi.org/10.1111/j.1542-4774.2011.01024.x>.

Alesina A., Giuliano P. (2014) Family Ties. In: *Handbook of economic growth*. Vol. 2. P. 177–215. <https://doi.org/10.1016/B978-0-444-53538-2.00004-6>.

⁵ См.: Welzel C., Alexander A. C., Klasen S. (2017) *The Cool Water Effect* (Emerging New Monograph). URL: <https://www.researchgate.net/project/The-Cool-Water-Effect-Civilizations-Turn-into-Human-Empowerment-emerging-new-monograph> (дата обращения: 11.04.2021).

Argudiaeva I. V. (2007) Molokans in the Amur Region. *Russian Studies in History*. Vol. 46. No. 3. P. 56–77. <https://doi.org/10.2753/RSH1061-1983460303>.

Brunnbauer U. (2003) Descent or Territoriality: Inheritance and Family Forms in the Late Ottoman and Early Post-Ottoman Balkans. In: Grandits H., Heady P. (eds.) *Distinct Inheritances: Property, Family and Community in a Changing Europe. Halle Studies in the Anthropology of Eurasia*. Vol. 2. Münster: LIT. P. 293–321.

Costa-Font J. (2010) Family Ties and the Crowding Out of Long-Term Care Insurance. *Oxford Review of Economic Policy*. Vol. 26. No. 4. P. 691–712. <http://doi.org/10.1093/oxrep/grq040>.

Durantón G., Rodríguez-Pose A., Sandall R. (2009) Family Types and the Persistence of Regional Disparities in Europe. *Economic Geography*. Vol. 85. No. 1. P. 23–47. <https://doi.org/10.1111/j.1944-8287.2008.01002.x>.

Elder G. H., Jr., Bowerman C. E. (1963) Family Structure and Child-Rearing Patterns: The Effect of Family Size and Sex Composition. *American Sociological Review*. Vol. 28. No. 6. P. 891–905. <https://doi.org/10.2307/2090309>.

Fincher C. L., Thornhill R. (2012) Parasite-Stress Promotes in-Group Assortative Sociality: The Cases of Strong Family Ties and Heightened Religiosity. *Behavioral and Brain Sciences*. Vol. 35. No. 2. P. 61–79. <https://doi.org/10.1017/s0140525x11000021>.

Fouka V. (2020) Backlash: The Unintended Effects of Language Prohibition in U. S. Schools After World War I. *The Review of Economic Studies*. Vol. 87. No. 1. P. 204–239. <https://doi.org/10.1093/restud/rdz024>.

Galasso V., Profeta P. (2012) When the State Mirrors the Family: The Design of Pension Systems. London: Centre for Economic Policy Research.

Gangal K., Sarson G. R., Shukurov A. (2014) The Near-Eastern Roots of the Neolithic In South Asia. *PLoS One*. Vol. 9. No. 5. e95714. <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0095714>.

Gelfand M. (2019) Rule Makers, Rule Breakers: Tight and Loose Cultures and the Secret Signals That Direct Our Lives. London: Robinson.

Hajnal J. (1965) European Marriage Patterns in Perspective. In: Glass D., Eversley D. (eds.) *Population in History. Essays in Historical Demography*. Vol. I. General and Great Britain. New Brunswick: Aldine Transaction.

Inglehart R. F. (2018) Modernization, Existential Security, and Cultural Change. In: *Handbook of Advances in Culture and Psychology*. Vol. 7. P. 1–80.

Jha C., Panda B. (2017) Individualism and Corruption: A Cross-Country Analysis. *Economic Papers*. Vol. 36. No. 1. P. 60–74. <https://doi.org/10.1111/1759-3441.12163>.

Kaser K. (2012) The Balkan Joint Family Household: Seeking its Origins. In: Kaser K. *Household and Family in the Balkans: Two Decades of Historical Family Research at University of Graz*. Vol. 13. Münster: LIT. P. 109–129. <https://doi.org/10.1017/s0268416000004161>.

- Kaser K. (2001) Serfdom in Eastern Europe. In: Kertzer D. I., Barbagli M. (eds.) *The History of the European Family*. Vol. 1. New Haven, CT: Yale University Press. P. 24–62.
- Kaser K. (2009) The Stem Family in Eastern Europe: Cross-Cultural and Trans-Temporal Perspectives. In: Fauve-Chamoux A., Ochiai E. (eds.) *The Stem Family in Eurasian Perspective. Revisiting House Societies, 17th–20th Centuries*. Bern: International Academic Publishers. P. 253–272.
- Kravtsova M., Oshchepkov A. Y., Welzel C. (2018) The Shadow of the Family: Historical Roots of Social Capital in Europe. *Higher School of Economics Research Paper*. No. WP BRP/82/SOC/2018. <https://doi.org/10.2139/ssrn.3296310>.
- Lipset S. M., Lenz G. S. (2000) Corruption, Culture and Markets. In: Huntington S., Harrison L. (eds.) *Culture Matters: How Values Change Human Progress*. New York: Basic Books. P. 112–125.
- Mitterauer M. (1996) Family Contexts: the Balkans in European Comparison. *The History of the Family*. Vol. 1. No. 4. P. 387–406. [https://doi.org/10.1016/s1081-602x\(96\)90009-3](https://doi.org/10.1016/s1081-602x(96)90009-3).
- Nimkoff M. F., Middleton R. (1960) Types of Family and Types of Economy. *American Journal of Sociology*. Vol. 66. No. 3. P. 215–225. <https://doi.org/10.1086/222873>.
- Pongratz C. R., Raddatz T., Claussen M. (2008) A Reconstruction of Global Agricultural Areas and Land Cover for the Last Millennium. *Global Biogeochemical Cycles*. Vol. 22. No. 3. <https://doi.org/10.1029/2007gb003153>.
- Rohner D., Thoening M., Zilibotti F. (2013) Seeds of Distrust: Conflict in Uganda. *Journal of Economic Growth*. Vol. 18. No. 3. P. 217–252. <https://doi.org/10.1007/s10887-013-9093-1>.
- Rosen B. C. (1961) Family Structure and Achievement Motivation. *American Sociological Review*. Vol. 26. P. 574–585.
- Schulz J. F., Bahrami-Rad D., Beauchamp J. P., Henrich J. (2019) The Church, Intensive Kinship, and Global Psychological Variation. *Science*. Vol. 366. No. 6466. eaau5141. <https://doi.org/10.1126/science.aau5141>.
- Todd E. (1990) *L'invention de l'Europe*. Paris: Seuil.
- Todorova M. (1989) Myth-Making in European Family History: The Zadruga Revisited. *East European Politics and Societies*. Vol. 4. No. 1. P. 30–76. <https://doi.org/10.1177/0888325490004001003>.
- Treisman D. (2000) The Causes of Corruption: a Cross-National Study. *Journal of Public Economics*. Vol. 76. No. 3. P. 399–457. [https://doi.org/10.1016/s0047-2727\(99\)00092-4](https://doi.org/10.1016/s0047-2727(99)00092-4).
- Tölölyan K. (2000) Elites and Institutions in the Armenian Transnation. *Diaspora: A Journal of Transnational Studies*. Vol. 9. No. 1. P. 107–136. <https://doi.org/10.1353/dsp.2000.0004>.

Uslaner E. M. (2000) Producing and Consuming Trust. *Political Science Quarterly*. Vol. 115. No. 4. P. 569–590. <https://doi.org/10.2307/2657610>.

Wall R. (1983) Does Owning Real Property Influence the Form of the Household? An Example from Rural West Flanders. In: Wall R., Robin J., Laslett P. (eds.) *Family Forms in Historic Europe*. P. 379–408. <https://doi.org/10.1017/cbo9780511897535.013>.

Webster S. (1973) Native Pastoralism in the South Andes: Civilization's Turn Into Human Empowerment. *Ethnology*. Vol. 12. No. 2. P. 115–133. <https://doi.org/10.2307/3773341>.

Wetherell C., Plakans A. (1999) Borders, Ethnicity, and Demographic Patterns in the Russian Baltic Provinces in the Late Nineteenth Century. *Continuity and Change*. Vol. 14. No. 1. P. 33–56. <https://doi.org/10.1017/s0268416099003252>.

Приложение

Таблица. Сводная статистика по ключевым переменным

Название переменной	N	Среднее	Станд. отклонение	Минимум	Максимум
Средний размер семьи	751	5,185	0,857	1,983	11,524
Возвышенность	829	291,842	429,619	-9,182	3977,456
Пригодность почвы	829	40,105	21,560	0	82,175
Средняя температура в самый теплый период года	683	25,037	3,09262	15	39
Средние осадки в самый влажный период	683	28,780	9,008	0	59
Плотность населения, человек/км ²	761	41,200	50,433	0,006	759,851
Доля земли, покрытой лесом в досредневековые времена	759	0,319	0,253	0	0,923
Доля ортодоксальных христиан	715	69,371	36,661	0,071	99,962
Доля протестантов	715	3,754	14,826	0	97,329
Доля мусульман	715	12,603	28,209	0	99,882
Менее 50 км до ближайшей реки	828	0,231	0,422	0	1
Доля земли в частной собственности	482	37,041	16,927	0	80
Доля земли в собственности крестьянских общин	484	44,071	15,664	0,1	89,9
Доля казенных земель	453	11,723	20,173	0	99,9
Доля удельных земель	484	1,691	6,103	0	68,7
(Не)сельскохозяйственный сектор (главная компонента от грамотности и урбанизации)	765	0	1	-1,372	5,884
Главная компонента от доли убитых женщин и доли убитых мужчин (от общего числа женщин и мужчин, умерших внезапно)	86	0	1	-0,747	5,215
Доля людей, страдающих инфекционными заболеваниями	91	0,117	0,057845	0,012	0,308
Расстояние до Гешера (км)	820	2691,886	1167,591	1076,006	9317,958

Название переменной	N	Среднее	Станд. отклонение	Минимум	Максимум
Польский язык	667	0,008	0,026	0	0,348
Славянские языки	667	0,001	0,011	0	0,213
Немецкий язык	667	0,008	0,029	0	0,403
Еврейский язык	667	0,025	0,049	0	0,283
Армянский язык	667	0,015	0,077	0	0,855
Таджикский язык	667	0,001	0,025	0	0,509
Осетинский язык	667	0,001	0,028	0	0,654
Малорусский язык	667	0,139	0,285	0	0,980
Белорусский язык	667	0,049	0,186	0	0,899
Татский язык	667	0,118	0,259	0	0,992
Литовский язык	667	0,006	0,053	0	0,722
Жмудский язык	667	0,003	0,051	0	0,803
Латышский язык	667	0,019	0,121	0	0,943
Картвельские наречия	667	0,015	0,110	0	0,985
Турецко-татарские наречия	667	0,118	0,259	0	0,992
Кавказские наречия	667	0,019	0,122	0	0,997
Финские наречия	667	0,039	0,141	0	0,971
Монголо-бурятские наречия	667	0,002	0,033	0	0,735
Наречия северных племен	667	0,009	0,079	0	0,988
Германские языки	667	0,0001	0,002	0	0,056
Молдавский и румынский языки	667	0,006	0,059	0	0,778
Языки народов Дальнего Востока	667	0,001	0,017	0	0,362
Детей (0—4) на женщину фертильного возраста	762	0,722	0,035	0,538	0,936

DOI: [10.14515/monitoring.2021.2.1837](https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.2.1837)

А. В. Каравай

ДЕЙСТВИЯ РОССИЯН ПО УЛУЧШЕНИЮ СОБСТВЕННОГО МАТЕРИАЛЬНОГО ПОЛОЖЕНИЯ В ЭПОХУ COVID-19

Правильная ссылка на статью:

Каравай А. В. Действия россиян по улучшению собственного материального положения в эпоху COVID-19 // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2021. № 2. С. 121—137. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.2.1837>.

For citation:

Karavay A. V. (2021) The Behavior of Russians Aimed at Improving Their Financial Situation in the Era of COVID-19. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 2. P. 121–137. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.2.1837>. (In Russ.)

ДЕЙСТВИЯ РОССИЯН ПО УЛУЧШЕНИЮ СОБСТВЕННОГО МАТЕРИАЛЬНОГО ПОЛОЖЕНИЯ В ЭПОХУ COVID-19

КАРАВАЙ Анастасия Вадимовна — кандидат социологических наук, старший научный сотрудник, Институт социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук, Москва, Россия; старший научный сотрудник, Институт социальной политики, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия E-MAIL: karavayav@yandex.ru https://orcid.org/0000-0003-3122-4819

Аннотация. Исследование посвящено анализу действий россиян по улучшению своего материального положения в условиях экономического кризиса, вызванного пандемией коронавируса. Эмпирической базой выступили данные опросов Института социологии ФНИСЦ РАН за ряд лет, один из которых был проведен в сентябре 2020 г. В статье продемонстрированы изменения поведения россиян в условиях различных экономических кризисов, в частности сокращение популярности наиболее универсальных, сформировавшихся еще в 1990-е годы, способов улучшения своего материального положения, связанных со случайными заработками и подсобным хозяйством. Показано также, что, в отличие от кризиса 2014—2016 гг., в 2020 г. у многих ранее благополучных представителей массовых слоев общества произошло настолько серьезное сокращение источников доходов, что части из них пришлось изменить свое поведение и искать дополнительные способы поддержания материального положения. В результате среди представителей

THE BEHAVIOR OF RUSSIANS AIMED AT IMPROVING THEIR FINANCIAL SITUATION IN THE ERA OF COVID-19

*Anastasia V. KARAVAY^{1,2} — Cand. Sci. (Soc), Senior Researcher; Senior Reser-
cher, Institute for Social Policy
E-MAIL: karavayav@yandex.ru
https://orcid.org/0000-0003-3122-4819*

¹ Institute of Sociology of the Federal Center of the Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

² HSE University, Moscow, Russia

Abstract. The study analyzes the behavior of Russians aimed at improving their financial situation in the context of the economic crisis caused by the pandemic. The empirical base was the data of surveys conducted by the Institute of Sociology of the FCTAS RAS over a number of years, one of which was carried out in September 2020. The article demonstrates changes in the behavior of Russians in the context of various economic crises, in particular, the decline in the popularity of the most universal ways to improve their financial situation associated with odd jobs and subsidiary farming. It is also shown that in contrast to the crisis of 2014–2016, in 2020, many previously prosperous representatives of the mass strata of society experienced such a serious reduction in income sources that some of them had to change their behavior and look for additional ways to maintain their financial situation. As a result, representatives of the mass strata of the population began to more often turn to their close circle for help, and representatives of high-resource social groups began to practice

массовых слоев населения стало шире распространено привлечение помощи от близкого окружения, а также действия, характерные для относительно высокоресурсных социальных групп — совместительство, сверхурочная занятость, использование накопленных ранее материальных и финансовых активов. Однако собственных ресурсов даже у сравнительно благополучных представителей массовых слоев населения страны постепенно становится все меньше, а их наращивание в современных социально-экономических условиях затруднительно, поэтому для многих россиян единственной возможностью улучшения своего материального положения становится интенсификация занятости по найму. Однако внешним барьером для ее распространения оказывается ограниченность числа рабочих мест, предполагающих высококвалифицированный и высокооплачиваемый труд и/или оплату сверхурочной занятости.

Ключевые слова: адаптация, ресурсы населения, поведенческие паттерны, трудовые стратегии, влияние кризиса на общество, адаптационные стратегии

Благодарность. Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 17-78-20125).

Введение

Социально-экономические потрясения 2020 г. нанесли мощный удар по благосостоянию и занятости россиян. По данным Росстата¹, к концу III квартала уровень безработицы составил 6,3%, тогда как в конце 2019 г. он был 4,6%. Реальные располагаемые доходы россиян за 9 месяцев 2020 г. уменьшились на 4,3%, и хотя

part-time jobs, overtime work and the use of previously accumulated material and financial assets. However, their own resources are gradually becoming less and less even among relatively prosperous representatives of the mass strata of the country's population. Therefore, the intensification of hired employment is becoming the only way to improve the financial situation for many Russians. An external barrier to its spread is the limited number of jobs that involve highly skilled and highly paid work and/or overtime pay.

Keywords: adaptation, population's resources, behavioral patterns, labor strategies, the impact of the crisis on society, adaptation strategies

Acknowledgments. The study was supported by a grant from the Russian Science Foundation (project No. 17-78-20125).

¹ Уровень занятости населения в возрасте 15 лет и старше по субъектам Российской Федерации // Официальный сайт Росстата. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/xEwTeP4W/trud6_15-s.xls (дата обращения: 24.04.2021 г.)

по итогам III квартала 2020 г. был зафиксирован рост начисленных заработных плат и пенсий на 2,6%—2,8%², другие виды выплат гражданам продолжили сокращаться. В итоге роста зарплат и пенсий было недостаточно, чтобы компенсировать падение уровня реальных доходов населения.

Сами россияне также фиксировали негативную динамику благосостояния своих домохозяйств. По данным общероссийского социологического опроса ФНИСЦ РАН³, проведенного в сентябре 2020 г. ($N = 2\,000$), к этому моменту у трети (35%) взрослого населения страны сократились индивидуальные доходы, у половины семей, имеющих сбережения, была израсходована большая их часть, а у 38% выросли расходы на продукты питания и медикаменты. Что касается занятости, то каждый восьмой (12%) взрослый россиянин потерял работу, 13% респондентов оказались в неоплачиваемом отпуске или на грани увольнения, у 17% опрошенных возросла нагрузка на работе без увеличения оплаты труда. В условиях столь быстрых жизненных изменений россияне вынуждены были активизировать усилия по поддержанию своего материального благополучия. Анализ ответов на вопросы: «Каким образом в нынешних условиях пытаются поддержать свое материальное положение россияне?» и «Как выглядят их возможности в этой области?» посвящена данная статья.

Теоретическая и эмпирическая базы исследования

Существует несколько теоретических подходов к объяснению выбора индивидами действий по приспособлению к изменяющейся окружающей среде [Moen, Wethington, 1992; Allen, Henderson, 2016]. Один из них — структурный [Saraceno, 1989; Hareven, 1991; Bengtson, Allen, 2009] — предполагает, что действия человека по поддержанию и улучшению своего социально-экономического положения определяются внешними обстоятельствами: спецификой социальных институтов, доминирующими в общественном сознании ценностями и нормами и т. п. В отличие от структурного подхода, утверждающего приоритет внешней среды в процессах социально-экономической адаптации индивидов, теории рационального выбора [Becker, 1981; Berk, 1980; Coleman, 1986], наоборот, исходят из предпосылки, что все зависит от самих людей, которые для улучшения своего положения стремятся максимизировать отдачу от имеющихся у них материальных и нематериальных ресурсов. Третий подход, связанный с различными концепциями жизненного пути [Narotzky, Besnier, 2014], объединяет два предыдущих и основывается на идее, что индивиды выбирают стратегии поведения в соответствии со своими нормами, ожиданиями и располагаемыми ресурсами, которые, в свою очередь, определяются спецификой этапа их жизни, а также существующими в этот момент историческими, культурными и социальными условиями. Другими словами, люди максимизируют полезность имеющихся у них ресурсов, однако набор и ценность последних определяются этапом жизни человека, а также культурно-историческим и социально-экономическим контекстом.

² Оперативный доклад за январь — сентябрь 2020 г. (Приложение 1) // Счетная палата РФ. 2020. 9 ноября. URL: <https://ach.gov.ru/audit/9-mon-2020> (дата обращения: 21.04.2021).

³ На результатах этого опроса основано данное исследование.

В большинстве отечественных исследований, посвященных адаптационным действиям россиян, признается ведущая роль индивидуального выбора способов поддержания или улучшения собственного материального благополучия [Шабанова, 2001; Ромм, 2002; Козырева, 2013; Авраимова, 2018; Каравай, 2019]. При этом авторы объясняют распространенность того или иного поведенческого паттерна в том числе и имеющимися в рассматриваемый исторический момент особенностями функционирования общественных институтов и российской экономики. В целом отечественные ученые сходятся во мнении, что обычно россияне склонны действовать рационально, максимизируя отдачу от имеющихся у них материальных и нематериальных ресурсов для улучшения своего материального положения с учетом особенностей институциональной среды. Однако акторы осуществляют свой выбор в условиях неполной или искаженной информации, зачастую неверно оценивая вероятность успешного исхода собственных действий, что ограничивает их рациональность⁴. В результате в процессе выбора они скорее определяют «практическую применимость такого поведения и его соответствие достижимому в данных условиях уровню удовлетворения потребностей» [Вольчик, Зотова, 2011: 55].

Отдельно стоит отметить, что адаптация может рассматриваться не только в том ключе, в котором мы ее анализируем в данной статье — как процесс выбора индивидом действий, способствующих достижению его целей [Козырева, 2013: 21]. Зачастую исследователи (например, [Беляева, 2001; Авраимова, 2018; Смолева, 2020]) изучают степень адаптации людей, оценивая ее как результат предпринимаемых действий. Индикаторами адаптированности к изменениям во внешней среде при этом могут выступать разнообразные показатели: объективные или субъективные оценки динамики материального и социально-экономического положения; степень удовлетворенности различными аспектами жизни, психоэмоциональное состояние и состояние здоровья в целом. Наконец, наличие устоявшегося набора действий, связанное с ним отсутствие необходимости предпринимать еще какие-либо шаги и позитивные оценки соответствующих показателей адаптированности также свидетельствуют об успешности процесса адаптации. Бездействие же при условии низких показателей адаптированности, напротив, говорит о дезадаптации индивида [Готлиб, 2000; Корель, 2005; Смолева, 2020].

Богатая на социально-экономические потрясения новейшая история России дала огромное количество материала для исследований, посвященных способам адаптации россиян к непрерывным изменениям во внешней среде. Ретроспективный анализ [Гордон, 1994; Lokshin, Yemtsov, 2001; Адаптационные стратегии..., 2003; Герасимова, 2005; Каравай, 2020] показал, что типичные поведенческие паттерны, широко распространенные в настоящее время, сформировались еще в 1990-е годы. Стремительная трансформация социально-экономических институтов вынуждала россиян искать пути выживания, однако доступными для большинства из них оставались лишь способы, связанные с наращиванием активности на рынке труда или собственных приусадебных участках.

⁴ Согласно теории ограниченной рациональности Г. Саймона, в реальности индивидам крайне сложно адекватно оценить вероятность успешности предпринимаемых ими действий, поскольку их прогнозы строятся исходя из предыдущего жизненного опыта (своего или других людей). Кроме того, недостаточно полная или искаженная информация, сложившиеся привычки и предубеждения могут приводить к тому, что человек выбирает наиболее удобные для него, но не оптимальные для достижения поставленной цели действия. Подробнее см.: [Simon, 1959].

В тот период появились и новые возможности, связанные с получением ренты от частной собственности или предпринимательством, но они не получили широкого распространения.

Рост благосостояния россиян, наблюдавшийся в первой половине 2000-х годов, не привел к появлению новых способов улучшения материального благополучия, однако поведение части населения все же изменилось: выросла доля тех, кто ничего не предпринимал для изменения своего финансового положения, поскольку был удовлетворен им [Каравай, 2020]. Со второй половины 2000-х годов пассивная в отношении улучшения своего материального благополучия часть населения остается практически неизменной и составляет около трети массовых слоев общества. Причины этой пассивности неоднократно изменялись с течением времени и в зависимости от экономической ситуации, на что уже обращалось внимание в литературе [там же]. Однако пока не проводился анализ того, как последний экономический кризис сказался на спектре действий россиян по улучшению собственного материального положения и в каком состоянии возможности для них находились к началу 2020 г.

Эмпирической базой нашего исследования, посвященного именно этим сюжетам, стали данные опросов Института социологии ФНИСЦ РАН, проведенных весной 2018 г. и осенью 2020 г.⁵ Кроме того, в отдельных случаях мы использовали данные, собранные Институтом социологии ФНИСЦ РАН в 2015 г.⁶ — в разгар предыдущего экономического кризиса, а также в 2013 г.⁷ Это позволило сравнить поведение россиян в кризисных условиях в разные периоды и выявить специфику, присущую текущему этапу. Наконец, для анализа долгосрочных трендов мы опирались на исследования Института социологии ФНИСЦ РАН, проведенные в 2003 и 2008 гг.⁸ Во всех указанных исследованиях принципы построения многоступенчатой стратифицированной случайной выборки были идентичны и репрезентировали население страны от 18 лет и старше по регионам, а внутри них — по полу, возрасту и типу поселения. Опрос во всех случаях, в том числе и в 2020 г., проводился при личном интервьюировании респондентов.

Все массивы данных, на которых основывается наше исследование, содержали вопрос «Каким образом Вы или члены Вашей семьи пытаетесь изменить свое материальное положение в лучшую сторону?». Набор вариантов ответа из года в год не менялся и включал вариант «другое (что именно?)», при этом за рассматриваемый период альтернативные варианты если и возникали, то широкого распространения не получили. Кроме того, перечень закрытий предполагал варианты «ничего не предпринимаю, так как в этом нет необходимости» и «ничего не предпринимаю, так как ничего не могу сделать для улучшения своего положения». Это позволило определить причины бездействия респондентов в отношении улучшения их материального положения.

⁵ Восьмая (март 2018 г., N=4 000) и десятая (сентябрь 2020 г., N = 2 000) волны мониторинга Института социологии ФНИСЦ РАН.

⁶ Третья волна мониторинга Института социологии ФНИСЦ РАН (октябрь 2015 г., N = 4 000).

⁷ Исследование «Бедность и бедные в современной России», март 2013 г. (N = 1 600).

⁸ Исследование «Богатые и бедные в современной России», март 2003 г. (N = 2 106); Исследование «Малообеспеченные в современной России: кто они? Как живут? К чему стремятся?», июнь 2008 г. (N = 1 717).

Распространенность среди россиян различных действий по улучшению своего материального положения

Как мы уже упоминали выше, с конца 2000-х годов доля не предпринимающих никаких действий по улучшению своего материального положения россиян практически не менялась и составляла 34%—36% взрослого населения. Другими словами, большая часть россиян, независимо от экономической ситуации в стране, обычно предпочитает использовать те или иные способы улучшения собственного материального положения. При этом нельзя сказать, что эти способы у активной части населения разнообразны — из всего предложенного набора, включавшего двенадцать действий (в том числе вариант «другое»), в среднем россияне одновременно практиковали менее двух (среднее их количество в каждом из опросов составляло около 1,7, а медиана была неизменно равна 1).

Россиян, ничего не предпринимавших для улучшения собственного материального положения, в зависимости от их субъективных ощущений и обстоятельств жизни можно разделить на две подгруппы: «добровольно» и «вынужденно» бездействующих. Первые ничего не предпринимали, поскольку не видели в этом необходимости. С точки зрения теории они успешно завершили процесс адаптации [Корель, 2005], поскольку «набрали» определенный набор действий, необходимых для поддержания своего материального положения на устраивающем их уровне, что проявлялось в том, что они сравнительно чаще остальных оценивали его как хорошее или были им удовлетворены (как плохое его оценивали в этой группе только 10%). «Вынужденно» бездействующие, наоборот, не видели возможностей улучшить свое материальное положение, хотя наверняка искали их, поскольку чаще остальных негативно оценивали не только сегодняшнее его состояние (36%), но и прошлую динамику своего материального положения не менее чем в половине случаев (53%). Это позволяет охарактеризовать таких «вынужденно» бездействующих как дезадаптантов [Готлиб, 2000]. Данные свидетельствуют, что с 2013 г. доля дезадаптантов в массовых слоях российского общества находилась в диапазоне 20%—24% (см. рис. 1), что говорит об отсутствии почти у четверти россиян ресурсов для успешной адаптации к неблагоприятным внешним условиям. «Добровольно» бездействующие — это, напротив, обычно наиболее благополучные представители массовых слоев населения, накопившие достаточно материальных и нематериальных ресурсов [Каравай, 2019] и в целом удовлетворенные своим положением. Не случайно, по данным 2018 г., среди довольных собственным материальным положением россиян половина предпочитала ничего не предпринимать для его улучшения. Однако к осени 2020 г. соответствующий показатель сократился до 35%. Численность «добровольно» бездействующих респондентов в целом уменьшилась с 17% в 2018 г. до 12% к осени 2020 г. Это говорит о том, что, сравнивая себя с другими, многие считают свое положение в нынешних условиях хорошим, однако поддержание его на привычном уровне требует от них активизации усилий. В то же время в разгар предыдущего кризиса, весной 2015 г., число удовлетворенных своим материальным положением россиян также уменьшилось, однако существенного сокращения группы «добровольно» бездействующих не произошло (16% — в 2013 г. и 15% — в 2015 г.), то есть положение тех, чьи запросы соответствовали возможностям их удовлетворения, ухудшилось тогда в меньшей

степени, чем в настоящее время. Все это свидетельствует о том, что в эпоху пандемии негативные процессы, происходящие в экономике, как никогда ранее сильно повлияли на поведение индивидов, прежде считавшихся адаптированными к реалиям современной России, поэтому части из них пришлось начать предпринимать активные действия по улучшению своего материального положения.

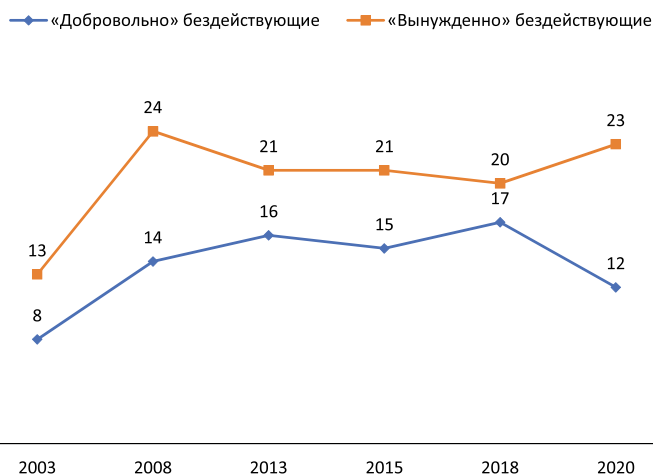

Рис. 1. Динамика численности «добровольно» и «вынужденно» бездействующих в отношении улучшения собственного материального положения россиян (в %) ⁹

Рассмотрим теперь другую часть россиян, проявляющих активность для улучшения собственного материального положения ¹⁰. В зависимости от того, какие ресурсы используют индивиды, весь перечень выбираемых ими действий можно условно разделить на четыре группы:

1) действия, связанные с рынком труда: увеличение нагрузки на основной работе, поиск дополнительной постоянной занятости и/или временных приработков, переквалификация с целью занять более привлекательную профессиональную позицию;

2) действия, связанные с использованием накопленных материальных ресурсов: «проедание» имеющихся денежных накоплений, продажа или сдача в аренду недвижимости или товаров длительного пользования, использование продуктов личного приусадебного хозяйства для собственного потребления или на продажу;

3) действия, связанные с привлечением внешних ресурсов: увеличение долговой нагрузки, использование помощи других людей;

4) действия, направленные на подготовку к миграции или эмиграции.

В предыдущих исследованиях было показано, что выбор тех или иных действий для улучшения своего материального положения в значительной степени зависит от имеющихся у индивида ресурсов [Аврамова, Логинов, 2002; Козырева, 2013;

⁹ По данным опросов Института социологии ФНИСЦ РАН.

¹⁰ Далее, говоря о тех, кто что-либо предпринимал для улучшения своего материального положения, мы будем условно называть их «активной» частью россиян.

Каравай, 2019]. Следовательно, изменения в наличии или объеме тех или иных ресурсов повлияют на поведение людей. Будут оказывать воздействие на это поведение и внешние институциональные условия, обуславливающие возможности индивидов практиковать те или иные действия.

Данные свидетельствуют, что ориентированные на рынок труда стратегии улучшения материального положения уже долгое время остаются наиболее распространенными. Такого рода действия и в 2018, и в 2020 гг. встречались более чем у двух третей «активных» россиян. В то же время, как показано на рисунке 2, характер этих действий изменился. Если в 2018 г. использование любых разовых приработков для повышения материального благополучия практиковали 40 % «активных» россиян (58 % среди практиковавших действия, ориентированные на рынок труда), то в 2020 г. — только 33 % (49 % среди практиковавших действия, ориентированные на рынок труда). Это связано, видимо, со «схлопыванием» рынка услуг из-за минимизации социальных контактов во время пандемии, а также с падением доходов населения. Несколько сократилось и количество россиян, которые для поддержания своего материального положения практиковали только разовые приработки — с 15 % до 11 % «активного» населения¹¹. Перераспределение произошло в пользу более устойчивых форм занятости: постоянной множественной и сверхурочной на основной работе.

Увеличилась и доля стремящихся изменить свое положение на рынке труда через переквалификацию. При этом представители молодежи до 25 лет почти в четыре раза чаще, чем в 2018 г., стали рассматривать переквалификацию в качестве способа улучшить свое материальное положение (11 % вместо 3 % выбирающих активную модель поведения молодых людей соответствующего возраста). В когорте 26—35-летних, напротив, расширилась практика интенсификации постоянной занятости. Учитывая сложности с трудоустройством молодежи до 25 лет и востребованность на рынке труда работников 26—35 лет, это означает усиление соответствующих тенденций в ходе нынешнего экономического кризиса.

Как показывают предыдущие исследования, сравнительно чаще дополнительную постоянную занятость выбирают лица с высоким качеством человеческого капитала¹² (в случае рабочих — имеющие не менее пятого разряда), причем у этой наиболее квалифицированной части работников физического и нефизического труда сокращается доля использовавших другие возможности для сохранения своего привычного уровня жизни. Так, за последние 2,5 года в составе «активных» россиян с четверти до трети выросла доля тех, кто пытается улучшить свое материальное положение только с помощью постоянной дополнительной занятости и не предпринимает ничего более, то есть другие действия для представителей наиболее квалифицированных работников, видимо, менее эффективны, а для кого-то, возможно, и недоступны.

¹¹ Сокращение произошло в большой степени за счет отказа молодежи от таких действий. Так, если в 2018 г. использовали любую возможность для заработков 50 % лиц до 25 лет и 40 % лиц 26—35 лет, то осенью 2020 г. соответствующие показатели сократились до 38 % и 32 % соответственно.

¹² Обучавшиеся не менее 15 лет, владеющие иностранными языками и использующие информационные технологии в повседневной жизни, а также включенные в процессы непрерывного образования. Подробнее см.: [Тихонова, Каравай, 2017].

Рис. 2. Динамика распространенности действий по улучшению материального положения (в % от что-либо предпринимавших)¹³

Неоднозначна ситуация с таким «универсальным» для россиян способом выживания в трудные времена, как выращивание продуктов на приусадебных, садовых и т. п. участках. Несмотря на то, что данный способ поддержания материального положения в 2020 г. использовался третью «активных» россиян, в масштабах страны это сравнительно немного (если говорить о россиянах в целом, включая и «пассивную» их часть, то всего 20 %). Кроме того, наше и другие исследования [Воронин и др., 2020: 85] фиксируют постепенное сокращение числа сторонников таких действий с начала 2000-х годов. Так, в 2003 г. доля сторонников поддержания своего материального положения за счет продукции с приусадебных и т. п. участков составляла 58 % активного населения, а к 2018 г. этот показатель сократился до 35 %. Причем этот способ теряет популярность даже среди людей старшего возраста и сельских жителей. Это происходит в том числе из-за продолжающегося процесса «обезземеливания» последних. Так, за период с 2008 по 2018 г. доля владеющих земельными участками сельчан сократилась с 55 % до 48 %.

¹³ По данным опросов Института социологии ФНИСЦ РАН.

Выше мы уже говорили о том, что многим представителям относительно благополучных слоев, которые обычно довольны своим материальным положением и поэтому предпочитают бездействовать в отношении его улучшения, в 2020 г. пришлось изыскивать дополнительные источники доходов. В условиях ограниченных возможностей для активизации занятости это стало причиной двукратного роста числа россиян, использующих накопленные ранее сбережения. По оценкам самих россиян, практически каждому шестому из них в течение первых трех кварталов 2020 г. пришлось потратить большую часть (или все) сбережений семьи. Динамика субъективных оценок наличия сбережений показывает, что доля имеющих какие-либо накопления россиян падала в течение последних пяти лет: в 2015 г. сбережения имели 33%, в 2018 году — 30%, в 2020 г. — 28%. Статистика ЦБ РФ также свидетельствует о падении темпов прироста средне- и долгосрочных вкладов в российских банках, начиная с марта 2020 г.¹⁴ В итоге возможности россиян из высокоресурсных слоев поддерживать приемлемый уровень доходов за счет имеющихся накоплений сокращаются уже более пяти лет, причем текущий кризис ускорил эти процессы.

Последнее, о чем нам осталось упомянуть, обозначая тенденции изменений поведения россиян в связи с текущим кризисом, — это рост доли населения, прибегающего к внешней помощи с целью поддержания своего материального благополучия. Этот рост произошел не за счет тех, кто для улучшения материального положения прибегал к наращиванию долговой нагрузки, — их доля в составе «активных» россиян в течение последних пяти лет остается на уровне 14—15%¹⁵, а за счет тех, кто для этих целей стал обращаться к близким и родным, — таких в 2020 г. по сравнению с 2018 г. стало сравнительно больше, а их медианный возраст вырос с 37 до 39 лет.

Возможность пользоваться внешней помощью имеется, однако далеко не у всех россиян, а лишь у тех, чье окружение имеет для этого ресурсы. Как показано на рисунке 3, даже на фоне наиболее благополучной в плане ресурсообеспеченности ее представителей группы «добровольно» бездействующих, у сторонников получения внешней помощи по некоторым ее видам ситуация выглядела лучше, что и позволяло им активно использовать данный ресурс. Так, их социальное окружение чаще, чем у остальных, могло помочь пережить временные трудности за счет небольших займов, помощи в поиске разовых приработков и даже в устройстве на хорошую работу.

Таким образом, используют ресурс своих социальных сетей прежде всего люди, которые этот ресурс имеют. Однако таких среди россиян оказывается уже не больше половины, хотя в целом для населения нашей страны всегда было свойственно обращаться к социальному ресурсу в сложных жизненных ситуациях, в частности

¹⁴ Банковский сектор в сентябре: неоднородная динамика кредитования // О чем говорят тренды? Макроэкономика и рынки. Бюллетень Департамента исследований и прогнозирования ЦБ РФ. Ноябрь 2020. № 7. С. 35—40. URL: https://www.cbr.ru/Collection/Collection/File/31429/bulletin_20-07.pdf (дата обращения: 01.12.2020).

¹⁵ Речь идет не о всех россиянах, которые прибегают к заемным средствам для покупки необходимых товаров, включая и недвижимость (их доля в 2018 г. составляла 42%, а в 2020 г. — 45%), а именно о той части населения, представители которой рассматривают наращивание долговой нагрузки как способ поддержать приемлемый уровень жизни, зачастую в условиях отсутствия для этого других возможностей, кроме как занять денег «до получки» у близкого окружения.

в момент потери занятости и поиска новой работы [Авраамова, Логинов, 2002; Козырева, 2013].

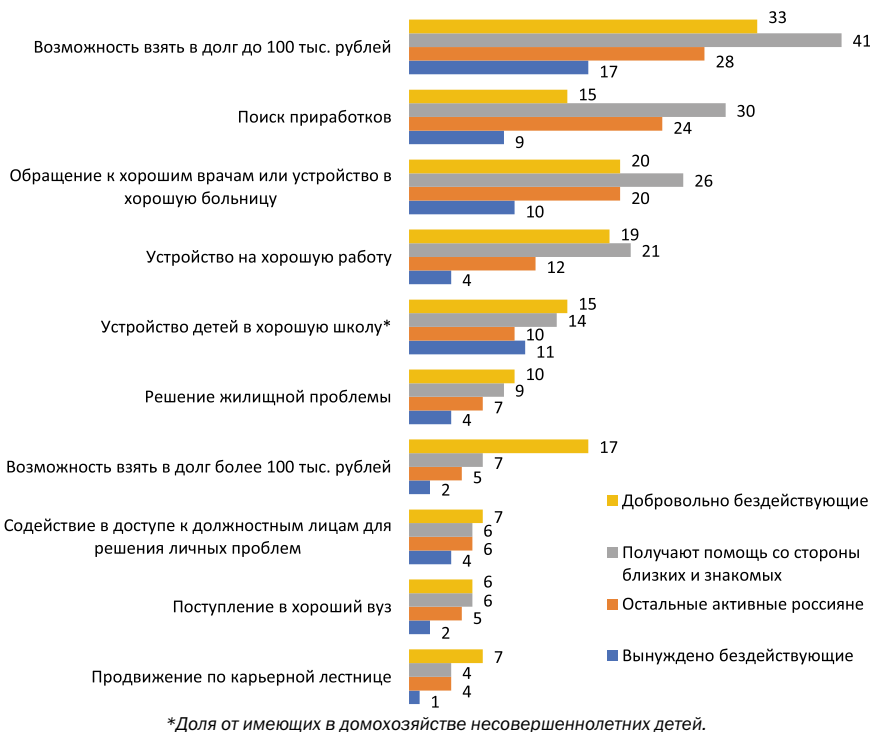

Рис. 3. Распространенность возможности получить различные виды помощи среди получающих ее от ближнего окружения, а также среди «добровольно» и «вынужденно» бездействующих (в %) ¹⁶

Напомним также, что в теории социальный капитал принято разделять на два вида: замыкающий (эксклюзивный), связанный с родственными, неформальными и другими связями в группах, гомогенных по тем или иным основаниям, и связующий (инклюзивный), включающий межгрупповые контакты [Woolcock, 1998; Putnam, 2001]. Последний напрямую связан с уровнем доверия в обществе. Если с учетом этого посмотреть на распределение оценок в вопросах о распространенности доверия и взаимопомощи в российском обществе, то видно, что пока существует определенного рода паритет между теми, кто говорит о дефиците доверия ¹⁷ и индивидуализме россиян ¹⁸, и теми, кто склоняется к другому полюсу оценок. Осенью 2020 г. половина массовых слоев населения оценивала на пять баллов из десяти возможных и уровень доверия в обществе, и склонность людей к взаимопомощи, однако при этом только четверть россиян ставили соответствующую

¹⁶ По данным опроса Института социологии ФНИСЦ РАН, 2020 г.

¹⁷ Шкала: «Большинству людей сегодня можно доверять» (10 баллов) / «Осторожность в доверии не помешает» (1 балл).

¹⁸ Шкала: «Люди стараются помогать другим» (10 баллов) / «Люди чаще всего заботятся только о себе» (1 балл).

щие оценки выше шести баллов. Кроме того, по субъективным оценкам россиян, ситуация с доверием в российском обществе с годами ухудшается. Дополнительно осложнила эту ситуацию пандемия: мнение, что уровень доверия в течение II и III кварталов 2020 г. снизился, высказывала в сентябре 2020 г. половина (49 %) взрослого населения, и только 7 % считали, что этот показатель вырос.

Таким образом, на данный момент связующий социальный капитал имеет тенденцию к сокращению, в то время как ситуация с замыкающим социальным капиталом противоречива, но в целом тоже не очень благополучна. Дальнейшее развитие событий в таком русле может привести к тому, что российское общество постепенно фрагментируется на группы, не связанные друг с другом, причем вне этих групп окажутся многие россияне, зачастую лишенные других видов ресурсов (на данный момент таких половина). Все это, в свою очередь, будет тормозить не только социальную мобильность, но и развитие экономики, поскольку для ее роста социальный капитал имеет большое значение [Westloong, Adam, 2010].

Заключение

Сложившиеся у россиян в 1990-е годы поведенческие паттерны, обеспечивающие относительную стабильность или даже улучшение их материального положения, сохраняли свою значимость и в последующие десятилетия новейшей истории России. Несмотря на то, что постепенно в них происходят и накапливаются определенные изменения, к концу второй декады XXI века наиболее распространенными действиями среди россиян, предпочитающих что-либо предпринимать для поддержания своего материального положения, по-прежнему оставались случайные заработки и работа на приусадебных участках. Эти действия «универсальны» в том смысле, что они характерны для представителей любых слоев общества, но в первую очередь их практикуют те, кто входит в наиболее уязвимые социальные группы, поскольку другие способы улучшения материального положения для них недоступны. При этом все меньшее количество россиян практикуют в последние годы как выращивание продуктов, все еще остающееся значимой составляющей в «стратегиях выживания» жителей сельской местности и малых городов, так и разовые приработки, поддерживающие материальное положение представителей низкоресурсных слоев населения в крупных городах. Не последнюю роль в этих процессах сыграли изменения на рынке труда, выраженные в повышении трудовых нагрузок у всех работающих, и сокращение доли собственников земли в сельской местности.

Снижение уровня реальных доходов населения в 2020 г. привело к тому, что в ходе текущего кризиса впервые за сравнительно длительное время многим из тех жителей страны, кто, как казалось, успешно адаптировался к сложившимся в современной России «правилам игры», пришлось предпринимать действия по «спасению» привычного уровня своего материального благосостояния. В итоге по сравнению с 2018 г. доля «добровольно бездействующих» сократилась на 30 %, хотя до этого она с 2003 г. росла небольшими темпами. Одновременно увеличилась доля дезадаптантов, то есть тех, кто не сумел приспособиться к сложившимся институциональным условиям, но выросла она относительно меньше — на 15 %. Вероятно, свою роль здесь сыграли беспрецедентные меры социальной под-

держки уязвимых слоев населения, предпринимавшиеся российскими властями в наиболее острый период пандемии COVID-19.

Следствием описанных выше процессов стало не только изменение структуры группы «пассивных» россиян, но и то, что группа активно действующей в отношении поддержания своего материального положения части населения пополнилась представителями сравнительно благополучных и высокоресурсных социальных слоев. Это привело к большему распространению среди «активных» россиян действий, которые предполагают использование накопленных ранее материальных и нематериальных ресурсов, — расходование сбережений, получение рентных платежей от сданной в аренду недвижимости, обращение к помощи ближнего окружения и т. д., то есть использование внешних ресурсов. Для менее обеспеченных групп граждан доступными остались только те адаптационные действия, которые связаны с постоянной занятостью: осенью 2020 г. стало больше тех, кто для поддержания материального положения стал наращивать трудовые нагрузки на одном или нескольких местах постоянной работы, однако экономически эффективной эта стратегия являлась, видимо, в основном для высококвалифицированной части населения.

Таким образом, основные изменения в адаптационном поведении россиян выражались к концу 2020 г. в том, что многим наиболее благополучным из них приходилось тратить накопленные ранее ресурсы, восполнение которых в условиях пандемии и вызванного ею экономического кризиса представляет нелегкую задачу. Виной тому и падение реальных доходов населения, что препятствует восстановлению потраченных в течение 2020 г. сбережений, и сокращение и без того ограниченного количества рабочих мест, предполагающих высокие заработные платы и оплату сверхурочной занятости, и общий рост безработицы, и истощение социального капитала как на микроуровне, так и в обществе в целом.

Список литературы (References)

Адаптационные стратегии населения / под ред. Авраамовой Е. М. СПб.: ИСЭПН РАН, 2003.

Avraamova E. M. (ed.) (2003) *Adaptation Strategies of the Population*. Saint Petersburg: ISESP RAS. (In Russ.)

Авраамова Е. М. Российское население в постсоветский период: опыт кризисов и социальные ресурсы развития. М.: Дело, 2018.

Avraamova E. M. (2018) *Russian Population in the Post-Soviet Period: An Experience of Crises and Social Resources of Development*. Moscow: Delo. (In Russ.)

Авраамова Е. М., Логинов Д. М. Адаптационные ресурсы населения: попытка количественной оценки // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2002. № 3. С. 13—17.

Avraamova E. M., Loginov D. M. (2002) *Adaptation Resources of the Population: An Attempt to Quantify*. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 3. P. 13—17. (In Russ.)

Беляева Л. А. Идеально типические группы адаптации в современной России // Кто и куда стремится вести Россию? Акторы макро, мезо и микроуровней современно-

го трансформационного процесса / под общ. ред. Т. И. Заславской. М.: МВШСЭН. 2001. С. 327—333.

Belyaeva L. A. (2001) Ideally Typical Groups of Adaptation in Modern Russia. In: Zaslavskaya T. I. (ed.) *Who Aspires to Lead Russia and Where to? Actors of Macro-, Meso- and Micro- Levels of the Contemporary Transformation Process*. Moscow: MSSES. P. 327—333. (In Russ.)

Вольчик В. В., Зотова Т. А. Адаптивная рациональность и экономическое поведение в эволюционном контексте // *Terra Economicus*. 2011. Т. 9. № 4. С. 54—64.
Vol'chik V. V., Zotova T. A. (2011) Adaptive Rationality and Economic Behavior in an Evolutionary Context. *Terra Economicus*. Vol. 9. No. 4. P. 54—64. (In Russ.)

Воронин Г. Л., Киселева И. П., Козырева П. М., Косолапов М. С., Низамова А. Э., Сивкова И. В., Смирнов А. И., Соколова С. Б., Тонис Е. И., Евграфова К. О. Российские домохозяйства: экономическое поведение, положение на рынке труда, социальное самочувствие (по данным РМЭЗ НИУ ВШЭ 1994—2018 гг.) // Вестник Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ (RLMS-HSE). 2020. Вып. 10. / отв. ред. П. М. Козырева. М.: Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». С. 7—94. URL: <https://online.fliphtml5.com/vgyjk/hwgy/#p=6> (дата обращения: 26.04.2021).

Voronin G. L., Kiseleva I. P., Kozyreva P. M., Kosolapov M. S., Nizamova A. E., Sivkova I. V., Smirnov A. I., Sokolova S. B., Tonis E. I., Evgrafova K. O. (2020) Russian Households: Economic Behavior, Position On The Labor Market, Social Well-Being (RLMS-HSE, 1994—2018). In: Kozyreva P. M. (ed.) *Bulletin of the Russian Longitudinal Monitoring Survey*. M.: HSE University. URL: <https://online.fliphtml5.com/vgyjk/hwgy/#p=6> (accessed: 26.04.2021). (In Russ.)

Герасимова С. Б. Стратегии выживания семей в условиях рыночной экономики // Изучение проблем бедности в России. М.: Алекс. 2005. С. 190—206.

Gerasimova S. B. (2005) Family Survival Strategies in a Market Economy. In: *Study of Poverty in Russia*. Moscow: Alex. P. 190—206. (In Russ.)

Гордон Л. А. Социальная адаптация в современных условиях // Социологические исследования. 1994. № 8. С. 3—15.

Gordon L. A. (1994) Social Adaptation in Modern Conditions. *Sociological Studies*. No. 8. P. 3—15. (In Russ.)

Готлиб А. С. Социально-экономическая адаптация россиян: опыт сочетания количественной и качественной методологии в одном отдельно взятом исследовании // Социология: методология, методы, математическое моделирование (Социология: 4М). 2000. № 12. С. 5—24. URL: https://www.fnisc.ru/index.php?page_id=2384&id=3935&l=&j=6 (дата обращения: 26.04.2021).

Gotlib A. S. (2001) Socio-Economic Adaptation of Russians: Experience of Combining Quantitative and Qualitative Methodology in One Single Study. *Sociology: Methodology, Methods, Mathematical Modeling (Sotsiologiya: 4M)*. No. 12. P. 5—24. URL: https://www.fnisc.ru/index.php?page_id=2384&id=3935&l=&j=6 (accessed: 26.04.2021). (In Russ.)

Каравай А. В. Основные модели социально-экономической адаптации в разных стратах российского общества // *Terra Economicus*. 2019. Т. 17. № 3. С. 128—145. <https://doi.org/10.23683/2073-6606-2019-17-3-128-145>.

Karavay A. V. (2019) Basic Models of Socio-Economic Adaptation in Different Strata of Russian Society. *Terra Economicus*. Vol. 17. No. 3. P. 128—145. <https://doi.org/10.23683/2073-6606-2019-17-3-128-145>. (In Russ.)

Каравай А. В. Изменения в стратегиях социально-экономической адаптации россиян в конце XX—начале XXI вв. // *Журнал институциональных исследований*. 2020. Т. 12. № 1. С. 144—159. <https://doi.org/10.17835/2076-6297.2020.12.1.144-159>.

Karavay A. V. (2020) Changes in the Russians' Strategies of Socio-Economic Adaptation in the Late XX—Early XXI Centuries. *Journal of Institutional Studies*. Vol. 12 No. 1. P. 144—159. <https://doi.org/10.17835/2076-6297.2020.12.1.144-159>. (In Russ.)

Козырева П. М. Ресурсы и практики социально-экономической адаптации населения России. М.: Новый хронограф, 2013.

Kozyreva P. M. (2013) Resources and Practices of Socio-Economic Adaptation of the Russian Population. Moscow: New Chronograph. (In Russ.)

Корель Л. В. Социология адаптаций: вопросы теории, методологии и методики. Новосибирск: Наука, 2005.

Korel L. V. (2005) Sociology of Adaptation: Problems of Theory, Methodology and Technique. Novosibirsk: Nauka. (In Russ.)

Ромм М. В. Адаптация личности в социуме: Теоретико-методологический аспект. Новосибирск, 2002.

Romm M. V. (2002) Adaptation of Personality in Society: Theoretical and Methodological Aspect. Novosibirsk. (In Russ.)

Смолева Е. О. Социальная адаптация, социальный капитал и здоровье населения Вологодской области // *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*. 2020. № 4. С. 136—161. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.4.983>.

Smoleva E. O. (2020) Social Adaptation, Social Capital and Population Health in the Vologda region. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 4. P. 136—161. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.4.983>. (In Russ.)

Тихонова Н. Е., Каравай А. В. Человеческий капитал российских рабочих: общее состояние и специфические особенности // *Мир России*. 2017. Т. 26. № 3. С. 6—35. <https://doi.org/10.17323/10.17323/1811-038X-2017-26-3-6-35>.

Tikhonova N. E., Karavay A. V. (2017) The Human Capital of Russian Workers: The Overall State and Its Specifics. *Universe of Russia*. Vol. 26. No. 3. P. 6—35. URL: <https://doi.org/10.17323/10.17323/1811-038X-2017-26-3-6-35>. (In Russ.)

Шабанова М. А. Массовые адаптационные стратегии и перспективы институциональных трансформаций // *Мир России*. 2001. Т. 10. № 3. С. 78—104. URL: <https://mirros.hse.ru/article/view/5341> (дата обращения: 26.04.2021).

Shabanova M. A. (2001) Mass Adaptation Strategies and Prospects of Institutional Transformations. *Universe of Russia*. Vol. 10. No. 3. P. 78—104. <https://mirros.hse.ru/article/view/5341> (accessed: 26.04.2021). (In Russ.)

- Allen K. R., Henderson A. C. (2016) *Family Theories: Foundations and Applications*. Hoboken, NJ: Wiley.
- Becker G. S. (1981). *A Treatise on the Family*. Cambridge, MA: Harvard University Press.
- Bengtson V. L., Allen K. R. (2009) The Life Course Perspective Applied to Families over Time. *Sourcebook of Family Theories and Methods*. In: *Sourcebook of Family Theories and Method*. Boston, MA: Springer. P. 469—504. https://doi.org/10.1007/978-0-387-85764-0_19.
- Berk R. A. (1980) The New Home Economics: An Agenda for Sociological Research. In: Berk S. F. *Women and Household Labor*. Beverly Hills, CA: Sage. 1980. P. 113—148.
- Coleman J. S. (1986) Social Theory, Social Research, and a Theory of Action. *American Journal of Sociology*. Vol. 91. No. 6. P. 1309—1335. URL: <https://www.journals.uchicago.edu/doi/abs/10.1086/ajs.91.6.2779794> (accessed: 26.04.2021).
- Narotzky S., Besnier N. (2014) Crisis, Value, and Hope: Rethinking the Economy. *Current Anthropology*. Vol. 55. No. S9. P. S4-S16. <https://doi.org/10.1086/676327>.
- Hareven T. K. (1991) The History of the Family and the Complexity of Social Change. *The American Historical Review*. Vol. 96. No. 1. P. 95—124. <https://doi.org/10.1086/ahr/96.1.95>.
- Lokshin M., Yemtsov R. (2001) Household Strategies for Coping With Poverty and Social Exclusion in Post-Crisis Russia. *Policy Research Working Papers*. The World Bank. <https://doi.org/10.1596/1813-9450-2556>.
- Moen P., Wethington E. (1992) The Concept of Family Adaptive Strategies. *Annual Review of Sociology*. Vol. 18. No. 1. P. 233—251. <https://doi.org/10.1146/annurev.so.18.080192.001313>.
- Putnam R. (2001) Social Capital: Measurement and Consequences. *Canadian Journal of Policy Research*. No. 2. P. 41—51.
- Saraceno C. (1989) The Concept of Family Strategy and Its Application to the Family-Work Complex: Some Theoretical and Methodological Problems. *Marriage & Family Review*. Vol. 14. No. 1—2. P. 2—18. https://doi.org/10.1300/j002v14n01_01.
- Simon H. A. (1959) Theories of Decision-Making in Economics and Behavioral Science. *The American Economic Review*. Vol. 49. No. 3. P. 253—283. URL: <https://www.jstor.org/stable/1809901> (accessed: 26.04.2021).
- Woolcock M. (1998) Social Capital and Economic Development: Toward a Theoretical Synthesis and Policy Framework. *Theory and Society*. Vol. 27. No. 2. P. 151—208. <https://doi.org/10.1023/A:1006884930135>.
- Westlund H., Adam F. (2010) Social Capital and Economic Performance: A Meta-Analysis of 65 Studies. *European Planning Studies*. Vol. 18. No. 6. P. 893—919. <https://doi.org/10.1080/09654311003701431>.

DOI: [10.14515/monitoring.2021.2.1702](https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.2.1702)

Е. В. Щанина

ПРАКТИКИ ПОВЕДЕНИЯ ПОЖИЛЫХ ЛЮДЕЙ, НАПРАВЛЕННЫЕ НА ПОВЫШЕНИЕ СВОЕГО БЛАГОСОСТОЯНИЯ, В СОВРЕМЕННОМ РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ

Правильная ссылка на статью:

Щанина Е. В. Практики поведения пожилых людей, направленные на повышение своего благосостояния, в современном российском обществе // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2021. № 2. С. 138—161. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.2.1702>.

For citation:

Shchanina E. V. (2021) Behavioral Practices of Senior Citizens Aimed at Improving Their Well-Being in Contemporary Russia. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 2. P. 138–161. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.2.1702>. (In Russ.)

ПРАКТИКИ ПОВЕДЕНИЯ ПОЖИЛЫХ ЛЮДЕЙ, НАПРАВЛЕННЫЕ НА ПОВЫШЕНИЕ СВОЕГО БЛАГОСОСТОЯНИЯ, В СОВРЕМЕННОМ РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ

ЩАНИНА Екатерина Владимировна — доктор социологических наук, доцент, профессор кафедры «Социология и управление персоналом», Пензенский государственный университет, Пенза, Россия

E-MAIL: shchanina@mail.ru

https://orcid.org/0000-0002-6834-1886

Аннотация. Актуальность исследования обусловлена возрастающей потребностью в решении социально-экономических проблем, связанных с увеличением доли и численности пожилых людей, а также с соответствующими изменениями в социальной структуре российского социума, в системах производства, распределения и потребления, что в итоге влияет на положение всех социальных групп и слоев. Цель исследования — выявить практики поведения пожилых людей, направленные на повышение своего благосостояния. Эмпирическая часть статьи основана на данных авторских межрегиональных исследований, полученных в ходе анкетных опросов пенсионеров — «Направления социальной активности пожилых людей в процессе социальной адаптации» (2018—2019 гг.) и работодателей — «Востребованность представителей старшего поколения на рынке труда (2018 г.). Обобщив теоретико-методологические подходы, рассматривающие социальное поведение пожилых людей в современных условиях, автор типологизирует практики поведения пенсионеров в зависимости от характера социальной активности. На основе проведенных

BEHAVIORAL PRACTICES OF SENIOR CITIZENS AIMED AT IMPROVING THEIR WELL-BEING IN CONTEMPORARY RUSSIA

Ekaterina V. SHCHANINA¹ — Dr. Sci. (Soc.), Professor, Department of Sociology and Human Resource Management

E-MAIL: shchanina@mail.ru

https://orcid.org/0000-0002-6834-1886

¹ Penza State University, Penza, Russia

Abstract. The topicality of the study is due to new socio-economic problems associated with an increase in the proportion and number of senior citizens in Russia. This causes changes in the social structure of Russian society, as well as in its systems of production, distribution, and consumption, and as a result – affects the position of all social groups and strata. The aim of the study is to identify the behavioral practices of the senior citizens aimed at improving their well-being. The empirical part of the article is based on data from interregional surveys conducted by the author: “Lines of social activity of the elderly people in the process of their social adaptation” (a survey of the pensioners in 2018–2019) and “Demand for representatives of the older generation in the labor market” (a survey of the employers in 2018). The author summarizes theoretical and methodological approaches that consider the social behavior of elderly people in current conditions, and typologizes the practices of the behavior of pensioners, depending on the nature of social activity. Based on the research carried out and the secondary analysis of its results, the author draws the following conclusions: First, the most common practices aimed

исследований и вторичного анализа их результатов сделаны следующие выводы: во-первых, к числу наиболее распространенных практик, направленных на повышение своего благосостояния, помимо получения пенсии по достижении возраста, относятся трудовая деятельность, финансовое поведение, ведение натурального хозяйства с целью получения дополнительного дохода. Во-вторых, в соответствии с предложенной типологией, 65,9% пожилых людей выбирают и реализуют активный тип практик поведения, а 34,1% — пассивный. В-третьих, уровень активности пенсионеров неодинаков и определяется количеством одновременно выбранных и реализуемых практик. В-четвертых, выбор и реализация практик поведения пожилых людей, направленных на повышение своего благосостояния, происходят под влиянием как социальной среды, так и личностных характеристик.

Ключевые слова: пожилые люди, социальное поведение, практики поведения, социальная эксклюзия пожилых людей, социальная активность пожилых людей, социальный риск, социальная адаптация

at improving the seniors' well-being include (in addition to receiving a pension): work, financial behavior, subsistence farming for the purpose of supplementary income. Second, in accordance with the proposed typology, 65.9% of the seniors choose and implement an active type of behavioral practice, whilst only 34.1% — a passive one. Third, the level of activity of the pensioners is different. It is determined by the number of simultaneously selected and implemented practices. Fourth, the choice and implementation of behavioral practices of the seniors aimed at improving their well-being are influenced by both the social environment and personal characteristics.

Keywords: senior citizens, social behavior, behavioral practices, social exclusion of elderly people, social activity of elderly people, social risk, social adaptation

Введение

В условиях современного «стареющего» общества проблема выбора и реализации практик поведения, ориентированных на сохранение и поддержание достигнутого уровня благосостояния в пожилом возрасте, становится все актуальнее в связи с непростыми социально-экономическими условиями, пенсионной реформой, модернизацией системы здравоохранения и социальной защиты. Данные обстоятельства заставляют тех, чей возраст приближается к границам пенсионного, тщательнее подходить к вопросу выбора практик социальной адаптации, позволяющих менее болезненно обеспечить переход в разряд пожилых людей, сформировать комфортную социальную среду жизнедеятельности и способствовать интеграции в современное российское общество в новом статусе. Следует подчеркнуть, что рост интегрированности людей этой возрастной кате-

гории в экономическую и общественную жизнь в условиях продолжающегося старения населения и повышения демографической нагрузки рассматривается уже как объективная необходимость, поскольку определенная часть пожилых людей обладает ценными профессиональными компетенциями, востребованными в научных, медицинских, проектно-конструкторских организациях, где необходимы сохранение и передача накопленного опыта. Однако это достаточно сложная проблема, которой, как правило, препятствуют сложившиеся негативные стереотипы, дискриминация людей старшего возраста и отсутствие способов эффективного использования человеческого потенциала. Разработка и реализация комплекса мероприятий, направленных на решение этих проблем, должны, с одной стороны, способствовать устойчивому социально-экономическому развитию страны, а с другой стороны, создать предпосылки для использования человеческого потенциала пожилых людей и тем самым обеспечить им достойный уровень и качество жизни. Эффективность данных мероприятий во многом зависит от того, насколько при их разработке и реализации учтены социально-демографические особенности данной социальной группы.

На развитие и реализацию потенциала человека, увеличение продолжительности жизни, трансформацию восприятия старения направлена политика активного долголетия. По определению Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ), впервые сформулированного в 2002 г. в Рамочной стратегии активного долголетия ВОЗ, активное долголетие представляет собой процесс оптимизации возможностей в области здоровья, участия и безопасности с целью повысить качество жизни по мере старения. Выделены три основных компонента: «здоровье», подразумевающее физическое, психологическое, социальное благополучие; «участие» — интеграция в социальную, экономическую, культурную, гражданскую и духовную сферы общества через активное участие в мероприятиях; «безопасность» — создание безопасной и надежной среды, гарантирующей стабильный доход и, если это применимо, оплачиваемую занятость [World Health Organisation, 2002].

Основные положения концепции активного долголетия, а также результаты авторских межрегиональных исследований позволяют акцентировать внимание на том, что пожилые люди способны вносить значимый вклад в повышение качества своей жизни и жизни окружающих, а не только являются пассивными получателями пенсий, социальной и медицинской помощи.

Учитывая, что с наступлением пенсионного возраста для большинства граждан нашей страны проблема сохранения и поддержания достигнутого уровня благосостояния выходит на первый план, в статье анализируются практики поведения пожилых людей, направленные на повышение своего благосостояния в современном российском обществе, выявляются факторы, определяющие выбор и реализацию соответствующих практик.

Необходимость исследования практик социального поведения пожилых людей обосновывается повышением пенсионного возраста в России, осуществляемым в рамках реформирования пенсионной системы, что вызвало негативную социальную реакцию общества. Следует отметить, что привычный для населения России пенсионный возраст для отдельных категорий работающих граждан был установлен в 1932 г., в 1967 г. были определены границы пенсионного возраста,

дающего право на назначение и получение пенсии по старости, и вплоть до 2019 г. эти параметры не пересматривались. Поскольку на протяжении достаточно длительного периода пенсионный возраст не менялся, в сознании россиян сформировалось четкое представление о критериях пенсионного обеспечения, учитывая которые, они планируют свой образ жизни и реализуют практики поведения.

Внимание сфокусировано на нескольких ключевых моментах: выбор и реализация пожилыми людьми практик поведения осуществляется одновременно с процессом их социальной адаптации, так как наступление старшего возраста символизирует переход человека из одной социальной группы в другую; уровень интегрированности пожилого человека в современный социум находится в прямой зависимости от результатов этих процессов; данные процессы реализуются в сложных социально-экономических условиях современного российского общества, характеризующегося как общество риска.

В связи с этим актуальность исследования практик поведения пожилых людей, направленных на повышение своего благосостояния, в современном обществе не вызывает сомнений в силу теоретической и практической значимости.

Материалы и методы

Теоретическую базу исследования составили концепции классиков социологической мысли, научные положения и выводы, сформулированные в трудах современных отечественных и зарубежных социологов, исследующих проблемы пожилых людей.

Эмпирической основой анализа выступают данные межрегиональных количественных исследований, полученные в 2018—2019 гг. в ходе анкетных опросов пенсионеров «Направления социальной активности пожилых людей в процессе социальной адаптации» (выборка анкетного опроса репрезентирует население старше 60 лет Пензенской и Саратовской областей и Республики Татарстан, отсортированное по типу населенного пункта, возрасту, полу и образованию; объем выборочной совокупности составил $N = 1120$) и работодателей «Востребованность представителей старшего поколения на рынке труда» (выборка анкетного опроса репрезентирует работодателей Пензенской и Саратовской областей и Республики Татарстан, отсортированных по форме собственности и сфере деятельности предприятия; объем выборочной совокупности оставил $N = 268$).

Обзор литературы

Существование и развитие современного российского общества все больше описывается с использованием таких понятий, как турбулентность, неопределенность, непредсказуемость и рискогенность. О. Н. Яницкий подчеркивает, что «турбулентность в действительности означает крайнюю степень нестабильности мировой экономической и политической системы, когда вероятность достижения точки ее бифуркации и/или слома очень высока. „Турбулентность“ — это всепроникающий риск ее деградации и разрушения вследствие нового этапа передела мира и его ресурсов, непримиримого конфликта культур, отягощенного локальными конфликтами и войнами» [Яницкий, 2011: 158]. Все это происходит в связи с процессами поляризации общества, высокими темпами изменений, глобали-

зацией, атомизацией, индивидуализацией и т. д. В свою очередь происходящие в обществе процессы вызывают различные реакции социальных групп и акторов, которые проявляются в выборе и реализации практик социального поведения: одни стараются сохранить привычный образ жизни, ориентируясь на традиции, что приводит к отставанию от современности; другие «живут по обстоятельствам», избегая решительных действий, превращаясь в социальных иждивенцев; третьи пытаются самостоятельно найти новые способы решения возникающих жизненных проблем.

Очевидно, что в современных условиях для предотвращения ситуации попадания в первые две группы акторам необходимо корректировать набор практик социального поведения, предопределенных культурой, традициями, ценностями, нормами и опытом предыдущих исторических и социальных этапов развития общества.

Следует также отметить, что в условиях неопределенности и рискогенности необходимо формировать такой набор практик социального поведения (уместно применить понятие «веер стратегий» [Швери, 1996], предложенное Дж. Коулменом в теории рационального выбора), при помощи которого уменьшается зависимость от многих внешних факторов и повышается эффективность социального взаимодействия (появляются большие возможности для адаптации, самореализации, раскрытия своего внутреннего потенциала).

В социологической науке можно выделить несколько подходов к исследованию социального поведения, среди которых: рассматривающие социальное поведение как деятельность (Г. М. Андреева, И. С. Кон, Н. Ф. Наумова, М. С. Качан, С. С. Батенин, А. Н. Леонтьев, Б. Г. Ананьев и др.); социологическая теория обмена (Дж. Хомас, М. Мосс, К. Леви-Стросс); теория символического интеракционизма (Ч. Кули, Г. Мид, Г. Блумер); социальное поведение как непрерывный процесс взаимодействия людей (П. Сорокин); теория социального действия Т. Парсонса; девиантное поведение (Э. Дюркгейм, Р. Мертон, Р. Дарендорф и др.).

Следует подчеркнуть, что социальное поведение — фундаментальная категория социологической теории, используемая при изучении внешне выраженного взаимодействия индивида, группы индивидов, общества в целом с окружающей природой и социальной средой. Согласно М. Веберу, сходство в социальном поведении объясняется тем, что данный тип поведения в значительной степени соответствует индивидуальным интересам индивида, а не ориентации на признанные значимыми социальные нормы и ценности. Чем более целерационально поведение индивидов, тем больше сходства в нем можно найти. Это основа появления устойчивого единообразия моделей поведения конкретной социальной группы [Вебер, 1990].

Изменения в социально-демографической структуре современного российского общества, связанные с увеличением доли пожилых людей в составе населения, и возникающие на этом фоне социальные проблемы актуализируют потребность в исследовании практик поведения пенсионеров и уровня их социальной активности в современном российском обществе. К настоящему времени накоплен значительный объем научно-теоретических и прикладных исследований социальной группы пожилых людей [Максимова и др., 2015; Саралиева, Балабанов,

2003; Холостова, 1999], образа и стиля жизни пожилых людей [Елютина, 2017; Корнилова, 2017; Савинов, Кочетков, 2017; Щукина 2004], проблем адаптации к современным условиям [Кошарная, Щанина, 2019; Щанина, 2017], стратегий социального поведения [Григорьева, Парфенова, Петухова, 2018; Козлова, Краснова, 2015; Максимова, Старчикова, 2009; Неваева, Максимова, 2016; Саралиева, Балабанов, 2003] и т. д. Однако трансформационные процессы, проходящие во всех сферах жизни общества, побуждают исследовать потребности, мотивы, практики поведения пожилых людей в современном обществе с целью создания комфортных условий для самореализации, повышения качества жизни и интеграции в современный социум.

Наступление пенсионного возраста — определенный рубеж, связанный с конкретной жизненной ситуацией, характеризующейся совокупностью значимых для каждого человека событий и соответствующих им потребностей, ценностей, представлений, оказывающих влияние на поведение и мировоззрение. Поэтому с выходом на пенсию для полноценного функционирования в обществе человеку необходимо менять свое поведение, проявляя социальную активность.

Для пожилых людей социальная активность — необходимое условие активного долголетия. Многие страны рассматривают активное долголетие как цель социально-экономической политики в сложившихся социально-демографических условиях. Концепция активного долголетия позволяет изменить приоритеты в части социальных реформ, сменить фокус в отношении к старению.

Границы социальной активности пенсионеров определяются социальной средой, представляющей собой систему ценностей, традиций, норм и правил поведения, регулирующих жизнедеятельность людей. О необходимости исследования факторов, влияющих на выбор пожилыми людьми практик социального поведения, свидетельствуют работы известных российских ученых [Григорьева и др., 2015; Елютина, Болотов, 2017; Козлова, Краснова, 2015; Максимова, Старчикова, 2009; Неваева, Максимова, 2016; Тощенко, 2016].

Выбор и реализация пожилыми людьми практик социального поведения зависят от процессов и явлений, происходящих в обществе, деятельности социальных институтов и организаций, особенностей взаимодействия индивида с социальной средой, ценностей и ценностных ориентаций индивида, принятых в обществе традиций, норм и правил, индивидуальных особенностей человека и т. п. — следовательно, от факторов, которые условно можно разделить в две группы:

— личностные факторы: пол, возраст, здоровье, социально-личностные качества, психологические черты характера, система ценностей, ценностные ориентации, потребности, интересы, убеждения, мировоззрение, отношение к окружающей реальности, умение и желание адаптироваться к социальной среде, людям, группам, общностям, уровень доверия по отношению к окружающей социальной среде (как на межличностном, так и на институциональном уровне);

— факторы социальной среды: место жительства, существующие стереотипы в отношении людей старшего возраста, социальная политика, доступность необходимых, а не навязываемых социальных услуг, пенсионное обеспечение, востребованность обществом накопленного социального, профессионального, интеллектуального, человеческого потенциала пожилых людей.

На наш взгляд, на выборе и реализации практик социального поведения пожилых людей особенно сказываются социокультурные факторы — такие как наличие образования (наиболее значимый фактор), самооценка здоровья, возможности социальной защиты и участия общества в решении социальных проблем, которые, в свою очередь, определяют социальные ресурсы, необходимые для формирования социального капитала людей этой возрастной категории.

Представленный выше анализ позволил сделать вывод, что в зависимости от характера социальной активности, индивидуальных особенностей, потребностей и мотивов поведения людей старшего возраста, внешних и внутренних факторов социальной среды, практики социального поведения пенсионеров подразделяются на активные и пассивные. В рамках активных практик следует выделить конструктивные и реактивные.

Реализация конструктивных практик поведения предполагает, что пожилой человек преследует две взаимодополняющие цели. Первая — воздействовать на социальную среду, доминировать над ней, что проявляется в творческой активности и поиске новых форм (расширении границ) социального взаимодействия, в том числе с учетом осознания возможных негативных изменений в будущем. Вторая — сохранить социальную активность, не менять привычный образ, стиль жизни.

Реактивные практики проявляются в стремлении пожилого человека компенсировать потери и уменьшить ущерб от наступления пенсионного возраста — нового этапа в жизни, который связан со снижением уровня материального благосостояния. В данном случае доминирующая роль принадлежит воздействию социальной среды. Пожилой человек меняет свой образ и стиль жизни, идет на уступки социальной среде, обстоятельствам, то есть меняет себя, свое поведение в условиях стандартной ситуации на основе прошлого опыта — это привычная реакция на происходящие события.

О выборе пассивных практик свидетельствует конформное поведение пожилого человека. Они проявляются в двух видах: иждивенчество (ожидание помощи от государства, общества, родных и близких) и уклонение (проявление активности в других сферах жизни).

Анализ наиболее распространенных практик поведения пожилых людей, направленных на повышение своего благосостояния

С целью количественной оценки степени распространенности среди пожилых людей различных типов практик поведения, направленных на повышение своего благосостояния, сгруппированных в зависимости от характера социальной активности, проведен многомерный анализ результатов авторских эмпирических исследований: «Направления социальной активности пожилых людей в процессе социальной адаптации» (2018—2019 гг., $N = 1120$); «Востребованность представителей старшего поколения на рынке труда» (2018 г., $N = 268$).

Проведенные исследования позволили выявить следующие практики, направленные на повышение своего благосостояния (помимо оформления и получения пенсии по старости): трудовая деятельность, финансовое поведение, ведение натурального хозяйства с целью получения дополнительного дохода. Наиболее распространенная практика поведения — трудовая деятельность, ею заняты

42,2% респондентов. Под финансовым поведением пожилых людей в рамках нашего исследования мы понимаем использование услуг финансово-кредитных, страховых организаций, оформление и получение льгот, субсидий. Финансовое поведение наблюдается у 27,9% пенсионеров. Ведение натурального хозяйства с целью получения дополнительного дохода характерно для 9,1% респондентов. Далее представлен детальный анализ каждой из указанных практик поведения.

Трудовая деятельность пожилых людей

Важную роль в повышении/сохранении благосостояния пожилых людей играет трудовая деятельность и востребованность на рынке труда. Уровень трудовой занятости пенсионеров составляет 42,2%, среди них подавляющее большинство продолжает работать на условиях полной занятости (66,7% респондентов), занятость остальных носит временный, случайный, неформальный характер. Важно отметить, что не все люди старшего возраста, желающие работать, имеют такую возможность. Среди неработающих пенсионеров каждый третий заявил о желании трудиться (см. рис. 1). Наиболее предпочтительна для них работа, связанная с выращиванием цветов, растений, рассады (10,7% респондентов); на дому в качестве диспетчера на телефоне (5,7%); с чужими детьми в качестве няни, репетитора, гувернантки и т.д. (4,4%) и оказание услуг по ремонту и пошиву одежды (3,8%). Совершенно не интересует трудовая занятость, связанная с обработкой информации, с использованием компьютера, оргтехники, современных средств связи и коммуникаций.

Рис. 1. Потребность, неработающих пожилых людей в трудовой занятости (в % от числа опрошенных, N = 1120)

В этой связи важна оценка уровня востребованности пожилых людей на рынке труда с позиции работодателей. Согласно результатам авторских исследований (респонденты могли выбрать несколько вариантов ответов), 59,7% работодателей считают, что опыт и навыки людей старшего возраста незаменимы и у них есть

чему поучиться, 41,8% уверены, что пожилые люди незаменимы как наставники для молодежи, 33,2% придерживаются мнения, что необходимо использовать трудовой потенциал пенсионеров, так как это дает возможность передавать профессиональный опыт молодым работникам. Каждый четвертый уверен, что пожилым подходит любая работа и возраст не имеет значения.

Главные причины, побуждающие пожилых людей продолжать трудовую деятельность после наступления пенсионного возраста, заниматься поиском подработок и т. д., — материальные. Во-первых, недостаточный размер пенсии и стремление получать дополнительный доход к пенсии. Размер пенсии в качестве причины указывают 76,9% пожилых людей, занятых неформальной, временной, случайной работой и 68,4% пенсионеров, имеющих постоянную занятость. Стремление получать дополнительный доход к пенсии — 50,2% и 35,9% респондентов соответственно. Как мы видим, в большей степени это проявляется у тех, кто занят неформальной, временной, случайной работой. Во-вторых, стремление материально помогать детям и внукам (41,2% респондентов). В-третьих, каждым четвертым работающим пожилым человеком руководит желание оставаться в коллективе, интерес к работе, привычка работать.

Результаты исследования показали, что работодатели полностью осознают реальные причины, побуждающие пенсионеров работать, и многие из них создают соответствующие условия, не препятствуя продолжению трудовой деятельности. Однако, принимая во внимание ценность опыта пожилых людей, практически каждый второй работодатель уверен, что они должны прислушиваться к голосу разума и вовремя уходить на пенсию, если это необходимо для организации.

По мнению работодателей (респонденты могли указывать несколько вариантов ответов), основной причиной, препятствующей трудовой занятости пожилых людей, является их состояние здоровья (39,2% респондентов). Вторая по значимости причина — сложность в выстраивании отношений между молодым руководителем и пожилым подчиненным (25,3%). Фактором, сдерживающим трудовую занятость, также служат некоторые личностные особенности людей этой возрастной категории. Среди них недостаток знаний в области компьютерных технологий (48,9% респондентов-работодателей), трудности в перестройке восприятия и представлений в изменяющихся условиях (35,8%), консерватизм (19,2%), неспособность приспособиться к новым людям или к новой обстановке (18,7%). В то же время, по мнению самих пожилых людей (респонденты также могли выбрать несколько вариантов ответов), помимо состояния здоровья, главные проблемы, сдерживающих их занятость, — неразвитость системы трудоустройства пенсионеров (42,3% респондентов), их приверженность определенным нормам, принципам, убеждениям, которыми трудно, а иногда и невозможно поступиться (21,6%), низкий уровень доверия к работодателям (19,6%), недостаточное количество или отсутствие специализированных курсов обучения, переобучения, переквалификации и т. п. для этой возрастной категории (14,4%).

В связи с полученными результатами вполне логичной выглядит убежденность работодателей в том, что наиболее подходящие виды занятости для пенсионеров — это работа в режиме неполного, гибкого рабочего времени (39,6% респондентов), работа консультационного характера, оплачиваемая по факту (20,1%), деятельность

по ведению домашнего хозяйства с возможностью извлечения дохода (18,3%), надомная работа (17,2%). Каждый четвертый работодатель уверен, что для пожилых людей подходит любая работа и возраст не имеет значения (см. рис. 2).

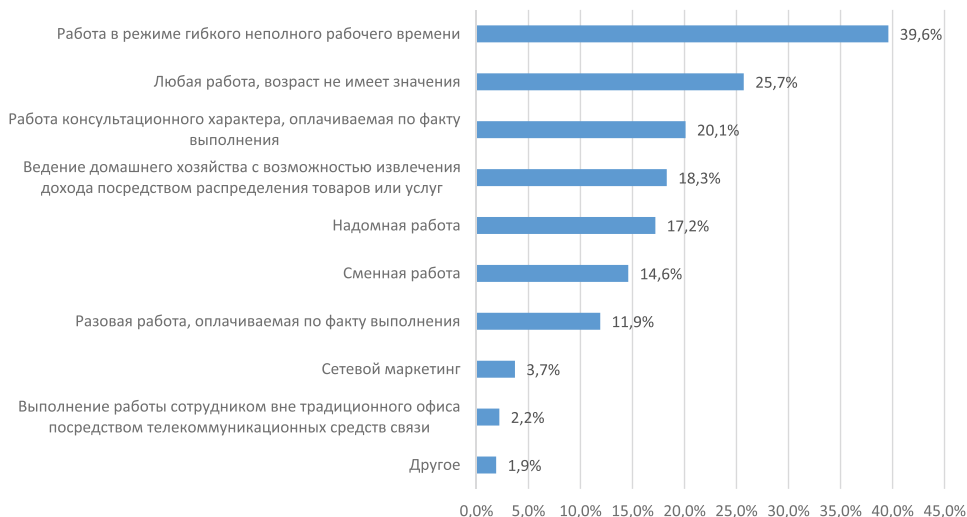

Рис. 2. Наиболее подходящая работа для пожилых людей по мнению работодателей (в % от числа опрошенных, N = 268)¹

Таким образом, в современных условиях возможность трудовой занятости пожилых людей, их стремление остаться в профессии, предопределяется как уровнем человеческого капитала пожилого человека и главными его компонентами — состоянием здоровья и профессиональным уровнем, так и стремлением, и способностью к его увеличению. Учитывая темпы цифровизации и информатизации всех без исключения сфер жизни общества, одно из направлений наращивания человеческого капитала пожилых людей — освоение и внедрение в практику информационных технологий.

Финансовое поведение пожилых людей

Исследование финансового поведения пожилых людей предполагает выявление уровня финансовой грамотности. Результаты исследования показали низкую самооценку пожилыми людьми уровня финансовой грамотности. Только 11,8% респондентов охарактеризовали свои финансовые навыки как «хорошие», 49,8% считают себя финансово неграмотными, оставшиеся 38,4% назвали свои финансовые навыки удовлетворительными. На уровень финансовой грамотности значительное влияние оказывают уровень образования и профессиональный статус до наступления пенсионного возраста (80,2% респондентов, считающих себя финансово грамотными, имеют уровень образования не ниже высшего

¹ Сумма ответов больше 100%, так как вопрос многовариантный.

и до наступления пенсионного возраста либо занимали руководящую должность, либо работали специалистами, служащими).

В рамках финансового поведения результаты исследования позволили выделить следующие варианты: 20,4 % респондентов пользуются услугами финансово-кредитных организаций (среди них 94,6 % имеют вклады в банках, 33,7 % оформляли потребительские кредиты, 21,9 % осуществляли денежные переводы, 6,2 % оформляли кредитные карты); 9,1 % используют услуги страховых организаций (страхование имущества и жизни); 14,6 % оформляют и получают льготы, субсидии.

Анализ различных вариантов финансового поведения пожилых людей позволил выявить, что с повышением возраста увеличивается активность оформления льгот и субсидий. Это объясняется тем, что чем больше возраст, тем больше льгот и субсидий предоставляет государство (до 65 лет пользуются льготами и субсидиями 16,9 % респондентов, а в возрасте старше 80 лет — 33,3 %). В то же время другие направления в рамках финансового поведения имеют противоположную тенденцию в зависимости от возраста.

Ведение натурального хозяйства с целью получения дополнительного дохода

Ведение натурального хозяйства с целью получения дополнительного дохода характерно для 9,1 % респондентов. Данная практика поведения, направленная на повышение своего благосостояния, присуща пожилым людям, проживающим в сельской местности. Среди пенсионеров, ведущих натуральное хозяйство с целью получения дополнительного дохода, 48,2 % респондентов проживают в поселках, деревнях, селах. На актуальность этого вида практики существенное влияние оказывает возраст: люди старше 70 лет в три раза реже прибегают к ней, поскольку ведение подсобного хозяйства предполагает удовлетворительное состояние здоровья, а по объективным причинам с возрастом этот показатель ухудшается.

Следует отметить, что выбор этой практики не всегда основывается на накопленном образовательном капитале. По результатам исследования, среди пожилых людей, ведущих подсобное хозяйство с целью получения дополнительного дохода, только 29,6 % респондентов имеют высшее образование.

Ведение подсобного хозяйства для 59,3 % респондентов дает возможность не только получать дополнительный доход к пенсии, но и оказывать материальную поддержку детям и внукам. В свою очередь, каждый второй пожилой человек из данной группы ждет поддержки от детей и внуков в виде помощи в устройстве быта.

Анализ практик поведения пожилых людей, направленных на повышение благосостояния, в соответствии с предложенной типологией, основанной на характере социальной активности, показал, что 65,9 % пожилых людей выбирают и реализуют активный тип практик поведения, а 34,1 % — пассивный. Высокий уровень социальной активности объясняется рядом причин: низкий размер пенсии (76,9 % респондентов), необходимость оказания материальной помощи детям и внукам (44,1 % респондентов), возможность получить дополнительный доход или льготы (39,3 % респондентов), стремление иметь сбережения (19,4 %), желание быть востребованным, независимо от возраста (18,1 % респондентов). На основе анализа причин, стимулирующих социальную активность, установлено, что актив-

ные практики поведения подразделяются на реактивные (54,8% респондентов) и конструктивные (11,1% респондентов), а пассивные — на иждивенчество (4,5% респондентов) и уклонение (29,6% респондентов).

Также установлено, что уровень активности у пожилых людей, направленной на повышение благосостояния, неодинаков. Помимо получения пенсии по старости, 47,9% респондентов проявляют активность, выбирая и реализуя еще хотя бы одну практику поведения из числа рассмотренных выше, а 14,7% — две и более. Наиболее распространенное сочетание — трудовая занятость и финансовое поведение (10,8% респондентов совмещают данные типы поведения), а наименее распространенное сочетание — финансовое поведение и ведение натурального хозяйства с целью получения дополнительного дохода (1,1% совмещают данные типы поведения). Следовательно, практически для каждого второго пожилого человека (47,9% респондентов) характерен высокий уровень активности социального поведения, направленного на повышение своего благосостояния.

Факторы, влияющие на выбор и реализацию пожилыми людьми практик поведения, направленных на повышение своего благосостояния

Уровень активности социального поведения пожилых людей, направленной на повышение своего благосостояния, то есть совмещение нескольких практик поведения, зависит как от объективных, так и субъективных факторов, среди которых значимы место жительства, уровень образования, профессиональный статус до выхода на пенсию, состояние здоровья, удовлетворенность жизнью, уровень жизни.

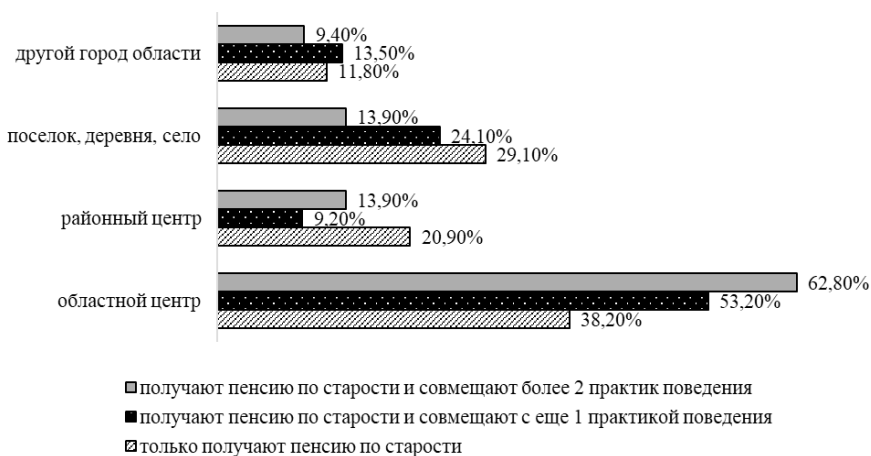

Рис. 3. Активность пожилых людей в зависимости от места жительства (в % от числа опрошенных, N = 1120)

Как показало исследование, место жительства пожилого человека предопределяет возможность выбора той или иной практики поведения, а также совмещение нескольких. Среди пенсионеров, совмещающих более двух практик поведения,

62,8%, проживают в областном центре, 23,3% — в районных центрах и малых городах, 13,9% — в поселках, селах, деревнях. А среди пожилых людей, получающих только пенсию по старости, 38,2% проживают в областном центре, 32,7% — в районных центрах и малых городах, 29,1% — в поселках, селах, деревнях (см. рис. 3).

Активность пожилых людей напрямую зависит от двух взаимосвязанных факторов: уровня образования и профессионального статуса до наступления пенсионного возраста. Результаты исследования позволили установить, что бывшие руководители и пожилые люди, имеющие высшее образование, более активны (см. рис. 4).

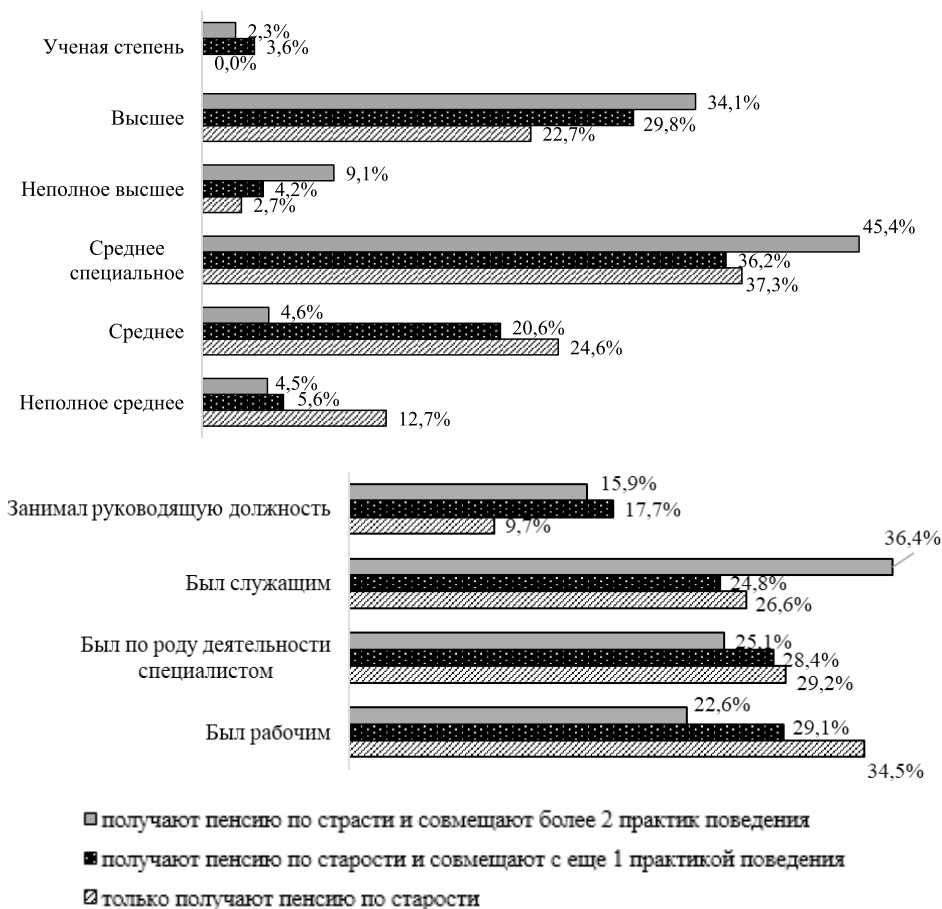

Рис. 4. Активность пожилых людей в зависимости от уровня образования и профессионального статуса до наступления пенсионного возраста (в % от числа опрошенных, N = 1120)

Состояние здоровья является ключевым фактором социальной активности пенсионеров во всех без исключения сферах жизни общества. Пожилые люди, совмещающие одновременно несколько практик поведения, более оптимистично оценивают состояние своего здоровья, чем те, кто пассивен и ограничивается

только получением пенсии по старости. Так, совмещающие несколько практик поведения, в большинстве своем, оценивают состояние своего здоровья как «удовлетворительное», «соответствующее возрасту» и «хорошее» (39,5%, 23,4% и 13,9% респондентов соответственно). В то же время пожилые люди, получающие только пенсию по старости, отмечают, что их состояние здоровья «соответствует возрасту», «плохое» и «неудовлетворительное» (41,3%, 20,2% и 13,8% респондентов соответственно) (см. рис. 5).

Рис. 5. Активность пожилых людей в зависимости от самооценки состояния здоровья (в % от числа опрошенных, N = 1120)

Анализ таких влияющих на социальную активность пожилых людей факторов, как уровень образования и состояние здоровья, позволяет сделать вывод, что чем выше уровень человеческого капитала, тем активнее пожилые люди и тем больше их человеческий потенциал востребован обществом и экономикой страны. Однако следует подчеркнуть, что состояние здоровья является мощным ограничителем уровня активности пожилых людей. Например, обладая высоким уровнем образования и высоким профессиональным статусом до наступления пенсионного возраста, но имея неудовлетворительное состояние здоровья, пожилой человек автоматически лишается возможности продолжать трудовую деятельность, заниматься натуральным хозяйством с целью получения дополнительного дохода и т. д.

Сопоставление уровня активности и самооценки уровня жизни позволило на основе полученных результатов исследования прийти к следующим выводам (см. рис. 6). Во-первых, пожилые люди, живущие в полном достатке, выйдя на пенсию, в большинстве своем ориентированы на социальную активность в других сферах общественной жизни, а в плане повышения своего благосостояния ограничиваются только получением пенсии (20,9% респондентов). Во-вторых, совмещая различные практики поведения, направленные на повышение своего благосостояния (хотя бы еще одну в дополнение к получению пенсии по старости), большинство пожилых людей стремятся улучшить уровень жизни за счет получения дополнительного дохода к пенсии (42,1% респондентов, оценивающих свой уро-

вень жизни как «живу сносно» и 26,4% — «живу от пенсии до пенсии»). В-третьих, низкий уровень активности в сочетании с низкой самооценкой уровня жизни характерен для пожилых людей с невысоким уровнем человеческого капитала. Среди них большинство имеет плохое состояние здоровья (62,5% респондентов оценили свое состояние здоровья как «плохое, мешающее полноценной жизни» и 25,1% — как «неудовлетворительное»), и уровень образования у этих респондентов не превышает среднего специального (84,9% респондентов).

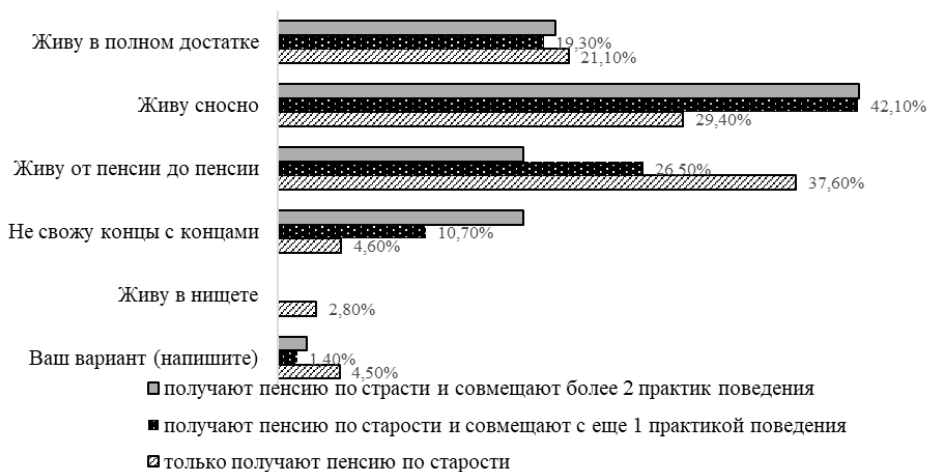

Рис. 6. Активность пожилых людей в зависимости от самооценки уровня жизни (в процентах от числа опрошенных $N = 1120$)

Рассмотренные факторы оказывают постоянное прямое воздействие на выбор и реализацию пенсионерами практик поведения, направленных на повышение своего благосостояния. В свою очередь, и пожилые люди способны воздействовать на них. Следовательно, такие факторы, как уровень образования, профессиональный статус до наступления пенсионного возраста, состояние здоровья, самооценка уровня жизни, удовлетворенность жизнью и т. д., следует считать личностными. Все личностные факторы взаимосвязаны, и изменение одного из них влияет на другие.

В то же время пожилые люди вовлечены в социальные взаимодействия в условиях определенной социальной среды, которая также влияет на выбор и реализацию практик поведения. К факторам социальной среды относятся: реализуемая социальная политика в отношении пожилых людей, доступность социальных услуг, пенсионное обеспечение, востребованность профессионального, социального, интеллектуального, человеческого потенциала пожилых людей, существующие стереотипы и т. д. Факторы социальной среды следует рассматривать на макроуровне (уровне государства) и мезоуровне (уровне отдельного региона), что даст возможность выявить региональную специфику.

На наш взгляд, анализ факторов социальной среды в современных российских условиях следует сконцентрировать на рассмотрении вопросов активного долголетия и реформирования пенсионной системы.

Впервые понятие «активное долголетие» было сформулировано Всемирной организацией здравоохранения (ВОЗ) в 2002 г. в Рамочной стратегии активного долголетия ВОЗ. Согласно данному там определению активное долголетие представляет собой процесс оптимизации возможностей в области здоровья, участия и безопасности с целью повысить качество жизни по мере старения [World Health Organisation, 2002].

5 февраля 2016 г. в Российской Федерации на государственном уровне была принята «Стратегия действий в интересах граждан старшего поколения в Российской Федерации до 2025 г.», интегрировавшая концепцию активного долголетия. Ожидаемым результатом реализации этой стратегии является создание условий для активного долголетия, которые позволят повысить уровень и качество жизни граждан старшего поколения². Принятие стратегии свидетельствует о том, что на уровне государства пересмотрено отношение к пожилым людям как к объектам заботы, помощи, клиентам социальных учреждений, нуждающимся в опеке и т. п., и поставлена задача предоставить пенсионерам возможность самостоятельно принимать решения, что, как и когда делать. Это должно способствовать раскрытию их потенциала. Также вопросы активного долголетия отражены в таких нормативных документах Российской Федерации, как Национальный проект «Демография» 2019—2024 гг. и Федеральный проект разработки и реализации программы системной поддержки и повышения качества жизни граждан старшего поколения «Старшее поколение» 2019—2024 гг. В сентябре 2019 г. на заседании Совета при Правительстве Российской Федерации по вопросам попечительства в социальной сфере под председательством заместителя председателя Правительства Т. А. Голиковой прошло обсуждение Проекта концепции «Активное долголетие в Российской Федерации», подготовленной мультидисциплинарной и межведомственной рабочей группой на базе НИУ ВШЭ [Овчарова, Морозова, Синявская, 2020]. Концепция политики активного долголетия разработана в соответствии с основными российскими и международными нормативными и стратегическими документами. Проект Концепции содержит ключевые понятия, основополагающие принципы политики активного долголетия и предложения по направлениям развития этой политики, сгруппированные в три базовых приоритета: здоровье граждан старшего поколения, обеспеченная и достойная жизнь в старшем возрасте, активность и участие в жизни общества.

Однако, как отмечают занимающиеся проблемами старения населения известные социологи И. А. Григорьева и Е. А. Богданова (и с ними сложно не согласиться), несмотря на то, что концепция политически продвигается, на сегодняшний день она плохо сочетается с инфраструктурной поддержкой пожилых людей; на государственном уровне слабо просматривается связь основных положений активного старения с положениями государственной социальной политики (нет прорывов в технологиях профилактики старения или длительного ухода); подходы и технологии работы с пожилыми людьми, реализуемые учреждениями социального обслуживания, не корректируются с учетом национальных планов по демографии [Григорьева, Богданова, 2020]. Следует подчеркнуть, что к причинам, сдержи-

² Распоряжение Правительства Российской Федерации от 05.02.2016 г. № 164-р «Об утверждении Стратегии действий в интересах граждан старшего поколения в Российской Федерации до 2025 года» // Собрание законодательства РФ. 2016. 15 февраля. № 7. Ст. 1017.

вающим развитие активного долголетия в России, относятся состояние здоровья и низкая продолжительность жизни пожилых людей, неразвитость инфраструктуры для добровольческой и общественной деятельности, образования, физической активности этой возрастной категории и т. п.

Обращает на себя внимание тот факт, что при построении и реализации социальной политики в отношении пожилых людей в России за основу взята уверенность в том, что с увеличением возраста у пенсионеров сокращаются потребности. А это, в свою очередь, является причиной появления оснований социального неравенства и, как следствие, приводит к социальной эксклюзии во всех сферах общества, потере смысла жизни в пожилом возрасте, в то время как в европейских странах акцент сделан на индивидуальную ответственность за состояние здоровья, стимулирование трудовой занятости и недопущение социального исключения.

Реформирование пенсионной системы в России, а именно повышение пенсионного возраста, затронуло значительную часть населения страны и стало беспрецедентным за последние почти 90 лет. В настоящее время повышение пенсионного возраста рассматривается как общемировая тенденция, происходящая во всех государствах.

Следует отметить, что объективные причины повышения пенсионного возраста в России такие:

— увеличение демографической нагрузки на трудоспособное население, то есть изменение соотношения между числом граждан трудоспособного возраста и числом граждан, достигших пенсионного возраста (на начало 2002 г. на 1000 лиц трудоспособного возраста приходилось 335 человек старше трудоспособного возраста, на начало 2020 г. — 443 человека, а по самым оптимистичным прогнозам Федеральной службы государственной статистики на 2031 г. — 508 человек), что приводит к разбалансировке пенсионной системы, так как в России реализуется пенсионная система, предполагающая, что источником выплаты пенсий являются страховые взносы работающих;

— повышение стабильности и финансовой устойчивости пенсионной системы как источника достойного уровня пенсий пожилых людей;

— увеличение времени на получение образования, что сокращает период трудовой занятости до наступления пенсионного возраста;

— изменения в условиях и характере трудовой занятости — труд становится физически более легким, увеличивается число занятых с высоким уровнем квалификации, растет занятость в сфере услуг, здравоохранении, образовании;

— высокий уровень занятости населения в возрасте старше трудоспособного (в 2019 г. он составил 21,3 %);

— улучшение состояния здоровья и увеличение продолжительности жизни (в 1961—1962 гг. продолжительность жизни составляла 63,78 лет у мужчин, у женщин — 72,38 лет, в 2019 г. — 68,24 лет и 78,17 лет соответственно) [Баранов, Скуфьина, Гущина, 2020; Бобков, Забелина, Локтюхина, 2015; Гринберг, Сафонов, 2019].

Повышение пенсионного возраста неизбежно оказывает влияние на рынок труда, систему социально-трудовых отношений, систему социального и пенсионного обеспечения, уровень и качество жизни населения. Исследования отечественных ученых показывают, что повышение пенсионного возраста в России имеет и будет иметь положительные и отрицательные последствия [Бобков, Забелина,

Локтюхина, 2015; Соловьев, 2019; Чичканов и др., 2018]. Среди положительных следует отметить: обеспечение потребностей экономики в профессиональных кадрах; формирование конкурентного рынка труда, на котором конкурентными преимуществами работника являются знания, навыки, гибкость и адаптивность, а не имеющийся статус занятости; снижение масштабов неформальной занятости и различных форм неустойчивой занятости; создание юридических рамок для сохранения занятости высококвалифицированных рабочих старшего поколения. В то же время отрицательные последствия связаны с ростом уровня безработицы из-за низкой конкурентоспособности пожилых людей на рынке труда; снижением качества рабочей силы за счет дополнительного притока на рынок труда лиц старшего возраста оттоком лиц этой возрастной категории из бюджетной сферы.

Особняком стоит и проблема замещения социальных функций, выполняемых пожилыми людьми. Повышение пенсионного возраста вынуждает людей, достигших возраста 55(60), лет менять свои планы и продолжать работать еще в среднем пять лет, лишаясь права выбора продолжать трудовую деятельность или заняться чем-то другим. Помимо этого, изменения затронут и других членов семей, поскольку значительная часть выходящих на пенсию в 55(60) лет выполняла важные социальные функции, такие как уход за нетрудоспособными членами семьи, что снижало нагрузку на систему социальной защиты; воспитание внуков, что создавало условия для занятости родителей.

Также следует отметить, что повышение пенсионного возраста лишает пенсионных выплат минимум за полгода — максимум за пять лет, которые раньше полагались при наступлении возраста 55(60) лет и на которые люди рассчитывали. Данная ситуация может быть воспринята как проявление социальной несправедливости и сказаться на отношении людей к власти.

Перечисленные проблемы и последствия повышения пенсионного возраста проявляются в социальном недовольстве россиян, усилении чувства социальной несправедливости. На наш взгляд, такая реакция общества спровоцирована недостаточным уровнем информирования населения о новых возрастных границах, этапах повышения пенсионного возраста, о льготах и социальной поддержке людей, попавших в группу предпенсионеров. В настоящее время ситуация усугубляется экономическим кризисом, спровоцированным пандемией коронавируса, при котором возрастают риски потери работы, сокращения размера заработной платы.

Однако на государственном уровне усилено внимание к социально-экономическим потребностям пожилых людей, проблемам трудоустройства и сохранения занятости, что послужило толчком к развитию программ активного долголетия, совершенствованию социальной политики, сохранению человеческого потенциала и преодолению устоявшихся стереотипов в отношении пожилых людей.

Заключение

Обобщение результатов оригинального социологического исследования, анализ вторичной научной информации позволили выделить ряд положений, имеющих новизну в изучении проблематики активного долголетия, образа и стиля жизни пожилых людей в современном российском обществе. Во-первых, пожилые люди являются активными участниками социального взаимодействия

в социально-экономической сфере. Однако это взаимодействие в основном носит вынужденный характер и связано с улучшением/сохранением своего благосостояния, то есть является реакцией на ту социальную реальность, в которую они попадают в связи с выходом на пенсию и переходом в новую для себя социальную группу пожилых людей. Согласно предложенной типологии практик социального поведения, 65,9% пожилых людей выбирают и реализуют активный тип практик, в том числе 54,8% придерживаются реактивного типа, 11,1% — конструктивного.

Во-вторых, помимо получения пенсии по достижении пенсионного возраста, наиболее распространенными практиками поведения пожилых людей, направленными на повышение своего благосостояния, являются трудовая деятельность (42,2% респондентов), финансовое поведение (27,9%), ведение натурального хозяйства с целью получения дополнительного дохода (9,1%).

В-третьих, уровень активности пожилых людей в направлении повышения своего благосостояния неодинаков и определяется количеством одновременно выбранных и реализуемых практик поведения. Так, 47,9% респондентов проявляют активность, выбирая и реализуя еще хотя бы одну практику поведения в дополнение к получению назначенной пенсии, а 14,7% респондентов — две и более.

В-четвертых, на выбор и реализацию практик поведения, направленных на повышение своего благосостояния, стимулирующее и сдерживающее воздействие оказывает ряд факторов, как внешних по отношению к пожилому человеку (социальная среда), так и личностных — зависящих от самого человека. Определяющее значение имеют такие факторы, как уровень образования, состояние здоровья, место жительства, самооценка уровня жизни, социально-профессиональный статус до наступления пенсионного возраста, востребованность накопленного потенциала пожилых людей социальной средой, что свидетельствует о том, что «беловоротничковая занятость» и высшее образование дают преимущества не только в период трудоустройства, но и формируют различные возможности после выхода на пенсию. В настоящее время существенное влияние на социальное поведение пожилых людей оказывает политика государства в части реализации стратегии активного долголетия и реформирования пенсионной системы.

В качестве перспектив изучения темы предлагается, во-первых, исследование практик социального поведения пожилых людей, направленных на повышение своего благосостояния, на более широком эмпирическом материале, а именно исследование и сравнительный анализ практик в регионах с разным уровнем социально-экономического развития. Во-вторых, выделение различных групп пожилых людей, которым оказываются доступны разнообразные практики поведения, в зависимости от имеющихся у них возможностей и ограничений.

Список литературы (References)

Баранов С. В., Скуфьина Т. П., Гущина И. А. Влияние повышения пенсионного возраста на экономику и настроения населения Мурманской области // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2020. Т. 13. № 1. С. 160—173. <https://doi.org/10.15838/esc.2020.1.67.9>.

Baranov S. V., Skufina T. P., Gushchina I. A. (2020) The Impact of the Retirement Age Increase on the Economy and Attitudes of the Population of the Murmansk Oblast. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*. Vol. 13. No. 1. P. 160—173. <https://doi.org/10.15838/esc.2020.1.67.9>. (In Russ.)

Бобков В. Н., Забелина О. В., Локтюхина Н. В. Повышение пенсионного возраста в Российской Федерации: социально-трудовые последствия // Народонаселение. 2015. № 4. С. 93—107. URL: <http://www.isesp-ras.ru/numbers/2015-4> (дата обращения: 06.04.2021).

Bobkov V. N., Zabelina O. V., Loktyukhina N. V. (2015) Raising the Retirement Age in the Russian Federation: Social and Labour Consequences. *Population*. No. 4. P. 93—107. URL: <http://www.isesp-ras.ru/numbers/2015-4> (accessed: 06.04.2021). (In Russ.)

Вебер М. Избранные произведения. М.: Наука, 1990.

Weber M. (1990) Selected Works. Moscow: Nauka. (In Russ.)

Григорьева И. А., Парфенова О. А., Петухова И. С. Занятость и социальное исключение пожилых граждан (обзор европейских конференций) // Социологические исследования. 2018. № 5. С. 157—159. <https://doi.org/10.7868/S013216251805015X>.
Grigorieva I. A., Parfenova O. A., Petukhova I. S. (2018) Employment and Social Exclusion of Senior Citizens (Review of European Conferences). *Sociological Studies*. No. 5. P. 157—159. <https://doi.org/10.7868/S013216251805015X>. (In Russ.)

Григорьева И. А., Богданова Е. А. Концепция активного старения в Европе и России перед лицом пандемии COVID-19 // Laboratorium: журнал социальных исследований. 2020. Т. 12. № 2. С. 187—211. <https://doi.org/10.25285/2078-1938-2020-12-2-187-211>.

Grigoryeva I. A., Bogdanova E. A. (2020) The Concept of Active Aging in Europe and Russia in the Face of the COVID-19 Pandemic. *Laboratorium: Russian Review of Social Research*. Vol. 12. No. 2. P. 187—211. <https://doi.org/10.25285/2078-1938-2020-12-2-187-211>. (In Russ.)

Григорьева И. А., Видясова Л. А., Дмитриева А. В., Сергеева О. В. Пожилые в современной России: между занятостью, образованием и здоровьем. СПб.: Алетейя, 2015.
Grigorieva I. A., Vidyasova L. A., Dmitrieva A. V., Sergeeva O. V. (2015) Elderly in Modern Russia: Between Employment, Education and Health. St. Petersburg: Aletheya. (In Russ.)

Гринберг Р. С., Сафонов А. Л. Повышение пенсионного возраста в России, или Как бюджетная мифология усугубляет социальное неблагополучие страны // Журнал новой экономической ассоциации. 2019. № 2. С. 167—176. <https://doi.org/10.31737/2221-2264-2019-42-2-9>.

Grinberg R. S., Safonov A. L. (2019). Raising the Retirement Age in Russia, or How Budget Mythology Exacerbates the Social Disadvantage of the Country. *Journal of the New Economic Association*. No. 2. P. 167—177. <https://doi.org/10.31737/2221-2264-2019-42-2-9>. (In Russ.)

Елютина М. Э., Болотов Г. И. Повседневная жизнь пожилой семьи: стратегия планирования и жесткой экономии ресурсов // Известия Саратовского университета.

Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2017. Т. 17. № 1. С. 10—14. <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2017-17-1-10-14>.

Elyutina M. E., Bolotov G. I. (2017) Everyday Life of the Elderly Family: A Strategy for Planning and Austerity. *Izvestia of Saratov University. New Series. Series: Sociology. Politology*. Vol. 17. No. 1. P. 10—14. <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2017-17-1-10-14>. (In Russ.)

Елютина М. Э. Социальная экзистенция старости: архив мнений. Саратов: Издательство Саратовского университета, 2017.

Eliutina M. E. (2017) Old Age Social Existence: The Archive of Opinions. *Saratov: Izdatelstvo Saratovskogo universiteta*. (In Russ.)

Козлова Т. З., Краснова О. В. Старшее поколение: гендерный и социально-психологические аспекты. Saarbrücken: Palmarium Academic Publishing, 2015.

Kozlova T. Z., Krasnova O. V. (2015) The Older Generation: Gender and Socio-Psychological Aspects. Saarbrücken: Palmarium Academic Publishing. (In Russ.)

Овчарова Л. Н., Морозова М. А., Синявская О. В. Концепция политики активного долголетия: научно-методологический доклад к XXI Апрельской международной научной конференции по проблемам развития экономики и общества. Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики». М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2020. URL: <https://conf.hse.ru/mirror/pubs/share/360906541.pdf> (дата обращения: 04.04.2021).

Ovcharova L. N., Morozova M. A., Sinyavskaya O. V. (2020) The Concept of the Policy of Active Aging: Scientific and Methodological Report for the XXI April International Scientific Conference on the Problems of Economic and Social Development. National Research University Higher School of Economics. Moscow: The Higher School of Economics Publishing House. URL: <https://conf.hse.ru/mirror/pubs/share/360906541.pdf> (accessed: 04.04.2021). (In Russ.)

Корнилова М. В. Инновации и риски мониторинга уровня и качества жизни пожилых москвичей: анализ материалов фокус-дискуссии // Вестник Новосибирского государственного университета экономики и управления. 2017. № 1. С. 267—281. URL: <https://nsuem.elpub.ru/jour/article/view/972> (дата обращения: 04.04.2021).

Kornilova M. V. (2017) Innovations and Risks in Monitoring of Level and Quality of Life of Older Muscovites: Analysis of Materials Focus-Group Discussion. *Vestnik of the Novosibirsk State University of Economics and Management*. No. 1. P. 267—281. URL: <https://nsuem.elpub.ru/jour/article/view/972> (accessed: 04.04.2021). (In Russ.)

Кошарная Г. Б., Щанина Е. В. Факторы депривации пожилых людей в социально-трудовой сфере: региональный аспект // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2019. Т. 19. № 3. С. 481—493. <https://doi.org/10.22363/2313-2272-2019-19-3-481-493>.

Kosharnaya G. B., Shchanina E. V. (2019) Deprivation Factors for the Elderly in the Social-Labor Sphere: A Regional Aspect. *RUDN Journal of Sociology*. Vol. 19. No. 3. P. 481—493. <https://doi.org/10.22363/2313-2272-2019-19-3-481-493>. (In Russ.)

Максимова С. Г., Ноянзина О. Е., Максимова М. М., Щеглова Д. К. Социальная эксклюзия лиц старших возрастных групп: социально-экономические аспекты // Вестник

Алтайского государственного аграрного университета. 2015. № 5. С. 180—184. URL: <http://www.asau.ru/vestnik/2015/5/180-184.pdf> (дата обращения: 06.04.2021).
Maksimova S. G., Noyanzina O.YE., Maksimova M. M., Shcheglova D. K. (2015) Social Exclusion of Persons of Elderly Age Groups: Social-Economic Aspects. *Vestnik Altaiskogo gosudarstvennogo agrarnogo universiteta*. No. 5. P. 180—184. URL: <http://www.asau.ru/vestnik/2015/5/180-184.pdf> (accessed: 06.04.2021). (In Russ.)

Максимова С. Г., Старчикова М. В. Методологические подходы к изучению социального механизма формирования адаптивных стратегий лиц старших возрастных групп в рамках становления новой геронтологической реальности // Известия Алтайского государственного университета. Философия, социология и культурология. 2009. № 2. С. 150—154. URL: <http://izvestia.asu.ru/2009/2/soci/01.ru.html> (дата обращения: 06.04.2021).

Maximova S. G., Starchikova M. V. (2009). Methodological Approaches to Studying the Social Mechanism of Formation Adaptive Strategy of Persons of the Senior Age Groups Within the Limits of Formation New Gerontology Realities. *Izvestiya of Altai State University*. No. 2. P. 150—154. URL: <http://izvestia.asu.ru/2009/2/soci/01.ru.html> (accessed: 06.04.2021). (In Russ.)

Неваева Д. А., Максимова С. Г. Социальная эксклюзия пожилых людей (по материалам социологических исследований в Алтайском крае) // Социальная интеграция и развитие этнокультур в евразийском пространстве. 2016. № 4—2. С. 71—77.
Nevaeva D. A., Maksimova S. G. (2016) Social Exclusion of the Elderly (Based on the Sociological Studies in the Altai Region). *Social Integration and Development of Ethnic Cultures in the Eurasian Space*. No. 4—2. P. 71—77. (In Russ.)

Савинов Л. И., Кочетков С. С. Сравнительный анализ форм организации социально-досуговой работы с пожилыми людьми // Дискуссия. 2017. № 10. С. 60—66. URL: <https://www.journal-discussion.ru/vypuski-zhurnala/vypusk-nomer-84-noyabr-2017/statya-2115> (дата обращения: 06.04.2021).

Savinov L. I., Kochetkov S. S. (2017) Comparative Analysis of the Forms of Organizing Social and Leisure Work With Elderly People. *Discussion*. No. 10. P. 60—66. URL: <https://www.journal-discussion.ru/vypuski-zhurnala/vypusk-nomer-84-noyabr-2017/statya-2115i> (accessed: 06.04.2021). (In Russ.)

Саралиева З. М., Балабанов С. С. Пожилой человек в Центральной России // Психология старости и старения / сост. О. В. Краснова, А. Г. Лидерс. М.: Академия, 2003. С. 91—100.
Saraliev Z. M., Balobanov S. S. (2003) An Elderly Person in Central Russia. In: Krasnova O. V., Lidars A. G. (eds.) *Psychology of Old Age and Aging*. Moscow: Academy. P. 91—100. (In Russ.)

Соловьев А. К. Социальные последствия повышения пенсионного возраста // Социологические исследования. 2019. № 3. С. 23—31. <https://doi.org/10.31857/S013216250004275-5>.

Solovev A. (2019). Social Consequences of Retirement Age Raising. *Sociological Studies*. No. 3. P. 23—31. <https://doi.org/10.31857/S013216250004275-5> (accessed: 06.04.2021). (In Russ.)

- Тощенко Ж. Т. Жизненный мир и его смыслы // Социологические исследования. 2016. № 1. С. 6—17. https://www.isras.ru/index.php?page_id=2624&jn=socis&jn=socis&jid=6011 (дата обращения: 06.04.2021).
- Toshchenko ZH.T. (2016) Life World and Its Meanings. *Sociological Studies*. No. 1. P. 6—17. http://socis.isras.ru/files/File/2016/2016_1/6_17_Toshchenko.pdf (In Russ.)
- Холостова Е. И. Пожилой человек в обществе. М.: Московский государственный университет сервиса, 1999.
- Kholostova E. I. (1999) An Elderly Person in Society. Moscow: Moscow State University of the Service. (In Russ.)
- Чичканов В. П., Чистова Е. В., Тырсин А. Н., Степанов А. Н. Последствия повышения пенсионного возраста для рынка труда регионов России // Вестник УрФУ. Серия: Экономика и управление. 2018. Т. 17. № 6. С. 1037—1055. <https://doi.org/10.15826/vestnik.2018.17.6.047>.
- Chichkanov V. P., Chistova E. V., Tyrsin A. N., Stepanov A. N. (2018) The Impact of Increasing the Pension Age for Labor Market Regions of Russia. *Bulletin of Ural Federal University. Series Economics and Management*. Vol. 17. No. 6. P. 1037—1055. <https://doi.org/10.15826/vestnik.2018.17.6.047>. (In Russ.)
- Швери Р. Теоретическая социология Джеймса Коулмена: аналитический обзор // Социологический журнал. 1996. № 1—2. С. 62—81. URL: <https://www.jour.fnisc.ru/index.php/socjour/article/view/260> (дата обращения: 06.04.2021).
- Schweri R. (1996) Theoretical Concept of James S. Coleman: an Analytical Review. *Sociological Journal*. No. 1—2. P. 62—81. URL: <https://www.jour.fnisc.ru/index.php/socjour/article/view/260> (accessed: 06.04.2021). (In Russ.)
- Щанина Е. В. Социокультурный подход к анализу социального поведения пожилых людей // Социально-гуманитарные знания. 2017. № 9. С. 240—251.
- Shchanina E. V. (2017) Socio-Cultural Approach to the Analysis of Social Behavior of Older People. *Social and Humanitarian Knowledge*. No. 9. P. 240—251. (In Russ.)
- Щукина Н. П. Институт взаимопомощи в системе социальной поддержки пожилых людей. М.: Дашков и К°, 2004.
- Shchukina N. P. (2004) Institute of Mutual Help in the System of Social Support of Old People. Moscow: Dashkov i K°. (In Russ.)
- Яницкий О. Н. «Турбулентные времена» как проблема общества всеобщего риска (Времена турбулентности и задачи социологии) // Общественные науки и современность. 2011. № 6. С. 155—164. URL: <http://ecsocman.hse.ru/data/2014/01/16/1251305211/Janitsky.pdf> (дата обращения: 07.04.2021).
- Yanitskiy O. N. (2011) “Turbulent Times” as a Problem of Risk Society. *Social Sciences and Contemporary World*. No. 6. P. 155—164. URL: <http://ecsocman.hse.ru/data/2014/01/16/1251305211/Janitsky.pdf> (accessed: 07.04.2021). (In Russ.)
- World Health Organisation. (2002) Active Aging: A Policy Framework. Geneva: World Health Organisation. URL: https://www.who.int/ageing/publications/active_ageing/en/ (accessed: 07.04.2021).

DOI: [10.14515/monitoring.2021.2.1917](https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.2.1917)

Л. Е. Ильичева, А. О. Кондрашов, А. В. Лапин

ДОВЕРИЕ КАК МОСТ НАД ПРОПАСТЬЮ НЕУВЕРЕННОСТИ МЕЖДУ ВЛАСТЬЮ И ОБЩЕСТВОМ

Правильная ссылка на статью:

Ильичева Л. Е., Кондрашов А. О., Лапин А. В. Доверие как мост над пропастью неуверенности между властью и обществом // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2021. № 2. С. 162—185. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.2.1917>.

For citation:

Ilyicheva L. E., Kondrashov A. O., Lapin A. V. (2021) Trust as a Bridge Over the Uncertainty Gap Between the Government and Society. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 2. P. 162–185. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.2.1917>. (In Russ.)

ДОВЕРИЕ КАК МОСТ НАД ПРОПАСТЬЮ НЕУВЕРЕННОСТИ МЕЖДУ ВЛАСТЬЮ И ОБЩЕСТВОМ

ИЛЬИЧЕВА Людмила Ефимовна — доктор политических наук, профессор, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Москва, Россия; главный научный сотрудник, Институт социально-политических исследований Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук, Москва, Россия
E-MAIL: lilitcheva@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0002-0223-6418>

КОНДРАШОВ Андрей Олегович — магистр политологии, соискатель, Институт социально-политических исследований Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук, Москва, Россия
E-MAIL: akondrashov@vgtkr.ru
<https://orcid.org/0000-0001-9846-2489>

ЛАПИН Андрей Викторович — кандидат политических наук, доцент, Центр государственно-частного партнерства Института государственной службы и управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Москва, Россия
E-MAIL: av.lapin@igsu.ru
<https://orcid.org/0000-0002-9663-3763>

Аннотация. В сложившихся условиях повышенных социальных рисков, связанных с негативными правовыми, духовными и морально-этическими последствиями перехода в новый цифровой технологический уклад, актуализация проблемы доверия населения

TRUST AS A BRIDGE OVER THE UNCERTAINTY GAP BETWEEN THE GOVERNMENT AND SOCIETY

Ludmila E. ILIYCHEVA^{1,2} — Dr. Sci. (Polit.), Professor; Principal Researcher
E-MAIL: lilitcheva@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0002-0223-6418>

Andrey O. KONDRASHOV² — Master of Political Science
E-MAIL: akondrashov@vgtkr.ru
<https://orcid.org/0000-0001-9846-2489>

Andrey V. LAPIN³ — Cand. Sci. (Polit.), Associate Professor
E-MAIL: av.lapin@igsu.ru
<https://orcid.org/0000-0002-9663-3763>

¹ Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russia

² Institute for Socio-Political Research of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

³ Center for Public-Private Partnership of the Institute of Public Administration and Management of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russia

Abstract. The present time is characterized by an increase in social risks, which are associated with negative legal, spiritual, moral and ethical consequences of the transition to a new digital technological structure. This leads to an increase in the gap between the

к власти вызвана растущим разрывом между социально-экономическими и политическими ожиданиями людей и выполнением властью своих обещаний. В этих обстоятельствах доверие к проводимой государством политике становится ключевым фактором, способным придать гражданам уверенность в будущем, повысить их личную ответственность и эффективность их деятельности. Доверие детерминировано общей мировоззренческой позицией власти, бизнеса и гражданского общества по основным приоритетам и важнейшим направлениям развития, закрепляемым в соответствующем общественном договоре. В таком обществе участники могут ассоциировать себя с конструктом «мы-группа», означающим взаимное доверие и учет интересов других в соответствии с духом солидарности. Анализ предпосылок и вероятных путей достижения состояния «мы-группа», предпринятый в статье, показывает принципиальную возможность управления доверием населения к власти путем согласования интересов основных акторов.

Ключевые слова: политическое доверие, общественный договор, государство как платформа, социальная норма, политические сети, баланс интересов и морали

Благодарность. Благодарность. Статья написана при финансовой поддержке РФФИ, грант № 20-011-31357 «Технологии управления доверием к власти, упреждения угроз и вызовов региональной социально-политической стабильности».

socio-economic and political expectations of people, on the one hand, and the fulfillment of their promises by the authorities, on the other. For this reason, the problem of public trust in the authorities is of great importance. In these circumstances, trust in the state policy becomes a key factor that gives citizens confidence in the future, increases their personal responsibility and the effectiveness of their activities. Trust is based on the common ideological position of the authorities, business and civil society on the main priorities and the most important areas of development, enshrined in the corresponding social contract. In such a society, participants may associate themselves with the “we-group” that means mutual trust and solidarity. The article analyzes the prerequisites and ways to achieve the state of “we are a group” and shows the fundamental possibility of managing public trust in the government by harmonizing the interests of the main actors.

Keywords: political trust, social contract, state as a platform, social norm, political networks, interests-morality balance

Acknowledgments. The article was written with the financial support of the Russian Foundation for Basic Research, Grant No. 20-011-31357 "Ways to manage trust in the authorities, forestall threats and challenges to regional socio-political stability".

Продолжающаяся пандемия COVID-19 подтвердила вывод о ведущей роли национального государства как главного элемента современной системы глобального управления, обеспечивающего производство всеобщих благ даже в ситуации, близкой к «идеальному шторму», бушующему в мире [Громыко, 2020]. Накопленные возможности России в области здравоохранения, а также умение власти принудить граждан к ограничению их свобод во имя препятствования распространению коронавируса могут вполне успешно противостоять вызовам непрекращающейся пандемии. Готовность граждан страны соблюдать вводимые государством ограничения выступает признаком стабильного уровня доверия общества к федеральной власти, продемонстрировавшей решительность и надежность в условиях крайней неопределенности, связанной с недостатком информации об особенностях вируса. В этой связи интересны результаты опроса ВЦИОМ, проведенного в декабре 2020 г.: 56 % россиян считают, что вследствие пандемии коронавируса усилилось единство между людьми, 11 % — что сложные ситуации объединяют, 6 % — что нужно полагаться друг на друга¹. Кроме того, возросла гражданская активность россиян: например, 71 % опрошенных заявили, что совершали какое-либо общественно полезное дело, помогали другим, 59 % респондентов отметили, что люди стали чаще заниматься волонтерской или добровольческой деятельностью².

Тенденция сохранения доминанты общественных интересов над личными подтверждается результатами исследования, проведенного Институтом общественного мнения «Квалитас» совместно с ИПИ ФНИСЦ РАН в 2011—2014 гг., согласно которым заметно снизилась доля респондентов, считающих, что интересы отдельного человека выше, чем интересы общества (см. табл. 1).

Таблица 1. Изменение соотношения общественных и личных интересов в разных возрастных группах (% от числа опрошенных)*

Возраст	Приоритет общественных или личных интересов						Готовность (неготовность) жертвовать личными интересами					
	Интересы общества в целом выше, чем интересы отдельного человека		Интересы отдельного человека выше, чем интересы общества		Затруднились с ответом		Человек должен жертвовать своими интересами ради интересов других людей		Человек должен бороться за свои интересы, даже если они противоречат интересам других людей		Затруднились с ответом	
	2011	2014	2011	2014	2011	2014	2011	2014	2011	2014	2011	2014
18—24	60,7	63,2	33,3	26,8	6,0	10,0	32,2	32,6	56,8	52,6	10,9	14,7
25—29	59,3	64,9	35,0	27,7	5,7	7,4	35,0	35,1	47,9	49,3	17,1	15,5
30—39	56,8	59,5	33,9	33,2	9,3	7,3	36,0	29,3	49,2	52,9	14,8	17,8
40—49	58,1	63,4	34,7	26,4	7,2	10,2	33,1	34,0	49,2	46,4	17,8	19,6
50—59	64,8	66,9	27,5	26,5	7,7	6,5	45,5	32,3	42,1	53,8	12,4	13,8
60 лет и старше	60,4	63,5	29,7	28,3	9,9	8,2	46,5	42,1	35,5	43,8	17,9	14,1

* Источник: [Чупров, Зубок, Романович, 2019: 120].

¹ Солидарность на фоне пандемии (Аналитический обзор)// ВЦИОМ. 2020. 29 декабря. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/solidarnost-na-fone-pandemii> (дата обращения: 25.04.2021).

² Там же.

Эти факты свидетельствует о зримо возросшей социальной ответственности наших граждан за свои поступки, о нарастании их социальной активности, однако осознанное повышение требовательности к себе вызывает усиление критического, взыскательного отношения россиян и к власти как к стороне, отвечающей за состояние гражданского общества и социального государства. Претензии людей к власти формируют соответствующий перечень социальных проблем, список которых по результатам опроса ИСПИ ФНИСЦ РАН в августе-сентябре 2020 г. представлен в таблице 2.

Таблица 2. **Проблемы, беспокоящие респондентов (% от числа опрошенных)***

Наименование проблемы	Декабрь 2010	Декабрь 2015	Сентябрь 2020
Дороговизна жизни	53	58	61
Экологическая обстановка	33	22	39
Безработица	29	28	34
Повышение цен на продукты питания	39	34	32
Повышение тарифов на услуги ЖКХ	43	31	31
Разделение общества на богатых и бедных	18	24	29
Произвол чиновников	35	33	28
Безопасность Ваша и Ваших близких	27	26	25
Страх перед будущим	—	19	19
Преступность	30	19	17
Ухудшение положения пенсионеров в обществе	—	13	16

* Источник: [Российское общество..., 2020: 13].

Доверие в неопределенном мире

Последние социологические исследования показывают, что ожидания россиян начинают смещаться в негативную сторону. Так, рассчитываемый ВЦИОМ индекс социального оптимизма осенью 2020 г. показал достаточно низкий уровень — минус 61 п. (в июне 2020 г. этот индекс составлял минус 42 п.), при этом 60 % наших соотечественников считают, что экономический кризис еще впереди³. Эти данные подтверждаются опросами «Левада-центра», который зафиксировал в августе 2020 г. снижение сводного индекса общественных настроений на 7 % по сравнению с февралем⁴, а Росстат, в свою очередь, определил индекс потребительской уверенности в III квартале 2020 г. на уровне минус 22 п., что гораздо ниже показателя I квартала того же года (минус 11 п.)⁵.

Ухудшение настроений, связанных с надеждами на лучшее, пока еще не рассматривается как четко выраженный тренд — скорее, можно говорить, что общество находится на некотором переломном этапе между состоянием готовности к трудно-

³ Социальное самочувствие россиян: мониторинг (Аналитический обзор) // ВЦИОМ. 2020. 19 октября. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/soczialnoe-samochuvstvie-rossiyan-monitoring> (дата обращения: 25.04.2021).

⁴ Общественные настроения в августе 2020 г. (пресс-выпуск) // URL: <https://www.levada.ru/2020/09/14/obshhestvennye-nastroeniya-v-avguste-2020-g/> (дата обращения: 25.04.2021).

⁵ Уровень жизни. Потребительские ожидания населения. Индекс потребительской уверенности (официальная статистика) // Росстат. 2020. Октябрь. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/13397> (дата обращения: 25.04.2021).

стям и накопленной усталостью от постоянного ожидания ясности своего будущего положения. В этом непрозрачном, пропитанном неясностью и неуверенностью контексте, как писал П. Штомпка, «для того, чтобы жить и функционировать в обществе, мы должны постоянно предпринимать „прыжки в неуверенность“, тестируя окружающий мир в поисках тех лиц, устройств, продуктов, организаций, идей, которые будут нам нужны, выгодны, полезны, необходимы» [Штомпка, 2012: 31].

Несмотря на некоторое повышение гражданской активности, россияне в условиях изменяющейся социальной реальности все еще предпочитают тестировать окружающий мир не в одиночку, а полагаясь на содействие политической власти, от которой ожидают проявления традиционного государственного патернализма. Этот тезис подтверждается результатами ранее указанного опроса Института общественного мнения «Квалитас» . проведенного совместно с ИСПИ ФНИСЦ РАН в 2011—2014 гг., который четко зафиксировал доминирование ролей традиционной модели власти, где установки на ее персонификацию и централизацию преобладают над деперсонификацией, характерной для современной западной политической культуры (см. табл. 3).

Таблица 3. **Изменение отношения к традиционной и современной моделям власти (% от числа ответивших)***

	Традиционная модель		Современная модель			Затруднились ответить	
	2011	2014		2011	2014	2011	2014
Сильный лидер, умеющий сосредоточить в своих руках всю полноту власти	72,6	71,8	Сильные политические партии	17,5	20,5	9,8	7,7
Монолитное государство с управлением из одного центра	52,4	53,5	Самостоятельность регионов	38,5	37,4	9,1	9,5
Умный, мудрый и честный руководитель	70,8	73,1	Не важно, кто управляет страной, важно, чтобы он соблюдал закон	24,4	22,5	4,8	4,3
В стране должен быть хозяин — нашему народу нужна сильная рука	65,5	61,8	Нельзя допускать, чтобы власть в России была отдана в руки одного человека	24,7	28,2	9,8	9,9
Парламент должен быть ответственен перед президентом РФ	49,3	49,4	Парламент должен быть независим от президента РФ	34,8	37,4	15,8	13,2
Суд должен быть ответственен перед президентом РФ	34,5	34,7	Суд должен быть независим от президента РФ	52,9	55,4	12,6	9,8
Губернатор должен отвечать перед президентом РФ	46,3	51,7	Губернатор должен отвечать только перед народом, избравшим его	40,7	37,6	13,0	10,8
Мэр должен отвечать перед губернатором	38,5	51,7	Мэр должен отвечать только перед народом, избравшим его	47,3	37,6	14,1	10,8

	Традиционная модель		Современная модель			Затруднились ответить	
	2011	2014		2011	2014	2011	2014
Областная дума должна отвечать перед губернатором	42,8	—	Областная дума должна быть независима от губернатора	37,8	—	19,5	—
Городская дума должна отвечать перед мэром	42,7	—	Городская дума должна быть независима от мэра	37,7	—	19,6	—

* Источник: [Чупров, Зубок, Романович, 2019: 103].

Сведения, представленные в таблице 3, свидетельствуют о том, что в России продолжает действовать запрос на укрепление властной вертикали, на развитие иерархической соподчиненности между федеральным центром и регионами, а число сторонников разделения властей снижается (кроме вопросов, связанных с независимостью суда, по которому количество поддерживающих независимый суд превышает количество противников такого подхода).

Представленные данные исследований можно интерпретировать как противоречивые: с одной стороны, в обществе формируется большая группа граждан, которые рассчитывают на собственные силы и готовы жертвовать своим личным временем и ресурсами ради удовлетворения общественных интересов; с другой стороны, эта готовность поступиться личным во имя общественного пока еще не переросла в индивидуальную политическую активность и ограничивается в основном использованием права избрания своих представителей во власть для того, чтобы потом потребовать от нее в целом (а не от своих представителей, которые были избраны) выполнения актуальных социально-политических и экономических запросов.

Это противоречие может быть объяснено присущей россиянам неуверенностью, заключающейся в том, что их возможные действия, произведенные из самых лучших побуждений, могут квалифицироваться властью как нежелательные, непрофессиональные или просто опасные. Выраженное же властью недовольство такими инициативами может быть воспринято деятельными гражданами как серьезная моральная травма, разочарование в своих способностях генерировать осознанные, взвешенные и конструктивные решения в интересах всего общества. Люди вполне резонно опасаются, что власть может применить к ним неза заслуженные, обидные с их точки зрения санкции, знаменующие, по сути, отчуждение у граждан права на ошибку. Это ведет к параличу воли к осуществлению самостоятельных инициатив.

Отсутствие понимания возможных последствий и глубины предполагаемого наказания за отклонение от линии власти с большой долей вероятности будет формировать в людях неуверенность и апатию, что не способствует преодолению кризисных явлений в стране и совершению «решительных прорывов», требующих активных шагов, использования нестандартных подходов и применения творческого начала. В свою очередь, декларируя призыв к гражданам проявлять инициативу, лидерские качества и предпринимательский подход, чиновники в изменяющейся социальной реальности на деле будут всячески избегать входа в зону собственной неуверенности, которая, как правило, находится за рамками устоявшихся шаблонов поведения облеченных властью.

Выход из этого противоречия, на наш взгляд, лежит на пути признания права как граждан, так и власти совершать естественные ошибки, что подразумевает обязанность совместно принимать на себя возможные риски в процессе государственного и общественного развития в случае какого-либо просчета. Так совершается переход от деятельности в рамках концепции «нулевого» риска к работе по концепции «приемлемого» риска, который можно оценить прогностическими и иными методами еще на стадии принятия социально-политического или экономического решения. Этот подход предполагает необходимость выстраивания системы взаимного общественного и государственного контроля, совершенствования коммуникаций и обратной связи между гражданами и властью с целью своевременного обнаружения и исправления произошедших оплошностей. Другими словами, для обретения уверенности граждан и чиновников в столь неопределенном мире нам нужно *доверие* в качестве «человеческого моста над пропастью неуверенности» [Штомпка, 2012: 31], разделяющей общество и власть.

Только устойчивое взаимное доверие между властью и обществом позволит даже в случае совершения какого-либо промаха не опустить руки, собраться с силами и выработать оптимальное решение, направленное на преодоление ключевых проблем. Доверие раскрепостит сознание людей, «обнулит» страх ответственности за случайный неверный проступок и тем самым привнесет в совместную деятельность власти и общества элементы энтузиазма и свободы, превращающие рутину повседневной деятельности в творческую гражданскую активность, так необходимую нам для смелого, плодотворного и созидательного сотрудничества в этот кризисный период времени.

Размышляя о причинах противоречивого и неуверенного поведения власти и общества в условиях неопределенности, следует осознать, что государство все же надлежит воспринимать как неотъемлемую часть сообщества, которому присуща не только коалиция интересов, в том числе властных, но и мораль, и если интересы оказываются носителями центробежных признаков, то мораль связывает социум в единый организм, наделенный общим смыслом. Мораль становится средством самореализации, а моральный мотив, сочетающийся с личным интересом, усиливает удовольствие от удовлетворения высших социальных потребностей человека [Разин, 2013]. Моральное сообщество, как заметил Ф. Фукуяма, опирается на этические обычаи и взаимные моральные обязательства между его членами [Фукуяма, 2004].

Принимая эту точку зрения, можно заметить, что моральное пространство нашего общества, несмотря на разность интересов его членов, допускает внутри него образование совокупностей личностей, характер отношений между которыми позволяет их отнести к той или иной группе «мы». Как говорил П. Штомпка, «„мы“ — это те, кого мы наделяем доверием, в отношении которых поступаем лояльно и об интересах которых беспокоимся в соответствии с духом солидарности» [Штомпка, 2012: 44—45].

Конструкт «мы-группа»

Наделяя доверием «других» внутри круга «мы», возможно также определить и объект, вокруг которого будут конструироваться доверительные отношения. Один из основоположников феноменологической социологии А. Шюц считал, что

конструкт «мы» включает в себя не только «тебя» и «меня», но «каждого, кто является одним из нас», подразумевая под «каждым» тех, чья система релевантностей по существу и в достаточной степени совпадает с «твоей» и «моей», и наши точки зрения взаимозаменяемы [Шюц, 1988]. Важным элементом в системе знаний по А. Шюцу выступает объект знания, характеристики которого, познанные «мною» и потенциально познаваемые «тобой», расцениваются как знание «каждого», само собой разумеющееся. В качестве объекта знания, который принят «каждым», кто разделяет соответствующую систему релевантностей, А. Шюц определил образ жизни, рассматриваемый членами «мы-группы» как естественный, нормальный и правильный, являющийся источником привычек, нравов, традиционного поведения, типичных истин, наличествующих в «мы-группе».

Развитие знания об объекте, вокруг которого формируется «мы-группа», а также о жизненном мире «других» членов сообщества позволяет углубить наше понимание субъективных смыслов социальных действий участников и ощутить изменяющуюся социальную реальность в процессе проектирования объекта, на котором фокусируется групповое внимание. Роль «другого» конструируется «мною» как роль частной личности, исполнителя типичных ролей и функций, во взаимодействии с которым «я» принимаю свою роль не как целостная личность, а фрагментарно, тем самым «я» самотипизирую свое поведение, связанное с «другим». А. Шюц считал, что, познавая окружающую среду, «мы-группы» строят соответствующую анонимную унифицированную точку зрения на типичные конструкты образа жизни, взаимодействия со средой, рекомендации по использованию типичных средств для достижения типичных целей в типичных ситуациях.

Как следствие, разным системам релевантностей и связанным с ними образам жизни будут соответствовать и разные «мы-группы», в каждой из которых «я» «другого» человека конструируется ожиданием его поведения по типичному способу деятельности, типичным мотивам и установкам типа личности. Это означает, что взаимодействие внутри каждой из таких «мы-групп» может быть выстроено на доверительных отношениях только в том случае, когда индивид будет чувствовать себя как бы среди «своих» и его ожидания будут совпадать в той или иной степени со взглядами «других».

Проектируя образ жизни как некую будущую цель, «мы-группа» представляет в своем воображении завершенное положение дел, к которому приведет будущая деятельность, и затем реконструирует в своем воображении отдельные этапы, ведущие к цели. Вывод А. Шюца заключается в том, что возможность понять «другого» в той мере, которая достаточна для достижения наличной цели, носит вероятностный характер, и чтобы увеличить эту вероятность, нужно выявлять смысл, набор мотивов, управляющих действиями «других». Этот набор будет конструктом типичных ожиданий от поведения «другого», особенно важных при проектировании действий, ориентированных на реакцию не только партнеров, но и простых граждан: «я» ожидаю, что «другой» будет руководствоваться теми же типами мотивов, которыми «я» и многие «другие» руководствовались в прошлом при сходных обстоятельствах.

В рамках модели «мы-группа» большинство личностных и поведенческих типических конструктов институализируется в формате стандартов поведения,

поддерживаемых обычаями и традициями, а иногда и особыми средствами социального контроля, называемыми законами. Чем более институализирована и стандартизована с помощью законов, правил, норм, обычаев, традиций и т. п. модель взаимосвязанного поведения в «мы-группе», тем больше вероятность, что «мое» самотипизированное поведение достигнет желаемой цели. Однако нужно помнить, что в противоположность «мы-группе» может сформироваться «они-группа», в которой ожидания индивида не обязательно совпадут со взглядами «других», что окажется причиной возникновения недоверия между членами группы и, как следствие, конфликта.

Идеи повседневного мышления А. Шюца позволяют нам выделить следующие предпосылки возникновения доверия между властью и обществом в рамках конструкта «мы»:

1) доверие возможно во взаимоотношениях в рамках «мы-группы», сформированной на основе общей системы релевантностей и схожем понимании образа жизни, в котором «мои» ожидания в той или иной степени совпадают с ожиданиями «других»;

2) членов «мы-группы» связывают схожие этические обычаи и взаимные моральные обязательства, отличные от тех установок, которые исповедуют представители «они-группы»;

3) объектом знания для «мы-группы» выступают типичные конструкты образа жизни, взаимодействия со средой, типичные средства для достижения типичных целей в типичных ситуациях, а целью членов «мы-группы» становится проектирование и строительство образа жизни;

4) поведение членов «мы-группы» осуществляется по типичному способу деятельности, типичным мотивам и установкам типа личности, определяемых исходя из принятой системы релевантностей и целевого образа жизни сообщества;

5) в процессе формирования и деятельности «мы-группы» накапливаются и применяются знания смыслов и наборов мотивов, управляющих действиями «других», на предмет повышения вероятности достижения желаемого образа жизни как цели деятельности «мы-группы» не только в интересах «других» (то есть партнеров), но и с учетом интересов простых граждан, с которыми взаимодействие происходит в настоящем времени;

6) поведенческие и личностные типовые конструкты в рамках взаимоотношений членов «мы-группа» институализированы в формате стандартов поведения, обуславливающих обычаи и традиции членов «мы-группы»;

7) взаимоотношения в рамках «мы-группы» подчиняются концепции «приемлемого риска», согласно которой признается право ее членов на непредумышленную ошибку, что подразумевает развитие системы взаимного общественного и государственного контроля, совершенствования коммуникаций для осуществления обратной связи между гражданами и властью с целью своевременного обнаружения и исправления возможных просчетов.

Модель «мы-группа»

Как уже отмечено в нашем исследовании, в период кризисных ситуаций усиливается единство между людьми и возрастает гражданская активность. Это можно

объяснить тем, что в форс-мажорных обстоятельствах власть и общество ассоциируют себя с принадлежностью к той или иной форме национального конструкта «мы-группа», в котором мораль начинает доминировать над интересами. Но как только угроза государству отступает, власть под давлением близких ей групп интересов вынуждена помещать мораль в прокрустово ложе формализма и прагматики.

Очевидно, что, когда внешние обстоятельства подталкивают общество к переходу в модель функционирования «мы-группа», мотивируя повышенную ответственность и целеустремленный настрой каждого, в том числе властного, участника, это самым позитивным образом влияет на эффективность деятельности социума в целом, так как вносит в повседневность дополнительный элемент энтузиазма и самоотверженности. Однако по окончании мобилизационного периода власть и общество в рутинной повседневности тоже взаимодействуют, но уже больше по линии «я» и «они». Таким образом, можно сказать, что наивысшая эффективность деятельности общества достигается в рамках национальной модели «мы-группа», функционирующей в стабильном состоянии в течение длительного периода времени.

Однако прежде чем мобилизовать социум на движение к этой модели, следует понять, что она из себя представляет, сформировать предпосылки для ее воспроизводства и затем имплантировать ее в существующую систему государственно-го управления, которая по настоящее время эволюционирует в парадигме, где публичная власть сама устанавливает границы своей ответственности, исходя из собственных представлений и не увязывая программы общественного развития с интересами рядовых граждан.

Из описания конструкта «мы-группа» становится понятно, что на сегодняшний день одноименная модель не может функционировать в национальном масштабе, поскольку в рамках российского социума отсутствует общая система релевантностей и схожее понимание общего образа жизни. Кроме того, недостаточно четко выявлены смыслы и наборы мотивов, управляющих действиями «других». Можно предположить, что существует некоторое количество «они-групп», имеющих морально-этические и типические установки, отличные от «мы-группы», но сами по себе они могут соответствовать каким-то другим «мы-группам».

Из этого следует, что конструирование «мы-группы» возможно не во всем обществе одновременно, а в каком-то его сегменте вокруг цели достижения образа жизни, приемлемого для данной части социума (по-другому — образа желаемого будущего). Соответственно, в обществе должна существовать возможность выявления круга потенциальных участников этого сегмента общества, поведение которых укладывается в типичные способы деятельности, типичные мотивы и установки типа личностей, определяемых из принятой для данной части общества системы релевантностей (иначе — общественных ценностей). Исходя из этого допущения, все общество можно представить состоящим из некоторого числа «мы-групп» и «они-групп», причем их границы определяются как общей системой релевантностей и схожим пониманием образа жизни, так и поведенческими и личностными типовыми конструктами участников.

Так как все общество представляется набором различных «мы-групп» и «они-групп», возникает резонный вопрос: а что будет «сшивать» социум в единый со-

циальный организм, если власть и общество в России сегодня функционируют по правилам модели «я — они», не предполагающей наличие устойчивых доверительных отношений между ведущими ключевыми акторами?

Поскольку доверительные отношения могут возникнуть в «мы-группе» на основе общей системы релевантностей и схожего понимания образа жизни, отдельные «мы-группы» общества должны принять национальную систему релевантностей и национальное понимание образа жизни, тем самым образуя внутри каждой «мы-группы» два взаимосвязанных уровня идентичности — национальный и входящий в него групповой. Те части социума, которые не введут в свой общественный дискурс национальный уровень идентичности, по умолчанию будут образовывать «они-группы». Кроме того, переход к функционированию общества по модели «мы-группа» не может осуществиться без введения в общественный дискурс норм морали как нравственного ограничителя эгоистических интересов взаимодействующих групп.

Взаимосвязь морали и интереса в обществе

Так как переход к модели «мы-группа» будет происходить во времени и пространстве, что означает длительную эволюционную трансформацию отношений в обществе, поиск приемлемого баланса интересов и моральных ограничителей ведущих акторов на долгосрочную перспективу возможен лишь в рамках общей системы координат, в которой интересы и мораль «соизмеряются» одной шкалой и синхронно «соизменяются» при подборе оптимального сценария государственного развития без утери субстанциального смысла утвержденных приоритетов. По сути дела, стоит задача объединить в новой модели общества «мы-группа» две противоположенные природы — мораль как инь (внутреннее самосознание) и интересы как ян (движение к новой сущности), поскольку только в синтезе морали и интересов может прогрессировать жизнь общества.

Интерес можно выразить в материальной сущности, сравнительно легко персонифицировать и измерить количественно, определяя результат его реализации в рублях, тоннах, километрах и т. д. с отнесением на конкретную личность или группу. Мораль как нематериальную сущность измерить много сложнее: каждая личность сама очерчивает границы своего морального пространства, в котором она ощущает обязанность доверять, проявлять лояльность и солидарность с другими, то есть связывать себя моральными узами самосознания [Штомпка, 2012], и не факт, что моральное пространство одной личности совпадает с моральным пространством другой. Однако при условном наложении этих моральных пространств, присущих разным членам общества, друг на друга, скорее всего, проявится общая зона, которую можно назвать «зоной морального согласия большинства», где количественно-качественными выражениями можно попробовать описать доминирующие отношения между акторами общественно-политического процесса в категориях доверия, лояльности и солидарности.

Если найти способ поместить доминирующие интересы ведущих акторов общества внутрь «зоны морального согласия большинства», то с учетом результатов исследования конструкта «мы-группа» основные характеристики модели общества «мы-группа» можно было бы описать следующим образом:

— целью деятельности общества по модели «мы-группа» выступает проектирование и достижение образа будущего в интересах как членов группы (их еще можно обозначить как «команда») и их партнеров, так и граждан, не принимающих активное участие в жизнедеятельности «мы-группы», но заинтересованных в достижении образа будущего;

— формирование состава «мы-группа» осуществляется с учетом схожих ожиданий потенциальных участников, основанных на близком понимании системы принятых ценностей и образа желаемого будущего общества;

— групповые и личные интересы в обществе «мы-группа» имеют схожие этические основания и взаимные моральные обязательства;

— взаимоотношения членов «мы-группы» осуществляются на основе общепринятых поведенческих и личностных норм, определяемых исходя из принятых в «мы-группе» ценностей и образа желаемого будущего общества, и закрепленных в формате стандартов поведения (кодекса поведения);

— межличностные отношения, в том числе между властью и гражданами, строятся на взаимном доверии и благожелательности;

— в «мы-группе» действует концепция «приемлемого риска», согласно которой за членами группы признается право непредумышленной ошибки и солидарная ответственность за возможные просчеты в процессе проектирования и достижения образа будущего;

— в процессе проектирования и достижения образа будущего общества происходит постоянное накопление знания смыслов и мотивов участников, вследствие чего может изменяться как состав «мы-группы», так и содержание системы релевантностей и образа будущего общества.

Вопрос о соразмерности и взаимовлиянии материальных и нематериальных сущностей в процессе поиска баланса интересов и морали в обществе следует рассматривать скорее в контексте рационального выбора приемлемого механизма нахождения согласия, чем в плане изучения культурологического генезиса моральных ценностей или принципов ресурсной зависимости акторов сетевых коалиций интересов. В этой связи акцент в настоящем исследовании сделан на анализе подходов к стратегии трансфера социума из текущего состояния к целевому, соответствующему желаемому образу всего общества в парадигме модели «мы-группа».

Прежде всего, необходимо определить образ целевого состояния общества, соответствующего желаемому в модели «мы-группа». В основном это целевое состояние видится близким к модели идеального общества, но так как каждая социальная страта — власть, бизнес, отдельные слои общества — в реальности понимает свое будущее, исходя из собственных субъективных интересов, их объективно существующий конфликт может быть урегулирован только при условии, если бенефициарами желаемого целевого состояния социума одновременно оказываются все его акторы: власть, бизнес, граждане. Рассмотрение образа желаемого целевого состояния общества через призму приобретения ведущими акторами соответствующих выгод в случае его достижения существенно облегчает задачу согласования интересов и морали, так как в рамках политического торга возможен обмен материальными и нематериальными ресурсами между заинтересованными сторонами во имя коллективного выбора.

Ведя торг по вопросу размера своей доли общественного пирога, каждый заинтересованный актор понимает, что его партнеры по торгу — такие же люди, обу-реваемые человеческой субъектностью и живущие в сетевом пространстве ролей и комбинаций статусов, что делает их поведение все менее предсказуемым [Мертон, 2006]. Непредсказуемость порождает неуверенность в отношении действий, пред-принимаемых людьми, все это усугубляется воздействием со стороны отдельных технологий, создающих новые угрозы и опасности. Глобальность функционирования сложных институциональных, организационных и технических систем не позволя-ет индивидуумам своевременно вникнуть в суть мотивации акторов социального мира, а возрастающая анонимность неконтролируемых обществом распорядителей ресурсов, от которых зависит человеческое благополучие, дополняется чуждым воздействием на наш «знакомый» мир со стороны внешних культурных пространств. В этих условиях доверие становится тем «необходимым ресурсом, который позво-ляет справиться с присутствием в нашей жизни чужих» [Штомпка, 2012: 59].

Ощущение недолговечности ролей в обществе и неоднозначность будущего привели к осознанию того, что «...чем выше неопределенность и реальнее пер-спектива достижения ролевых ожиданий в рамках переговорного процесса, тем больше возможностей для развития доверия как формы общественных отноше-ний» [Seligman, 1997; 39]. Такой вывод указывает обществу способ поиска балан-са интересов и морали в том или ином проекте на соответствующей переговорной площадке с участием заинтересованных акторов. В этом смысле доверие к власти становится тем нематериальным ресурсом, по поводу которого на такой площадке возможен торг между населением и властью при согласовании желаемого целе-вого состояния общества.

Доверие в политике становится необходимым условием жизнеспособности политической системы, важным аспектом гражданского общества, скреплен-ного межличностными узами горизонтального доверия и вертикалью доверия к публичным институтам, а также основной составляющей социального капитала, представляющего собой сеть спонтанных добровольных обществ, проникнутых атмосферой доверия [Putnam, 1995]. Обменивая в переговорном процессе соб-ственные ресурсы доверия наряду с другими материальными и нематериальными сущностями на долю общественного «пирога», группы интересов власти, общества и граждан обретают статус бенефициаров социальных благ, создаваемых в резуль-тате реализации задуманной общественно-политической программы или проекта и имеющих, как правило, национальный и региональный аспекты.

Обмен предполагает оценку ресурса доверия в измеримых категориях для того, чтобы в переговорном процессе в результате социального конструирования возникла возможность достижения доверительных отношений через согласо-вание границ собственных уступок. В настоящее время в основном используются методы оценки политического доверия, базирующиеся на измерении социаль-но-экономических критериев, проведении социологических опросов населения, анализе динамики гражданской активности и политического участия граждан в жизни государства и других приемах [Черницына, 2016]. Однако все эти подходы характеризуют состояние власти и общества в конкретном месте и в определен-ном периоде социологического замера. Знание текущего и прошлых уровней

доверия общества к власти дает возможность политическим экспертам провести экстраполяцию исторических данных при допущении, что будущее доверие будет соответствовать характеру его поведения в прошлом.

Вместе с тем в реальном мире внутренние и внешние факторы изменяются настолько быстро и непредсказуемо, что судить о будущем доверительных отношений по линии «власть — бизнес — общество», полагаясь только на соблюдение принципов эволюционности и преемственности, было бы неразумно. Поэтому вполне логично поставить вопрос о необходимости овладеть искусством управления доверием, обращая интересы власти, бизнеса и общества как бенефициаров социальных благ в будущее целевое состояние социальной системы, располагающееся в «зоне морального согласия большинства». Конструируя образ целевого состояния социума, в котором интересы и мораль смогут находиться в сбалансированной гармонии по волеизъявлению ее акторов, власть, бизнес и гражданское общество своим согласием скрепляют в единый организм на долгосрочный период зависящие от их поведения элементы системы государственного управления. В этом смысле можно определить результат деятельности социума по модели «мы-группа» как выполнение общественного договора, установившего, что в результате публичного переговорного процесса между властью, бизнесом и гражданами достигнуто добровольное согласие по ключевым положениям образа целевого состояния общества и условиям его достижения по модели «мы-группа», которые реализованы совместными усилиями заинтересованных акторов.

Предпосылки формирования модели «мы-группа»

Форма соглашения, называемая общественным договором, имеющая целью создание целостного общества, устойчивого государства на основе как совпадающих, так и конкурирующих интересов, известна в политической науке еще со времен Т. Гоббса, который признавал договорную теорию происхождения государства на основании добровольного соглашения между народом и верховной властью. Однако генезис понятия «общественный договор» не рассматривается в качестве предмета настоящей статьи. Применительно к исследуемой теме нас интересуют лишь роль и место общественного договора в модели социума «мы-группа», который фиксирует условия соглашения по поводу сосуществования индивидов и групп в обществе по отдельному вопросу формирования и достижения образа его будущего. Такая форма соглашения в юриспруденции известна под названием *modus vivendi*. Она не предполагает закрепление временного общего взгляда всех субъектов и групп на то, какой должна быть справедливость, а базируется на изначальном, существовавшем еще до начала формирования такого соглашения объективном реализме присутствия несогласия и плюрализма мнений участников.

Т. Фоссен предложил следующие базовые требования, которым отвечает состояние *modus vivendi* [Fossen, 2019]:

— соответствие критериям практической достижимости, так как достичь *modus vivendi* проще, чем воплотить в жизнь «идеальное общество», в котором всегда найдутся исключенные и маргинальные участники;

— соответствие нормативной валидности, согласно которой ни одна концепция справедливости не является валидной, то есть изначально не учитывает в полной

мере плюрализм принятых в обществе ценностей [Gray, 2000], при этом здравый смысл диктует временный запрет на любые модели справедливости во имя достижения мирного урегулирования конфликта [Horton, 2006];

— соответствие принципу избегания политической угрозы, заключающемуся в достижении компромисса между «начерно определенным миром» и справедливостью, установленной на основе гибкого соблюдения определенных условий.

По Т. Фоссену власть — реальный участник переговоров по достижению согласия, равный другим субъектам, а это означает, что при разборе политической ситуации (достижение образа будущего общества — это политический процесс) власти следует прийти к позиции, идентичной видению других акторов. Из этого Т. Фоссен делает важнейший вывод о том, что общественный договор в смысле *modus vivendi* становится не формой поиска согласия, а формой политического выживания каждого из участников.

Этот вывод позволяет нам сделать допущение, что справедливость как результат взаимодействия субъектов и групп, зафиксированная в итоговом тексте общественного договора, на весь период процесса достижения образа будущего общества гарантирует соблюдение политических интересов акторов, принимавших участие в его формировании.

В этом смысле общественный договор в формате *modus vivendi* выступает для власти как политической силы действенным инструментом согласования с обществом условий, выполнение которых позволит ей сохранить рычаги управления на данной территории в течение действующего электорального цикла и заложить весомые предпосылки для своего переизбрания. По сути, общественный договор в этом случае выступает как политическая декларация действующей власти, в которой она, по согласованию с бизнесом и обществом, излагает свою стратегию, направленную на удержание политического руководства.

Исходя из допущения, что функционирование оптимальной модели общества «мы-группа» возможно на основании общественного договора, рассмотрим условия, при наличии которых она будет не только работоспособной, но и обеспечит повышение эффективности системы государственного управления. Следует отметить первостепенное значение формирования *долгосрочной* доверительной основы отношений между властью, бизнесом и обществом, которая опирается на «стратегию неумолимости», пришедшую в политологию из теории игр. Эта стратегия подразумевает совместную работу участников, продолжающуюся до тех пор, пока ни одна из сторон не нарушает начального соглашения. В случае нарушения одной из сторон своих обязательств сотрудничество прекращается навсегда [Dasgupta, 2007]. Угроза включения у противоположенных сторон «стратегии неумолимости» и возникновения при этом потерь от недополучения всех будущих выгод, возможных при долгосрочном сотрудничестве, способствует удержанию акторов от нарушения договоренностей. В этом случае возникает и работает «социальная норма» как базис выстраивания долгосрочного доверительного сотрудничества в противоположность стратегии подчинения закону.

В рамках функционирования модели «мы-группа» важнейшим условием сохранения устойчивых долгосрочных доверительных отношений власти, бизнес-сообщества и гражданских структур выступает ответственность всех действующих акторов за вы-

полнение достигнутых договоренностей в соответствии с концепцией «социальной нормы». Групповая ответственность заинтересованных в достижении желаемого целевого состояния общества акторов — это принципиальное переустройство внутренних форм контроля своей деятельности у индивидуума, действующего как представитель актора, приобретение им таких черт характера, при которых все принимаемые решения соотносятся с собственной и групповой системами ценностей, формируя тем самым чувство ответственности за последствия своих поступков. Ответственность при таком подходе отличается от обязанности отсутствием внешней принудительной силы, так как ответственность — это скорее проявление внутренне осознанного долга по выполнению требований, осмысленно принимаемых добро-совестным индивидом. Об уровне ответственности представителей власти, бизнеса и гражданского общества можно судить лишь по ее проявлению в деятельности, поступках, отношении к людям, но нужно помнить, что внешне наблюдаемое поведение не всегда будет соответствовать скрытым внутренним ценностным установкам акторов, формально действующих в русле концепции «социальной нормы».

Из этого следует, что в контексте формирования и выполнения общественного договора по воплощению модели «мы-группа» стоит задача не разоблачения ментальной ценностной базы отдельных личностей, принимающих участие в совместной деятельности, а концентрация усилий на обеспечении позитивных действий даже внешне заинтересованных, но внутренне неуверенных акторов, не до конца разделяющих общественные ценности «зоны морального согласия большинства», тем не менее поддающихся внешнему принуждению для совершения поступков, направленных на достижение желаемого целевого состояния общества.

Из этого необходимого компромисса следует важный вывод: в работу по формированию общественного договора по поводу модели общества «мы-группа» нужно стремиться вовлекать не только акторов, имеющих относительно сходные ценностные установки, сравнительно близкие взгляды на образ общего будущего и на программу по его достижению, но и тех, критерием полезности которых, несмотря на подсказки «внутреннего голоса», становится их договороспособность во имя конструктивной деятельности, нацеленной на коллективный результат.

Данный подход задает вектор поиска критериев и порядка отбора представителей власти, бизнеса и гражданского общества для участия в публичном процессе формирования и достижения целевого состояния социума по модели «мы-группа», осуществляемого на принципах открытости, справедливости и самоорганизации при содействующей роли государственных структур. В этом смысле партисипаторная государственная управляемость открывает новые возможности гражданского участия в публичной политике и управлении на основе представления государства как платформы, реализуемого в единстве с новым совещательным характером политического режима в целом [Сморгунов, 2019].

С точки зрения критериев пространства и способа организации взаимодействия для целей формирования и реализации образа целевого состояния общества особый интерес представляет так называемая краудсорсинговая платформа (crowdsourcing platform), в рамках которой правительство налаживает открытое сотрудничество с гражданами, бизнесом, другими неправительственными организациями, выступая в качестве организатора или хаба для

экосистемного взаимодействия⁶. Как показывает исследование, проведенное компанией Accenture, эта платформа лучше всего подходит для стран, в которых новые политические вопросы требуют инновационных решений с участием гражданского общества⁷, что удовлетворяет и новаторским требованиям по реализации модели «мы-группа».

Проект российского государства как платформы впервые был предложен Центром стратегических исследований в 2018 г. [Буров и др., 2018]. Однако граждане и бизнес в нем оказались представлены лишь как потребители государственных услуг, соответственно, система взаимодействия ориентировалась в основном на регистрацию их пожеланий, которые (возможно) будут более полно учтены государственным управлением [Сморгунов, 2019].

Выстраивание же доверительных отношений между властью, бизнесом и обществом, как было отмечено ранее, предполагает использование более жесткого формата взаимодействия на основе «стратегии неумолимости», которая не приемлет применения терминологии «возможно» при учете мнения граждан и бизнеса относительно образа целевого состояния общества и путей его достижения. Включение «стратегии неумолимости» подразумевает наличие четких обязательств заинтересованных акторов по поводу содержания качественных и количественных показателей, характеризующих модель общества «мы-группа».

Для урегулирования этого противоречия вывод представителей власти, бизнеса и гражданского общества на краудсорсинговую правительственную платформу может осуществляться в два этапа. На первом этапе власть размещает в публичном информационном пространстве — на сайте специально созданного хаба для экосистемного сетевого взаимодействия — свои предложения, содержащие основные положения коллективной системы ценностей и образа целевого состояния общества, с целью всестороннего обсуждения, а также выявления наиболее активных акторов, высказывающих разумные мысли и расположенных к творческому и конструктивному сотрудничеству с властью. На втором этапе, после обработки предварительных результатов обсуждения, власть организует формирование и подписание общественного договора по достижению модели «мы-группа» с участием наиболее энергичных, креативных и ответственных представителей бизнеса, гражданского общества, других неправительственных организаций. Отбор подписантов общественного договора со стороны бизнеса и гражданского общества должен проводиться с учетом мнения представителей исполнительной и законодательной власти, общественных палат, ассоциаций бизнеса, гражданских структур и т. д., однако в ходе обсуждения его текста возможно приглашение и других участников по инициативе заинтересованных групп граждан.

Формирование регионального общественного договора

При формировании общественного договора, определяющего деятельность региональной «мы-группы», могут быть рассмотрены следующие вопросы:

⁶ Four platforms for government // Accenture. 2018. August 31. URL: <https://www.accenture.com/us-en/insights/public-service/four-platforms-for-government> (дата обращения: 25.04.2021).

⁷ Government as a Platform // Accenture. 2018. URL: https://www.accenture.com/_acnmedia/PDF-83/Accenture-GaaP-2018-Readiness-Index.pdf#zoom=50 (дата обращения: 25.04.2021).

1) Образ желаемого целевого состояния общества, выраженный в качественных и количественных показателях, а также структурированный по стратегическим направлениям:

- социально-экономическому направлению, предполагающему достижение социально-экономических показателей, декомпозированных из национальных целей и приоритетов, а также показателей, обеспечивающих решение ключевых региональных и муниципальных проблем;
- социальному направлению, предполагающему согласование и выполнение «кодекса поведения» власти, бизнеса и структур гражданского общества, направленных на формирование, поддержание и укрепление доверительных отношений.

2) «Дорожная карта», определяющая направления деятельности власти, бизнеса и гражданского общества по достижению желаемого целевого состояния общества.

3) Проект общественного договора между властью, бизнесом и гражданским обществом, определяющий систему коллективных ценностей и образ желаемого целевого состояния социума, права и обязанности ведущих акторов и программу под условным названием «Общественное доверие», направленную на поддержание и укрепление доверительных отношений между акторами, а также на упреждение угроз и вызовов социально-политической стабильности.

Предлагаемая последовательность действий по формированию и развитию доверительных отношений в сфере государственного управления неизбежно ставит вопрос об объективной оценке этих отношений в процессе выполнения общественного договора, принимаемой всеми заинтересованными акторами. В этой связи за исходный посыл можно взять замысел Указа Президента России от 25.04.2019 № 193⁸, а также уточняющего его Указа Президента России от 04.02.2021 №689, которым установлен интегральный показатель «уровень доверия к власти», базирующийся на достижении двадцати основных социально-экономических показателей (уровень реальной среднемесячной заработной платы, уровень бедности, качество окружающей среды, уровень образования и др.). Идея данных указов состояла в том, что добросовестная деятельность региональных властей по достижению наивысших результатов по указанным показателям будет автоматически приводить к увеличению уровня доверия населения к власти.

Отчасти в этом есть определенный смысл: некоторые исследования показали, что граждане, как правило, больше довольны таким правительством, которое упорно работает на их благо при том, что правительство действительно выполняет то, что оно намеревалось сделать¹⁰. Однако факт в том, что в исследованных

⁸ Указ Президента Российской Федерации от 25 апреля 2019 г. № 193 «Об оценке эффективности деятельности высших должностных лиц (руководителей высших исполнительных органов государственной власти) субъектов Российской Федерации и деятельности органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации» // Kremlin.ru. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/44185> (дата обращения: 25.04.2021).

⁹ Указ Президента Российской Федерации от 4 февраля 2021 года №68 «Об оценке эффективности деятельности высших должностных лиц (руководителей высших исполнительных органов государственной власти) субъектов Российской Федерации и деятельности органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации».

¹⁰ Blanding M. (2014) How Government Can Restore the Faith of Citizens. *Harvard Business School*. 13 January. URL: <https://hbswk.hbs.edu/item/how-government-can-restore-the-faith-of-citizens> (accessed: 25.04.2021).

примерах граждане были отстранены от процесса принятия решения по существу тех или иных мероприятий, направленных на их благо, за них это делали представители правительства, которые могли понимать благо людей со свойственной чиновникам избирательностью. Поэтому приведение граждан в состояние сопричастности при совместном с властью определении уровня основных социально-экономических показателей развития той или иной территории будет способствовать более пристальному вниманию со стороны заинтересованного общества за исполнением согласованных мероприятий и, следовательно, к более точной оценке степени доверия населения к власти и своей гражданской ответственности за достигнутый результат.

Такой подход позволяет вывести универсальный способ оценки уровня доверия к власти: если власть, бизнес и представители гражданского общества достигли договоренности по желаемому уровню основных социально-экономических показателей, рассчитанных по специальной методике¹¹ и входящих в программу «Общественное доверие» (будет их двадцать или другое количество — решать участникам общественного договора), то этот желаемый целевой уровень каждого показателя можно принять за 100%. Соответственно, текущий уровень показателя, рассчитанный по той же самой методике, будет составлять долю от желаемого целевого уровня, выраженную в процентах. Среднеарифметическое значение по всем основным социально-экономическим показателям, соответствующим желаемому целевому уровню, можно считать неким опосредованным максимальным уровнем доверия населения к власти по социально-экономическому направлению, связанному с национальными целями и приоритетами.

Аналогичный подход можно применить и при оценке уровня доверия населения к власти по социально-экономическому направлению, связанному с решением ключевых региональных и муниципальных проблем. Отличие будет заключаться в том, что участники общественного договора сами должны договориться о перечне тех ключевых проблем региона или муниципалитета, который должны будут внести в общественно-политическую повестку дня, а также об уровне социально-экономических показателей, характеризующих достижение желаемого целевого состояния, обеспечивающего решение этих ключевых социально-экономических проблем.

Если оценка уровня доверия населения к власти по социально-экономическому направлению возможна с опорой на ряд показателей, выведенных из эмпирического знания природы их происхождения, то оценка доверия по социальному направлению в большей степени базируется на результатах субъективного анализа действий участников общественного договора по выполнению достигнутых договоренностей, с поправкой на личное восприятие субъекта договорной деятельности. Профессионализм, компетентность, содержательная деятельность участников общественного договора, степень развитости обратной связи между

¹¹ Методика расчета социально-экономических показателей, используемых для оценки эффективности деятельности органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации, утверждена постановлением Правительства Российской Федерации от 19 апреля 2018 года № 472 «Об осуществлении мер по реализации государственной политики в сфере оценки эффективности деятельности органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации и признании утратившими силу некоторых актов Правительства Российской Федерации» // Government.ru. URL: <http://government.ru/docs/32367/> (дата обращения: 25.04.2021).

ними, учет общественного мнения, открытость и прозрачность взаимоотношений между властью, бизнесом и обществом и многие другие факторы, конечно же, имеют существенное значение при оценке уровня доверия к политическим институтам, однако в конечном итоге только наглядные результаты деятельности ведущих акторов могут стать основным критерием, по которому следует оценивать эффективность деятельности власти.

Таким образом, можно допустить, что интегральный уровень доверия населения к власти состоит из нескольких компонентов: успехов по достижению социально-экономических показателей из федерального списка, результатов реализации региональной общественно-политической повестки дня по решению ключевых местных проблем, а также фактов исполнения конкретных социальных обязательств, принятых на себя властью, бизнесом и обществом при подписании общественного договора. Оказывая влияние на параметры образа целевого состояния общества, а также воздействуя на динамику изменений компонентов, составляющих интегральный уровень доверия населения к власти, власть тем самым демонстрирует свою способность решать сложные социально-экономические проблемы путем содействия, оказания помощи, координируя усилия всех заинтересованных акторов, по сути, управляя процессом завоевания политического доверия к самой себе, усиливая факторы, вызывающие позитивные эмоции у граждан, и ослабляя воздействие движущих сил, последствия проявления которых негативно воспринимаются людьми, тем самым принуждая все элементы государственной машины действовать синхронно, солидарно, социально ответственно.

Модель «мы-группа» в системе государственного управления

Внедряя модель «мы-группа» в систему государственного управления, власти предстоит осознать, что речь идет об укоренении системы долгосрочного стратегического сотрудничества с населением и рыночными институтами, выстроенной на доверительной основе, способной тонко настраиваться под нужды общества в зависимости от внутренних и внешних обстоятельств во имя достижения рациональных и справедливых целей и приоритетов. При таком подходе для формирования доверия населения к политическим институтам в рамках действующей системы государственного управления следует рассмотреть вопрос о целесообразности введения отдельной задачи по идентификации показателя доверия к власти, уровень которого в случае его роста будет придавать политическому руководству чувство уверенности в правильности своих действий, а в случае снижения — станет сигналом о необходимости внесения корректировки в избранный курс.

Необходимо подчеркнуть, что решение задачи формирования доверия к власти не должно приводить к манипуляции сознанием граждан под воздействием популистских решений, принимаемых властью для достижения каких-либо своих тактических выгод. Долгосрочный характер доверительных отношений предполагает эволюционное наращивание усилий со стороны власти по согласованию общественного договора, разработанного на принципах «социальной нормы» ради достижения общей цели — повышения качества жизни граждан. Исходя из ранее высказанного представления о краудсорсинговой платформе, в этом случае разработку общественного договора целесообразно проводить на специально

организованном хабе для экосистемного сетевого взаимодействия. Стартовой точкой для запуска процесса формирования и реализации общественного договора могло бы стать создание открытой информационно-коммуникативной площадки на базе некоей уже действующей организации, например, общественной палаты, обладающей навыками провайдера сетевого взаимодействия. На этой площадке в рамках процесса формирования и реализации общественного договора в непосредственный контакт будут вступать граждане как индивидуумы со своим характером и компетентностью; представители социальных групп, связанных с разными идентичностями; представители предприятий и организаций, имеющих свои структуры, нормы и правила; представители государственных институтов со своими общественными установками.

Однако еще до принятия политического решения по запуску процесса выстраивания доверительных отношений между властью, бизнесом и обществом самой власти нужно четко ощутить, что она все же готова помогать гражданам прокладывать мост над пропастью неуверенности, разделяющей чиновников и общество, генерируя свое доверие партнерам по общественному договору, даже несмотря на возможные негативные для власти политические последствия проявления инициативности граждан, связанные с их активным вовлечением в общественную деятельность.

Список литературы (References)

Буров В. В., Петров М. В., Шклярук М. С., Шаров А. В. «Государство-как-платформа»: Подход к реализации высокотехнологичной системы государственного управления // Государственная служба. Теория и практика управления. 2018. Т. 20. № 3. С. 6—17. URL: <https://pa-journal.igsu.ru/articles/6004/> (дата обращения: 25.04.2021).

Burov V. V., Petrov M. V., Shklyaruk M. S., Sharov A. V. (2018) "State-As-Platform": An Approach to Implementing a High-Tech Public Administration System. *Public Administration*. Vol. 20. No. 3. P. 6—17. URL: <https://pa-journal.igsu.ru/articles/6004/> (accessed: 25.04.2021). (In Russ.)

Громыко А. А. Коронавирус как фактор мировой политики // Научно-аналитический вестник Института Европы РАН. 2020. № 2. С. 4—13. <http://doi.org/10.15211/vestnikieran22020413>.

Gromyko A. A. (2020) Coronavirus as a Factor in World Politics. *Scientific and Analytical Herald of the Institute of Europe RAS*. No. 2 P. 4—13. <http://doi.org/10.15211/vestnikieran22020413>. (In Russ.)

Мертон Р. Социальная теория и социальная структура. М.: АСТ, 2006.

Merton R. (2006) *Social Theory and Social Structure*. Moscow: AST.

Разин А. В. Личный интерес в морали // Вестник РУДН. Серия Философия. 2013. № 3. С. 12—27. URL: http://journals.rudn.ru/philosophy/article/view/11418/ru_RU (дата обращения: 25.04.2021).

Razin A. V. (2013) Personal Interest in Moral. *Rudn Journal of Philosophy*. No. 3. P. 12—27. URL: http://journals.rudn.ru/philosophy/article/view/11418/ru_RU (accessed: 25.04.2021). (In Russ.)

Российское общество и государство в условиях пандемии: социально-политическое положение и демографическое развитие Российской Федерации в 2020 году / под ред. Осипова Г. В., Рязанцева С. В., Левашова В. К., Ростовской Т. К. М.: Перспектива, 2020. URL: <http://испи.рф/wp-content/uploads/2020/12/Российское-общество-и-государство-в-условиях-пандемии.pdf> (дата обращения: 25.04.2021). Osipov G. V., Ryazantsev S. V., Levashov V. K., Rostovskaya T. K. (eds.) (2020) Russian Society and the State in the Context of a Pandemic: The Socio-Political Situation and Demographic Development of the Russian Federation in 2020. Moscow: Perspektiva. URL: <http://испи.рф/wp-content/uploads/2020/12/Российское-общество-и-государство-в-условиях-пандемии.pdf> (accessed: 25.04.2021). (In Russ.)

Сморгунов Л. В. Партиципаторная государственная управляемость: платформы и сотрудничество // Власть. 2019. Т. 27. № 5. С. 9—19. <http://doi.org/10.31171/vlast.v27i5.6712>.

Smorgunov L. V. (2019). Participatory Governance: Platforms and Collaboration. *Vlast*. Vol. 27. No. 5. P. 9—19. <http://doi.org/10.31171/vlast.v27i5.6712>. (In Russ.)

Фукуяма Ф. Доверие: социальные добродетели и путь к процветанию. М.: АСТ: Ермак, 2004.

Fukuyama F. (2004). Trust: The Social Virtues and the Creation to Prosperity. Moscow: AST; Ermak.

Черницына Е. Н. Политическое доверие: как его измерить? // Государственное управление. 2016. Вып. № 54. С. 130—145. URL: http://e-journal.spa.msu.ru/vestnik/item/54_2016chernitsyna.htm (дата обращения: 28.04.2021).

Chernitsyna E. N. (2016) Political Trust: How to Measure It? *Public Administration*. No. 54. P. 130—145. URL: http://ee-journal.spa.msu.ru/vestnik/item/54_2016chernitsyna.htm (accessed: 28.04.2021). (In Russ.)

Чупров В. И., Зубок Ю. А., Романович Н. А. Доверие в саморегуляции изменяющейся социальной реальности. М.: Норма, 2019.

Chuprov V. I., Zubok Yu. A., Romanovich N. A. (2019) Trust in Self-Regulation of Changing Social Reality. Moscow: Norma.

Штомпка П. Доверие — основа общества / пер. с пол. Н. В. Морозовой. М.: Логос, 2012. Sztompka P. (2012) Zaufanie — fundament społeczeństwa. Transl. from Polish N. V. Morozova. Moscow: Logos.

Шюц А. Структура повседневного мышления // Социологические исследования. 1988. № 2. С. 129—137.

Schütz A. (1988). The Structure of Everyday Thinking. *Sociological Studies*. No. 2. P. 129—137.

Dasgupta P. (2007) Economics: A Very Short Introduction. New York, NY: Oxford University Press.

Fossen T. (2019) Modus Vivendi Beyond the Social Contract: Peace, Justice, and Survival in Realist Political Theory. In: Westphal M., Horton J., Willems U. (eds.)

The Political Theory of Modus Vivendi. Cham: Springer. P. 111—127. https://doi.org/10.1007/978-3-319-79078-7_7.

Gray J. (2000) *Two Faces of Liberalism*. Cambridge: Polity Press.

Horton J. (2006) John Gray and the Political Theory of Modus Vivendi. *Critical Review of International Social and Political Philosophy*. Vol. 9. No. 2. P. 155—69. <https://doi.org/10.1080/13698230600654993>.

Putnam R. D. (1995) Turning In, Turning Out: The Strange Disappearance of Social Capital in America. *PS: Political Science and Politics*. Vol. 28. No. 4. P. 664—683. <https://doi.org/10.1017/s1049096500058856>.

Seligman A. B. (1997) *The Problem of Trust*. Princeton, NJ: Princeton University Press.

DOI: [10.14515/monitoring.2021.2.1273](https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.2.1273)

Д. Б. Литвинцев

30 ЛЕТ ПРИВАТИЗАЦИИ ЖИЛЬЯ В РОССИИ: УДАЛОСЬ ЛИ ВОСПИТАТЬ ОТВЕТСТВЕННЫХ СОБСТВЕННИКОВ?

Правильная ссылка на статью:

Литвинцев Д. Б. 30 лет приватизации жилья в России: удалось ли воспитать ответственных собственников? // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2021. № 2. С. 186—212. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.2.1273>.

For citation:

Litvintsev D. B. (2021) 30 Years of Housing Privatization in Russia: Have We Managed to Bring Up Responsible Owners?. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 2. P. 186–212. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.2.1273>. (In Russ.)

30 ЛЕТ ПРИВАТИЗАЦИИ ЖИЛЬЯ В РОССИИ: УДАЛОСЬ ЛИ ВОСПИТАТЬ ОТВЕТСТВЕННЫХ СОБСТВЕННИКОВ?

ЛИТВИНЦЕВ Денис Борисович — соискатель ученой степени кандидата социологических наук, Новосибирский государственный технический университет, Новосибирск, Россия
E-MAIL: denlitv@inbox.ru
https://orcid.org/0000-0002-0358-3681

Аннотация. Приватизация жилья в России почти 30 лет назад привела к появлению нового социального класса — собственников общего имущества в многоквартирных домах. Посредством участия в общих собраниях собственники управляют этим имуществом и принимают решения о его использовании. Статья отражает результаты социологического исследования итогов реализации одного из ключевых направлений «Стратегии развития жилищно-коммунального хозяйства в Российской Федерации на период до 2020 года» — формирования активных и ответственных собственников помещений в многоквартирных домах. В результате интернет-опроса 675 жителей Новосибирска, привлеченных посредством методики локального ривер-сэмплинга, делается вывод о том, что реформа жилищно-коммунального хозяйства в России состоялась не в полной мере. Более трети собственников никогда не принимают участие в общих собраниях потому, что не видят в этом никакого смысла и/или не находят на это времени. Более чем в половине многоквартирных домов не избран совет дома. Уровень жилищной грамотности собственников достаточно низкий: они до конца не понимают свои права и обязанно-

30 YEARS OF HOUSING PRIVATIZATION IN RUSSIA: HAVE WE MANAGED TO BRING UP RESPONSIBLE OWNERS?

Denis B. LITVINTSEV¹ — Cand. Sci. (Soc.) degree seeking applicant
E-MAIL: denlitv@inbox.ru
https://orcid.org/0000-0002-0358-3681

¹ Novosibirsk State Technical University,
Novosibirsk, Russia

Abstract. The privatization of housing in Russia started almost 30 years ago and led to the emergence of a new social class — the owners of common property in apartment buildings who, through participation in general meetings, manage this property and make decisions about its use. The paper presents the findings revealed within a sociological survey concerning the outcomes of one of the main directions of the "Strategy for the Development of Housing and Communal Services in the Russian Federation for the Period until 2020", which is the formation of active and responsible owners of premises in apartment buildings. The survey was conducted online, and its sample consisted of 675 residents of Novosibirsk, recruited with the local river sampling technique. Basing on its results, the author concludes that the reform of housing and communal services in Russia has not yet been fully implemented. More than a third of owners never take part in general meetings because they do not see any reason in this process and/or do not allocate time for it. More than half of the apartment buildings have not elected a house council. The level of housing literacy is quite low among owners: they do not fully understand their rights and obligations, and do not realise common

сти, не осознают общее имущество как объект права и т. п. В ходе корреляционного анализа было установлено, что такие факторы, как возраст, образование, знание норм жилищного законодательства, знакомство с соседями и участие в общественных мероприятиях, желание иметь квартиру в конкретном доме и наличие избранного совета дома, влияют на степень активности собственников в управлении многоквартирным домом посредством участия в общих собраниях. Сформирован профиль ответственного собственника и образ многоквартирного дома, где такие собственники проживают. Предложены рекомендации по совершенствованию жилищной политики и жилищного законодательства Российской Федерации с целью повышения жилищной грамотности.

Ключевые слова: жилищная социология, жилищное право, жилищно-коммунальное хозяйство, многоквартирный дом, собственник помещения, общее собрание, общее имущество

property as a subject of law. The correlation analysis shows that factors such as age, education, knowledge of housing legislation, acquaintance with neighbors and participation in public events, as well as the desire to have an apartment in a particular building and the presence of an elected building council affect the degree of owners' activity in managing an apartment building through participation in general meetings. The study allows composing the profile of a responsible owner and the image of an apartment building where such owners live. In conclusion, the author formulates the recommendations for the housing policy and housing legislation of the Russian Federation aimed at increasing housing literacy.

Keywords: sociology of housing, housing and utilities, housing literacy, apartment building, owner of premises, general meeting, common property

Введение

Прошло уже почти 30 лет со старта приватизации жилья и начала реформирования всей отрасли жилищно-коммунального хозяйства (ЖКХ) в России. К середине 2019 г. было приватизировано 82% всех жилых помещений, подлежащих передаче в частную собственность¹. Большая часть россиян стали владельцами на праве общей долевой собственности общего имущества в своих многоквартирных домах (МКД), а именно: чердаков, подвалов, лифтов и квартирных холлов, земельных участков, на которых расположены МКД, и т. п. Собственники как жилых, так и нежилых помещений владеют, пользуются и в установленных российским законодательством пределах распоряжаются общим имуществом в МКД.

Параллельно с ростом числа приватизированных жилых помещений в России с начала 2000-х годов до 2015 г. отмечался ежегодный рост темпов ввода в эксплуатацию жилья. Несмотря на определенный спад, который начался в 2016 г.,

¹ Основные показатели жилищных условий населения // Федеральная служба государственной статистики Российской Федерации. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/13706> (дата обращения 23.03.2021).

в 2019 г. было введено в действие 80,3 млн м² жилья², что в 2,65 раза превышает аналогичный показатель 2000 г. (30,3 млн м²).

Однако не темпы приватизации жилья и ввода в эксплуатацию новых жилых помещений подчеркивают актуальность социологических исследований в жилищной сфере, а те проблемы, с которыми сталкиваются участники рынка услуг ЖКХ, а именно собственники помещений в МКД и управляющие организации, товарищества собственников жилья (ТСЖ, ТСН), жилищные и жилищно-строительные кооперативы (ЖСК).

В 2005 г. по результатам общероссийского социологического исследования, проведенного в 11 территориально-экономических районах страны, была выявлена положительная динамика в отношении россиян к существующей в стране частной собственности. Однако большинство граждан, говоря о частной собственности, имели в виду непосредственно свою квартиру [Горшков и др., 2005]. В 2018 г. в результате совместного исследования Московского центра Карнеги и Аналитического центра Юрия Левады был также сделан вывод о том, что «частная собственность в представлении граждан — это, прежде всего, квартира» [Волков, Колесников, 2018: 1]. 93% опрошенных посчитали, что квартира — это образец частной собственности, при этом упуская тот факт, что квартира как обособленная жилая ячейка не может технически функционировать автономно от архитектуры и коммуникаций МКД, а значит, от общего имущества.

Подобное понимание частной собственности на жилище непосредственно отражается на участии россиян в реформе ЖКХ в России, что подтверждает ежегодное социологическое исследование ВЦИОМ «Осведомленность россиян о реформе ЖКХ». Согласно его результатам, подавляющее большинство заинтересовано в установке в квартире приборов учета воды, энергосберегающих ламп и электрооборудования. В меньшей степени собственники принимают участие в благоустройстве территории своего дома и непосредственно в общих собраниях (далее — ОС) [Осведомленность россиян..., 2019]. Н. В. Абрамова в результате исследования, проведенного в 2020 г., также пришла к выводу, что «укоренившееся представление многих жителей о том, что их ответственность за жилье прекращается за дверью квартиры, а все остальные проблемы должно решать государство», препятствует солидаризации активистов с остальными жильцами МКД [Абрамова, 2020: 79].

Социологическое исследование, проведенное А. В. Ермишиной и Л. В. Клименко в 2009 г. в городах Ростовской области (Ростов-на-Дону и Азов), показало, что существовавший на тот момент уровень зрелости собственников жилых помещений в МКД был недостаточным для успешного реформирования системы ЖКХ: «для большинства собственников жилья в МКД характерны пассивность, неорганизованность, склонность к государственному и муниципальному иждивенчеству, отсутствие навыков принятия коллективных решений, недоверие к соседям и власти» [Ермишина, Клименко, 2010: 132]. Как отмечают Н. П. Рыжова и Т. Н. Журавская, «для производства новых граждан, соответствующих рыночной идеологии, долж-

² Ввод в действие жилых домов в городской и сельской местности в Российской Федерации // Федеральная служба государственной статистики Российской Федерации. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/14458> (дата обращения 16.04.2021).

ны быть изменены не только законодательство, ментальность, рациональность, техники и коррупционные отношения, но и материальная инфраструктура, что представляется совершенной утопией» [Рыжова, Журавская, 2019: 62].

Многочисленные эксперты в сфере управления МКД в России также отмечают, что, во-первых, собственники считают проведение ОС обременительной обязанностью, не понимают их необходимости и не считают это важным. Во-вторых, основная масса жителей МКД разрознена, соседи по одной лестничной клетке могут быть не знакомы друг с другом, хотя именно добрососедские отношения являются одной из основ эффективного управления МКД. В-третьих, собственники помещений в МКД плохо знакомы с нормами жилищного законодательства, не понимают свои права и не принимают возложенные на них обязанности [Litvintsev, Osmuk, Litvintseva, 2020].

Ввиду того, что коллективное управление многоквартирными домами (кондоминиумами) посредством ОС имеет место не только в России, зарубежные исследователи также приходят к выводу, что зачастую сами собственники становятся препятствием в принятии тех или иных решений. Например, в Японии именно сложность коллективного процесса принятия решения собственниками стоит на пути эффективной реконструкции старых многоквартирных домов [Yamazaki, Sadayuki, 2017]. В Китае из-за проблемы безбилетника³ жители кондоминиумов неохотно вступают в комитеты по управлению и вносят свой вклад в управление местными благами [Chu, Chang, Sing, 2013].

Реформирование жилищного законодательства происходит по всему миру, и в этом процессе именно законодатели играют важную роль в определении общественных ценностей и целей, которыми должны руководствоваться собственники при осуществлении коллективных действий по управлению многоквартирными домами. При этом необходимо учитывать соответствие коллективных действий, предусмотренных реформой, с преобладающими культурными ориентациями, ценностями и убеждениями, которые определяют повседневное взаимодействие индивидов в каждом конкретном обществе [Lehavi, 2005]. К аналогичным выводам в своем исследовании в 2014 г. пришли Е. И. Борисова, А.А Пересецкий и Л. И. Полищук: массовое внедрение коллективного управления многоквартирными домами без соответствия культурным и институциональным условиям является контрпродуктивно [Borisova, Polishchuk, Peresetsky, 2014].

Исследуя многоквартирные дома в Индии, Д. Патель указывает, что в густонаселенных кондоминиумах возрастает сложность социальных отношений из-за укоренившихся культурных иерархий [Patel, 2017]. Д. С. Харрис подчеркивает, что кондоминиум способствует вертикальному разделению земли и позволяет значительно увеличить плотность частных интересов [Harris, 2011], что в целом характерно не только для США. Кондоминиумы стали важной формой владения жильем как для самих жильцов, так и для тех, кто сдает свои квартиры в аренду (нерезидентов) как в Канаде [Preston, Murdie, Northrup, 1993], так и в России.

Роль ОС как коллективного действия собственников помещений в МКД в России сложно переоценить — это орган управления МКД. Собрания проводятся в целях

³ Проблема безбилетника — уклонение отдельных жителей от исполнения своих обязанностей по оплате за общественное благо. В случае кондоминиумов — уклонение от оплаты за его содержание и ремонт.

управления МКД путем обсуждения вопросов повестки дня и принятия решений по вопросам, поставленным на голосовании, в пределах компетенции ОС: выбор способа управления, текущего и капитального ремонта, использования и сдачи в аренду общего имущества и т. п. Вопросы, отнесенные к компетенции ОС, строго регламентированы Жилищным Кодексом (ЖК) Российской Федерации.

Жилищным законодательством РФ предусмотрено три формы проведения ОС в МКД: очное голосование путем совместного присутствия, заочное голосование опросным путем и очно-заочное голосование. Собственники помещений в МКД обязаны ежегодно проводить годовое ОС, что устанавливает его периодичность. Игнорирование собственниками обязанности по проведению ОС неизбежно сказывается на надлежащем содержании общего имущества в МКД, а также может привести к нарушениям, в том числе со стороны управляющих организаций, ТСЖ и ЖСК требований законодательства РФ в области обеспечения санитарно-эпидемиологического благополучия населения, о техническом регулировании, пожарной безопасности, защите прав потребителей и т. п. Кроме того, для управляющей организации без проведения ОС невозможно в одностороннем порядке определить размер платы за содержание общего имущества в МКД — нередки случаи, когда собственники не повышают размер платы в течение нескольких лет, несмотря на рост инфляции, удорожание материалов, работ и услуг подрядчиков, необходимость индексации зарплат работников управляющих организаций и т. п.

О. С. Сидорова в ходе анализа результатов количественного источника и лейтмотивных интервью, проведенных в 2013 г. в Новосибирске (Академгородок), сделала предположение о факторах, влияющих на проявление жителями социальной активности в управлении МКД. Такими факторами стали социально-демографические (пол, возраст) и социально-экономические (образование, вид занятости) характеристики жителей, их включенность в соседские отношения (в том числе продолжительность проживания в доме) и характеристики самого МКД [Сидорова, 2013].

Дизайн исследования

26 января 2016 г. распоряжением Правительства РФ № 80-р была утверждена «Стратегия развития жилищно-коммунального хозяйства в Российской Федерации на период до 2020 года», одним из ключевых направлений которой являлось формирование активности и ответственности собственников помещений в МКД⁴. Актуальность исследования, таким образом, обосновывается необходимостью подвести своего рода итоги реализации данной Стратегии в части формирования активных и ответственных собственников помещений в МКД посредством проведения социологического исследования.

Цель исследования — проанализировать степень активности собственников помещений в МКД, выявить факторы, влияющие на активность и частоту участия в ОС, и сформировать профиль ответственного собственника, а также образ МКД, в котором такие собственники проживают.

⁴ Стратегия развития жилищно-коммунального хозяйства в Российской Федерации на период до 2020 года. Распоряжение Правительства РФ от 26.01.2016 № 80-р (ред. от 18.10.2018). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_192971/ (дата обращения: 08.04.2021).

Метод исследования — интернет-опрос посредством анкетирования. Анкета была разработана на платформе Google Forms и доступна по ссылке для любого устройства (персональный компьютер, ноутбук, планшет, смартфон), что позволяло респондентам отвечать на вопросы в любое время, находясь как у себя дома, так и на работе, в дороге и т. п. С целью рекрутинга респондентов применялась методика локального ривер-сэмплинга — приглашение и ссылка на опрос распространялись посредством мессенджеров (WhatsApp и др.), крупных новосибирских форумов и социальных сетей (преимущественно новосибирские паблики «ВКонтакте»). Опрос проходил с ноября 2019 г. по февраль 2020 г.

Экспорт данных из Google Forms был осуществлен через контейнер XLSX (Microsoft Office Excel). Анализ данных произведен посредством программного обеспечения IBM SPSS Statistics версии 23. В ходе анализа применялся непараметрический метод Хи-квадрат (критерий согласия Пирсона). Гипотеза принималась в случае значимости критерия ($p < 0,05$) с учетом величины эффекта (V Крамера).

Целевая аудитория исследования: население Новосибирска в возрасте от 18 лет и старше. В исследовании могли принять участие только совершеннолетние собственники помещений в МКД, расположенных в Новосибирске. Это связано с тем, что правом голосования на ОС в МКД по вопросам, поставленным на голосование, обладают собственники помещений в данном доме или их законные представители. Выборочная совокупность исследования составила 675 человек из десяти районов Новосибирска. В исследовании приняли участие мужчины и женщины трех возрастных групп, имеющие разный род деятельности и материальное положение (см. Приложение).

В связи с тем, что по данным Федеральной службы государственной статистики Российской Федерации в 2018 г. 74,5% домохозяйств в Новосибирской области имели широкополосный доступ в интернет (в Новосибирске, соответственно, этот показатель выше), активные интернет-пользователи в Новосибирской области составляли 79,3% [Информационное общество в Российской Федерации, 2019], и с учетом примененного метода рекрутинга респондентов выборочную совокупность можно считать достаточно репрезентативной. Данный подход основывается на позиции специалистов НИУ ВШЭ⁵.

Активность собственников и фактор соседства

Почти треть опрошенных (29,2%) — ответственные собственники, принимающие участие в каждом собрании («активные» [Ермишина, Клименко, 2010], «действующие лица» [Сидорова, 2013], «активисты» [Абрамова, 2020]). Наличие активистов характерно для каждого МКД, тем не менее данное количество активно действующих собственников в условиях существующих формальных институтов управления МКД расценивается как недостаточное — в соответствии с нормами действующего жилищного законодательства ОС в России правомочно, если в нем приняло участие более половины всех собственников помещений в МКД (или больше по отдельным вопросам).

⁵ Сотрудниками ИГМУ НИУ ВШЭ разработана и внедрена система проведения социологических исследований с привлечением респондентов в сети интернет по принципу поточной выборки (river sampling). URL: <http://gos.hse.ru/news/417/> (дата обращения 14.04.2021).

25,5% собственников принимают участие в ОС от случая к случаю, а 11,3% — крайне редко, что, очевидно, зависит от множества факторов. Более трети опрошенных собственников (34,1%) никогда не принимают участия в ОС. Таким образом, группе активных жильцов дома противопоставляется чуть более многочисленная группа пассивных жильцов («инертные» [Ермишина, Клименко, 2010], «одиночки» [Сидорова, 2013], «обыватели» [Абрамова, 2020]), на которую не приходится рассчитывать в ходе принятия решений по тем или иным вопросам на ОС. Складывающаяся ситуация вынуждает активных собственников не просто принимать участие в ОС, но и агитировать тех, кто участвует нерегулярно («соседи» [Сидорова, 2013]).

Большая часть собственников (51,3%), не регулярно участвующих в ОС, попросту не находят времени для участия, примерно четверть (22,3%) не видят в ОС никакого смысла. Подобное свидетельствует о том, что большинство собственников, по всей видимости, считают, что «и без них все решат» (что, кстати, характерно и для голосований на различных выборах в РФ), недооценивая, не понимая или не принимая свою роль в управлении МКД.

В то же время 32% опрошенных не знают, где и когда проводятся ОС, а 20,2% убеждены, что в их доме ОС не проводятся вообще. Таким образом, проявляются проблемы (в том числе и преднамеренные) процесса информирования участников ОС. Складывающаяся ситуация способствует фальсификации протоколов ОС — подобные случаи становятся нередким сюжетом в российских СМИ.

Наличие конфликта с другими участниками ОС (4,1%) и проживание в другом городе (2,9%) не являются распространенной причиной игнорирования ОС. Этому, очевидно, способствует возможность проведения ОС как в заочной форме, так и с помощью информационных систем — например, ГИС ЖКХ. Таким образом, процесс участия в ОС постепенно приобретает свойства сетевого взаимодействия.

Всего 10,4% собственников принимают участие в очных собраниях, что неудивительно, так как очные собрания давно продемонстрировали свою неэффективность — невозможность набора необходимого кворума и необходимость проведения повторного собрания, но уже в форме заочного голосования. В связи с этим в 2015 г. была утверждена новая форма очно-заочного голосования с целью упростить процедуру ОС. При этом 34,7% собственников принимают участие как на очном, так и на заочном этапе голосования, 20,9% — только на заочном.

Подавляющее большинство собственников ни разу не воспользовались своим правом стать инициатором ОС (85,8%) и не выступали в роли председателя или секретаря ОС (89%). Менее 20% опрошенных входят в какое-либо объединение собственников помещений в МКД (совет дома, инициативная группа и т. п.). Сложившаяся ситуация свидетельствует о том, что большинство собственников не проявляют инициативы, не хотят принимать участие в работе совета дома и (или) комиссий и не готовы участвовать в организации и проведении ОС, оформлении документов по результатам ОС и т. п. Большинство собственников — это пассивные участники ОС, готовые просто голосовать за решения по вопросам повестки. К схожим выводам приходит и Н. В. Абрамова: «многие жители готовы отдать заботы о доме более активным и компетентным соседям, сведя свое участие к голосованию по принципиальным вопросам» [Абрамова, 2020: 78].

Меньше половины собственников участвуют в каких-либо общественных мероприятиях, тем не менее большая часть (42,1 %) участвует в субботниках и (или) месячниках. Сохранение подобных советских традиций свидетельствует о наличии в МКД не просто групп активных собственников, а непосредственно тех, кто напрямую готов добровольно участвовать в жизни и эксплуатации своего дома. Чуть менее активно собственники принимают участие в дворовых праздниках (36,4 %). Вероятно, это связано как со временем проведения подобных мероприятий, так и с необходимостью дополнительного финансирования — оплаты участия музыкальных групп, детских подарков и угощений и т. п.

В благоустройстве придомовой территории принимают участие 30,1 %. Данный показатель на 7,1 % выше, чем по данным ежегодного общероссийского исследования ВЦИОМ [Осведомленность россиян..., 2019], что может быть связано с развитостью в Новосибирске такой формы самоуправления, как территориальные общественные объединения, члены которых регулярно организуют и проводят различного рода мероприятия по всему городу. Общественным жилищным контролем занимаются всего 1,4 % собственников, при этом 29,4 % занимаются разной общественной деятельностью, по всей видимости, не связанной с управлением МКД и обслуживанием общего имущества.

Большинство собственников, участвующих в общественных мероприятиях, принимают участие в каждом собрании или от случая к случаю, в то время как пассивные собственники чаще не участвуют в ОС вообще или участвуют редко (см. рис. 1). Можно говорить о том, что большинство активных собственников активно во всем — от участия в ОС до работ по благоустройству придомовой территории, организации праздников и т. п.

Рис. 1. Дифференциация участия собственников в ОС по участию в общественных мероприятиях (%)

Всего 13,2 % собственников хорошо знают большинство жителей своего дома, при этом почти пятая часть (19 %) едва знакомы с соседями по лестничной площадке. Гипотеза о влиянии соседства (выдвинутая в том числе О. С. Сидоровой [Сидорова, 2013]) на активность собственников нашла свое подтверждение. Чем выше уровень соседства, чем лучше соседи знают друг друга, тем активнее

и чаще они принимают участие в ОС. Более половины респондентов, которые едва знакомы с соседями по лестничной клетке, никогда не принимают участие в ОС. В то же время собственники, хорошо знающие многих жителей своего МКД, в большинстве своем принимают участие в каждом собрании (см. рис. 2).

Рис. 2. Дифференциация участия собственников в ОС по степени знакомства с соседями (%)

В данном случае можно провести параллель с высотным строительством, которое активно развивается в РФ в последние годы⁶. Плотность заселения МКД, на которую влияет количество этажей, подъездов и квартир, вероятно, влияет на степень соседских отношений: чем больше МКД, тем люди хуже знают друг друга [Litvintsev, Osmuk, Litvintseva, 2020]. В ходе настоящего исследования был установлен факт, что с ростом количества квартир в МКД количество хорошо знающих друг друга жителей уменьшается. Это подтверждает гипотезу о влиянии размеров МКД на активность собственников и их ответственное отношение к общему имуществу.

Целесообразно отметить, что в ходе анализа протоколов ОС собственников помещений МКД в Новосибирске, проведенного в 2020 г., были также выявлены особенности и тенденции организации ОС в двух разных группах МКД по числу Данбара: мало-, средне- и многоэтажных (до 150 квартир) и высотных (более 150 квартир) [Литвинцев, 2020].

Таким образом, степень активности собственников проявляется как в участии в ОС, так и в общественных мероприятиях и членстве в различных объединениях. Жители в разной степени знакомы со своими соседями. Участие собственников в общественных мероприятиях и хорошее знакомство соседей друг с другом влияют на их активность и ответственное отношение к общему имуществу.

Социально-демографические и экономические факторы

В ходе исследования было выявлено влияние отдельных социально-демографических и экономических характеристик собственников на их активность.

⁶ Ввод общей площади жилых домов по этажности в Российской Федерации // Федеральная служба государственной статистики Российской Федерации. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/14458> (дата обращения 21.03.2021).

Так, если мужчины и женщины в равной степени принимают или не принимают участие в ОС, то респонденты среднего и старшего возраста активнее и чаще принимают участие в ОС, чем молодые люди в возрасте от 18 до 35 лет (см. рис. 3). Корреляция возраста с активностью участия собственников в ОС также подчеркивалась в других исследованиях [Ермишина, Клименко, 2010; Сидорова, 2013]. Это свидетельствует о том, что формирование чувства ответственности не только за свою квартиру как непосредственное жилище, но и за МКД, в котором она расположена, требует определенного жизненного опыта. С другой стороны, может сказываться фактор поколений.

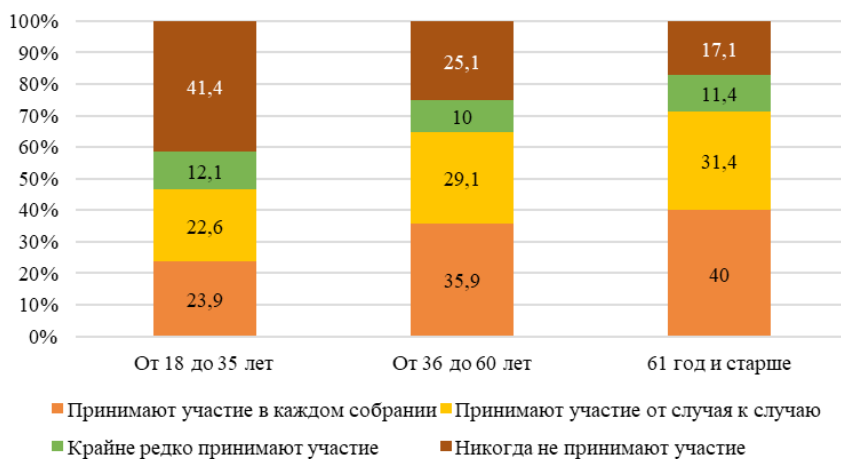

Рис. 3. Дифференциация участия собственников в ОС по возрасту (%)

При этом род деятельности не влияет на активность собственников: учащиеся, работающие и домохозяйки в равной степени принимают и не принимают участие в ОС. Этот результат отличается от уже имеющихся [Ермишина, Клименко, 2010; Сидорова, 2013], что в данном случае скорее говорит не об особенностях жителей Новосибирска, а об изменении ситуации в России в целом — усложнении жизненных процессов, среди которых вопросы управления МКД отодвигаются на задний план. Также не влияет на активность собственников и материальное положение.

Еще один фактор, влияющий на активность собственников, — образование, что отмечали и другие исследователи [Ермишина, Клименко, 2010; Сидорова, 2013]. Треть респондентов с высшим образованием (в том числе имеющие два и более) принимают участие в каждом ОС. При этом большинство собственников, имеющих только основное или среднее (техническое или специальное) образование, никогда не принимают участие в собраниях (см. рис. 4). В этом плане не просто жизненный опыт, а непосредственно уровень образованности респондента позволяет ему осознанно относиться к вопросам управления МКД и повышает степень его активности на ОС. Логично предположить, что образование влияет на знания собственников о нормах жилищного законодательства РФ.

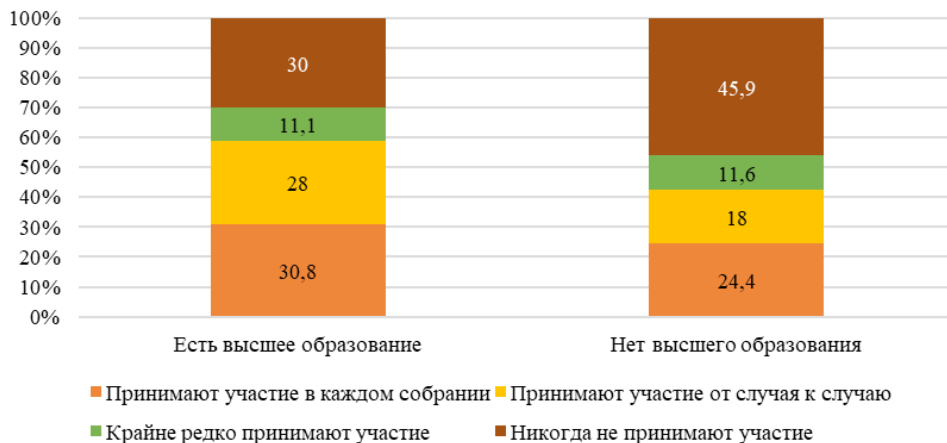

Рис. 4. Дифференциация участия собственников в ОС по образованию (%)

Таким образом, чем старше собственники и чем выше их уровень образования, тем ответственнее они относятся к общему имуществу в МКД, участвуя в ОС. Необходимо отметить, что аналогичные категории населения России являются и активными участниками реформы ЖКХ, согласно результатам исследования, проведенного ВЦИОМ [Осведомленность россиян..., 2019].

Жилищная грамотность как фактор активности

В ходе исследования респондентам было задано четыре вопроса о знании правовых норм, предусмотренных ЖК РФ, с целью выявления уровня жилищной грамотности собственников помещений в МКД и его влияния на активность участия в ОС.

На первый вопрос «Знаете ли Вы, что является органом управления многоквартирным домом?» только 19,8% собственников дали корректный ответ — «Общее собрание собственников». 31,6% считают, что орган управления МКД — это управляющая организация, 13,2% — правление товарищества собственников или кооператива (ТСЖ, ТСН, ЖСК и т. п.). То есть практически половина опрошенных (44,8%) делегировали свои права и обязанности по управлению МКД организациям, выбранным в соответствии со способом управления, что свидетельствует о преобладании советского менталитета — ЖЭУ, ЖЭК и т. п. должны решать все вопросы по обслуживанию МКД самостоятельно. Меньшая часть опрошенных переложили ответственность на совет МКД (7,6%) или его председателя (5%). 22,7% опрошенных вообще затруднились дать ответ на поставленный вопрос.

Почти половина собственников, давших корректный ответ на первый вопрос, принимают участие в каждом собрании. Собственники, давшие неверный ответ или затруднившиеся с ответом, в большинстве своем никогда не принимают участие в ОС. Таким образом, знание собственниками ключевой нормы жилищного права РФ влияет на их активность в ОС (см. рис. 5).

Рис. 5. Дифференциация участия собственников в ОС по знанию органа управления МКД (%)

Важность второго вопроса «Знаете ли Вы, что входит в состав общего имущества в многоквартирном доме?» заключается не просто в знании собственниками состава общего имущества, а в понимании непосредственно объекта права. Только 29,2% респондентов указали корректный (хоть и краткий) вариант ответа «инженерные сети, электрооборудование и конструктивные элементы дома, обслуживающие более одной квартиры». 35,9% собственников вообще не знают, что такое общее имущество, а для 24% это все, что находится за пределами квартиры. И если в первом случае они попросту не осознают объект права, то позиция вторых вызывает некоторое опасение: именно такие собственники препятствуют в доступе обслуживающим организациям в свои квартиры для ремонта общедомовых инженерных коммуникаций, остекляют балконы, считая их частью своей квартиры, и вообще нередко занимают позицию «все, что за дверями моей квартиры, меня не касается».

Менее 6% собственников (5,8%) наделили правами утверждать состав общего имущества управляющую организацию или правление товарищества собственников, 1,5% — совет МКД или его председателя. Данная позиция в совокупности с аналогичными ответами на предыдущий вопрос свидетельствует о том, что существует определенная категория собственников, готовых не просто снять с себя часть прав и обязанностей, а фактически наделять сверхправами тех, кому они готовы полностью доверить все вопросы по управлению МКД. 3,7% собственников считают, что состав общего имущества формируется исключительно по решению ОС. Это также некорректно — решением ОС собственники вправе уменьшить размер общего имущества или включить в него новое (например, вновь установленные камеры видеонаблюдения). С другой стороны, если бы большинство собственников дали подобный ответ на поставленный вопрос, это свидетельствовало бы о об их готовности взять на себя максимум ответственности.

Более трети собственников, давших корректный ответ на второй вопрос, принимают участие в каждом собрании. Собственники, давшие неверный ответ или

затруднившиеся с ответом, в большинстве своем никогда не принимают участие в ОС. Из этого следует, что понимание собственниками самого объекта права (общего имущества) влияет на их ответственное отношение (см. рис. 6).

Рис. 6. Дифференциация участия собственников в ОС по знанию состава общего имущества в МКД (%)

Ответы на третий вопрос «Знаете ли Вы, что относится к компетенции общего собрания?» дают понять, насколько широко собственники видят задачи ОС. Несмотря на то, что к компетенции ОС в МКД отнесен ограниченный перечень вопросов, об этом знают лишь 10,8% собственников, при этом 35,9% вообще затруднились с ответом на данный вопрос. 31,7% опрошенных считают, что инициатор ОС вправе выносить любые вопросы на голосование. В данном случае незнание норм жилищного законодательства сказывается на злоупотреблении собственниками правом посредством ОС — типичным примером может служить установка шлагбаума на территории, не входящей в состав общего имущества. 12,1% респондентов считают, что вопросы, выносимые на голосование, должны согласовываться с управляющей организацией или правлением товарищества собственников, 9,5% — советом дома или его председателем. Данная позиция подтверждает неуверенное знание собственниками норм жилищного законодательства, что и подтверждается на практике: в большинстве случаев документы для проведения ОС готовят либо советы домов, либо специалисты управляющих организаций, в структуре которых существуют целые отделы по работе с населением.

Большинство собственников, давших корректный ответ на третий вопрос, принимают участие в каждом собрании. Более трети собственников, давших неверный ответ или затруднившихся с ответом, никогда не принимают участие в ОС. Таким образом, понимание собственниками задач ОС влияет на их участие в этих собраниях (см. рис. 7).

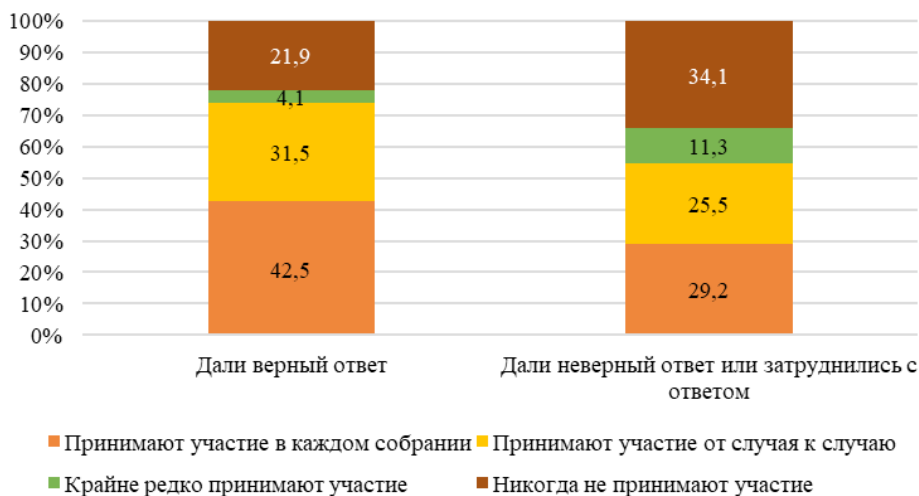

Рис. 7. Дифференциация участия собственников в ОС по знанию компетенции ОС (%)

Ответы собственников на четвертый вопрос «Знаете ли Вы, кто может инициировать общее собрание?» свидетельствуют о понимании роли каждого участника ОС. Собрание может проводиться по инициативе любого собственника помещения в МКД либо правления товарищества собственников или управляющей организации, осуществляющей управление МКД по договору управления. В отдельных случаях орган местного самоуправления также вправе инициировать ОС в МКД, однако это не играет существенной роли в рамках настоящего исследования и не было включено в корректный вариант ответа на вопрос с целью не усложнять выбор ответа респондентам.

Корректный ответ на вопрос дали 40,1% опрошенных, что свидетельствует о неплохом знании собственниками своих прав в части инициирования ОС. В пользу данного вывода свидетельствует и то, что 9,3% респондентов ошибочно считают, что инициировать ОС могут исключительно собственники. 16,9% собственников, ошибочно считающих, что инициировать ОС может любое заинтересованное лицо, по всей видимости, занимают позицию «кому надо, пусть тот и инициирует». 2,7% респондентов переложили свои права на управляющую организацию или правление товарищества собственников, 4,3% — на совет МКД или его председателя. 26,7% опрошенных затруднились с ответом, хотя могли бы выбрать не совсем корректный ответ «Исключительно собственник помещения», что в очередной раз свидетельствует о незнании собственниками норм жилищного законодательства и/или непринятии своих прав и обязанностей.

Большинство собственников, давших корректный ответ на четвертый вопрос, принимают участие в каждом собрании. Почти половина собственников, давших неверный ответ или затруднившихся с ответом, никогда не принимают участие в ОС. Из этого следует, что понимание собственниками своей роли в инициации ОС влияет на степень их участия в ОС (см. рис. 8).

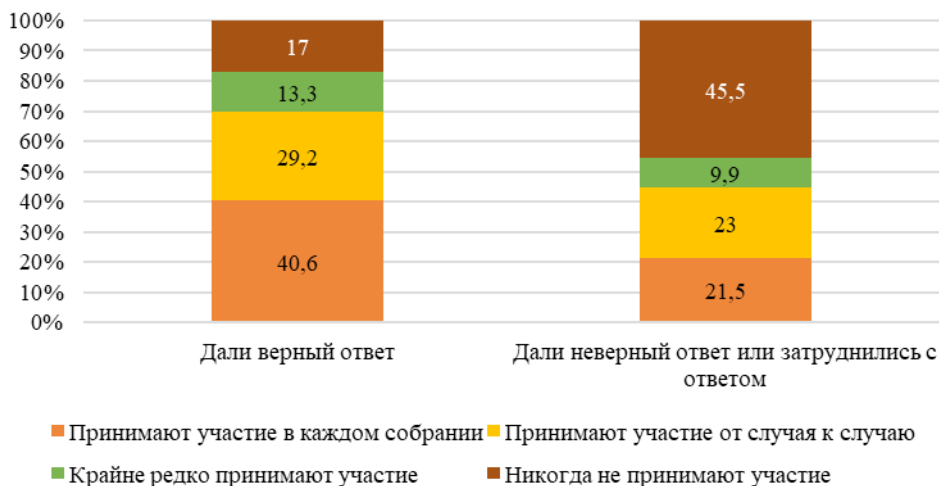

Рис. 8. Дифференциация участия собственников в ОС по знанию права инициировать ОС (%)

Таким образом, уровень жилищной грамотности собственников, отражающийся в их знании норм жилищного законодательства (орган управления МКД, состав общего имущества, право инициирования ОС, компетенция ОС), влияет на их активность в ОС и ответственное отношение к общему имуществу. Чрезвычайно низкий уровень знания положений ЖК РФ свидетельствует о том, что за 30 лет приватизации не было уделено достаточно внимания именно жилищному образованию собственников помещений в МКД. В то же время за эти годы жилищное законодательство многократно усложнилось за счет многочисленных поправок в ЖК РФ, федеральных законов, постановлений Правительства РФ и т. п., нередко противоречащих друг другу и сложных для освоения среднестатистическим жителем МКД.

Как ни парадоксально, но наличие высшего образования у собственников не влияет на уровень их жилищной грамотности. Вероятно, это связано с отсутствием соответствующих предметов (дисциплин) в программах высшего образования. Исключение составляют лишь программы подготовки юристов, а также экономистов (управленцев) и инженеров для сферы ЖКХ.

Управленческие факторы

Чуть более трети собственников (33%) поставили оценку «3» за качество обслуживания своего МКД, в то же время 38,3% скорее удовлетворены (27,6%) и полностью удовлетворены (10,7%) работой своей управляющей организации либо ТСЖ. Скорее не удовлетворены качеством обслуживания МКД 19% собственников, а 9,8% уверены, что по их дому «вообще ничего не делается». При этом по данным ВЦИОМ 60% россиян в целом удовлетворены качеством услуг ЖКХ. В данном случае необходимо отметить, что под услугами ЖКХ понимается не только техническое обслуживание жилого фонда, но и коммунальные услуги (отопление, водоснабжение, водоотведение, электроснабжение, газоснабжение

и обращение с твердыми коммунальными отходами)⁷. Можно говорить о том, что если качество именно коммунальных услуг в большей степени стало удовлетворять жителей России, то качество непосредственно управления МКД и содержание общего имущества по-прежнему остается на достаточно невысоком уровне.

Казалось бы, собственники при ухудшении качества обслуживания своего МКД должны активнее принимать участие в ОС с целью корректировки перечня работ и услуг по содержанию общего имущества или вообще смены управляющей организации или способа управления, однако данная взаимосвязь в ходе исследования установлена не была — качество обслуживания МКД не влияет на активность участия собственников в ОС.

В соответствии с нормами жилищного законодательства РФ собственники помещений в МКД обязаны выбрать один из трех способов управления: непосредственное управление (допустимо в случае, если в МКД не более 30 квартир), управление ТСЖ либо ЖСК, управление управляющей организацией. 70,1% респондентов указали, что способом управления их МКД выбрана управляющая организация. В 19,6% случаев собственники указали способом управления товарищество собственников (ТСЖ, ТСН), в 5,3% — жилищно-строительный (ЖСК) или иной кооператив, в 1,6% — непосредственное управление. На момент участия в опросе способ управления МКД не был выбран для 3,4% опрошенных.

Преобладание такого способа управления, как управляющая организация, отражает общероссийские тенденции — по данным ГИС ЖКХ подавляющее большинство МКД находятся в управлении управляющих организаций. При этом выбранный способ управления МКД не влияет на активность участия собственников в ОС. Отсутствие подобной закономерности, выявленной ранее [Ермишина, Клименко, 2010], безусловно, несколько озадачивает. ТСЖ как самоуправление МКД подразумевает высокую активность собственников. Однако в современных российских реалиях усматривается следующая ситуация: ТСЖ создавались несколько лет назад, произошла смена поколений, и небольшие группы оставшихся активистов ТСЖ столкнулись с той же проблемой, что и управляющие организации. А новые ТСЖ создаются крайне редко, о чем и свидетельствует статистика.

Почти в половине случаев (44,9%) собственники указали, что у них избран совет МКД. Необходимо отметить, что в случае, если в МКД не создано ТСЖ либо этот дом не управляется кооперативом и при этом в доме более четырех квартир, собственники на ОС должны избрать совет МКД из числа собственников помещений в данном доме. Орган местного самоуправления обязан созвать ОС в трехмесячный срок, если в течение календарного года собственниками помещений в МКД совет не был избран.

Отсутствие избранного совета МКД (7,3%) свидетельствует как об отсутствии инициативных жителей, так и о бездействии органов местного самоуправления. При этом 21,5% собственников отметили, что совет дома не избран по причине наличия старшего по дому и (или) старших по подъездам, притом что в современной редакции ЖК РФ таких понятий нет (в данном случае не очевидно, отождествляют ли собственники совет МКД с домовым комитетом или выбирают старших

⁷ Россияне о качестве ЖКХ // ВЦИОМ. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=9786> (дата обращения: 23.03.2021).

по подъездам, руководствуясь нормами уже недействующего советского законодательства). 5 % респондентов указали просто на наличие инициативной группы. Тот факт, что 21,3 % респондентов затруднились ответить на вопрос, избран ли в их доме совет МКД, свидетельствует о недостаточной информированности собственников, как и в случае с уведомлениями о проведении ОС.

Собственники активнее принимают участие в ОС в тех МКД, где избран совет и распространена информация о его наличии (см. рис. 9). С одной стороны, подобный фактор О. С. Сидорова идентифицировала как «принуждение» [Сидорова, 2013], а с другой — именно члены советов МКД осуществляют поквартирные обходы жильцов в вечернее время и выходные дни с целью добора необходимого количества голосов на ОС, что таким образом позволяет вовлечь в голосование менее активных жителей (в том числе и тех, кому попросту некогда).

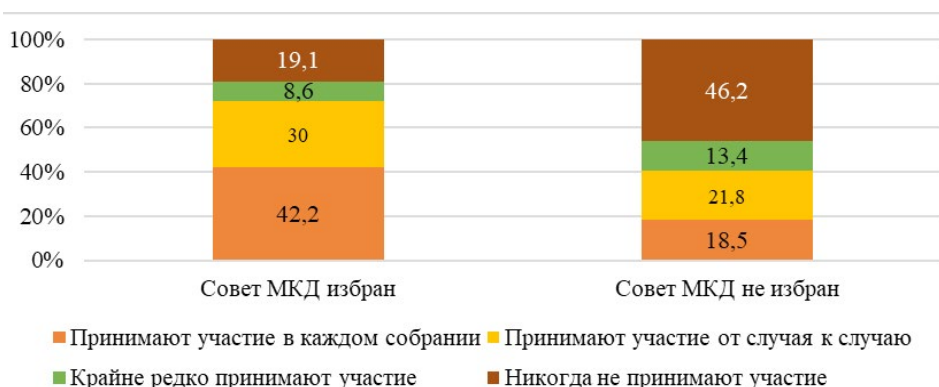

Рис. 9. Дифференциация участия собственников в ОС по наличию избранного совета в МКД (%)

Таким образом, качество обслуживания и способ управления МКД не влияют на степень активности собственников. В то же время на участие собственников в ОС влияет наличие избранного совета МКД и осведомленность об этом жителей дома. А. В. Ермишина и Л. В. Клименко в 2010 г. также подчеркивали важность знакомства собственников с «активистами-управленцами» [Ермишина, Клименко, 2010].

Прочие факторы

Большинство респондентов (63,6 %) стали собственниками квартиры в МКД в период с 2011 г. по 2020 г., 24,6 % — с 2001 г. по 2010 г., а 14,8 % — в 1990-х годах. По форме собственности на квартиру респонденты распределились следующим образом: 50,1 % владеют квартирой индивидуально, в то время как у 29,2 % опрошенных квартира находится в долевой собственности, а у 20,7 % респондентов — в общей совместной. Период приобретения квартиры и форма собственности не влияют на активность собственников и их ответственное отношение. Таким образом, выводы О. С. Сидоровой о влиянии продолжительности проживания на активность собственников [Сидорова, 2013] не подтверждаются.

Более трети опрошенных (34,7 %) стали собственниками квартиры в МКД посредством получения ипотечного кредита. Пятая часть респондентов (19,3 %) приобрели квартиру на заработанные, накопленные средства. Трети респондентам (30,9 %) квартира досталась по наследству или с покупкой квартиры помогли родственники. С одной стороны, прослеживается общероссийская тенденция: большинство граждан не могут позволить себе приобретение жилья самостоятельно без получения ипотечного кредита или помощи родственников, с другой — способ приобретения квартиры в МКД не влияет на активность участия собственников в ОС, равно как и наличие автомобиля и (или) иного недвижимого имущества в России или за рубежом.

Почти две трети собственников (57,9 %) имеют квартиру в типовом МКД серийной постройки в СССР, 26,1 % — в новостройке эконом-класса. Оставшиеся проценты распределились между собственниками квартир в новостройках комфорт-класса (13,8 %), бизнес-класса (1,3 %) и элитного жилья (0,9 %). Тип (качество) жилья также не влияет на участие собственников в ОС, что опровергает гипотезу О. С. Сидоровой о влиянии характеристик МКД на активность жителей в управлении домом [Сидорова, 2013].

Более половины собственников в совокупности хотели (26,7 %) или скорее хотели (31,3 %) иметь квартиру в своем МКД — именно эти собственники чаще и активнее принимают участие в ОС (см. рис. 10), что свидетельствует об их осознанном ответственном отношении как к своей квартире, так и к общему имуществу МКД, в котором она находится. Намерение человека продать квартиру не влияет на активность его участия в ОС, несмотря на то что большая часть собственников (53,3 %) не планирует продавать квартиру в ближайшее время.

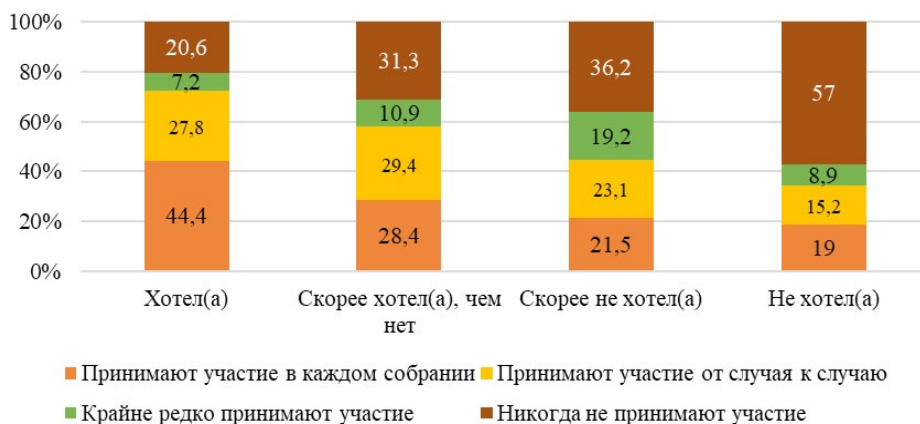

Рис. 10. Дифференциация участия собственников в ОС по желанию иметь квартиру в конкретном МКД (%)

В ходе исследования были выявлены различные формы отношения собственников к своей квартире в МКД (см. табл. 1). Практически половина собственников охарактеризовали свою квартиру как «домашний очаг, пространство уюта и ком-

форта», а для пятой части всех респондентов квартира «просто удовлетворяет потребность в жилье». Тем не менее отношение собственника к своей квартире не влияет на его отношение к общему имуществу. Скорее всего, это связано с тем, что собственники по-прежнему отождествляют свое жилище именно с квартирой, а не с МКД, в котором она находится.

Таблица 1. **Отношение респондентов к своей квартире в МКД**

Варианты ответа	% (от всего массива)
Это домашний очаг, пространство уюта и комфорта	44,9
Это мой капитал, потому что я работаю дома	0,3
Квартира просто удовлетворяет мою потребность в жилье	19,4
Это не более чем инвестиционная квартира	2,1
Это семейная (родовая) квартира	13,3
Квартира в первую очередь отражает мой социальный статус	1,3
«Мой дом — моя крепость»	10,7
Затрудняюсь ответить	6,5

Таким образом, период, в котором квартира была получена в собственность, и способ приобретения, тип (качество) МКД, а также форма собственности не влияют на активность участия собственников в ОС. Не влияет и отношение собственников к своему жилью, а также желание или нежелание продавать квартиру в ближайшее время, равно как и наличие иного движимого или недвижимого имущества. Влияет на участие в ОС тот факт, хотел ли собственник иметь квартиру в своем МКД.

Заключение

Удалось ли за 30 лет приватизации жилья воспитать ответственных собственников? Ответ на этот вопрос на сегодняшний день представляется очевидным. Подавляющее большинство собственников никогда не инициировали ОС и не выступали в роли председателя и секретаря собрания. Более трети собственников никогда не принимают участие в ОС, потому что не видят в этом никакого смысла и/или не находят на это времени. Более чем в половине МКД не избран совет дома. Собственники незнакомы с такими нормами жилищного законодательства, как орган управления МКД, состав общего имущества, компетенция ОС и право его инициирования.

Результаты исследования свидетельствуют о том, что реформа ЖКХ в России состоялась не до конца — уровень жилищной грамотности собственников достаточно низкий, они до конца не понимают свои жилищные права и обязанности, не осознают общее имущество как объект права и т.п. Таким образом, задачи «Стратегии развития жилищно-коммунального хозяйства в Российской Федерации на период до 2020 года» не были реализованы в полной мере, а ключевое направление по формированию ответственных собственников помещений в МКД,

выражающееся в активном участии в ОС, не было должным образом обеспечено решением поставленных задач.

В ходе исследования были выявлены социально-демографические, социально-экономические, управленческие и иные факторы, влияющие на активность участия собственников помещений в МКД в ОС в России (см. табл. 2).

Таблица 2. **Факторы активности собственников**

Группа факторов	Влияющие факторы	Не влияющие факторы
Соседство	Участие в общественных мероприятиях, знакомство с соседями, количество квартир в МКД	Количество этажей, подъездов в МКД
Социально-демографические и экономические	Возраст, образование	Пол, род деятельности, материальное положение
Жилищная грамотность	Знание норм жилищного законодательства (орган управления МКД, состав общего имущества, право инициирования ОС, компетенция ОС)	Высшее образование не влияет на знание норм жилищного законодательства
Управленческие факторы	Наличие избранного совета МКД и осведомленность об этом жителей дома	Качество обслуживания МКД, способ управления
Прочие факторы	Желание собственника иметь квартиру в конкретном МКД	Период и способ приобретения квартиры, форма собственности, тип (качество) жилья, желание или нежелание продавать квартиру в ближайшее время, форма отношения к квартире, наличие автомобиля и/или иного недвижимого имущества в России или за рубежом

В результате анализа факторов, влияющих на активность собственников, можно сформировать профиль ответственного собственника в России: человек среднего или старшего возраста, имеющий высшее образование и в то же время неплохо знающий нормы жилищного законодательства. Образ МКД, в котором проживают ответственные собственники, — дом с небольшим количеством квартир, в котором избран совет, и собственники об этом осведомлены, где живут хорошо друг друга знающие люди, изначально хотевшие иметь там квартиру и активно принимающие участие в различных общественных мероприятиях.

Проанализированный набор факторов не окончателен. Например, для будущих исследований представляет определенный интерес влияние экономического поведения (своевременность оплаты за жилищно-коммунальные услуги, наличие задолженности и т. п.), семейных отношений (наличие детей и домашних животных как фактор повышения ответственности; делегирование полномочий участвовать в ОС конкретному члену семьи и т. д.), вероисповедания (известно, что отношение

к жилищу в мировых религиях разное), не просто размеров МКД, а конкретного этажа проживания (учитывая влияние высоты на психосоциальное самочувствие индивидов, логично предположить, что жители нижних этажей более активны, чем обитатели верхних) и др.

Ввиду того, что полученные статистические показатели и корреляции соотносятся с отдельными результатами исследований, проводившихся в других городах России в разные годы, можно говорить о репрезентативности сделанных выводов. Ситуация в Новосибирске вполне типична и может быть экстраполирована на другие города (в первую очередь мегаполисы) России.

По результатам исследования целесообразно внести ряд предложений по совершенствованию системы образования, жилищной политики и законодательства РФ:

1. Принимая во внимание тот факт, что наличие высшего образования не влияет на знание норм жилищного законодательства, от которого зависит участие собственников в ОС, было бы целесообразно усилить пропаганду жилищной грамотности, активизировать работу с собственниками помещений в МКД на всех уровнях, предусмотреть наличие предмета (дисциплины) по ЖКХ в программах высшего и среднего образования, либо ввести отдельные занятия по данной теме в рамках, например, дисциплины «Правоведение», «Безопасность жизнедеятельности».

2. Целесообразно активизировать работы по избранию советов МКД управляющими организациями и в первую очередь органами местного самоуправления. Логичным было бы введение обязательной регистрации совета МКД в органах местного самоуправления — на сегодняшний день администрации районов и городских округов попросту не владеют необходимой информацией для исполнения обязанностей по созыву ОС для избрания совета МКД и его председателя в домах, где совет не избран.

3. Ввиду того, что большую роль играют участие собственников в общественных мероприятиях и степень соседства, требуется дальнейшая поддержка работы территориальных общественных самоуправлений по вовлечению жителей в проведение дворовых праздников, участие в субботниках и т. п., где люди смогут познакомиться со своими соседями, что чрезвычайно важно для повышения активности участия собственников в ОС.

4. Положительный эффект возможен и от дальнейшего развития программ ипотечного кредитования и прочих жилищных программ, способствующих получению в собственность гражданами РФ квартир именно в тех МКД, в которых они хотели бы жить, что может сказаться на повышении уровня ответственности по отношению к общему имуществу в МКД.

5. Кажется логичным, с одной стороны, проведение оптимизации жилищного законодательства, с другой — пересмотр правовых норм в части размеров необходимого кворума для принятия тех или иных решений на ОС (уменьшение или отмена кворума в отдельных случаях). Альтернативой может служить пример учета голосов квартир, ни один из собственников которых не принял участие в голосовании за реновацию в Москве. До июня 2017 г. все голоса квартир, не принявших участие в голосовании, учитывались как голоса «за», с июня 2017 г. голоса не проголосовавших распределяются пропорционально голосам всех квартир, которые проголосовали «за» и «против» реновации.

Реализация вышеуказанных предложений могла бы способствовать повышению эффективности проводимой в стране реформы ЖКХ, воспитанию ответственных и активных собственников, знающих свои права и обязанности. В конечном счете это отразилось бы на качестве жизни и на облике российских городов в целом.

Список литературы (References)

Абрамова Н. В. Вызовы и перспективы реформ ЖКХ и вовлечения собственников в управление жилищным фондом: социологический анализ // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2020. № 2. С. 65—83. <https://doi.org/monitoring.2020.2.717>.

Abramova N. V. (2020) Challenges and Prospects for Housing Reform and the Involvement of Owners in the Housing Stock Management: A Sociological Analysis. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 2. P. 65—83. <https://doi.org/monitoring.2020.2.717>. (In Russ.)

Горшков М. К., Тихонова Н. Е., Андреев А. Л., Горюнова С. В. Собственность в жизни россиян: реальность и домыслы // Социологические исследования. 2005. № 11. С. 3—18. URL: <http://ecsocman.hse.ru/socis/msg/18808737.html> (дата обращения: 22.03.2021). (In Russ.)

Gorshkov M. K., Tikhonova N. E., Andreev A. L., Goryunova S. V. (2005) Property in Russians' Lives: Reality and Myths. *Sociological Studies*. No. 11. P. 3—18. URL: <http://ecsocman.hse.ru/socis/msg/18808737.html> (accessed: 22.03.2021). (In Russ.)

Информационное общество в Российской Федерации. 2019: статистический сборник. М.: НИУ ВШЭ, 2019. https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/info-ob2019_405737.pdf (дата обращения: 16.04.2021).

Information Society in the Russian Federation. 2019: Statistical Collection. (2019) Moscow: HSE University. https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/info-ob2019_405737.pdf (accessed: 16.04.2021). (In Russ.)

Ермишина А. В., Клименко Л. В. В поисках эффективных собственников в многоквартирном доме // Экономическая социология. 2010. Т. 11. № 4. С. 105—136. <https://doi.org/10.17323/1726-3247-2010-4-105-136>.

Ermishina A. V., Klimenko L. V. (2010) Searching Efficient Owners in the Apartment House. *Journal of Economic Sociology*. Vol. 11. No. 4. P. 105—136. <https://doi.org/10.17323/1726-3247-2010-4-105-136>. (In Russ.)

Литвинцев Д. Б. Формальные социальные институты в управлении многоквартирными домами в России: анализ протоколов общих собраний // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2020. Т. 1. № 2. С. 209—217. <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2020-1-2-209-217>.

Litvintsev D. B. (2020) Formal Social Institutions in the Management of Condos in Russia: Analysis of Protocols of General Meetings. *State and Municipal Management. Scholar Notes*. Vol. 1. No. 2. P. 209—217. <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2020-1-2-209-217>. (In Russ.)

Волков Д., Колесников А. Новая русская мечта: частная собственность для детей // Московский Центр Карнеги. 2018. URL: https://carnegieendowment.org/files/Kolesnikov_Volkov_Rus_web_final.pdf (дата обращения: 23.03.2021).

Volkov D., Kolesnikov A. (2018) New Russian Dream: Private Property for Children. Carnegie Moscow Center. URL: https://carnegieendowment.org/files/Kolesnikov_Volkov_Rus_web_final.pdf (accessed: 23.03.2021). (In Russ.)

Осведомленность россиян о реформе ЖКХ, сентябрь 2019 г. / Всероссийский центр изучения общественного мнения (ВЦИОМ). URL: <https://fondgkh.ru/work-result/infografika/social-studies/> (дата обращения: 8.04.2021).

Russian Public Opinion Research Center (VCIOM). Awareness of Russians About Housing and Communal Services Reform, September 2019. URL: <https://fondgkh.ru/work-result/infografika/social-studies/> (accessed: 8.04.2021). (In Russ.)

Рыжова Н. П., Журавская Т. Н. Жилищный вопрос в советской и постсоветской России: трансформация отношений собственности и повседневная политика // Мир России. 2019. Т. 28. № 3. С. 48—66. <https://doi.org/10.17323/1811-038X-2019-28-3-48-66>.

Ryzhova N. P., Zhuravskaya T. N. (2019) Housing in Soviet and Post-Soviet Russia: The Transformation of Property Relations and Everyday Resistance. *Universe of Russia*. Vol. 28. No. 3. P. 48—66. <https://doi.org/10.17323/1811-038X-2019-28-3-48-66>. (In Russ.)

Сидорова О. С. Управление многоквартирным домом: факторы и мотивы социальной активности // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2013. № 4. С. 150—159. URL: <https://monitoringjournal.ru/index.php/monitoring/article/view/1535> (дата обращения: 23.03.2021).

Sidorova O. S. (2013) Management in Multi-Unit Apartment Building: Factors and Incentives for Social Activity. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 4. P. 150—159. URL: <https://monitoringjournal.ru/index.php/monitoring/article/view/1535> (accessed: 23.03.2021). (In Russ.)

Borisova E. I., Polishchuk L., Peresetsky A. (2014) Collective Management of Residential Housing in Russia: The Importance of Being Social. *Journal of Comparative Economics*. Vol. 42. No. 3. P. 609—629. <https://doi.org/10.1016/j.jce.2014.04.007>.

Chu F.-N., Chang Ch.-Oh, Sing T. F. (2013) Collective Action Dilemmas in Condominium Management. *Urban Studies*. Vol. 50. No. 1. P. 128—147. <https://doi.org/10.1177/0042098012452327>.

Harris D. C. (2011) Condominium and the City: The Rise of Property in Vancouver. *Law & Social Inquiry*. Vol. 36. No. 3. P. 694—726. <https://doi.org/10.1111/j.1747-4469.2011.01247.x>.

Lehavi A. (2015) Law, Collective Action and Culture: Condominium Governance in Comparative Perspective. *Asia Pacific Law Review*. Vol. 23. No. 2. P. 5—35. <https://doi.org/10.1080/10192557.2015.11745934>.

Litvintsev D. B., Osmuk L. A., Litvintseva G. P. Condos in Russia: Socio-Economic Aspect. In: Veber J., Guzikova L. (eds.) (2020) *Proceedings of the New Silk Road: Business Cooperation and Prospective of Economic Development (NSRBCPED 2019)*. Series AEBMR. Vol. 131. France: Atlantis Press SARL. P. 206—212. <https://doi.org/aebmr.k.200324.039>.

Patel Dh. (2017) The Evolution of Elite High-Rise Condominiums in India: From the Global to the Neo-Colonial? *Postcolonial Studies*. Vol. 20. No. 4. P. 456—478. <https://doi.org/10.1080/13688790.2017.1407281>.

Preston V., Murdie R., Northrup D. (1993) Condominiums: An Investment Decision or Lifestyle Choice? A Comparative Study of Resident and Nonresident Condominium Owners in the City of Toronto. *Netherlands Journal of Housing and the Built Environment*. Vol. 8. No. 3. P. 281—300. <https://doi.org/10.1007/bf02496600>.

Yamazaki F., Sadayuki T. (2017) The Collective Action Problem in Japanese Condominium Reconstruction. *International Real Estate Review*. Vol. 20. No. 4. P. 493—523. URL: <https://www.gssinst.org/irer/2020/04/27/the-collective-action-problem-in-japanese-condominium-reconstruction/> (accessed: 23.03.2021).

Приложение

Социально-демографические и экономические характеристики выборочной совокупности

Район г. Новосибирска	% (от всего массива)
Ленинский	21,8
Октябрьский	15,7
Калининский	11,9
Кировский	13,2
Дзержинский	9,3
Заельцовский	7,6
Советский	6,4
Первомайский	4,7
Центральный	4,1
Железнодорожный	5,3

Пол	% (от всего массива)
Мужской	34,4
Женский	65,6

Возраст	% (от всего массива)
От 18 до 35 лет	57,6
От 36 до 60 лет	37,2
61 год или старше	5,2

Образование	% (от всего массива)
Основное общее	0,6
Среднее общее	5
Среднее профессиональное	19,9
Высшее (в т. ч. незаконченное)	66,2
Два и более высших	8,3

Род деятельности	% (от всего массива)
Самозанятый (фрилансер)	6,1
Индивидуальный предприниматель	3,3
Руководитель или учредитель организации	4,1
Наемный работник	52,9
Государственный или муниципальный служащий	14,5
Безработный (в т. ч. учащийся, пенсионер, домохозяйка)	19,1

Материальное положение	% (от всего массива)
Мы едва сводим концы с концами. Денег не хватает даже на продукты	5,2
На продукты денег хватает, но покупка одежды для нас затруднительна	18,8
Денег хватает на продукты и одежду, но покупка холодильника, телевизора, мебели для нас проблема	40,3
Мы можем без труда купить холодильник, телевизор, мебель, но на большее денег нет	26,5
Мы можем позволить себе практически все: машину, квартиру, дачу и многое другое	2,2
Затрудняюсь ответить	7

Собственность (множественный выбор)	% (от всего массива)
Загородный дом или дача в России	40,4
Еще одна или несколько квартир в России	18,9
Один или несколько автомобилей	74,4
Родовое (семейное) захоронение на общественном кладбище	3,6
Недвижимость за рубежом	1,4

DOI: [10.14515/monitoring.2021.2.1730](https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.2.1730)

Н. Ю. Танющева, Н. Н. Куницына

ОЦЕНКА ОБЩЕСТВЕННОГО МНЕНИЯ О СОБЛЮДЕНИИ АНТИОТМЫВОЧНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА В РОССИИ

Правильная ссылка на статью:

Танющева Н. Ю., Куницына Н. Н. Оценка общественного мнения о соблюдении антиотмывочного законодательства в России // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2021. № 2. С. 213—233. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.2.1730>.

For citation:

Tanyushcheva N. Y., Kunitsyna N. N. (2021) Assessment of Public Opinion on Compliance with Anti-Cleaning Legislation. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 2. P. 213–233. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.2.1730>. (In Russ.)

ОЦЕНКА ОБЩЕСТВЕННОГО МНЕНИЯ О СОБЛЮДЕНИИ АНТИОТМЫВОЧНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА В РОССИИ

ASSESSMENT OF PUBLIC OPINION ON COMPLIANCE WITH ANTI-CLEANING LEGISLATION

ТАНЮЩЕВА Наталия Юрьевна — кандидат экономических наук, доцент кафедры мировой экономики и финансов, Астраханский государственный университет, Астрахань, Россия
E-MAIL: n.tanyushcheva@yandex.ru
<https://orcid.org/0000-0002-7277-7316>

Nataliia Yu. TANYUSHCHEVA¹ — Cand. Sci. (Econ.), Associate Professor, Department of World Economy and Finance
E-MAIL: n.tanyushcheva@yandex.ru
<https://orcid.org/0000-0002-7277-7316>

КУНИЦЫНА Наталья Николаевна — доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой финансов и кредита, Северо-Кавказский федеральный университет, Ставрополь, Россия
E-MAIL: natkun2004@mail.ru
<http://orcid.org/0000-0001-9336-8100>

Natalia N. KUNITSYNA² — Prof. Dr. habil. (Econ.), Head of the Department of Finance and Credit
E-MAIL: natkun2004@mail.ru
<http://orcid.org/0000-0001-9336-8100>

¹ Astrakhan State University, Astrakhan, Russia

² North Caucasus Federal University, Stavropol', Russia

Аннотация. Соблюдение законодательства в целом и Федерального закона «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма» (ПОД/ФТ) в частности — гражданская обязанность населения и должностных лиц. Вместе с тем информация о его нарушениях довольно часто транслируется в средствах массовой информации и на интернет-ресурсах. В этой связи авторы преследовали цель изучить ценностные установки специалистов по отношению к закону о ПОД/ФТ, а также оценить эффективность надзорно-контрольной деятельности по его соблюдению путем социологического опроса. Состав участников сформирован методом многоступенчатой выборки. Результаты анкетирования обработаны с помощью адаптированной методики Table of Eleven (T11), основанной на концепции рационального выбора, теории обоснованных действий и нормативной теории права.

Abstract. Compliance with legislation in general and the Federal Law “On Combating Legalization (Laundering) of Criminally Obtained Incomes and Financing of Terrorism” (AML/CFT) in particular, is a civic duty of the population and officials. At the same time, the media and Internet resources inform about its violation quite often. In this regard, the authors aimed to study the specialists’ value attitudes in relation to the AML/CFT law. For this purpose, a sociological survey was conducted on a multistage sample. The results were processed utilizing the adapted Table of Eleven (T11) methodology, based on the concept of rational choice, the theory of justified actions and the normative theory of law.

To study the factors that affect compliance with the anti-money laundering law, the authors summarized and analyzed the opinions of the special officials of commercial banks, the AML / CFT specialists of the Central Bank of the Rus-

Исследование факторов, влияющих на соблюдение антиотмывочного закона, осуществлено посредством обобщения и анализа мнений специальных должностных лиц (СДЛ) коммерческих банков, специалистов в области ПОД/ФТ Центрального банка РФ, сотрудников подразделений по борьбе с экономической и организованной преступностью правоохранительных органов. Результаты исследования свидетельствуют, что государственная антиотмывочная политика находит отклик у СДЛ, сам закон понятен исполнителям, однако организация контроля над банками, реализация санкций по отношению к нарушителям и безучастность населения и бизнес-сообщества в информационном взаимодействии с контролирующими органами не способствуют полноценному соблюдению положений антиотмывочного законодательства. Существенному улучшению среды реализации закона призваны способствовать меры по развитию общей солидарности в обществе и расширению программ финансовой грамотности среди предпринимателей.

Ключевые слова: антиотмывочная система, методика Table of Eleven, анкетирование должностных лиц, санкции за правонарушения, отмывание денег

Благодарность. Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-010-00243.

Введение

По итогам четвертого раунда взаимных проверок по оценке эффективности национальных антиотмывочных систем, который Россия прошла в 2019 г., FATF¹

sian Federation, and the employees of units for combating economic and organized crime of law enforcement agencies. The results of the study indicate that the state anti-money laundering policy resonates with the special officials, the law itself is clear and understandable to the executors. However, control over banks, sanctions against violators and the indifference of the population and the business community in information interaction with regulatory authorities do not contribute to full compliance with the provisions of anti-money laundering legislation. Measures for the development of general solidarity in society and the expansion of financial literacy programs among entrepreneurs are called upon to significantly improve the environment for the implementation of the law.

Keywords: anti-laundering system, Table of Eleven methodology, survey of officials, sanctions for offenses, money laundering

Acknowledgments. The reported study was funded by RFBR, project number 20-010-00243.

¹ FATF — Группа разработки финансовых мер по борьбе с отмыванием денег (Financial Action Task Force).

не выявлено существенных недостатков. Однако ущерб от экономических преступлений в стране продолжает расти. В этой связи несомненный интерес представляет оценка результативности антиотмывочных процедур.

Система противодействия отмыванию преступных доходов, финансированию терроризма и распространения оружия массового уничтожения (ПОД/ФТ/ФРОМУ) в России представляет собой трехкомпонентную модель. Во-первых, специальные должностные лица (СДЛ) финансовых и иных регулируемых организаций анализируют сделки клиентов и передают сведения о сомнительных операциях или операциях обязательного контроля в Росфинмониторинг. Во-вторых, осуществляются надзор и контроль, применяются санкции к финансовым и иным регулируемым организациям, не соблюдающим антиотмывочные требования. Надзорно-контрольные процедуры и санкционные функции в отношении финансовых организаций выполняет Центральный банк РФ, в отношении иных регулируемых организаций — Роскомнадзор, Пробириная палата, Росфинмониторинг. В-третьих, Росфинмониторинг анализирует информацию о фактах, с высокой долей вероятности указывающих на ОД/ФТ/ФРОМУ², и передает ее в правоохранительные, налоговые, таможенные и иные органы, имеющие право на их расследование.

Целью исследования, основные материалы которого изложены в статье, стало выявление современных тенденций в стимулировании специальных должностных лиц кредитных организаций, ответственных за реализацию требований по ПОД/ФТ/ФРОМУ, что предопределило необходимость: а) интервьюирования сотрудников Центрального банка РФ (ЦБ РФ) и специалистов подразделений по борьбе с экономической и организованной преступностью правоохранительных органов о поведении СДЛ при исполнении законодательства, а также самих СДЛ; б) выявления основных тенденций стимулирования СДЛ к соблюдению Федерального закона «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма» (далее — Закон) и формулирования рекомендаций по повышению результативности антиотмывочных процедур.

Методология

Методологической основой исследования стала адаптированная к сфере ПОД/ФТ/ФРОМУ методика комплексной оценки действенности законодательства — тест T11 (Table of Eleven). Методика T11 разработана Д. Руимшотелем, П. Рииненом, Х. Клаасеном [Ruimschotel, Van Reenen, Klaasen, 1996] на основе сочетания концепции рационального выбора Г. Беккера [Becker, 1968], теории обоснованных действий Фишбеина-Айзена [Fishbein, Ajzen, 1975] и нормативного подхода в исследовании стимулов законопослушания [Glos, 1969]. Методика предполагает исследование одиннадцати групп факторов, обуславливающих три составляющие правоприменения:

1) восприимчивость профессиональным сообществом в сфере ПОД/ФТ/ФРОМУ конкретного закона (насколько понятен текст закона; издержки и выгоды, связанные с соблюдением и несоблюдением закона);

² Здесь и далее по тексту ОД/ФТ/ФРОМУ — отмывание преступных доходов, финансирование терроризма и финансирование распространения оружия массового уничтожения. В России эти виды преступной деятельности регулируются Федеральным законом от 07.08.2001 г. № 115-ФЗ «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма». ПОД — противодействие отмыванию доходов.

2) ценностные установки по отношению к нему и к законам в целом (приемлемость положений закона; общее уважение к законодательству и властям; присутствие негосударственного контроля; добровольное соблюдение закона под влиянием различных факторов, либо под угрозой наказания);

3) организацию надзорно-контрольной деятельности за его соблюдением (плотность (частота проверок), глубина (вероятность обнаружения нарушений) и целенаправленность контроля; вероятность наказания и его суровость).

В идеале закон должен быть понятен, а его цели, задачи и инструменты должны находить отклик у граждан и официальных лиц, исполняющих его без принуждения. На случай умышленного нарушения закона в нем оговорены санкции, предупреждающие неисполнение.

Критики методики Т11, например Х. Эльферс и др., утверждают, что это не готовый, полностью стандартизованный инструмент, а комплекс идей, используемых для приведения в соответствие известных факторов законопослушания [Elfers, van der Heijden, Hezemans, 2003]. По мнению Ф. Хэмптона, «Т11 — это грубый инструмент, но он структурирует мышление регулирующих органов и может направлять их в те области, которые требуют особой поддержки и в которых компании вряд ли захотят нарушать правила» [Hampton, 2005: 57]. Данный аргумент предопределил логику и последовательность исследования, в основу которого положено анкетирование специалистов, чья деятельность связана с соблюдением антиотмывочного законодательства или контролем за его исполнением.

Методика Т11 создавалась как структурированный опрос экспертов в области применения законодательства в той или иной сфере. Законы, регулирующие отношения в большинстве секторов экономики, содержат нормы наиболее общего характера, детализируемые в технических стандартах и ведомственных нормативных документах. Однако в сфере ПОД/ФТ/ФРОМУ как исполнители, так и контролеры имеют дело с самим законодательным актом и применяют его в своей ежедневной практике, что позволяет в рамках методики Т11 рассматривать их в качестве экспертов.

Каждый из трех компонентов национальной антиотмывочной системы представлен в опросе особой группой экспертов: 1) надзорно-контрольные органы (специалисты по финансовому мониторингу региональных отделений Центрального банка РФ); 2) правоохранительные органы (сотрудники отделов региональных подразделений МВД России по борьбе с экономической и организованной преступностью); 3) СДЛ (специалисты и руководители подразделений по финансовому мониторингу коммерческих банков). В стране действует единая законодательно-нормативная база по ПОД/ФТ/ФРОМУ; стандартные требования к квалификации и зоне ответственности СДЛ; унифицированный механизм трансмиссии антиотмывочных знаний, включающий в себя централизованную систему повышения квалификации специалистов Центрального банка, которые затем участвуют в обучении СДЛ коммерческих банков в форме семинаров (вебинаров).

Учитывая однородность генеральной совокупности, выборка была сформирована серийным (гнездовым) методом. В опросе приняли участие 358 респондентов, работающих в организациях и учреждениях Ставропольского, Краснодарского краев, Астраханской, Волгоградской, Саратовской областей, Карачаево-Черкесской

и Кабардино-Балкарской республик (92 сотрудника Центрального банка, 78 работников правоохранительных органов и 188 СДЛ). Опрос проводился путем анонимного анкетирования по 44 вопросам (их перечень приведен в Приложении), сгруппированным в три блока: 1) воспринимаемость закона о ПОД/ФТ/ФРОМУ, 2) эффективность ценностных установок по отношению к нему и 3) эффективность надзорно-контрольной деятельности за его соблюдением. Часть переменных предполагала выбор оценки в диапазоне от 00 до 10 (10 означает стопроцентную вероятность влияния фактора), другая часть была ориентирована на однозначный ответ: «нет» (1 балл), «затрудняюсь ответить» (2 балла) или «да» (3 балла). Прямое направление признака (более высокие оценки соответствуют наиболее благоприятной оценке), в том числе в отношении ответов «нет»/«затрудняюсь ответить»/«да», позволило представить в численных показателях суммарную оценку стимуляции к соблюдению антиотмывочного законодательства в России разными группами экспертов.

Инструменты, оцениваемые по десятибалльной шкале, имеют определенную гибкость корректировки (факторы гибкой настойки). Вопросы с ответами «да/нет» ориентированы на оценку факторов, не поддающихся гибкому регулированию (факторы прямого воздействия).

Ценностные установки по отношению к Закону и законодательству в целом работают методом прямого воздействия. Это касается мнения респондентов о наличии/отсутствии выгоды или потерь от соблюдения/несоблюдения законов, собственной заинтересованности в их исполнении, своевременности и целесообразности государственной антиотмывочной политики, негосударственных форм антиотмывочного контроля, лояльности населения и бизнеса к проверкам. Положительные, отрицательные или нейтральные ответы в таком случае свидетельствуют о действенности того или иного фактора на законопослушание в сфере ПОД/ФТ/ФРОМУ. Что касается вопросов о степени воздействия выгод, преимуществ либо ущерба на соблюдение Закона, то ответы с десятибалльной шкалой позволили выявить потребность в подстройке уже действующих механизмов антиотмывочного регулирования. Вопросы, посвященные оценке качества надзорно-контрольной деятельности за соблюдением антиотмывочного законодательства, ориентированы на выявление действенности санкционных мер в ходе развития антиотмывочного движения.

Подготовка к опросу 2020 г. началась в феврале. Ограничения, введенные в стране в связи с распространением COVID-19, привели к изменению организации процесса. Если ранее анкеты передавались одновременно группе респондентов — сотрудников коллектива, то в период локдауна и перевода части сотрудников на удаленную работу переписка велась по большей части индивидуально. В результате рассылка анкет, их сбор и обработка заняли три месяца. Вместе с тем, несмотря на изменившиеся условия, опрошенные сохраняли профессиональный энтузиазм и отмечали важность освещаемой опросом тематики.

Результаты

Результаты обобщения собранных по методике T11 данных (см. Приложение) обнажили ряд проблем (см. рис. 1 и 2). Авторское видение их истоков и рекомендации по нейтрализации негативного фона в общественном мнении мы приводим ниже.

1) Как показал опрос, респондентам понятны область применения Закона, объекты и субъекты надзора и контроля. Документ не перегружен деталями, содержит общие и главные предписания. Высокая оценка документа отдает должное многолетней целенаправленной работе законодателей по его корректировке (более семидесяти изменений почти за 20 лет действия Закона).

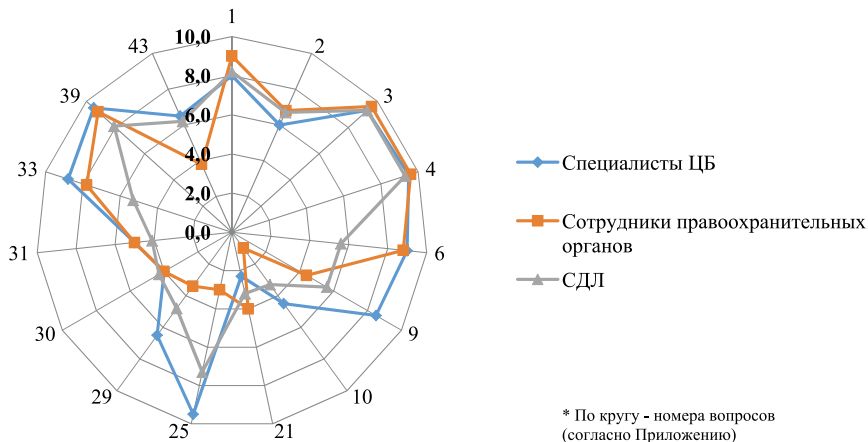

Рис. 1. Количественные параметры стимуляции законопослушания в сфере ПОД/ФТ/ФРОМУ (факторы прямого воздействия, баллы)

2) Все респонденты считают государственную политику в сфере ПОД/ФТ/ФРОМУ целесообразной, способы ее реализации — приемлемыми. Они чувствуют собственную ответственность за претворение этой политики в жизнь (в качестве примечания некоторые указали профессиональную ответственность), уважение к Закону и личный интерес в его соблюдении (связанный с профессией). Этот аспект российского антиотмывочного закона также можно оценить как достаточно стимулирующий.

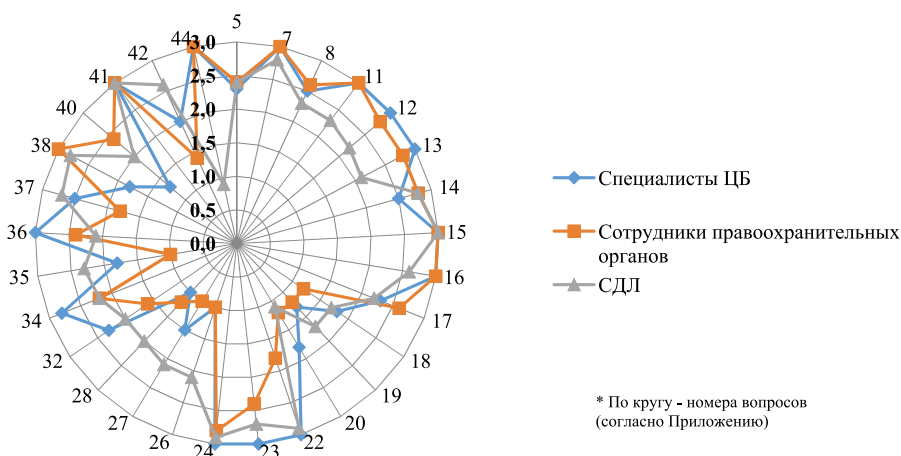

Рис. 2. Количественные параметры стимуляции законопослушания в сфере ПОД/ФТ/ФРОМУ (факторы гибкой настройки, баллы)

3) Соотношение стимулов исполнения антиотмывочного законодательства, рассчитанных по группам респондентов (см. табл. 1), свидетельствует, что СДЛ в среднем констатируют меньше стимулов к соблюдению антиотмывочного закона, чем правоохранительные и надзорно-регулирующие органы.

Таблица 1. Уровень стимуляции к соблюдению антиотмывочного законодательства в России (2020 г.)

Показатель уровня стимуляции	Специалисты ЦБ		Сотрудники правоохранит. органов		СДЛ	
	баллы*	%	баллы*	%	баллы*	%
Соблюдение	121,5	89	98,1	81	115,4	98
в том числе высокая степень соблюдения (ответы со значениями 7 баллов и выше либо «да»)	95,0	70	73,5	61	73,0	62
Несоблюдение (ответы со значениями ниже 3 баллов или «нет»)	14,5	11	22,6	19	2,3	2
Нейтральный ответ «0»	0,5	0	0,4	0	0,00	0
Итого	175,4	100	167,4	100	157,8	100

* Показатель «баллы» сформирован суммированием средних арифметических оценок ответов соответствующих групп респондентов (см. Приложение).

4) Последовательный рост оптимизма по большинству аспектов антиотмывочной законопослушности, зафиксированный группами специалистов по ПОД/ФТ/ФРОМУ ЦБ РФ и работников правоохранительных органов, не соответствует показателям эффективности российской антиотмывочной системы, рассчитанным на основе статистических данных ЦБ РФ, Росфинмониторинга и МВД России (см. табл. 2).

Таблица 2. Эффективность антиотмывочной системы России в 2014—2018 гг.*

Показатель	Год					
	2014	2015	2016	2017	2018	2019
1) Количество сведений об операциях, представленных в Росфинмониторинг в соответствии с антиотмывочным законодательством (в млн ед.)	12,63	22,15	30,02	33,77	29,25	27,53
2) Выявлено преступлений легализации (отмывания) денежных средств или иного имущества, приобретенных лицом в результате совершения им преступления либо приобретенных другими лицами преступным путем (в ед.)	774	863	818	711	993	946
3) Выявлено лиц, уголовные дела о которых направлены в суд, либо привлечено к уголовной ответственности лиц, совершивших преступления легализации (отмывания) денежных средств или иного имущества, приобретенных лицом в результате совершения им преступления	448	592	596	530	619	624

Показатель	Год					
	2014	2015	2016	2017	2018	2019
4) Качество сведений о легализации (отмывания) денежных средств или иного имущества, приобретенных лицом в результате совершения им преступления либо приобретенных другими лицами преступным путем, на одно выявленное такое преступление**	16 317	25 666	36 699	47 496	29 456	29 133
5) Эффективность следственной работы в отношении материалов, поступивших в Росфинмониторинг и переданных в следственные органы***	0,58	0,69	0,73	0,75	0,62	0,66
6) Количество банков, прекративших свою деятельность в результате отзыва лицензии, в т. ч. по причине неоднократного нарушения в течение одного года требований антиотмывочного закона	87 68	90 66	97 40	49 24	57 33	27 11

* Источники: Anti-Money Laundering and Counter-Terrorist Financing Measures — Russian Federation (Fourth Round Mutual Evaluation Report) / FATF. 2019. December. P. 54. URL: <https://www.fatf-gafi.org/media/fatf/documents/reports/mer4/Mutual-Evaluation-Russian-Federation-2019.pdf> (дата обращения: 14.04.2021); Состояние преступности в России / МВД РФ. URL: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/reports/2/> (дата обращения: 14.04.2021); Вестник Банка России за 2014—2019 гг. URL: https://www.cbr.ru/about_br/publ/vestnik/year/2021/ (дата обращения: 14.04.2021).

** Количество сведений, представленных в Росфинмониторинг в соответствии с антиотмывочным законодательством, на одно выявленное преступление легализации (отмывания) денежных средств или иного имущества, приобретенных лицом в результате совершения им преступления либо приобретенных другими лицами преступным путем.

*** Количество лиц, уголовные дела о которых направлены в суд, либо привлечение к уголовной ответственности лиц, совершивших преступления по легализации (отмыванию) денежных средств или иного имущества, приобретенных в результате совершения им преступления либо приобретенных другими лицами преступным путем, на одно выявленное преступлений легализации (отмывания) денежных средств или иного имущества, приобретенных лицом в результате совершения им преступления либо приобретенных другими лицами преступным путем.

Как видно из таблицы 2, в 2014—2019 гг. в России было отозвано 407 банковских лицензий, из них 242 — за несоблюдение антиотмывочного закона. Однако только по пяти уголовным делам руководители банков либо лица, их контролирурующие, осуждены за преступления, связанные с отмыванием денег³. При этом по данным Росфинмониторинга лишь в 2018 г. в крупных российских банках были ликвидированы 27 площадок по отмыванию денег в общей сумме более 244 млрд руб.

Под угрозой санкций финансовые и иные регулируемые в целях ПОД/ФТ/ПРОМУ организации формируют внутреннюю антиотмывочную политику, адекватную рискам в данной сфере. Политика включает в себя процедуры обучения и переобучения персонала с целью формирования высоких этических и профессиональных стандартов и назначение квалифицированных СДЛ, ответственных за корректировку и практическую реализацию риск-ориентированного подхода внутри финансовой организации. Соблюдение СДЛ антиотмывочного законодательства стимулировано, с одной стороны, финансовой организацией-работодателем (вы-

³ Информация о привлечении к уголовной ответственности лиц, контролировавших кредитные организации, признанные несостоятельными (банкротами) за период с 2005 г. по 01.04.2021 г. Агентство по страхованию вкладов. URL: <https://www.asv.org.ru/about/liquidation> (дата обращения: 27.04.2021).

сокая зарплата, подчиненность непосредственно руководителю организации и т. п.), с другой стороны — органами власти (угроза штрафа, дисквалификации, ограничения на определенные должности в финансовых организациях). В странах с рыночной экономикой эти стимулы объясняются теориями, основанными на интересах и знаниях, и постулатами теории рационального выбора.

Поскольку правоохранительные органы в большей мере используют принудительные инструменты, эффективность антиотмывочного инструментария, расширяющего информационное поле для расследований предикатных преступлений, доходы от которых попали в круг антиотмывочных процедур, положительно оценивается сотрудниками правоохраны. Невысокая численность лиц, привлеченных к ответственности непосредственно за отмывание денег, как показал опрос, связана со сложностью доказательства таких преступлений. Суровость административных и регуляторных мер, которые применяет ЦБ РФ к финансовым организациям, не соблюдающим антиотмывочное законодательство, не является полноценной компенсацией уголовному преследованию. В результате, с одной стороны, не соблюдается принцип «преступление — наказание» в отношении сотрудников финансовых организаций, вовлеченных в отмывание денег, с другой — добросовестные сотрудники лишаются работы, а их финансовые и карьерные перспективы серьезно ухудшаются.

5) Скептицизм респондентов группы СДЛ по подавляющему большинству аспектов российского антиотмывочного законодательства в 2020 г. достаточно высок. Масштабный отзыв лицензий у банков негативно сказывается не только на клиентах, но и на сотрудниках, испытывающих трудности с восстановлением своей деловой репутации. Отсутствие детальной информации о причинах отзыва банковских лицензий, о результатах расследований и именах виновных в вовлечение финансовой организации в отмывание денег, повлекшее за собой прекращение ее деятельности, дезориентирует специалистов в сфере ПОД/ФТ/ФРОМУ в вопросах государственной антиотмывочной политики, Закона, его инструментария и системы наказаний.

6) Участники опроса по-разному оценивают результативность материальных, моральных и социальных стимулов, встроенных в Закон для его исполнения. Все группы респондентов отметили, что соблюдение Закона требует значительного количества денег, времени и усилий, но экономические потери от нарушений оказываются выше. Современные финансовые институты осознают фатальные риски [Kunitsyna, Sitnikova, 2016], которым подвергают себя нарушители Закона, и воспринимают затраты на организацию и осуществление антиотмывочных мер как объективную необходимость. Вместе с тем усложнение антиотмывочных требований ведет к увеличению затрат преступников на их преодоление как в виде растущих банковских комиссий на высокорискованные виды операций, например обналичивание, так и на гонорары финансовых консультантов, разрабатывающих схемы отмывания преступных доходов [Баранов, 2017: 389]. Таким образом, все группы опрошенных единодушны во мнении, что Закон содержит в себе экономические, моральные и социальные стимулы к его исполнению. Однако отношение к результативности таких стимулов во всех группах разное. Вера в высокую стимулирующую способность экономической, моральной и социальной

выгоды от соблюдения антиотмывочного закона заметно снижается от группы «специалисты ЦБ» к группам «сотрудники правоохранительных органов» и «СДЛ». Непосредственные исполнители видят меньше стимулов для соблюдения Закона, чем регулятор и правоохрана.

7) Наряду с сильными сторонами Закона, стимулирующими его соблюдение, опрос по методике T11 выявил и недостатки в его применении. Например, единодушное отрицание респондентами всех целевых групп во всех исследованиях (2008, 2012, 2017, 2020 гг.) склонности населения и руководителей предприятий ставить в известность контролирующие органы при обнаружении правонарушения в сфере ПОД/ФТ/ФРОМУ и отсутствие осведомленности, какому контролирующему органу следует сообщать об этом, отражают ситуацию с общим дефицитом информационного обмена между обществом и контролируемыми органами в России. В литературе данное явление связывают с кризисом социального доверия [Зубок, Чупров, 2017] и социальным равнодушием на постсоветском пространстве, присущим всем индустриальным обществам в целом [Родионова, 2017]. Участники опроса 2020 г. отметили, что в исполнении антиотмывочного закона заинтересованы исключительно профессионально (материально). Достичь позитивных перемен в сложившейся ситуации в рамках лишь антиотмывочной политики невозможно. В последние годы правительство приступило к скоординированным государственным и общественным усилиям для достижения общей солидарности.

Изменение общественного сознания — задача стратегическая, долговременная. Но для гибкой корректировки антиотмывочной системы и ее элементов многоканальный механизм обмена оперативной информацией о ее функционировании необходим уже сегодня. В этой ситуации определенный прогресс должна принести проработка вопросов ПОД/ФТ/ФРОМУ в рамках общенационального движения по повышению финансовой грамотности, предусмотренная Концепцией развития национальной системы противодействия легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма, задача которой — не допустить вовлечение предпринимателей в совершение незаконных финансовых операций⁴.

8) Впервые в подобных опросах в 2020 г. обозначилась проблема получения ущерба финансовыми организациями от соблюдения закона о ПОД/ФТ/ФРОМУ. В опросах 2008, 2012, 2019 гг. [Танющева, 2009; 2012; 2019] речь шла об ущербе для нарушителей, что логично. В комментариях к соответствующему вопросу (см. Приложение, вопрос 20) в 2020 г. специалисты ЦБ РФ и СДЛ впервые указали на существующую напряженность в отношениях банков и клиентов по поводу непроведения платежей или отказа в открытии счета в рамках антиотмывочных процедур, которая не только создает препятствия бизнес-процессам, но и негативно сказывается на деловой репутации банков. Несмотря на корректировку в 2018 г. законодательства в сторону создания механизма реабилитации клиентов и формирование Межведомственной комиссии при ЦБ РФ по этому вопросу, ограничения платежей продолжают нарастать. Наряду с фирмами-однодневками, для

⁴ Концепция развития национальной системы противодействия легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма (утв. Президентом РФ 30.05.2018) / URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/5310> (дата обращения: 14.04.2021).

сокращения активности которых этот механизм был включен в антиотмывочные процедуры, под действие Закона попадают компании, функционирующие в «серой» зоне частично: субъекты среднего, малого и микробизнеса, индивидуальные предприниматели, которые не разделяют личные деньги и деньги компании. Половина отказов в проведении платежей происходит по вине самих бизнесменов (неуплата налогов в срок, нарушение правил сдачи деклараций, ошибки в платежных документах и др.)⁵.

9) Поскольку контроль — неотъемлемая часть эффективности исполнения любой нормы, отдельная группа вопросов (вопросы 29—39, см. Приложение) касалась проверок, которые позволяют не только оперативно оценивать ситуацию с соблюдением Закона, но и выполняют профилактическую функцию, стимулируя законопослушание. Однако применительно к сфере ПОД/ФТ/ФРОМУ опрос выявил невысокую профилактическую значимость проверок. Вероятность ежегодных документальных проверок специалисты ЦБ РФ оценили в 6,5 балла из 10, СДЛ — 4,8, сотрудники правоохраны — 3,4. Еще ниже оказались оценки вероятности инспекций на местах. Полученный результат можно объяснить масштабным переходом контрольных процедур из выездного формата в удаленный, что подтверждается оценками респондентов вероятности обнаружения нарушений в сфере ПОД/ФТ/ФРОМУ при дистанционных проверках (8,8 баллов — специалисты ЦБ РФ; 7,8 — сотрудники правоохранительных органов и 5,3 — СДЛ). В целом опрошенные считают техническое обеспечение инспекторов достаточным и уверены в их способности находить правонарушения по ПОД/ФТ/ФРОМУ. Участники групп «специалисты ЦБ» и «сотрудники правоохранительных органов» однозначно подтвердили свое уважение к праву контролирующих органов на проверки, тогда как четверть опрошенных СДЛ с ними не согласилась. Первые две группы считают проверочную деятельность эффективным звеном правоприменительного механизма по ПОД/ФТ/ФРОМУ, однако СДЛ их мнение не разделяют. Можно предположить, что неудовлетворенность результатами дистанционной надзорно-контролирующей деятельности за исполнением финансовыми организациями требований антиотмывочного законодательства сохраняет у Банка России и правоохранительных органов потребность в инспекционных проверках, с чем не согласны добросовестные СДЛ, расценивающие их как излишнюю нагрузку.

10) Широкий разброс мнений зафиксирован по поводу наличия каких-либо ограничений по месту и/или времени применения антиотмывочного законодательства. Правоохранительные органы и часть сотрудников ЦБ РФ ответили на соответствующий вопрос (см. Приложение, вопрос 35) отрицательно, СДЛ и отдельные респонденты из отделений ЦБ — положительно. К местам, где существует ограничение на применение антиотмывочного законодательства, участники опроса отнесли страны со льготным режимом налогообложения и маскировкой информации о бенефициарных владельцах. Несмотря на последовательную политику FATF по углублению имплементации требований о прозрачности финансовых операций, практики в области ПОД/ФТ/ФРОМУ все еще констатируют существенные пробелы в реализации антиотмывочных стандартов в ряде стран.

⁵ Агеева О. Блокировка счетов привела к остановке половины компаний МСП//РБК. Экономика. 2019. 17 мая. <https://www.rbc.ru/economics/17/05/2019/5cdda1b39a7947267df714ab> (дата обращения: 25.04.2021).

11) Все опрошенные единодушно подтвердили, что знают, какие формы наказаний применяются к нарушителям Закона. Вероятность санкций в случае обнаружения правонарушения в сфере ПОД/ФТ/ФРОМУ респонденты считают высокой (8,1—9,5 баллов из 10), они также видят дополнительные прямые и косвенные неудобства для нарушителей Закона. Неоднозначность в ответах проявилась при оценке действенности антиотмывочных санкций (специалисты ЦБ и СДЛ не считают их суровыми, а сотрудники правоохранительных органов отметили затянутость их исполнения). Следовательно, действующие санкции не в полной мере способствуют соблюдению антиотмывочного законодательства.

12) Особого внимания, по нашему мнению, заслуживают ответы на вопрос о доказательности правонарушений в сфере ПОД/ФТ/ФРОМУ (см. Приложение, вопрос 40). Сотрудники подразделений по борьбе с экономическими преступлениями и СДЛ считают, что доказать такие правонарушения легко. Их позиция не согласуется с официальной статистикой раскрываемости преступлений в сфере ПОД/ФТ/ФРОМУ в России и с мировой практикой в целом, а также не подтверждается динамикой ущерба от экономических преступлений (см. рис. 3).

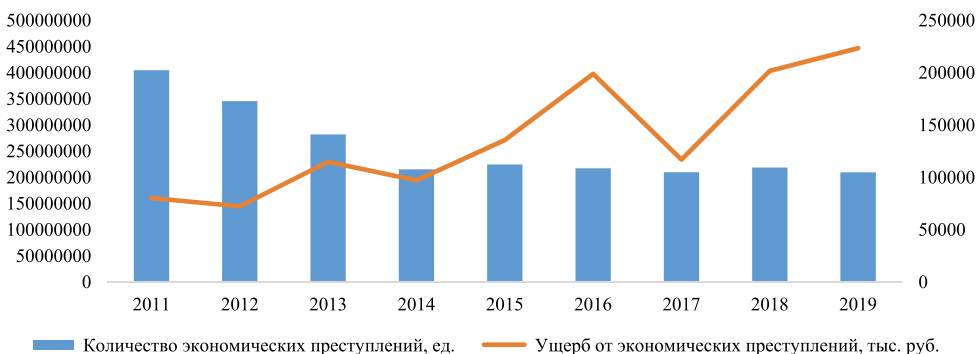

Рис. 3. Динамика экономической преступности и ущерба от экономических преступлений в России в 2011—2019 гг.⁶

Проверки четвертого раунда состояния антиотмывочных систем стран Большой двадцатки, объединяющих крупнейшие национальные экономики и финансовые системы, показали основную проблему роста эффективности антиотмывочного движения: наработанная информация используется для расследования предикатных преступлений, но не тех, что связаны с ОД/ФТ/ФРОМУ. Факты отмывания денег выявляются при расследовании самих предикатных преступлений и из иных источников, таких как человеческие ресурсы (информаторы, жертвы, подозреваемые и т. п.), разведывательные данные, и, в меньшей степени, в результате упреждающего раскрытия информации национальными подразделениями финансовой разведки либо других правительственных ведомств, не имеющих полномочий

⁶ Источник: Состояние преступности // МВД России. URL: <https://мвд.рф/folder/101762> (дата обращения: 14.04.2021).

на проведение расследований в сфере ПОД/ФТ/ФРОМУ⁷. Объясняется это тем, что преступные доходы формируются в результате предикатного преступления, объем которого определяется в ходе расследования и предъявляется для компенсации виновным. Выделить ущерб непосредственно от отмывания преступного дохода зачастую невозможно, поэтому сложно соотнести затраты правоохранительных органов и экономический эффект от раскрытия преступлений. Решение вопроса ответственности за добросовестное исполнение антиотмывочных требований финансовыми организациями и их должностными лицами в России введено в функционал Банка России в рамках административного правоприменения. В арсенале главного финансового регулятора страны находятся такие меры, как отзыв лицензии на финансовую деятельность, штраф, решение о несоответствии квалификации или деловой репутации членов органов управления, должностных лиц и собственников финансовых организаций.

Заключение

Проведенное исследование позволило выявить как сильные стороны российского антиотмывочного закона, так и его узкие места. Обобщив мнения респондентов, можно сделать вывод, что понятный, не перегруженный деталями, но содержащий все основные и важные аспекты текст Закона способствует его соблюдению, при этом государственная политика в сфере ПОД/ФТ/ФРОМУ находит отклик у ее исполнителей.

Результаты анкетирования свидетельствуют о разбросе мнений экспертов относительно воздействия на соблюдение антиотмывочного законодательства различных факторов. Специалисты ЦБ РФ и сотрудники правоохранительных органов считают проверки сильным стимулом правоприменения, однако это мнение не разделяют СДЛ. Последние также не согласны с респондентами из надзорных и правоохранительных органов по поводу профилактической роли санкций при соблюдении законодательства. Административные меры как основной карательный инструмент не заменяют детальное, всестороннее уголовное расследование. Неумышленные ошибки СДЛ наказываются штрафами, потерей репутации, трудностями с карьерой и дальнейшим трудоустройством. При этом из-за сложностей с доказательной базой и приоритетной сосредоточенностью правоохранительных органов на предикатных преступлениях в условиях ограниченных ресурсов виновным в отмывании преступных доходов лицам часто удается уклониться от ответственности.

Опрос выявил еще одну слабую сторону практической реализации антиотмывочного законодательства в России, а именно, отсутствие склонности населения и бизнес-сообщества сообщать контролирующим органам о нарушениях в сфере ПОД/ФТ/ФРОМУ, а также неосведомленности, куда именно следует обращаться в таких случаях.

Сопоставление результатов опроса 2020 г. с предыдущими демонстрирует определенные изменения в исследуемой сфере. Например, в 2009 г. экспер-

⁷ Anti-Money Laundering and Counter-Terrorist Financing Measures. Canada (Mutual Evaluation Report) / FATF. APG. 2016. September. URL: <http://www.fatf-gafi.org/media/fatf/documents/reports/mer4/mer-canada-2016.pdf> (дата обращения: 14.04.2021).

ты правоохранительных органов отметили, что не понимают методов, которыми действует антиотмывочный закон, однако позднее именно представители правоохраны стали наиболее уверенными его сторонниками. В опросах 2009, 2012, 2017 гг. респонденты высказывались за более высокую эффективность проверок на местах, тогда как из ответов на вопрос о дистанционных проверках (см. Приложение, вопрос 33), впервые поднятый в 2020 г., следует изменение мнения экспертов в пользу современных надзорных технологий. Налицо рост квалификации специалистов и осознание преимуществ использования достижений технического прогресса в антиотмывочной сфере. Вместе с тем главные недостатки в реализации антиотмывочного закона остались неизменными. Это, во-первых, невысокая численность лиц, привлеченных к ответственности за отмыwanie преступных доходов, в сравнении с масштабом антиотмывочного движения; и, во-вторых, индифферентность общества к фактам несоблюдения Закона.

Полагаем, что антиотмывочные программы финансовой грамотности для предпринимателей как на этапе регистрации собственного дела (в обязательном порядке), так и в ходе работы уже действующего бизнеса (добровольно), помогут сформировать в деловом сообществе правильное понимание природы антиотмывочной системы и выработать модель добросовестной, социально ответственной деятельности.

Список литературы (References)

Баранов П. А. Обналичивание денежных средств: налоговая оптимизация или преступление? // Современный ученый. 2017. № 5. С. 388—391. URL: <http://su-journal.ru/archives/10052> (дата обращения; 25.04.2021).

Baranov P. A. (2017) Cashing out: Tax Optimization or a Crime? *Modern Scientist*. No. 5. P. 388—391. URL: <http://su-journal.ru/archives/10052> (accessed: 25.04.2021). (In Russ.)

Родионова О. В. Солидарность общества как базовый принцип государства в контексте новых реалий // Вестник Московского университета МВД. 2017. № 3. С. 111—116.

Rodionova O. V. (2017) Social Solidarity as a Basic Principle of the Social State in the Context of New Realities. *Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs*. No. 3. P. 111—116. (In Russ.)

Танющева Н. Ю. Исследование применения законодательства в области противодействия (отмывания) доходов, полученных преступным путем // Деньги и кредит. 2009. № 9. С. 29—33. URL: <https://rjmf.econs.online/archive/2009/9/?PAGE=1> (дата обращения; 25.04.2021).

Tanyushcheva N. Yu. (2009) Study of the Application of Legislation in the Field of Countering the Legalization (Laundering) Of Income Received Criminal Way. *Russian Journal of Money & Finance*. No. 9. P. 29—33. URL: <https://rjmf.econs.online/archive/2009/9/?PAGE=1> (accessed: 25.04.2021). (In Russ.)

Танющева Н. Ю. Противодействие отмыванию теневых капиталов в России: эффективность регулирования // Финансовая аналитика: проблемы и решения.

2012. Т. 5. Вып. 41. С. 33—42. URL: <https://www.fin-izdat.ru/journal/fa/detail.php?ID=53558> (дата обращения: 25.04.2021).

Tanjushcheva N. U. (2012) Anti-Money Laundering in Russia: Efficiency of Regulation. *Financial Analytics: Science and Experience*. Vol. 5. No. 41. P. 33—42. URL: <https://www.fin-izdat.ru/journal/fa/detail.php?ID=53558> (accessed: 25.04.2021). (In Russ.)

Танюшева Н. Ю. Эффективность национального противомонополизационного регулирования: эмпирическое исследование на примере России // Вопросы экономики. 2019. № 8. С. 139—144. <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2019-8-139-144>.
Tanyushcheva N. Yu. (2019) The Effectiveness of National Anti-Money Laundering Regulation: An Empirical Study on the Example of Russia. *Voprosy ekonomiki*. No. 8. P. 133—144. <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2019-8-139-144>. (In Russ.)

Зубок Ю. А., Чупров В. И. Угрозы в трансформирующейся среде обитания как фактор социальных рисков: прогнозирование и регулирование // Социологические исследования. 2017. № 5. С. 57—67. URL: https://www.isras.ru/index.php?page_id=2624&jn=socis&jn=socis&jid=6686 (дата обращения: 25.04.2021).

Zubok Yu.A., Chuprov V.I. (2017) Threats in a Transforming Living Environment as a Factor of Social Risks: Forecasting and Regulation. *Sociological Studies*. No. 5. P. 57—67. URL: https://www.isras.ru/index.php?page_id=2624&jn=socis&jn=socis&jid=6686 (accessed: 25.04.2021). (In Russ.)

Becker G. S. (1968) Crime and Punishment: An Economic Approach. *Journal of Political Economy*. Vol. 76. No. 2. P. 169—217. <https://doi.org/10.1086/259394>.

Fishbein M., Ajzen I. (1975) Belief, Attitude, Intention and Behavior: An Introduction to Theory and Research. Reading, MA: Addison-Wesley.

Glos G. E. (1969) The Normative Theory of Law. *William & Mary Law Review*. Vol. 11. No. 1. P. 151—184. URL: <https://scholarship.law.wm.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=2772&context=wmlr> (accessed: 25.04.2021).

Hampton P. (2005) Reducing Administrative Burdens: Effective Inspection and Enforcement. London: HM Treasury.

Kunitsyna N. N., Sitnikova E. V. (2016) Currency Risks Hedging of Commercial Banks' Corporate Clients. *Journal of Internet Banking and Commerce*. *Journal of Internet Banking and Commerce*. Vol. 21. No. 3. S6. URL: <https://www.icommercecentral.com/open-access/currency-risks-hedging-of-commercial-banks-corporate-clients.php?aid=82670> (accessed: 28.04.2021).

Ruimschotel D., Van Reenen P., Klaasen H. M. (1996) De Tafel-van-Elf. The Table-of-Eleven. *Beleidsanalyse*. No. 3. P. 4—13.

Приложение

Таблица. Перечень вопросов анкеты и обобщение результатов опроса*

№	Переменные	Специалисты ЦБ РФ		Сотрудники правоохранит. органов		СДЛ	
		Среднее	Ст. откл.	Среднее	Ст. откл.	Среднее	Ст. откл.
I	<i>Воспринимаемость закона о ПОД/ФТ/ФРОМУ</i>						
1	Насколько хорошо Вы знаете закон о ПОД/ФТ	8,0	1,414	9,0	2,236	8,2	1,716
2	Насколько детально, по Вашему мнению, разработан закон о ПОД/ФТ	6,0	0,000	6,8	1,095	6,7	1,414
3	Насколько понятны для Вас объекты и субъекты, к которым применим закон о ПОД/ФТ	9,3	0,957	9,6	0,894	9,3	1,000
4	Насколько понятна для Вас область применения закона о ПОД/ФТ	9,5	0,577	9,6	0,894	9,3	1,014
II	<i>Эффективность ценностных установок по отношению к закону о ПОД/ФТ/ФРОМУ и законам в целом</i>						
5	Согласны ли Вы, что соблюдение закона о ПОД/ФТ требует меньшего количества денег, времени и усилий, чем его нарушение	2,3	0,957	2,4	0,894	2,4	0,707
6	По Вашему мнению, соблюдение закона о ПОД/ФТ имеет какие-либо преимущества (в деньгах, времени, усилиях) по сравнению с его нарушением	9,0	1,414	8,8	1,304	5,6	3,500
7	По Вашему мнению, нарушение закона о ПОД/ФТ влечет за собой какие-либо отрицательные последствия (потери) экономического характера	3,0	0,000	3,0	0,000	2,8	0,667
8	По Вашему мнению, соблюдение закона о ПОД/ФТ имеет какие-либо выгоды экономического характера	2,5	1,000	2,6	0,894	2,3	0,866

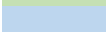
№	Переменные	Специалисты ЦБ РФ		Сотрудники правоохранит. органов		СДЛ	
		Среднее	Ст. откл.	Среднее	Ст. откл.	Среднее	Ст. откл.
9	Может ли, по Вашему мнению, соблюдение закона о ПОД/ФТ принести какие-либо моральные или социальные выгоды	8,5	1,000	4,4	3,362	5,6	3,432
10	Может ли, по Вашему мнению, соблюдение закона о ПОД/ФТ нанести какой-либо моральный или социальный ущерб (например, имиджу финансовой организации/компании)	4,5	4,123	1,0	0,707	3,3	2,804
11	Считаете ли Вы принятой в стране антиотмывочную политику и ее цели уместными и целесообразными	3,0	0,000	3,0	0,000	2,3	1,000
12	Считаете ли Вы себя ответственным(ой) за претворение антиотмывочной политики в жизнь	3,0	0,000	2,8	0,447	2,2	0,972
13	Считаете ли Вы приемлемыми способы реализации антиотмывочной политики в нашей стране	3,0	0,000	2,8	0,447	2,1	0,782
14	В целом, Вы вынуждены мириться с законом о ПОД/ФТ	2,5	1,000	2,8	0,447	2,8	0,667
15	В целом, Вы имеете уважение к закону о ПОД/ФТ	3,0	0,000	3,0	0,000	3,0	0,000
16	В целом, Вы уважаете право контролирующих органов на проверки	3,0	0,000	3,0	0,000	2,6	0,882
17	Имеете ли Вы собственный интерес в отношении соблюдения закона о ПОД/ФТ	2,3	0,957	2,6	0,894	2,2	0,972
18	Осознаете ли Вы, что любое нарушение в сфере ПОД/ФТ будет замечено населением	1,8	0,957	1,2	0,447	1,7	0,866
19	Как Вы считаете, в целом, население одобряет такие правонарушения	1,3	0,500	1,2	0,447	1,7	0,707

№	Переменные	Специалисты ЦБ РФ		Сотрудники правоохранит. органов		СДЛ	
		Среднее	Ст. откл.	Среднее	Ст. откл.	Среднее	Ст. откл.
20	Может ли население повлиять на Ваше поведение относительно ПОД/ФТ тем или иным способом	1,8	0,957	1,6	0,447	1,1	0,333
21	Имеет ли общественный контроль в сфере ПОД/ФТ реальное влияние на Вас	2,3	3,862	4,0	2,449	3,2	3,632
22	Существует ли в Вашей организации руководство в сфере ПОД/ФТ, помимо государственных (например, саморегулируемая организация, финансовый аудит, кодексы поведения, сертификация, лицензирование)	3,0	0,000	1,8	1,095	2,9	0,333
23	Способствует ли такое руководство в сфере ПОД/ФТ лучшему соблюдению закона о ПОД/ФТ	3,0	0,000	2,4	0,548	2,7	0,707
24	Рассматриваете ли Вы такое руководство как дополнительную форму контроля в сфере о ПОД/ФТ	3,0	0,000	2,8	0,447	2,9	0,333
25	Оказывает ли такое руководство в сфере ПОД/ФТ реальное влияние на Вас	9,5	1,000	3,0	3,082	7,3	3,122
26	По Вашей оценке, население в целом склонно ставить в известность контролирующие органы при обнаружении правонарушения в сфере ПОД/ФТ	1,0	0,000	1,0	0,000	2,1	0,928
27	По Вашей оценке, руководители организаций, в целом склонны ставить в известность контролирующие органы при обнаружении правонарушения в сфере ПОД/ФТ	1,5	1,000	1,0	0,000	2,1	0,928

№	Переменные	Специалисты ЦБ РФ		Сотрудники правоохранит. органов		СДЛ	
		Среднее	Ст. откл.	Среднее	Ст. откл.	Среднее	Ст. откл.
28	Считаете ли Вы, что люди в основном знают, какому именно контролирующему органу следует сообщить о правонарушении в сфере ПОД/ФТ	1,0	0,000	1,2	0,447	2,0	1,000
III	<i>Эффективность надзорно-контрольной деятельности за соблюдением закона о ПОД/ФТ/ФРОМУ</i>						
29	Оцените вероятность того, что документы финансовых и нефинансовых организаций и профессий будут ежегодно проверены	6,5	1,000	3,4	2,881	4,8	3,930
30	Оцените вероятность проведения инспекций по ПОД/ФТ на местах	4,0	3,464	4,0	2,550	4,3	3,969
31	Достаточно ли легко обнаружить правонарушение в сфере ПОД/ФТ при проверке документов	5,0	2,449	5,0	1,581	4,1	3,408
32	Достаточно ли сложно фальсифицировать документы	2,3	0,957	1,6	0,894	2,0	0,866
33	Какова, на Ваш взгляд, вероятность обнаружения правонарушений в сфере ПОД/ФТ при дистанционной проверке	8,8	0,500	7,8	1,304	5,3	3,000
34	Достаточно ли легко, по Вашему мнению, для инспекторов обнаружить правонарушение по ПОД/ФТ	2,8	0,500	2,2	1,095	2,2	0,833
35	Имеют ли правонарушения по ПОД/ФТ какие-либо ограничения по времени и/или месту (локализации)	1,8	0,957	1,0	0,000	2,3	0,866
36	Достаточно ли, на Ваш взгляд, техническое оснащение инспекторов для того, чтобы выявить правонарушение по ПОД/ФТ	3,0	0,000	2,4	0,894	2,1	0,782

№	Переменные	Специалисты ЦБ РФ		Сотрудники правоохранит. органов		СДЛ	
		Среднее	Ст. откл.	Среднее	Ст. откл.	Среднее	Ст. откл.
37	Знают ли правонарушители в сфере ПОД/ФТ, что они всегда будут инспектироваться чаще, чем те, кто соблюдает закон о ПОД/ФТ	2,5	0,577	1,8	1,095	2,7	0,500
38	Как Вы считаете, целевые инспекции в сфере ПОД/ФТ обнаруживают больше правонарушителей, чем дистанционные	1,8	0,957	3,0	0,000	2,8	0,441
39	Оцените вероятность применения санкций в случае обнаружения правонарушений в сфере ПОД/ФТ	9,5	1,000	9,2	0,837	8,1	2,147
40	По Вашей оценке, достаточно ли легко доказать правонарушение в сфере ПОД/ФТ	1,3	0,500	2,4	0,894	2,0	0,866
41	Знаете ли Вы, какие санкции могут применяться при совершении правонарушения по ПОД/ФТ	3,0	0,000	3,0	0,000	3,0	0,000
42	Считаете ли Вы такие санкции достаточно суровыми	2,0	1,155	1,4	0,894	2,6	0,882
43	Насколько быстро исполняется наказание за нарушения по ПОД/ФТ	6,5	0,577	3,8	1,789	6,2	3,930
44	Применение санкций имеет какие-либо дополнительные прямые или косвенные неудобства для нарушителя по ПОД/ФТ	3,0	0,000	3,0	0,000	0,9	0,333
	Сумма баллов	175,4	—	167,4	—	157,8	—

- * Переменная имеет десятибалльную шкалу.
 Переменная имеет трехбалльную шкалу.

DOI: [10.14515/monitoring.2021.2.1940](https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.2.1940)

Н. П. Попов

ДОНАЛЬД ТРАМП И АМЕРИКАНСКИЙ АВТОРИТАРИЗМ

Правильная ссылка на статью:

Попов Н. П. Дональд Трамп и американский авторитаризм // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2021. № 2. С. 234—254. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.2.1940>.

For citation:

Popov N. P. (2021) Donald Trump and the American Authoritarianism. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 2. P. 234–254. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.2.1940>. (In Russ.)

ДОНАЛЬД ТРАМП И АМЕРИКАНСКИЙ АВТОРИТАРИЗМ

ПОПОВ Николай Петрович — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник, Институт США и Канады РАН, Москва, Россия
E-MAIL: popovnpkm@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0002-2168-2157>

Аннотация. Выдвижение Дональда Трампа кандидатом республиканской партии и его победа на выборах 2016 г. над опытным политиком Хилари Клинтон для многих стали неожиданностью. Социологические исследования показывали, что Трамп использовал широко распространенные идеи авторитарного правления, правого консерватизма и расизма. Его поддерживали люди разных политических взглядов, объединенные стремлением выдвинуть сильного авторитарного лидера, который вернет уважение белой Америке, восстановит рабочий класс, перекроет бесконтрольную иммиграцию, возродит традиционные ценности в противовес новым «аморальным» нормам. Этот слой людей оказался сплоченным, их авторитарные и расистские воззрения обрели агрессивную форму и привели к готовности применять насилие против неконформистов, сторонников Демократической партии и ее лидеров, членов аут-групп, чьи взгляды не вписываются в представления об американских нормах и традициях. Данные выводы социологов подтвердились, когда сторонники уходящего президента штурмовали Капитолий в попытке силой добиться победы на выборах Трампа, а не Байдена.

В работе рассматриваются слагаемые авторитарного класса — право-

DONALD TRUMP AND THE AMERICAN AUTHORITARIANISM

Nikolay P. POPOV¹ — Dr. Sci. (Hist.), Leading Research Fellow
E-MAIL: popovnpkm@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0002-2168-2157>

¹ Institute for US and Canadian Studies,
Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Abstract. The nomination of Donald Trump as the candidate of the Republican Party and his 2016 election victory over the experienced politician Hillary Clinton came as a surprise to a large part of society. Sociological research has shown that Trump exploited widespread ideas of authoritarianism, right-wing conservatism, and racism. He was supported by people of different political views, united by the desire to nominate a strong authoritarian leader who will restore respect to white America, reinforce the working class, stop uncontrolled immigration, and promote traditional values as opposed to new "immoral" norms. This group of people turned out to be united, their authoritarian and racist views took on an aggressive form and led to a willingness to use violence against non-conformists, members of out-groups who do not fit into their ideas about American norms and traditions, and supporters of the Democratic Party and its leaders. These sociological findings were confirmed when supporters of the outgoing president stormed the Capitol in an attempt to force Trump to win the election over Biden.

The paper examines the components of the authoritarian class — right-wing conservative, racist groups and movements, such as the Tea Party movement. The author analyses reasons leading, espe-

консервативные, расистские группы и течения, такие как «Чайное движение». Анализируются причины, приводящие, особенно в последние десятилетия, к росту авторитарных настроений и их проявлений в американской политике.

Ключевые слова: президент Трамп, президентские выборы, общественное мнение, взгляды избирателей, авторитаризм, Республиканская партия

cially in recent decades, to the growth of authoritarian sentiments and their manifestations in American politics.

Keywords: President Trump, presidential election, public opinion, voters' attitudes, authoritarianism, Republican party

Когда Теодор Адорно исследовал в конце 1920-х годов авторитаризм в Германии и массовые представления людей, питающие антисемитизм и нацизм, он вряд ли предполагал, что его исследования приведут к изучению истоков и проявлений авторитарных настроений в США, оплоте демократии, где ему пришлось спастись от нацизма после прихода Гитлера к власти.

В 2016 г. президентом стал Дональд Трамп, зарекомендовавший себя как самоуверенный, авантюристичный политик, готовый на любые недемократические шаги для борьбы со своими противниками. Многие характеризовали его методы и политический стиль как авторитарные, представляющие опасность для американской политической системы и традиций либеральной демократии. Однако мало кто предполагал, что склонность к авторитарным методам правления 45-го президента США превзойдет всех предшественников.

Серьезным предупреждением опасности взглядов Трампа и его сторонников в Республиканской партии для демократии стала вышедшая летом 2020 г. книга Б. Альтемейера и Дж. Дина «Авторитарный кошмар: Трамп и его последователи» [Dean, Altemeyer, 2020]. В ней авторы на основе социологических исследований раскрыли риски для демократических норм, выборов, законности и безопасности общества, возникшие из-за широко распространившихся авторитарных убеждений, поддерживаемых президентом Трампом. «Дональд Трамп имеет право выставлять напоказ американские институты, договоры и законы только потому, что у него есть большая преданная база, которая будет верить всему, что он говорит, и делать все, что он хочет, — пишут авторы. — Мы считаем, что бесконечная лояльность этой базы проистекает из той же психологической черты, которая, по мнению некоторых наблюдателей, глубоко укоренилась в самом Дональде Трампе, — авторитаризма. Наше понимание этих людей основано на десятилетиях исследований людей, которые вполне могли бы поддержать автократический захват демократии» [Dean, Altemeyer, 2020: 6].

Алармизм выводов авторов не был услышан, к тому же внимание общества было отвлечено паникой, вызванной пандемией новой коронавирусной инфекции. Исследования показали, что авторитаристы готовы применить насилие к несогласным, «врагам народа», противникам авторитарного лидера. Американская реальность неожиданно быстро подтвердила справедливость научных прогнозов.

6 января 2021 г. общее заседание двух палат конгресса должно было утвердить уже прошедшие предварительные стадии результаты подсчета голосов выборщиков. Это был заключительный формальный акт выборов, который проводил вице-президент М. Пенс. Однако проигравший выборы Д. Трамп, утверждавший, что подсчет голосов был подтасован демократами и победил на самом деле с большим отрывом он, призвал своих сторонников «не дать украсть у нас победу», идти маршем к Капитолию, не дать утвердить списки и заменить выборщиков на «правильных».

Тысячи сторонников Трампа с флагами, транспарантами, палками, железными трубами двинулись к Капитолию, сопровождаемые призывами Трампа в Twitter. Остановленные заградительными решетками, они стали штурмовать парадет здания, балконы. Все это показывалось телевидением в прямом эфире по всему миру. Сцены были похожи на кадры снятого в 1920 г. постановочного фильма С. Эйзенштейна «Октябрь» о штурме Зимнего дворца, только здесь все происходило в реальности. После рукопашных боев с охраной толпа ворвалась в здание с криками «не дадим украсть выборы», «повесить Пенса», пытаясь добраться до зала заседаний. Охране удалось направить восставших по ложному пути, тем временем вывести депутатов коридорами в другие здания. Через три часа с помощью полиции Вашингтона здание Капитолия было освобождено от «повстанцев» и конгресс завершил работу, утвердив победу Д. Байдена. Во время штурма погибли четыре охранника и одна участница штурма.

В книге «Авторитарный кошмар: Трамп и его последователи» авторы показывают, что Трамп использовал авторитарные взгляды и настроения, которые давно существовали в американском обществе [Dean, Altemeyer, 2020].

Бытуют и более категоричные оценки распространения крайне правых взглядов среди населения страны. «Американская демократия продемонстрировала — с трудом, — что можно свергнуть фашистского лидера, — пишет обозреватель Р. Катнер, — но труднее вытеснить фашистское население, когда фашизм живет в сердцах слишком многих людей. Трампизм, с Трампом лично, или без него, остается удручающе популярным. Неприкрытое насилие в Капитолии было лишь крайним примером неуклонного сползания к авторитаризму, который слишком охотно был принят большинством республиканских лидеров — и избирателей»¹.

Основу изучения авторитарной личности заложил Теодор Адорно, выдающийся представитель Франкфуртской школы, одной из ведущих школ в философии, социологии прошлого века. Вместе с Адорно в Институте социальных исследований, созданным его коллегой Максом Хоркхаймером, изучением предрассудков, антисемитизма, авторитарного типа личности занимались также Герберт Маркузе, Эрих Фромм, Юрген Хабермас. Наряду с этими темами они рассматривали корни фашизма в массовом сознании. Они продолжили эту работу в эмиграции в США, в Принстоне и Беркли.

Здесь Адорно с коллегами разработали теоретическую базу изучения авторитаризма, показали, что антисемитизм является лишь одним из примеров авторитарного характера личности, который включает в себя конформизм, преклонение

¹ Kuttner R. When Trump's Gone, Will Fascism Live On? // The American Prospect. 2021. January 8. URL: <https://prospect.org/blogs/tap/when-trumps-gone-will-fascism-live-on/> (дата обращения: 22.04.2021).

перед силой, властью, склонность к стереотипам, неприятие, подавление всего «чужого», нестандартного, выходящего за рамки принятых норм.

Важная социологическая задача, стоявшая перед исследователями, заключалась в разработке анкеты, вопросы которой смогут обнаружить черты авторитаризма, не обращая напрямую к темам антисемитизма или фашизма, выявляя скрытую предрасположенность к авторитарным идеям. Такая анкета была разработана и включала Шкалу-Ф (F-Scale), где «Ф» означало «фашизм», хотя анкета использовалась для определения авторитарных настроений в более широком смысле. Результаты социологических исследований, проведенных с помощью этой шкалы, легли в основу книги «Авторитарная личность», авторами которой были Т. Адорно, Э. Френкель-Брунsvик, Д. Левинсон и Р. Сэнфорд [Adorno et al., 1950]. В ней было сформулировано понятие «авторитарный синдром» и определены черты, характеризующие авторитарную личность: преклонение перед властью, слепая вера в авторитет лидера, иерархия социального и политического пространства и поиск внешнего врага, самоутверждение за счет унижения слабого, подчиненного, агрессивность и культ силы.

Специфика Шкалы-Ф заключалась в том, что вопросы формулировались парно: «авторитарному» варианту соответствовал «антиавторитарный», анализ строился на латентных значениях ответов, каждый ответ шкалировался по силе утверждения — согласия и несогласия, им присваивался определенный балл, что позволяло оценивать респондентов как более или менее авторитарных.

Эти характеристики Шкалы-Ф, при всей критике ее деталей другими учеными, использовались в многочисленных сходных исследованиях черт личности, в частности склонности к авторитаризму.

Идеи и методы исследования Т. Адорно получили развитие в работах канадского социального психолога Роберта (Боба) Альтемейера [Altemeyer, 2007]. Он разработал шкалу «правого авторитаризма» — Right-wing authoritarianism (RWA). Под «правым» здесь имеются в виду не столько политэкономические категории, сколько морально-психологические — склонность к национализму, расизму, враждебности к иммигрантам. Соответственно, право-авторитарные личности могут иметь как правые, так и левые политические взгляды. Например, сталинский Советский Союз традиционно считается «левым» государством, но большинство сторонников Сталина были типичными правыми авторитаристами.

Анкета-шкала состоит из 22 суждений, половина которых авторитарные, а половина — антиавторитарные. При этом ключевые социальные установки авторитарной личности сводятся к трем чертам:

- **авторитарное подчинение** — готовность и желание подчиняться властям, которые считаются легитимными в данной социальной группе, лидеру, вождю — носителю и символу этой власти;
- **авторитарная агрессия** — агрессивное поведение по отношению ко всем, кто не подчиняется этой власти, ко всем «чужим», инакомыслящим, аут-группам;
- **конвенционализм, конформизм** — приверженность ценностям и социальным нормам, разделяемым данной социальной группой и воспринимаемым как эталонные, «правильные» для всего общества.

Свою концепцию развития авторитарной личности и результаты социологических исследований на ее основе Б. Алтемейер изложил в работах «Авторитарный спектр» (The Authoritarian Specter) и «Авторитаристы» (The Authoritarians). Его исследования распространенности авторитарных тенденций в США подтверждали оценки Адорно — наряду с давними традициями демократии, гуманизма, эгалитаризма в стране по-прежнему распространены расизм, «белый супрематизм», антисемитизм, неприятие иммиграции из ряда стран, в частности исламских, африканских, латиноамериканских, другие формы неприятия людей, придерживающихся иных, «чужих» взглядов и норм. Эти настроения, часто оформленные в движения, группы, секты, как-то контролируются, удерживаются в рамках законности государством, правоохранительными органами, но временами появляются политические лидеры, быстро набирающие авторитет, в том числе поддержку избирателей, использующие те или иные авторитарные, правые лозунги. Многие помнят консерватизм, авторитарные взгляды Барри Голдуотера или Рональда Рейгана, но в 2015 г. на политическом небосклоне появилась новая звезда авторитаризма — Дональд Трамп.

Еще до этого исследователи выясняли влияние авторитарных настроений на американскую политику. В книге «Авторитаризм и поляризация в американской политике» М. Хетерингтон и Дж. Вейлер [Hetherington, Weiler, 2009] пришли к выводу, что поляризация, разделяющая американское общество, в значительной степени объясняется не только социальным, экономическим или расовым расслоением, но и делением людей на придерживающихся авторитарных и неавторитарных взглядов. Это расслоение все больше возрастало в начале нового века с усилением иммиграционных потоков, увеличением доли небелого населения, экономических проблем белого рабочего класса, угрозы терроризма, изменениями морально-этических норм и ценностей (распространением культуры геев, однополых браков, разрешением продажи марихуаны и т. п.). Растущие страхи перед новыми вызовами привели к росту авторитарных потребностей и взглядов — стремлению к установлению «закона и порядка» и поиску сильного лидера, способного защитить от угроз и вернуть традиционный образ жизни.

Многие ученые выявляли эти тенденции роста авторитарных установок, используя варианты шкалы авторитаризма Б. Алтемейера. В то же время Стэнли Фельдман из Университета Stony Brook разработал тест из четырех вопросов, определяющих отношение к воспитанию детей, которые дают ключ к определению авторитарных склонностей человека: насколько респонденты ценят иерархию, порядок и конформизм [Feldman, Stenner, 1997]. Надо сказать, что сходные вопросы о воспитании детей были и в F-Scale Т. Адорно.

Впервые этот блок вопросов был проверен в массовом опросе 1992 г. — регулярном исследовании американских избирателей National Election Study, в котором была возможность сравнить результаты с другими вопросами по социально-политической тематике. Задавались следующие вопросы:

1. Скажите, пожалуйста, что, по вашему мнению, важнее для ребенка: независимость или уважение к старшим?
2. Скажите, пожалуйста, что, по вашему мнению, важнее для ребенка: послушание или уверенность в себе?

3. Скажите, пожалуйста, что, по вашему мнению, важнее для ребенка: быть внимательным или хорошо себя вести?

4. Скажите, пожалуйста, что, по вашему мнению, важнее для ребенка: любопытство или хорошие манеры?

Эти вопросы затем часто используются в разных исследованиях для определения авторитарных склонностей респондентов. Затем они сравниваются с ответами на другие социально-политические вопросы для выявления корреляции.

С. Фельдман сопоставлял эти психологические замеры с реакцией на суждения, высказывания, распространенные в прессе, по поводу ряда острых проблем. В ходе опроса респондентов спрашивали, в какой степени они поддерживают, (сильно или частично) или решительно выступают против следующих пяти стратегий:

— использование военной силы вместо дипломатии против стран, угрожающих Соединенным Штатам;

— изменение Конституции, запрещающее давать гражданство детям нелегальных иммигрантов;

— дополнительные проверки в аэропорту пассажиров, которые, как представляется, имеют ближневосточное происхождение, чтобы обуздать терроризм;

— федеральная правительственная программа, в рамках которой все телефонные звонки сканируются, чтобы узнать, не поступают ли какие-либо звонки на телефонный номер, связанный с терроризмом;

— требование для всех граждан всегда иметь при себе национальное удостоверение личности, чтобы предъявить его в полицейское управление в целях борьбы с терроризмом.

Два шкальных вопроса предлагали оценить высказывания — является ли каждый из следующих показателей очень хорошим, хорошим, нейтральным, плохим или очень плохим для Америки:

— ограничения полномочий сотрудников полиции применять силу в ответ на недавние обвинения в жестокости полиции;

— американские мусульманские общины строят больше мечетей в американских городах.

Взятые вместе, эти семь вопросов в целом отражают готовность ограничить гражданские свободы американцев или членов групп меньшинств и выражают поддержку применения силы против тех, кто может угрожать стране, или потенциальных преступников [Feldman, 2020].

Результаты исследования автора показывают, что респонденты с высоким уровнем авторитарных настроений, выявленным на основе указанного психологического теста, в значительно большей степени поддерживают нетерпимость и репрессивные меры по отношению к группам, отличающимся от мейнстрима или несущим потенциальную угрозу. Так, они скорее готовы поддержать вооруженные действия, а не дипломатию в международных конфликтах, не давать гражданство детям незаконных иммигрантов, особо проверять людей в аэропортах, прибывающих с Ближнего Востока, организовать тотальное прослушивание телефонных переговоров при подозрении в связи с терроризмом, в этих же целях обязать всех всегда носить удостоверение личности для предъявления

полиции. Также они не согласны с ограничениями полиции в применении силы из-за обвинений полиции в жестокости; они против строительства новых мечетей в стране.

Исследования С. Фельдмана во время республиканских первичных выборов в 2016 г. показали явную связь высокой степени авторитарных взглядов, нетерпимости и враждебности к представителям «иных» групп среди потенциальных сторонников Трампа, или, иначе, притяжение, «стекание» авторитаристов в лагерь избирателей Трампа.

С. Фельдман задается вопросом: если авторитарные настроения так распространены среди американского населения, может ли вообще либеральная демократия как-то их сдерживать, минимизировать, держать под контролем? В целом, считает автор, это удастся сделать, особенно на уровне национальных выборов, поскольку политики, кандидаты стремятся привлечь голоса большинства электората, не пораженного авторитаризмом. Однако при определенных обстоятельствах может появиться политик, который постарается мобилизовать людей с авторитарными взглядами и ценностями — это ему удастся сделать с помощью вполне откровенных авторитарных лозунгов. Что и произошло в кампании 2016 г. и продолжалось до выборов 2020 г.

Трамп поддерживал многие традиционные концепции американских консерваторов, но наибольший политический успех среди избирателей ему принес «вульгарный популизм» (так его стиль и риторику часто описывала пресса), презрение и ненависть к политическим противникам, расизм и ксенофобия.

Истоки трампизма

Многие яркие сторонники Трампа, пишут Б. Альтемайер и Дж. Дин, «покорны, боязливы и жаждут могущественного лидера, который защитит их от жизненных угроз. Они делят мир на друзей и врагов, причем последние значительно превосходят число первых» [Dean, Altemeyer, 2020: 6].

Личные авторитарные убеждения Трампа хорошо известны, и эксперты во многих академических областях предупреждают, что его нападки на основные демократические принципы представляют явную опасность для американской политической системы. Но его убеждения и действия бессильны без поддержки миллионов последователей.

Другие исследователи пришли к аналогичным выводам, применяя иные методы. Политолог Ларри Бартелс [Bartels, 2020], например, использовал данные опроса YouGov, чтобы обнаружить, что многие избиратели-республиканцы придерживаются сильных авторитарных и антидемократических убеждений, причем расизм выступает ключевым фактором этих взглядов. Исследователи также обнаружили, что отдельные показатели авторитарных убеждений, такие как отношение к воспитанию детей, являются надежными предикторами поддержки Трампа.

Эти исследования показали, что многие американцы выражают крайне авторитарные точки зрения. Примерно половина сторонников Трампа, например, согласилась с утверждением: «Как только наши правительственные лидеры и власти осудят опасные элементы в нашем обществе, долгом каждого патриотичного гражданина будет помочь искоренить гниль, отравляющую нашу страну

изнутри», что Альтемайер и Дин характеризуют как «практически нацистский призыв»².

Современные исследователи американских массовых взглядов избирателей отмечают явления, похожие на те, что были в Германии после поражения в Первой мировой войне, а именно: утверждения политиков, что германская армия не проиграла войну, ее сдали левые, коммунисты и евреи в правительстве, которые капитулировали, предав нацию; эта теория заговора получила название «миф об ударе в спину» (*Dolchstoßlegende*)³. В 2020 г. в США подобная тактика привела к позиции «остановите воровство выборов». Трамп начал готовиться к этой кампании еще за год до выборов: «Единственно, как мы можем проиграть, это если у нас украдут результаты выборов»⁴. Соответственно, проиграв выборы, Трамп всю послевыборную пропаганду строил на лозунге «у нас украли победу». С этим лозунгом его сторонники штурмовали Капитолий и с ним он собирается поднимать своих избирателей на следующие выборы.

Политолог Гарварда П. Норрис считает, что межнациональные исследования показывают, «насколько экстремистской стала Республиканская партия. С точки зрения своей позиции по отношению к принципам либеральной демократии она сейчас, по оценкам, ближе к авторитарным популистским партиям, таким как испанская Vox, нидерландская „Партия свободы“ и „Альтернатива для Германии“, чем к основным консервативным, христианско-демократическим и правоцентристским партиям»⁵.

«Большая часть сегодняшней Республиканской партии уже пронизана экстремизмом, — пишет обозреватель *Washington Post* Ф. Закариа. — Согласно недавнему опросу Американского института предпринимательства, 56% республиканцев считают, что „традиционный американский образ жизни исчезает так быстро, что нам, возможно, придется применить силу, чтобы спасти его“. 39% поддержали еще более сильное заявление: „Если избранные лидеры не будут защищать Америку, народ должен сделать это сам, даже если это потребует принятия насильственных мер“»⁶.

Хотя критика Трампа, его расистских высказываний, антидемократических действий, безрассудства и высокомерия достаточно широко распространена в обществе, в прессе, либеральных политических слоях и группах, опыт последних двух десятилетий и в частности двух избирательных кампаний показал, что правые, расистские, авторитарные взгляды и настроения в той или иной мере близки половине Америки.

² Ingraham Ch. New Research Explores Authoritarian Mind-Set of Trump's Core Supporters // *Washington Post*. 2021. October 12. URL: <https://www.washingtonpost.com/business/2020/10/12/trump-voter-authoritarian-research/> (дата обращения: 22.04.2021).

³ Bittner J. 1918 Germany Has a Warning for America // *The New York Times*. 2020. November 30. URL: <https://www.nytimes.com/2020/11/30/opinion/trump-conspiracy-germany-1918.html> (дата обращения: 22.04.2021).

⁴ Donald Trump 2020 RNC Speech Transcript August 24 // *Rev*. 2020. 24 August. URL: <https://www.rev.com/blog/transcripts/donald-trump-2020-rnc-speech-transcript-august-24> (дата обращения: 22.04.2021).

⁵ Norris P. It Happened in America. Democratic Backsliding Shouldn't Have Come as a Surprise // *Foreign Affairs*. 2021. January 7. URL: <https://www.foreignaffairs.com/articles/united-states/2021-01-07/it-happened-america> (дата обращения: 22.04.2021).

⁶ Zakaria F. Mainstream Republicans Have Tolerated Extremism for Years. Can They Finally Control It? // *The Washington Post*. 2021. February 18. URL: https://www.washingtonpost.com/opinions/mainstream-republicans-have-tolerated-extremism-for-years-can-they-finally-control-it/2021/02/18/f3c2cd72-722c-11eb-85fa-e0ccb3660358_story.html (дата обращения: 22.04.2021).

Американская политическая система XIX и XX веков служила маяком, образцом для нарождающихся демократий во всем мире. Из всех аспектов демократии американская «свобода» служила притягательным символом для многих людей. После Второй мировой войны США внедрили с помощью сил оккупационной армии демократическую конституцию и политическое устройство в Германии и Японии. Да и остальные страны Европы, обладавшие своей богатой политической историей развития демократии, свободы печати, соревнования политических партий и выборов, многое в послевоенном устройстве перенимали из Америки.

При этом в Америке в это же самое время в полной мере существовала расовая сегрегация, законодательно ограничивавшая права чернокожего населения. Она была остановлена лишь в 1964 г. с принятием Билля о гражданских правах после десятилетий борьбы чернокожих и прогрессивной части белого общества. Трудно переоценить прогресс, который был достигнут в десегрегации с тех пор. Вероятно, главную роль в этом процессе сыграли армия, спорт и шоу-бизнес, целенаправленно и активно расширявшие равноправное участие чернокожих американцев в своей сфере деятельности. У жителей других стран, смотрящих американские кинофильмы или телепередачи, создавалось представление о радикальном прорыве в деле десегрегации в Америке, достижении реального расового равенства. Однако, несмотря на прогресс, реальное расовое и этническое равенство в Америке еще далеко от совершенства, что поддерживает особую сферу политической, предвыборной борьбы — борьбы расовых и национальных меньшинств за свои права.

Одновременно в Америке продолжают существовать на уровне массовых представлений расизм и шовинизм, прежде всего в виде идеи о «превосходстве белой расы». Эти авторитаристы в качестве аут-группы используют афроамериканцев как получающих, по их представлениям, несоразмерно высокую помощь от правительства по сравнению с белыми американцами, в частности неквалифицированными рабочими.

Другой источник пополнения рядов авторитаристов — религиозные фундаменталисты «евангелические христиане», которые в основном придерживаются консервативных позиций по социальным вопросам, в том числе в отношении смешанных браков, однополых браков, прав сексуальных меньшинств и т. п.

Важная часть идеологии авторитарных адептов — противодействие иммиграции. В стране иммигрантов это кажется странным и противоестественным. Но в то же время в американской истории было много периодов, когда новая волна иммигрантов, особенно с какой-либо новой этнической окраской, встречала активное неприятие «коренных американцев», иммигрировавших туда ранее.

Раш Лимбо

В плане создания авторитарного имиджа, стиля общения с массовой аудиторией, Д. Трамп много перенял у многолетнего популярного ведущего радишоу крайне правой ориентации Раша Лимбо. Как пример его расовой паранойи приведем следующую цитату: «Это Америка Обамы, не так ли? Америка Обамы — белые дети, которых теперь избивают в школьных автобусах. Вы сажаете своих детей в школьный автобус, вы ожидаете безопасности, но в Америке Обамы белых детей теперь

избивают, а черные дети кричат: „Ура, прямо сейчас, прямо сейчас“, и, конечно, все говорят — белый ребенок заслужил это, он родился расистом, он белый»⁷.

Характерна и такая мысль Р. Лимбо: дети иммигрантов из Центральной Америки распространяют болезни в Соединенных Штатах. Ее через несколько месяцев подхватил Трамп во время своего выдвижения: «Когда Мексика посылает своих людей, они не посылают своих лучших. Они не посылают вас. Они посылают людей, у которых много проблем, и они приносят эти проблемы с собой. Они везут наркотики. Они приносят преступления. Они насильники. Некоторые, я полагаю, хорошие люди»⁸.

Трамп и Лимбо нашли друг друга. Годы потребления консервативных СМИ, которые приняли вульгарный, презрительный, оскорбительный стиль Лимбо, отточили способность Трампа говорить на том же языке. Коллега Лимбо по радишоу стал затем основателем медийной сети Fox News, в которой часто выступал Трамп. В благодарность за солидарность в финале своего президентского срока Трамп наградил Р. Лимбо президентской медалью Свободы.

Трамп симпатизировал, а часто открыто поддерживал организации крайне правого толка, такие как «Гордые мальчики» (Proud boys), «Хранители присяги» (Oath keepers), которые затем участвовали в штурме Капитолия. В одном из твитов он их настраивал: «Будьте наготове».

Одна из крайне правых групп «Ковбои за Трампа» вызывала особую его симпатию, он даже показывал на своем сайте их рекламный ролик с девизом «Хороший демократ — это мертвый демократ»⁹. Правда, позже запись была удалена с сайта.

Став мастером стиля агрессивных, крикливых представителей правых, расистских групп, оскорбляющих своих противников из либерально-демократического лагеря, движений расовых меньшинств, антифашистских групп, Трамп не жалел фантазии в придумывании оскорбительных кличек своим конкурентам из демократического лагеря. Если его грубость, вульгарные тирады во время выступлений в кампании 2016 г. дебатов кандидатов многие относили к издержкам американской политической культуры, часто сходной с эстрадным шоу или цирком, то за время его правления выяснилось, что это его собственный стиль, манера мышления и публичного общения. Оказалось, что расизм и антимусульманские выпады — это часть его идеологии, все аспекты авторитаризма являются частью его личности.

Республиканцы — партия авторитаристов?

Плацдармом авторитаризма стала Республиканская партия. Консервативные ценности и нормы американской политической культуры, такие как «малое» пра-

⁷ Friedersdorf C. Don't Read This If You Were a Rush Limbaugh Fan // The Atlantic. 2021. February 18. URL: <https://www.theatlantic.com/ideas/archive/2021/02/rush-limbaughs-rise-and-conservatism-fall/618058/> (дата обращения: 22.04.2021).

⁸ Gabbatt A. Golden Escalator Ride: The Surreal Day Trump Kicked Off His Bid for President // The Guardian. 2019. June 14. URL: <https://www.theguardian.com/us-news/2019/jun/13/donald-trump-presidential-campaign-speech-eyewitness-memories/> (дата обращения: 22.04.2021).

⁹ Blake A. Trump Promoted N. M. Official's Comment That «the Only Good Democrat Is a Dead Democrat.» Now the Man Is Arrested in the Capitol Riot // The Washington Post. 2021. January 18. URL: <https://www.washingtonpost.com/politics/2021/01/18/trump-promoted-his-comment-that-only-good-democrat-is-dead-democrat-now-he-is-arrested-storming-capitol/> (дата обращения: 22.04.2021).

вительство, низкие налоги и, соответственно, ограниченное государственное регулирование, традиционно были ближе республиканцам. Однако реальные перемены в сторону авторитаризма начались в середине 1960-х годов, когда Республиканская партия стала превращаться в партию «закона и порядка» и «традиционных ценностей». В соответствии с так называемой южной стратегией партия выступала против гражданских прав, чтобы привлечь недовольных белых избирателей.

Начиная с 1970-х годов по большинству социальных проблем, по которым демократическая партия занимала либеральные позиции, привлекавшие избирателей — таким как расовые проблемы, национальная безопасность, преступность, гражданские права, однополые браки, терроризм, иммиграция, — Республиканская партия все более представляла правые авторитарные позиции, чтобы привлечь избирателей, не согласных с либеральным подходом демократов.

В то же время все чаще партии и их лидеры отличались друг от друга не просто подходами к решению важных проблем, а взглядами на жизнь и управление страной. Некоторые республиканские лидеры нащупывали тягу избирателей к авторитаризму, другие — нет. Например, элита Республиканской партии уже три десятилетия стремится усилить свой электорат за счет растущего латиноамериканского населения, для чего они выступают за иммиграционную реформу, в то время как авторитаристы хотят более жесткой политики в отношении иммигрантов. Наиболее активных авторитаристов мало интересовало снижение налогов, которого упорно добивались республиканские политики.

Явным этот слой электората сделало рождение в 2009 г. «Движения чаепития»¹⁰, названного так по аналогии с «Бостонским чаепитием» во времена Американской революции. Тогда был протест против налогового давления на колонии британской метрополией, ныне это был протест против либерального государства, обирающего работающих тружеников и раздающего деньги «бездельникам» и «иждивенцам».

Эти настроения усилило выступление на конференции в Чикагской товарной бирже телеобозревателя Р. Сантелли о том, что программы Б. Обамы — это «субсидирование лузеров, вознаграждение не тех, кто носит воду, а тех, кто ее выпивает». «Сколько из нас хотят выплачивать ипотечные ссуды за наших соседей, у которых в доме есть второй туалет, но нет денег, чтобы платить по счетам»¹¹. Сантелли предрек создание в Чикаго «Движения чаепития». Его призыв тут же подхватили правые медиаканалы, был создан специальный сайт, а вскоре — и тысячи региональных отделений.

Борьба против «субсидирования лузеров», «тех, кто выпивает воду, а не тех, кто ее носит», означала массовое неприятие самой концепции «социального государства», социальных реформ Ф. Рузвельта, либеральных программ «великого общества» и новых социальных программ Б. Обамы. Последний в этом ряду получил больше всего упреков: «Обама слишком благодетелен за счет других людей», 92 % сторонников «Движения чаепития», по данным опроса «Нью-Йорк

¹⁰ McGrath B. The Movement. The Rise of Tea Party Activism // The New Yorker. 2010. February 1. URL: <https://www.newyorker.com/magazine/2010/02/01/the-movement> (дата обращения: 22.04.2021).

¹¹ Ibidem.

Таймс-Си-Би-Эс»¹², считали, что «Обама ведет Америку к социализму». В целом его сторонники выступают против обеспечения государством общественного равенства и перераспределения благ сверху.

Американские правые и правые авторитаристы — всегда расисты. В США легко найти аут-группу, она всегда на виду — «черные». Но в «Движении чаепития» в изобилии представлены и другие расистские и националистические этнофобии — ненависть к азиатам, антисемитизм, исламофобия, неприятие иммигрантов вообще. Важным объектом нападок партии стал Б. Обама: мало того, что либерал, так еще и небелый. Неудивительно, что 95 % сторонников «Движения чаепития» — белые.

«Движение чаепития» взбудоражило массовое недовольство властью, истеблишментом, в апреле 2009 г. на улицы вышли тысячные толпы. На промежуточных выборах 2010 г. 41 % избирателей-республиканцев поддерживали «Движение чаепития», их голоса привели к потере демократами — сторонниками Обамы 63 мест в Палате представителей, 6 постов губернаторов — и это после победы Обамы на президентских выборах за два года до этого.

В соответствии с американским избирательным законодательством, «Движение чаепития» не было партией. Тем не менее оно стало мощным популистским течением, в тот момент питавшим поддержкой наиболее право-консервативных лидеров Республиканской партии. Им не хватало яркого авторитарного лидера — через несколько лет он появился.

Дональд Трамп понял и использовал все сантименты и лозунги сторонников «Движения чаепития», так же как и других право-радикальных групп и течений. Социологические исследования показали, что сторонников таких движений миллионы, по результатам последних выборов, избирателей Трампа — 75 млн.

Накануне выборов 2020 г.

В исследовании авторитаризма 2019 г., указанном выше, Дж. Дин и Б. Альтемейер [Dean, Altemeyer, 2020] опирались в основном на шкалу «правого авторитаризма» (RWA) Альтемейера. Она измеряет согласие или несогласие респондентов с 20 утверждениями, такими как:

— «Наша страна отчаянно нуждается в могущественном лидере, который сделает то, что должно быть сделано, чтобы уничтожить радикально новые пути и греховность, которые губят нас»;

— «Всегда лучше доверять суждению соответствующих властей в правительстве и религии, чем слушать шумных подстрекателей в нашем обществе, которые пытаются посеять сомнения в умах людей».

Для каждого утверждения респондент мог выбрать ответ по шкале от 1 (полное несогласие) до 9 (полное согласие). Итоговый балл по опросу из 20 вопросов колеблется от 20 (общая оппозиция авторитаризму) до 180 (общая поддержка).

Авторы заручились помощью Института опросов Монмутского университета, чтобы задать эти вопросы 990 американским избирателям осенью 2019 г. Они предложили участникам ответить на вопросы по шкале RWA, а также на некоторые

¹² The New York Times-CBS News Poll. National Survey of Tea Party Supporters. April 5—12, 2010. URL: <https://www.nytimes.com/interactive/projects/documents/new-york-times-cbs-news-poll-national-survey-of-tea-party-supporters> (дата обращения: 22.04.2021).

показатели авторитарных убеждений и предубеждений по отношению к группам меньшинств.

При организации этого исследования директор Института опросов Монмутского университета Патрик Меррей [Murray, 2020a] исходил из представлений Альтемейера, что традиционные религиозные ценности в большой мере пронизаны авторитаризмом, преклонением перед сакральным авторитетом и связаны со светскими авторитарными оценками. Тем не менее он решил проверить эту близость, выделив религиозные ценности в отдельную анкету, и затем сравнить полученные ответы. Вопросы о сексуальной морали были выделены в отдельную анкету.

Таким образом получилась анкета, в которую были добавлены два вопроса о приверженности к сильному лидеру:

1. Наша страна отчаянно нуждается в могущественном лидере, который сделает то, что должно быть сделано, чтобы уничтожить радикальные новые пути и греховность, которые губят нас.
2. Всегда лучше доверять суждениям соответствующих авторитетов в правительстве и религии, чем слушать шумных подстрекателей толпы в нашем обществе, которые пытаются посеять сомнения в умах людей.
3. Единственный способ, которым наша страна может преодолеть грядущий кризис, — это вернуться к традиционным ценностям, поставить у власти некоторых жестких лидеров и заставить замолчать смутьянов.
4. Наша страна нуждается в свободомыслящих людях, которые имеют мужество бросить вызов традиционным путям, даже если это расстраивает многих людей.
5. «Старомодный образ жизни» и «старомодные ценности» все еще показывают лучший способ жить.
6. Что действительно нужно нашей стране, так это сильный, решительный лидер, который сокрушит зло и вернет нас на наш истинный путь.
7. Наша страна будет великой, если мы будем чтить пути наших предков, делать то, что нам говорят власти, и избавимся от «гнилых яблок», которые все разрушают.
8. Нет «единственного правильного пути», как прожить жизнь; каждый должен создать свой собственный путь.
9. Эта страна работала бы намного лучше, если бы определенные группы нарушителей порядка просто заткнулись и заняли традиционное место своей группы в обществе.
10. Как только лидеры нашего правительства и власти осудят опасные элементы в нашем обществе, долг каждого патриотически настроенного гражданина будет заключаться в том, чтобы помочь искоренить гниль, отравляющую нашу страну изнутри.
11. Для лидера важнее уметь пробуждать глубинные чувства простого человека, чем предлагать хорошо аргументированные положения.

В исследование также была включена шкала ориентации на социальное доминирование — Social Dominance Orientation (SDO), которая выявляет предпочтения поддерживания иерархии в обществе:

1. Некоторые группы людей должны оставаться на своих местах в обществе.
2. Вероятно, хорошо, что некоторые группы находятся наверху, а другие — внизу.
3. Идеальное общество требует, чтобы некоторые группы были на вершине общества, а другие — на дне.
4. Некоторые группы людей просто уступают другим группам.
5. Группы, находящиеся внизу, заслуживают всего того же, что и группы наверху.
6. Ни одна группа не должна доминировать в обществе.
7. Группы внизу не должны всегда оставаться внизу.
8. Групповое доминирование — плохой принцип.
9. Не следует стремиться к равенству групп.
10. Мы не должны стремиться гарантировать, что каждая группа будет иметь одинаковое качество жизни.
11. Несправедливо делать группы равными.
12. Равенство групп не должно быть нашей главной целью.
13. Мы должны работать, чтобы дать всем группам равные шансы на успех.
14. Надо сделать все возможное, чтобы уравнивать условия для разных групп.
15. Независимо от того, сколько усилий это потребует, мы должны стремиться к тому, чтобы все группы имели равные шансы в жизни.
16. Равенство групп должно быть нашим идеалом.

Исследование выявило отчетливую линейную связь между поддержкой Д. Трампа и авторитарным мышлением: чем больше люди набирали баллов по шкале RWA, тем сильнее они поддерживали Трампа. Люди, заявляющие, что они сильно не одобряют деятельность Трампа, имели средний балл RWA 54. Те, кто указывал на полную поддержку президента, имели средний балл 119.

В таблице 1 показана корреляция поддержки, одобрения Трампа и степень авторитарности избирателей. Как отмечалось выше, по указанным шкалам степень согласия с оценками варьируется от 1 до 9 баллов, соответственно, самый низкий уровень авторитаризма может составить 20 баллов, а самый высокий — 180.

Таблица 1. Степень одобрения деятельности Трампа и баллы по шкале RWA.

	Полностью одобряю	Частично одобряю	Частично не одобряю	Совсем не одобряю
Шкала RWA — 20 пунктов	54	82	101	119
Шкала RWA — 11 пунктов	56	79	96	113
Шкала SDO (подсчитана по баллам RWA)	45	70	81	90

Источник: [Murray, 2020a].

В исследовании отмечается, что не все сторонники Трампа отличаются максимальным авторитаризмом взглядов, некоторые поддерживают его позиции по отдельным важным проблемам (например, иммиграция, расизм, владение

оружием и т. п.) или исходят из образования, возраста и др. Тем не менее вот как различается степень авторитарности среди различных групп республиканцев (см. табл. 2).

Таблица 2. **Оценки по шкалам RWA и SDO среди избирателей- республиканцев (в баллах)**

	Баллы по шкале RWA	Баллы по шкале SDO
Все республиканцы и близкие к республиканцам	112	86
Мужчины	113	88
Женщины	111	83
Возраст 18—44	95	82
Возраст 45—64	110	90
Возраст 65+	118	84
Средняя школа или меньше	120	89
Несколько лет колледжа	120	86
4-летний коллдж	108	86
Выше колледжа	102	84
Белые	112	87
Небелые	109	83

Источник: [Murray, 2020b].

Максимальная поддержка у Трампа была в группе людей, у которых высокие баллы и по шкале авторитаризма правого крыла, и по шкале социального доминирования. Среди тех, кто полностью одобрял деятельность Трампа, таких было 32 %.

Один вопрос в исследовании, которое проводилось в октябре 2019 г., не только дал пищу для научного анализа, но и оказался прогностическим. Комментируя его результаты в августе 2020 г., задолго до вашингтонских событий января 2021 г. — штурма Капитолия сторонниками Трампа, П. Мерей пишет: «Я не большой поклонник гипотетических вопросов. Есть слишком много случаев, когда то, что люди думали, что они будут делать в данной ситуации, не совпадает с их действиями, когда они оказываются в реальной ситуации. Но эти результаты действительно показывают, что у Трампа есть реальная база избирателей с высоким уровнем RWA/SDO, которые могут выйти на бастионы за него, и другая группа избирателей с высоким уровнем RWA, которые молчаливо предложат свою поддержку. Вопрос в том, образуют ли эти две группы критическую массу в американской политике» [Murray, 2020a: 4]. Описанные выше события в Капитолии показывают, что «критическая масса» образовалась. Вот как был сформулирован этот вопрос (см. табл. 3).

Таблица 3. Согласие/несогласие с утверждением «Трамп должен продолжать оставаться на своем посту, несмотря на проигрыш, если он объявит, что выборы были фиксированными и результат поддельный»

Все избиратели	Высокие баллы по RWA&SDO	Высокие баллы только по RWA	Высокие баллы только по SDO	Средние баллы по RWA&SDO	Низкие баллы по RWA&SDO
Согласен	23%	19%	5%	5%	1%
Нейтральное отношение	24	15%	16%	10%	1%
Не согласен	53%	66%	79%	85%	98%

Источник: [Murray, 2020a].

Почти четверть участников опроса с «двойной» авторитарной ориентацией — по двум шкалам RWA и SDO — требовали, чтобы Трамп остался в Белом доме, несмотря на проигрыш, поскольку он заявил «не дадим украсть наши выборы». И эти люди были готовы применить силу в защиту «своего» президента, что показал штурм Капитолия 6 января 2021 г. Если бы руководители охраны Капитолия читали научные журналы, они бы поняли, что разговоры о растущем авторитаризме среди американского населения вполне могут вылиться в «народное восстание», если к этому призывает авторитарный президент, и подтянули бы к себе в помощь войска.

Опрос университета Куиннипиак (Quinnipiac University National Poll, 2021) после судебного процесса над Трампом в сенате показал, что республиканцы по-прежнему стоят стеной за своего поверженного лидера, неважно, что считает остальная Америка (таблицы 4, 5).

Таблица 4. Считаете ли Вы, что президент Трамп ответственен за побуждение к насильственным действиям по отношению к органам власти? (в %)

	Всего	Респ.	Дем.	Нез.	Муж.	Жен.	Кол. обр.	Без кол.	Белые.	Не-бел.
Да	54	11	96	52	45	62	66	36	47	68
Нет	43	89	4	41	52	34	33	61	51	27
Затр. ответить	4	—	—	6	3	4	1	3	2	5

Источник: Quinnipiac University National Poll. 2021. February 15. URL: <https://poll.qu.edu/national/release-detail?ReleaseID=3691> (дата обращения: 21.04.2021).

Таблица 5. (Если ответ «да» на предыдущий вопрос). Считаете ли Вы, что он должен быть привлечен к уголовной ответственности за побуждение к насильственным действиям по отношению к органам государственной власти? (в %)

	Всего	Респ.	Дем.	Не-завис.	Муж.	Жен.	Кол. обр.	Без кол.	Белые.	Не-бел.
Да	45	6	85	42	35	54	56	30	39	57
Нет	6	3	7	7	7	4	6	3	4	8
Не ответственен	43	89	4	41	52	34	33	61	51	27
Затр. ответить	7	2	4	9	6	7	5	5	5	8

Источник: Quinnipiac University National Poll. 2021. February 15. URL: <https://poll.qu.edu/national/release-detail?ReleaseID=3691> (дата обращения: 21.04.2021).

Даже на мягкую форму критики Трампа за его действия после выборов — «формальное осуждение действий президента сенатом» — согласились 44% всего населения и лишь 16% республиканцев при 75% демократов, поддержавших такое осуждение. По логике республиканцев, гнев Дональда Трампа был оправдан — даже если он призывал своих сторонников к насильственным действиям, — поскольку «он искренне полагал, что результаты выборов были сфальсифицированы». Так считают 84% республиканцев при 8% демократов и 42% всего населения в целом по стране.

Вся Америка и многие люди за границей следили за драматичным судом в сенате, который должен был выясниться голосованием, готов ли сенат вынести импичмент бывшему президенту Трампу; незадолго до этого Палата представителей, где большинство членов демократы, импичмент вынесла. Половина сената (50 человек) — республиканцы, из них для вынесения импичмента должны были проголосовать «за» 27 сенаторов. За импичмент выступили только семь республиканских сенаторов. Похожую картину показал и массовый опрос (см. табл. 6).

Таблица 6. **Вы поддерживаете или не поддерживаете осуждение бывшего президента Трампа в сенате? (в %)**

	Всего	Респ.	Дем.	Нез.	Муж.	Жен.	Кол. обр.	Без кол.	Белые.	Не-бел.
Да	51	9	92	50	42	59	63	35	45	63
Нет	44	89	6	44	53	37	34	62	52	30
Затр. ответить	5	1	3	6	5	5	3	3	3	7

Источник: Quinnipiac University National Poll. 2021. February 15. URL: <https://poll.qu.edu/national/release-detail?ReleaseID=3691> (дата обращения: 21.04.2021).

Если сенат не осудил Трампа, то республиканцы не видят, почему он не может продолжать играть важную роль в Республиканской партии: 75% хотели бы, чтобы он играл важную роль, лишь 21% не хотели бы этого. Среди демократов соотношение 3%: 96%, среди населения в целом — 34%: 60%. Еще больше республиканцев выступают за то, чтобы Трамп в будущем мог избираться на выборную должность — 87%: 11%, категорически против демократы — 6%: 93%, хотя среди всего населения почти половина (43%: 55%) готова увидеть Трампа в списках кандидатов на выборах¹³.

Трампизм остается

С уходом Трампа из Белого дома не ушли из политики многие его сторонники. Более того, штурм Капитолия сторонниками Трампа и процесс над ним с попытками импичмента показали, что большинство членов Республиканской партии по-прежнему поддерживают его и его сторонников — правых экстремистов и готовы снова видеть его на высоких государственных постах. Помимо этого, авторитарные настроения по-прежнему широко распространены в американском массовом сознании.

¹³ Quinnipiac University National Poll. 2021. February 15. URL: <https://poll.qu.edu/national/release-detail?ReleaseID=3691> (дата обращения: 21.04.2021).

П. Норрис подчеркивает, что проблема заключается в самой электоральной базе Республиканской партии: за последние десятилетия заметно ослабли основы американской гражданской культуры — доверие к правительству, доверие к политической системе и поддержка демократии. В 1995 г. 25 % американцев в опросе ответили, что «хорошая идея — иметь сильного лидера, которому не нужно беспокоиться о парламенте и выборах». К 2017 г. таких стало 38 %. «Таким образом, Трамп бросил зажатую спичку в лужу бензина, когда заявил, что Байден украл выборы»¹⁴.

Как отмечено выше, распространены и более категоричные оценки расцвета крайне правых взглядов среди населения страны. «Американская демократия продемонстрировала — с трудом, — что можно свергнуть фашистского лидера, — пишет обозреватель Р. Катнер, — но труднее вытеснить фашистское население, когда фашизм живет в сердцах слишком многих людей»¹⁵.

Все больше данных о том, что в обществе растут социальные противоречия между разными «американцами», — по принципу расы, этничности, социального положения, дохода, образования, возраста, географии проживания. Многие аналитики в прессе считают, что различия между частями, слоями общества столь велики, что спасти страну от гражданской войны может только разделение на два государства, как в XIX веке, на «Север» и «Юг», или «Конфедеративные штаты» и «Соединенные штаты». Сейчас речь идет о штатах, в основном поддержавших Трампа, и тех, которые в основном выступают за Байдена, то есть «республиканские» штаты против «демократических», «красные» против «синих».

Заключение

Исследования авторитаризма в США показывают, что авторитарные тенденции в массовых настроениях, и ценностях и взглядах американцев, стиле управления и характере американских политиков существовали всегда. Сама история американской нации заложила предпосылки к этому. Красивая идея «плавильного котла», сплавливающего в единую нацию иммигрантов, отверженных из разных стран, разных рас и национальностей, безусловно, привлекала и привлекает людей всего мира. Но в ней с самого начала был заложен подрывной заряд — рабство и расизм. «Плавильный котел» успешно сплавлял ирландцев, сицилийских итальянцев, российских евреев, китайцев, малайцев, молокан и меннонитов, но он не смог «растворить» в единой американской нации африканскую кровь. Расизм, или иначе, «белый супрематизм», продолжает существовать и служит питательной почвой авторитаризма. Как было показано выше, авторитаризму нужен «образ врага», чтобы объяснить проблемы и угрозы в жизни, нужны «черные», «желтые», евреи, «пришельцы». Если в России евреи периодически назначались аут-группой, виновниками всех бед, а временами антисемитизм становился малозаметным, почти отсутствовал, то в США «белый супрематизм» был постоянной питающей средой авторитаристски настроенных групп.

¹⁴ Norris P. It Happened in America. Democratic Backsliding Shouldn't Have Come as a Surprise // Foreign Affairs. 2021. January 7. URL: <https://www.foreignaffairs.com/articles/united-states/2021-01-07/it-happened-america> (дата обращения: 22.04.2021).

¹⁵ Kuttner R. When Trump's Gone, Will Fascism Live On? // The American Prospect. 2021. January 8. URL: <https://prospect.org/blogs/tap/when-trumps-gone-will-fascism-live-on/> (дата обращения: 22.04.2021).

В последние два десятилетия к этому «классическому» расизму прибавилась ксенофобия. В Америке всегда была тенденция рассматривать каждую новую волну иммигрантов как людей «второго сорта» — «мы коренные жители, а они приезжие». Через это прошли все этнические волны — ирландцы, шведы, немцы, поляки, русские евреи. Потом эти «новички» становились «старожилами» и относились к вновь прибывающим с тем же высокомерием или отторжением.

Первые два века американской республики «плавильный котел», состоял в своем большинстве из многих этнических групп, указанных выше, но основную «сплавляющую» роль, или «ядро конденсации», играли белые англо-саксонские протестанты, которые в послевоенное время стали называться WASP. Эта культура Америки переплавляла все прибывавшие этнические, религиозные, культурные группы и их отличия. С недавнего времени ситуация шаг за шагом меняется. Через десять-пятнадцать лет американский «плавильный котел» будет уже в своей массе не белым, не англо-саксонским и не протестантским. Это демографическая статистика, но ее чувствует большинство американцев, особенно правых взглядов.

Изменения будут действительно радикальными: если в прошлом веке типичный «американец» во всем мире представлялся как англоговорящий с американским акцентом, белый массивного телосложения, то скоро этот образ кардинально изменится. По крайней мере, в Европе типичный американец скоро будет похож на «типичного бразильца», по крайней мере, по смуглости кожи.

В целом аргументы о растущей поляризации политических сил и движений, разделении социальных слоев и групп и факторах, питающих эту поляризацию, вполне обоснованны. Однако в них имеется существенный дисбаланс. Социалистические идеи в Америке имеют тенденцию к росту, во всяком случае, в массовом сознании и белых, и черных растет чувство несправедливости социального устройства страны, несправедливого распределения национального богатства, доходов между гражданами.

В то же время за последние годы резко выросло движение небелого населения за свои права. Это совпало во времени с политическими дискуссиями последней избирательной кампании.

Третья главная проблема, разделяющая страты американского общества, это проблема иммигрантов. Численность приезжих скоро превысит количество «коренных» жителей (насколько условным это понятие ни было бы для иммигрантской страны), и это неизбежно питает авторитарные тенденции.

Как показали социологические исследования последних лет, начиная с выборов 2016 г. у Трампа сформировалась обширная база, в основном среди представителей Республиканской партии, готовая во всем поддерживать его, разделяющая его авторитарные взгляды. Многие считают, что это уже не республиканцы, это третья партия — «авторитаристы Трампа», и с ними в том или ином электоральном качестве придется иметь дело демократам Дж. Байдена следующие четыре года.

Список литературы (References)

Adorno T. W., Frenkel-Brunswick E., Levinson D. J., Sanford R. N. (1950) *The Authoritarian Personality*. New York; London: Harper & Row.

Altemeyer R. (2007) *The Authoritarians*. Manitoba: University of Manitoba.

Bartels L. M. (2020) Ethnic Antagonism Erodes Republicans' Commitment to Democracy. *PNAS*. Vol. 117. No. 37. P. 22752—22759. <https://doi.org/10.1073/pnas.2007747117>.

Dean J. W., Altemeyer B. (2020) *Authoritarian Nightmare: Trump and His Followers*. N.Y.: Melville House.

Feldman S., Stenner K. (1997) Perceived Threat and Authoritarianism. *Political Psychology*. Vol. 18. No. 4. P. 741—770.

Feldman S. (2020) Authoritarianism, Threat, and Intolerance. In: Borgida E., Federico Ch.M., Miller J. M. (eds.) *At the Forefront of Political Psychology*. New York: Routledge. DOI: <https://www.doi.org/10.4324/9780429351549-4>.

Hetherington M. J., Weiler J. D. (2009) *Authoritarianism and Polarization in American Politics*. Cambridge: Cambridge University Press.

Murray P. (2020a) Authoritarian Tendencies in the American Electorate (Part 1). URL: <https://www.monmouth.edu/polling-institute/2020/08/25/authoritarian-tendencies-in-the-american-electorate-part-1/> (дата обращения: 21.04.2021).

Murray P. (2020b) Authoritarian Tendencies in the American Electorate (Part 2). URL: <https://www.monmouth.edu/polling-institute/2020/08/25/authoritarianism-among-pro-and-anti-trump-voters-part-2/> (дата обращения: 21.04.2021).

МОНИТОРИНГ МНЕНИЙ

Правильная ссылка на статью:

Мониторинг мнений (ВЦИОМ): март — апрель 2021 // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2021. № 2. С. 255—272.

For citation:

Public Opinion Poll (VCIOM): March — April 2021. (2021) *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 2. P. 255–272.

МОНИТОРИНГ МНЕНИЙ: МАРТ — АПРЕЛЬ 2021

Результаты ежедневных опросов «ВЦИОМ—Спутник». Метод опроса — телефонное интервью по стратифицированной двухосновной случайной выборке стационарных и мобильных номеров объемом 1600 респондентов в возрасте от 18 лет. Выборка построена на основе полного списка телефонных номеров, задействованных на территории РФ. Данные взвешены на вероятность отбора и по социально-демографическим параметрам. Максимальный размер ошибки с вероятностью 95 % не превышает 2,5%. Помимо ошибки выборки, смещение в данные опросов могут вносить формулировки вопросов и различные обстоятельства, возникающие в ходе полевых работ.

СОДЕРЖАНИЕ ДАЙДЖЕСТА

ПОЛИТИКА

КРЫМ: 7 ЛЕТ С РОССИЕЙ.....256

РЕЙТИНГИ ИНСТИТУТОВ ВЛАСТИ..... 259

СОЦИАЛЬНЫЕ И ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ

СОЦИАЛЬНЫЕ СЕТИ И ЦЕНЗУРА: ЗА И ПРОТИВ 261

ИНДЕКС СЧАСТЬЯ — 2021..... 263

КАК И СКОЛЬКО МЫ ПЛАТИМ НАЛОГОВ.....265

ОБРАЗ ЖИЗНИ

МАСЛЕНИЦА, ПРИМЕТЫ И СУЕВЕРИЯ 267

ВЕЛИКИЙ ПОСТ — 2021..... 269

ТЕАТР И ТЕАТРАЛЫ ПОСЛЕ ПАНДЕМИИ 271

ПОЛИТИКА

КРЫМ: 7 ЛЕТ С РОССИЕЙ.....	256
РЕЙТИНГИ ИНСТИТУТОВ ВЛАСТИ	259

КРЫМ: 7 ЛЕТ С РОССИЕЙ

10 марта 2021 г.

Чувства, которые переживают большинство россиян от вхождения Крыма и Севастополя в состав России, — это гордость (48 %) и восхищение (15 %). Негативные эмоции испытывают лишь 7 %: осуждение — 4 % и разочарование — 3 %. Примерно четвертая часть наших соотечественников индифферентна к этому событию: никаких эмоций от вхождения полуострова в состав РФ не испытывают 27 % респондентов. Абсолютное большинство граждан страны уверены, что Россия поступила правильно, приняв Крым в свой состав (86 %). Обратного мнения придерживается каждый десятый опрошенный (10 %). Основные причины, по которым респонденты считают это решение правильным, следующие: Крым — исконно русская земля, «наш» — 47 %; это волеизъявление крымчан (8 %); связано с братским народом и защитой национальных интересов (7 %); способствует восстановлению исторической справедливости (6 %). Крым и Севастополь играют ключевую роль в обеспечении обороноспособности страны — с этим утверждением согласны 77 % россиян, готовы поспорить с ними — 17 %. В ближайшее время Крым может стать курортом мирового уровня, по мнению 62 % наших соотечественников, не согласны с ними — 33 % респондентов.

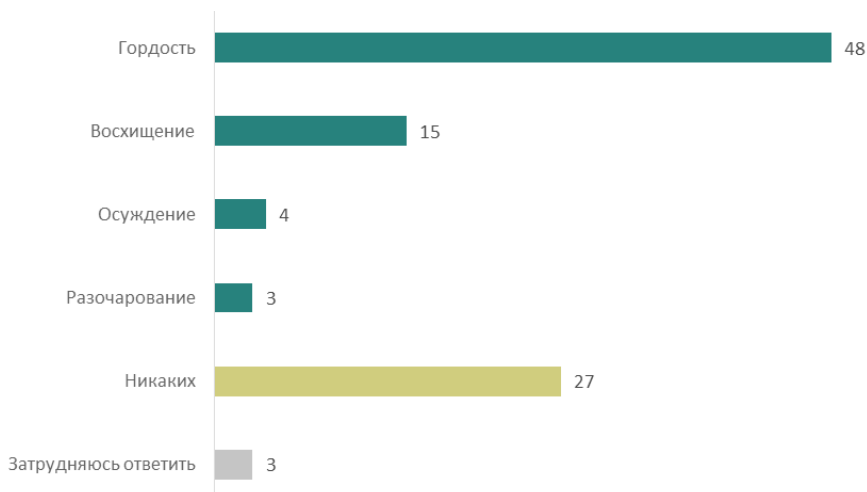

Рис. 1. В марте 2014 г. в Крыму и городе Севастополе состоялся референдум, в ходе которого было принято решение о вхождении Крыма и Севастополя в состав России. Какие чувства Вы испытываете, когда слышите о воссоединении Крыма с Россией? (закрытый вопрос, один ответ, в % от опрошенных)

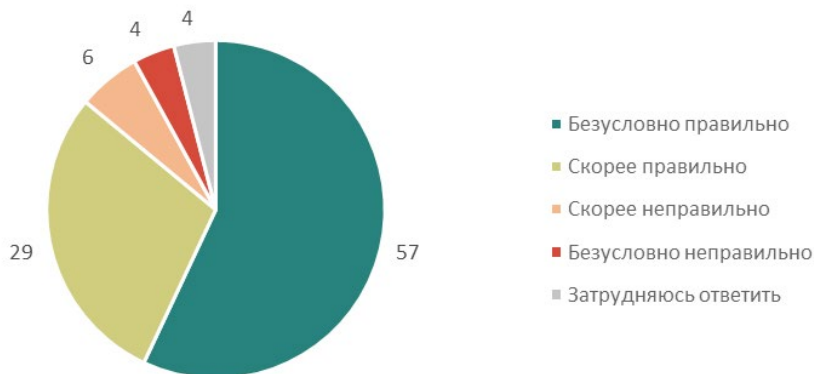

Рис. 2. Как Вы считаете, Россия правильно поступила, приняв Крым в состав Российской Федерации, или нет? (закрытый вопрос, один ответ, в % от опрошенных)

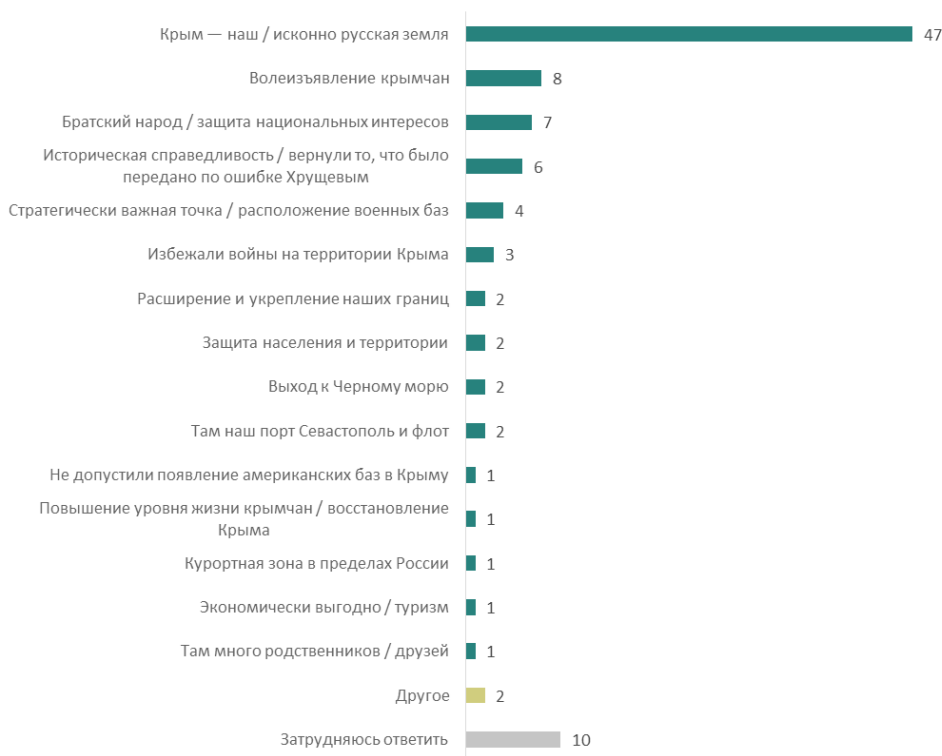

Рис. 3. Почему Вы считаете, что Россия правильно поступила, приняв Крым в состав России? (в % от тех, кто считает, что Россия поступила правильно, открытый вопрос, один ответ)

Рис. 4. Я зачитаю несколько утверждений относительно Крыма, города Севастополя, а Вы скажите, Вы согласны с ними или нет. Крым и Севастополь играют ключевую роль в обеспечении обороноспособности страны (закрытый вопрос, один ответ, в % от опрошенных)

Рис. 5. Я зачитаю несколько утверждений относительно Крыма, города Севастополя, а Вы скажите, Вы согласны с ними или нет. В ближайшее время Крым может стать курортом мирового уровня (закрытый вопрос, один ответ, в % от опрошенных)

РЕЙТИНГИ ИНСТИТУТОВ ВЛАСТИ

Апрель 2021 г.

Показатель одобрения деятельности президента РФ составил на конец апреля 63%. О доверии В. Путину заявили примерно 66% россиян. Оценки одобрения работы премьер-министра и Правительства России в середине второго весеннего месяца составили около 42% и 35% соответственно. «Единую Россию» на сегодняшний день поддерживает 29% наших соотечественников, КПРФ — 13%, ЛДПР — 10% и партию «Справедливая Россия — Патриоты — За правду» — 8% респондентов.

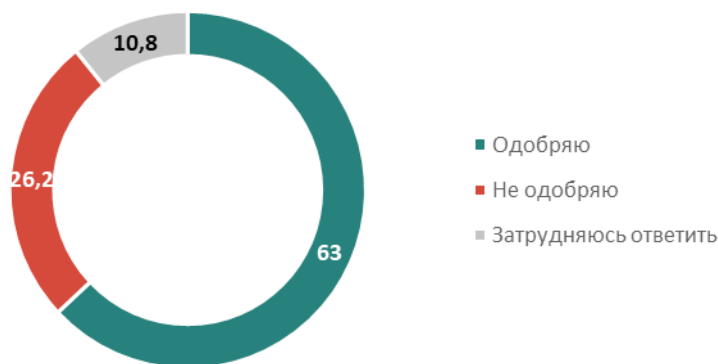

Рис. 6. Вы в целом одобряете или не одобряете деятельность президента России Владимира Путина? (в % от всех респондентов)¹

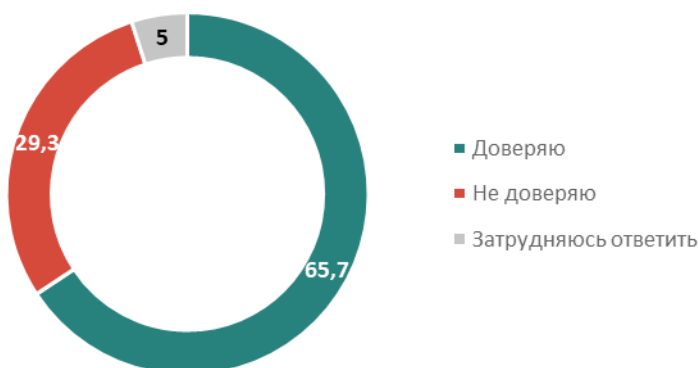

Рис. 7. Скажите, пожалуйста, Вы доверяете или не доверяете Владимиру Путину? (в % от всех респондентов)²

¹ Данные за 22 апреля.

² Данные за 22 апреля.

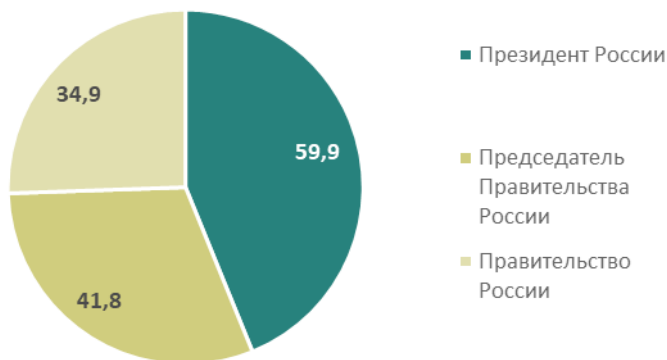

Рис. 8. Одобрение по вопросу «Вы в целом одобряете или не одобряете деятельность...?» (в % от всех респондентов)³

Рис. 9. Скажите, пожалуйста, если бы в ближайшее воскресенье состоялись выборы в Государственную Думу Российской Федерации, за какую из следующих партий Вы бы, скорее всего, проголосовали? (в % от всех респондентов)⁴

³ Данные за 12—18 апреля.

⁴ Данные за 12—18 апреля.

СОЦИАЛЬНЫЕ И ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ

СОЦИАЛЬНЫЕ СЕТИ И ЦЕНЗУРА: ЗА И ПРОТИВ	261
ИНДЕКС СЧАСТЬЯ — 2021	263
КАК И СКОЛЬКО МЫ ПЛАТИМ НАЛОГОВ.....	265

СОЦИАЛЬНЫЕ СЕТИ И ЦЕНЗУРА: ЗА И ПРОТИВ

11 марта 2021 г.

Большинство россиян пользуются различными социальными сетями и мессенджерами: WhatsApp (70 %, чаще в возрасте 25—44 лет — 77 %), «ВКонтакте» (50 %, чаще молодежь 18—25 лет — 72—74 %), смотрят YouTube (40 %, среди 18—24 лет — 56 %), заходят в Instagram (38 %) и «Одноклассники» (37 %). Необходимость блокировки недостоверной информации в интернете поддерживают 51 % опрошенных, и 10 % считают, что блокировать такую информацию не нужно. Почти половина наших соотечественников затруднились оценить действия со стороны государства по контролю за достоверностью информации в интернете (48 %). Одобрят их 29 % опрошенных, не одобряют — 19 %. Половина россиян считают недопустимой блокировку аккаунтов или личных страниц пользователей в социальных сетях (51 %), расценивая подобные действия как цензуру (49 %).

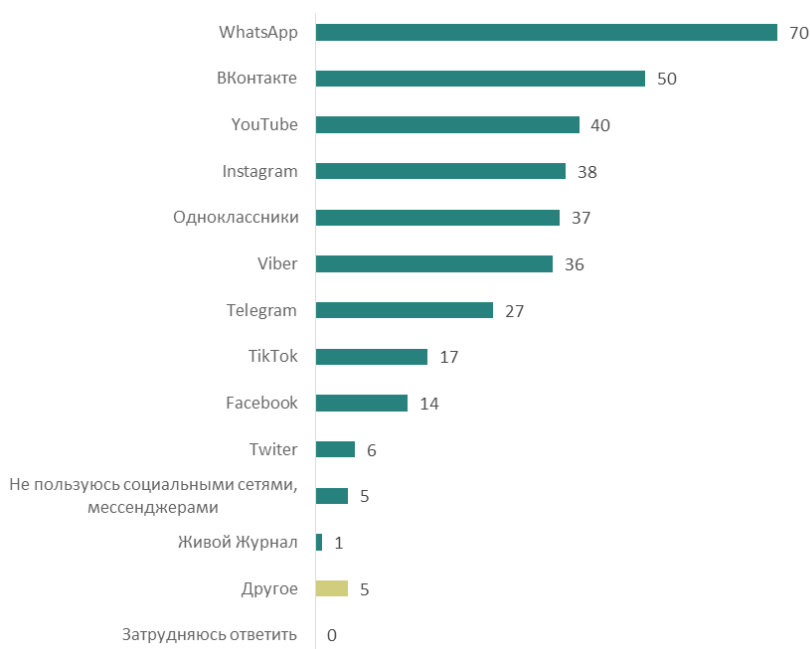

Рис. 1. Скажите, пожалуйста, Вы пользуетесь или не пользуетесь следующими социальными сетями, мессенджерами? Если пользуетесь, то какими именно? Назовите, пожалуйста, все соцсети, мессенджеры, которыми Вы пользуетесь (закрытый вопрос, любое число ответов, % от тех, кто пользуется интернетом)

Рис. 2. По Вашему мнению, нужно или не нужно ограничивать распространение недостоверной информации в интернете, социальных сетях? Если да, то в какой мере? (закрытый вопрос, один ответ, % от всех опрошенных)

Рис. 3. Вы скорее одобряете или не одобряете действия государства по контролю за достоверностью информации в интернете, социальных сетях, борьбе с ложной информацией? Если Вы ничего не знаете об этом, то так и скажите (закрытый вопрос, один ответ, % от всех опрошенных)

ИНДЕКС СЧАСТЬЯ — 2021*13 марта 2021 г.*

Большинство россиян чувствуют себя в целом в той или иной мере счастливыми — 80 %, при этом более трети выражают полную уверенность в этом (36 %). В большей степени оптимистично настроены россияне с хорошим достатком (93 %), а также респонденты с высшим полным или неполным образованием (85 %). Несчастливы 16 % наших соотечественников. Несмотря на весеннее настроение, индекс счастья немного опустился за полгода и составил 64 п. Чаще счастливы те, у кого есть семья, благополучие в доме (26 %). Также заявляют о своем счастье те, кто здоров и чьи близкие здоровы (25 %). Чувствуют себя счастливыми россияне, у которых есть дети (21 %) и хорошая работа (17 %). Играет свою роль и общая удовлетворенность жизнью (12 %). Поводы для несчастья носят преимущественно экономический характер: плохое положение дел в стране (10 %), общая нехватка материальных средств (9 %), низкий уровень заработной платы и задержки в ее выплатах (6 %), а также безработица, низкие пенсии, высокие цены и проблемы в семье (по 4 %).

*Рис. 4. В жизни бывает всякое — и хорошее, и плохое.
Но если говорить в целом, Вы счастливы или нет? (индекс⁵)*

⁵ Индекс счастья — показывает, насколько счастливыми чувствуют себя россияне. Индекс строится на основе вопроса: «В жизни бывает всякое и хорошее, и плохое. Но, если говорить в целом, вы счастливы или нет?». Рассчитывается как разница суммы положительных ответов («определенно да», «скорее да») и отрицательных ответов («скорее нет», «определенно нет»). Индекс измеряется в пунктах и может колебаться в диапазоне от –100 до 100. Чем выше значение индекса, тем счастливее россияне себя ощущают.

Рис. 5. Если Вы ощущаете себя счастливым человеком, то скажите, пожалуйста, почему? (открытый вопрос, не более 5 ответов, %, представлен топ содержательных ответов)

КАК И СКОЛЬКО МЫ ПЛАТИМ НАЛОГОВ

2 марта 2021 г.

Половина россиян (51 %) платят подоходный налог (НДФЛ) через бухгалтерию своего предприятия/компании. Подают декларацию самостоятельно 8 % респондентов. Не платят подоходный налог 9 % наших сограждан, а у 31 %, по их словам, нет доходов, облагаемых НДФЛ. При этом нынешнюю ставку подоходного налога смогли назвать только 65 % опрошенных, а в возрастной группе 18—24 года — и вовсе 49 %. Если говорить о налогах на имущество, то за прошлый год россияне чаще всего платили за автомобиль (34 %), квартиру (31 %), земельный участок (27 %), дом/дачу (21 %) и гараж (6 %). Каждый пятый заявил об отсутствии имущества, подлежащего налогообложению (22 %), каждый десятый не платит, так как имеет льготы или по другим причинам (12 %). Каждый второй россиянин оценивает собственное налоговое бремя как достаточное (52 %), треть — как чрезмерное (36 %) и только 1 % считает его недостаточным. Наибольшая доля тех, кто считает свое налоговое бремя чрезмерным, зафиксирована в возрастной группе 25—34 года (каждый второй, 49 %), наименьшая — в группе 60+ (25 %).

Рис. 6. Поговорим о налоговой системе в России. Скажите, пожалуйста, как Вы лично платите подоходный налог? (закрытый вопрос, до 2 ответов, % от всех опрошенных)

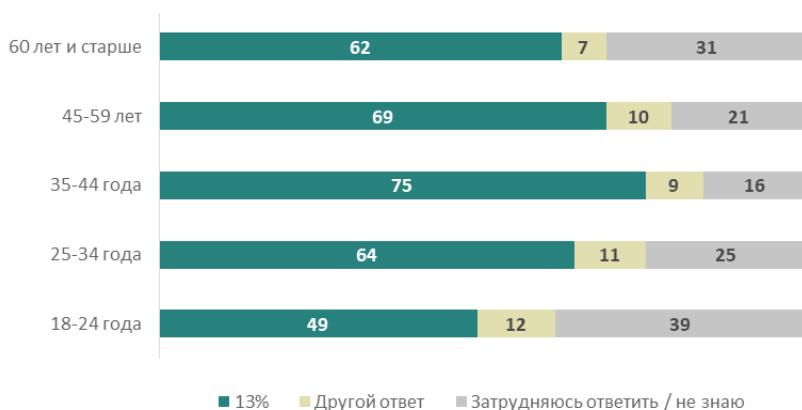

Рис. 7. Знаете ли Вы, сколько сейчас процентов составляет подоходный налог для граждан? Если знаете, пожалуйста, скажите, сколько процентов (открытый вопрос, один ответ, % от всех опрошенных)

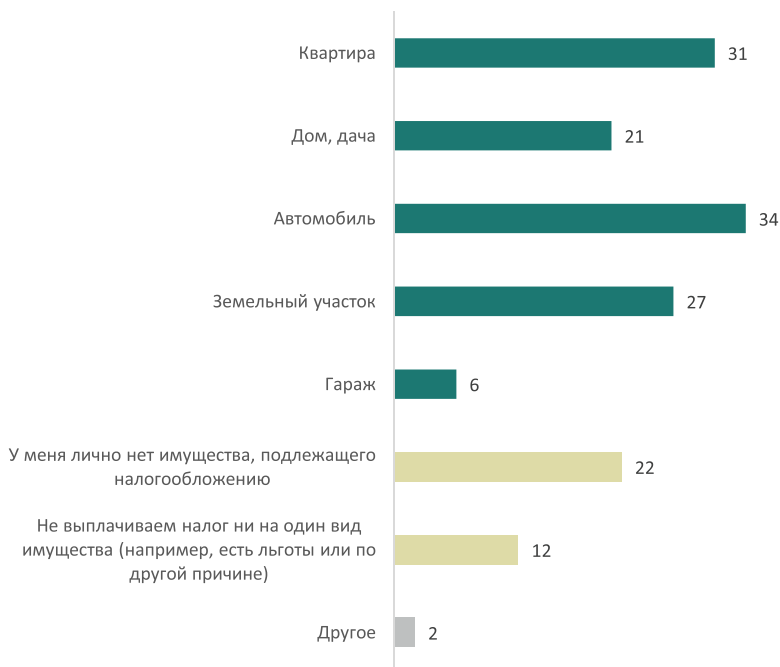

Рис. 8. Скажите, пожалуйста, в прошлом, 2020-м году, Вам лично приходилось выплачивать налог на следующие виды имущества или нет? (закрытый вопрос, любое число ответов, % от всех опрошенных)

ОБРАЗ ЖИЗНИ

МАСЛЕНИЦА, ПРИМЕТЫ И СУЕВЕРИЯ	267
ВЕЛИКИЙ ПОСТ — 2021.....	269
ТЕАТР И ТЕАТРАЛЫ ПОСЛЕ ПАНДЕМИИ.....	271

МАСЛЕНИЦА, ПРИМЕТЫ И СУЕВЕРИЯ

5 марта 2021 г.

Среди обрядов и ритуалов масленичные празднования (блинная неделя, сжигание чучела) находятся на втором месте по популярности у россиян: их соблюдают 53% респондентов, чаще в возрасте 45+ лет (58—59%). На первом месте — традиция украшать дома зеленой елью на Новый год и Рождество (67%), а на третьем — посещение святых мест и лечение святой водой (40%). Для большинства наших соотечественников, соблюдающих какие-либо обряды, важно передать традиции своим детям, внукам — 83%, чаще об этом сообщают 45—59-летние (88%). Для половины россиян Масленица — скорее этнокультурное событие (50%), чаще так отвечают люди старше 60 лет (56%) и жители сел (56%). Языческим обрядом считают Масленицу 23% опрошенных, чаще 18—35-летние россияне (27%) и жители столиц и городов-миллионников (26%). Относятся к Масленице как к обычному празднику 13% респондентов. Россияне не только соблюдают обряды празднования, но и придерживаются различных суеверий. Самые популярные из них: сидеть «на дорожку» перед дальней дорогой (42%), посмотреть в зеркало, если пришлось вернуться за забытой вещью (41%), стучать по дереву (34%). Плюют через левое плечо 26%, не выносят мусор из дома после заката 22%, носят с собой талисман 13%, трут памятники «на удачу» — 10%. Не верят ни в какие приметы 29% россиян.

Рис. 1. Скажите, пожалуйста, какие из перечисленных обрядов или ритуалов Вы лично соблюдаете/соблюдали в соответствующих ситуациях? (закрытый вопрос, любое число ответов, % от всех опрошенных)

Рис. 2. Есть ли приметы или суеверия, которые Вы всегда стараетесь соблюдать? (закрытый вопрос, любое число ответов, % от всех опрошенных)

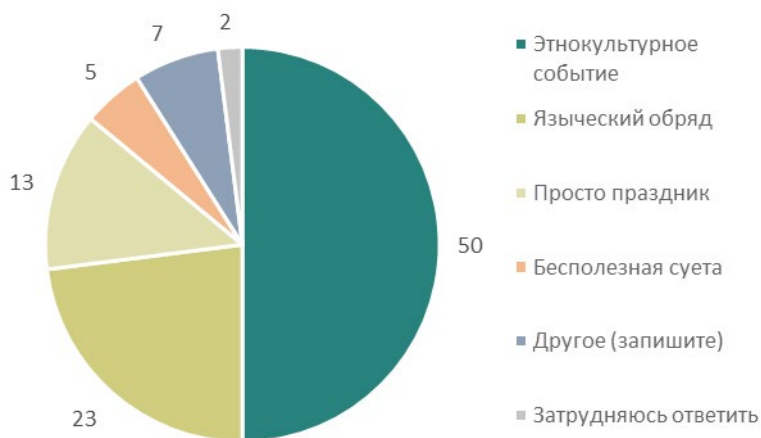

Рис. 3. Скоро начинается масленичная неделя. Как Вы считаете, какое из следующих определений лучше всего описывает, чем лично для Вас является Масленица? (закрытый вопрос, один ответ, % от всех опрошенных)

ВЕЛИКИЙ ПОСТ — 2021

5 марта 2021 г.

Православную веру исповедуют 66 % россиян, чаще в возрасте 35—59 лет (70—71 %) и старше 60 лет (75 %). Православные посты соблюдают четверть россиян (29%), из них 16% — некоторые из постов, но не все, а 11% — только Великий православный пост. Женщины чаще соблюдают посты, чем мужчины (33% vs 23%), также соблюдение постов чаще распространено среди россиян в возрасте 45+ (33—34%). Обычно во время Великого поста наши соотечественники окрашивают яйца на Пасху (57%), также они отказываются от употребления алкоголя (21%), от дурных мыслей (19%) и подают милостыню (19%). Многие перестают использовать нецензурную лексику (18%), посещают церковные службы (17%), отказываются от жирной и животной пищи (по 16%).

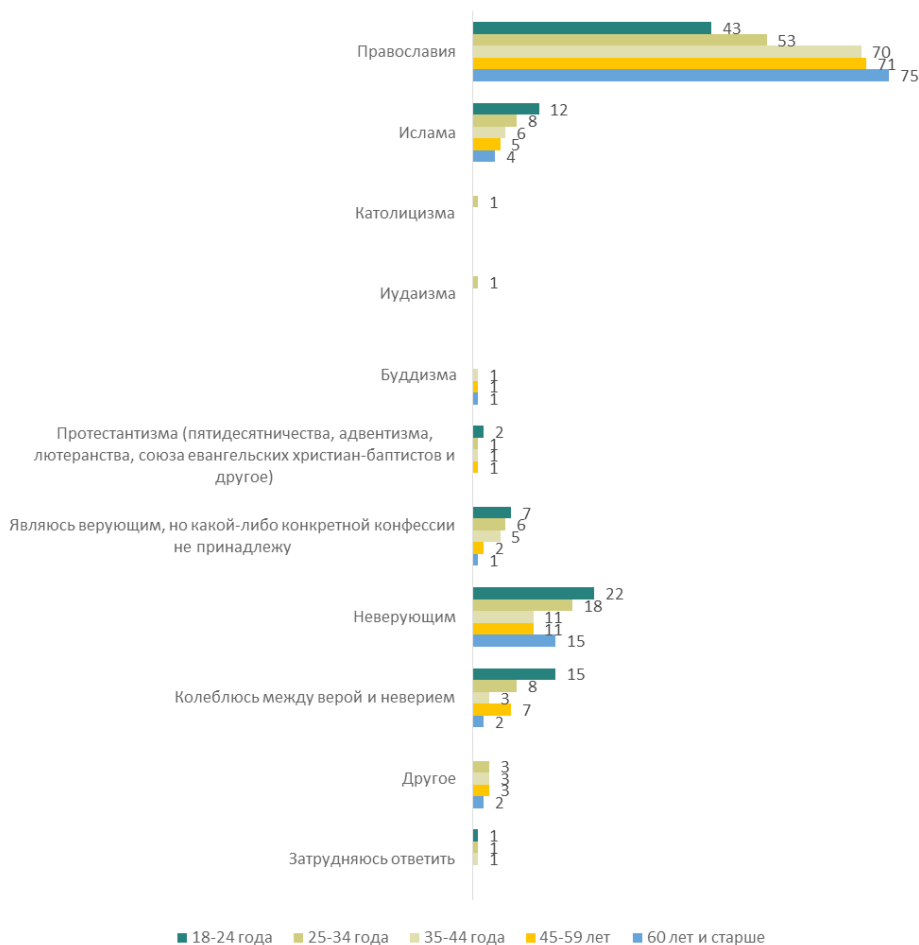

Рис. 4. Последователем какого мировоззрения или религии Вы себя считаете? (закрытый вопрос, любое число ответов, % от всех опрошенных)

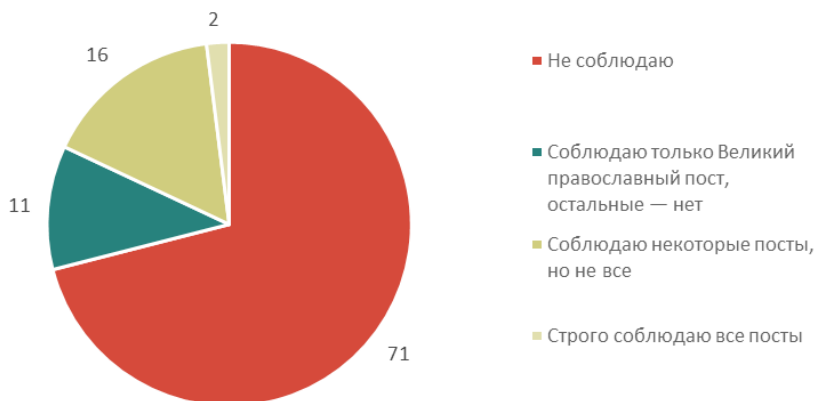

Рис. 5. Вы обычно соблюдаете православные посты или нет?
(закрытый вопрос, один ответ, % от православных россиян)

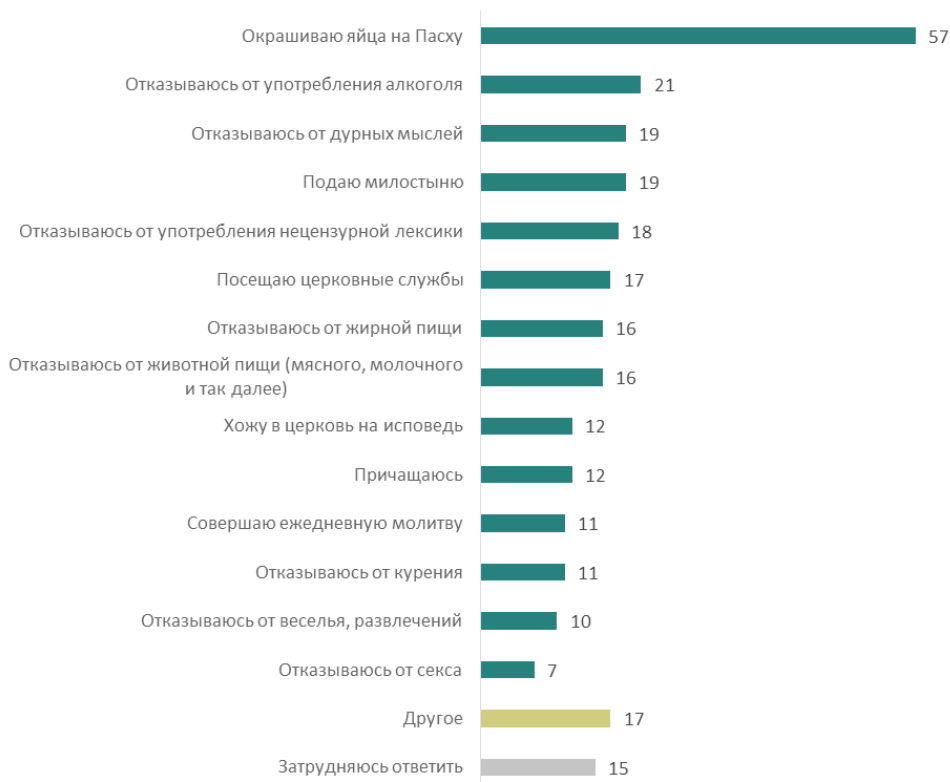

Рис. 6. Что из перечисленного Вы обычно делаете во время Великого поста? Вы можете дать любое число ответов (закрытый вопрос, любое число ответов, % от тех, «кто слышал о Великом Посте»)

ТЕАТР И ТЕАТРАЛЫ ПОСЛЕ ПАНДЕМИИ

24 марта 2021 г.

Каждый третий россиянин ходил в театр до введения режима самоизоляции минимум раз в год (34 %). Больше любителей театральных постановок среди жителей столиц (58 %) и городов-миллионников (54 %) — населенных пунктов с развитой культурной инфраструктурой. Также доля любителей театра выше среди женщин (43 %) и молодежи 18—24 лет (40 %). Никогда не были в театре 23 % россиян. После снятия ограничений и отмены режима самоизоляции успели побывать в театре уже 10 % россиян. Это те, кто ходил в театр и до самоизоляции, чаще россияне в возрасте 18—34 лет (15—16 %). Еще не ходили, но собираются 32 % наших соотечественников. Не ходили и не планируют 57 % россиян, ходивших в театр до введения режима самоизоляции, чаще мужчины (64 %) и пожилые россияне (73 %). Топ-3 любимых постановок россиян за последние два-три года: «Щелкунчик» (3 %), «Лебединое озеро» (2 %) и «Мастер и Маргарита» (2 %). Не видели никаких постановок за это время 30 % опрошенных, назвали другие постановки 29 %. Любимый театр россиян — Большой театр (9 %). Также в топ-3 вошли Мариинский театр и МХАТ им. Горького (по 4 %).

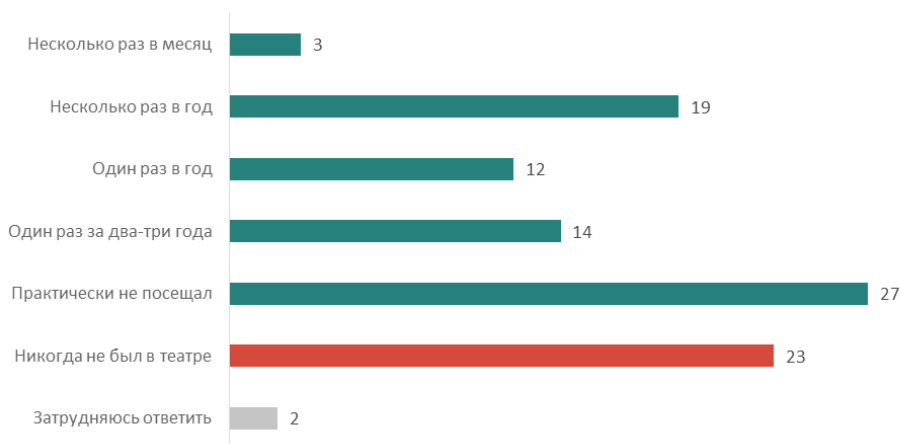
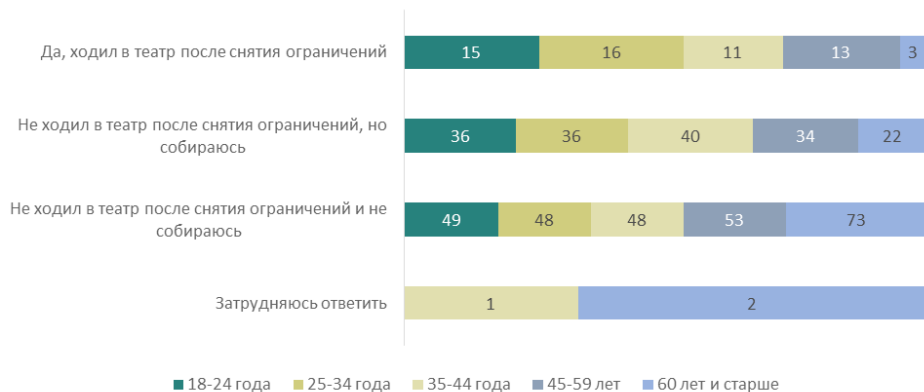

Рис. 7. Скажите, пожалуйста, Вы ходили или нет в театр до того, как в нашей стране был введен режим самоизоляции (карантина) в связи с коронавирусом? Если да, то как часто? (закрытый вопрос, один ответ, % от опрошенных)

Рис. 8. Скажите, пожалуйста, а после того, как в прошлом году был снят режим самоизоляции, ограничений, Вы уже ходили в театр или нет? (закрытый вопрос, один ответ, от тех, кто хотя бы когда-то бывал в театре)

DOI: [10.14515/monitoring.2021.2.1806](https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.2.1806)

С. В. Докука

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ СТОХАСТИЧЕСКИХ АКТОРНО-ОРИЕНТИРОВАННЫХ МОДЕЛЕЙ ДЛЯ АНАЛИЗА КОЭВОЛЮЦИИ СЕТЕЙ И ПОВЕДЕНИЯ

Правильная ссылка на статью:

Докука С. В. Использование стохастических акторно-ориентированных моделей для анализа коэволюции сетей и поведения // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2021. № 2. С. 273—285. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.2.1806>.

For citation:

Dokuka S. V. (2021) Stochastic Actor-Oriented Models in the Analysis of Co-Evolution of Networks and Behavior. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 2. P. 273—285. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.2.1806>. (In Russ.)

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ СТОХАСТИЧЕСКИХ АКТОРНО-ОРИЕНТИРОВАННЫХ МОДЕЛЕЙ ДЛЯ АНАЛИЗА КОЭВОЛЮЦИИ СЕТЕЙ И ПОВЕДЕНИЯ

STOCHASTIC ACTOR-ORIENTED MODELS IN THE ANALYSIS OF CO-EVOLUTION OF NETWORKS AND BEHAVIOR

ДОКУКА София Владимировна — кандидат социологических наук, научный сотрудник Лаборатории вычислительных социальных наук Института образования, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия
E-MAIL: sdokuka@hse.ru
<https://orcid.org/0000-0002-0847-5129>

Sofia V. DOKUKA¹ — Cand. Sci. (Soc.), Researcher at the Laboratory for Computational Social Science, Institute of Education
E-MAIL: sdokuka@hse.ru
<https://orcid.org/0000-0002-0847-5129>

Аннотация. Поведение человека зависит от многих факторов, в том числе и от социального окружения. В течение последних десятилетий активно разрабатывались модели, оценивающие влияние окружения на индивида. В настоящей статье описывается стохастическое акторно-ориентированное моделирование (САОМ), позволяющее тестировать гипотезы, касающиеся структурной эволюции социальных сетей, а также детально анализировать коэволюцию сетей и поведения. В работе описаны теоретико-методологические основания САОМ, приведены требования к дизайну исследований и процедурам сбора данных, рассмотрены спецификация модели и пример коэволюции сети и академических достижений учащихся, отмечены ограничения метода, а также предложены перспективные направления для дальнейшего изучения. Мы указываем, что анализ с использованием САОМ предпочтителен для небольших социальных сетей с низкой ротацией, в частности организационных подразделений и учебных групп. В статье отмечается, что существующие работы рассматривают преимущественно образова-

Abstract. Human behavior depends on many factors including the social environment. Over the past decades, scholars have actively developed models that evaluate the impact of the environment on the individual. This article describes stochastic actor-oriented modeling (SAOM) which allows to test hypotheses about the structural evolution of social networks, as well as to analyze the co-evolution of networks and behavior in detail. The authors present theoretical and methodological foundations of SAOM; specify requirements for research design and data collection; consider the specification of the model and an example of co-evolution of the network and academic achievement of students; point out limitations of the method, and suggest promising avenues for further research. The article concludes that using SAOM is preferable for small social networks with low rotation, in particular, for organizational units and study groups. The authors argue that the existing studies mainly consider the educational context and social networks of young people that does not allow to draw conclusions about the evolution of social ties in communities of a different type and other age

¹ National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia

тельный контекст и социальные сети молодых людей, что не позволяет сделать выводы о механизмах эволюции социальных связей в общностях иного типа и для представителей других возрастных групп. Также отмечается, что подавляющее большинство исследований реализовано на данных о западных демократических обществах, что свидетельствует о необходимости изучения разнообразных выборок.

Ключевые слова: анализ социальных сетей, стохастические акторно-ориентированные модели, социология образования, академические достижения, эффекты сообучения

Благодарность. Исследование осуществлено в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ.

Введение

На индивидуальное поведение оказывает влияние большое количество факторов, и особое место среди них занимает социальное окружение. Оценкой влияния окружающих на индивидуальное поведение социологи заинтересовались в 1930-х годах, и одним из первопроходцев данного направления стал Якоб Морено [Prell, 2012; Wasserman, Faust, 1994], изучавший взаимосвязь между благополучием человека (далее — актора) и социальным окружением. Морено разработал социометрию — методический аппарат для сбора данных о социальных взаимоотношениях индивидов (далее — связей) внутри небольших групп.

Эти наработки стали базой для формирующегося анализа социальных сетей. В 1970-х годах начался рост интереса к этому направлению, сопровождавшийся формализацией сетевого аппарата на базе инструментария теории графов [Харари, 1973]. Анализ социальных сетей востребован для репрезентации большого числа социальных систем, однако его применение поставило исследователей перед новыми методологическими вызовами. Самый существенный вызов в том, что акторы социальной сети связаны и влияют на поведение друг друга. В свою очередь, ключевая предпосылка линейных методов — независимость наблюдений друг от друга. Соответственно, линейные методы (корреляции, регрессии) не могут быть использованы для оценки взаимосвязи между положением в социальной сети и индивидуальными характеристиками [Robins, 2013], что диктует необходимость разработки новых подходов [Докука, Валеева, 2015].

groups. In addition, most of the research is based on data collected in Western democracies which indicates the need to investigate a variety of samples.

Keywords: social network analysis, peer effect, sociology of education, academic achievements, stochastic actor-oriented models

Acknowledgments. The research was carried out within the HSE Program for Fundamental Research.

Одним из таких подходов стали p^* -модели, или экспоненциальные модели случайных графов (Exponential Random Graph Models, ERGM). В ERGM наблюдаемая социальная сеть рассматривается как одна из возможных реализаций сети с заданными параметрами (число вершин, число ребер, склонность людей со схожими характеристиками быть связанными друг с другом) [Wasserman, Faust, 1994; Robins et al., 2007]. В ходе моделирования ставится задача выявить структурные и иные характеристики социальной системы, отличающие наблюдаемую сеть от случайных. К примеру, в исследовании [Валеева, Польшин, Юдкевич, 2013] показано, что студенты склонны формировать связи с одноклассниками, а также с учащимися одного пола. При этом академически результативные студенты склонны получать запросы о помощи, но не о дружбе. В работе [Grunspan et al., 2016] с использованием ERGM была проанализирована сеть взаимоотношений студентов-биологов. Выяснилось, что мужчин чаще указывают в качестве успешных студентов, при этом их популярность обусловлена не только академической успешностью. Число номинаций женщин в качестве успешных студентов объясняется через их академические достижения. Хотя ERGM позволяет одновременно рассматривать как связи, так и индивидуальные характеристики, в рамках этого метода невозможно сделать выводы о причинно-следственных связях и определить, существует ли влияние на поведение акторов со стороны социального окружения.

Для выявления каузальности в сетевых работах и ответов на более амбициозные исследовательские вопросы необходимы как иные типы данных (в частности, лонгитюдные), так и иной инструментарий. Для реализации этих задач Снайдерс с коллегами разработал стохастические акторно-ориентированные модели (далее — CAOM) [Snijders, Van de Bunt, Steglich, 2010; Ripley et al., 2020], которым и посвящена данная статья. Далее будут описаны основные теоретические предпосылки метода, методика дизайна исследования, требования к выборке, процедуры анализа с использованием CAOM на примере сети студентов, а также отмечены ограничения метода. В заключении обсуждаются перспективные направления в рамках данной тематики.

Теоретические основания CAOM

CAOM используют для изучения эволюции социальной сети (и поведения) на основе лонгитюдных данных. Принципиальное преимущество этих моделей — возможность одновременной репрезентации сразу нескольких динамических сетевых процессов.

Важно отметить, что в рамках CAOM не рассматриваются предпосылки изначального возникновения связей. Анализируются именно процессы, лежащие в основе изменения сети (и поведения акторов) в период $t_1 \rightarrow t_2$. Эти изменения рассматриваются как результат марковского процесса, при котором на состояние системы в момент времени t_2 влияет исключительно состояние системы в t_1 .

CAOM опирается на ряд следующих предпосылок.

В качестве связей рассматриваются состояния, а не краткосрочные события. К состояниям можно отнести сеть дружбы, помощи, позитивных или негативных взаимоотношений, совместную работу. К событиям — телефонные звонки, пере-

писку по электронной почте и в социальных медиа. При этом Снайдерс отмечает, что данные по событиям можно анализировать в агрегированном виде [Snijders, Van de Bunt, Steglich, 2010].

Акторы действуют в соответствии с предпосылкой о социальном индивидуализме. Они контролируют свои исходящие связи и принимают решение об изменении связи (или поведения, при условии моделирования козволюции сетей и поведения), опираясь на информацию о структуре всей сети и поведении всех индивидов в ней. Таким образом, акторы информированы о поведении и связях всех индивидов группы. Как отмечают разработчики, это предположение не всегда реалистично, часто актер может быть осведомлен только о действиях своего непосредственного окружения и не имеет полных данных об остальных.

Макроизменения в структуре сети рассматриваются как последовательность микроизменений. В каждый момент времени актер может изменить либо поведение, либо связь. Результирующие макроизменения являются результатом последовательно происходящих микроизменений.

Для описания изменений в сети используется *целевая функция*. Как отмечает Снайдерс [Snijders, Van de Bunt, Steglich, 2010], она описывает «правила сетевого поведения» для акторов. Функция определяется как набор возможных состояний сети (и поведения) с точки зрения конкретного актора. По аналогии с обобщенными линейными моделями целевая функция (f_i) определяется как линейная комбинация эффектов:

$$f_i(\beta, x) = \sum_k \beta_k s_{ki}(x),$$

где $s_{ki}(x)$ — это аналитическая функция (также обозначаемая как эффект), описывающая сетевые тенденции, β_k — статистический параметр, демонстрирующий статистическую значимость эффекта.

Вариации сетевых эффектов многочисленны. Мы остановимся на базовых эффектах, наиболее часто использующихся в САОМ-моделировании (см. табл. 1). По аналогии с другими регрессионными моделями САОМ позволяет формировать более сложные интеракционные эффекты [Block, Grund, 2014; Kretschmer, Leszczensky, Pink, 2018].

Таблица 1. **Сетевые и поведенческие динамические эффекты**

Эффект	Визуализация	Интерпретация
Плотность (outdegree)		Негативный эффект демонстрирует отсутствие склонности акторов к формированию связей.
Взаимность (reciprocity)		Положительный эффект обозначает склонность к формированию взаимных связей.

Эффект	Визуализация	Интерпретация
Транзитивность (transitivity)		Положительный эффект свидетельствует о формировании транзитивных связей (по принципу «друг моего друга — мой друг»).
3-циклы (3-cycles)		Положительный эффект 3-циклов обозначает тенденцию к формированию замкнутых циклических структур.
Популярность (popularity)		Положительная популярность свидетельствует о том, что ряд акторов с течением времени получает большее число номинаций.
Активность (activity)		Положительная активность свидетельствует о том, что ряд акторов с течением времени указывает большее число друзей.
Социальная селекция (social selection)		Положительный эффект социальной селекции свидетельствует о тенденции к формированию связей между схожими акторами.
Социальное влияние (social influence)		Положительный эффект социального влияния свидетельствует о тенденции к адаптации поведения в паре связанных акторов.

Оценки модели интерпретируются как коэффициенты логистической регрессии. Например, положительное и статистически значимое значение эффекта взаимности будет свидетельствовать о том, что в социальной сети участники стремятся к формированию взаимных связей [Snijders, Van de Bunt, Steglich, 2010].

Дизайн исследования

Использование САОМ предполагает специфический дизайн исследования. Одна из фундаментальных предпосылок модели (отмеченной в пункте «Теоретические основания САОМ») — предположение о полной информированности индивидов о структуре социальных связей и поведения. Несмотря на указание авторов, что это предположение часто не соответствует действительности, моделирование в САОМ больших систем (больше нескольких сотен вершин) не рекомендуется.

Чаще всего исследования проводятся на данных о поведении учеников в классе [Rambaran et al., 2017; Palacios et al., 2019] или поведении сотрудников организации [Ellwardt, Steglich, Wittek, 2012]. Такие группы подразумевают низкую ротацию участников. Для реализации САОМ требуется лонгитюдный сбор неанонимных сетевых данных — в случае анонимизированных данных становится невозможным выстраивание полных сетей.

В ходе исследования обычно проводятся два-четыре опроса, в ходе которых фиксируются взаимоотношения между акторами, а также производится сбор данных об их индивидуальных характеристиках. Как и ERGM, САОМ требует максимально полной информации о структуре социальной сети. Разработчики рекомендуют сбор данных как минимум о 80 % участников социальной группы, причем данных, касающихся как структуры сети, так и индивидуальных характеристик [Ripley et al., 2020]. При этом в последние годы растет число методов восполнения потерянных данных для подобных исследований [de la Haye et al., 2017; Zandberg, Huisman, 2019].

Важно, чтобы структура социальной сети изменялась со временем. Изменения оцениваются коэффициентом Жаккара [Jaccard, 1900], для САОМ он должен быть в интервале 0,3—0,7. В случае высоких или низких значений, обозначающих сильное сходство или сильное различие сети в моменты t_1 и t_2 , соответственно, использование САОМ может быть затруднительным [Snijders, Van de Bunt, Steglich, 2010].

Моделирование с использованием САОМ проводится в статистической среде R с использованием пакета Rsienna [Ripley et al., 2020].

Пример коэволюции социальной сети и академической успеваемости студентов

Проиллюстрируем использование САОМ на примере работы, рассматривающей коэволюцию сети студентов и академической успеваемости учащихся первого курса экономического факультета высокоселективного российского университета [Dokuka, Valeeva, Yudkevich, 2020]. САОМ часто используется для изучения сетей в образовании [Lomi et al., 2011; Flashman, 2012; DeLay et al., 2018; Brouwer et al., 2018]. Это связано с относительной доступностью данных, а также устойчивостью социальных групп.

В работе [Dokuka, Valeeva, Yudkevich, 2020] были проанализированы сети дружбы и помощи и их связь с академической успеваемостью. Данные были собраны трижды: в октябре 2013 г. (начало обучения в университете), в феврале 2014 г. (после сессии), в июне 2014 г. (во время последней сессии года). Учащиеся опросили об их связях дружбы («С кем Вы проводите много времени вместе?») и связях помощи («К кому Вы обращаетесь за помощью в учебе?»). Дополнительно были собраны данные о структуре связей учащихся до поступления («Укажите, с кем Вы были знакомы до поступления»). Число номинаций в сетевых вопросах было не ограничено. Информация об академической успеваемости учащихся была выгружена из административной базы данных. Также были использованы данные о поле учащихся и об их учебной группе. Коэффициент Жаккара за все периоды составлял порядка 0,35 — это свидетельствует, что в сети происходили необходимые для успешного моделирования объемы изменений. Потерянные данные составили 10 %, и авторы не использовали методы восполнения. В соответствии

с рекомендациями разработчиков [Ripley et al., 2020], 10% потерянных данных не оказывают систематического влияния на моделирование, в свою очередь, большие потери данных необходимо специализированно восполнять.

Для каждой из сетей (дружба и помощь) были протестированы гипотезы о наличии социальной селекции и социального влияния. Как отмечалось выше, процессы в сетях могут протекать одновременно. В данной статье мы рассмотрим, каким образом происходила коэволюция связей и успеваемости в сети дружбы. Результаты моделирования приведены в таблице 2.

Таблица 2. *Эффекты коэволюции сети дружбы и академической успеваемости*

Параметр	Коэффициент (Ст. ошибка)
Параметр изменений 1	16,996 (1,502)***
Параметр изменений 2	15,311 (1,577)***
<i>Контрольные сетевые эффекты</i>	
Плотность	-2,260 (0,120)***
Взаимность	1,690 (0,107)***
Популярность	-0,029 (0,011)*
Активность	0,026 (0,010)**
<i>Триадные эффекты</i>	
Транзитивность	0,330 (0,028)***
3-циклы	-0,175 (0,060)**
Взаимные триады	-0,120 (0,054)*
Посредничество	-0,131 (0,028)***
<i>Связи в другой сети</i>	
Знакомство до поступления	0,939 (0,132)***
Обучение в одной группе	0,687 (0,073)***
Связь в сети помощи	0,043 (0,011)***
<i>Гендерные эффекты</i>	
Пол альтера (1 — мужчина)	0,110 (0,065)
Пол эго (1 — мужчина)	0,161 (0,063)*
Схожесть по полу (социальная селекция)	0,240 (0,058)***
<i>Эффекты успеваемости</i>	
Успеваемость альтера (1 — мужчина)	0,132 (0,057)*
Успеваемость эго (1 — мужчина)	0,219 (0,053)***
Схожесть по успеваемости	0,412 (0,219)
<i>Динамика поведения</i>	
Параметр изменений 1	0,550 (0,111)***
Параметр изменений 2	1,132 (0,251)***
Линейный эффект	1,134 (0,629)
Квадратный эффект	0,452 (0,447)
Схожесть по полу (социальное влияние)	7,797 (3,890)*
Влияние популярности на успеваемость	0,041 (0,099)
Влияние активности на успеваемость	-0,129 (0,126)

Примечание. Статистическая значимость: *** — $p < 0,001$, ** — $p < 0,01$, * — $p < 0,05$.

Значимые эффекты параметров изменений [1, 2, 20 и 21] свидетельствуют о том, что в сети зафиксированы процессы изменений. Большее значение параметров изменений для первого периода по сравнению со вторым свидетельствует о том, что во второй период происходит меньше изменений.

Контрольные сетевые эффекты [3—10] статистически значимы. Отрицательный эффект плотности показывает, что акторы не склонны формировать связи случайным образом и образуют отношения, уже вовлеченные в сложные конфигурации. Положительный эффект взаимности говорит о том, что студенты склонны дружить с теми, кто уже проявляет дружеское отношение к ним. Комбинация положительной транзитивности и отрицательных 3-циклов свидетельствует о присутствии локальной иерархии. Отрицательный эффект взаимных триад [Block, 2015] демонстрирует, что транзитивность играет меньшую роль, нежели взаимность. Комбинация положительной транзитивности и негативного эффекта посредничества показывают, что студенты не ищут позиции брокерства. Положительный эффект активности свидетельствует о том, что с течением времени активные студенты формируют больше связей. Отрицательное значение популярности демонстрирует, что студенты не склонны образовывать связи дружбы с учащимися, уже вовлеченными во множественные связи.

Положительные и статистически значимые эффекты связи в других сетях [11—13] свидетельствуют о том, что дружба возникает с большей вероятностью между одноклассниками, студентами, знакомыми до поступления, а также учащимися, с которыми они уже связаны в сети помощи.

Гендерные эффекты [14—16] демонстрируют, что мужчины более активны в создании связей [15]. Положительный эффект социальной селекции на основе пола [16] показывает, что студенты склонны формировать связи дружбы с представителями своего пола.

Эффекты успеваемости [17—19] демонстрируют, что высоко успевающие студенты как сами больше номинируют [18], так и получают больше номинаций [17]. В то же время эффект социальной селекции на основе академических достижений [19] статистически не значим. То есть нельзя сказать, что студенты склонны выбирать друзей со схожими академическими результатами.

Из эффектов поведения [22—26] статистическая значимость зафиксирована у социального влияния [24]. Этот эффект свидетельствует о том, что студенты адаптируют академическую успеваемость своих друзей.

Авторами был проведен тест на гетерогенность эффектов во времени [Ripley et al., 2020]. Этот тест традиционно используется в САОМ для оценки того, насколько значения коэффициентов целевой функции устойчивы в различные периоды. Тест было необходимо провести, так как данные были собраны трижды, и изменения между $t_1 \rightarrow t_2$ и $t_2 \rightarrow t_3$ могли быть обусловлены разными процессами. Была зафиксирована гетерогенность в таких параметрах, как знакомство до поступления, а также в эффектах успеваемости. Часть этих эффектов легко объяснима — в частности, очевидно, что знакомство до поступления в вуз важно на начальных этапах создания сети, и его роль нивелируется по мере обучения.

В итоге авторы построили модель для выявления ключевых движущих сил эволюции сети дружбы и академических достижений студентов. Они продемонстриро-

вали, что в социальной сети дружбы акторы склонны адаптировать академические достижения своих друзей. Таким образом, сделан вывод о высокой роли связей дружбы в процессе передачи знаний.

Ограничения метода

САОМ призваны проанализировать поведение участников небольшой социальной общности, в которой акторы осведомлены о связях и академических результатах друг друга [Snijders, Van de Bunt, Steglich, 2010]. При этом результаты, полученные для данной конкретной группы, не могут быть перенесены на более широкие выборки и социальные контексты. Такая ситуация характерна для всех работ, предполагающих подробное исследование одной социальной сети (complete network design) [Hanneman, Riddle, 2005]. Дополнительно, несмотря на уникальные достоинства САОМ и возможности разделения процессов социальной селекции и влияния, эти модели не позволяют оценить размер эффектов, ограничивая возможности в интерпретации результатов исследования и сопоставлении результатов.

Перспективы исследований

Число работ с использованием сетевого инструментария, в том числе и САОМ, растет год от года. Анализ социальных сетей предлагает сместить фокус с анализа взаимосвязи между переменными на структуру и динамику группы в целом, что ставит много новых исследовательских вопросов.

К настоящему моменту большинство публикаций, использующих в качестве метода исследования САОМ, реализованы на опросных данных об учащихся [Henneberger, Mushonga, Preston, 2021; Vörös et al., 2020]. Это свидетельствует о перспективах изучения структуры и динамики социальных сетей в группах респондентов более зрелого возраста, а также в группах с участниками разного возраста. В большинстве своем исследователи собирают данные о положительных взаимодействиях (дружба, помощь) [Lomi et al., 2011; Palacios, Berger, 2015], хотя все чаще предпринимаются попытки анализа негативных связей [Boda, Néray, Snijders, 2020]. Существующие работы крайне редко изучают иные типы социальных взаимодействий, в частности онлайн-коммуникацию. Предполагаем, что число публикаций, рассматривающих эволюцию онлайн-сетей и влияние онлайн-связей на индивидуальные результаты и благополучие, в ближайшие годы вырастет в связи с беспрецедентным влиянием онлайн-коммуникации на социальную жизнь в период пандемии COVID-19.

Важно отметить, что существующие работы с использованием САОМ ограничены в кросс-культурных контекстах [Henneberger, Mushonga, Preston, 2021]. Подавляющее большинство исследований реализовано на данных об учащихся из западных демократических обществ. Несмотря на то, что такие выборки репрезентируют поведение 12% популяции всего населения Земли, на них проводится 80% работ [Henrich, Heine, Norenzayan, 2010]. В то же время исследования фиксируют значительную кросс-культурную вариацию в процессах социализации (см., например, [Henneberger, Mushonga, Preston, 2021]), что свидетельствует о необходимости изучения разнообразных выборок.

Список литературы (References)

- Валеева Д. Р., Польдин О. В., Юдкевич М. М. Связи дружбы и помощи при обучении в университете // Вопросы образования. 2013. № 4. С. 70—84. <https://doi.org/10.17323/1814-9545-2013-4-70-84> (дата обращения 21.03.2021).
- Valeeva D. R., Poldin O. V., Yudkevich M. M. (2013) Friendly Relationships and Relationships of Assistance at a University. *Educational Studies*. Vol. 4. P. 70–84. <https://doi.org/10.17323/1814-9545-2013-4-70-84>. (In Russ.)
- Докука С. В., Валеева Д. Р. Статистические модели для анализа динамики социальных сетей в исследованиях образования // Вопросы образования. 2015. № 1. С. 201—213. <https://doi.org/10.17323/1814-9545-2015-1-201-213>.
- Dokuka S. V., Valeeva D. R. (2015) Statistical Models for Analysis of Social Network Dynamics in Educational Studies. *Educational Studies*. Vol. 1. P. 201–213. <https://doi.org/10.17323/1814-9545-2015-1-201-213>. (In Russ.)
- Харари Ф. Теория графов. М.: Мир, 1973.
- Harary F. (1973) *Graph Theory*. Moscow: Mir. (In Russ.)
- Block P. (2015) Reciprocity, Transitivity, and the Mysterious Three-Cycle. *Social Networks*. Vol. 40. P. 163–173. <https://doi.org/10.1016/j.socnet.2014.10.005>.
- Block P., Grund T. (2014) Multidimensional Homophily in Friendship Networks. *Network Science*. Vol. 2. No. 2. P. 189–212. <https://doi.org/10.1017/nws.2014.17>.
- Boda Z., Néray B., Snijders T. A. (2020) The Dynamics of Interethnic Friendships and Negative Ties in Secondary School: The Role of Peer-Perceived Ethnicity. *Social Psychology Quarterly*. Vol. 8. No. 4. P. 342–362. <https://doi.org/10.1177/0190272520907594>.
- Brouwer J., Flache A., Jansen E., Hofman A., Steglich C. (2018) Emergent Achievement Segregation in Freshmen Learning Community Networks. *Higher Education*. Vol. 76. No. 3. P. 483–500. <https://doi.org/10.1007/s10734-017-0221-2>.
- de la Haye K., Embree J., Punkay M., Espelage D. L., Tucker J. S., Green Jr., H. D. (2017) Analytic Strategies for Longitudinal Networks With Missing Data. *Social Networks*. Vol. 50. P. 17–25. <https://doi.org/10.1016/j.socnet.2017.02.001>.
- DeLay D., Zhang L., Hanish L. D., Miller C. F., Fabes R. A., Martin C. L., Kochel K. P., Updegraff K. A. (2016) Peer Influence on Academic Performance: A Social Network Analysis of Social-Emotional Intervention Effects. *Prevention Science*. Vol. 17. No. 8. P. 903–913. <https://doi.org/10.1007/s11121-016-0678-8>.
- Dokuka S., Valeeva D., Yudkevich M. (2020) How Academic Achievement Spreads: The Role of Distinct Social Networks in Academic Performance Diffusion. *Plos ONE*. Vol. 15. No. 7. e0236737. <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0236737>.
- Grunspan D. Z., Eddy S. L., Brownell S. E., Wiggins B. L., Crowe A. J., Goodreau S. M. (2016) Males Under-Estimate Academic Performance of Their Female Peers in Undergraduate Biology Classrooms. *PloS ONE*. Vol. 11. No. 2. e0148405. <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0148405>.

Ellwardt L., Steglich C., Wittek R. (2012) The Co-Evolution of Gossip and Friendship in Workplace Social Networks. *Social Networks*. Vol. 34. No. 4. P. 623–633. <https://doi.org/10.1016/j.socnet.2012.07.002>.

Flashman J. (2012) Academic Achievement and Its Impact on Friend Dynamics. *Sociology of Education*. Vol. 85. No. 1. P. 61–80. <https://doi.org/10.1177/00380407111417014>.

Hanneman R. A., Riddle M. (2005) Introduction to Social Network Methods. Riverside: University of California.

Henneberger A. K., Mushonga D. R., Preston A. M. (2021) Peer Influence and Adolescent Substance Use: A Systematic Review of Dynamic Social Network Research. *Adolescent Research Review*. Vol. 6. No. 1. P. 57–73. <https://doi.org/10.1007/s40894-019-00130-0>.

Henrich J., Heine S. J., Norenzayan A. (2010) Most People Are Not WEIRD. *Nature*. Vol. 466. No. 7302. <https://doi.org/10.1038/466029a>.

Jaccard P. (1900) Contribution au problème de l'immigration post-glaciare de la flore alpine. *Bulletin de la Société Vaudoise des Sciences Naturelles*. Vol. 36. No. 136. P. 87–130. <https://www.e-periodica.ch/digbib/view?pid=bsv-002:1900:36::854#141>.

Kretschmer D., Leszczensky L., Pink S. (2018) Selection and Influence Processes in Academic Achievement — More Pronounced for Girls? *Social Networks*. Vol. 52. P. 251–260. <https://doi.org/10.1016/j.socnet.2017.09.003>.

Lomi A., Snijders T. A., Steglich C. E., Torló V. J. (2011) Why Are Some More Peer Than Others? Evidence From a Longitudinal Study of Social Networks and Individual Academic Performance. *Social Science Research*. Vol. 40. No. 6. P. 1506–1520. <https://doi.org/10.1016/j.ssresearch.2011.06.010>.

Palacios D., Berger C. (2015) Are Good Students Desirable Friends? Evidence for Friendship Selection Among Elementary Students/¿Son los buenos estudiantes amigos deseables? Evidencia para la selección de amistad entre estudiantes de educación primaria. *Estudios de Psicología*. Vol. 36. No. 2. P. 496–508. <https://doi.org/10.1080/02109395.2015.1028729>.

Palacios D., Dijkstra J. K., Villalobos C., Treviño E., Berger C., Huisman M., Veenstra R. (2019) Classroom Ability Composition and the Role of Academic Performance and School Misconduct in the Formation of Academic and Friendship Networks. *Journal of School Psychology*. Vol. 74. P. 58–73. <https://doi.org/10.1016/j.jsp.2019.05.006>.

Prell C. (2012) Social Network Analysis: History, Theory and Methodology. London: Sage.

Rambaran J. A., Hopmeyer A., Schwartz D., Steglich C., Badaly D., Veenstra R. (2017) Academic Functioning and Peer Influences: A Short-Term Longitudinal Study of Network — Behavior Dynamics in Middle Adolescence. *Child development*. Vol. 88. No. 2. P. 523–543. <https://doi.org/10.1111/cdev.12611>.

Ripley R. M., Snijders T. A. B., Bóda Z., Vörös A., Preciado P. (2020) Manual for RSiena. Oxford: University of Oxford, Department of Statistics; Nuffield College.

Robins G. (2013) A Tutorial on Methods for the Modeling and Analysis of Social Network Data. *Journal of Mathematical Psychology*. Vol. 57. No. 6. P. 261–274. <https://doi.org/10.1016/j.jmp.2013.02.001>.

Robins, G., Pattison, P., Kalish, Y., Lusher, D. (2007) An Introduction to Exponential Random Graph (P*) Models for Social Networks. *Social Networks*. Vol. 29. No. 2. P. 173–191. URL: <https://doi.org/10.1016/j.socnet.2006.08.002> (accessed: 20.03.2021).

Snijders T. A., Van de Bunt G. G., Steglich C. E. (2010) Introduction to Stochastic Actor-Based Models for Network Dynamics. *Social Networks*. Vol. 32. No. 1. P. 44–60. URL: <https://doi.org/10.1016/j.socnet.2009.02.004> (accessed: 20.03.2021).

Vörös A., Boda Z., Elmer T., Hoffman M., Mephram K., Raabe I. J., Stadtfeld C. (2020) The Swiss StudentLife Study: Investigating the Emergence of an Undergraduate Community Through Dynamic, Multidimensional Social Network Data. *Social Networks*. Vol. 65. P. 71–84. <https://doi.org/10.1016/j.socnet.2020.11.006>.

Wasserman S., Faust K. L. M. (1994) *Social Network Analysis: Methods and Applications*. Cambridge: Cambridge University Press.

Zandberg T., Huisman M. (2019) Missing Behavior Data in Longitudinal Network Studies: The Impact of Treatment Methods on Estimated Effect Parameters in Stochastic Actor Oriented Models. *Social Network Analysis and Mining*. Vol. 9. No. 1. <https://doi.org/10.1007/s13278-019-0553-2>.

DOI: [10.14515/monitoring.2021.2.1627](https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.2.1627)

**И. А. Коршунов, А. М. Тюнин, Н. Н. Ширкова,
М. С. Мирошников, О. А. Фролова**

КАК УЧАТСЯ ВЗРОСЛЫЕ: ФАКТОРЫ ВЫБОРА ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ПРОГРАММ

Правильная ссылка на статью:

Коршунов И. А., Тюнин А. М., Ширкова Н. Н., Мирошников М. С., Фролова О. А. Как учатся взрослые: факторы выбора образовательных программ // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2021. № 2. С. 286—314. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.2.1627>.

For citation:

Korshunov I. A., Tyunin A. M., Shirikova N. N., Miroshnikov M. S., Frolova O. A. (2021) How Adults Learn: Factors Influencing the Choice of Educational Programs. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 2. P. 286–314. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.2.1627>. (In Russ.)

КАК УЧАТСЯ ВЗРОСЛЫЕ: ФАКТОРЫ ВЫБОРА ОБРАЗОВАТЕЛЬ- НЫХ ПРОГРАММ

*КОРШУНОВ Илья Алексеевич — канди-
дат химических наук, ведущий научный
сотрудник, Институт образования, На-
циональный исследовательский уни-
верситет «Высшая школа экономики»,
Москва, Россия*

E-MAIL: ikorshunov@hse.ru

<https://orcid.org/0000-0003-0706-0308>

*ТЮНИН Аркадий Михайлович — анали-
тик, Институт образования, Националь-
ный исследовательский университет
«Высшая школа экономики», Москва,
Россия*

E-MAIL: atyunin@hse.ru

<https://orcid.org/0000-0001-8465-9563>

*ШИРКОВА Наталия Николаевна — кан-
дидат педагогических наук, научный
сотрудник, Институт образования, На-
циональный исследовательский уни-
верситет «Высшая школа экономики»,
Москва, Россия*

E-MAIL: nshirkova@hse.ru

<https://orcid.org/0000-0002-4040-024X>

*МИРОШНИКОВ Максим Сергеевич —
младший научный сотрудник, Институт
образования, Национальный исследо-
вательский университет «Высшая шко-
ла экономики», Москва, Россия*

E-MAIL: mmiroshnikov@hse.ru

<https://orcid.org/0000-0002-6313-9048>

*ФРОЛОВА Ольга Алексеевна — доктор
экономических наук, профессор, Ни-
жегородский государственный инже-
нерно-экономический институт, Княги-
нино, Россия, Россия*

E-MAIL: ekfakngjei@yandex.ru

<https://orcid.org/0000-0002-9813-2794>

HOW ADULTS LEARN: FACTORS INFLUENCING THE CHOICE OF EDUCATIONAL PROGRAMS

*Ilya A. KORSHUNOV¹—Cand. Sci. (Chem.),
Leading Research Fellow, Institute of
Education*

E-MAIL: ikorshunov@hse.ru

<https://orcid.org/0000-0003-0706-0308>

*Arcadiy M. TYUNIN¹—Analyst, Institute
of Education*

E-MAIL: atyunin@hse.ru

<https://orcid.org/0000-0001-8465-9563>

*Natalia N. SHIRKOVA¹—Cand. Sci.
(Pedagogy), Research fellow, Institute
of Education*

E-MAIL: nshirkova@hse.ru

<https://orcid.org/0000-0002-4040-024X>

*Maxim S. MIROSHNIKOV¹—Junior Re-
search fellow, Institute of Education*

E-MAIL: mmiroshnikov@hse.ru

<https://orcid.org/0000-0002-6313-9048>

*Olga A. FROLOVA²—Dr. Sci. (Econ.),
Professor*

E-MAIL: ekfakngjei@yandex.ru

<https://orcid.org/0000-0002-9813-2794>

¹ National Research University Higher School
of Economics, Moscow, Russia

² Nizhny Novgorod State Engineering and Economic
Institute, Knyaginino, Russia

Аннотация. На основе данных опроса сотрудников и работодателей малых и средних компаний в работе проанализированы факторы, влияющие на выбор образовательных программ и форматов обучения, в том числе среди различных профессиональных групп.

Обнаружено, что картина имеющихся дефицитов навыков значительно различается по мнению работодателей и работников: работодатели отмечают, что у сотрудников не развиты необходимые предприятию компетенции, а работники больше внимания уделяют преодолению дефицита навыков, необходимых для их индивидуального карьерного роста. Работники обращают внимание на внешние атрибуты (удобное расписание, бренд организации), а работодатели больше внимания уделяют содержанию образовательной программы (результативности и специфике приобретаемых навыков для своих сотрудников). Ориентация работодателей на содержательные характеристики образовательной программы объясняется приоритетом накопления специфического человеческого капитала, соответствующего потребностям конкретного предприятия, а ориентация сотрудников на внешние условия реализации — более высокой оценкой полученной квалификации другими работодателями.

Результаты исследования показали приоритет неформального обучения, используемого для устранения дефицита навыков респондентами с высшим и средним профессиональным образованием. Данные варианты обучения расцениваются работниками в качестве наиболее эффективных и позволяют компенсировать недоста-

Abstract. The study concerns the factors influencing the choice of educational programs and training formats by employees and employers of small and medium-sized companies. The authors base on the survey data focusing, among other things, on differences observed by professional groups.

The analysis showed that the perception of existing skills deficits differs significantly in the opinion of employers and employees. The former note that employees lack the competencies necessary for the enterprise, while the latter pay more attention to overcoming the skills deficit necessary for their individual career growth. Employees pay attention to external attributes (convenient schedule, brand of the organization), and employers consider the content of the educational programs (the effectiveness and specificity of acquired skills for their employees). The orientation of employers towards the content is explained by the priority of accumulating specific human capital that corresponds to the needs of a particular enterprise, and the choice of employees is related to a potentially higher assessment of the received qualifications by other employers.

The study revealed the prevalence of informal forms of learning used to eliminate the skills deficit by respondents with higher and secondary vocational education. These learning formats are regarded by employees as the most effective, and they allow to compensate for the lack of non-formal learning. The vast majority of employees prefer to learn at work from more experienced colleagues, while receiving a certificate issued by the university, which they consider as the most rated.

ток неформального обучения. Установлено, что преобладающее большинство работников предпочитает учиться в собственной организации у опытных коллег, также ценится и считается наиболее рейтинговым документ об образовании, выданный университетом, который они оценивают.

The paper may be of interest to a wide range of experts working in adult education, as well as to HR specialists, departments of continuing education at universities, and heads of small and medium-sized enterprises aimed at optimising the process of personnel training.

Статья может быть интересна широкому кругу специалистов в сфере образования взрослых, руководителям HR-служб и подразделений дополнительного образования университетов, а также руководителям предприятий малого и среднего бизнеса с целью оптимизации процесса обучения персонала.

Ключевые слова: профессиональное обучение, дефицит навыков, ключевые компетенции, форматы обучения, самообразование, формирование навыков, документы об образовании, образование взрослых

Keywords: vocational training, skills mismatch, key competencies, types of training, self-education, skills development, adult education, educational certificate

Благодарность. Статья подготовлена в рамках гранта, предоставленного Министерством науки и высшего образования Российской Федерации (№ соглашения о предоставлении гранта: 075-15-2020-928).

Acknowledgments. The paper was prepared within the framework of a research grant funded by the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation (grant ID: 075-15-2020-928).

Введение

С увеличением темпов технологических изменений навыки, необходимые для реализации трудовой деятельности, стали устаревать значительно быстрее. В современных отраслях экономики обновление компетенций для сохранения конкурентоспособности и наращивания показателей производительности труда становится необходимым каждые 12—18 месяцев [Pelster et al., 2017]. Для оперативного и регулярного обновления компетенций на рынке образовательных услуг предлагается все больше разнообразных программ — от профессиональной переподготовки в университетах до более гибкого и быстрого обучения на рабочем месте [Ковалева, Бородина, Ковалева, 2013]. Несмотря на это, уровень участия взрослого населения России в возрасте от 25 до 64 лет в дополнительном и формальном образовании в 2019 г. составил всего 25,2%, что более чем в два раза

ниже, чем в странах Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) и Европейского союза (ЕС) [Коршунов, Ширкова, Сженев, 2020].

В международной практике проводятся различные социологические обследования для изучения участия работающего населения в непрерывном обучении¹. Так, в работах Р. Серверо, К. Брауна и Р. Парка и соавторов отмечается влияние социально-демографических характеристик на участие в обучении [Baumgartner, Merriam, 2020; Brown, 1996; Cervero, Kirkpatrick, 1990; Park, Choi, 2009]. М. Хайсель и Т. Тикканен выявили снижение с возрастом частоты обучения и желания учиться [Heisel, Darkenwald, Anderson, 1981; Tikkanen, 1998]. В исследованиях Е. Борен указывается, что чем ниже уровень полученного ранее образования, тем реже респонденты участвуют в обучении, и эта тенденция сохраняется для всех возрастных групп — от 20 до 65 лет [Voeren, Nicaise, Baert, 2010].

Вместе с тем, несмотря на наличие большого количества исследований, посвященных участию взрослого населения в обучении, в них не рассматриваются мотивы и основания работников для принятия решения о выборе образовательной программы. Понимание того, как сотрудники выбирают образовательные траектории, оказывается важным не только для работодателей при направлении их на курсы и переподготовку, но и для эффективного государственного стимулирования образования взрослых в рамках мер поддержки (например, федерального проекта «Новые возможности для каждого»). Это делает актуальной задачу настоящего социологического исследования, направленного на рассмотрение комплекса факторов, определяющих предпочтения взрослого населения в получении дополнительного образования. Целью исследования стало рассмотрение позиций работающих граждан и работодателей при выборе форм обучения, условий и характеристик реализации образовательных программ.

Теоретическая рамка исследования: компоненты человеческого капитала и предпочтения работников и работодателей при выборе обучения

В настоящее время ведущую объяснительную роль в понимании образовательного поведения взрослых занимает теория человеческого капитала [Becker, 1983; Schultz, 1960, 1971; Mincer, 1958; Друкер, 2004], согласно которой обучение выступает средством обновления навыков и увеличения производительности труда, а человеческий капитал понимается как совокупность знаний и умений, социальных и личностных качеств, воплощенных в способности трудиться с целью производства экономической ценности [Goldin, 2016: 58].

Широко распространено мнение о человеческом капитале исключительно как о факторе экономического роста, обеспечивающем внедрение новых технологий

¹ В Австралии — Survey of Employers; Канаде — Business Payrolls Survey, Job Vacancy and Wage Survey; Чили — Encuesta Laboral, Encuesta Longitudinal de Empresas; Японии — Tankan Survey; Мексике — INEGI; Казахстане — NTM Survey Data; Новой Зеландии — EMA Employers Survey; Перу — NTM Survey Data; Сингапуре — Conditions of Employment; США — The Littler Annual Employer Survey; Европейском союзе — Piloting a European Employer Survey on Skill Needs, Adult Education Survey (AES), Continuous Vocational Education and Training Survey (CVTS), Labour Force Survey (LFS), UOE Data Collection, исследования Европейского центра по развитию профессионального образования (European Centre for the Development of Vocational Training), а также международное исследование компетенций взрослого населения, проводимое более чем в тридцати странах ОЭСР — The Programme for the International Assessment for Adult Competencies (PIAAC) [Коршунов, Гапонова, Пешкова, 2019]. Эти обследования сопоставимы с данными российского опроса населения по вопросам образования в рамках «Мониторинга экономики образования» [Бондаренко, 2018].

на предприятиях [Гимпельсон, 2018] и прирост добавочной стоимости. Масштабы участия занятого населения в непрерывном обучении, как показывают исследования, положительно коррелируют с показателями валового регионального продукта (ВРП) [Коршунов, Гапонова, 2017], а также обеспечивают увеличение заработной платы работника в среднем на 8,5% [Васильев, 2015].

Однако работники и работодатели объективно заинтересованы в увеличении разных компонентов человеческого капитала. Общий человеческий капитал включает в себя знания и навыки, которые могут быть использованы в различных видах деятельности и легко передаваемы от одного работодателя к другому без какой-либо существенной потери ценности [Laroche, Mérette, Ruggeri, 1999]. Данный компонент человеческого капитала также позволяет приобретать знания, помогающие адаптироваться к новым ситуациям в условиях быстрых технологических изменений [Davidsson, Honig, 2003]. Поэтому сотрудники предприятий, нацеленные на сохранение независимости и конкурентоспособности на рынке труда в условиях быстрого обновления навыков, пытаются самостоятельно решать задачу повышения уровня своего общего человеческого капитала, формируя спрос на программы дополнительного образования. Отсюда следует, что при выборе образовательных программ работники, вероятно, будут руководствоваться не столько специфическими потребностями предприятия, сколько возможностью развития общих компетенций и более широких профессиональных навыков с приобретением документов, признаваемых различными работодателями. Работодатели же, напротив, в большей степени инвестируют в развитие специальных навыков и компетенций, востребованных в узком сегменте конкретных рабочих мест (специфический человеческий капитал) [Becker, 1993]. Они воздерживаются от инвестиций в развитие общего человеческого капитала сотрудников, поскольку в будущем такие инвестиции увеличивают шанс перехода работников на другое предприятие, оставляя работодателя наедине с издержками на обучение [Eide, Showalter, 2010; Heckman, 2000].

В научной литературе, посвященной приобретению навыков во взрослом возрасте, для конкретизации стратегий обновления компетенций используется разделение между формами обучения [Manuti et al., 2015; Ehlert, 2017]. В отличие от детей, взрослые в большей степени самостоятельно определяют для себя образовательные стратегии, которые могут реализовываться в различных формах [Jarvis, 2010]. Выделяют три формы обучения: формальное, неформальное и ин-формальное обучение². Основные различия между ними пролегают по границе институционализации образовательного процесса как такового. В состав *формального* образования входит участие в программах среднего профессионального или высшего образования (в том числе аспирантура и докторантура), которые требуют значительного количества времени. Под *неформальным* обучением понимают участие в краткосрочных образовательных программах для относительно быстрого обновления компетенций. К данному виду относят прохождение программ дополнительного профессионального образования, стажировок, краткосрочных курсов, лекций, тренингов и др. [Kyndt, Dochy, Nijs, 2009]. Как формальное, так

² Classification of Learning Activities (Manual) (2016) Eurostat. URL: <https://ec.europa.eu/eurostat/web/products-manuals-and-guidelines/-/KS-GQ-15-011> (дата обращения: 29.03.2021).

и неформальное обучение характеризуется высокой степенью организации, подразумевает наличие четкого плана занятий и расписания, а результатом выступает приобретаемый документ об образовании.

Отличной от них оказывается линия *информального* образования, характеризующаяся большой гибкостью процесса обучения и приобретения навыков, поскольку оно не институционализировано и не организовано специально. Обучение происходит в течение рабочего дня и включает в себя получение новых знаний и умений от более опытных коллег и руководителей, на собственном опыте (*learning by doing*) или в семье, самообразование (чтение книг и инструкций, прохождение курсов), занятия во внешних профессиональных формированиях [Garrick, 2012] и т. д. В последнее время информальному образованию придается все большее значение благодаря весьма эффективному обновлению компетенций [Marsick, Watkins, 2011: 206], требующих ситуационного реагирования [Завьялова, Ардишвили, 2019]. Согласно теории человеческого капитала, обучение на рабочих местах считается наиболее гибкой формой развития навыков. Оно направлено на аккумуляцию специфического человеческого капитала и быстрее всего повышает производительность труда ввиду краткосрочного периода обучения и большой практикоориентированности [Becker, 1983]. Обучение в течение рабочего дня в сочетании с самообразованием поддерживает развитие сразу двух видов человеческого капитала — общего и специфического, существенное значение при этом приобретает тот факт, что самообразование инициируется непосредственно работником.

Упомянутые выше исследования, выполненные в парадигме развития человеческого капитала, рассматривают обучение работающего населения в контексте его профессионального становления, повышения конкурентоспособности компаний и предприятий, социально-экономического развития территорий. Однако за рамками научного рассмотрения до сих пор остается процесс выбора программ дополнительного образования, в том числе их соответствие запросам работодателей и работников, касающимся характеристик и условий обучения, приобретаемых по его результатам навыков и выдаваемых документов. В настоящей работе рассматриваются формы образования, которые могут помочь работникам и работодателям консолидировать выбор наиболее подходящих программ для устранения имеющегося дефицита навыков и развития человеческого капитала.

Методология и эмпирическая база исследования

Для целей данного исследования был спроектирован опросный инструментарий. В ходе проведенного анкетирования опрашивались как работники, так и работодатели или линейные руководители. Анкета работников включала блоки вопросов о социально-демографических характеристиках респондентов (пол, возраст, образование, род деятельности, характер выполняемых трудовых операций); а также о целях, видах и формах обучения. Наличие вопросов о социально-демографических характеристиках респондентов послужило основой сбора информации о факторах, направленных на развитие и поддержание имеющихся навыков со стороны взрослого населения, и позволило оценить

их использование в процессе трудовой деятельности. Анкета для работодателей в части целей, видов и форм обучения персонала их предприятия была сконструирована идентично анкете работников. Это позволило в дальнейшем выявить различия между работниками и работодателями в их потребности в тех или иных навыках, а также оценках значимости образовательных форматов и документов об обучении.

Всего в исследовании приняло участие 650 человек, из которых 95 — линейные руководители, у которых в подчинении находится от одиннадцати до пятидесяти человек. Среди опрошенных оказалось 43,4 % мужчин и 56,6 % — женщин. Средний возраст респондентов составил 33 года ($SD = 9,98$). Уровень образования: 27 % получили полное среднее образование; 16 % — среднее профессиональное образование; 46 % — высшее образование; 6 % имеют степень магистра; 5 % окончили аспирантуру и/или обладают степенью кандидата наук.

Часть респондентов заполняли традиционные бумажные анкеты при модерации со стороны своих руководителей. Для участников исследования, имеющих доступ к компьютеру с интернетом, прохождение заданий было организовано на специальном электронном ресурсе³ по заранее сгенерированным ключам доступа. Процесс модерации со стороны руководителей включал выдачу индивидуальных ключей доступа для прохождения опроса в онлайн-формате, контроль процесса заполнения анкет, соблюдение сроков сбора материалов, их последующую передачу исследовательской группе. Посредством традиционного анкетирования были собраны данные от 242 работников и 41 линейного руководителя. В онлайн-опросе приняло участие 313 работников и 54 руководителя.

Единицами отбора выступали компании, которые выбирались из числа предприятий малого бизнеса⁴. Из 78 предприятий, выразивших согласие на участие в исследовании, непосредственное участие приняли 63, что позволяет говорить о 80 % отклике на опрос (response rate). Выборку составили организации, занимающиеся строительством, услугами связи, гостиничным сервисом, ремонтом электроники и технологического оборудования, производством пищевых продуктов, возведением торговых и рыночных площадей, обработкой материалов, производством фурнитурных и мебельных изделий. Предприятия находились в четырех субъектах Российской Федерации — в Московской (13,8 %), Нижегородской (51,8 %), Свердловской областях (25,9 %) и в Республике Татарстан (8,5 %). 81,1 % компаний представляют собой самостоятельные организации, а 19,9 % — одно из подразделений более крупной корпорации. 69,4 % компаний относятся к частным, 30,5 % — к предприятиям государственного сектора.

Выборка предприятий формировалась при содействии органов исполнительной власти в сфере экономики и поддержки малого и среднего предпринимательства субъектов Российской Федерации, которым направлялись письма с предложением определить перечень компаний, готовых принять участие в ис-

³ Система оценки ключевых компетенций SMART (Skills Monitoring of Adults for Research and Transformation). URL: www.skills-online.ru (дата обращения: 29.03.2021).

⁴ В соответствии с Федеральным законом от 24 июля 2007 г. № 209-ФЗ «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации» под предприятием малого бизнеса понимается предприятие численностью до 100 человек.

следовании по установлению дефицита профессиональных навыков и выделению предпочитаемых форм обучения. После получения ответов и составления списка предприятий, готовых стать участниками проекта, был осуществлен их отбор с целью соблюдения широкой представленности организаций различных сфер деятельности.

В качестве результата исследования компаниям-участницам в формате аналитической записки предоставлялись сведения о существующем дефиците навыков у их работников и предпочитаемых ими формах обновления компетенций. В каждой компании взаимодействие осуществлялось либо непосредственно с работодателем, либо с кадровой службой. Менеджмент предприятий привлекал сотрудников для прохождения анкетирования сплошным образом. Учитывая общее число предприятий, принявших участие в проекте ($n = 63$), и разноплановость секторов их деятельности, мы полагаем, что ошибка самоотбора респондентов в группы была незначительной.

Анализ данных осуществлялся при помощи статистического пакета SPSS и языковой среды RStudio. Он основывался на применении таких процедур, как построение доверительных интервалов, расчет рангов и применение тестов для оценки уровня статистической значимости различий между группами респондентов.

Результаты и обсуждение

Дефициты навыков, стимулирующие работников к обучению

Взрослые обучаются более эффективно, когда получение новых знаний необходимо для решения конкретных проблем или жизненных потребностей [Jarvis, 2010]. Одним из важнейших стимулов в этом контексте считается ощущаемый работником или его работодателем дефицит навыков для выполнения текущих трудовых операций⁵. Для анализа дефицита мы сгруппировали навыки в принятые в современной научной литературе категории: *базовые когнитивные* (навыки чтения и письма, навыки счета и вычислений, ИКТ-компетенции, знание иностранных языков), *когнитивные навыки высокого порядка* (умение принимать нестандартные решения, навыки ведения переговоров и убеждения), *некогнитивные* (навыки работы в команде, работа с клиентами, лидерские качества, принятие ответственности, навыки общения, соблюдение корпоративной культуры), *социально-эмоциональные* (добросовестность, самоконтроль, гибкость), а также *профессиональные навыки*, непосредственно связанные с выполнением трудовых операций [Васильев и др., 2015]. Таким образом, настоящее исследование охватывает все группы навыков, которыми пользуется работник для выполнения текущих производственных операций.

Анализ данных демонстрирует, что картина дефицита навыков, констатируемых работниками и работодателями, на статистически значимом уровне различается (см. рис. 1). Для проведения статической оценки значимости различий был использован непараметрический критерий Манна-Уитни, применяемый для сравнения независимых выборок (работодателей и работников).

⁵ OECD Skills Strategy 2019: Skills to Shape a Better Future. <https://doi.org/10.1787/9789264313835-en>.

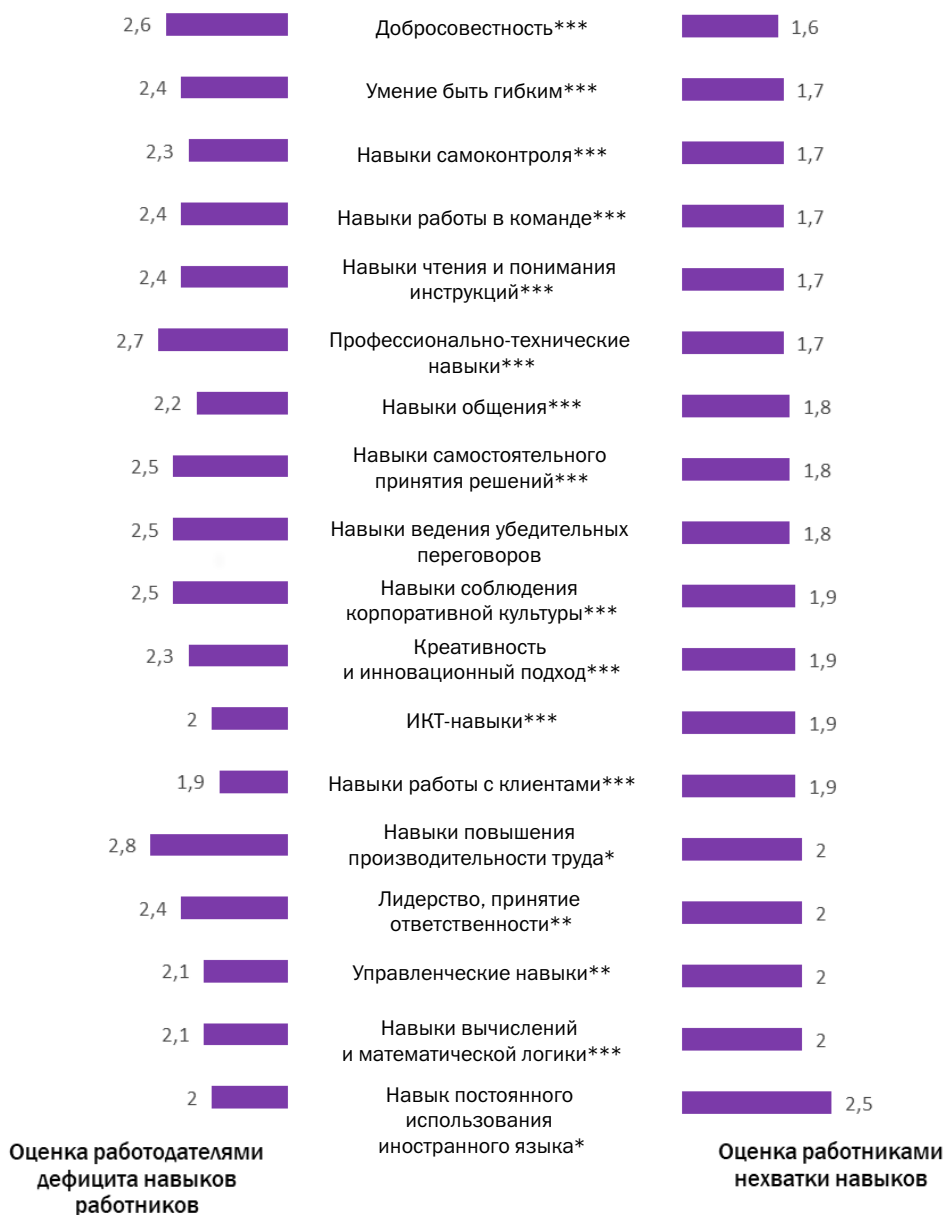

Рис. 1. Дефицит навыков работников по мнению работодателей (справа) и самих работников (слева) в баллах⁶

⁶ 1 — обозначает, что дефицит отсутствует, а 5 — что дефицит выражен в значительной степени. Уровень статистической значимости отмечен в качестве: * для $p < 0,05$, ** для $p < 0,005$, *** для $p < 0,001$.

Как видно из рисунка 1, работодатели в качестве дефицитных для всех групп работников прежде всего отмечают профессионально-технические навыки, компетенции в сфере повышения производительности труда, а также такой социально-эмоциональный навык, как добросовестность. Этот вывод подтверждается результатами других исследований, отмечающих у работников в первую очередь дефицит универсальных компетенций [Васильев и др., 2015]. Сами сотрудники, напротив, считают, что профессионально-технические навыки, равно как самостоятельность и добросовестность, у них достаточно развиты. В большей степени работники отмечают у себя дефицит навыков, необходимых для карьерного роста, а именно управленческих и лидерских компетенций, а также способности использования иностранного языка.

Ощущаемый работниками разрыв между требуемыми и имеющимися у них навыками считается наиболее весомым мотивом для прохождения обучения. На наш взгляд, дополнительная мотивация может возникнуть, если передаваемые на рабочем месте компетенции будут включать в себя необходимые для индивидуального развития работника навыки, такие как обучение иностранному языку, управленческим и лидерским качествам и т. д.

Приоритетные формы образования и обучения

Рис. 2. Предпочитаемые работниками формы обучения (в баллах)⁷

Анализ предпочитаемых форм обучения демонстрирует заинтересованность сотрудников в доступных и малозатратных по времени и ресурсам мероприятиях. К ним относятся, например, обучение на рабочем месте конкретному профессиональному навыку опытными коллегами и руководителями; прохождение программ повышения квалификации в университете или учебном центре компании по месту

⁷ Уровень предпочтения оценивался в баллах по шкале от 1 до 5, где 1 — наименее предпочитаемая форма, а 5 — наиболее предпочитаемая форма. Для измерения статистической значимости различий между предпочитаемыми работниками формами обучения был использован критерий Краскела-Уолисса для независимых выборок, применяемый для порядковых шкал и не требующий гауссовского распределения. Различия между предпочитаемыми работниками формами обучения оказались значимы $\chi^2(5, N = 397) = 121,77, p = ,00$.

работы и некоторые другие (см. рис. 2). Эти формы учитываются работниками и работодателями при выборе наиболее эффективной стратегии обучения для приобретения востребованных компетенций.

Из рисунка 2, на котором представлены предпочтительные для взрослых формы обучения, следует приоритет неформальных и информальных стратегий (на рабочем месте с участием коллег и руководителей, самообразование, обучение конкретному профессиональному навыку в негосударственном центре) перед формализованными и институционализированными программами подготовки. Однако информальные стратегии так и остаются вне рамок российского законодательства из-за отсутствия широкой практики признания такого обучения в составе основных профессиональных образовательных программ. Разработка системы признания данной стратегии может оказать положительное влияние на мотивацию к продолжению участия в обучении в течение всей жизни [Valk, 2009]. С этой целью в рамках европейского законодательства предусмотрены меры по валидации и признанию предыдущего образовательного опыта, полученного в рамках неформального и информального обучения⁸.

Как следует из рисунка 3, респонденты с *высшим образованием* чаще участвуют в информальном обучении⁹, нежели работники со средним общим и средним профессиональным образованием. Напротив, сотрудники со *средним профессиональным образованием* чаще используют неформальное обучение в качестве основной формы обновления компетенций. Одним из возможных объяснений является позиция М. Хайселя, отмечающего, что взрослые со средним образованием могут быть не уверены в своей способности обучаться самостоятельно (информально) и потому отдают предпочтение неформальным и более институционализированным формам для развития своих компетенций [Heisel, Darkenwald, Anderson, 1981].

Использование информального образования для компенсации снижаемого количества организованных видов обучения характерно для многих стран. Так, в Чили и Испании, имеющих сравнительно низкий для стран ОЭСР уровень участия в формальном и неформальном обучении (38% и 35%), наблюдаются одни из самых высоких показателей участия в его информальном формате (77% и 74% соответственно). Напротив, в Нидерландах относительно низкий показатель получения информального образования (61%), в то время как по охвату формальным и неформальным его видами страна занимает пятое место среди государств ОЭСР (52%)¹⁰.

Как видно из рисунка 2, работники предпочитают приобретать новые навыки от коллег и руководителей на рабочем месте, а значит, можно предположить, что все большее значение приобретает процесс коммуникации, кооперации и работы в команде, обеспечивающий эффективное внутреннее обучение и обмен знаниями на конкретном предприятии. На обучение от коллег как на самую эффективную форму приобретения профессиональных компетенций указывают прежде всего

⁸ Cedefop. European Guidelines for Validating Non-Formal and Informal Learning. 2009. URL: https://www.cedefop.europa.eu/files/4054_en.pdf (дата обращения: 29.03.2021).

⁹ Показатель участия в информальном обучении рассчитывался по числу положительных ответов на вопросы об «обучении от опытных коллег» или «самообразовании» в течение последних 12 месяцев на момент опроса.

¹⁰ Getting Skills Right: Future-Ready Adult Learning Systems (2019) OECD. 13 February. <https://doi.org/10.1787/9789264311756-en>.

высококвалифицированные работники и специалисты-профессионалы, которые часто сами выступают в роли тренеров-наставников для менее опытных сотрудников (см. рис. 4).

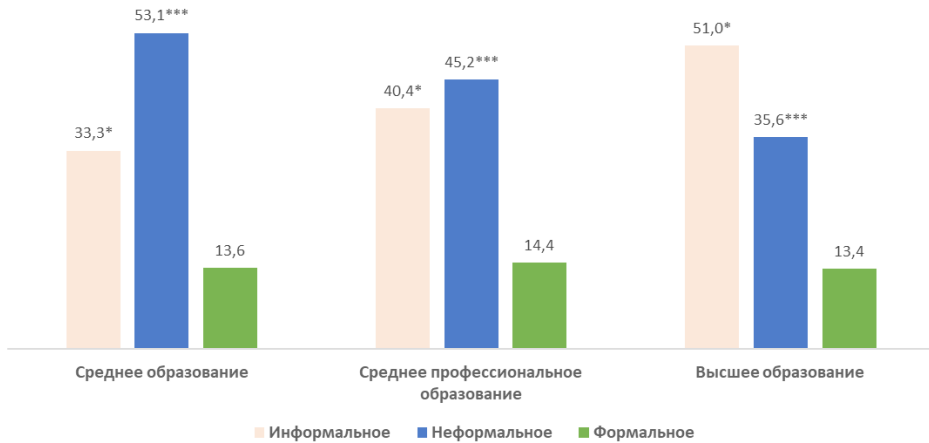

Рис. 3. Участие взрослых в различных формах обучения: формальное, неформальное, информальное в % от числа опрошенных, имеющих соответствующий уровень образования¹¹

Рис. 4. Доля респондентов, считающих обучение от коллег наиболее значимой формой развития профессиональных навыков (в % от общего количества выбранных ответов)¹²

¹¹ Уровень статистической значимости отмечен в качестве: * для $p < 0,05$, *** для $p < 0,001$. Уровень статистической значимости измерялся последовательно для каждой формы участия в обучении для трех групп респондентов: с общим средним, средним профессиональным и высшим образованием соответственно (с помощью трех многопольных таблиц размерностью 3×2). Для применения критерия Хи-квадрат участие в обучении было перекодировано в номинальную переменную с двумя значениями («Да»/«Нет»), поскольку для применения критерия Хи-квадрат существенно использование абсолютных фактических и ожидаемых частот [Гржибовский, Иванов, Горбатова, 2016]. Различия оказались значимы для частоты участия в информальном обучении $\chi^2(2, N = 392) = 5,87, p = ,04$ и неформальном обучении $\chi^2(2, N = 388) = 20,52, p = ,00$ среди респондентов с различным уровнем образования, но не для участия в формальном обучении.

¹² Границы доверительного интервала установлены на уровне 95%.

Возраст играет важную роль в выборе взрослыми определенных форм обучения. Для оценки уровня статистических различий между респондентами разных возрастных групп был использован критерий Краскела-Уолисса, где в качестве независимых выборок выступали шесть возрастных групп (см. рис. 5). Оценивание проводилось последовательно для каждой из форм обучения.

Как следует из анализа данных, представленных на рисунке 5, возрастные различия в предпочитаемых формах обучения на статистически значимом уровне подтверждены для программ переподготовки и повышения квалификации в университете ($t(5) = 18,31, p < 0,05$), для обучения в негосударственном учебном центре ($t(5) = 21,44, p < 0,001$), для обучения в учебном центре компании по месту работы ($t(5) = 24,18, p < 0,005$) и прохождения дополнительных программ в техникуме или колледже ($t(5) = 21,47, p < 0,001$).

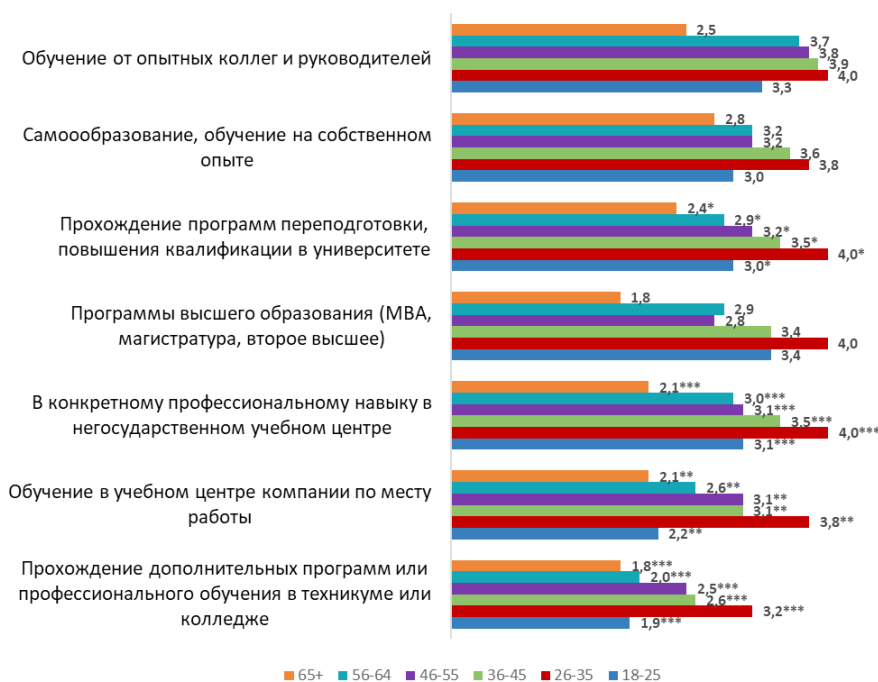

Рис. 5. Значимость предпочитаемых форм обучения для респондентов различного возраста (в баллах)¹³

Для такой формы обновления компетенций, как обучение от коллег, руководителей и наставников, а также для самообразования возрастные различия оказались несущественны. Отсутствие статистической значимости в возрастных различиях и вместе с тем высокие средние значения указывают, что данные формы предпочтительны для всех работников от 18 до 65 лет и старше.

¹³ Значимость в баллах: 1 — наименее значимая форма; 5 — наиболее значимая форма. Уровень статистической значимости отмечен в качестве: * для $p < 0,05$, ** $p < 0,005$, *** $p < 0,001$.

Анализ данных на рисунке 5 показывает, что для *сотрудников, только начавших свою профессиональную карьеру (18—25 лет)*, также значимо прохождение программ высшего образования, обучение в негосударственном учебном центре. Выбор широкого спектра форм обучения со стороны когорты молодых работников свидетельствует, что в интересах своего карьерного роста они предпочитают смешанный формат образования, позволяющий наращивать как общий человеческий капитал за счет участия в формальном обучении, так и специфический компонент человеческого капитала за счет приобретения компетенций на рабочих местах или в учебном центре.

Работники *возрастной группы 26—35 лет* отмечают подавляющее большинство представленных форм в качестве значимых для развития своей профессиональной карьеры. Готовность к участию в обучении может объясняться стремлением данной группы к увеличению самоэффективности и конкурентоспособности, которое имеет четко выраженную возрастную структуру и затем значительно снижается вместе с возрастом [Maurer, 2001].

Для работников *возрастной группы 36—45 лет* привлекательными формами для приобретения новых компетенций, кроме самообразования и ментворкинга¹⁴, выступает обучение конкретному профессиональному навыку и прохождение программ повышения квалификации в университете. Проведенное нами исследование демонстрирует, что значимость всех предпочитаемых форм начинает планомерно уменьшаться от возрастной группы 36—45 лет и до возрастной группы старше 65 лет.

Для *возрастной группы 46—55 лет* прохождение программ переподготовки в университете менее привлекательно. Такие сотрудники выбирают обучение в негосударственном центре или на работе. Их интересуют образовательные форматы, направленные на развитие узкопрофессиональных компетенций, востребованных на конкретных предприятиях, то есть развивающие специфический человеческий капитал.

Работники *возрастной группы 56—64 лет* предпочитают прохождение программ высшего образования и обучение конкретному навыку в негосударственном учебном центре.

Сотрудники *старшей возрастной группы — от 65 лет и старше* — кроме самообразования и обучения от коллег в качестве приоритетных для себя форм отмечают прохождение программ переподготовки или повышения квалификации в университете, но с наименьшими уровнями значимости по сравнению со всеми другими возрастами.

В целом снижение с возрастом интенсивности участия в обучении может объясняться на индивидуальном уровне предстоящим выходом на пенсию, а на организационном — снижением инвестиций работодателя в развитие работников старшего возраста [Fossum et al., 1986], поскольку затраты на развитие этой группы так же высоки, как и для других возрастных групп, однако выгоды ниже, ибо обновленные компетенции, знания и навыки не будут применяться после определенного времени [Edwards, Sieminski, Zeldin, 1993; Boeren, Nicaise, Baert, 2010].

¹⁴ Ментворкинг — это один из методов обучения персонала, когда более опытный сотрудник делится своими знаниями, умениями и навыками с неопытным новичком на протяжении определенного времени.

Потребительский интерес к условиям реализации и характеристикам качества дополнительных образовательных программ

Характеристики качества и условий проведения дополнительных образовательных программ — еще одна группа факторов, определяющих их востребованность. К содержательным характеристикам будем относить: тематические блоки программы и приобретаемые навыки, общественное и отраслевое признание результатов обучения, трудоустройство выпускников. Организационные характеристики включают в себя такие показатели, как удобное расписание обучения и график занятий, участие в программе известных преподавателей, партнеров из реального сектора экономики, бренд образовательной организации, возможность дистанционного прохождения курса и его стоимость¹⁵.

В ходе опроса работодатели оценивали значимость образовательных программ для персонала своей организации, а работники — для себя и своего карьерного развития. На основании критерия Краскела-Уолисса можно сделать вывод, что статистически значимые различия между работодателями и работниками проявляются в отношении таких характеристик образовательных программ, как информация о трудоустройстве выпускников ($t(4) = 11,31, p < 0,05$), наличие общественного и отраслевого признания программы ($t(5) = 9,83, p < 0,05$), ее известность ($t(4) = 13,26, p < 0,05$) и возможность ее дистанционного прохождения ($t(4) = 8,13, p < 0,05$). В целом можно говорить о более высоких требованиях к содержанию и результатам образовательной программы со стороны работодателей (см. рис. 6).

Практически одинаково для работников и работодателей важны такие характеристики программы, как удобное расписание и график занятий, присутствие в ней курсов известных и опытных преподавателей, наличие подробной информации о приобретаемых навыках.

Рис. 6. Значимость условий реализации и характеристик дополнительной образовательной программы для ее выбора работниками и работодателями (в баллах)¹⁶

¹⁵ Новиков А. М., Новиков Д. А. Как оценивать качество образования? URL: http://www.anovikov.ru/artikle/kacth_obr.htm (дата обращения: 21.11.2019).

¹⁶ Уровень значимости в баллах от 1 до 5, где 1 — наименее значимый, 5 — наиболее значимый. Уровень статистической значимости отмечен в качестве: * для $p < 0,05$.

Тем не менее на основании данных, представленных на рисунке 6, можно утверждать, что при выборе образовательной программы работники в большей степени отдают предпочтение организационным характеристикам: удобному расписанию и графику занятий, участию известных и опытных преподавателей, в то время как работодатели больше нацелены на содержательные характеристики: результативность и достигаемое обновление компетенций.

Финансовые аспекты при выборе обучения работниками

Получение дополнительного профессионального образования ожидаемо связывается работниками с возможной государственной поддержкой и финансированием обучения [Авраамова и др., 2016]. Позиция работодателей в отношении оплаты обучения в настоящем исследовании не рассматривалась, поскольку определяется ими исключительно на основе текущей экономической целесообразности на конкретном предприятии: появлением нового оборудования (инвестиционной программой собственников), удержанием персонала с необходимыми навыками или решением о внедрении организационных технологий повышения производительности труда («бережливое производство», «менеджмента качества»).

В соответствии с рисунком 7, наиболее ожидаемой формой поддержки от государства работники считают софинансирование дополнительного образования (27,5% от общего числа опрошенных работников), а также полную оплату приобретения ими новых навыков (25,3%). В льготном кредите на обучение заинтересованы только 13,2% опрошенных. Всего финансовую поддержку ожидают в среднем 65% респондентов. Только 15% работников нуждаются в профориентации и помощи при выборе образовательных программ. В эту группу попали сотрудники из категории среднего звена и низкоквалифицированные рабочие. Они готовы пройти обучение, но не знают о возможностях на рынке образования. Содействие в получении признаваемой оценки полученных квалификаций для работников пока не играет значительной роли. Лишь 9,5% респондентов отметили значимость данного вида государственной поддержки. В этой группе оказались сотрудники, занятые выполнением несложных повторяющихся задач, а также те, кто трудится на высокотехнологическом оборудовании.

Таким образом, работники намерены повышать свою квалификацию и проходить дополнительное обучение лишь в том случае, если им будет оказана финансовая поддержка. Вместе с тем почти 35% респондентов готовы инвестировать собственные денежные средства в свое дальнейшее образование.

Анализ данных в контексте количества денежных средств, которые работники разных профессиональных категорий предполагают потратить на свое обучение, показал, что чем выше статус сотрудника, тем большую сумму он может самостоятельно вложить в прохождение образовательных программ (см. рис. 8).

С одной стороны, это связано с предпочитаемыми формами обучения: чем более высокую профессиональную ступень занимает работник, тем более сложные и комплексные, а значит и финансово-затратные программы он выбирает. Кроме того, чем выше положение сотрудника в профессиональной иерархии, тем больше разнородных навыков ему требуется в связи с занимаемой должностью, и тем большее количество денежных средств он готов самостоятельно израсходовать

на обучение. С другой стороны, количество денег, которые работники могли бы потратить на получение дополнительного образования, пропорционально их средней месячной заработной плате (см. рис. 9).

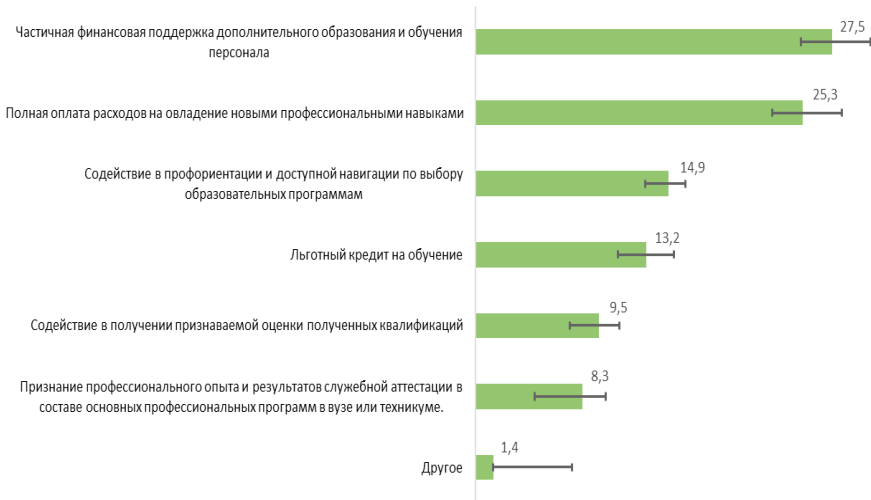

Рис. 7. Ожидания работников в отношении получения государственной поддержки на обучение и образование (в % опрошенных респондентов)¹⁷

Рис. 8. Размер денежных средств, который самостоятельно готовы потратить различные профессиональные категории работников на получение образования в год (в тыс. руб.)¹⁸

¹⁷ Границы доверительного интервала установлены на уровне 95%.

¹⁸ $\chi^2(6, N = 397) = 21,01, p = ,00$.

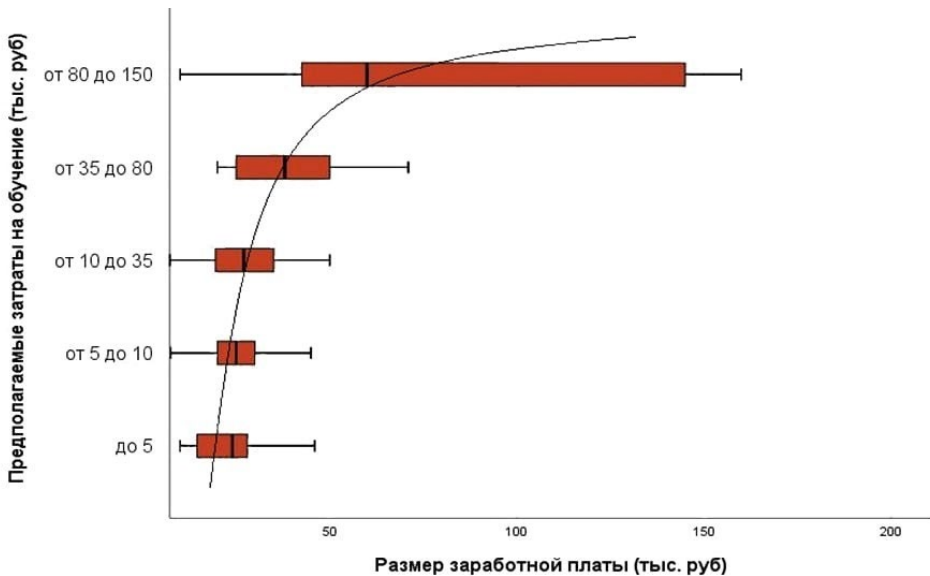

Рис. 9. Взаимосвязь среднемесячного дохода работников и количества денежных средств, которые они готовы потратить на образовательные программы в год (в тыс. руб.)¹⁹

Таким образом, предполагаемые затраты на обучение среди работников, настроенных самостоятельно вкладываться в свое профессиональное образование, увеличиваются с ростом заработной платы.

Документы об образовании и предпочитаемые образовательные программы

Финальным этапом любого обучения является получение документа об образовании, подтверждающего приобретение или наличие определенного перечня компетенций и навыков. Доверие к документу означает доверие к институту — провайдеру образовательных услуг, объективность оценки результатов образования, признание качества процесса обучения, соответствие полученного результата потребностям компании и личностным запросам. Сравнение позиций работодателей и работников в отношении документов об образовании, значимых при принятии решения о трудоустройстве нанимаемого персонала (для работодателей) или своего карьерного развития (для работников) показало, что обе группы респондентов отдадут предпочтение свидетельствам о повышении квалификации в университете (см. рис. 10). Представленные на рисунке 10 границы 95 % доверительного интервала подчеркивают значимость различий в предпочтениях документов об образовании среди работников и работодателей в тех случаях, когда границы интервалов практически не пересекаются.

Из рисунка 10 следует, что такие документы, как диплом MBA или высшего образования (бакалавриат, магистратура, аспирантура), более значимы для ра-

¹⁹ $\chi^2(378, N=379)=431,12, p=.03$.

ботодателей при принятии решения о трудоустройстве работников. В то время как наличие удостоверений о профессиональном обучении в государственном техникуме/колледже или негосударственном центре ДПО и ДО, а также свидетельства центра оценки компетенций важнее для работников, нежели работодателей.

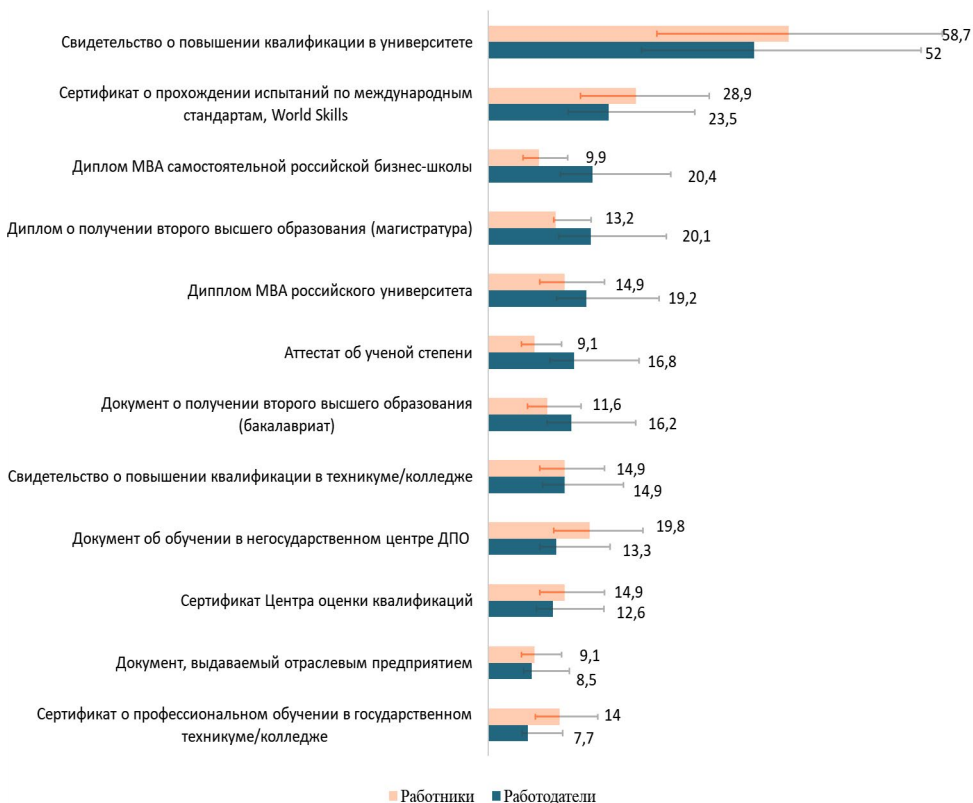

Рис. 10. Наиболее значимые документы об образовании/обучении по мнению работников (для целей своего карьерного развития) и работодателей (при принятии решения о трудоустройстве нанимаемых работников) (значимость в % от общего числа ответов)

Важность документов о дополнительном образовании для работников устойчиво соотносится с уровнем ранее полученного основного образования (см. рис. 11). Наибольшая часть сотрудников как с высшим, так и со средним/средне-специальным образованием отмечает приоритетную значимость свидетельств о повышении квалификации в университете.

Анализ данных показывает, что документы об окончании обучения по длительным образовательным программам (аспирантура, магистратура, стажировка в зарубежном университете, MBA российского университета) предпочтительнее для работников, уже имеющих высшее образование. Таким образом, чем выше начальный уровень образования сотрудника, тем более значим для него документ, подтверждающий его квалификацию на более высокой ступени.

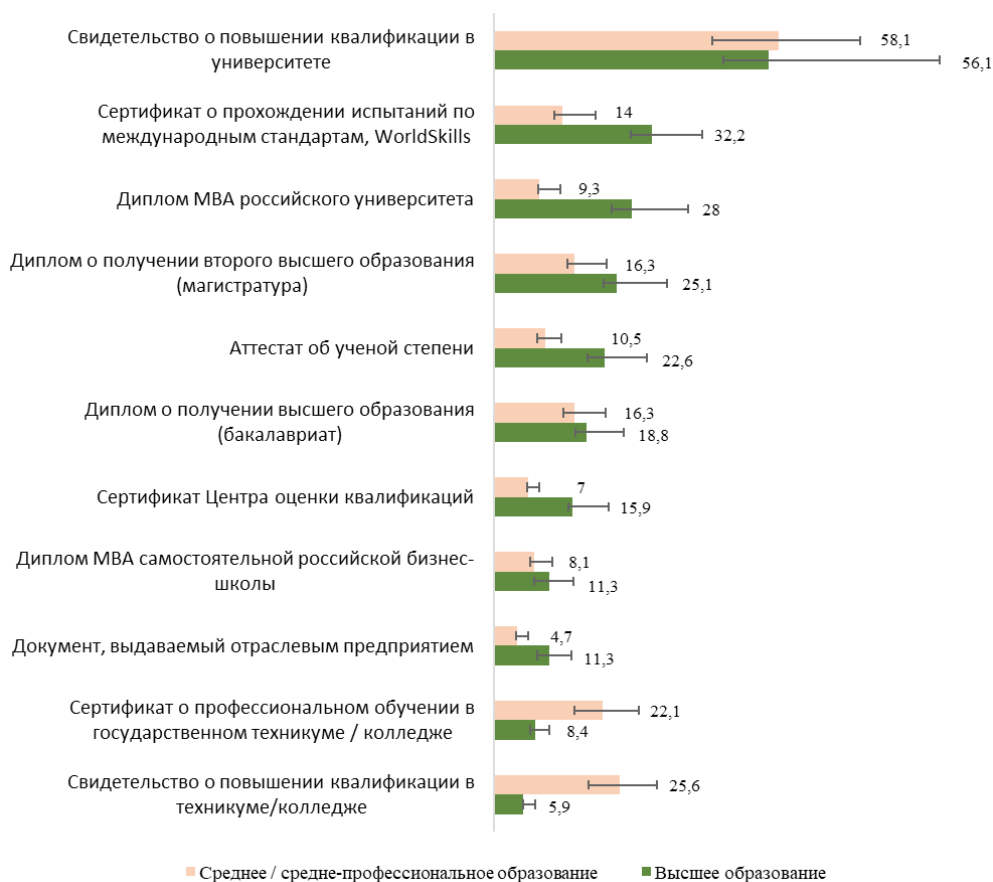

Рис. 11. Значимость документов об образовании в зависимости от исходного уровня образования респондентов (в % от общего числа ответов)²⁰

Проведенное исследование показало наличие возрастной специфики в оценке значимости документов об образовании (см. рис. 12).

Для работников в возрасте 18—25 лет, недавно начавших трудовую деятельность, наиболее важно свидетельство о повышении квалификации в университете, а также документы о прохождении испытаний по международным стандартам WorldSkills. Данные документы позволяют как зафиксировать владение профессиональными навыками, так и присвоить определенный разряд, класс или категорию по результатам пройденного обучения. Также работники этого возраста желают подтвердить свою квалификацию, полученную в ходе трудового опыта на предприятии.

В большей степени в любых видах документов об образовании заинтересованы молодые работники в возрасте от 18 и до 35 лет включительно, как новички

²⁰ Границы доверительного интервала установлены на уровне 95%.

на рынке труда, так и продолжающие свою профессиональную деятельность уже в течение нескольких лет. Сотрудники *возрастной группы 36—45 лет* в наибольшей степени оказались заинтересованы в документе, выдаваемом отраслевым предприятием.

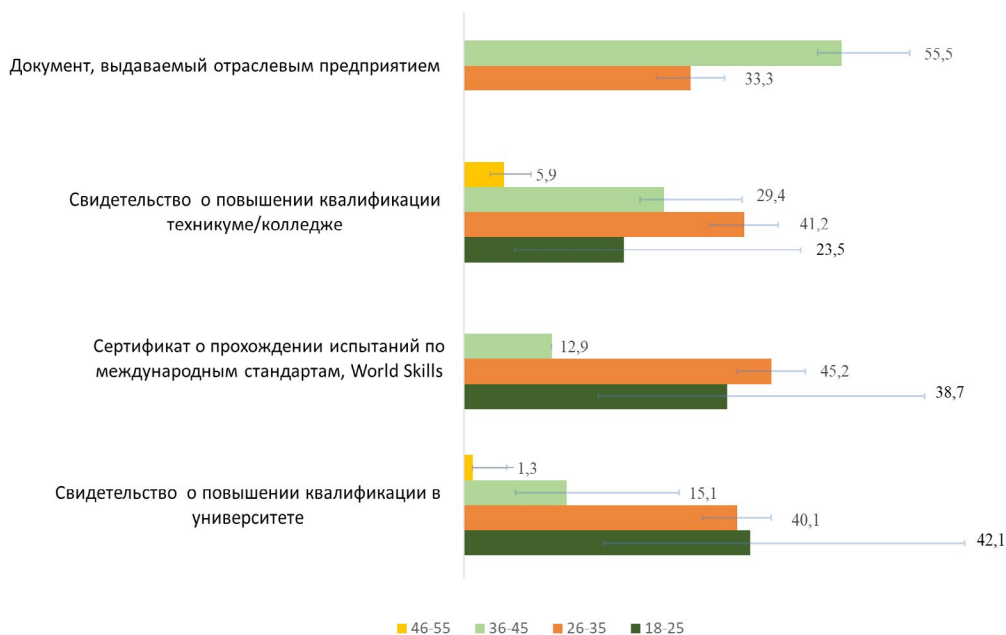

Рис. 12. Значимость документов об образовании в зависимости от возраста респондентов (в % от отмеченной значимости документа для каждой группы)

Работники *возрастной группы от 45 лет и старше*, по-видимому, перестающие планировать дальнейшее развитие карьеры, не отмечают предложенные документы об образовании в качестве значимых для собственного карьерного развития, поскольку теряют заинтересованность в том, чтобы чему-либо учиться.

В процессе исследования обнаружена разница в предпочтении того или иного документа об образовании в зависимости от вида трудовых операций, выполняемых работниками (см. рис. 13). Виды документов были сгруппированы на основании двух характеристик: 1) подтверждающие наличие или приобретение конкретных навыков, 2) подтверждающие прохождение взрослыми обучения в вузе.

В получении документов об обучении в вузе больше всего оказались заинтересованы работники, занятые решением нестандартных задач, поскольку для них важно приобретение комплексного набора как профессиональных, так и управленческих компетенций. Для всех остальных респондентов наиболее важными считаются документы, удостоверяющие владение конкретными группами навыков. Данный тип документов обладает значимостью прежде всего для сотрудников, выполняющих широкий спектр несложных трудовых операций.

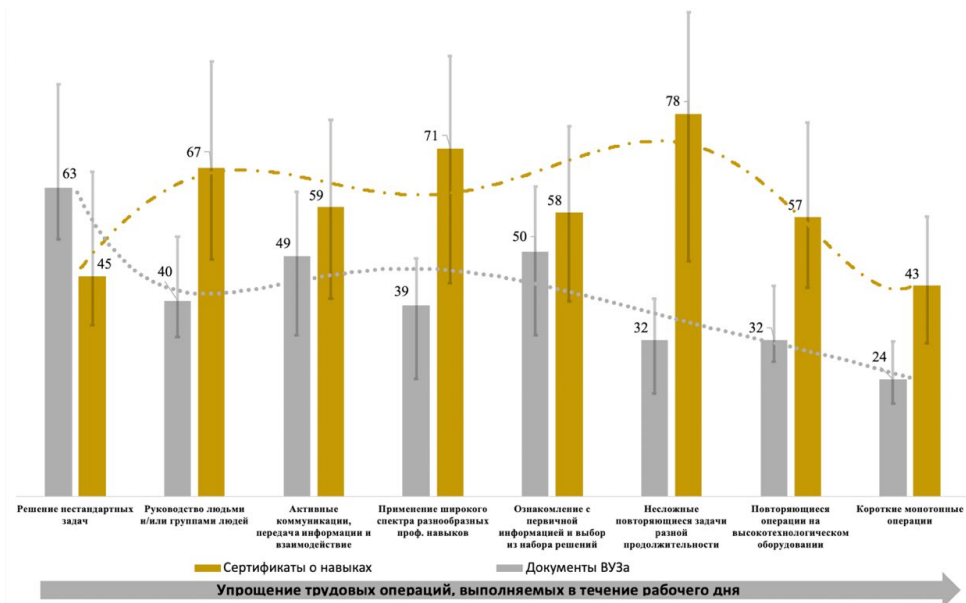

Рис. 13. Значимые документы об образовании в зависимости от характера выполняемых трудовых операций работников (в % от общего количества выбранных ответов)²¹

Меньше всего в получении сертификатов о навыках, равно как и документов вуза, заинтересована группа работников, чья деятельность описывается как короткие монотонные операции.

Подобное распределение предпочитаемых документов среди сотрудников, выполняющих различные трудовые операции, можно объяснить тем, что из-за быстрого устаревания навыков получение длительного формального образования представляется респондентам нерелевантным вложением времени и денежных средств.

Заключение

В исследовании были рассмотрены основания, по которым взрослые с целью накопления человеческого капитала принимают решение о выборе той или иной стратегии и формы обновления своих компетенций. В результате опроса работодателей и работников нами выявлена рассинхронизация их мнений относительно определения дефицитов навыков, что может приводить к проектированию менеджментом предприятий нерелевантной образовательной поддержки для собственных сотрудников. Работодатели считают, что у работников в большей степени не развиты необходимые организации навыки, особенно профессиональные компетенции в сфере повышения производительности труда. Сами же сотрудники предприятий, напротив, в первую очередь отмечают у себя дефицит навыков и компетенций, необходимых для дальнейшего профессионального развития и карьерного роста.

²¹ Границы доверительного интервала установлены на уровне 95%.

Документы об образовании, выдаваемые университетами, и сертификаты о владении профессиональными навыками (в том числе о прохождении международных испытаний по стандартам World Skills) оказались важными стимулами для более молодой когорты работников (см. рис. 10 и рис. 11). Предпочтение ими этих документов может быть обусловлено сигнальной функцией, которую данные сертификаты играют для работодателя при найме сотрудников в ситуации отсутствия у них практического опыта. Согласно «сигнальной» теории, наличие документов о прохождении образовательной программы в вузе указывает при трудоустройстве на более высокий уровень подготовки работника, на развитые социально-эмоциональные, коммуникативные навыки, организованность, добросовестность, целеустремленность, достигаемые за счет детального и более комплексного обучения.

Среди общей совокупности респондентов, ответивших на вопросы о формах обучения и документах об образовании ($n = 386$), более половины (51,3 %) предпочитает учиться на работе и при этом получать свидетельства о повышении квалификации, выдаваемые вузом. Приобретение знаний и навыков от более опытных коллег во время выполнения трудовых операций связано с определенными преимуществами. Во-первых, гибкостью и возможностью корректировать время, цель, задачи под свои потребности и возможности. Во-вторых, адаптивностью, поскольку используется действующее оборудование данной отрасли. Желание иметь документы государственного образца, как подтверждение более широких знаний, умений и навыков, свидетельствует о том, что помимо приобретаемых компетенций среди работающих граждан ценятся также формальные признаки полученного образования.

Предпочтение той или иной формы приобретения новых компетенций связано с соответствующим уровнем образования респондентов. В целом неформальное обучение расценивается сотрудниками с высшим и средним профессиональным образованием в качестве наиболее эффективного, а недостаток неформального обучения часто заменяется неформальным. Лица, имеющие только аттестат об окончании средней школы, чаще вовлечены в организованное неформальное обучение и реже используют неформальную практику приобретения новых компетенций. При этом передача сотрудникам навыков повышения производительности труда («бережливое производство») рассматривается работодателями в качестве самой актуальной формы внедрения на предприятии систематического неформального обучения. Согласно теории человеческого капитала, предприятия в своем организационном поведении стремятся к созданию особой культуры, связанной с транзитом и передачей навыков рабочей силой внутри компании. Именно поэтому принципы бережливого производства, ориентированные на внедрение командной работы, контроль качества и оценку персонала, могут рассматриваться в качестве среды неформального обучения для аккумуляции человеческого капитала предприятий и повышения их производительности.

При выборе образовательной программы работники ориентируются на ее организационные атрибуты (удобное расписание, участие известных и опытных преподавателей), а работодатели — на содержание (результативность и специфику приобретаемых навыков, информацию о трудоустройстве выпускников). Внимание

работодателей к содержательным характеристикам программы связано с тем, что по ним можно судить о ее эффективности для решения конкретных нужд предприятия. Если информация о трудоустройстве слушателей воспринимается как свидетельство востребованности программы на рынке труда, то информация о приобретаемых навыках указывает на то, насколько качественную подготовку и какие компетенции получает сотрудник. Ориентация взрослых при выборе образовательной программы на организационные условия ее реализации обусловлена тем, что, если обучение происходит вне предприятия и не подразумевает онлайн-формата, работнику требуется подбирать подходящий временной отрезок, который он сможет использовать для этих целей. Отсутствие статистически значимых различий между предпочтением работниками и работодателями тех или иных условий реализации дополнительной образовательной программы означает, что данные факторы одинаково важны для обеих сторон. Так, участие известных и опытных преподавателей оказывается важной характеристикой выбора программы дополнительного профессионального образования, на которую обращают внимание и работники, и работодатели. Было выявлено, что привлечение средств государственных программ поддержки обучения взрослых для развития сквозных и универсальных навыков, в которых заинтересованы работники, может помочь реализовать эффективное корпоративное обучение, согласующееся с требованиями работодателя.

Проведенное нами исследование продемонстрировало, что мнение работников не совпадает с позицией работодателей относительно выбора образовательных траекторий для устранения дефицита навыков. При формировании и развитии кадровой политики на производстве необходимо учитывать и мнение сотрудников, принимающих решение о приобретении необходимых им навыков для успешной реализации трудовых операций. Именно поэтому понимание работодателями и самими работниками, какие формы обучения подходят лучше всего, может обеспечить эффективный процесс передачи навыков и увеличить общую частоту обновления компетенций работающим населением.

Полученные в ходе исследования результаты свидетельствуют о необходимости его продолжения. В частности, в дальнейшем рассмотрении нуждается, во-первых, установление взаимосвязи между совершаемыми трудовыми операциями и предпочтениями различных документов об образовании; во-вторых, выявление взаимосвязи участия работников в неформальном и информальном обучении в зависимости от исходного уровня образования; в-третьих, рассмотрение связи между возрастом работника и предпочтением им определенных форматов обновления компетенций.

Ограничения исследования

К ограничениям настоящей работы следует отнести недостаточную корректность возможного распространения сделанных выводов на всю генеральную совокупность работающих российских граждан ввиду неслучайного характера отбора единиц наблюдения и проведения опроса только среди сотрудников и работодателей предприятий малого бизнеса.

Допустимо предполагать, что при отборе компаний мог реализоваться принцип «самоселективности», и в выборку попадали предприятия, которые изначально

занимались проведением кадровой политики в сфере обучения и в целом с большим вниманием относились к практикам управления персоналом. Тем не менее полученные эмпирические данные приближают к пониманию стратегий развития человеческого капитала предприятиями и работающими на них гражданами.

Список литературы (References)

Аврамова Е. М., Каравай А. В., Клячко Т. Л., Логинов Д. М. Мониторинг дополнительного профессионального образования в России. М.: Дело, 2016.

Avraamova E. M., Karavai A. V., Klyachko T. L., Loginov D. M. (2016) Monitoring of Continuing Vocational Education in Russia. Moscow: Delo. (In Russ.)

Бондаренко Н. В. Непрерывное образование взрослого населения в России: вовлеченность, источники финансирования и основные эффекты от участия // Мониторинг экономики образования. 2018. № 12.

Bondarenko N. V. (2018) Continuing Education in Russia: Involvement, Sources of Funding, and Main Effects of Participation. *Monitoring the Economics of Education*. No. 12. (In Russ.)

Васильев К. Б., Рошин С. Ю., Мальцева И., Травкин П., Лукьянова А., Чугунов Д., Рутковски Я., Каху П. М., Неллеманн С. Развитие навыков для инновационного роста в России. М.: Алекс, 2015.

Vasilyev K. B., Roshchin S. Yu., Maltseva I., Travkin P., Lukyanova A., Chugunov D., Rutkovsky Y., Kakhu P. M., Nellemann S. (2015) Skills Development for Innovative Growth in Russian Federation. Moscow: Alex. (In Russ.)

Гимпельсон В. Е. Возраст, производительность, заработная плата. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2018.

Gimpelson V. E. (2018) Age, Productivity, Salary. Moscow: HSE Publishing House. (In Russ.)

Гржибовский А. М., Иванов С. В., Горбатова М. А. Анализ номинальных и ранговых переменных данных с использованием программного обеспечения Statistica и SPSS // Наука и здравоохранение. 2016. № 6. С. 5—39.

Grijbovski A. M., Ivanov S. V., Gorbatova M. A. (2016) Analysis of Nominal and Ordinal Data Using Statistica and SPSS Software. *Science and Health*. No. 6. P. 5—39. (In Russ.)

Друкер П. Ф. Задачи менеджмента в XXI веке. М.: Вильямс, 2004.

Drucker P. F. (2004) Management Challenges for 21st Century. Moscow: Williams. (In Russ.)

Завьялова Е. К., Ардишвили А. Современные проблемы российского корпоративного образования: возможно ли обучение без развития? // Российский журнал менеджмента. 2019. Т. 17. № 4. С. 499—516. <https://doi.org/10.21638/spbu18.2019.405>.

Zayvalova E. K., Ardishvili A. (2019) The Contemporary Problems of Corporate Education in Russian Companies: Can There Be Learning Without Development? *Russian Management Journal*. Vol. 17. No. 4. P. 499—516. <https://doi.org/10.21638/spbu18.2019.405>. (In Russ.)

Ковалева Н. В., Бородин Д. Р., Ковалева Л. Э. Спрос и предложение на рынке дополнительного профессионального образования // *Дополнительное профессиональное образование в стране и мире*. 2013. № 6. С. 34—40.

Kovaleva N. V., Borodina D. R., Kovaleva L. E. (2013) Demand and Supply in The Market of Continuing Vocational Education. *Continuing Vocational Education in The Country and The World*. No. 6. P. 34—40. (In Russ.)

Коршунов И. А., Гапонова О. С. Непрерывное образование взрослых в контексте экономического развития и качества государственного управления // *Вопросы образования*. 2017. № 4. С. 36—59.

Korshunov I. A., Gaponova O. S. (2017) Lifelong Learning in the Context of Economic Development and Government Effectiveness. *Educational Studies*. No. 4. P. 36—59. (In Russ.)

Коршунов И. А., Гапонова О. С., Пешкова В. М. Век живи — век учись: непрерывное образование в России / под общ. ред. И. А. Коршунова, И. Д. Фрумина; науч. ред. И. А. Коршунов, И. Д. Фрумин. М.: Издательский дом НИУ ВШЭ, 2019. <https://doi.org/10.17323/978-5-7598-1779-6>.

Korshunov I. A., Gaponova O. S., Peshkova V. M. (2019) Live and Learn: Adult Continuing Education in Russia. Moscow: HSE Publishing House. <https://doi.org/10.17323/978-5-7598-1779-6>. (In Russ.)

Коршунов И. А., Ширкова Н. Н., Сженев Е. С. Непрерывное образование работников в Российской Федерации и регионах // *Факты образования*. 2020. № 7.

Korshunov I. A., Shirkova N. N., Szhenov E. S. (2020) Lifelong Learning of Employees in the Russian Federation and Regions. *Education Facts*. No. 7. (In Russ.)

Baumgartner L. M., Merriam S. B. (2020) *Learning in Adulthood: A Comprehensive Guide*. Wiley.

Becker G. (1993) Nobel Lecture: The Economic Way of Looking at Behavior. *Journal of Political Economy*. Vol. 101. No. 3. P. 385—409.

Becker G. (1983) *Human Capital: A Theoretical and Empirical Analysis, With Special Reference to Education*. Chicago: The University of Chicago. Vol. 2. Second Edition.

Boeren E., Nicaise I., Baert H. (2010) Theoretical Models of Participation in Adult Education: The Need for an Integrated Model. *International Journal of Lifelong Education*. Vol. 29. No. 1. P. 45—61. <https://doi.org/10.1080/02601370903471270>.

Brown K. M. (1996) The Role of Internal and External Factors in the Discontinuation of off-Campus Students. *Distance Education*. Vol. 17. No. 1. P. 44—71. <https://doi.org/10.1080/0158791960170105>.

Cervero R. M., Kirkpatrick T. E. (1990) The Enduring Effects of Family Role and Schooling on Participation in Adult Education. *American Journal of Education*. Vol. 99. No. 1. P. 77—94. <https://doi.org/10.1086/444282>.

Davidsson P., Honig B. (2003) The Role of Social and Human Capital Among Nascent Entrepreneurs. *Journal of Business Venturing*. Vol. 18. No. 3. P. 301—331. [https://doi.org/10.1016/S0883-9026\(02\)00097-6](https://doi.org/10.1016/S0883-9026(02)00097-6).

- Garrick J. (2012) *Informal Learning in the Workplace: Unmasking Human Resource Development*. London: Routledge. <https://doi.org/10.4324/9780203028926>.
- Edwards R., Sieminski S., Zeldin D. (1993) *Adult Learners, Education, and Training*. London: Routledge.
- Ehlert M. (2017) Who Benefits From Training Courses in Germany? Monetary Returns to Non-Formal Further Education on a Segmented Labour Market. *European Sociological Review*. Vol. 33. No. 3. P. 436—448. <https://doi.org/10.1093/esr/jcx042>.
- Eide E. R., Showalter M. H. (2010) Human Capital. In: Peterson P. L., Baker E. L., McGaw B. (eds.) *International Encyclopedia of Education (Third Edition)*. Oxford: Elsevier. P. 282—287. <https://doi.org/10.1016/B978-0-08-044894-7.01213-6>.
- Fossum J. A., Arvey R. D., Paradise C. A., Robbins N. E. (1986) Modeling the Skills Obsolescence Process: A Psychological/Economic Integration. *Academy of Management*. Vol. 11. No. 2. P. 362—374. <https://doi.org/10.5465/amr.1986.4283130>.
- Goldin C. (2016) Human Capital. In: *Handbook of Cliometrics*. Heidelberg: Springer. P. 55—86.
- Heckman J. J. (2000) Policies to Foster Human Capital. *Research in Economics*. Vol. 54. No. 1. P. 3—56. <https://doi.org/10.1006/reec.1999.0225>.
- Heisel M. A., Darkenwald G. G., Anderson R. E. (1981) Participation in Organized Educational Activities Among Adults Age 60 and Over. *Educational Gerontology*. Vol. 6. No. 2—3. P. 227—240. <https://doi.org/10.1080/0380127810060212>.
- Jarvis P. (2010) *Adult Education and Lifelong Learning: Theory and Practice*. London: Routledge. 4th ed.
- Kyndt E., Dochy F., Nijs H. (2009) Learning Conditions for Non-Formal and Informal Workplace Learning. *Journal of Workplace Learning*. Vol. 21. No. 5. P. 369—383. <https://doi.org/10.1108/13665620910966785>.
- Laroche M., Mérette M., Ruggeri G. C. (1999) On the Concept and Dimensions of Human Capital in a Knowledge-Based Economy Context. *Canadian Public Policy*. Vol. 25. No. 1. P. 87—100. <https://doi.org/10.2307/3551403>.
- Manuti A., Pastore S., Scardigno A., Giancaspro M., Morciano D. (2015) Formal and Informal Learning in the Workplace: A Research Review. *International Journal of Training and Development*. Vol. 19. No. 1. <https://doi.org/10.1111/ijtd.12044>.
- Marsick V. J., Watkins K. E. (2011) *Informal and Incidental Learning in the Workplace*. London: Routledge.
- Maurer T. J. (2001) Career-Relevant Learning and Development, Worker Age, and Beliefs about Self-Efficacy for Development. *Journal of Management*. Vol. 27. No. 2. P. 23—140. <https://doi.org/10.1177/014920630102700201>.
- Mincer J. (1958) Investment in Human Capital and Personal Income Distribution. *Journal of Political Economy*. Vol. 66. No. 4. P. 281—302. <https://doi.org/10.1086/258055>.

Park J.-H., Choi H. J. (2009) Factors Influencing Adult Learners' Decision to Drop Out or Persist in Online Learning. *Educational Technology & Society*. Vol. 12. No. 4. P. 207—217.

Pelster B., Johnson D., Stempel J., Van der Vyver B. (2017) Careers and Learning. In: *Deloitte Global Human Capital Trends*. Deloitte University Press. P. 29—36. URL: <https://www2.deloitte.com/content/dam/Deloitte/global/Documents/About-Deloitte/central-europe/ce-global-human-capital-trends.pdf>.

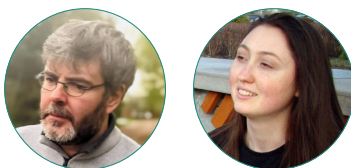
Schultz T. W. (1971) Investment in Human Capital. The Role of Education and of Research. New York: Free Press.

Schultz T. W. (1960) Capital Formation by Education. *Journal of Political Economy*. Vol. 68. No. 6. P. 571—583. <http://dx.doi.org/10.1086/258393>.

Tikkanen T. (1998) The Age-Participation Relationship Revised: Focus on Older Adults. *Adult Education Quarterly*. Vol. 49. No. 1. P. 15—27. <https://doi.org/10.1177/074171369804900103>.

Valk A. (2009) Recognition of Prior and Experiential Learning in European Universities. *Assessment in Education: Principles, Policy & Practice*. Vol. 16. No. 1. P. 83—95. <https://doi.org/10.1080/09695940802704146>.

DOI: [10.14515/monitoring.2021.2.1805](https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.2.1805)

Д. Г. Подвойский, А. К. Спиркина

ОБЩЕСТВО В МАСКЕ И ПЕРЧАТКАХ ПОД МИКРОСКОПОМ СОЦИОЛОГИИ ПОВСЕДНЕВНОСТИ: БЕГЛЫЙ ВЗГЛЯД

Правильная ссылка на статью:

Подвойский Д. Г., Спиркина А. К. Общество в маске и перчатках под микроскопом социологии повседневности: беглый взгляд // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2021. № 2. С. 315—339. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.2.1805>.

For citation:

Podvoyskiy D. G., Spirkina A. K. (2021) “Masked” and “Gloved” Society Under the Microscope of the Sociology of Everyday Life: A Quick Look. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 2. P. 315–339. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.2.1805>. (In Russ.)

ОБЩЕСТВО В МАСКЕ И ПЕРЧАТКАХ ПОД МИКРОСКОПОМ СОЦИОЛОГИИ ПОВСЕДНЕВНОСТИ: БЕГЛЫЙ ВЗГЛЯД

ПОДВОЙСКИЙ Денис Глебович — кандидат философских наук, доцент кафедры социологии, Российский университет дружбы народов, Москва, Россия; ведущий научный сотрудник, Институт социологии ФНИСЦ РАН, Москва, Россия

E-MAIL: dpodvoiski@yandex.ru
<https://orcid.org/0000-0002-7396-1828>

СПИРКИНА Анастасия Константиновна — бакалавр социологии, магистрант кафедры социологии, Российский университет дружбы народов, Москва, Россия

E-MAIL: spirkina.ak@yandex.ru
<https://orcid.org/0000-0003-2849-6792>

Аннотация. Комплекс разнообразных социальных последствий коронавирусной пандемии, разразившейся в 2020 г., стал темой множества публикаций. В совокупном «дискурсе о коронавирусе», приобретающем планетарный характер, экспертные суждения и оценки дополняются элементами будничной рефлексии миллионов людей. Изменения в сферах труда, образования и досуга, ограничение потоков мобильности населения, переформатирование межличностного общения и социальных коммуникаций, «социальное дистанцирование», ношение средств защиты в публичных местах, введение карантинных мер и режима самоизоляции, галопирующие темпы цифровизации и т. д. и т. п. — все эти и многие другие «подвижки» и «смещения» общественных отношений не остаются незамеченными, стано-

“MASKED” AND “GLOVED” SOCIETY UNDER THE MICROSCOPE OF THE SOCIOLOGY OF EVERYDAY LIFE: A QUICK LOOK

Denis G. PODVOYSKIY^{1,2} — *Cand. Sci. (Philos.), Associate Professor; Leading Researcher*

E-MAIL: dpodvoiski@yandex.ru
<https://orcid.org/0000-0002-7396-1828>

*Anastasiya K. SPIRKINA*¹ — *Bachelor of Sociology, Master's Student at the Department of Sociology*

E-MAIL: spirkina.ak@yandex.ru
<https://orcid.org/0000-0003-2849-6792>

¹ Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University), Moscow, Russia

² Institute of Sociology of FCTAS RAS, Moscow, Russia

Abstract. The complex of various social consequences of the coronavirus pandemic that broke out in 2020 has become the topic of many publications. In the aggregate “discourse on coronavirus” which is becoming planetary, expert judgments and assessments are supplemented with elements of everyday reflection of millions of people. Changes in employment, education and leisure, the restriction of population mobility flows and reformation of interpersonal and social communications, “social distancing”, wearing personal protective equipment in public places, quarantine measures and self-isolation regimes, the galloping pace of digitalization, etc. — all these and many other “shifts” and “displacements” of social relations do not go unnoticed, they become the subject of heated discussions and, in essence, apply to every person. This article, written

вятся предметом бурных дискуссий и касаются, в сущности, каждого человека. В настоящей статье, написанной в жанре научно-публицистического эссе, предпринята попытка взглянуть на обсуждаемый круг проблем через призму теоретико-методологической оптики социологии повседневности. Концептуальный арсенал микросоциологии позволяет анализировать феномены стремительной «перестройки рутин», модификации и трансформации обыденных социальных практик, высвечивая и делая более явной логику процессов «интенсивной пересборки» повседневности, совершающихся на глазах всего человечества под влиянием пандемии коронавируса.

Ключевые слова: пандемия, вирус covid-19, социальные последствия пандемии covid-19, социология повседневности, микросоциология, цифровизация, дистантное образование, самоизоляция, рутинизация, межличностные коммуникации, социальные практики, социальный порядок, анализ фреймов, этнометодология, социальная феноменология

in the genre of scientific and publicistic essay, attempts to look at the discussed range of problems through the theoretical and methodological optics of the sociology of everyday life. The conceptual arsenal of microsociology makes it possible to analyze the phenomena of the rapid “restructuring of routines”, as well as modification and transformation of everyday social practices, highlighting and making more explicit the logic of the process of “intensive reassembling” of everyday life which is taking place in front of all mankind under the influence of the coronavirus pandemic.

Keywords: pandemic, covid-19 virus, social consequences of the covid-19 pandemic, sociology of everyday life, microsociology, digitalization, distance education, self-isolation, routinization, interpersonal communication, social practices, social order, frame analysis, ethnomethodology, social phenomenology

Социология в сезон пандемии: море тем и пищи для ума

Пандемия изменила наш мир. Сегодня эта фраза слышится отовсюду. Будучи изначально фактом биомедицинским, вирус провоцирует множество социальных последствий, в том числе весьма отдаленных и опосредованных, — во всяком случае, выходящих за пределы относительно узкой сферы функционирования медицинских учреждений. «Изменилась» не только жизнь заболевших, выздоровевших и, увы, умерших (люди умирали и раньше!), персонала отрасли здравоохранения, волонтеров и прочих сопричастных групп... Изменилась жизнь всех.

Уже год глобальная сеть буквально разрывается от информационного шума, связанного с коронавирусом. Социальный контекст «бытования» новой болезни обсуждается миллионами людей в разных странах. Чиновники и политики, медийные персоны и блогеры, эксперты и простые люди — всем есть что сказать, чем поделиться. Алармистские ноты в многоголосии интернета и мессенджеров

соседей с непрекращающимися шутками, обеспечивающими легкий психотерапевтический эффект.

«Пир во время чумы» первой четверти XXI века набирает обороты. Здесь вспоминается, в частности, карнавал в интерпретации М. Бахтина. Смерть и веселье нередко ходят где-то рядом, смеховая культура любит скользить с акробатическим шестом по лезвию ножа. Уходи, коронавирус! — Мы смеемся над тобой. И параллельно смеемся над собой, поскольку оснований для этого в новой ситуации, в которой все мы оказались, и притом немислимой еще пару лет назад, — возникает множество. Юмористический дискурс в эпоху пандемии, скорее всего, еще станет, если уже не стал, темой для специального (должно быть, весьма увлекательного) междисциплинарного изучения. Эмпирического материала для него вполне достаточно.

Социологи, конечно, тоже не обходят молчанием тему новейшей пандемии и ее последствий. Не только быстрые «сетевые», но и медленные «бумажные» профессиональные социологические издания постепенно осваивают (около)коронавирусную тематическую повестку¹. Студенты-социологи уже активно выступают с сообщениями по указанной проблематике на учебных конференциях и дистантных занятиях, хотя со многими их преподаватели виделись вживую последний раз в феврале 2020 года — когда мир был еще прежним. В общем, свежих сюжетов для обсуждения хватает, и их палитра весьма широка.

Поскольку коронавирус — явление глобальное, возникают резоны для ведения разговоров в жанре макросоциологического прогнозирования. Колоссальные и притом резкие изменения наблюдаются в структурах занятости и сфере труда (миллионы людей остались без средств заработка, столкнулись с необходимостью не просто искать новое место, но и менять сам формат профессиональной деятельности в условиях стремительной реструктуризации многих отраслей и рынков).

Меняется work-life balance. Кто-то с удовлетворением отметит: теперь не нужно тратить время на дорогу до работы, а кто-то пожалуется: зато сидеть у домашнего «электронного станка» приходится почти круглосуточно (причем говорить такое могут одни и те же люди). Дом становится рабочим местом, хотя для этого он не всегда приспособлен. Многие люди не испытывают особого желания смешивать служебную и домашнюю «зоны» социального опыта — ни «психологически», ни темпорально, ни территориально, но... увы, приходится. В таком дистантно-надомном режиме некоторые трудились и раньше — тут многое зависело от личного выбора и характера деятельности. Теперь есть риск, что так будет трудиться большинство, и это уже совсем другое дело.

Ограничения свободных передвижений населения в пространстве в эпоху, провозгласившую мобильность величайшим благом цивилизации, вмиг прервали или приостановили (притом на неопределенное время) множество ставших привычными социальных интеракций. Рестораны и пляжи, отели и музеи опустели, а иные, наоборот, испытывают наплыв, с которым не могут справиться с учетом необходимости исполнения вводимых властями санитарных мер. Изменения траекторий территориальных перемещений людей, закрытие границ, грандиоз-

¹ В настоящей статье мы намеренно воздерживаемся от составления каких бы то ни было — даже приблизительных или выборочных — списков новейших социологических публикаций, затрагивающих тему пандемии COVID-19.

ные вынужденные торможения деятельности в сферах пассажирских перевозок и туризма — все это также заслуживает специального и внимательного изучения.

«Перевод на удаленку» — как взрослых с их служебными делами, так и детей с их учебой — стал испытанием для семейных отношений и организации повседневности домохозяйств. Устоявшиеся бюджеты времени для людей разных поколений, живущих под одной крышей, циклы деловой активности, быта и досуга, и их локализация в пространстве резко перепутались, вызывая множество жестких коллизий. И без того трудный семейный мир современного горожанина получил дополнительный импульс к превращению в *bellum omnium contra omnes* в масштабах одной квартиры. Фраза «пока все дома» как одно из отражений паттерна фамильной идиллии (правда, уже весьма далекого от доминирующих реалий фрагментированного и индивидуализированного общества XXI века) перестала относиться к каким-то конкретным часам. Карантинные меры потребовали от законопослушного населения соблюдения новой максимы: дома должны быть все и всегда. Призыв пользоваться счастливой возможностью «больше времени проводить с близкими», нечаянно дарованной вселенской хворью, должен был, по-видимому, восприниматься многими в последние месяцы не иначе как издевка. А прогулка с собакой, поход в ближайший продуктовый и вынос мусора для ряда категорий индивидов из обременительных повинностей чудесным образом превратились в приятное и желанное времяпрепровождение.

Размышления об особенностях устройства жизни в четырех стенах, даже с окошком в мир в образе светящегося монитора (экранов телевизоров, компьютеров, ноутбуков, смартфонов и т. п.), невольно навевают фукольтианские ассоциации, и рука сама собой тянется к томику «Надзирать и наказывать», или к Воспоминаниям узников Шлиссельбургской крепости. Конечно, «домашнее заточение» человека эпохи нынешней пандемии может показаться игрушечной и гламурной пародией, несопоставимой с механизмами работы «реальной» пенитенциарной системы в прошлом и настоящем. Но при всей условности любых параллелей и сравнений социологическому воображению не следует дремать, когда «в мире такое творится». А если так, то теоретический багаж нашей дисциплины было бы грех не использовать — сегодня, как и в любой другой момент истории.

«Хрупкий, но живучий» социальный порядок, встряски повседневности и перестройки рутин

Одна из троп, ведущих в загадочный новый мир коронавирусной социальности, пролегает через владения социологии повседневности. Данная область даже не у всех социологов в чести, поскольку пытается концептуализировать то, что, мол, и так ясно всем. Как бы то ни было, заинтересованный читатель работ Альфреда Шютца, Ирвинга Гофмана или Гарольда Гарфинкеля ... [etc.], прорывающийся не без потерь через терминологические дебри мудреных социальных феноменологий и драматургий, этнометодологий, фрейм- и конверсационных анализов и ... [etc.], то и дело ловит себя на мысли: а что бы сказали упомянутые авторы, доживи они до весны 2020 г.?

Тут, пожалуй, самое время задать простой, казалось бы, вопрос: а что, собственно, произошло весной 2020 г.?

Некоторые значимые фрагменты повседневного опыта миллиардов людей на планете Земля резко, почти одновременно изменились. Надолго ли? — Кто знает? Можно ли говорить о беспрецедентности самой причины изменения? — Беспрецедентна (в социологическом смысле), скорее, не сама причина (пусть об этом спорят медики), но реакция мирового сообщества на актуализацию нового глобального риска, причем реакция более или менее однонаправленная. Человечество не просто испугалось, оно сочло сложившуюся ситуацию достаточно веской для того, чтобы признать целесообразность и легитимность перестройки некоторых *рутин повседневности*, на которые до сих пор (при обычном течении жизни) никто особо не покушался.

Сейчас мир стал глобальным, раньше он таким не был. Пандемия COVID-19, возможно, — одна из самых масштабных проблем земного шара, переживаемых на текущий момент, но отнюдь не самая страшная. Катастрофы и эпидемии, природные и социальные катаклизмы, войны и революции в истории человечества — вещь не новая. Драматические и трагические события на локальном, региональном, национальном и транснациональном уровнях вмешивались в судьбы людей, сваливались на их головы, как гром среди ясного неба, круто меняли их планы и ожидания (сорванный туристический сезон лета 2020 г. на общем фоне бедствий, когда-либо происходивших со странами и народами, кажется сущим пустяком).

Но жизнь идет своим чередом и в эпохи лихолетий: люди спят, едят, дарят друг другу подарки, женятся, занимаются сексом, рожают детей, отмечают праздники — даже когда за окном война («война войной, а обед по расписанию»). Черная смерть вносила определенные коррективы в социальные ритмы и обыкновения жителей Старого Света середины XIV века, что не мешало в то же время современникам героев Декамерона влюбляться, плести интриги, торговать, сплетничать и кокетничать, шутить, исполнять гигиенические процедуры и молиться (последним двум пунктам они, вероятно, в годы разгула чумы уделяли большее внимание, ревностнее, чем обычно, заботясь о чистоте тела и души, — хотя это только предположение). Короче говоря, организованная повседневность всегда так или иначе (в более или менее модифицированном виде) выстраивалась и во времена, изобиловавшие экстремальными событиями.

Повторим еще раз вопрос, сделав шаг вперед: что значит — произошли изменения обыденного опыта? Тут следовало бы добавить: здесь мы говорим не столько о модификации формальных структур повседневности как таковых, сколько об их содержательном наполнении, которое всегда неизбежно изменяется вслед за перманентно текущ/(щ)им потоком социальных интеракций. Вернее, говоря на манер Г. Зиммеля, формы и материя обобществления претерпевают реконструкции во времени, взаимно обуславливая друг друга.

Социальный порядок немислим без правил, значительная часть которых представлена обычно в «архивированном» виде. Адресация к нашим архивам опыта происходит постоянно, и без особого напряжения и усилий, потому что знание, «как поступать в конкретной, но при этом типической ситуации», глубоко интернализовано и воспроизводится на поведенческом уровне в рутинизированных операциях, совершаемых по тысяче раз на дню.

Когда рутины изменяются медленно (а они так или иначе изменяются), мы этого не замечаем. Но иногда происходит что-то такое, что выводит социальную жизнь из равновесия, и это заставляет людей резко обновлять свои повседневные репертуары взаимодействий с природными и социальными объектами. Это как взрослому, сложившемуся человеку в один прекрасный момент узнать, что он до сих пор ходил, писал, читал, ел, разговаривал... как-то неправильно, и что надо учиться все это делать заново, «по-другому».

Понятия культурного шока и культурной травмы придуманы для описания подобных трансформаций, однако они могут касаться разных слоев социального опыта. Когда в лихие 1990-е Россия училась жить по новым правилам, которые возникали как бы из ниоткуда, но быстро конституировались, это было для многих и шоком, и травмой. Наблюдалась стремительная и масштабная мутация жизненных установок, паттернов и ценностных ориентаций. Пример текущей пандемии несколько иной: новые реалии требуют от людей не какой-то «переоценки ценностей», но, скорее, диктуют необходимость осваивать новые способы и навыки контакта с нашим привычным предметным и общественным окружением, то есть перестраивают не столько терминальное, сколько инструментальное измерение жизни (хотя эти пласты опыта, безусловно, связаны). Трудно сказать, что сделать проще: переквалифицироваться из инженера в «челнока» с клетчатой сумкой в обнимку, или вместить весь универсум природы и общества в миниатюрные масштабы собственной квартиры (если ты не прикованный к постели инвалид и не находящийся под домашним арестом лидер оппозиции или опальный театральный режиссер, ибо их случаи особенные)?

Пандемия 2020 г. стала не просто вызовом для социологии повседневности. В некотором роде она оказала последней определенную услугу, продемонстрировав, как легко и просто обнажаются сокрытые от замыленного взгляда подпорки социального порядка, когда привычный мир летит в тартарары. И никакие специальные эксперименты по раскачиванию социальной лодки на микроуровне (наподобие гарфинкелевских) проводить уже не требуется. Вирус уже все сделал сам. Социологам же нужно ловить момент, внимательно наблюдая за происходящим, и делать свои выводы.

Когда рутины рушатся, люди это мгновенно ощущают. За растерянностью, «впадением в ступор» следуют попытки сориентироваться в новых условиях и приспособиться к меняющемуся контексту жизни. Пандемия заставила мир встрепенуться. Такая планетарная встряска обернулась частичной дерутинизацией многих социальных практик. Но поскольку без относительно предсказуемых исходов интеракции и координированных и организованных форм общество обходиться не может, «аномическая» пустота начинает быстро заполняться. Свято место пусто не бывает. Иначе говоря, включаются механизмы кристаллизации новых практик, имеющих шанс стать маркерами новых будней для людей. Поэтому всякая подобная перестройка или реконфигурация отношений лишней раз подтверждает, что социальный порядок как некое трудноуловимое агрегатное состояние «общественного вещества» или «ткани обобществления» является хрупким и живучим одновременно. Повседневность, еще не успев толком сломаться, уже начинает восстанавливаться, пускай и в видоизмененных композициях. Или, выражаясь

иначе: даже если формы социального порядка бывают относительно подвижными (хотя и не всегда), сам порядок обычно является исключительно прочным.

Стоит лишь чуть-чуть вмешаться в привычные логики социальных интеракций, как мир начинает играть новыми и весьма причудливыми красками. Обычное уже не кажется столь обычным. А необычное, еще вчера — из ряда вон выходящее, обогащает багаж «нормальных» практик. В период весеннего московского карантина посещение супермаркета в шаговой доступности от дома перестало восприниматься чувствительными к изменениям повседневности гражданами как ничем не примечательное событие. Поход в магазин превратился для них в настоящее «приключение»: там ведь *живые люди*², они ходят, они рядом, они дышат, ты можешь даже поймать их живой взгляд, они такие прекрасные и такие опасные одновременно. В это же самое время несанкционированная прогулка по улицам города могла восприниматься как рискованная и дерзкая, почти партизанская вылазка, которую лучше всего осуществлять под покровом ночи. И наоборот, стремление обходить случайного встречного за три версты (там, где это технически возможно) перестает быть проявлением маргинальной поведенческой странности и может становиться для кого-то элементом стандартной пешеходной навигации. Так теперь правильно, лучше перестраховаться. Если от вас шарахаются, когда вы кашляете, обижаться и недоумевать не стоит...

Дистант и уход в цифру: новые коммуникации и практики

Когда (даже мощное) «возмущение» в структурах повседневности носит кратковременный характер, оно вполне может быть обратимым. Это тот случай, про который говорят: все еще можно отыграть назад. Комендантские часы и прочие ограничения отменяются, а люди толпами высыпают на улицы, радуясь вновь обретенной свободе. Войны и эпидемии тоже рано или поздно заканчиваются. Вернется ли все на круги своя, когда пандемия прекратится? Вероятно, нет.

Уже около года сотни экспертов всех мастей со всех сторон твердят: мир после завершения пандемии никогда не станет прежним — таким, каким он был до нее. В связи с этим указывается на множество тенденций, которым разгулявшийся по планете вирус дал дополнительный импульс.

Понятно, речь здесь идет, прежде всего, о пресловутой цифровизации и якобы окончательном и бесповоротном «удвоении» или покорении мира в электронной реальности дистанционных технологий. Как говорится, тушите свет... но держите свои девайсы на подзарядке. На улицу вам больше выходить не придется, если вы, конечно, не работник доставки. Не придется, даже не потому что запрещено (как многим в этом году), а потому что нет особой надобности и желания: ваша новая вселенная (деловая, коммерческая, развлекательная, образовательно-познавательная, интимная...) — это мир вашего гаджета. Чего нет там, того нет и на всем белом свете³. А все, что есть на белом свете, мало-мальски заслужи-

² Раньше они, конечно, там тоже были, но их особо никто не замечал.

³ В давние времена корпоративно-цеховое высокомерие «крючкотворов» разных мастей (юристов, архивариусов, библиотекарей, делопроизводителей, и т. п.) схватывалось аналогичной формулой: «чего нет в документах/записях/архивах... того нет на свете». Сегодня эта старая история воспроизводится на новый лад: «кого нет в интернете, социальных сетях... того не существует в природе», и т. д. и т. п. Живая реальность *во плоти и духе*, кажется, уже никого не интересует — она поработана, колонизирована собственными виртуальными симулякрами.

вающее внимания и интереса, обязательно найдется в каком-нибудь из отсеков «реальности», вход в которую находится на светящейся сенсорной панели той коробочки, что лежит у вас около кровати на тумбочке и сосет электричество. Так зачем же далеко ходить (если все так просто и рядом)? Как пела полузабытая сегодня группа «Технология», «Нажми на кнопку — получишь результат, и твоя мечта осуществится. Нажми на кнопку, — ну что же ты не рад? Тебе больше не к чему стремиться».

Коробочку, конечно, можно взять и с собой — «на выход», «за пределы жилища-микросмоса». Хотя, в сущности, истинным «домом»/«лежбищем»/«норой»/«портом приписки» для цифрового человека становится именно мобильное электронное устройство. А все его возможные местоположения и локации, перемещения и передвижения оказываются эпифеноменальными, отходя на второй или третий план. Главное, чтобы моя цифровая вселенная была под боком и всегда доступна...

Диагностика и критика процессов галопирующей цифровизации также не является нашей основной задачей. Однако справедливости ради стоит заметить: добровольно-принудительная подсадка общества на цифровую иглу, как и связанное с ней распространение разнообразных «удаленных» форм социальных взаимодействий в публичной и частной жизни, в сферах труда и досуга, и т. д. и т. п., стартовали отнюдь не в 2020 г. В этом смысле коронавирус и цифровизация — лишь случайные попутчики, правда, сразу же проникшиеся друг к другу искренней симпатией. Такая вот счастливая случайность или любовь с первого взгляда!

Можно даже сказать, что коронавирус стал удачной находкой для цифровизации, игрушкой в ее «добрых костлявых руках», своего рода «экстремальной страшилкой» для непокорных старомодных поклонников додиджитальных практик. Цифровизация во внезапно подкативший сезон пандемии уже больше никого не уговаривает, не упрашивает сладким, заискивающим голосом — попробуйте наш новый сервис (интерфейс, программу), посмотрите — как удобно! Она приказывает, ставит перед выбором — либо срочно диджитализируйтесь, либо вымирайте (потому что «без цифры» вы теперь не сделаете ни шагу). Вот так «ненавязчиво» современные технологии приходят на помощь людям, оказавшимся под замком в собственных домах и квартирах...

И все же вернемся к центральному нашему предмету — реструктурированию повседневности в условиях пандемии.

Разумеется, изменились многие практики, включая коммуникативные, причем резко и одновременно для большого количества людей. Классическая маклюэновская формула «the medium is the message» по-прежнему хорошо работает. Способ передачи информации, в том числе технически опосредованный, сам по себе определяет механизмы, границы и возможности интеракций и коммуникационных потоков.

Так, пресловутый «дистант» появился отнюдь не вчера. Письмо, написанное от руки, брошенное в почтовый ящик и полученное адресатом через месяц, тоже было особой формой «дистанта». Другой подобной формой со своей спецификой являются телефонные разговоры (причем построение телефонных бесед, несомненно, изменилось при переходе от стационарной к мобильной версии телефонного аппарата). В этом же ряду находятся электронные письма, сообщения,

переданные на пейджер (помнится, были и такие!), смс-сообщения и общение с помощью разнообразных мессенджеров, использующие текстовые, аудио- и видео-форматы или их комбинации. Когда люди пересели с лошадей на автомобили, в их жизни тоже что-то изменилось, и не только скорость передвижения.

При принудительном переходе на дистант в условиях пандемии в очередной раз заявляет о себе тема дефицита «живого человеческого общения». Однако не стоит забывать: взаимодействие лицом к лицу в условиях физического соприсутствия, в сущности, тоже никогда не было совершенно свободным, и везде и всюду от чего-то зависело и чем-то ограничивалось: гендером, возрастом участников, их статусными характеристиками, особенностями ситуации и т. п. Повседневное общение разных типов — например, светские беседы, диалоги и дебаты, откровения с глазу на глаз, излияния души, шептания на ушко, и т. д. и т. п. при всех возможных вольностях, — могло быть в высокой степени нормировано и даже ритуализировано. Не всегда как протокол общения с английской королевой, но все же: за руку девушку не возьми, этих вопросов не задавай, эти темы не поднимай, эти позы недопустимы или предосудительны, и т. п.

Специальный сюжет — пути достижения условной иллюзии соприсутствия, недостаток которого является отличительной особенностью форм дистантного общения, когда нельзя отметить про себя: *но я же видел ее глаза, и они мне что-то сказали!* Запах духов от письма с любовным признанием, дрожащий почерк, слеза, упавшая на край листа (возможно, «поддельная», но замеченная внимательным адресатом), многозначительные паузы, молчание в структуре телефонных бесед (вздыхать или дышать в трубку) — эти и многие другие способы помогали людям преодолевать «несовершенство» доступных им медиаформатов, которые, как и иные категории социальных фактов, «ограничивали и открывали новые возможности одновременно».

Чем отличается виртуальный секс или секс по телефону от «обычного» (контактного)? Чем отличаются «очные» алкогольные посиделки от выпивки по скайпу (что делать, если технически не получается звонко чокаться или подливать дамам в опустевшие бокалы)? В любом случае один «фрейм» приходит на смену другому «фрейму», при этом что-то всегда утрачивается, а что-то, наоборот, приобретается.

Однако, когда происходит переход/переключение, актер обычно напрягается, удивляется, раздражается, опускает руки, веселится, дерутинизируя свой социально-кухонный опыт, — как старый (уходящий), так и новый (осваиваемый с легкостью или с трудом). А бытовой народный юмор как побочный продукт работы коллективного сознания или специфическая разновидность обыденной социальной рефлексии помогает людям в ситуациях стремительной *ре-*формации и *де-*формации (резких перестроек) повседневности мало-помалу справляться с превратностями их совместного существования: люди в намордниках, выгуливающие собак без намордников; вернулись с мужем домой из магазина, сняли маски — а муж не мой, и т. д., и т. п.

Перевод многих видов деятельности «на удаленку» приводит к рефреймированию целого комплекса практик, которые до начала пандемии разворачивались по преимуществу в режиме непосредственного телесного соприсутствия — в аудитории, офисе, клубе, кафе... Для преподавателя, модератора беседы или руководи-

теля, ведущего совещание, возможности «естественного» контроля-мониторинга происходящих в процессе текущей коммуникации событий существенно ограничиваются. В ходе дистантных процедур общения при отключенных камерах лишь одному богу известно, что там творится «на другом конце провода», в иной точке входа в виртуальную вселенную.

Первые же недели после введения удаленного формата в образовательной деятельности произвели море различных наблюдений (и «баек») участников подобных взаимодействий: теперь, оказывается, можно вести занятие даже при включенной камере, будучи одетым только наполовину (как говорится, «без портков, но в шляпе»), делать тысячу дел параллельно с «номинальным» участием в совещании, сочетать и наслаивать то, что в формате физического соприсутствия было делать трудно⁴ или просто невозможно. Новые технические ресурсы и платформы быстро осваиваются акторами на необходимом и достаточном уровне в целях удобства и соблюдения приличий, в результате чего всевозможные конфузы и шансы потери лица оказываются эмпирически минимизированными, хотя и не исключенными полностью.

Собственно, взаимодействие лицом к лицу в условиях телесного соприсутствия также всегда было и остается трудным процессом, допускающим возникновение множества осечек и проколов, — когда тактичность «аудитории» (в гофмановском смысле), наблюдающей за чьим-то перформансом (индивидуальным или командным «исполнением»), оберегает участников интеракции от распада разыгрываемого ими и основанного на принципах ситуативной уместности⁵ нормированно-фреймированного сценического представления [Гофман, 2000]. Не обязательно сообщать партнеру, что у него «ус отклеился», можно просто закрыть на это глаза в расчете на то, что он сам исправится (если такие проколы возникают лишь эпизодически, а не регулярно). То же и в дистанте: вовремя не отключенный микрофон, способный предательски выдавать и обнажать наслоения ранее четко физически разделен-

Автор: Андрей Голов

⁴ В связи с этим вспоминается умение или почти искусство «спать (быстрым/оперативным сном) на совещаниях», — классический бюрократический навык, уходящий корнями, как минимум, в советскую эпоху; умение некоторых российских женщин недавнего прошлого ловко и незаметно для постороннего взгляда вязать под столом — в аудиториях, конторах, при исполнении служебных обязанностей, и т. д.

⁵ Кстати, эмпирических вопросов «ситуативной уместности» поведения и форм самопрезентации в новых условиях дистантной коммуникации возникает множество: нужно ли наводить марафет, делать макияж перед подключением камеры, обустроить определенный образ «домашний реквизит», доступный глазу удаленных реципиентов визуальной информации, можно ли появляться в камере перед взором коллег, однокурсников, руководства в пижаме типа «зайка», с виснувшими на шее и ноющими детьми или ходящими по клавиатуре котами, и т. п.? Мгновенно многие люди не сориентировались, но процессы образования правил (в том числе неписаных ситуативно обусловленных «норм приличия»), тем не менее, были довольно быстро запущены и дали свои первые плоды. Но эта «свежая по своему текущему/конкретному наполнению» тема требует, конечно, специального полевого изучения.

ных фрагментов повседневности, становится каналом утечек информации и всевозможных шероховатостей процессов интеракции: мать кричит дочери-студентке из другой комнаты: «А ты салат будешь?» Проголодавшийся лектор на другом конце коммуникационной трубы отвечает: «Конечно, буду!»

Разумеется, можно себе представить куда более пикантные или невинные, компрометирующие акторов вторжения в ход процесса взаимодействия. Так, на начальных этапах внедрения дистанта для участников некоего «дискурсивно приличного» мероприятия услышать тирады пятиэтажного мата, адресованного «не по тому каналу» (или иные фрагменты небезобидных «закулисных» разговоров), было вполне реальным. Люди быстро учатся на своих ошибках, а пока аудитория просто вежливо молчит (ухмыляясь про себя — вот это палево!) и способна войти в ваше положение. В крайнем случае озвучивается просьба: коллеги, отключайте, пожалуйста, микрофоны, чтобы не создавать лишних шумов... Все же — люди, все всё понимают, но всё равно смешно...

Она была под маскою...

Не менее перспективная тема для изучения — практики ношения масок в обществах, где традиция *за/при-*крывать лицо при взаимодействии в общедоступных публичных местах не была ранее укоренена. Норберт Элиас справедливо указывал на то, что именно человеческое лицо на протяжении веков в большинстве культур было и оставалось своего рода персональным профилем, дисплеем, визуально воспринимаемым физическим фокусом, средоточием, отражением, отпечатком... уникальности и неповторимости личности, маркером ее идентичности, тем, что отличает в конечном счете при всех возможных сходствах каждого конкретного индивида от миллионов других. «Лицо больше, чем какая-нибудь другая часть тела, подобно вывеске, представляет индивида» [Элиас, 2001: 271]⁶.

Мы носим (и являем другим) наше собственное лицо как предельную и бескомпромиссную манифестацию нашей Особости. Когда нас этой возможности лишают, мы не обязательно чувствуем себя уязвленными (поскольку мера «индивидуализма» в разных культурах и социальных средах может быть разной), но, во всяком случае, утрачиваем один из важных и привычных способов презентации себя миру и людям вокруг.

Легко приходящие на ум исключения здесь лишь подтверждают правило — мусульманские женщины, носящие паранджу или никаб, рыцари в шлемах с забралами, участники венецианского карнавала, ликвидаторы техногенных аварий или работающие по долгу службы с токсичными веществами в противогазах и респираторах, водолазы и космонавты в агрессивной среде, жители ряда

⁶ Или более развернуто и точно: «Так, если разговор заходит о человеческом теле, то обычно не замечают, что голова человека, и в особенности его лицо, образуют интегральную часть его тела. Но как только это осознают, начинают лучше понимать природу человеческой Я-идентичности. Ибо развивающееся индивидуальное лицо ... играет одну из главных, может быть, даже самую главную роль в идентификации определенного человека. Хотя особенный облик других частей тела, конечно же, тоже имеет значение для идентификации отдельного человека как данной личности, но все-таки для сознания других людей и для сознания самого человека ни одна из частей тела, за исключением лица, не образует столь явного центра его Я-идентичности... Люди — это единственный известный вид живых существ, обладающий такой частью тела, как лицо, способной принимать столь индивидуально различные выражения, что посредством нее сотни индивидов в течение длительного времени, а зачастую и всей жизни могут идентифицироваться как таковые, отличные от других» [Элиас, 2001: 262—263, 267].

стран Юго-Восточной Азии, особенно в крупных городах, террористы и грабители банков, мотоциклисты, наконец, врачи и посетители подразделений медицинских учреждений, требующих соблюдения норм повышенной стерильности, имеют (или имели) специфический опыт сокрытия лица, не распространяющийся, правда, на всю совокупность жизненных ситуаций и столкновений с партнерами по взаимодействию.

Сегодня этот опыт как регулярная практика становится доступным и даже навязанным людям, которые раньше его не имели. Какие чувства они при этом испытывают и какие приемы используют, когда ношение маски начинает им досаждать (независимо от того, боятся ли они подцепить коронавирус, опасаются ли официальных санкций за ненахождение маски, верят или нет в то, что маска может их от чего-то защитить, и т. п.)?

Несомненно, по крайней мере, одно: люди в масках предельно анонимизированы, поскольку главное свидетельство своей уникальности они вынуждены скрывать от глаз окружающих (которые в больших городах современности и так не сильно заинтересованы в том, чтобы узнать своих «соседей» поближе). Однако столь же естественное желание выделяться из толпы, «демонстрировать свое лицо» (светить лицом, выставлять его напоказ, на всеобщее обозрение) по-прежнему сопровождает человека «по жизни».

С другой стороны, стремление к сохранению визуального инкогнито в публичных пространствах (на улицах, в транспорте, и т. п.), возникающее у отдельных индивидов под влиянием разных причин и мотивов, теперь может быть гораздо проще реализовано, и притом на «легитимных» основаниях: не надо заворачивать лицо в шарф, меньше поводов спровоцировать «нездоровый» интерес и назойливость со стороны незнакомцев (на полузакрытое лицо «будут меньше пялиться»; «чтобы не лезли всякие там, кого не просят»; «улитка — в домике»), и т. п. В этом смысле маска способна дополнительно поддерживать и укреплять типичный для урбанистического стиля жизни интерактивный режим «гражданского невнимания».

В некоторых социально-интерактивных контекстах ношение маски, кажется, даже подрывает саму ауру мероприятия — как в случае светских вечеринок, посещения театров и концертных залов, ресторанов и т. д.⁷ Тем не менее и здесь вы — проявляя гражданскую сознательность или под давлением внешнего принуждения, — должны надевать на «самую важную» или «социально и коммуникативно значимую» часть своей головы этот странный предмет, который к тому же вас, мягко говоря, не украшает. А находитесь вы в данный момент отнюдь не в специализированном учреждении здравоохранения, где вопросы «красоты» и «представления себя другим» могут и должны отходить на второй план (хотя и не исчезать полностью). Вечернее платье на теле и медицинская маска на лице (принципиально отличающаяся по заключенному в ней «месседжу» от маски карнавальной) порождают удивительное и парадоксальное сочетание образов⁸ — примету ко-

⁷ Опять же, случаи костюмированных маскарадов как особого рода социальных игр с особыми правилами надо рассматривать отдельно.

⁸ Ощущение «противоречивости» подобного образа посетительница одного из московских музыкальных представлений декабря 2020 г. (дама средних лет) выразила в следующем совете, адресованном ее спутницам помоложе: «Девочки, сейчас не то время, чтобы наряжаться!». Тем не менее многие «по инерции» продолжают наряжаться, правда, вынужденно прикрывая лицо отнюдь не веером и не вуалью.

роткого и весьма нестандартного театрального сезона 2020 г. В новых условиях «подходящим» аксессуаром к парадно-нарядному дресс-коду «на выход» становится противогаз облегченной конструкции...

Когда стало понятно, что пандемия затянулась надолго, а эффективность ношения масок обществом была поставлена под сомнение, в ход пошли декоративные дизайнерские маски, украшенные стразами и смешными надписями, они были призваны симулировать обязательное ношение масок, за отсутствие которых в публичных местах полагались штрафы. Благодаря им отдельные светские мероприятия в столице стали напоминать карнавалы шествия.

Смерть под боком, или пандемический гарфинкелинг

Экзистенциальный страх (ужас), или осознание конечности жизни, понимание собственной смертности, или «вообще» и «шире» — взгляд на собственную жизнь «с высоты птичьего полета» — обычно нам не сопутствуют. Хотя мы и понимаем свои «естественные пределы» — все телесные ограничения, включая смертность, — но в повседневной жизни невольно отстраняемся от того, чтобы рассматривать свою жизнь как конечный отрезок или думать о собственной смерти. Короче говоря, обычно никто не живет так, будто это его последний день.

Тем не менее такое «пугающее прозрение» может быть спровоцировано: например, написанием завещания, тяжелой болезнью или событиями, несущими смертельную опасность. То есть всегда это связано не с обыденным опытом, а с исключительным (хотя и необязательно трагичным). Похожая когнитивная перспектива часто открывается перед людьми, склонными думать о своей миссии, высшей цели, призвании. Написание автобиографии или участие в биографическом интервью (если они сопровождаются некоторой рефлексией) тоже может стать достаточным стимулом для такой ментальной настройки.

Наверное, все же осознание близкой смерти действует эффективнее всего. Оно буквально выталкивает сознание из мира социальных игр к экзистенциальному уровню жизни — ее базовому слою. Эта базовая предпосылка жизни представляет собой то «главное знание», которое всеми разделяется, но удивительным образом игнорируется — знание того, что мы все постоянно живем в смертельной

опасности: среди вирусов и болезнетворных бактерий, мчащихся машин, токсичных продуктов питания и прочих падающих на голову кирпичей. Как говаривал известный демонический персонаж, штука в том, что человек не просто смертен, а внезапно смертен. И эта внезапность помогает поддерживать страх смерти, особенно для чувствительных натур, живым и осязаемым.

Надо сказать, что помимо самих себя нам, скорее всего, безразлична судьба, жизнь и здоровье некоторых других людей (и не только людей). В особенности всех тех, кого мы воспринимаем не «типично», а во всей их целостности и уникальности — людей, имеющих с нами какую-то значимую социальную связь и находящихся в некоторой пространственной близости, чаще всего здесь и сейчас и лицом к лицу (обычно их называют «близкими»). Хотя вообще безразличие может распространяться и на людей, воспринимаемых «типично» — голодающих африканских детей, людей, погибших в пожарах или автокатастрофах, или даже на абстрактные объекты — например, родное государство или человечество в целом. Но, как правило, чем дальше объект нашего беспокойства от непосредственного взаимодействия с нами, чем более «анонимно» он воспринимается, тем менее чувство беспокойства похоже на тот «настоящий» экзистенциальный ужас, который направлен на себя.

Итак, мы предпочитаем не думать о собственной болезни и смерти, пока они не приблизятся вплотную. Болезни и смерти других — когнитивно уже совсем другие события, но тоже оставляющие человека более или менее (в зависимости от близости⁹) равнодушным. В период пандемии (по крайней мере, в том виде, в котором нам приходится ее наблюдать сегодня) новой нормой для средств массовой информации стало ежедневное озвучивание статистики смертности. Конечно, СМИ и в «мирное время» регулярно сообщают о происшествиях, особенно массовых и смертельных. Но, во всяком случае, это происходит эпизодически и обычно касается событий, которые уже произошли или происходят где-то далеко. То есть какими бы жуткими они ни были — чаще всего они случаются с «кем-то», а не с нами и не возле нас. Эти обстоятельства помогают увлечь потребителя новостной информации, но мешают ему по-настоящему «испугаться», потому что, как кажется, таким сообщениям немного «недостает реальности».

Может быть, сами по себе подобные сообщения, врезающиеся в рутинную повседневность, способны оказывать какое-то массовое тревожное воздействие. Но пандемия все равно не очень похожа на простую новость о несчастном случае или даже о катастрофе. В отличие от последних, она становится для нас «максимально реальной», потому что устанавливает новые правила в нашей бытовой, почти что «частной», повседневной жизни.

Так что здесь идет речь о «страхе» не как о массовой панике, навязанной СМИ, а как о фундаментальном чувстве, что что-то обычное и привычное вдруг закончилось и началось что-то новое: непонятное, незнакомое, неконтролируемое. Совсем не обязательно при этом действительно чего-то бояться. Диапазон чувств может быть широким. Но важна сама их сила. Потому что меняется не просто

⁹ Здесь лучше было бы сказать: в зависимости от социальной дистанции. Но, к сожалению, новый «карантинный» дискурс почти отнял у нас это изначально социологическое понятие для собственных нужд. Поэтому в данном контексте можно удовлетвориться и обыденным «близость».

когнитивная установка (или отношение к событию) — вынужденно меняется ежедневное поведение. Другими словами, это «новостное сообщение» преступает наше «личное пространство», вторгаясь новым набором правил (взамен старым) в ежедневную рутину: в виде «социальной изоляции», дистанционной работы/учебы, гигиенических изощренностей и прочего.

Г. Гарфинкель в своих «этнометодологических экспериментах» пытался про-вернуть с социальным миром похожий фокус [Гарфинкель, 2007]. Разница лишь в том, что он вводил в естественные обыденные социальные ситуации преднамеренные «лабораторные» переменные, то есть вмешивался в них, нарочно меняя и игнорируя существующие правила (или, лучше сказать, условности) взаимодействия. Гарфинкель заставлял своих студентов торговаться с продавцами за товары, имеющие твердо установленную цену, наблюдая и за реакцией продавца, и за собственными самоощущениями; узнавать, что конкретно друг имел в виду, спрашивая «как дела?», доводя его до открытого раздражения; вести себя как гость в собственном доме, вызывая недоумение и нервозность родителей в попытках найти объяснения происходящему, и тому подобное. Все это было нужно затем, чтобы за искусственно вызванным недоумением обнаружить непроговариваемые нормы повседневной жизни — социальный порядок, который должен был встрепенуться и задрожать под напором этнометодолога.

Однако нам делать все это, в общем-то, необязательно. Социальная жизнь сама себя постоянно разрушает и безо всяких социологов — это в каком-то смысле естественный процесс жизнедеятельности большого организма. Люди сами все время сталкиваются с новыми непонятными ситуациями, бывают обманутыми или просто ошибаются, нарушая локальную социальную организацию. Короче говоря, социальная жизнь и так сама по себе «слишком зыбка и нелепа». Или, как точно подметил Питер Бергер, «стены общества — потемкинские деревни, возведенные над пропастью бытия» [Бергер, 1996: 136]¹⁰. Последние события, связанные с вирусной пандемией, являются этому хорошим примером (хотя это и исключительный случай в том смысле, что подобное происходит относительно редко).

К тому же у стихийных происшествий, эпидемий и катастроф есть одна особенность — банальная, но важная. Мы хорошо знаем, что в нашем мире есть (1) события, связанные с разумностью, целеполаганием и ответственностью, те, за которыми стоит чья-то (добрая или злая) воля, и (2) события природные, физические, бесцельные [Гофман, 2004: 81—100]. Соотносятся ли первые обязательно с деятельностью человека, а вторые — со «слепыми» силами материального мира, зависит от общей системы верований¹¹. И хотя пандемия — это сложное

¹⁰ Место и роль «предельного», экзистенциального опыта (в том числе так называемых пограничных ситуаций) в структурах тотальности повседневной жизни прекрасно охарактеризованы П. Бергером на страницах популярного пропедевтического курса «Приглашение в социологию» (раздел «Общество как драма») [Бергер, 1996: 114—137].

¹¹ Подобное различие является если и не «универсальным», то, во всяком случае, основополагающим для «современной» культуры, формирующейся начиная с эпохи Нового времени. Именно в ней благодаря радикальному противопоставлению «субъект(ивного)» и «объект(ивного)» начал, «духа» и «природы», «психического» и «физического», *res cogitans* и *res extensa* etc стали возможны более или менее автономные описания мира, в котором царят осмысленность, умышленность и телеология, с одной стороны, и мира «естественных» фактов и «механистической» причинности — с другой (даже если признавалось, что эти сферы в нашем эмпирическом опыте наслаиваются друг на друга). В структурах мифологического и религиозного мышления разных типов указанные области не разграничивались столь категорично, но включались в свои специфические мировоззренческие модели и схемы классификации.

комплексное явление, имеющее множество пластов существования, обязательно включающее какие-то политические управленческие решения и меры, в нашей современной «расколдованной» космологии принято считать болезни событиями естественных истоков. То есть они просто возникают, и все — сами по себе. В нашей культурной системе координат болезни нельзя вменить ответственность за понесенный человеком ущерб. Чувство страха и бессилия может возникать как раз потому, что наше восприятие говорит нам, что феномены, с которыми мы сталкиваемся, — стихийные, неуправляемые, движимые только неумолимым естественным законом, а значит, все, что нам остается, — это проявлять осторожность и надеяться, что нас они не коснутся.

Поэтому между экспериментами Гарфинкеля и пандемией как «глобальным экспериментом» есть, конечно, одно принципиальное различие. Да, они разрушают безмятежное рутинное течение социальной жизни. Однако условности научного эксперимента (в сочетании с профессионально-этическими обязательствами) вынуждают исследователя в конце сказать, что «все это был только трюк», то есть вернуть определение ситуации в понятный, логически объяснимый для «подопытного» вид. Пандемия же происходит как естественное событие — за ее появление на сцене и последствия (например, за то, что конкретно вы заболели и потому стали обязаны находиться дома, соблюдая карантин, и быть под технадзором «Социального мониторинга»), по большому счету, никто ни в ответе.

Ясно, что это не единственная возможная (и необязательно верная) точка зрения. Логика другой — например, той, в которой пандемия определяется как событие тайно-умышленное, — составляют вопросы «кто за этим стоит?» и «кому это выгодно?». Действительно, иногда бывает сложно избавиться от чувства, будто все это на самом деле чья-то дурацкая шутка. Фабрикация, или инсценировка (эпидемии, существования вируса) в корыстных целях, связанная с приписыванием «организаторам» всевозможных мотивов (главное, чтобы общая концепция выглядела более или менее убедительной и последовательной, чтобы в нее можно было поверить), — объяснение, которое может звучать гораздо более правдоподобно, когда речь идет о таких исключительных ситуациях, как наша. Просто так и кирпичи ни на кого не падают, и пандемии не разгораются. В эту общую схему вписывается и религиозная версия: жизненное испытание, проверка Богом на прочность или наказание за грехи (это зависит от вероисповедания), и все другие интерпретации, отсылающие к сверхъестественному. В каком-то смысле все это помогает частично снять чувство бессилия, возникающее при столкновении с природными явлениями, о котором говорилось выше.

Но чтобы эти телеологические интерпретации работали, выполняли свою объясняюще-успокаивающую функцию, должна присутствовать большая степень глубокого личного убеждения, что так оно и есть. А этого бывает крайне сложно добиться, если факт инсценировки тщательно скрывается и недоступен никакому непосредственному восприятию. Помимо этого, есть также и какое-то фоновое понимание, что никто «достоверный и надежный» никогда не придет и не скажет, что «действительно все это были только ухищрения авторитарного правительства (или кого угодно), Вы были правы». Никогда не удастся получить на этот счет убедительные доказательства (хотя чувствительность к доказательствам и их

убедительности у всех разная). И не только потому, что на самом деле это не так (это как раз в точности не известно), но потому что на то это и тайна.

В общем, можно и во время этнометодологического эксперимента подозревать, что на Вас ставят какой-то странный опыт, но пока экспериментатор не скажет: «А теперь мы расскажем Вам, что только что происходило», — никакой уверенности в этих догадках нет. Конечно, и в эксперименте, и в ситуации «реальной пандемии» важна сама фигура «экспериментатора» и степень его авторитета, то есть того, кто объяснит, как все обстоит «на самом деле». В научном эксперименте такого найти оказывается гораздо проще, чем в жизни. Но постоянно пребывать в экзистенциальной неопределенности в нашем обществе считается для человека не совсем нормально. По крайней мере, это неудобно для его практической жизни. Так что, видимо, все же придется сделать какой-то свой выбор.

И снова о фреймах и рутинах: механизмы пересборки социальности (версия 2020)

Если продолжать пользоваться «эмоциональными» аналогиями, регулярность и рутина получаются в каком-то смысле связаны со скукой, а неопределенность — с беспокойством (то есть с двумя противоположными состояниями), из-за чего им крайне сложно одновременно сосуществовать в одном человеческом сознании. Хотя большинство «нормальных», среднестатистических игроков социальной сцены, по-видимому, предпочли бы скуку жизни на склонах действующего вулкана. Поэтому неизбежно должна происходить рутинизация нового опыта. Пандемия здесь выполняет роль мощного провокатора, пробуждающего «режим опасности», который требует от людей адаптации и реставрации разрушенных социальных рутин (или генерирования новых). Эпизодически возникающие перебои «сердечного ритма» социальной жизни могут оборачиваться разного рода «шоковыми перезагрузками», но в итоге пульс обычно восстанавливается.

Как именно происходит «рутинизация»? Для ответа на подобный вопрос имеет смысл привести в пример кусочек из жизни некоего отдельно взятого человека. Пусть это будет какой-нибудь аноним — N. Выборка событий из общего хаоса «жизненного кусочка» сделана специально для наших познавательных целей. В этом смысле N — не уникальный человек, а наша аналитическая «типизация».

Эпидемия началась примерно в начале года в какой-то далекой стране, где N никогда не был. К марту эпидемия превратилась в пандемию и начала существенно влиять на жизнь N (введен режим «самоизоляции», ношения масок, «удаленки» и т. д.). Теперь N работает из дома, видится с друзьями и родными только по скайпу, а про бассейн, спортивный зал, кино, кафе, торговые центры, куда обычно ходил, вынужденно забывает. Повседневность N обрывает приличным количеством новых правил и условностей. Ему буквально приходится заново учиться совершать такие простые действия, как чихание и кашель, поездки в лифтах и общественном транспорте, передвижение по супермаркету и т. п. Чтобы научиться новым правилам, то, что было знакомым и незамечаемым, должно стать четко контролируемым, осознаваемым.

Но у него есть не только одни «голые правила»: есть, кроме того, неодобрительные взгляды и комментарии прохожих, есть сотрудники полиции, которые могут

и задержать, и оштрафовать, то есть формальные и неформальные санкции (чтобы правила лучше запоминались). Человек N обеспокоен возможностью столкновения с вирусом и неопределенностью собственной жизни. Каждый день он мониторит новости по количеству заболевших в его городе. Идет время, и хотя сложно привыкнуть к жизни взаперти, N постепенно привыкает: переносит свои дела домой и в интернет, чаще моет руки, пользуется антисептиком, чихает в сгиб локтя, перестает протягивать руку для рукопожатия. Выходя из дома, теперь помимо мобильника, ключей и бумажника, он проверяет, с собой ли медицинская маска.

Поначалу N мог забывать каждый раз делать все это или прикладывал какие-то дополнительные умственные усилия, чтобы ничего не забыть. Теперь он просто живет и не занимает «оперативную память» всякой ерундой типа личной гигиены и тонкостей «изоляционных» взаимодействий с людьми (они отошли в нерелективный, обыденный опыт), а просто делает, потому что знает, что делать.

Так прошел какой-то период в жизни N, наполненный какими-то его обычными делами и событиями. Как само собой разумеющиеся в его повседневности теперь присутствуют видеосвязь, маски, перчатки, антисептик и прочие карантинные атрибуты. Так получилось, что они к нему «приросли». Он больше не испытывает какого-то особенного беспокойства, теперь он понимает, как ему со всем этим жить. Случается так, что в один мало примечательный день ему звонят и предлагают принять участие в опросе общественного мнения. Ему задают какие-то вопросы, он выбирает из предложенных вариантов ответа. Потом его спрашивают примерно следующее: «Какие лично Вы применяете меры, чтобы обезопасить себя и своих близких от коронавируса?». И на этот раз не предлагают никаких вариантов. То есть теперь он должен сказать сам. Добропорядочный человек N, выполняющий все, что ему требуется выполнять, попадает в странную ситуацию: он не может ничего вспомнить (в то короткое время, пока интервьюер готов ждать его ответ). После затянувшегося молчания он говорит что-то про маски, избегание зараженных, и вот голос в телефоне уже задает следующий вопрос. Он не смог быстро вспомнить и половину всего нового, что пришло в его жизнь с началом пандемии. И дело, конечно, не в том, что N «просто забывчивый». То же самое могло произойти с кем угодно, и более того, так в общем виде выглядит механизм рутинизации для каждого без исключения человека, живущего в обществе.

Ситуация с опросом в жизни N совершенно случайна. Зато она хорошо демонстрирует, как новые практики и вещи постепенно «врастают» в человека и перестают замечаться, становятся только фоном его повседневности — как собственные руки, которыми мы ежедневно совершаем манипуляции, но «не видим» их.

Все это совсем не означает, что всегда, говоря об индивидуальном опыте и индивидуальном восприятии, мы обязаны отсылать к законам психики. Точнее, необязательно на этом останавливаться. Окончательный диагноз для одного врача может оказаться только симптомом для другого. Или, как говорил доктор Грегори Хаус, «выбрав специалиста, вы выберете свое заболевание». Для социолога самоотверженное людское желание превратить все вокруг себя в «рутину» означает неизбежность производства социального порядка, то есть упорядочивания соци-

альной жизни. Строго говоря, социальный порядок не производится людьми — он уже существует там, куда люди приходят. В то же время действия, которые складываются в правилосообразные, упорядоченные фигуры, совершают («своими руками») именно люди, и люди же этот порядок трансформируют.

Кажется, самая значительная трансформация повседневной жизни произошла в том, что в той или иной степени многим людям пришлось пережить некое подобие домашнего ареста¹² — в виде строгого карантина, если человек был признан заразившимся, или в виде чуть менее строгой профилактической «самоизоляции». Чтобы стать «нежелательным лицом», подлежащим принудительной изоляции, от которого будут шарахаться все уведомленные об этом новом статусе, не требуется слишком много условий: нужно просто иметь какие-то симптомы недомогания. Хотя для того, чтобы механизм стигматизации в принципе себя проявил, даже этого уже слишком много — человеку достаточно лишь один раз чихнуть где-нибудь в супермаркете, чтобы поймать на себе презрительные взгляды людей, пытающихся убраться подальше от «опасного Другого».

В период вынужденной самоизоляции нахождение внутри бетонной коробки становится основой жизнедеятельности. Странное дело, но при таком масштабном перенесении социальных практик домой и в интернет мир на экране сделался как будто более настоящим по сравнению с миром за окном, потому что в экранный мир можно «войти» и даже совершить там какие-то реальные действия, а в мир за пределами квартиры выйти стало нельзя. И важно то, что не просто «связь с миром» (как обмен информацией) теперь стала поддерживаться в основном через интернет — многие привычные модели взаимодействия люди постарались адаптировать к интернет-формату.

И. Гофман, как известно, называл такие устойчивые формы взаимодействия «фреймами» [Гофман, 2004]. Для него весь социальный мир представлялся бесконечной чередой этих более или менее замкнутых интеракций, которые можно описать некоторым набором правил и условностей, лежащих в основе внутренней логики построения коммуникации определенного вида. Проще говоря, в зависимости от ситуации наша повседневная жизнь всегда описывается каким-то фреймом. Эти внутренние условности не проговариваются и, возможно, даже не осознаются, но они есть. И социолог может их увидеть. Важно здесь то, какие именно условности меняются и как это переопределяет смысл того, что (люди думают) сейчас происходит.

Мы говорим, что наше обучение «сменило формат» с очного на дистанционный. На самом деле здесь есть «неточность» словоупотребления, спровоцированная правилами нашей грамматики, которая мешает понять, что именно произошло. Ведь «формат» не принадлежит «обучению» как какая-то вещь, чтобы ее можно было просто сменить на другую, как одежду, и подать «то же самое, но в другой

¹² В отличие от настоящего домашнего ареста, этот легитимирован слабее, потому что опирается не на привычный и понятный правовой авторитет в точном смысле, а на тонкую связку права и медицины. Если судебное постановление об аресте, основанное на реальном правонарушении, кажется оправданным, то точно такие же ограничения свободы со стороны здравоохранения могут восприниматься как вероломное вмешательство в частную жизнь (особенно в логике демократического государства). Обычно мы позволяем медицине манипулировать с нами «как с телами» только тогда, когда мы по доброй воле на это согласились, — на основе свободного личного решения, а не принуждения.

обертке». Скорее, онлайн-формат обучения — это нечто совсем иное, что с разной степенью успешности пытается мимикрировать под настоящее обучение, подражать исходному очному образцу. В итоге эта имитация ощущается как «чуть менее реальное», «пластмассовое» обучение. И не сложно понять, почему.

Соприсутствие тел в физическом пространстве у идейных предшественников Гофмана — У. Джемса и А. Шютца — было причиной того, почему «чувственный мир» (он же «мир рабочих операций», или попросту «повседневность») признавался верховной реальностью социальной жизни. Это было так по той банальной причине, что нам не отделаться от существования собственных тел в мире других таких же тел, которые постоянно совершают «рабочие операции» и увлекают нас во взаимодействие с собой. Но дело не только в людях. Мы по своей «человеческой ограниченности» вынуждены без остановки взаимодействовать с материальной здесь-и-сейчас-реальностью окружающей нас обстановки, мебели, источников звука и света, даже находясь на лекции.

К тому же сохранение тела в безопасности, поддержание его жизни и здоровья — это пропуск в другие, «менее реальные» (но необязательно менее субъективно важные) зоны опыта; пропуск, без которого «внутренняя охрана» не сможет разрешить сознанию бродить по фантазийным мирам. Онлайн-образование — это, конечно, не фантазия (и даже не страшный сон), но оно тоже недобирает очков по шкале реальности происходящего по сравнению с «живым» учебным процессом. Дело в том, что на очной лекции/семинаре эта реальность является для нас общей, коллективно разделяемой (мы имеем соприсутствие тел и всего, что на них способно повлиять, а также возможность обмениваться улыбками и взглядами и вообще — распознавать важные невербальные компоненты коммуникации), а на онлайн-занятии — нет.

Если взрослые люди (студенты) еще могут попробовать убедить себя в том, что они получают дистанционное «образование», и сохранить способность обучаться, то школьники, особенно младшие, на это просто не способны в силу возраста. Поддерживать необходимый уровень внимания учеников младшей школы на занятиях по скайпу — задача, которая стремится к невыполнимости, не говоря уже о том, чтобы пытаться таким образом чему-то их научить. Но и у тех, и у других вовлеченность во взаимодействие неизбежно ослабевает, а границы возможного смещаются, расширяются или сокращаются в основном благодаря техническим посредникам между взаимодействующими.

Например, студенту выключенные микрофон и веб-камера позволяют фактически отсутствовать на лекции, при этом находясь на ней формально. В этом смысле возможности нового фрейма будут расширены по сравнению с исходным очным образцом, если студент сам по себе не сильно заинтересован в происходящем (та же самая ситуация может ограничивать возможности для заинтересованного студента). Если очень сильно не хочется идти на пару или принимать в ней какое-либо участие, то можно вполне «законно» сослаться на «технические сложности». Опять же, технические сложности могут действительно возникнуть и помешать обучению.

Дистанционная форма, веб-камеры и микрофоны, как ключи-отмычки, «взламывают» закрытые двери аудиторий, и содержание студенческих разговоров

становится доступно членам их семей, и наоборот — «открываются» закрытые двери квартир, и частная домашняя жизнь студентов и преподавателей просачивается в университетский фрейм. Все это может быть в разных случаях как поводами для шуток и сближения, так и поводами для взаимного непонимания и разобщения. Так или иначе, это наложение друг на друга зон опыта, которые раньше никогда не пересекались, и потому не имеют пока устойчивых, понятных, «серьезных» схем пересечения. Вполне вероятно, что если онлайн-обучение станет регулярной обыденностью, эти схемы рано или поздно себя найдут и станут устойчивыми и даже, может быть, станут «слишком нормальными», чтобы восприниматься критически большинством участников образовательных интеракций. Но в любом случае на эту перестройку должно потребоваться значительное количество времени.

То ли воля, то ли неволя?

Специального рассмотрения¹³ заслуживает феномен избирательного реагирования людей на пандемическую угрозу и вводимые ограничительные меры. В конкретных странах и регионах, в том числе регионах России, в разные месяцы 2020 г. влияние пандемии как своего рода социального факта на образ жизни людей и организацию публичных практик было отнюдь не одинаковым. Разные категории населения весьма несходным образом воспринимают риски, опасности и вынужденные «стеснения», исходящие как от самой болезни, так и от новых форм контроля, с ней связанных.

Опыт последних месяцев свидетельствует, что готовность следовать предписаниям считывалась в поведении отнюдь не только «законопослушно»-конформных пожилых граждан, изрядно запуганных властями и СМИ¹⁴. В любом случае объект слишком изменчив, и за ним довольно трудно угнаться. С другой стороны, реализация стратегии полного или частичного игнорирования ограничений во многих случаях также была налицо, отчетливо проявляясь в определенных ситуациях (особенно когда имели место послабления «режима»), но все же так или иначе уступала под натиском контроля или перетекала в другие локации по мере «закручивания гаек» (смещалась туда, «где можно»).

Ряд типовых картинок «народного быта» и массовых развлечений лета — осени 2020 г. мало отличался от аналогичных — докоронавирусных. Так, в многотысячных (позднесентябрьских) скоплениях пестрой молодежно-романтически-туристической публики, лицезревшей развод питерских мостов, но не имевшей ни малейшего намерения предохраняться и проявлять «благоразумие», «носители масок» (почти исключительно стражи порядка) едва обнаруживались. А столпотворения и живые очереди из желавших протестировать свежий снег склонов Эльбруса (в конце ноября, когда «вторая волна» была уже в разгаре) по концентрации дышащих и чихающих прямо в лицо или в затылок незнакомцам вполне напоминали час-пик в московском метро (единственное отличие — под открытым небом). Опять же — никаких масок! (ни у кого, кроме кассиров, продающих билеты

¹³ Не входящего в число основных задач данной статьи.

¹⁴ Кстати, наблюдаемый сегодня феномен «заботливой дискриминации» пожилых и реакции на таковую самого объекта подобного рода «принудительной социальной опеки» может стать темой для отдельного исследования.

на канатную дорогу). Многие, наверное, помнят, что ситуация второй половины лета (в том числе на курортах, куда отдельные счастливики смогли-таки вырваться) была еще более расслабленной. Означает ли это, что коронавирус можно просто на время «задвинуть куда подальше» — чтоб не мешал радоваться жизни «по старым понятиям и обычновениям», если очень хочется?..

Социологически весьма показательно, что сам процесс втягивания в масочный режим протекал неровно. Отдельные группы (вернее — индивиды с опознаваемыми социальными характеристиками¹⁵), прежде всего на ранних этапах внедрения новых правил, были ориентированы на игнорирование последних. Хотя позднее, поняв, что «это всерьез и надолго», абсолютное большинство вынуждено было примириться; в результате чего даже скептики и наименее дисциплинированные надели маски. Так, на первый взгляд, поначалу средний московский посетитель магазинов эконом-класса «Пятерочка» был склонен демонстрировать меньший уровень добровольной сознательности в соблюдении противовирусных социальных норм, чем, скажем, средний посетитель «ВкусВилла»¹⁶.

Ситуация, однако, менялась довольно быстро, обычно в сторону относительного выравнивания: частично под влиянием растущей строгости формальной и неформальной клиентской политики конкретных организаций (магазинов и торговых сетей, учреждений по работе с населением, общественного питания, транспорта, авиакомпаний, театров и т. п.). Поведение в самолетах и аэропортах также модифицировалось вслед за усилением контроля над соблюдением эпидемиологических правил. Театры, и так оказавшиеся в критическом положении в сезон пандемии, порой вынуждены переходить от лояльного и терпимого отношения к нарушителям масочного режима (взгляд сквозь пальцы) к жестко санкционирующему. При этом публика¹⁷ в зрительном зале и фойе имеет основания чувствовать себя реальным участником какого-то фантазмагорического собрания — не то «прокаженных», не то «передовиков отрасли химзащиты».

Так или иначе, следует признать, что режимы «пандемической» и «допандемической» повседневности в период с марта 2020 г. повсеместно сосуществовали, сталкивались, пересекались и накладывались друг на друга, образуя многообразные «композиционные сочетания». Эти режимы были представлены в опыте разных людей в разных пропорциях, хотя подвижная граница между данными пластами жизни все же сохранялась и определенным образом воспроизводилась.

Все это требовало и требует от акторов известных усилий по выработке и освоению разнообразных «техник переключения», позволяющих переходить из одной «зоны» (где то-то и то-то запрещено) в другую (где подобных запретов нет) или в третью (где что-то можно, но тайно, пока тот-то и тот-то не видит, камера не записывает, и т. п.). Правда, в большинстве случаев при совершении подобных «переходов» и «переключений» маска должна быть где-то под рукой, наготове — как

¹⁵ Лишь эмпирическое исследование может показать, с какими именно.

¹⁶ Разумеется, это лишь гипотеза, основанная на несистематическом наблюдении.

¹⁷ Заметно помолодевшая в последние месяцы и состоящая теперь главным образом из молодых, «молодящихся» и умело скрывающих свой возраст граждан, поскольку билеты на осенне-зимние столичные спектакли имеют формальное право приобретать и использовать только лица моложе 65 лет.

новый важный элемент ходового (будничного) социального реквизита индивида. В этом смысле ключевая социальная функция маски — не спасти от заражения, но уберечь от (вдруг, резко ставших легитимными) претензий окружающих, готовых захлопнуть перед нашим носом многие из дверей, которые мы привыкли открывать в своей прежней, «докоронавирусной» жизни.

Впрочем, не стоит забывать, что сама по себе многослойность, или многоукладность, обыденной социальной жизни (по крайней мере, в высококодифференцированных обществах) является ее нормальной характеристикой.

***

Социологам во всем мире приходилось неоднократно констатировать: скорости социальных изменений в обществах XX — первых десятилетий XXI века поистине беспрецедентны. Жизнь каждого нового поколения оказывается наполненной своими, особыми событиями, которые могут переживаться весьма остро и болезненно, как нечто экстраординарное. Так было и раньше. В отдельные моменты прошлого история конкретных регионов и стран могла быть чрезвычайно стремительной, а ее вектор — изломанным. Специфической чертой новейшего периода социальной динамики на этом фоне, пожалуй, является именно «спрессованность» многочисленных изменений в очень небольших отрезках времени (по меркам в среднем объективно удлиняющейся человеческой жизни).

Покой сегодня всем нам только снится. Накопленный с таким трудом (даже можно сказать — вымученный) опыт конкретных поколений «летит ко всем чертям» раньше, чем отыграет похоронный марш... притом гораздо раньше. Социализация минувших десятилетий, сформировавшая «габитус» (навыки, паттерны, знания...) людей даже средних возрастов, может элементарно не работать как средство социальной адаптации актора в настоящем. Что уж тогда говорить о тех, кто еще старше? Медленно ползти в сторону кладбища, как сейчас любят выражаться, возможно, еще рано, но как жить уже завтра — совершенно непонятно.

Рухаются политические режимы, меняются ценностные профили и жизненные уклады миллиардов людей на планете, быстро и кардинально трансформируются гендерные роли. Принципиально перестраивается коммуникационная среда. Многие из социальных трансформаций оказываются обусловленными малопредсказуемой направленностью развития техники. Общество риска, которому уже неоднократно ставились меткие социологические диагнозы, не устает удивлять жителей планеты Земля.

COVID-19 и вызванная им пандемия-20 врываются в жизнь людей, их повседневность и наполняющие ее рутины. Разбросанные ветром перемен предметы приходится в спешном порядке, на скорую руку расставлять по своим местам. Но «вечных» своих мест в эпоху текучей современности уже почти ни для чего нет, а старые способы расстановки далеко не всегда приемлемы в изменившихся условиях. Социологу же остается лишь поражаться той прихотливой и порой диковинной логике, при помощи которой людям-таки удается вновь и вновь обустроить островки порядка в своем турбулентном и полухаотическом жилище, именуемом словом «общество».

Список литературы (References)

Бергер П. Л. Приглашение в социологию: гуманистическая перспектива. М.: Аспект Пресс, 1996.

Berger P. L. (1996) Invitation to Sociology: A Humanistic Perspective. Moscow: Aspect Press. (In Russ.)

Гарфинкель Г. Исследования по этнометодологии. СПб.: Питер, 2007.

Garfinkel H. (2007) Studies in Ethnomethodology. St. Petersburg: Piter. (In Russ.)

Гофман И. Анализ фреймов: эссе об организации повседневного опыта. М.: ИС РАН, 2004.

Goffman E. (2004) Frame Analysis. An Essay on the Organization of Experience. Moscow: Institute of Sociology, RAS. (In Russ.)

Гофман И. Представление себя другим в повседневной жизни. М.: Канон-пресс-Ц, Кучково поле, 2000.

Goffman E. (2000) The Presentation of Self in Everyday Life. Moscow: Kanon-press-Ts, Kuchkovo pole. (In Russ.)

Элиас Н. Общество индивидов. М.: Практикс, 2001.

Elias N. (2001) Die Gesellschaft der Individuen. Moscow: Praxis. (In Russ.)

DOI: [10.14515/monitoring.2021.2.1705](https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.2.1705)

И. В. Мерсиянова, Н. В. Иванова

ТРУДНО ИЛИ ЛЕГКО БЫТЬ ОБЩЕСТВЕННО АКТИВНЫМ ЧЕЛОВЕКОМ ВО ВРЕМЯ ПАНДЕМИИ?

Правильная ссылка на статью:

Мерсиянова И. В., Иванова Н. В. Трудно или легко быть общественно активным человеком во время пандемии? // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2021. № 2. С. 340—361. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.2.1705>.

For citation:

Mersianova I. V., Ivanova N. V. (2021) Is It Difficult or Easy to Be an Engaged Citizen During the Pandemic Outbreak? *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 2. P. 340–361. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.2.1705>. (In Russ.)

ТРУДНО ИЛИ ЛЕГКО БЫТЬ ОБЩЕСТВЕННО АКТИВНЫМ ЧЕЛОВЕКОМ ВО ВРЕМЯ ПАНДЕМИИ?

МЕРСИЯНОВА Ирина Владимировна — кандидат социологических наук, директор Центра исследований гражданского общества и некоммерческого сектора, зав. кафедрой экономики и управления в негосударственных некоммерческих организациях департамента политики и управления факультета социальных наук, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия

E-MAIL: imersianova@hse.ru

<https://orcid.org/0000-0002-0275-4717>

ИВАНОВА Наталья Владимировна — кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Центра исследований гражданского общества и некоммерческого сектора, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия

E-MAIL: nvivanova@hse.ru

<https://orcid.org/0000-0002-5225-8367>

Аннотация. В статье рассматриваются факторы, воздействующие на отношение к общественно активным людям. На эмпирической базе данных количественного и качественного исследований (апрель — май 2020 г.), осуществленных в период режима самоизоляции, введенного в связи с распространением новой коронавирусной инфекции, раскрывается взаимосвязь между оценкой возможности быть общественно активным человеком и составляющими человеческого капитала: уровнем образования, профессиональным статусом, материальным положением.

IS IT DIFFICULT OR EASY TO BE AN ENGAGED CITIZEN DURING THE PANDEMIC OUTBREAK?

Irina V. MERSIANOVA — Cand. Sci. (Soc.), Director of the Centre for Studies of Civil Society and the Non-Profit Sector; Head of the Department of Economics and Management in NGOs of the Faculty of Social Sciences

E-MAIL: imersianova@hse.ru

<https://orcid.org/0000-0002-0275-4717>

*Natalya V. IVANOVA*¹ — Cand. Sci. (Philology), Senior Researcher at the Centre for Studies of Civil Society and the Non-Profit Sector

E-MAIL: nvivanova@hse.ru

<https://orcid.org/0000-0002-5225-8367>

¹ National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia

Abstract. The paper regards factors affecting the perceptions of active citizens. Basing on the quantitative and qualitative data (April—May 2020) collected during the COVID-19 self-isolation period, the authors examine a relationship between the perception of actively engaged citizens and the components of human capital — educational level, professional status, and financial well-being.

The study shows that the perception of active citizens correlates with social and human capital indicators. A positive view of being an actively engaged citizen is

Продemonстрировано, что оценка также соотносится с показателями социального и человеческого капитала. Положительный взгляд на возможность быть общественно активным человеком разделяют люди, демонстрирующие высокий уровень межличностного доверия, ответственность за происходящее вокруг, уверенность в том, что уровень доверия в стране за последний месяц увеличился, возросла готовность к взаимопомощи и волонтерство в России развито достаточно хорошо, чтобы справиться с пандемией коронавируса. С оптимизмом воспринимают общественно активную деятельность молодежь и люди, ощущающие себя счастливыми. Напротив, представители старших возрастных групп и те, кто обладает сравнительно низкими показателями человеческого и социального капитала, в том числе внешним локус-контролем, полагающие, что готовность помогать в стране уменьшилась и волонтерство пока развито плохо, считают, что быть общественно активным человеком трудно.

Новизна исследования связана с тем, что оно выявило амбивалентное отношение россиян к общественно активным людям. С одной стороны, большинство в период пандемии полагало, что общество одобрительно относится к активным людям. С другой — россияне считают, что быть общественно активным трудно, и высказывают негативные стереотипы, подозревают активистов в амбициозности и корысти. Данные свидетельствуют, что это связано с рассогласованием между тиражируемыми целями общественной деятельности и скептицизмом респондентов относительно ее мотивов. Поэтому восприятие обществен-

shared by those who demonstrate a high level of personal trust and feel responsible for what is happening in their community. These people are also confident that the level of trust in the country has grown over the past month, the willingness of people to help each other has increased, and volunteering in Russia is developed well enough to cope with the coronavirus pandemic. Young people and those who feel happy are more optimistic about active citizens. Representatives of older age groups and those who have relatively low indicators of human and social capital, on the contrary, believe that it is difficult to be a socially active person. The latter group is characterized by external locus control and a belief that the willingness to help in the country has decreased lately, while volunteering is still poorly developed.

The study revealed the ambivalent attitude of Russians towards active citizens. On the one hand, during the pandemic, the majority believed that society approves of active people. On the other hand, Russians believe that it is difficult to be active citizen, and express negative stereotypes, suspecting activists of ambition and self-interest. The data indicate that this ambivalence arises due to the mismatch between the replicated goals of public activity and the skepticism of respondents regarding its motives. Therefore, the perception of active citizens depends on how convincingly their motivation and positive results of activity are presented to public.

но активных людей зависит от того, насколько убедительно представлены общественному мнению их мотивация и позитивные результаты деятельности.

Ключевые слова: общественная активность, общественно активные люди, социальный капитал, доверие, участие в общественной жизни, волонтеры, волонтерская деятельность, активная гражданская позиция

Keywords: civic participation, actively engaged citizens, social capital, trust, citizen engagement, volunteers, volunteering, active citizen participation

Благодарность. Исследование выполнено при поддержке Программы фундаментальных исследований НИУ «Высшая школа экономики».

Acknowledgments. Support from the Basic Research Program of the National Research University Higher School of Economics is gratefully acknowledged.

Конструктивная общественная активность стала особенно востребованной в период распространения новой коронавирусной инфекции COVID-19. Информация, поступившая на горячую линию «ВместеНКО»¹, созданную в Общественной палате РФ, свидетельствует о высоком запросе на помощь активистов, которые переориентировались на работу в онлайн-формате, проводили тренинги и консультации для тех, кто находился на самоизоляции. Возникли и совершенно новые инициативы взаимопомощи, например движение COVIDарность, вовлекающее людей в помощь находящимся на самоизоляции пожилым жителям собственного дома или района, для которых вирус наиболее опасен².

Схожие примеры есть за рубежом. В одном из аналитических докладов Фонда Карнеги обобщены примеры мобилизационной активности граждан в разных странах в условиях пандемии. Люди объединяются в новые типы инициативных групп и ассоциаций, деятельность которых направлена на помощь в борьбе с болезнью и ее последствиями: сбор средств, доставку средств защиты для медицинских работников, поддержку наиболее пострадавших групп населения. Во многих странах в этот период активизируется взаимодействие гражданского общества с бизнесом и органами власти, и происходит это преимущественно на местном уровне³.

Ответ на вопрос, в каких формах будет развиваться общественная активность в нашей стране после выхода из пандемии, приобретут ли устойчивость спонтанные инициативы, вызванные к жизни чрезвычайными обстоятельствами, во многом

¹ Почти 200 сообщений поступило на горячую линию #ВместеНКО // Официальный сайт Общественной палаты Российской Федерации. 2020. 14 апреля. URL: <https://www.oprf.ru/press/news/2617/newsitem/53114> (дата обращения: 11.03.2021).

² COVIDарность — волонтерский проект, помогающий людям объединиться в борьбе с коронавирусной инфекцией. URL: <https://covidarnost.ru/> (дата обращения: 11.03.2021).

³ Brechenmacher S., Carothers T., Youngs R. Civil Society and the Coronavirus: Dynamism Despite Disruption // *Carnegie Endowment for International Peace*. 2020. URL: <https://carnegieendowment.org/2020/04/21/civil-society-and-coronavirus-dynamism-despite-disruption-pub-81592> (дата обращения: 11.03.2021).

зависит от осмысления предпосылок, способствующих вовлечению граждан в общественно полезную деятельность, и препятствий на пути развития общественной активности россиян. Одной из таких предпосылок выступает массовое восприятие общественной активности и отношение к общественно активным людям.

Общественная активность и ее восприятие в контексте социального и человеческого капитала

Как для российских, так и для зарубежных исследователей характерно взаимозаменяемое употребление ряда терминов, которые используются для описания понятия «общественная активность». К их числу принадлежат следующие: «социальная активность», «гражданская активность», «активная гражданская позиция». Они включают широкий круг социальных практик самоорганизации и участия в управлении, например через выборы в местные органы власти [Колпина, 2018], участие в волонтерской деятельности и общественных организациях [Русакова, 2018; Медведев, Пусько, 2018; Мерсиянова, Корнеева, 2013; Мерсиянова, Якобсон, 2007]; в решении социально значимых проблем территории проживания и самоорганизация по месту жительства в форме территориального общественно-самоуправления [Фролова, 2016; Мерсиянова, 2010; Шомина, 2020]; самодеятельность, самостоятельность в различных сферах социальной жизни [Шамионов, 2018]. В рамках Мониторинга состояния гражданского общества, проводимого Центром исследований гражданского общества и некоммерческого сектора НИУ ВШЭ, выделяются следующие характеристики общественной активности: «люди самостоятельно координируют свои действия, артикулируют интересы, которые они собираются отстаивать, собирают ресурсы для реализации тех интересов, которые выходят за рамки интересов их семьи или их бизнеса» [Мерсиянова, Якобсон, 2007: 6].

Отсутствие унифицированного подхода к определению общественной активности свойственно не только российским исследованиям. В зарубежной традиции также используются разнообразные сходные по значению термины, акцентирующие различные грани общественной активности. К ним относится «активное гражданство» (active citizenship), термин, вошедший в обиход с начала 2000-х годов в контексте стратегии Евросоюза по созданию «экономики знаний» и общества социальной сплоченности, подчеркивающий значимость непрерывного гражданского образования для расширения участия граждан в представительной демократии и жизни сообщества [Hoskins, Mascherini, 2009]. Общественная активность предполагает два ключевых формата деятельности, которые зачастую пересекаются и реализуются одновременно: во-первых, взаимодействие граждан с государством и, во-вторых, взаимодействие граждан между собой [Annette, 2000]. Первое часто обозначается как citizen engagement (вовлеченность граждан) и охватывает инициативы, обеспечивающие влияние граждан на процессы управления и принятия решений [Verba, Schlozman, Brady, 1995]. Этот тип общественной активности характеризуется вектором отношений «сверху вниз», инициатором которых выступает государство, призванное обеспечить вовлеченность граждан в демократические процедуры и процессы обсуждения решений, затрагивающих интересы населения [Davies, Simon, 2012]. Второй фор-

мат общественной активности, относящийся к низовым инициативам граждан по решению проблем местного сообщества, чаще обозначается термином «гражданское участие» (citizen participation). В указанном понимании два последних термина различаются с точки зрения степени субъектности ключевых акторов, хотя необходимо отметить, что оба термина также используются как взаимозаменяемые. Взгляды на соотношение между этими близкими по смыслу понятиями отличаются различием: от констатации в самой общей форме связи между активным гражданством и вовлеченностью граждан [Active Citizenship..., 2018: 8] до понимания активного гражданства как одной из форм вовлеченности граждан [ibid.: 4]. Принятое Европейской комиссией определение активного гражданства соотносит его с участием в практиках гражданского общества, местного сообщества, политической жизни. При этом подчеркивается, что это понятие распространяется не на все типы участия, а лишь на те, которые характеризуются взаимным уважением, ненасильственными методами и уважением прав человека и демократических принципов [Measuring Active..., 2006; Hoskins, Mascherini, 2009].

В связи с отсутствием общепринятого определения понятие общественной активности актуализируется в функциональном аспекте через формы реализации — например, усилия по улучшению существующих общественных структур, укрепление социальных связей, создание условий для принятия гражданами решений и воздействия на принятие решений, напрямую влияющих на их жизнь [Active Citizenship..., 2018].

Исследователи отмечают связь общественной активности с социальным капиталом, объединяющим ресурсы для коллективного действия, которыми обладают граждане за счет совокупности социальных связей. Ресурсы социального капитала включают нормы и общие ценности, групповую сплоченность [Татарко, 2011], реципрокное поведение [Wentink et al., 2018], различные типы доверия, социальные сети и связи между людьми, членство в организациях, а также институциональные и информационные каналы, обеспечивающие общественное участие и совместные действия для достижения общественного блага, экономического и социального развития на благо общества [Bhandari, Yasunobu, 2009: 486—487].

Социальный капитал — одновременно и источник, и следствие общественной активности. Он создается в результате плотного сетевого взаимодействия. В свою очередь, наличие социального капитала способствует усилению общественной активности [National Research Council, 2014].

Доверие и ценностно-нормативные установки, объединяющие людей для совместных действий, формируют основу сетевых связей, необходимых для создания социального капитала. Эмпирически зафиксировано, что общественная активность, направленная на решение проблем местного сообщества в таких формах, как волонтерство и благотворительность, определяется высоким уровнем межличностного доверия, в отличие от политической и протестной активности, которая зачастую опирается на недоверие и конфронтацию [Uslaner, Brown, 2005: 875]. Отмечена связь между низким уровнем доверия и меньшей вероятностью участия в общественной жизни [ibid.: 869].

В интересах настоящего исследования и с учетом рассматривавшихся представлений мы выделяем следующие базовые характеристики общественной актив-

ности, которые наиболее часто просматриваются в различных ее определениях [Мерсиянова, 2010]:

(1) самоорганизация, объединение для решения социально значимых проблем своей территории, действий на благо других людей или общее благо;

(2) вовлеченность людей в принятие решений, влияющих на их жизнь.

В институциональном контексте общественная активность может реализовываться через НКО либо через индивидуальную вовлеченность в решение социальных проблем. Ключевые социальные практики общественной активности в российском контексте включают волонтерство, благотворительность, взаимодействие с местными органами власти, участие в их работе и общественный контроль.

Интенсивно изучаются факторы, способствующие общественной активности. Богатая литература посвящена роли демографических факторов (возраст, пол, этническая принадлежность), образовательного уровня, материального положения, а также социальных установок, например чувства гражданской ответственности [Saha, 2000]. Рассматривается также восприятие гражданами различных институций и явлений с точки зрения их влияния на общественную активность. Под этим углом зрения изучается и восприятие гражданского образования и роли учебных заведений в этом процессе [Webster et al., 2018; Reichert, Print, 2018], объективной журналистики [Gil de Zúñiga et al., 2018], объектов комфортной городской среды как совместного, общедоступного блага [Andres, 2013], экологических рисков [Lim, Moon, 2020].

На этом фоне парадоксальным представляется фактическое отсутствие исследований, посвященных массовому восприятию самой общественной активности. Среди работ этой направленности отметим исследование П. Рубин, которая анализирует формирование гражданской идентичности как реакцию на повседневный социальный опыт американской молодежи различных социально-демографических групп. Зачастую негативный опыт взаимодействия с представителями государственных органов (учителями, социальными работниками, полицией) приводит к конфликту между распространенными установками американских демократических ценностей и личным опытом [Rubin, 2007]. В опросе британской некоммерческой организации Common Cause Foundation показано, что восприятие населением Великобритании альтруистических ценностных ориентаций других людей, которые можно расценивать как предпосылку общественной активности, выступает предиктором гражданского участия. Люди, полагающие, что их сограждане в большей степени придерживаются гуманных взглядов, чаще других участвуют в различных видах общественной деятельности и голосуют на выборах. Напротив, убежденные в том, что большинство соотечественников действуют из эгоистических побуждений, не склонны к общественной активности и участию в выборах [Common Cause Foundation, 2016: 22].

Предмет настоящего исследования — восприятие россиянами общественной активности и общественно активных людей как субъектов активности. Тем самым данная работа восполняет ощутимый пробел в литературе. Наша гипотеза исходит из того, что массовое восприятие является частью среды, воздействующей на формирование общественной активности. Это дает основания предполагать, что восприятие во многом определяется теми же факторами социального и человеческого

капитала, которые влияют на практическую вовлеченность людей в общественную активность. Инструментарий исследования разработан с учетом данной гипотезы. О связи социального капитала и общественной активности говорилось выше. Помимо этого общественная активность обнаруживает связь с человеческим капиталом, который охватывает совокупность знаний и умений, а также здоровье и качество жизни, повышающие способность человека к труду и обеспечивающие его профессиональный и материальный статус [Аганбегян, 2017].

Прямое отношение к цели настоящего исследования имеет эмпирически выявленная зарубежными авторами взаимосвязь между восприятием декларируемых целей общественного блага и сформированными предпочтениями и предрасположенностями респондентов. Если посыл относительно общественно значимых целей деятельности не соответствует сложившимся в массовом сознании представлениям, восприятие такого посыла сопровождается отторжением. «Наша гипотеза состояла в том, что доверие зависит не от того, какие мотивы своей деятельности провозглашает организация, а от согласования между декларируемыми посылами и общественным восприятием этих посылов. Согласование между тем и другим способствует более высокому доверию, чем рассогласование» [Terwel et al., 2009: 294].

Обобщая сказанное, необходимо прежде всего подчеркнуть слабую разработанность проблемы восприятия общественной активности. Недостаточно изучены факторы, воздействующие на этот процесс, а также связь между восприятием общественной активности и реальной вовлеченностью в активность. Целесообразно отметить также, что восприятие общественной активности, как и само явление, требует комплексного, междисциплинарного подхода. В частности, с позиций социальной психологии заслуживает внимания взгляд на восприятие общественной активности как на звено мотивационной цепочки, обеспечивающей реальное участие граждан в общественной жизни. В рамках менеджмента НКО плодотворным представляется изучение зависимости между отношением людей к общественной активности и восприятием ими декларируемых мотивов активности. Следует предположить, что данные подобных исследований могли бы целенаправленно ориентировать коммуникационные стратегии НКО на сложившиеся представления значимых групп потребителей информации. Границы между дисциплинами социального блока в значительной мере проницаемы, и многие из вопросов, характеризующих восприятие общественной активности, могут плодотворно рассматриваться в социологической перспективе. Помимо перечисленных к ним относятся такие как:

- самоидентификация и восприятие других людей как общественно активных;
- смыслы, вкладываемые различными категориями респондентов в понимание общественной активности;
- связь восприятия общественной активности и выбора между готовностью к личному общественному участию, либо общественной пассивностью;
- национально-культурные особенности восприятия общественной активности;
- роль государственной политики в формировании позитивного восприятия общественной активности и ряд других.

Настоящее исследование — первый шаг на пути к исследованию указанного круга вопросов, которое актуализирует проблему восприятия россиянами общественной активности в контексте факторов социального и человеческого капитала.

Эмпирическая основа исследования

Эмпирическую базу составили материалы исследований качественного и количественного характера, проведенных Центром исследований гражданского общества и некоммерческого сектора НИУ «Высшая школа экономики» в рамках проекта «Самоорганизация и взаимопомощь в условиях противодействия распространению коронавирусной инфекции».

Во-первых, это данные всероссийского опроса населения, в ходе которого были проведены телефонные интервью в период с 1 апреля по 3 мая 2020 г. по всероссийской репрезентативной выборке взрослого населения России (старше 18 лет). Выборка составляет 2012 респондентов, статистическая погрешность не превышает 2,5 п. п.

Во-вторых, это материалы четырех онлайн-фокус-групп, проведенных в Москве и Казани с обычными гражданами и с волонтерами, которые оказывали помощь находящимся на самоизоляции людям, а также с волонтерами-медиками. Данный метод был выбран, поскольку в ситуации эпидемиологической угрозы, когда граждане находятся на самоизоляции, он позволяет респондентам участвовать в исследовании онлайн из дома, отвечать на вопросы в удобное для них время с учетом личных возможностей и разницы в часовых поясах.

Инструментарий исследования разработан с учетом рассматривавшихся теоретических представлений о ключевых элементах социального и человеческого капитала. Проблематика социального капитала принималась во внимание в вопросах, касающихся уровня доверия, помогающего поведения, локуса ответственности и других. Внимание к элементам человеческого капитала отразилось в вопросах, касающихся образовательного уровня и профессионального статуса, материального положения, субъективного ощущения благополучия и состояния здоровья. Было проведено две онлайн-дискуссии с населением, в каждой из которых участвовали по 15 человек. Социально-демографическая структура участников каждой онлайн-дискуссии: 18—70 лет, 45 % мужчины и 55 % женщины, 60 % состоят в браке, 40 % не состоят в браке, 40 % имеют детей до 18 лет; не менее 40 % имеют высшее образование. Одна из дискуссий была проведена с жителями Москвы, вторая — с жителями Казани со 2 по 4 апреля 2020 г. В это время в Казани уже был введен усиленный пропусками контроль самоизоляции.

В дискуссии с волонтерами участвовали 15 человек: граждане, имеющие опыт волонтерской деятельности и/или готовые к осуществлению волонтерской деятельности, связанной с распространением коронавирусной инфекции. В исследовании принимали участие респонденты в возрасте 19—35 лет, проживающие в городах: Санкт-Петербург, Белгород, Брянск, Воронеж, Иваново, Калининград, Краснодар, Курск, Липецк, Москва, Орел, Уфа, Симферополь, Тамбов, Екатеринбург. Гендерный состав участников исследования: 7 мужчин и 8 женщин. Онлайн-дискуссия была проведена в период с 5 по 7 апреля 2020 г.

В дискуссии с волонтерами-медиками участвовали 15 человек: медики, имеющие опыт волонтерской деятельности и готовые принимать участие в волонтерской деятельности, связанной с распространением коронавирусной инфекции. В исследовании принимали участие респонденты в возрасте 19—46 лет, проживающие в городах: Всеволожск, Якутск, Тюмень, Махачкала, Санкт-Петербург, Чебоксары, Назрань, Шадринск, Пермь, Ханты-Мансийск, Хабаровск, Ноябрьск, Улан-Удэ, Астрахань, Смоленск. Гендерный состав участников исследования: 5 мужчин и 10 женщин. Онлайн-дискуссия была проведена в период с 5 по 7 апреля 2020 г.

Восприятие россиянами общественно активных людей

Согласно результатам всероссийского опроса населения, 57 % россиян во время пандемии полагают, что быть в России общественно активным человеком трудно (см. рис. 1). Сравнение этих данных с результатами ранее проведенных опросов населения в рамках мониторинга состояния гражданского общества НИУ ВШЭ показывает, что и раньше доля россиян с аналогичной точкой зрения составляла не менее 57 %—59 %. Например, по данным всероссийского опроса населения ($N=2000$) в рамках мониторинга состояния гражданского общества, проведенного Центром исследований гражданского общества и некоммерческого сектора НИУ «Высшая школа экономики» в 2018 г., большинство (59 %) граждан России считало, что в нашей стране быть общественно активным человеком трудно. Вместе с тем большинство (70 %) опрошенных полагают, что общество одобрительно относится к общественно активным гражданам.

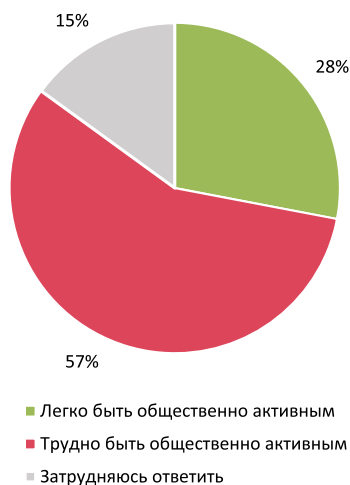

Рис. 1. Ответы на вопрос: «Как Вы считаете, сегодня в России легко или трудно быть общественно активным человеком?», %

Оптимистичнее всего смотрят на возможность быть общественно активным человеком представители молодежи и высокоресурсных групп населения: доля тех, кто считает, что быть общественно активным человеком легко, составляет 46 %

для мужчин и 47 % для женщин в возрасте 18—24 лет. Такой точки зрения чаще других придерживаются студенты (66 %), бизнесмены (43 %), руководители подразделений (38 %) и специалисты (33 %), а также люди с наилучшим материальным положением, которые могут позволить себе купить автомобиль (43 %) или квартиру (38 %). Имеет значение уровень образования: люди с высшим образованием, в том числе неполным, чаще обычного считают, что быть общественно активным человеком легко (35 %—39 %). Наконец, существенно влияет и субъективное ощущение благополучия: среди относящих себя к безусловно счастливым доля тех, кто полагает, что быть общественно активным человеком легко, составляет 34 % (см. рис. 2).

Напротив, считают, что быть общественно активным человеком трудно, чаще других женщины старше 54 лет (64 %), люди со средним образованием (66 %), неблагополучным финансовым положением, когда денег не хватает даже на еду (71 %) или одежду (66 %), а также безработные в поиске работы (67 %). Наконец, это мнение чаще высказывают люди с преобладанием внешнего локуса ответственности (65 %—66 %), а также те, кто скорее несчастлив (71 %) или безусловно несчастлив (74 %).

Рис. 2. Ответы на вопрос: «Если говорить в целом, Вы счастливы или несчастливы?», %

Мнение о том, что быть общественно активным человеком в России легко, связано с рядом позитивных установок по отношению к вопросам, касающимся доверия и взаимопомощи. Доля тех, кто считает, что быть общественно активным легко, заметно выше среди россиян, полагающих, что большинству людей можно доверять (36 %, см. рис. 3), отмечающих, что уровень доверия в обществе за последний месяц увеличился (35 %), а также увеличилась готовность помогать друг другу (34 %, см. рис. 4). Эта позиция более характерна для тех, кто считает, что волонтерство в России развито достаточно хорошо, чтобы стране было легче справиться с коронавирусом (35 %, см. рис. 5).

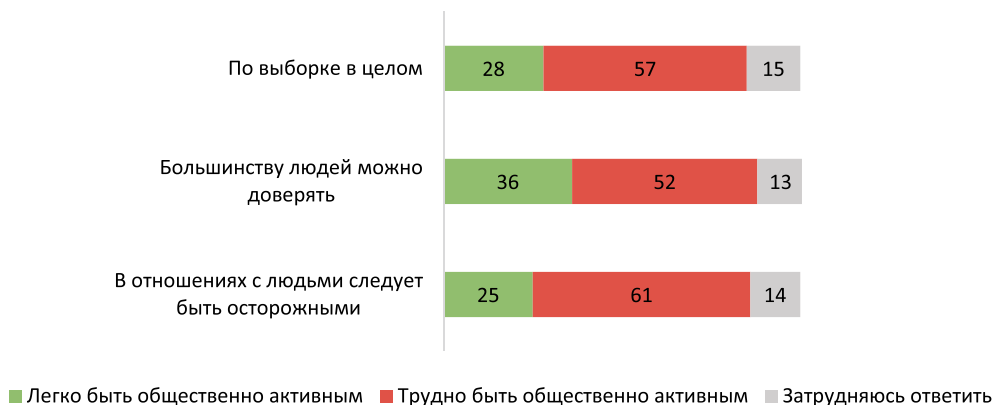

Рис. 3. Ответы на вопрос: «Как Вы считаете, большинству людей можно доверять или в отношениях с людьми следует быть осторожным?», %

Доля тех, кто считает, что быть общественно активным трудно, выше среди респондентов, ответивших, что готовность помогать в обществе уменьшилась (65%), встретить ее среди окружающих людей можно довольно редко (64%) или очень редко (68%), а волонтерство в России развито пока плохо, чтобы помочь справиться с коронавирусом (63%).

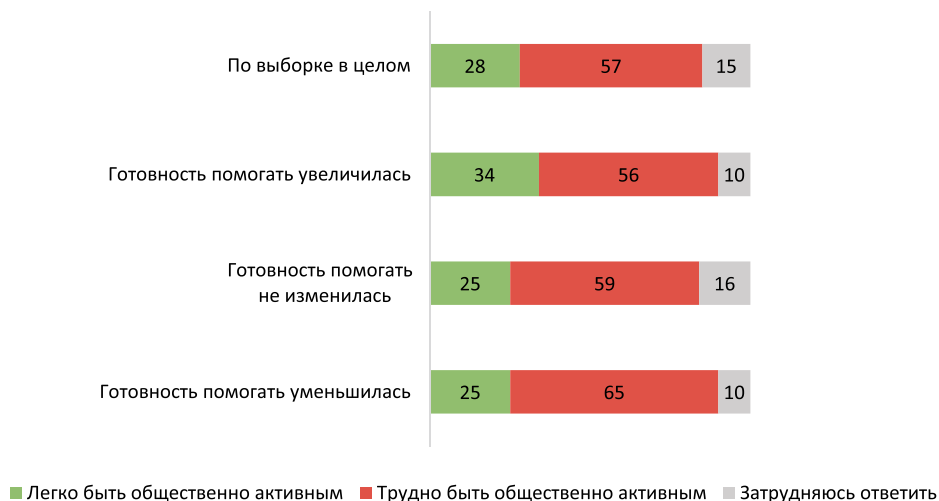

Рис. 4. Ответы на вопрос: «По Вашему мнению, в целом за последний месяц готовность людей помогать друг другу увеличилась, уменьшилась или не изменилась?», %

Наконец, уверенностью в том, что быть общественно активным человеком легко, чаще обладают респонденты, считающие, что в полной мере могут повлиять на происходящее в своем населенном пункте (34%), стране (37%) и мире (35%), а также чувствуют ответственность за происходящее в населенном пункте или

в стране (по 33 %). Исследование, однако, не выявило значимой связи с готовностью помогать окружающим, оказавшимся в тяжелой жизненной ситуации из-за эпидемии, или опытом оказания такой помощи.

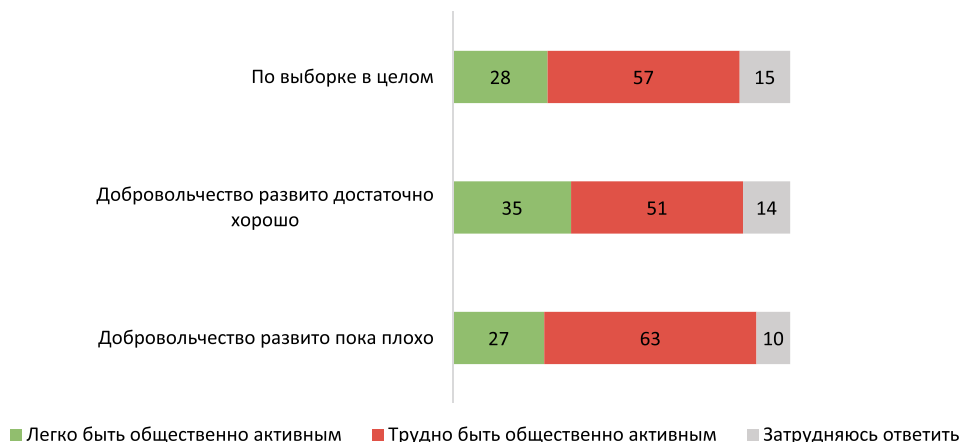

Рис. 5. Ответы на вопрос: «Как Вы считаете, волонтерство (добровольчество) в России развито достаточно хорошо или пока плохо для того, чтобы стране было бы легче справиться с распространением коронавируса?», %

Восприятие обычными гражданами себя как общественно активных людей

Данные количественного опроса становятся еще более понятными при взгляде на эти же вопросы сквозь призму результатов онлайн-фокус-групп. Как показали результаты анализа, большинство участников проведенных в Москве и Казани фокус-групп из числа обычных граждан не считают себя активными людьми: лишь в среднем 2—3 человека из 15 назвали себя активными гражданами и подкрепляют свою позицию примерами деятельности. В целом отношение к активной гражданской позиции в обществе характеризуется участниками исследования как амбивалентное и неоднозначное: от очень хорошего до раздражения и непонимания.

Относятся, как к городским сумасшедшим, жалеют, сочувствуют, иногда помогают, но всерьез не воспринимают. У нас привыкли доверять людям, облеченным властью. Страх перед властью. (Москва, 61 год)

К общественно активным людям относятся отрицательно, потому что у нас в обществе не принято выделяться из толпы. Люди относятся к ним, как к выскочкам, и реагируют агрессивно. (Казань, 44 года)

Общественно активные люди — понятие очень широкое. Например, волонтеры и митингующие — общественно активные, а смысловую нагрузку в массы несут разные.

Первые понимают, что они в этом мире маленькие люди, но пытаются хоть немного принести пользу своим бытием для окружающих. А другие как маленькие детишки сопротивляются привычным способом для них — бунтом, но в большинстве случаев они даже не бывают услышанными. (Казань, 30 лет)

Респонденты позитивно относятся к волонтерской деятельности, к активной позиции в решении ряда общественно значимых вопросов (двор, улица, дом и т. д.). Участники исследования (население), считающие себя активными гражданами, в качестве примеров активности отметили участие в конкурсах на работе, обращение на порталы госуслуг и «Добродел» в случае наблюдения нарушений, участие в волонтерской деятельности. Некоторые в качестве примеров активности упоминают увлечения и хобби.

Считаю себя общественно активным человеком. Смотрю на текущую ситуацию в своем районе. Если вижу какие-то недочеты, то обращаюсь для их устранения на соответствующие сайты с жалобами на безобразие. Личные интерес и неудобство, неправомерные действия в мой адрес, создание проблем на пустом месте побуждают меня не оставаться равнодушной. (Москва, 22 года)

Негативное отношение к общественной активности связано с подозрениями в корысти или с потенциальным страхом наказания, например: «поддерживается и поощряется только та активность, которая поддерживает интересы вышестоящих организаций или органов власти, в противном случае за активную гражданскую позицию можно пострадать существенным образом», «за активность может скрываться корыстная выгода активиста», «за активность вразрез с интересами сильных мира сего можно пострадать». Высказываются предположения, что на государственном/правительственном уровне приветствуются активные граждане, стоящие «на стороне государства», в то время как критикующие государство активисты могут понести наказание, вследствие чего некоторые респонденты опасаются афишировать свое мнение, боятся реакции органов власти, полиции и возможных последующих санкций. Порой высказываются мнения, что отдельные граждане не могут ничего изменить, поскольку «мнение народа не учитывается».

Сейчас очень много случаев, когда общественная активность тех или иных лиц является следствием чьих-то конкретных интересов, и это подрывает доверие к такому виду деятельности... Например, общенародный фронт зачастую помогает демонстративно на камеру, для пиара «Единой России». (Казань, 27 лет)

Общество сильно поляризовано, нет общих взглядов и ценностей. Если ты за кого-то заступишься или присоединишься к чьему-либо мнению и это будет идти вразрез с интересами сильных мира сего, последствия могут быть самыми плачевными... (Москва, 43 года)

Общественно активным людям в нашей стране, как и во всем мире, активничать дают только с разрешения с верхов и так далее по лестнице. Сейчас общественно активный человек либо хочет продвинуться вверх, либо получить экономическую выгоду.

Конкурс «лидеры России» — несколько из участников стали мэрами, чиновниками. (Казань, 43 года)

Плохо! У нас не любят, когда говорят правду. У нас все боятся лишний раз высказаться. Я тоже не общественный активный деятель. Тоже, наверное, не пойду на митинг, потому что не вижу смысла, у нас никогда не будут слушать мнение народа. (Казань, 45 лет)

Общественно активных людей любят с одной стороны — государство может переложить на них часть своих забот, с другой — не любят, так как некоторые НКО и общественные движения могут поднимать неудобные вопросы. (Волонтеры-медики)

Также многих раздражает вербальная активность граждан, которые «учат» жизни других, но не приносят своей деятельностью позитивных изменений. Эти данные подтверждают отмеченное выше наблюдение о рассогласованности между декларируемыми общественными ценностями и сложившимся восприятием граждан как факторе недоверия.

Некоторые не приемлют «хамских» активных движений («Стоп Хам», «Лев против»), которые приклеивают наклейки на неправильно припаркованные машины или поливают водой курильщиков, поскольку такая активность приближена к хулиганской.

Если это люди «критиканы», которые лучше всех знают, кто что должен делать. И вся их активность заключается только в поучениях и претензиях, кто и что и как должен делать, как нужно работать, кому и где курить, где и как парковаться, где и как выгуливать собак и т. д. Например, те, кто идиотские наклейки клеят на неправильно припаркованные машины. Когда видишь эти сюжеты, то просто раздражает. Для этого есть спец. органы и техника, и штрафы. И выглядит это не общественной активностью, а личными комплексами или попыткой доминировать над кем-то. Я лично, и большинство моих знакомых, отношусь к таким негативно. (Москва, 45 лет)

Необходимо отметить, что участники исследования старше 60 лет (население) часто отмечают, что они не в состоянии ни на что повлиять и в принципе отвергают для себя лично активную гражданскую позицию.

Мне уже 61 год, и я занимаюсь работой, внуками и наблюдаю за ситуацией в мире по ТВ. Ни на что повлиять я не в состоянии. (Москва, 61 год)

Спонтанно упоминаются волонтеры и волонтерские движения, благотворительные и некоммерческие организации, благотворители и активисты в сфере экологии, зоозащиты в качестве представителей с положительно активной гражданской позицией.

Большинство населения нашей страны с прогрессирующим позитивом относятся к общественно активным людям. Становится понятно, что на них держится вся духовность, неравнодушие и готовность к помощи, несмотря на свое состояние. Сама я отношусь

к таковым и сталкиваюсь в большинстве с адекватным и позитивным отношением. (Волонтеры-медики)

Например, есть люди, которые помогают бездомным животным. Есть люди, в том числе и среди моих знакомых, которые по своей инициативе убирают в парках. Это такая самостоятельная полезная активность! А если человек сумел организовать нескольких людей этим заниматься — это уже общественно активная позиция. (Москва, 45 лет)

Если мы говорим о волонтерах — то скорее позитивно. Работа на благо общества на безвозмездной основе всегда была в почете. (Москва, 22 года)

Я думаю, что положительно относятся к общественно активным людям, которые занимаются благотворительностью, вопросами экологии и другим, потому что они не сидят сложа руки, стараются помочь нуждающимся. (Москва, 61 год)

Спонтанно упоминается недостаток освещения роли и заслуг волонтеров, их поступков в официальных и традиционных СМИ — как в отношении отдельных направлений, так и в отношении конкретных городов. Образ волонтера/добровольца еще недостаточно понятен и привлекателен, волонтер не обладает безоговорочным уважением и авторитетом в обществе. В Казани также упоминали освещение работы волонтеров по ТВ, однако на практике никто из участников (население) с такими примерами не сталкивался. В то же время волонтеры и единичные активные граждане упоминают, что часто встречают непонимание причин и мотивов их альтруистической деятельности не только со стороны других людей, но и среди членов семьи, близких. Основным мотивом своей деятельности волонтеры считают искреннюю и бескорыстную помощь другим людям:

Быть человечным нынче бесценно. (Волонтеры)

Когда я общаюсь с людьми по своим волонтерским инициативам, то встречаю недоверие, настороженность. Я с пониманием отношусь к такому поведению, так как в наше время много обмана и мошеннических схем. Стараюсь быть предупредительным и проявлять больше терпения. (Москва, 26 лет)

Самооценка общественной активности волонтеров

Все принимавшие участие в онлайн-дискуссиях волонтеры считают себя активными гражданами. Некоторые волонтеры, волонтеры-медики характеризуют себя как талантливую, активную, творческую молодежь, которую поддерживают на федеральном уровне, подкрепляя это ссылками на признание и награды со стороны местных органов власти. Волонтеры упоминают «статусность» своей работы общественника в рамках муниципалитета или района, что вызывает уважение и может повышать их социальный статус; отмечают желание быть замеченными, «не быть как все» в позитивном смысле слова.

Волонтеры и волонтеры-медики говорят, что после Года волонтера (2018) отношение сильно изменилось в лучшую сторону, хотя до сих пор встречаются

непонимание или попытки использовать волонтеров как бесплатную рабочую силу, обвинения в работе «на медали»: порой волонтерам приходится доказывать искренность своих мотивов. Корни такого отношения часто видят в недостаточной осведомленности о волонтерской деятельности. В то же время, когда волонтерство становится «модным» трендом, появляются желающие присоединиться к этому движению из корыстных или политических мотивов посредством публикаций в СМИ и в интернете. Встречаются и корыстные случаи вступления в волонтерские ряды во время пандемии с целью получения «справки» для свободного перемещения по городу.

За последний месяц увеличилось количество людей, которые готовы безвозмездно помогать нуждающимся, причем за счет своих средств. Но также есть люди, использующие данную ситуацию в своих целях. Например, к нам обращались предприниматели, зарегистрированные в качестве волонтеров, но как потом оказалось, [что] им была необходима «справка» для свободного перемещения по городу. (Волонтеры-медики)

В стране в целом к общественникам относятся с уважением. Так как это неравнодушные ребята, готовые прийти на помощь при любых ситуациях. Но, к сожалению, с пандемией я столкнулась с непонятной агрессией, когда ты говоришь, что являешься волонтером. Оказывается, не все понимают, что делать добро — это хорошо, и молодые люди абсолютно бесплатно готовы это делать. (Волонтеры-медики)

В настоящем негативно относятся, так как многие думают, что за активность платят дополнительно деньги. Да, я считаю себя активным человеком, но сталкиваюсь со многими барьерами, в том числе с осуждением своей деятельности. (Волонтеры)

Я чаще сталкиваюсь с положительным отношением, поддержкой друзей и людей, которые тоже готовы помогать по мере своих возможностей. Многие считают, что помощи другим сейчас именно и не хватает. (Волонтеры)

Волонтеры-медики упоминают, что среди медиков активных людей не так много, как хотелось бы, причиной чему могут быть как высокая занятость и большая самоотдача на работе, так и невысокая оплата труда, вследствие чего многие врачи совмещают работу в нескольких ЛПУ, накопленный уровень усталости не позволяет им тратить время и силы на общественную активность. Именно внимание государства и поддержка активных людей в сфере здравоохранения дают потенциал для развития активной гражданской позиции в медицинском сообществе.

Среди врачей встречаются такие люди, но очень редко, потому что в нашей стране врачей не считают элитой и высшим классом, поэтому человек не хочет делать выше и больше своих обязанностей. (Волонтеры-медики)

Врачи и сотрудники медицинской сферы редко являются общественно-активными людьми, потому что их профессия требует максимальной отдачи, часто им не хватает времени и сил. (Волонтеры-медики)

Среди моих знакомых есть врачи, занимающиеся добровольчеством. Врач-стоматолог, осуществляющий бесплатные осмотры для проживающих в геронтологическом центре. Есть врач-педиатр, которая участвует в социальных добровольческих проектах. Есть работающие медсестры, участвующие в добровольческой работе. Но это единицы. Все пытаются заработать. Медики работают на две ставки, чтобы получить «нормальную» зарплату. Времени на добровольчество не хватает. Сами больницы нуждаются в помощи волонтеров. (Волонтеры-медики)

Хотелось бы особенно сказать про врачей! Мало!!! Мало общественно активных людей и не хватает специальных должностей в учреждениях сферы здравоохранения!!! Мало!!!! Сложно!!! Все сваливается на маленькую группу людей. А так относятся спокойно: «Ну молодцы, волонтерите — хорошо». (Волонтеры-медики)

Заключение

Наши исследования подтвердили гипотезу о связи восприятия общественной активности с компонентами социального и человеческого капитала. Мнение о том, что сегодня в России легко быть общественно активным человеком, разделяют респонденты с более высоким образовательным и профессиональным уровнем, полагающие, что большинству людей можно доверять, испытывающие ответственность за происходящее в населенном пункте, в стране и в мире, а также уверенные в том, что могут повлиять на происходящее вокруг, и что волонтерство в нашей стране развито достаточно хорошо, чтобы помочь справиться с коронавирусом. Такого же мнения придерживаются представители молодежи и люди, испытывающие субъективное ощущение благополучия.

Отношение к общественно активным людям в российском обществе характеризуется выраженной амбивалентностью. С одной стороны, большинство респондентов полагают, что к людям равнодушным, стремящимся изменить жизнь вокруг себя к лучшему, в целом доминирует одобрительное отношение. С другой стороны, многие считают, что быть общественно активными людьми трудно, ссылаясь на устойчивые негативные стереотипы в отношении общественной активности. К числу таких стереотипов относятся подозрения в адрес активных людей в корысти, неверие в возможность повлиять на изменение ситуации к лучшему, которые бытуют на фоне не вполне укорененной культуры волонтерства и позитивной общественной активности, а также недостаточной осведомленности широких категорий населения о наглядных примерах проявления гражданских добродетелей россиян, в частности в период эпидемиологического кризиса.

Полученные нами данные позволяют предположить, что одной из причин этой амбивалентности является рассогласование между тиражируемыми целями общественной активности (например, «изменить мир к лучшему» или появившийся в период пандемии лозунг «волонтеры — герои нашего времени») и сформировавшимися воззрениями респондентов относительно подлинных, по их мнению, побуждений к активности. Таким образом, актуальный запрос состоит не только в том, чтобы показывать позитивный образ общественно активного человека в СМИ. Формирование доверия к общественно активным людям зависит от того, насколько убедительно с учетом выявленных стереотипов общественного мнения

будут представлены позитивные результаты и мотивация общественно активной деятельности. Опыт общественной активности в период пандемии коронавируса дает богатые возможности для представления общественной активности с ориентацией на восприятие различных групп населения.

Перспективным направлением дальнейших исследований представляется изучение соотношения и динамики взаимодействия между восприятием общественной активности в ее разнообразных формах и готовностью к личному общественному участию. Настоящая работа закладывает эмпирические основы и показывает теоретические направления для дальнейших, более сложных исследований в этом направлении, которые могут иметь не только научное, но и практическое значение.

Список литературы (References)

Аганбегян А. Г. Человеческий капитал и его главная составляющая — сфера «экономики знаний» как основной источник социально-экономического роста // Экономические стратегии. 2017. № 3. С. 66—79.

Aganbegyan A. G. (2017) Human Capital and Its Main Component — the “Knowledge Economy” Sphere as the Main Source of Socio-Economic Growth. *Economic Strategies*. No. 3. P. 66—79. (In Russ.)

Колпина Л. В. Гражданская активность населения старшего поколения на местном уровне // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2018. № 4. С. 293—308. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2018.4.14>.

Kolpina L. V. (2018). Civic Engagement of Older Populations at the Local Level. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 4. P. 293—308. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2018.4.14>. (In Russ.)

Медведев И. А., Пусько В. С. Некоторые аспекты повышения общественной активности российской молодежи // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2018. № 6. С. 53—56.

Medvedev I. A., Pusko V. S. (2018) Some Aspects of Increase of Public Activity of Russian Youth. *Humanities, Social-Economic and Social Sciences*. No. 6. P. 53—56. (In Russ.)

Мерсиянова И. В. Территориальное общественное самоуправление как форма общественного участия // Вопросы государственного и муниципального управления. 2010. № 3. С. 149—168.

Mersianova I. V. (2010) Local Community-Based Activity as a Form of Citizens' Participation. *Public Administration Issues*. No. 3. P. 149—168. (In Russ.)

Мерсиянова И. В., Корнеева И. Е. Благотворительность и участие россиян в практиках гражданского общества: региональное измерение / Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: Издательский дом НИУ ВШЭ, 2013. (Сер. «Мониторинг гражданского общества». Вып. VIII).

Mersianova I. V., Korneeva I. E. (2013) Charitable Giving and Russians' Participation in Civil Society Practices: Regional Dimension. Moscow: The Higher School of Economics Publishing House. (Series “Monitoring of Civil Society”. Issue 8). (In Russ.)

Мерсиянова И. В., Якобсон Л. И. Общественная активность населения и восприятие гражданами условий развития гражданского общества. 2007. М.: Изд. дом ГУ-ВШЭ. (Сер. «Мониторинг гражданского общества». Вып. I).

Mersianova I. V., Jakobson L. I. (2007) Public Activity of the population and Citizen Perception of the Conditions of Civil Society Development. Moscow: HSE University. (Series “Monitoring of Civil Society” Issue 1). (In Russ.)

Русакова И. В. Показатели общественной и инновационной активности населения регионов Российской Федерации с позиций системного подхода // Петербургская социология сегодня. 2018. Вып. 9. С. 120—142.

Rusakova I. V. (2018) Indicators of Social and Innovation Activity of the Population of the Regions From the Perspective of a Systems Approach. *St. Petersburg Sociology Today*. Issue 9. P. 120—142. (In Russ.)

Татарко А. Н. Социальный капитал как объект психологического исследования. М.: НИУ ВШЭ, 2011.

Tatarko A. N. (2011) Social Capital as an Object of Psychological Study. Moscow: HSE. (In Russ.)

Фролова Е. В. Взаимодействие населения и местной власти: проблемы и новые возможности // Социологические исследования. 2016. № 4. С. 59—64.

Frolova E. V. (2016) Interaction of the Population and Local Government: Problems and New Opportunities. *Sociological Studies*. No. 4. P. 59—64. (In Russ.)

Шомина Е. С. Самоорганизация жителей в сельских поселениях — взгляд сквозь розовые очки // Социологическая наука и социальная практика. 2020. Т. 8. № 2. С. 114—132. <https://doi.org/10.19181/snsp.2020.8.2.7308>.

Shomina E. S. (2020) Self-Organization of Citizens at the Rural Settlements — Look Through Pink Glasses. *Sociologicheskaja nauka i social'naja praktika*. Vol. 8. No. 2. P. 114—132. <https://doi.org/10.19181/snsp.2020.8.2.7308>. (In Russ.)

Шамионов Р. М. Социальная активность личности и группы: определение, структура, механизмы // Вестник РУДН. 2018. Сер.: Психология и педагогика. Т. 15. № 4. С. 379—394. <https://doi.org/10.22363/2313-1683-2018-15-4-379-394>.

Shamionov R. M. (2018) Social Activity of Personality and Groups: Definition, Structure and Mechanisms. *RUDN Journal of Psychology and Pedagogics*. Vol. 15. No. 4. P. 379—394. <https://doi.org/10.22363/2313-1683-2018-15-4-379-394>. (In Russ.)

Active Citizenship for the Common Good: The Active Citizenship Footprint (2018). Volonteuropa. URL: https://www.ehrenamtskongress.de/fileadmin/user_upload/x_Ehrenamtskongress/2018/Dokumentation/F_01_ACTIVE_CITIZENSHIP_FOOTPRINT_report.pdf (accessed: 13.03.2021).

Andres L. (2013) Differential Spaces, Power Hierarchy and Collaborative Planning: A Critique of the Role of Temporary Uses in Shaping and Making Places. *Urban Studies*. Vol. 50. No. 4. P. 759—775.

Annette J. (2008) Community Involvement, Civic Engagement & Service Learning. In: Arthur J., Davies I., Hahn C. (eds.) *The SAGE Handbook of Education for Citizenship and Democracy*. London: SAGE. P. 388—398.

Bhandari H., Yasunobu K. (2009) What Is Social Capital: A Comprehensive Review of the Concept. *Asian Journal of Social Science*. No. 37. P. 480—510. <https://doi.org/10.1163/156853109X436847>.

Common Cause Foundation (2016) Perceptions Matter: The Common Cause UK Values Survey. London: Common Cause Foundation.

Davies A, Simon J. (2012) The Value and Role of Citizen Engagement in Social Innovation. A Deliverable of the Project: “The Theoretical, Empirical and Policy Foundations for Building Social Innovation in Europe” (TEPSIE), European Commission — 7th Framework Programme, Brussels: European Commission, DG Research.

Gil de Zúñiga H., Huber B., Strauß N. (2018) Social Media and Democracy. *El Profesional de la Información*. Vol. 27. No. 6. P. 1172—1180. <https://doi.org/10.3145/epi.2018.nov.01>.

Hoskins B. L., Mascherini M. (2009) Measuring Active Citizenship Through the Development of a Composite Indicator. *Social Indicators Research*. Vol. 90. No. 3. P. 459—488. <https://doi.org/10.1007/s11205-008-9271-2>.

Lim J. Y., Moon K.-K. (2020) Perceived Environmental Threats and Pro-Environmental Behaviors: Investigating the Role of Political Participation Using a South Korean Survey. *The International Journal of Environmental Research and Public Health*. Vol. 17. No. 9. P. 32—44. <https://doi.org/10.3390/ijerph17093244>.

Measuring Active Citizenship in Europe. (2006) CRELL Research Paper 4. European Commission Directorate General Joint Research Centre.

National Research Council (2014) Civic Engagement and Social Cohesion: Measuring Dimensions of Social Capital to Inform Policy. Washington, DC: The National Academies Press. <https://doi.org/10.17226/18831>.

Reichert F., Print M. (2018) Civic Participation of High School Students: The Effect of Civic Learning in School. *Educational Review*. Vol. 70. No. 3. P. 318—341. <https://doi.org/10.1080/00131911.2017.1316239>.

Rubin B. (2007) “There’s Still Not Justice”: Youth Civic Identity Development Amid Distinct School and Community Contexts. *Teachers College Record*. Vol. 109. No. 2. P. 449—481.

Saha L. J. (2000) Education and Active Citizenship: Prospects and Issues. *Educational Practice and Theory*. Vol. 22. No. 2. P. 9—20.

Terwel B. W., Harinck F., Elemers N., Daamen D. D. L. (2009) How Organizational Motives and Communications Affect Public Trust in Organizations: The Case of Carbon Dioxide Capture and Storage. *Journal of Environmental Psychology*. Vol. 29. No. 2. P. 290—299. <https://doi.org/10.1016/j.jenvp.2008.11.004>.

Uslaner E., Brown M. (2005) Inequality, Trust, and Civic Engagement. *American Politics Research*. Vol. 33. No. 6. P. 868—894. <https://doi.org/10.1177/1532673X04271903>.

Verba, S., Schlozman, K. L., Brady, H. (1995) *Voice and Equality: Civic Voluntarism in American Politics*. Cambridge, MA: Harvard University Press.

Webster N., Patterson A. N., Sausner E., Alotaibi B. (2018) The Intersection of Civic Engagement and Civic Attitudes Among Latino Youth Through a Factor Analysis. *Journal of Social Change*. Vol. 10. No.1. P. 159—168.

Wentink C., Vaandrager L., van Dam R., Hassink J., Salverda I. (2018) Exploring the Role of Social Capital in Urban Citizens' Initiatives in the Netherlands. *Gaceta Sanitaria*. Vol. 32. No. 6. P. 539—546. <https://doi.org/10.1016/j.gaceta.2017.05.011>.

DOI: [10.14515/monitoring.2021.2.1689](https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.2.1689)

I. O. Papushina

TESTING THE OMNIVORE HYPOTHESIS IN RUSSIA

For citation:

Papushina I. O. (2021) Testing the Omnivore Hypothesis in Russia. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 2. P. 362–382. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.2.1689>.

Правильная ссылка на статью:

Папушина Ю. О. Проверка гипотезы о музыкальной «всеядности» в России // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2021. № 2. С. 362—382. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.2.1689>. (In Eng.)

TESTING THE OMNIVORE HYPOTHESIS IN RUSSIA

*Iuliia O. PAPUSHINA*¹ — *Cand. Sci. (Soc.), Associate Professor, School of Management*

E-MAIL: yupapushina@hse.ru

https://orcid.org/0000-0002-8979-8965

¹ HSE University, Perm, Russia

Abstract. In the last thirty years, a significant shift from the homology to omnivore argument has occurred in musical preference studies. Studies on the omnivore argument mainly come from North and South America, Western and sometimes Eastern Europe. To the best of our knowledge, there are no empirical tests of musical omnivorousness in Russia. The aim of this paper is to reveal omnivore musical preferences in Russia, and analyzes the links between musical preferences, social-demographic profiles, and tolerance. Our research also emphasizes the territory dimension.

The research setting is the Perm Region. A survey of 2,400 Perm Region citizens is analyzed using principal component analysis and linear regression provides evidence for the research. Our findings do not indicate omnivore musical tastes in Russia that contradicts the conclusions of the research in other cultures. Instead of finding the omnivore pattern, we found Bourdieu-like patterns of classical versus pop music taste and nostalgic taste versus contemporary taste. Representatives of each taste pattern have a specific social-demographic profile. The urbanization factor influences musical preferences as well. The paper discusses the limitations of the research and directions for further work.

ПРОВЕРКА ГИПОТЕЗЫ О МУЗЫКАЛЬНОЙ «ВСЕЯДНОСТИ» В РОССИИ

ПАПУШИНА Юлия Олеговна — кандидат социологических наук, доцент, департамент менеджмента, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Пермь, Россия
E-MAIL: yupapushina@hse.ru

https://orcid.org/0000-0002-8979-8965

Аннотация. В последние тридцать лет в исследованиях музыкальных предпочтений произошел заметный сдвиг от концепта гомологии к концепту «всеядности». Последний активно изучается в Северной и Южной Америке, Западной и иногда Восточной Европе. В России до сих пор эмпирических исследований музыкальной «всеядности» не проводилось. Данная статья преследует цель выявить музыкальные предпочтения россиян в контексте концепта «всеядности», а также проанализировать связи между музыкальными предпочтениями, социально-демографическими характеристиками и толерантностью.

Статья основана на данных регионального уровня: исследование проводилось в Пермском крае, в нем приняли участие 2 400 человек. Для анализа данных использовались методы главных компонент и линейная регрессия. Полученные результаты свидетельствуют об отсутствии «всеядности» в музыкальных вкусах россиян, что противоречит выводам исследований, проведенных по аналогичной тематике в других культурных контекстах. Вместо паттерна «всеядности» мы обнаружили выделенные П. Бурдьё дихотомии предпочтений: «классическая vs поп-музыка» и «ностальгический vs современный вкус». Каждый из выделенных

паттернов обладает специфическими социально-демографическими характеристиками. В качестве значимого фактора влияния на формирование музыкального вкуса выделяется также процесс урбанизации. В заключение статьи рассматриваются ограничения проведенного исследования и определяются перспективные направления дальнейшей работы.

Keywords: music preferences in Russia, omnivore, cultural consumption, urbanization, tolerance

Ключевые слова: музыкальные предпочтения в России, «всеядность», культурное потребление, урбанизация, толерантность

Acknowledgments. The publication was prepared within the framework of the project “Intergenerational cultural dynamics” No. 18-011-00548A supported by Russian Fundamental Research Fund.

Благодарность. Статья подготовлена в рамках проекта «Межпоколенческая культурная динамика» № 18-011-00548A, поддержанного Российским фондом фундаментальных исследований (РФФИ).

Introduction

Musical taste studies have a long and rich record in sociology. In the last thirty years, a significant shift from the homology to omnivore argument has occurred. It started with the introduction of the omnivore argument in 1992 [Peterson, 1992]. The interaction of omnivore taste with social status [Chan, Goldthrope, 2005; Warde, Gayo-Gal, 2009; Van Eijck, 2001, 2011], values [Bryson, 1996; Atkinson, 2011; Coulangeon, Lemel, 2007; Cancellieri, Turrini, 2018], and place of residence [Cutts, Widdop, 2017; Leguina, Miles, 2017] has been extensively studied in recent decades. These studies contribute significantly to the understanding of the development of social group boundaries and the expression of inequality in modern societies.

Current studies on the omnivore argument mainly come from North and South America, Western and sometimes Eastern Europe. They conclude that modifications of omnivores in different societies have a lot in common, but there are also specific culturally determined features [Coulangeon, 2005; Warde, Gayo-Gal, 2009; Vanzella-Yang, 2018; Rankin, Ergin, 2017]. That is why the application to Russia of the results obtained in other cultures may be misleading. Russian research in the participation in arts does not involve music (for instance, in literature tastes or participation in arts [Sokolov, Sokolova, 2019; Sokolov, 2019; Zavisca, 2005]). To the best of our knowledge, there are no empirical tests of musical omnivorousness in Russia, which limits our understanding of social hierarchy and its representation. Studies in social stratification ignore this issue with rare exceptions [for example, see, Tikhonova, 2007;

Korotaev, Shkaratan, Gasiukova, 2016]. Papers studying cultural consumption in Russia focus on social demographic profile and generational dynamics disregarding other characteristics of consumers, such as values. This research is designed to fill this gap testing the role of tolerance in musical tastes. Research has not shown a radical transformation in the cultural consumption hierarchy in Russian society [Sokolov, 2019]. However, this conclusion comes from an analysis of leisure activity, not musical tastes, and was conducted in a capital city, not in a region. Music preferences are a fluid phenomenon which reflect and detect transformations in the hierarchy of tastes extremely well [Rossman, Peterson, 2015].

Therefore, the aim of this paper is to reveal omnivore musical preferences in Russia. Specifically, this research asks, “Do omnivores exist in Russia? If yes, what types of omnivores exist?”, and it analyzes the links between musical preferences, social-demographic profile and tolerance. Besides, our research emphasizes the territory dimension. The research setting is Perm Region, a spacious industrial district located in the east of the European part of Russia. The region’s municipal units vary significantly in terms of living standards and urbanization that allows testing the influence of the place of residence on musical preferences. Our data come from a survey of 2,400 Perm region citizens conducted from September 2019 to February 2020. Principle component analysis was used to extract latent structures of musical preferences and to reveal patterns of musical tastes. A multifactor linear regression was counted to test the significance of the variable for the configuration of musical tastes.

The main finding does not show the existence of the omnivore taste in the sample. We find four distinct patterns of musical preferences. These patterns witness the sustainability of highbrow versus popular music dichotomy in the respondents’ tastes. The new patterns emerge around mainstream music styles versus those reflecting society’s past.

The paper consists of seven parts. The Theoretical background shows the main evaluations in the sociological explanation of musical tastes. The Research Setting and Sample follows. It introduces the Perm Region, using selected social statistics, explains the way of the sample construction, and shows the demographic and social profiles of the sample. The third part is the Measurement and Data Analysis. This part represents how musical preferences and tolerance were measured. We also explain the urbanization variable. The Descriptive Analysis Results section delivers the first part of the research results. The Result of Principal Component Analysis part follows and shows how we identified four musical taste patterns. The sixth part is the Regression Analysis Results. It covers the results of the test of the hypothesis about the impact of gender, education, age, tolerance, urbanization, and living standards on belonging to each of the identified patterns. The Conclusion interprets the results in the context of the previous studies and draws further research directions.

Theoretical background

Musical preference studies is a well-established area of sociological research. Pierre Bourdieu [1984] introduced the most well-known approach to the analysis of participation in the arts. He launched the homology argument. Bourdieu claims that there is a homology between the space of social stratification and tastes in arts. Consequently,

one can assign each social stratum to a set of musical preferences according to the results of sociological surveys. The higher social stratum prefers musical genres prescribed to higher culture whereas the lower social stratum prefers popular music. The key variable associated with participation in high/popular music is education and early socialization both closely linked with parental family status [Bourdieu, 1984; Lizardo, Skiles, 2013]. This approach has become dominant since.

In the early 1990s, Richard Peterson introduced the omnivore argument [Peterson, 1992]. This new pattern is the acceptance of high and popular musical genres by the same consumer. According to Peterson, the omnivore musical taste has replaced the homological one. Unlike snobbish refinement and exclusion, the omnivore taste represents a conspicuous diversity [Rossman, Peterson, 2015; Veenstra, 2015; Atkinson, 2011]. The bulk of papers concluded the coexistence of the homology and omnivore arguments [Rossman, Peterson, 2015]. A higher social position is associated with more eclectic tastes [Veenstra, 2015; Chan, Goldthrope, 2005]. The omnivore listeners can appreciate different genres and styles thanks to the skills acquired during education and early socialization [Ferrant, 2018; Lizardo, Skiles, 2013]. As a result, cultural omnivorousness serves a group boundary marker [Lizardo, Skiles, 2013]. Developing the omnivore concept further, Sullivan and Katz-Gerro [2007] introduce the voracious concept rooted in lifestyles associated with higher status. The voracious consumption is associated with the image of an individual who is busy, speeding, multitasking, and “lives life to the full”.

The more popular the omnivore concept has become, the more often it deals with specific cultural and geographical contexts [Cutts, Widdop, 2017]. Cross-cultural studies and one-country studies aim to detect different modifications of omnivorousness in different societies [Rossman, Peterson, 2015; Ferrant, 2018]. Numerous studies demonstrate how the same social demographic and lifestyle variables interplay in different societies, such as the Netherlands [Van Eijck, 2001, 2011], the US [García-Álvarez, Katz-Gerro, López-Sintas, 2007], Turkey [Rankin, Ergin, 2017], France [Coulangeon, 2005]; the UK [Warde, Gayo-Gal, 2009; Leguina, Miles, 2017], and Canada [Vanzella-Yang, 2018].

Further development of the omnivore research addresses a deeper understanding of the omnivore values and lifestyles. In the middle of the 1990s, the first studies on the omnivores' values profile appeared. Analyzing disliked musical genres Bryson [1996] derives that tolerance is the foundation of acceptance of musical genres and styles originating from non-white cultures. Some studies link the omnivore argument with Bourdieu's open or cosmopolitan attitude [Atkinson, 2011] and highlight the association between the omnivore musical consumption, tolerance, and openness to diversity [Coulangeon, Lemel, 2007]. Other studies show that omnivores put more trust in people, are more risk-taking, and reveal more post materialistic cosmopolitanism in Inglehart's spirit [Chan, 2019; Ferrant, 2018]. Cancellieri and Turrini [2018] found that omnivorousness is linked positively with political engagement, religiosity, and cultural openness.

Recent research addresses the place factor in the formation of omnivores [Leguina, Miles, 2017; Cutt, Widdop, 2017]. The space dimension omnivorousness relies on the assumption that omnivores prefer sharing their lifestyles and network of con-

tacts [Cutt, Widdop, 2017]. Different levels of cultural production in territories and the neighborhood effect play a role as well [Ferrant, 2018]. Cutt and Widdop [2017] identify three territorial clusters with different degrees of inhabitants' omnivorousness. Leguina and Miles [2017] find an interplay between omnivorousness, geography, and rural-urban settlement.

In terms of omnivorousness, Russia is still perceived as an exclusion from the global omnivore analysis conducted in North American and Western European states where the majority of the omnivore research was undertaken [Ferrant, 2018]. The rare Russian-based studies of omnivore publics use a qualitative approach [Zaviska, 2005] or library and visitor survey data for testing the homology and omnivore effects in Russian context [Sokolov, Sokolova, 2019; Sokolov, 2019]. Sokolov and Sokolova found a partial matching of their results to the homology argument. The formal education, manual or non-manual work, generation, and life cycle phases affect reading tastes in Saint Petersburg. However, the researchers claim that conventional genres poorly differentiate cultural consumption. Poletaev and Perfil'eva [2011] concluded that younger generations of Russians are more eclectic in their music preferences and found salient nostalgic preferences.

Research shows the omnivores' value profile can be interpreted in terms of Ronald Inglehart's approach to values [Inglehart, 2016]. Inglehart's theory assumes that a higher level of economic and social security leads to the expansion of post-materialist values or individual-choice norms represented by gender equality and tolerance to nontraditional behavior [ibidem]. Numerous empirical applications proved this trend in a wide range of societies. However, there are exceptions from this consistent pattern represented by societies with a lower level of economic and physical security. One of these societies is Russia. Due to the series of economic and ideological shocks following the Soviet collapse the level of existential security in Russia decreased dramatically [ibidem]. Furthermore, Russian values are less secular and self-expressed compared with the values in Western countries [Brym, 2016; Inglehart, 2016].

Another factor that may be sensitive to our research is the country's illiberal political regime. Usually, researchers expect that increasing educational levels is accompanied by an increasing tolerant attitude. However, an analysis of the tolerance to nontraditional behavior in democratic and authoritarian societies using the World Value Survey Database shows the negative effect of authoritarian governments on the relationships between education and tolerance [Zhang, Brym, 2019]. Contemporary Russia may have this negative link too due to its non-liberal political regime.

In conclusion, there are two interconnected dimensions for the contemporary musical tastes, social stratification and the omnivorousness/univorousness. Criticism of Bourdieu's theory has not canceled the impact of social economic stratification on musical tastes and other areas of cultural consumption. Researchers define omnivorousness as a sophisticated variant of cultural capital that sometimes assumes conspicuous forms. This new form of cultural capital allows the enjoyment of a wide range of musical styles and leisure activities. The omnivore has a specific value profile: cosmopolitan, post-materialistic, tolerant, open to diversity, trustful, and risk-taking. However, in authoritarian political regimes, tolerance may be relatively low. The place factor affects omnivorousness in two ways. First, each society has a specific modifica-

tion and hierarchy of omnivores, similar to, but not identical to other societies. Second, the place of residence influences omnivorousness through the development of the cultural production field and the share of omnivores in the population.

The research setting and sample

Perm Region is a large industrial area located in the Urals where the proportion of the urban population is 76%¹. The distance between the region's capital Perm city and Moscow is 1,386 km². Perm Region is 160,200 km² [ibid.: 16] that is comparable with the size of Greece. It includes 280 municipal units³. The region's settlements differ significantly from the regional capital, which boasts thirteen universities and developed cultural and economic infrastructures in comparison with predominantly agricultural, sparsely populated areas, struggling with the legacy of redundant and withering industries.

The population is 2,610,800⁴. Perm region is the 18th Russian region in the number of inhabitants. In 2018, an average monthly nominal wage was 36,000 rubles (approximately \$420). According to government statistics, the income related Gini coefficient in the region is 0.4⁵. Manufacturing, the extraction of mineral resources, retail, wholesale, and transport repair made the biggest contribution to the region's gross added value⁶. Other important economic activities are transportation and storage, construction, and real estate⁷.

The sample of 2,400 citizens was based on the municipal unities list and the base of mobile phone numbers. Respondents were recruited for the survey during a phone call. The survey was conducted online by sending the link to the questionnaire for a smartphone. Participants got a reward for their participation from 100 to 200 rubles as a top-up. Face to face interviews were used for the group older than 60 who could have difficulties with an online survey and for the municipal units with low living standards. The sample was proportionally distributed between the municipal units and quota-controlled for gender and age. The sample was weighted according to the data of the 2010 National Census. After data cleaning the sample decreased to 2,200 respondents.

The social demographic profile of the sample is represented in table 1. The percentage is weighted.

The first problem with our sample is the pivotal role of owning a smartphone for participation. That may trigger the sample's bias. The second problem is the lack of control for the effects of a combination of online and face to face communication. The third is the lack of control of the survey completion.

¹ Permskii Krai v Tsifrah: 2019. Kratkii Statisticheskii Sbornik [Perm Region in Numbers: 2019. Brief Statistical Year Book] / Territorial'ny organ Federal'noi gosudarstvennoi statistiki po Permskomu krau. Perm, 2019. P. 31. (In Russ.)

² Ibid.: p. 16.

³ Ibid.: p. 21.

⁴ Ibid.: p. 31.

⁵ Ibid.: p. 53.

⁶ Ibid.: p. 74.

⁷ Ibidem.

Table 1. The social demographic profile of the sample (%)

Gender	
Male	48
Female	52
Age	
18–30	25
31–45	36
46–60	22
Older than 60's	16
Education	
Secondary school	8
High school or vocational secondary education	61
Tertiary qualification	30
Ph. D.	1
Income	
Not enough for purchasing sustenance	9
Not enough for purchasing clothes and shoes	28
Not enough for purchasing large appliances	36
Not enough for purchasing a car	15
Not enough for purchasing an apartment or a house	10
Can afford everything we want	2
The urbanization level	
No urban population	29
Less than 50 %	14
50 %–75 % urban population	9
More than 75 % urban population	48
Living standard of the population	
Low living standard	8,3
Lower than the middle level	15
Middle level	30
Higher than the middle level	18
High	29

Measurement and data analysis

Based on the previous research we identified omnivore tastes as a dimension of social stratification with differences in value profile and depending on the place of living. Peterson and Kern establish a measurement of omnivorousness as the number of the music genres preferred [Rossman, Peterson, 2015]. Warde, Gayo-Gal [2009] and García-Álvarez et al. [2007] based their analysis of omnivorousness on the number and types of musical genres. Goldberg [2011] defined the pattern when all genres are liked or disliked as egalitarian. We took into account both the volume and the combination of styles.

Musical preferences were measured with the list of twenty-three musical styles based on Poletaev, Perfil'eva [2011]. The list includes classical music, religious music,

Russian chanson and prisoner songs (*blatnaya pesnya*)⁸, opera, Russian romantic songs, punk, post-punk, ska, reggy, Russian folk songs, musical comedy, musicals, bards' songs, ethnic music, country music, soviet popular music, contemporary symphonic music, contemporary popular Russian music, contemporary popular western music, Latino, Russian rock, rhythm and blues, electronic dance music, jazz and blues, western rock, old western popular music, hip-hop, and rap. In the questionnaire, each style was accompanied by several examples of names of performers⁹. A respondent could choose if they liked, disliked, or cannot say for each style. We ask about the preferences, but not about behavior, as we take into account the social boundary construction function of musical preferences. Liking or disliking does not depend on the availability for listening to a certain kind of music whereas behavior does.

The omnivore value profile was narrowed to tolerance. Omnivorous research considers tolerance as the attitude to non-traditional behavior according to Inglehart's definition [Chan, 2019; Ferrant, 2018]. Tolerance was measured by a 7-point Likert scale. We measured the agreement with each statement from -3, which stood for "completely disagree", to +3, which stood for "completely agree". The list of the statements was developed during a longitude project on the modernization of culture [Vasserman, 2014]. Table 2 presents the statements included in the scale. The mark minus means disagreement with the statement gets the highest score and the agreement the lowest. Cronbach's Alpha is 0.7 which equals the recommended level [Schmitt, 1996].

Table 2. **The tolerance scale statements**

1.	The prevention of cruelty to animals is a very important task
2.	Religiosity or confession do not matter, the personality is the main thing
3.	It is wonderful to broaden contacts with foreign countries, and foreign culture is becoming more influential
4.	It is nice to see people of different ethnicities living and working together, communicating with each other
5.	Our country has no friends; the majority of the foreigners are hostile (—)
6.	Those individuals criticizing the authorities are as honorable as the individuals supporting the authorities
7.	Homosexuals have the right to live their lives freely on their own, as long as they do not bother other people
8.	Dissidents are a source of possible progressive changes, so it is worth being patient and attentive to any point of view
9.	It is better to trust the authorities than to pay attention to those who cause troubles
10.	To protect non-conformists' and dissidents' rights is a very important task

⁸ A syncretic style, encapsulating a wide range of musical styles including urban legends and romance, restaurant songs, soldiers' songs, and the prisoner folklore. Russian 'chanson' and prison songs have plots deeply rooted in everyday routine and individuals' social positions. The hero is at the peak of their emotions. The melody is secondary to lyrics and references multinational Russian melodies. The lyrics use urban spoken language and, sometimes, slang. Traditionally, performers in this style do not 'professional singing voices', singing rather with feelings and from the heart [Kravchinskii, 2012].

⁹ For the detailed list in Russian, see URL: <https://bit.ly/3fMYZ9M> (date of access: 27.04.2021).

Studies [Cutts, Widdop, 2017] reveal urbanization may be relevant variables for omnivorousness. In this paper, we use ordinary variables displaying levels of urbanization. The variables and scales are shown in table 3. The variable was obtained from local social geographic studies [Chekmeneva, 2010; Balina; Demeneva, 2019].

Table 3. **Urbanization variable**

1.	No urban population
2.	Less than 50 %
3.	50 %–75 % urban population
4.	More than 75 % urban population

The data analysis had two steps. The first step was the principal component analysis (PCA) of preferred musical styles. PCA is widely used for studying omnivore/univore consumption [Chuang, Lin, 2017; Purhonen, Heikkilä, 2017; Van Eijck, 2001, Katz-Gerro, Shavit, 1998]. This method solves two tasks. First, it identifies a statistically significant combination of preferred musical styles. The explorative nature of the method identifies the latent structure of musical preferences, which is specific for the current data. Consequently, this method can reveal the existence of omnivore or univore musical taste. Second, the method reduces the data scale and replaces the initial twenty-three musical styles with fewer principal components. To make the data suitable for PCA we recorded them in dichotomous variables where “like” is coded as 1 and “dislike” as 0.

To test the impact of social demographic, territorial, and tolerance variables on musical tastes we made a second step in the data analysis. The result of the first step was a set of principal components, also called factors, correlated with a set of musical styles. Each respondent had her score for each factor, which was called the factor score. A high positive factor score means that a respondent belongs to a certain principle component and vice versa. We count a multifactor linear regression with the factor score as a dependent variable. Independent variables are presented in table 1 and table 3. Categorical and ordinal variables were recorded in dummy variables. Each option became a distinct variable.

Descriptive analysis results

The analysis starts with observing the patterns of musical preferences in the sample presented in figure 1. The average number of styles preferred is eight, mode and standard deviation is five, and the median is seven. The fact that the leading option is classical music is surprising. Perhaps, classical music has become the new norm because of Soviet cultural policy. This choice marks rather formality than true appreciation. Other leaders are expected. The most preferred musical styles are locally produced and have Russian lyrics. The nostalgia sentiment works for both Russian and Western music. The most popular styles after classical music are Soviet popular music. The most popular Western music style is that of the second half of 20th century. The styles

requiring more expertise to appreciate such as opera, jazz and blues, contemporary symphonic music, and religious music are less preferred.

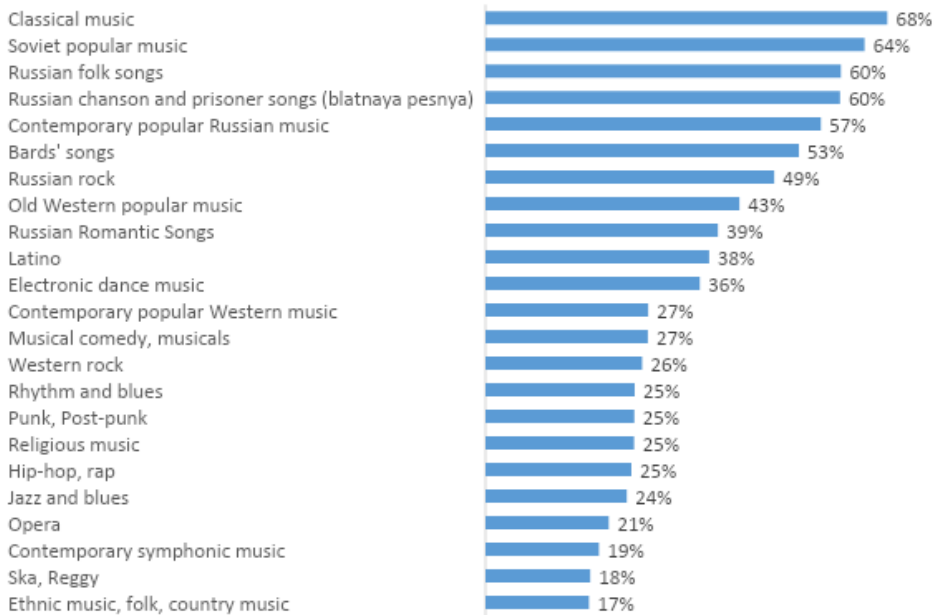

Fig. 1. Distribution of musical likes

Tolerance was estimated as a sum of scores for statements represented in table 2 for each respondent. Higher sum means higher tolerance. Table 6 shows central tendency metrics for tolerance.

Table 6. **Central tendency metrics for the tolerance scale**

Measure	Value
Minimum	-25
Maximum	30
Mean	5
Median	5
Mode	4
Standard Deviation	8

The distribution has a slight shift at the left as the skewness equals -0.089 . The histogram of the tolerance score is presented in figure 2.

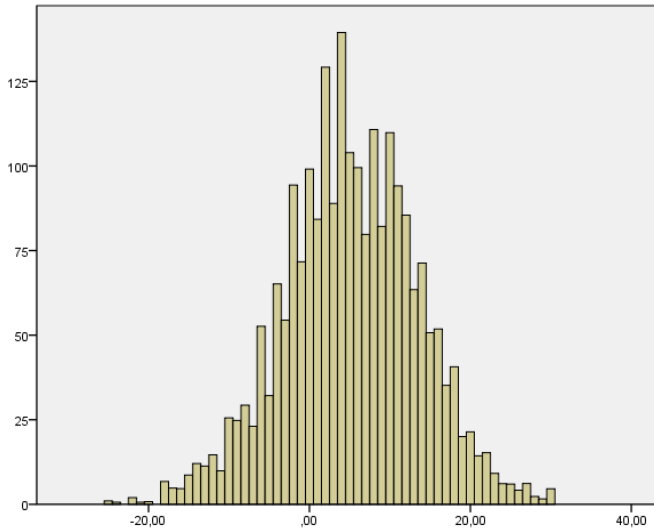

Fig. 2. Histogram of the tolerance score

Principal component analysis results

We used PCA [Abdi, Williams, 2010] to reduce data scale and extract latent structures of musical preferences. The Kaizer-Meyer-Olkman’s criteria is 0.94. Bartlett’s coefficient is 10150, the p-value is 000. Therefore, PCA can be applied to the data. We used Varimax rotation with Kazer’s normalization. As a result, we identified four types of musical tastes with an explained cumulative dispersion of 59%. The PCA results are represented in table 7. The results of PCA show different musical taste patterns. Each principal component has a stronger or weaker bond with each musical style. The marker of bond strength is the PCA loading. The cut-off point for PCA loadings was 0.5. The music styles with loadings more than 0.5 are considered an element of a certain principal component. Based on each principal component composition we titled each of them.

Table 7. **Matrix of rotated components**

Types of music	Principal Components			
	Current interest	Highbrow taste	Nostalgic	Pop-music
Classical music		.587		
Soviet popular music			.617	
Russian chanson and prisoner songs (blatnaya pesnya)			.758	
Bards’ songs			.693	
Religious music		.586		
Rhythm and blues	.580			
Latino	.505			.531
Contemporary popular Russian music				.746

Types of music	Principal Components			
	Current interest	Highbrow taste	Nostalgic	Pop-music
Russian folk songs				
Old Western popular music				
Hip-hop, rap	.695			
Musical comedy, musicals		.756		
Opera		.765		
Electronic dance music	.686			
Punk, post-punk	.782			
Contemporary popular Western music	.673			
Russian Romantic songs		.695		
Jazz and blues	.532	.552		
Contemporary symphonic music		.637		
Russian rock	.687			
Western rock	.745			
Ska, Reggy	.746			
Ethnic music, country music	.641			

The current interest component covers the styles rooted in Western culture. It can be obtained from the table 7 that Jazz, Blues, and Latino music have loadings exceeding 0.5 in two principal components. We decided to locate Jazz and Blues in the highbrow taste and Latino in the pop-music component because their loadings for these components were higher than for the alternative component.

Highbrow musical taste includes styles requiring more preparation to enjoy. Nostalgic musical taste has the highest loadings for Soviet popular music, Russian chanson and prisoner songs (*blatnaya pesnya*), and bards' songs. The pop-music taste consists of Russian popular music and Latino. Both styles are lively and easy to consume.

The results show no omnivore musical taste as has found in other studies. The findings clearly demonstrate Bourdieu's dichotomy between classical highbrow taste and pop music taste. However, we can also observe another dichotomy between a musical taste in Western music and musical preferences that are deeply rooted in recent Russian history, culture, and language

Regression analysis results

The next task is to test the impact of the respondents' social-demographic profiles, their tolerance and urbanization on musical tastes. We test with linear regression which variables increase the probability to have a certain musical taste, which decrease it and which are insignificant. The regression coefficients in table 8 show a value and valence of the influence for each variable and each musical taste. A dependent variable of the linear regression is a factor score for each of the four tastes. Independent variables are tolerance score, gender, income level, education, urbanization level, age, and the number of music styles. All variables, except for the tolerance score and number of musical styles, were recorded in dummy variables.

Table 8 shows adjusted the R-square, ANOVA results, and regression coefficients for each regression equation.

Table 8. **Regression Analysis Result**

	Current interest	Highbrow taste	Nostalgic	Pop music
Adjusted R-square	0.62	0.46	0.30	0.20
ANOVA	$F=242^{***}$	$F=107^{***}$	$F=53^{***}$	$F=32^{***}$
Number of musical styles	0.089*** (0.003679)	0.11*** (0.004455)	0.07*** (0.005039)	0.06*** (0.005368)
Age from 18 to 30	0.64*** (0.064858)	n/s	-0.92*** (0.088365)	0.21*** (0.083203)
Age from 31 to 45	0.29*** (0.065006)	n/s	-0.38*** (0.088822)	0.38*** (0.082979)
Age from 40 to 60	n/s	0.33*** (0.065995)	n/s	n/s
Age older than 60	-0.22*** (0.058978)	0.55*** (0.060239)	0.17*** (0.080293)	n/s
Male	0.4*** (0.043)	-0.23*** (0.051034)	n/s	-0.51*** (0.062595)
Living in the area with more than 75% urban population	0.22*** (0.049507)	n/s	-0.24*** (0.067361)	-0.22*** (0.072123)
High school or vocational secondary school	n/s	n/s	0.16*** (0.059657)	n/s
University degree	n/s	0.19*** (0.056934)	n/s	-0.17*** (0.069566)
Income "Not enough for sustenance"	n/s	0.24*** (0.088889)	n/s	-0.32*** (0.108345)
Not enough for purchasing clothes and shoes	n/s	n/s	n/s	n/s
Not enough for purchasing large appliances	n/s	n/s	n/s	n/s
Not enough for purchasing a car	n/s	n/s	n/s	n/s
Not enough for purchasing an apartment or a house	n/s	0.19** (0.086826)	n/s	n/s
Can afford everything we want	n/s	n/s	n/s	n/s
Tolerance	n/s	n/s	n/s	n/s
Constant	-1.12*** (0.059658)	-1.16*** (0.065789)	-0.46*** (0.092963)	-0.23*** (0.061701)

* n/s means "not significant".

The regression analysis finds that the tolerance score is not significant for the factor score, but the territorial factor is. Inhabitants of highly urbanized territories have a higher probability of having a higher factor score in the current interest taste and a low score for nostalgic and pop music tastes. Education is less influential than ex-

pected. In fact, the education level is positively significant only for the highbrow taste and negatively significant for the factor score of the pop music taste.

The significance of age reveals clear differences. For the current interest taste, the ages from 18 to 45 are positively significant whereas the age older than 60 is negatively significant. The age from 40 to older than 60 impacts significantly and positively the highbrow taste. Only the age from 40 to 60 contributes significantly and positively for the nostalgic taste, but younger age groups impact negatively. Females from 18 to 45 have a higher factor score for the pop music taste.

The gender dimension of the musical taste patterns also exists. It is manifested in the positive significance of being male for the higher factor score in the current interest taste. Being male is negatively significant for the highbrow and pop music tastes.

The role played by income for the prediction of musical tastes is particularly interesting. For the highbrow taste, the impact of income is U-shaped. Both variables of low and high income are positively significant. This result may be partly explained by the fact that cultural consumption patterns are sustainable even when facing economic shortage [Sokolov, 2019]. The second equation with a significant income variable is the pop music taste, but in this pattern the lowest income is significantly negative. Generally, the ambivalent effect of income may be determined by the sample bias or the absence of coincidence between cultural and economic capital. The last explanation is plausible due to gradually falling living standards in Russia during the last five years.

To root the results in the knowledge about musical tastes looks the logical next step for this study. However, some limitations inhibit an adequate comparison of the current results with the previous ones. First, most research relies on one national sample, unlike our survey. Second, these studies use a more sophisticated statement of the problem therefore the social demographic profile is in the periphery of many studies on musical tastes. The main variable which non-Russian scholars employ as a predictor is class. That generates the third limitation. The absence of the publicly acknowledged class structure in Russian society and social science makes it impossible to compare the conclusions in terms of class. Keeping these limitations in mind, we tabulated the musical taste patterns we found and similar results from selected previous studies.

Table 9 shows there is not much in common between results of different societies. The more or less a stable type of musical taste is the highbrow one that may be observed in all cases except one. Other patterns find similarities in the studies much more rarely. We can conclude that highbrow taste exists in many highly industrialized societies with a complex social structure. Other patterns are perhaps strongly dependent on the historically developed classification of musical styles and cultural practices of music consumption. These historical and cultural particularities make results hard to compare.

Therefore, our analysis resulted in the identification of interpretable musical taste patterns, revealing socio-demographic factors of belonging to each pattern and the discussion of the correspondence between the given results, and the previous findings. Our results questioned the omnivore music taste and discovered the expected dimensions of Russian musical taste.

Table 9. The selected previous results and the obtained musical taste patterns

Our study	Coulagneon [2005]	Cutts, Widdop [2017]	Veenstra [2015]	Van Eijck [2001]	Rankin, Ergin [2017]	Katz-Gerro, Shavit [1998]	Goldberg [2011]
Highbrow taste	– high education – over 40 – higher income – gender not significant	– high-brow omnivores attending opera – over 65 – women with high education	respondents with college degree	– “Educated cultural snobs” – avoiding banal taste – women	No	there is the group oriented to Israeli and world classics, but the social demographic profile is not clear	part of the sample structures their musical tastes alongside the high-brow — low-brow dichotomy
Pop-music	no common social demographic profile	No	No	No	No	there is a group oriented to pop-music, non-manual labor occupations	
Nostalgic	No	No	No	– there is a group equally cold to classics and tempestuous music, oriented to traditional music – the group consists of elderly respondents with a relatively low level of education	No	No	part of the sample structures their musical tastes alongside the traditional — contemporary dichotomy
Current interest	– young men – managers and students – listing to rock, international pop, rap, and hard rock	No	No	No	the Omni A group oriented to Western music is younger, more educated and wealthier than the one preferring local music	No	

Conclusion

Omnivores have been extensively studied around the world for nearly thirty years. Previous results show that omnivores are cosmopolitan, post-materialistic, tolerant, open to diversity, trustful, and risk-taking individuals. They also have a higher social status than univores. However, it is still hard to say to what extent this hypothesis applies to Russian society.

This paper aims to identify and describe the Russian omnivores in terms of musical preferences, values, place of residence, and social-demographic background. However, our findings do not indicate the omnivore musical taste in Russia, which contradicts research on other cultures. Instead of finding the omnivore pattern of the musical taste, we found the Bourdieu-like dimension of the highbrow taste versus pop music taste. This result corresponds with previous findings on Russians' participation in arts [Sokolov, Sokolova, 2019; Sokolov, 2019]. The highbrow taste includes classical music, opera, contemporary symphonic music, musical comedy and musicals, jazz and blues, religious music, and Russian romantic songs. The pop music taste consists of Russian popular music and Latino. The results of the regression analysis support this dichotomy in terms of education, age, and place of residence. Educated respondents aged 40 to 60 have a higher factor score for the highbrow taste, whereas younger, less educated respondents living in less urbanized areas preferred pop music. Gender is a common factor between these two types of musical tastes. Women belong to these patterns rather than men.

Other extracted dimensions of music preferences are the nostalgic taste and the current interest taste. These patterns are also dichotomous. The current interest taste is about contemporary music and mainly Western styles whereas the nostalgic one covers Soviet retro, Russian chanson, and bards' songs. Respondents with these patterns differ from each other in terms of territorial and social-demographic profiles. The residents of highly urbanized areas and youngsters are positively connected with the current interest taste, whereas the respondents over 60 are negatively linked. The nostalgic taste has a diametrically opposed pattern: a negative link with age from 18 to 45 and a positive link for over 60. Men have these musical taste patterns more than women.

For all musical taste patterns, the number of styles affects positively the factor score. That means respondents choose a growing number of styles but avoid the omnivore mix. Supposedly, despite enormous changes that have happened in social stratification since the late eighties, Russians stick to a homological hierarchy of musical preferences. The emerging preferences compose new dimensions of the musical taste without embedding in the highbrow-lowbrow dichotomy.

A weakness of the current research is that the sample is limited to one region. Our results need to be verified on the national sample. The second weak point is the measurement of certain variables in the social demographic profile. Some of these variables such as income is less useful or confusing in the regression analysis. To develop a way to measure these variables is an important task. A direction for future research is determined by the fact that the creator of the omnivore argument questioned his early results. The omnivore trend was not replicated in 2002 and 2008 as it was in the 1990s. Researchers have been discussing a variety of explanations

for this [Rossman, Peterson, 2015]. Therefore, careful observations and analysis of changes in musical preferences in different societies, including Russia, is crucial for understanding if omnivorousness is simply a fashionable metaphor or something more [ibidem].

As the paper opens up this direction of study musical tastes in Russia, its main findings can be a base for further research testing the omnivore hypothesis. Any speculation on theoretical generalization or practical usage are premature until we will have sustainable results from other research.

References

- Abdi H., Williams L.J. (2010) Principal Component Analysis. *WIREs Computational Statistics*. Vol. 2. No. 4. P. 433—459. <https://doi.org/10.1002/wics.101>.
- Atkinson W. (2011) The Context and Genesis of Musical Tastes: Omnivorousness Debunked, Bourdieu Buttressed. *Poetics*. Vol. 39. No. 3. P. 169—186. <https://doi.org/10.1016/j.poetic.2011.03.002>.
- Balina T.A., Demeneva K.O. (2019) Methodological Issues in Territorial Differences Studies (Evidences from Perm Region). In: S.V. Kornev et al. (eds.) *Methodological Issues and Innovative Technologies in Teaching Geography, Tourism, and Scientific Subjects in School: Conference Papers of II All-Russian Conference with International Participation*. Voronezh: Nauchnaya kniga. P. 147—151. (In Russ.)
- Балина Т.А., Деменева К.О. Методические аспекты изучения территориальных различий уровня жизни населения (на материалах Пермского края) // Методические вопросы и инновационные технологии в преподавании географии, туризма и естественно-научных дисциплин в вузе и школе. Материалы II Всероссийской научно-практической конференции с международным участием / под ред. С.В. Корнева и др. Воронеж: ИПЦ «Научная книга», 2019. С. 147—151.
- Bourdieu P. (1984) *Distinction: A Social Critique of the Judgement of Taste*. Cambridge, MA: Harvard University Press.
- Brym R. (2016) After Postmaterialism: An Essay on China, Russia and the United States. *Canadian Journal of Sociology*. Vol. 41. No. 2. P. 195—211. <https://doi.org/10.29173/cjs25170>.
- Bryson B. (1996) “Anything but Heavy Metal”: Symbolic Exclusion and Musical Dislikes. *American Sociological Review*. Vol. 61. No. 5. P. 884—899. <https://doi.org/10.2307/2096459>.
- Cancellieri G., Turrini A. (2018) How God and King Affect Our Music Tastes: Religiosity and Political Interest as Predictors of Omnivorousness. *International Journal of Arts Management*. Vol. 21. No. 1. P. 91—104.
- Chan T.W. (2019) Understanding Cultural Omnivores: Social and Political Attitudes. *The British Journal of Sociology*. Vol. 70. No. 3. P. 784—806. <https://doi.org/10.1111/1468-4446.12613>.

Chan T. W., Goldthorpe J. H. (2005) The Social Stratification of Theatre, Dance and Cinema Attendance. *Cultural Trends*. Vol. 14. No. 3. P. 193—212. <https://doi.org/10.1080/09548960500436774>.

Chekmeneva L. Yu. (2010) Territorial Analysis and Diagnosis of Geodemographic Situation in Perm Region (Thesis for a Candidate Degree in Geographic Science). Perm: Perm State University. (In Russ.)

Чекменева Л. Ю. Территориальный анализ и диагностика геодемографической ситуации Пермского края: дисс. ... канд. географ. наук. Пермь: Пермский государственный университет, 2010.

Chuang C.-C., Lin D.-S. (2017) The Trajectory of Cultural Taste: Influence of Inter-generational Educational and Class Mobility on Cultural Taste. *Journal of Research in Education Sciences*. Vol. 62. No. 3. P. 193—223. [https://doi.org/10.6209/JORIES.2017.62\(3\).07](https://doi.org/10.6209/JORIES.2017.62(3).07).

Coulangeon P. (2005) Social Stratification of Musical Tastes: Questioning the Cultural Legitimacy Model. *Revue Française de Sociologie*. Vol. 46. P. 123—154.

Coulangeon P., Lemel Ya. (2007) Is 'Distinction' Really Outdated? Questioning the Meaning of the Omnivorization of Musical Taste in Contemporary France. *Poetics*. Vol. 35. No. 2—3. P. 93—111. <https://doi.org/10.1016/j.poetic.2007.03.006>.

Cutts D., Widdop P. (2017) Reimagining Omnivorousness in the Context of Place. *Journal of Consumer Culture*. Vol. 17. No. 3. P. 480—503. <https://doi.org/10.1177/1469540516634413>.

Ferrant C. (2018) Class, Culture, and Structure: Stratification and Mechanisms of Omnivorousness. *Sociology Compass*. Vol. 12. No. 7. P. 1—12. <https://doi.org/10.1111/soc4.12590>.

García-Álvarez E., Katz-Gerro T., López-Sintas J. (2007) Deconstructing Cultural Omnivorousness 1982—2002: Heterology in Americans' Musical Preferences. *Social Forces*. Vol. 86. No. 2. P. 417—443.

Goldberg A. (2011) Mapping Shared Understandings Using Relational Class Analysis: The Case of the Cultural Omnivore Reexamined. *American Journal of Sociology*. Vol. 116. No. 5. P. 1397—1436. <https://doi.org/10.1086/657976>.

Inglehart R. (2016) After Postmaterialism: An Essay on China, Russia and the United States: A Comment. *Canadian Journal of Sociology*. Vol. 41. No. 2. P. 213—222. <https://doi.org/10.29173/cjs27993>.

Katz-Gerro T., Shavit Y. (1998) The Stratification of Leisure and Taste: Classes and Lifestyles in Israel. *European Sociological Review*. Vol. 14. No. 4. P. 369—386.

Korotaev S., Shkaratan O., Gasiukova E. (2016) Some Notes on the Issue of Social Stratification in Russia: Lifestyle Aspect. *Filosofija. Sociologija*. Vol. 27. No. 4. P. 277—291.

Kravchinskii M. E. (2012) History of Russian Chanson. Moscow: Astrel'. (In Russ.)
Кравчиснский М. Э. История русского шансона. М.: Астрель, 2012.

Leguina A., Miles A. (2017) Fields of Participation and Lifestyle in England: Revealing the Regional Dimension from a Reanalysis of the Taking Part Survey using Multiple Factor Analysis. *Cultural Trends*. Vol. 26. No. 1. P. 4—17. <https://doi.org/10.1080/09548963.2017.1274356>.

Lizardo O., Skiles S. (2013) Reconceptualizing and Theorizing “Omnivorousness”: Genetic and Relational Mechanisms. *Sociological Theory*. Vol. 30. No. 4. P. 263—282. <https://doi.org/10.1177/0735275112466999>.

Peterson R. A. (1992) Understanding Audience Segmentation: From Elite and Mass to Omnivore and Univore. *Poetics*. Vol. 21. No. 4. P. 243—258. [https://doi.org/10.1016/0304-422X\(92\)90008-Q](https://doi.org/10.1016/0304-422X(92)90008-Q).

Poletaev Yu., Perfil'eva E. (2011) About Musical Preferences of the Russians. *Vestnik Obshchestvennogo Mneniya. Dannye. Analiz. Diskussii*. Vol. 1 (107). P. 102—108. (In Russ.) Полетаев Ю. А., Перфильева Е. А. О музыкальных предпочтениях россиян // Вестник общественного мнения. Данные. Анализ. Дискуссии. 2011. № 1(107). С. 102—108.

Purhonen S., Heikkilä R. (2017) Food, Music and Politics: The Interweaving of Culinary Taste Patterns, ‘Highbrow’ Musical Taste and Conservative Attitudes in Finland. *Social Science Information*. Vol. 56. No. 1. P. 74—97. <https://doi.org/10.1177/0539018416675072>.

Rankin B., Ergin M. (2017) Cultural Omnivorousness in Turkey. *Current Sociology*. Vol. 65. No. 7. P. 1070—1092. <https://doi.org/10.1177/0011392116634817>.

Rossman G., Peterson R. A. (2015) The Instability of Omnivorous Cultural Taste over Time. *Poetics*. Vol. 52. P. 139—153. <https://doi.org/10.1016/j.poetic.2015.05.004>.

Schmitt N. (1996) Uses and Abuses of Coefficient Alpha. *Psychological Assessment*. Vol. 8. No. 4. P. 350—353. <https://doi.org/10.1037/1040-3590.8.4.350>.

Sokolov M. (2019) Cultural Capital and Social Revolution: Arts Consumption in a Major Russian City. 1991—2017. *Poetics*. Vol. 72. P. 1—16. <https://doi.org/10.1016/j.poetic.2018.10.005>.

Sokolov M., Sokolova N. (2019) Do Low-Brow Tastes Demonstrate Stronger Categorical Differentiation? A Study of Fiction Readership in Russia. *Poetics*. Vol. 73. P. 84—99. <https://doi.org/10.1016/j.poetic.2018.11.008>.

Sullivan O., Katz-Gerro T. (2007) The Omnivore Thesis Revisited: Voracious Cultural Consumers. *European Sociological Review*. Vol. 23. No. 2. P. 123—137. <https://doi.org/10.1093/esr/jcl024>.

Tikhonova N. E. (2007) Social Stratification in Modern Russia: Empirical Approach. Moscow: Institution of Sociology Russian Academy of Science. (In Russ.) Тихонова Н. Е. Социальная стратификация в современной России. М.: Институт социологии РАН, 2007.

Van Eijck K. (2001) Social Differentiation in Musical Taste Patterns. *Social Forces*. Vol. 79. No. 3. P. 1163—1185. <https://doi.org/10.1353/sof.2001.0017>.

Van Eijck K. (2011) Vertical Lifestyle Differentiation: Resources, Boundaries, and the Changing Manifestation of Social Inequality. *Kolner Zeitschrift fur Soziologie und Sozialpsychologie*. Vol. 63. P. 247—270.

Vanzella-Yang A. (2018) The Stratification of Attendance at Cultural Activities in Canada. *Canadian Review of Sociology*. Vol. 55. No. 3. Pp. 476—494. <https://doi.org/10.1111/cars.12213>.

Vasserman Yu. M. (2014) Cultural Modernization and Ownership Culture (Evidences from Longitudinal Research). *Vestnik PNIPU. Social'no-Politicheskie Nauki*. No. 4. P. 36—51. (In Russ.)

Вассерман Ю. М. Модернизация культуры и культура собственности (опыт лонг-itudного исследования) // Вестник ПНИПУ. Социально-экономические науки. 2014. № 4. С. 36—51.

Veenstra G. (2015) Class Position and Musical Tastes: A Sing-Off between the Cultural Omnivorism and Bourdieusian Homology Frameworks. *Canadian Review of Sociology*. Vol. 52. No. 2. P. 134—159. <https://doi.org/10.1111/cars.12068>.

Warde A., Gayo-Cal M. (2009) The Anatomy of Cultural Omnivorousness: The Case of the United Kingdom. *Poetics*. Vol. 37. No. 2. P. 119—145. <https://doi.org/10.1016/j.poetic.2008.12.001>.

Zavisca J. (2005) The Status of Cultural Omnivorism: A Case Study of Reading in Russia. *Social Forces*. Vol. 84. No. 2. P. 1233—1255. <https://doi.org/10.1353/sof.2006.0042>.

Zhang H. T., Brym R. (2019) Tolerance of Homosexuality in 88 Countries: Education, Political Freedom, and Liberalism. *Sociological Forum*. Vol. 34. No. 2. P. 501—521. <https://doi.org/10.1111/socf.12507>.

DOI: [10.14515/monitoring.2021.2.599](https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.2.599)

И. В. Лисовская

ПЕРЕВОСПИТАТЬ НЕЛЬЗЯ НАКАЗЫВАТЬ? КАК КОНСТРУИРУЮТСЯ СЦЕНАРИИ РЕИНТЕГРАЦИИ И РЕСОЦИАЛИЗАЦИИ «ТРУДНЫХ» ПОДРОСТКОВ

Правильная ссылка на статью:

Лисовская И. В. Перевоспитать нельзя наказывать? Как конструируются сценарии реинтеграции и ресоциализации «трудных» подростков // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2021. № 2. С. 383—402. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.2.599>.

For citation:

Lisovskaya I. V. (2021) Re-Educate, Not Punish? How Scenarios for the Reintegration and Resocialization of “Troubled” Adolescents Are Constructed. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 2. P. 383–402. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.2.599>. (In Russ.)

ПЕРЕВОСПИТАТЬ НЕЛЬЗЯ НАКАЗЫВАТЬ? КАК КОНСТРУИРУЮТСЯ СЦЕНАРИИ РЕИНТЕГРАЦИИ И РЕСОЦИАЛИЗАЦИИ «ТРУДНЫХ» ПОДРОСТКОВ

ЛИСОВСКАЯ Ирина Викторовна — кандидат социологических наук, младший научный сотрудник Центра молодежных исследований, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Санкт-Петербург, Россия

E-MAIL: ilisovskaya.hse@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0001-6495-1970>

Аннотация. В статье описывается применение сценарного подхода к анализу процессов ресоциализации и реинтеграции «трудных» подростков, воспитывающихся в социально-поддерживающих организациях. В качестве исследовательской стратегии используется кейс-стади, детально изучаются четыре случая (учреждения) с использованием методов: полуструктурированного интервью с подростками ($n = 29$); экспертного интервью с работниками социально-поддерживающих организаций ($n = 11$); включенного наблюдения и анализа документов. Отвечая на исследовательский вопрос, какие существуют сценарии реинтеграции и ресоциализации «трудных» подростков, и каким образом они конструируются, автор выделяет группы образующих и частных критериев. Приводится пять сценариев: «слияния», «выхода за рамки», «подчинения режиму», «беглеца» и «изоляции», которые отображают ситуативные модели поведения подростков, воспитывающихся в социально-поддерживающих организациях; трансформацию опыта социальной группы под воздействием институцио-

RE-EDUCATE, NOT PUNISH? HOW SCENARIOS FOR THE REINTEGRATION AND RESOCIALIZATION OF “TROUBLED” ADOLESCENTS ARE CONSTRUCTED

Irina V. LISOVSKAYA¹ — Cand. Sci. (Soc.), Junior Research Fellow, Center for Youth Studies

E-MAIL: ilisovskaya.hse@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0001-6495-1970>

¹ National Research University Higher School of Economics, Saint-Petersburg, Russia

Abstract. The article describes the application of scenario approach to the analysis of resocialization and reintegration of “troubled” adolescents brought up in social assistance organizations. Case-study is used as the research strategy, four cases (institutions) are investigated in detail using the following methods: semi-structured interviews with the adolescents ($n = 29$); expert interviews with the personnel of the social assistance organizations ($n = 11$); the participant observation and the analysis of documents. Answering the research question about what scenarios exist for reintegration and resocialization of “troubled” adolescents and how they are constructed, the author emphasizes groups of constituent and partial criteria. Five scenarios are pointed out: “convergence”, “going beyond”, “submission to the regime”, “fugitive” and “isolation”, which reflect the situational patterns of the behavior of the adolescents brought up in social assistance organizations, as well as the transformation of the experience of a social group under the influence of the institutional design of the organization, modes of relationships between the personnel and the students, various

нального дизайна организации; режимов взаимоотношений между работниками и воспитанниками; различных частных особенностей случаев. В статье также анализируются возможности сценарного подхода — его достоинства и недостатки.

Ключевые слова: «трудные» подростки, ресоциализация, реинтеграция, социально-поддерживающие организации, восстановительное правосудие, сценарный подход, ювенальная юстиция

Благодарность. Выражаю благодарность моей научной руководительнице Омельченко Елене, внесшей огромный вклад в кандидатскую диссертацию (защищена в январе 2019 г), по материалам которой написана эта статья, обобщающая ключевые выводы. Также большая благодарность всем организациям, принявшим участие в исследовании, всем неравнодушным проводникам, информантам, согласившимся на интервью, а также моему со-интервьюеру в одном из кейсов — Багуриной Ольге.

special features of the cases. The article also analyzes the possibilities of scenario approach – its advantages and disadvantages.

Keywords: "troubled" adolescents, resocialization, reintegration, social assistance organizations, restorative justice, scenario approach, juvenile justice

Acknowledgments. I would like to express my gratitude to my scientific advisor prof. Elena Omelchenko, who provided me with great help and support in preparing my Ph.D. thesis (defended in January 2019), on the basis of which this article has been written. I also express my gratitude to all the organizations that took part in my study; all caring guides; the informants who agreed to be interviewed, as well as my co-interviewer in one of the cases – Olga Bagurina.

«Трудные» подростки: рискованные практики и стигматизация

В российских медиа, государственной риторике и научном дискурсе часто можно встретить условно академический термин «трудный подросток». Как правило, он включает множество ярлыков, детализирует и характеризует отдельные действия молодежи, попадающие в разряд риска и общественной угрозы. Так, на основании степени риска Б. Павлов выделяет множество подкатегорий в определении «трудный подросток». К наиболее «рисковым» относятся «криминальный остаток», «несовершеннолетние правонарушители», а к наименее — обитатели подъездов и подворотен, беспризорные «дети-бегунки», употребляющие ненормативную лексику, молодые «алкоголики» и «курильщики» [Павлов, 2013: 70]. Такой подход характеризует исключительно поступки, неодобряемые общественностью, вызывающие «страх за молодежь» и моральные паники [Омельченко, 2004; Ярская, Ловцова, 2010].

С декриминализацией или, наоборот, криминализацией отдельных практик в законодательстве зачастую конструируются новые явления, относящиеся к ка-

тегории риска [Surette, 2016]. Конструирование риска как феномена, несущего опасность для общества, — это исторический процесс, трансформирующийся под влиянием общественного прогресса, изменения взглядов на общепринятые нормы [Swadener, Lubeck, 1995]. Поэтому с подобными модификациями в законодательстве, общественном мнении, доминантной культуре и веяниях мейнстрима к риску может быть приписана потенциально любая практика [Tait, 1995]. Таким образом, «трудностью» в поведении подростков становится практически все, что не соответствует нормам доминантной культуры в обществе.

Подростковый возраст напрямую связан с рисковыми практиками. Молодой человек социализируется в определенном нормативном пространстве, и стремление «выйти за рамки» попадает в разряд риска [Омельченко, 2000; Griffin, 1993]. Подросток, познавая социальную реальность, сталкивается с неподвижными социальными институтами, которые структурируют и регламентируют его повседневность, вменяют определенные стили поведения, требуют неукоснительного соблюдения норм, принятых в конкретной культуре [Омельченко, 2006]. Наряду с этим появляются «аутсайдерские» группы, не вписывающиеся в установленные рамки. Говард Бэккер использует подход деконструирования девиантности к пониманию и интерпретации образа жизни «аутсайдеров» и рассматривает их как группы со своими нормами и представлением о девиациях [Беккер, 2018].

Термин «трудный подросток», повсеместно используемый в разных дискурсах, можно рассматривать как эквивалент термина «аутсайдеры», в особенности если речь идет о группах молодых людей, воспитывающихся в специализированных организациях с целью нормативной регуляции и стандартизации их поведения для последующего «возвращения» в общество.

Процессы ресоциализации и реинтеграции: в чем их отличия?

Ряд организаций работает по принципам восстановительного подхода с целью ресоциализации «мягкими» методами — нормативной регуляции поведения и восстановления социального статуса подростка, испытывавшего эксклюзию, совершавшего правонарушение [Головизнина, 2007]. Данное понимание ресоциализации как определенного комплекса программ, направленных на восстановление социального статуса, интерпретировано с опорой на подход Энтони Гидденса, который включает в определение ресоциализации восстановление контакта индивида с обществом [Giddens, 1999]. Тем не менее в данной работе под ресоциализацией я понимаю определенную политику некоего социального института, который имеет своей целью изменение жизненного сценария подростка в контексте перевоспитания, формирование социальных ролей, не связанных с правонарушениями; восстановление социального статуса и переход от «девиантного» к «нормальному» состоянию через преодоление идентификаций с ярлыками. Ресоциализация определяется режимом и повседневностью организации, и ее воздействие на подростка оказывается субъективным. Близким по смыслу понятием является реинтеграция. В широком смысле реинтеграция — это «возвращение» индивида к нормальной жизни, восстановление связей и коммуникации с обществом. Данное явление чаще всего рассматривается на примере демобилизации военных с мест вооруженных конфликтов [Humphreys, Weinstein; 2007],

а также возвращения бывших заключенных из тюрем [Burnett, 2009]. Термин «реинтеграция» употребляется также по отношению к мигрантам, вынужденным вернуться на родину. В этом случае реинтеграция понимается как встраивание в повседневный порядок вещей конкретного общества, член которого «выпал» из него на неопределенный период [Бредникова, 2017; Arowolo, 2000]. В более узком смысле реинтеграция — это направление социальной политики в создании программ, помогающих индивиду в восстановлении социальных связей в результате резкого изменения социальной среды [Ward, Maruna, 2007; Burnet, Maruna, 2006]. В своей работе я использую понятие реинтеграции в узком смысле, интерпретируя его как конкретную программу или политику учреждения, направленную на встраивание подростка в городские институты, например секции, досуговые учреждения, молодежные культуры. Таким образом, под ресоциализацией понимается направление работы и программы учреждения в целом по восстановлению социального статуса подростка, преодолению им стигматизации, разрыву связей с криминальными культурами, если таковые имеются. Реинтеграция — это комплекс узких мероприятий или программ, направленных на встраивание подростка в общество.

Специализированные учреждения: новизна исследования

Каждое общество стремится провести «границы нормальности», определить норму и патологию, предложить способы и инструменты коррекции девиации. В исследовании антропологов А. Клепиковой и И. Утехина, проведенном в психоневрологическом интернате, подчеркивается, что создание специализированных учреждений «определяет, как культура понимает потребности, пределы и пути развития такого ребенка» [Клепикова, Утехин, 2010: 4]. Специализированные учреждения, в которых обучаются молодые люди, имеющие конфликты с законом, фактически считаются учреждениями для «девиантных» детей и подростков, требующих особого подхода в воспитании. Поэтому в них есть специфические программы, направленные на коррекцию поведения воспитанников посредством их ресоциализации, исходя из восстановительного подхода. Новизна моего исследования заключается в том, что я рассматриваю несколько случаев коррекции поведения подростков через их ресоциализацию и реинтеграцию в специализированных учреждениях, отличающихся друг от друга методами воспитания, но использующих восстановительный, а не изолирующий подростка от общества подход.

Учреждения, практикующие восстановительный подход, Мэри Маколи определяет как «социально-поддерживающие организации», одной из целей которых считается реинтеграция и ресоциализация подростков, совершавших правонарушения/склонных к ним, без применения принудительной изоляции [Маколи, 2008]. Я использую термин «социально-поддерживающие организации», поскольку он позволяет объединить все открытые спецшколы, училища и секции, использующие восстановительный подход в ресоциализации трудных подростков. В целом система ювенальной юстиции в России, несмотря на отсутствие прямого законодательства, имеет неоправданно сложную и разрозненную структуру, обладающую рядом проблем в реализации своих основных задач [Muravyeva, 2017; Сидоров, Бондаренко, 2012]. К социально-поддерживающим я отношу

организации государственного сектора: специальные учебно-воспитательные учреждения открытого типа, центры психолого-педагогической реабилитации и коррекции, школы, реализующие адаптированные программы (VII вида¹), организации гражданского общества — специализированные некоммерческие организации дополнительного образования или предоставляющие социально-культурные услуги [Лисовская, 2019].

Сценарный подход к исследованию ресоциализации «трудных» подростков

Нормативное перевоспитание подростков в социально-поддерживающих организациях осуществляется по разным культурным сценариям. Отличие заданных условий внешней среды, институционального дизайна (комплекса реализуемых программ), режимов взаимоотношений внутри социальных групп в конкретной организации предполагает различные модели поведения воспитанников, а также развитие событий в целом. Сценарный подход, чаще всего используемый в миграционных и гендерных исследованиях, определяет ключевые сценарии развития биографий индивидов в конкретных средовых и культурных контекстах. Ключевой сценарий интерпретируется как модель, растиражированная биография, характерная для конкретной социальной группы [Ortner, 1973; Лернер, Рапопорт, Ломски-Федер, 2009; Бредникова, 2017]. В данной статье я использую сценарный подход в контексте реинтеграции и ресоциализации молодых людей в социально-поддерживающих организациях. Под сценариями реинтеграции и ресоциализации я понимаю ситуативные модели поведения и последовательных действий «трудных» подростков в вариативных условиях обучения в различных социально-поддерживающих организациях.

Цель статьи заключается в интерпретации сценариев реинтеграции и ресоциализации «трудных» подростков и понимании критериев их конструирования на примере четырех случаев социально-поддерживающих организаций. Предпринята попытка ответить на следующие поставленные мной исследовательские вопросы: какие существуют сценарии реинтеграции и ресоциализации «трудных» подростков, каким образом они конструируются?

Эмпирическую базу исследования составляют четыре кейса социально-поддерживающих организаций, расположенных в различных городах России (городе федерального значения, областном центре, районном центре). Три из них относятся к государственным — два учебно-воспитательных учреждения открытого типа (общеобразовательная школа и профессиональное училище) и общеобразовательная школа, реализующая адаптированные программы (VII вида). Сектор гражданского общества представлен некоммерческой организацией, предоставляющей социально-культурные услуги с цирковым уклоном. Все организации используют восстановительный подход, работают с подростками, совершавшими противоправные действия, имеющими серьезные формы педаго-

¹ В системе образования существует восемь основных видов коррекционных образовательных учреждений. В школах VII вида обучаются дети, имеющие задержку психического развития. Как правило, в школы такого типа могут направляться для обучения также дети и подростки, находящиеся в трудной жизненной ситуации, имеющие приводы в полицию, если в городе отсутствуют специальные профильные учреждения или в них не хватает мест.

гической запущенности, пережившими травматический опыт в детстве. Молодые люди направляются в них с личного согласия и/или согласия их законных представителей. В общей сложности мною собрано 40 интервью с подростками ($n = 29$) и педагогами ($n = 12$) социально-поддерживающих организаций.

Образующие критерии: роли и декорации, конструирующие типичные модели

Особенность социально-поддерживающих организаций в России, в которых обучаются и воспитываются «трудные» подростки, заключается в отсутствии координации управления. Специальные учебно-воспитательные учреждения, к примеру, крайне немногочисленны, представлены не во всех городах и поселениях. В результате бразды нормативного перевоспитания молодежи берут на себя структуры, близкие по роду деятельности, косвенно затрагивающие работу с «трудными» подростками, например, школы VII вида и инициативные проекты гражданского общества. Некоторые организации гендерно ориентированы, другие — смешанные. Таким образом, все социально-поддерживающие учреждения различаются институциональным дизайном, уклоном деятельности или подготовки (профессиональная, творческая, общеобразовательная и т. д.), гендерными режимами и политиками, законодательным регулированием, характеристиками территориального размещения и целым набором других признаков. Специфичность деятельности каждого отдельного случая, с одной стороны, затрудняет анализ полевого материала, собранного методом кейс-стади, но, с другой стороны, помогает выделить характерные закономерности, конструирующие типичные случаи и задающие повторяющиеся сценарии реинтеграции и ресоциализации.

В перечень критериев, не только формирующих сценарии, но и позволяющих их экстраполировать на другие социально-поддерживающие организации, можно включить режимы взаимоотношений между педагогами и воспитанниками — коммуникативные практики, особенности власти и подчинения во взаимоотношениях. Я выделяю четыре типа, которые на практике могут воспроизводиться в смешанных формах, то есть иметь признаки двух или более режимов.

Режим формального контроля и опеки. Данный режим описывает, как выстраиваются взаимоотношения, когда «взрослые» исполняют роль формального надзирателя, а воспитанники — неповивающегося подростка. Работники организации в своей деятельности в основном опираются на нормативные регулятивы либо прибегают к способам «жесткого» давления (оскорбительной стигматизации, физической силе), когда первые не срабатывают:

Инт.: *Не нравится русский и литература, я так понимаю?*

Инф.: *Ну, когда в вас ножницы полетели, что бы вы сказали?* (Максим, 14 лет, ученик школы VII вида)

Взаимоотношения между работниками и воспитанниками напряженные, крайне конфликтные. Педагоги не стремятся к доверительным взаимоотношениям с учениками, желают абстрагироваться от них. Подростки отличаются демонстративным и протестным поведением:

И, конечно, они там и срывают уроки, и у нас конфликты. У нас очень часто милиция... в школе, потому что мы вынуждены прибегать... вот. У нас нет никаких рычагов воздействия, то есть мы их даже тряхнуть не можем! Порой бывают такие случаи, что они и оскорбляют в лицо, и унижают, матерят, потому что в основном женский персонал работает. Очень сложно. Прибегаем к полиции, приезжают, увозят. (Женщина, 49 лет, завуч в школе VII вида)

Режим демократичного контроля и опеки характеризуется моделями взаимоотношений, в которых работа педагога с подростком хоть и основана на внутренних формальных положениях, но отличается доверительными отношениями и «мягкими» способами влияния. Подростку дозволяется право самоопределения своего досуга, активного или пассивного участия в жизни организации, однако взамен требуется исполнение определенных обязательств (посещение учебы, соблюдение правил поведения и т. д.). Воспитанники в целом уважительно относятся к работникам организации, но большинство педагогов не являются для них авторитетом:

Поэтому мы первое время разрешаем перейти из группы в группу, с профессии в профессию, из комнаты в комнату. Разрешаем. Давить нельзя. А зачем давить? Он, может, вот пришел, написал — слесарем, да, с месяц... эээ... там две недели отработал слесарем, он понимает, что не мое. Если будем давить, то он вообще уйдет — раз. Это его право, потому что у нас открытое училище. (Женщина, 51 год, завуч в специальном учебно-воспитательном учреждении — проф. училище)

В ситуации воспроизводства режима гиперопеки и контроля, напротив, «взрослые» стремятся проконтролировать практически все стороны жизни воспитанников, жестко регламентировать их деятельность. Однако при таком авторитарном давлении работники используют «мягкие» способы общения, исключая оскорбления, употребляя уменьшительно-ласкательную лексику, уговоры:

Простым языком. И бывают тихие прогульщики. Я их люблю немножко меньше, потому что с ними надо намного больше возни, чтобы их извлечь и заставить ходить в школу. Приятнее хулиганы, которые, зато, каждый день здесь. Вот бывают прогульщики, да, такие тихие сони просто, которых надо будить там, со всеми в семье разыскивать, бабушек-дедушек, мам, пап уговаривать ребенка все-таки разбудить и выпинать. Вот. Бывают такие товарищи. (Женщина, 29 лет, воспитатель в специальном учебно-воспитательном учреждении открытого типа)

В модели наставничества и опеки коммуникация между «взрослыми» и подростками построена на доверительных взаимоотношениях, отличается большой степенью дозволения и минимальной дистанцией. Подросток боится нарушить формальные предписания и потерять доверие наставника. Педагог признается авторитетом и оказывает исключительное влияние на подростка:

Все время стараюсь брать пример с нашего главного тренера Алексея. Мне кажется, что это святая святых вообще, мне кажется, что такого нигде не встретишь вообще,

мне кажется, что это один на миллион вообще. Он говорит такие вещи, он знает на все ответы всегда. И он... если его спросить о чем-то, всегда тебе объяснит, что да как, он тебе даст жизненный совет, он тебе поможет, если надо. Он мне за это время много чем помог. (Иван, 15 лет, некоммерческая организация, предоставляющая социально-культурные услуги)

Кроме перечисленных режимов, которые так или иначе воспроизводятся во всех социально-поддерживающих организациях, можно выделить еще один типичный критерий, конструирующий сценарий, — отсутствие/наличие переезда к месту обучения. В организациях участники могут солидаризироваться на основании общих разделяемых ценностей и культурных идей, в этих процессах есть ключевые участники, а есть буферные или не включенные участники. Проживание подростка в общежитии или совместно разделяемый досуг с другими воспитанниками определяют его роль и позицию в коллективе организации. Например, в общежитии могут формироваться соседские взаимоотношения, предполагающие наличие иерархии, и не включенные в них воспитанники могут оказаться аутсайдерами в группе. Отрыв от прежнего социального окружения и переезд на место обучения предполагает погружение в новую среду в роли «туриста», что впоследствии разрывает контакты с прежней криминализованной средой.

Еще одним важным критерием является уклон деятельности организации, например, спортивный или творческий, профессиональная подготовка. Благодаря этому конструируется символическое пространство, в отдельных случаях — даже целые культуры, имеющие определенные фильтры для участников.

Таким образом, можно наблюдать определенные роли и декорации, в которых разворачиваются сценарии реинтеграции и ресоциализации «трудных» подростков в социально-поддерживающих организациях. Режимы взаимоотношений между педагогами и воспитанниками определяют роли и статусы, декорации оформляют сцену, выделяют специфичность среды, в которой происходит социальное действие.

Что нельзя экстраполировать: частные критерии, задающие мультипликацию сценариев

Сценарии реинтеграции и ресоциализации в каждой конкретной организации имеют специфический набор образующих критериев, и в этом заключается их уникальность. При общих декорациях и ролях воспроизводится неповторимый сюжет. Далее выделим эти частные критерии как набор признаков, подчеркивающих исключительность и индивидуальность каждого случая.

Во-первых, к ним следует отнести финансовые возможности и ресурсы социально-поддерживающей организации, определяющие внутренние особенности ее среды. Очевидно, что подростки предпочитают проводить больше времени там, где на высоком уровне материально-техническая и культурная база:

И, конечно, я думаю, что это от директора отчасти идет — и сама школа, само это здание. Старинное, чистенькое все такое, историчное. Тоже, наверное, как-то действует, потому что ребята, как только устраиваются в школу, они ходят как в музей там: снимают селфи

на фоне гобелена там, на то-се, потом просят, нельзя ли привести там девушку, друзей — показать, в какой я школе учусь. (Женщина, 29 лет, воспитатель в специальном учебно-воспитательном учреждении открытого типа)

Немаловажно, какими методами и способами педагоги обучают и работают с подростками. Зачастую это может быть какой-либо особый метод, используемый работниками. К примеру, в случае некоммерческой организации, предоставляющей социально-культурные услуги с цирковым уклоном, особым методом воспитания, сочетающим в себе цирковую и социальную педагогику, могут считаться гастрольные туры и спонсируемые зарубежные поездки. К методу воспитания также можно отнести сам процесс реинтеграции в контексте наличия у конкретных педагогов или организации в целом связей и договоренностей с городскими секциями, клубами, молодежными пространствами, музеями, которые позволяли бы вовлекать молодых людей в их деятельность. Таким образом подросток обрывает новые контакты, преодолевает фильтры учреждений и собственную стигму, возвращаясь в общество.

Например, в специальном учебно-воспитательном учреждении открытого типа (профессиональное училище), чтобы привлечь воспитанников к мероприятию, работники использовали педагогические хитрости в обход прямого давления:

Вот, поэтому сначала они пробегают. Мы одно время пытались всех заставить — было такое, впрочем, но потом стали делать так: должны на экскурсию — листочек повесим, ручку повесим. Кто хочет на экскурсию. Вот, а потом оказывается чаще всего, чем то, что «все едут на экскурсию!», да, и вот этот листочек. И оказалось: больше едут, когда вот на листочке он у нас сам записался. Вот, и поэтому точно так же и мероприятие. Вот будет мероприятие, вы придете? И начинается... Мероприятие начнется — их может быть десять человек... Потом начинается заглядывание: «Вот че это там? Ой, а че это там?». Так глядишь, и уже раз — и половина уже там. Поэтому мы стараемся что-то там более конкурсное, более такое... в общем, нравоучения засунуть в досуговую обертку. (Женщина, 51 год, завуч в специальном учебно-воспитательном учреждении — проф. училище)

Большую роль в конструировании уникальных ситуаций играет история учреждения и/или политика формирования кадрового состава. В нашем исследовании был пример, когда социально-поддерживающая организация государственного сектора оказалась создана путем реорганизации общеобразовательной школы. В связи с тем, что данная ситуация произошла в малом городе с ограниченным числом учебных заведений, большинство педагогов этой школы остались на прежних местах. Они прошли курсы повышения квалификации, но оказались морально не готовы к работе с «трудными» подростками:

Ну, это был период адаптации не только вот, да, детей. Педагоги тоже очень болезненно переходили, то есть первый год, я помню, был очень тяжелый. <...> Ну, и просто были все в шоке (смеется), что и родители такие не идут на контакты, и даже не пришли, не поинтересовались, куда их детей перевели. Как-то процесс адаптации шел трудно. (Женщина, 49 лет, завуч в школе VII вида)

В некоторых примерах реинтеграция носит хаотичный характер, что объясняется развитостью городской среды. Такой феномен возникает, когда возможности города высоки, существуют инновационные и креативные площадки, популярные среди молодежи, но политика реинтеграции в социально-поддерживающей организации не имеет какой-либо четкой структуры. Воспитанникам организуют посещение самых популярных городских объектов практически каждый учебный день, не концентрируясь на одном конкретном направлении, в результате чего у подростков не формируется постоянных интересов и увлечений.

Таким образом, частные критерии придают уникальность процессу ресоциализации. Они скорее создают определенные барьеры, риски и возможности, чем напрямую трансформируют опыт группы подростков в рамках определенного сценария. Образующие критерии конструируют наиболее типичные модели, а частные критерии добавляют штрихи, задавая мультипликацию сценариев.

Сценарии реинтеграции и ресоциализации: континуум вариаций

Сценарии реинтеграции и ресоциализации представляют собой ситуативные модели поведения и последовательных действий «трудных» подростков с различной вариацией образующих и частных критериев в зависимости от институционального дизайна социально-поддерживающих организаций, определяющего те или иные практики и стратегии индивида.

Далее представлен континуум вариаций сценариев от оптимистических до пессимистических моделей с точки зрения успеха программ ресоциализации и реинтеграции в социально-поддерживающей организации. Континуум отображает мультипликацию сценариев реинтеграции и ресоциализации — множество моделей поведения подростка при тех или иных повторяющихся или уникальных условиях внешней и внутренней среды организации, то есть категоризациях, которые конструируют сам сценарий. На данный момент я выделила пять сценариев.

Сценарий слияния характеризуется абсолютной включенностью подростка в практики организации и личной мотивированностью на достижение конкретного результата. В коллективе присутствуют высокие фильтры к желающим включиться в организацию, которая имеет свой специфический уклон (театральная, спортивная деятельность). Претендент должен обладать определенными навыками, позволяющими ему беспрепятственно интегрироваться, получить признание и стать «своим» в коллективе. Распространены ситуации, связанные с конкурентной борьбой воспитанников за признание, победами и преодолением себя, постепенным поглощением и идентификацией с культурной направленностью организации. Вместе с этим подросток отдаляется от «другого» социального мира и людей, не обладающих определенным габитусом. Одним из образующих критериев является режим наставничества и опеки:

Для меня это... это [некоммерческая организация, предоставляющая социально-культурные услуги с цирковым уклоном] уже как дом. И каждый день я сюда прихожу, для меня это уже полное счастье. Мне кажется, что я здесь уже... для меня за мои 15 лет — это как полжизни, я не знаю. Хотя я здесь мало и нахожусь [2,5 года], но мне кажется, что я здесь много провел времени. И я уже здесь все понял, что да как. Что

делается, что да как... новое общество, компания. Ну, и все другое. (Ваня, 15 лет, воспитанник некоммерческой организации, предоставляющей социально-культурные услуги)

Сценарий беглеца — это обратная сторона сценария слияния. Он конструируется посредством сочетания режима наставничества и опеки, глубокого творческого уклона учреждения. Социально-поддерживающая организация, имеющая высокие фильтры входа в коллектив работников и воспитанников, блокирует его для тех подростков, которые не обладают требуемыми навыками. Высоки претензии к культуре тела, телесности, навыкам и умениям, силе воли и выносливости, если это спортивная или даже искусство-ориентированная организация со своим символическим пространством:

Ну говорили, что я дрищ, что я вообще никакой, что я говно последнее. Вот. Но сейчас я... себя чувствую очень комфортно. Спокойно так, хорошо. У меня есть друзья, слава тебе господи. И я рад, что они есть. Конечно, бывают проблемы, но все хорошо. <...> С Варей хорошо общаюсь. На самом деле мне очень жалко Варю, потому что ее постоянно обижают [в организации], прям даже сейчас. Ей часто говорят, что она толстая. (Дима, 15 лет, некоммерческая организация, предоставляющая социально-культурные услуги с цирковым уклоном).

Многие подростки не выдерживают давления фильтров, не справляются с задачей постоянного совершенствования навыков, бросают организацию. «Беглецом» воспитанник может стать на разных этапах входа. Подросток может покинуть социально-поддерживающее учреждение совсем или на некоторое время, затем возвращаться, либо же становиться «аутсайдером» в группе, занимая низшие позиции в иерархии.

Сценарий выхода за рамки связан с ситуациями преодоления подростками различных ограничений и барьеров в новой для них социальной среде. Большинство молодых людей, принявших участие в исследовании, переехали на место обучения в ранее незнакомый для них город и проживают в общежитии. Поэтому внутри организации возникают отношения соседства, складываются свои традиции и иерархии. Взаимодействие со «взрослыми» строится на принципах демократического контроля и опеки. Данный режим оказывается благоприятной почвой для развития различных сообществ по интересам, инициатив воспитанников, четкой лидерской структуры управления в коллективе сверстников. Организация имеет профессиональный или спортивный уклон, поэтому воспитанники (ре)интегрируются в производственные, спортивные сообщества в городе:

Я занимался пауэрлифтингом в прошлом году, в сороковухе [училище]. Дальше — сороковое, железнодорожное училище. Ездил на соревнования, но моей весовой категории не было. Но были краевые соревнования. Потом воркаутом занимался. Вот недавно был на соревнованиях. Но они были неофициальные. (Виктор, 17 лет, воспитанник специального учебно-воспитательного учреждения)

Однако все это достигается через конкурентную борьбу за лидерские позиции и право влияния внутри организации, за победу в спортивных состязаниях, лучшее место в производственных кластерах города и т. д.

Сценарий подчинения режиму повествует об опыте группы подростков, которая испытывает сильное давление распорядка дня социально-поддерживающей организации. Режим взаимоотношений между работниками и воспитанниками строится на гиперопеке и повышенном контроле. Большинство обучающихся подростков проживают в городе, и внутри организации не формируются взаимоотношения соседства, тесных дружеских контактов. Все инициативы спускаются «сверху», повседневность подростков полностью регламентируется организацией. Повышенная забота и внимание со стороны «взрослых» способствуют сглаживанию любых конфликтов во взаимоотношениях, стимулируют воспитанников к рефлексии и сравнению с предшествующим опытом обучения:

Ну, это рай, да, как бы, тут подбирают специальных учителей для учеников, чтобы не было никакой жесткости. <...> Там [в прошлой школе] всем учителям поспать. Главное, чтобы ты закончил — и просто пинками из этой школы. Вот, а здесь как бы наоборот. Здесь на каждого внимание, на каждого уделят свое внимание. (Игорь, 14 лет, ученик специального учебно-воспитательного учреждения)

Все воспитанники полностью подчиняются режиму дня в организации, соблюдают требования и нормативы:

Не то, что секция, просто вообще, как бы план, чтобы такого не было, что все по разным местам бегают или еще че-нибудь, а чтоб все вместе были, как бы общались между собой, то есть в шесть, вот, гулять выходим, допустим, во дворе. Либо футбол, либо еще че-нибудь ребята играют. (Василий, 16 лет, ученик учебно-воспитательного учреждения)

Внутри учреждения редко организуются какие-либо активности помимо предусмотренных образовательной программой или секцией. В учебном заведении подростки играют роль «подчиняющегося режиму», а за его пределами снова становятся завсегдаем дворовых компаний:

Просто у нас щас опять завелась такая... человек, который все в компании сливает кому-то информацию. В итоге нам забили стрелу. В среду, в 7 часов — 200 на 200. Вот мы немножечко офигели. <...> Прийти за полчаса до всего этого и посмотреть — придет ли кто-нибудь или нет. Потому что реально все это так интересно. Вот, так что в среду мне надо как-то пораньше освободиться из школы. Вот, и все это посмотреть. (Аркадий, 15 лет, ученик специального учебно-воспитательного учреждения).

Сценарий изоляции связан с постоянными ситуациями эксклюзии, с которыми сталкиваются подростки. Это могут быть барьеры реинтеграции во внешней среде за пределами организации, с которыми имеют дело подростки, включаясь в городские сообщества и другие компании, например, ситуации стигматизации.

Также постоянные баталии внутри самой организации: конфликты и стычки между сверстниками, с одной стороны, между воспитанниками и «взрослыми» — с другой. Данный сценарий конструируется под влиянием режима формального контроля и опеки в учреждении, отсутствия переезда молодых людей на место обучения. Внутри организации подростки сталкиваются с оскорбительной стигматизацией со стороны «взрослых», ограничением возможностей участия в каких-либо городских мероприятиях, угрозами:

Инф. *Меня это не касается. Я редко появляюсь в школе. Неохота учиться. <...> Да нет, просто бывает — припугивают спецшколой.*

Инт. *Спецшколой — это какой спецшколой?*

Инф. *Спец... короче типа тюрьмы.*

Инт. *Ого. Почему так? Почему именно припугивают — за то, что не посещаешь?*

Инф. *Да. Но я сказала: отправляйте хоть куда. (Маша, 13 лет, ученица школы VII вида)*

Подростки не включаются ни в какие инициативы, исходящие «сверху», и не предлагают своих. За пределами организации они оказываются исключены из городской жизни из-за статуса ученика коррекционной школы, вписываются в ряды «дворовых» объединений. Жизненные шансы воспитанников сильно ограничены, многие из них становятся участниками криминальных инцидентов и/или криминальных субкультур:

Мне вот исправительные работы и все. Ну щас он [друг] сюда приедет. <...> Он там пошел... с пацанами в магазин. Ограбил. Ну, и все, и потом ко мне пришли и сказали, что типа я его там заставлял, не заставлял. Хотя он на два года старше меня. (Виталий, 16 лет, школа VII вида)

Для более четкого понимания в таблице 1 систематизированы категоризации, конструирующие каждый выделенный сценарий.

Таблица 1. **Континуум сценариев реинтеграции и ресоциализации «трудных» подростков**

Основные характеристики	Категоризации
<i>Сценарий слияния (происходит ресоциализация и реинтеграция)</i>	
<ul style="list-style-type: none"> — Включенность подростка в практики организации. — Подросток идентифицирует себя с направленностью деятельности (уклоном) организации. — Длительный вход подростка в сообщество, высокие фильтры отбора кандидатов. — Путь подростка в рамках данного сценария связан с постоянным преодолением себя на различных этапах адаптации в организации до момента достижения полной идентификации с ее символическим пространством и деятельностью. 	<p><i>Образующие условия:</i></p> <ul style="list-style-type: none"> — Режим наставничества и опеки между взрослыми и воспитанниками. — Подросток проживает в городе без отрыва от семьи или лиц, заменяющих ее. — Ярко выраженный уклон организации: творческая молодежная культура. <p><i>Частные условия:</i></p> <ul style="list-style-type: none"> — Особенность среды внутри организации: сконструированное символическое пространство. — Уникальный метод воспитания. — Кадровые особенности (например, старшие воспитывают младших).

Основные характеристики	Категоризации
<i>Сценарий выхода за рамки (происходит ресоциализация и реинтеграция)</i>	
<ul style="list-style-type: none"> — Расширение контактов подростка. — Преодоление стигмы, реинтеграция подростка в производственные сообщества и молодежные культуры. — Сложная адаптация в организации: внутри организации возникают взаимоотношения соседства, формируются свои традиции, иерархии; с взрослыми выстраиваются нейтральные взаимоотношения. — Подросток сталкивается со сложностями реинтеграции во внешней среде после того, как получает признание в коллективе сверстников. 	<p><i>Образующие условия:</i></p> <ul style="list-style-type: none"> — Искусственный отрыв подростка от привычной социальной среды и переезд для продолжения обучения. — Режим демократического контроля. — Производственный и спортивные уклоны организации. <p><i>Частные условия:</i></p> <ul style="list-style-type: none"> — Производственная и спортивная инфраструктура внутри организации (цеха, спортклубы). — Особый метод воспитания: посредничество учреждения (проработка договоренностей с производственными организациями, спортивными секциями). — Кадровая политика: внимание к личным качествам.
<i>Сценарий подчинения режиму (слабая ресоциализация, хаотичная реинтеграция)</i>	
<ul style="list-style-type: none"> — Поглощение подростка режимом учреждения, формальное и неформальное включение в практики и повседневность организации. — Подросток исполняет требуемые от него нормативы, не проявляя инициатив, поддерживает качество учебы и дисциплины на минимально требуемом организацией уровне. — Воспитанник проходит быструю адаптацию в организации, контакт с работниками устанавливается раньше, чем со сверстниками. — На выходе из учреждения после учебного дня подросток сбрасывает роль «подчиняющегося режиму» и включается в практики «дворовых» компаний. 	<p><i>Образующие условия:</i></p> <ul style="list-style-type: none"> — Отсутствие отрыва подростка от привычной ему среды, проживание в городе с семьей или лицами, ее заменяющими. — Режим гиперопеки и контроля. — Отсутствие уклона организации. <p><i>Частные условия:</i></p> <ul style="list-style-type: none"> — Особый стиль воспитания: гиперопека; — Строгость режима организации, у воспитанников личное время ограничено.
<i>Сценарий беглеца (нет ресоциализации и реинтеграции)</i>	
<ul style="list-style-type: none"> — Возникает множество ситуаций, связанных с фильтрами входа в сообщество сверстников на различных этапах развития сценария. — Подросток учится определенным требуемым навыкам и культурным атрибутам в группе, не справляется и покидает организацию. — Желание ухода/уход из организации может появиться/произойти в начале адаптации, в ситуации частичного слияния с организацией, а также на этапе близкого завершения обучения. — После выхода происходит возвращение в практики «старых» компаний и/или изменение сферы деятельности. — Подросток может возвращаться в организацию, проходить фильтры и испытания заново. 	<p><i>Образующие условия:</i></p> <ul style="list-style-type: none"> — Режим наставничества и опеки между взрослыми и воспитанниками. — Подросток проживает в городе без отрыва от семьи или лиц, заменяющих ее. — Ярко выраженный уклон организации или обособленная молодежная культура. <p><i>Частные условия:</i></p> <ul style="list-style-type: none"> — Особенность среды внутри организации: сконструированное символическое пространство. — Высокие фильтры входа, не соответствие подростка предъявляемым качествам и критериям. — Уникальный метод воспитания. — Кадровые особенности (например, старшие воспитывают младших).

Основные характеристики	Категоризации
<i>Сценарий изоляции (нет ресоциализации и реинтеграции)</i>	
<ul style="list-style-type: none"> — Подросток сталкивается с ситуациями эксклюзии. — Разрушение контактов как внутри организации, так и за ее пределами. — Взаимоотношения со взрослыми и сверстниками основаны на постоянных конфликтах. — Подросток может включаться в криминальные субкультуры, могут происходить криминальные инциденты в организации. — Жизненные возможности подростка в данном сценарии сильно ограничены из-за стигматизации и идентификации со стигмой.	<p><i>Образующие условия:</i></p> <ul style="list-style-type: none"> — Режим формального контроля и опеки. — Подросток проживает в городе без отрыва от семьи или лиц, заменяющих ее. — Городская среда с невысокими жизненными шансами для молодежи (отток молодежи из города, ограниченное количество возможностей для досуга и образования молодежи). — Отсутствие у организации уклона деятельности. <p><i>Частные условия:</i></p> <ul style="list-style-type: none"> — Ограниченные ресурсы организации и ее возможности из-за плохой репутации среди городской молодежи. — Особый метод воспитания: давление, стигматизация воспитанников. — Особенности кадровой политики: нет специалистов с опытом работы в специальных учреждениях.

Выводы: сильные и слабые стороны сценарного подхода

Сценарный подход предлагает возможность прогнозирования программ ресоциализации подростков в социально-поддерживающей организации. Это означает, что сценарий можно «переписывать» в соответствии с целями учреждения, для совершенствования программ и прогнозирования их исходов.

Найти ответ на вопрос, как переписать сценарий реинтеграции и ресоциализации «трудных» подростков, можно путем образовательных и социальных экспериментов. К примеру, актуально внедрение в социально-поддерживающую организацию аналитических методов исследования, направленных на изучение вызовов среды и работы с ними — своеобразного риск-менеджмента. В подавляющем числе случаев подобная работа проводится исключительно интуитивно, во многом опирается на социальный капитал и связи самих работников. Например:

Мы приглашали к ним, очень часто приглашаем к себе лицей, там есть хороший ансамбль «Огонек». И мы очень часто приглашаем на концерты на разные свои — там девочки танцуют. Мальчишки, конечно, глаза загораются сразу, сразу начищают до блеска свои ботинки. Одеваются сразу красиво, прилично. Вот. И им нравится это, потом у нас есть школа — мы оттуда приглашали певческий коллектив. Вот. Потом с 20-го [училища] к нам приезжала «Ягодка», мы вот пытаемся сотрудничать, где я работала. Я работала и там, и там, и там, и оттуда всех приглашаем к себе, чтобы было интересно, чтобы им было не скучно, чтобы они не замыкались только вот... они здесь — и все. (Женщина, 55 лет, завуч по хозяйственной части в специальном учебно-воспитательном учреждении — проф. училище)

В конкретном примере существовали барьеры, связанные с ограниченным финансированием, стигматизацией воспитанников и самого учреждения извне,

поэтому педагоги были вынуждены использовать собственные «проверенные» ресурсы, привлекать на работу тех, кто имеет обширный опыт социальной и педагогической работы и, соответственно, связи. Контакты хоть и расширялись через «новых» работников, но замыкались на конкретном перечне дружественных организаций, городских сообществ или творческих коллективов. Поэтому необходима создание инструментария для работы с вызовами внешней среды, к примеру, проект программы развития волонтерства совместно с отделением «Красного Креста» или другими специализированными организациями.

Рассмотрим следующий случай. Социально-поддерживающая организация находится в мегаполисе, что подразумевает широчайший спектр возможностей, но накладывает риск городской сегрегации: подростки могут оказаться дезориентированы в городе. Кроме того, проводимые исследования выявляют, что в организации складывается режим гиперопеки и контроля в отношениях между работниками и подопечными, что с большей вероятностью приведет к формированию сценария подчинения режиму. Так как политика реинтеграции хаотична и вписана в регламент дня организации, подростки не включаются практически ни в какие городские сообщества, оседая и укрепляясь в позициях в своем конкретном районе, конфликтуя с «другими». Для того, чтобы «переписать» данный сценарий, необходимо продумать политику реинтеграции. Например, начать с вводных экскурсий в конкретные районы города или социально-культурные объекты, а затем проводить углубленные экскурсии или выездные занятия с разными уклонами и тематиками в тех же местах. Также в данном случае крайне необходимо создание структуры самоуправления внутри коллектива воспитанников, что способствовало бы проявлению инициатив.

Разумеется, все сценарии имеют как сильные, так и слабые стороны, можно только условно выделять наиболее «оптимистичные» и «пессимистичные» с точки зрения самооощущения информантов. Например, *сценарий слияния*, при весьма оптимистичных и восторженных отзывах интервьюируемых, предполагает определенную дезинтеграцию воспитанников в обществе, выражающуюся в сокращении социальных контактов вне организации. Мир подростка складывается из «своих» и «чужих», причем «своими» признаются только те, кто разделяет нормы внутренней культуры организации, «чужие» — все остальные — горожане, одноклассники и даже родители:

Ну, они [одноклассники, учителя и пр.] такие, знаете, «типичные чуваки». Знаете... есть стереотип в [организации], что они просто клоуны. И когда я уезжаю на всякие гастроли и мне сказали, что моя класснуха, она очень ругалась, потом сказала, что у меня не жизнь, а малина. И меня до сих пор с этого вынашивает. Ну, мне смешно... просто смешно. <...> Просто я понимаю, что людей засовывают в квадрат и им говорят делать так, и они делают так. У них нет собственного мнения, и это отстой. <...> Иногда я чувствую, что меня защемляют, иногда я чувствую, что могу творить. Ну, мы же иногда делаем сами номера помимо. Просто хотим и делаем. (Дмитрий, 15 лет, некоммерческая организация, предоставляющая социально-культурные услуги)

Сценарный подход к изучению реинтеграции и ресоциализации накладывает и ограничения в исследованиях. Не всегда возможно проследить гендерные

вариации сценариев, поскольку число юношей и исключительно «мужских» социально-поддерживающих организаций превалирует. Кроме того, метод требует тщательнейшей детализации места локализации, глубокого анализа дизайна организации, широкого спектра методов и теорий для объяснения выдающихся случаев, нуждается в дополнительной фокусировке. Понять и описать сценарий можно, лишь исключительно глубоко проникнув в повседневность социально-поддерживающей организации, но абстрагируясь при этом от практик нормативного контроля и коррекции воспитанников, навязываемых работниками с момента появления исследователя в данном учебном заведении. Подход требует дополнительных исследований, детализации, в том числе с проведением экспериментов.

Список литературы

Беккер Г. С. Аутсайдеры: исследования по социологии девиантности. М.: Элементарные формы, 2018.

Becker H. S. (2018) *Outsiders: Studies in the Sociology of Deviance*. Moscow: Elementary Forms Press. (In Russ.)

Бредникова О. Е. (Не)возвращение: могут ли мигранты стать бывшими? // Этнографическое обозрение. 2017. № 3. С. 32—47.

Brednikova, O. E. (2017) *The (Non-)Return: Can Migrants Become Former Migrants?* *Etnograficheskoe obozrenie*. No. 3. P. 32—47. (In Russ.)

Головизнина М. В. Преступность несовершеннолетних, ювенальная юстиция и восстановительное правосудие в Италии // Вопросы ювенальной юстиции. 2007. № 2. С. 44—47.

Goloviznina M. V. (2007) *Juvenile Delinquency, Juvenile Justice and Restorative Justice in Italy*. *Questions of Juvenile Justice*. No. 2. P. 44—47. (In Russ.)

Лисовская И. В. «Путевка в жизнь» для «трудных» подростков? Возможные сценарии (ре)интеграции в специальных учреждениях // Журнал исследований социальной политики. 2019. № 3. С. 423—438.

Lisovskaya I. V. (2019) *A 'Start in Life' for Troublesome Kids? Possible Scenarios of Reintegration in The Context of Special Institutions*. *The Journal of Social Policy Studies*. No. 3. P. 423—438. (In Russ.)

Клепикова А. А., Утехин И. В. Ребенок с «отклонениями развития»: опыт анализа фреймов // Антропологический форум. 2010. № 12. С. 1—68.

Klepikova A. A., Utekhin I. V. (2010) *A Child with "Developmental Disabilities": The Experience of Frame Analysis*. *Anthropological Forum*. No. 12. P. 1—68. (In Russ.)

Лернер Ю., Рапопорт Т., Ломски-Федер Э. Русскоязычные студенты в израильском университете: как работает «этнокультурный сценарий» советских евреев в эмиграции // Диаспоры. 2009. № 2. С. 62—90.

Lerner J., Rapoport T., Lomsky-Feder E. (2009) *Russian-Speaking Immigrant Students in Israeli Universities: The "Ethnocultural Script" in Action*. *Diasporas*. No. 2. P. 62—90. (In Russ.)

- Маколи М. Дети в тюрьме / пер. с англ. Е. Мишкинук. М.: ОГИ, 2008.
Makoli M. (2008) Children in Prison. Transl. from English E. Mishkinuk. Moscow: OGI. (In Russ.)
- Омельченко Е. Л. Молодежные культуры и субкультуры. М.: Институт социологии РАН, 2000.
Omelchenko E. L. (2000) Youth Cultures and Subcultures. Moscow: Institute of Sociology RAS. (In Russ.)
- Омельченко Е. Л. Молодежь: открытый вопрос. Ульяновск: Симбирская книга. 2004.
Omelchenko E. L. (2004) Youth: An Open Issue. Ulyanovsk: Simbirskaya kniga. (In Russ.)
- Омельченко Е. Л. Начало молодежной эры или смерть молодежной культуры? «Молодость» в публичном пространстве современности // Журнал исследований социальной политики. 2006. № 2. С. 151—182. (In Russ.)
Omelchenko E. L. (2006) The Beginning of the Youth Era or the Death of Youth Culture? “Youth” in the Public Space of our Time. *Journal of Social Policy Study*. No. 2. P. 151—182. (In Russ.)
- Павлов Б. С. Над опасным «социальным придоньем» (о девиантной субкультуре подростков) // Социологические исследования. № 2. 2013. С. 69—79.
Pavlov B. S. (2013) Over the Dangerous “Social Bottom” (About the Deviant Subculture of Adolescents). *Sociological Studies*. No. 2. P. 69—79. (In Russ.)
- Сидоров Н. Р., Бондаренко И. Н. Исследование социально-психологических особенностей воспитанников специальных школ открытого типа // Прикладная юридическая психология. 2012. № 2. С. 63—73.
Sidorov N. R., Bondarenko I. N. (2012) Research of Socio-Psychological Features of Pupils of Special Schools of Open Type. *Applied Legal Psychology*. No. 2. P. 63—73. (In Russ.)
- Ярская В. Н., Ловцова Н. И. Молодежная политика: разные и пока не равные // Журнал исследований социальной политики. 2010. Т. 8. № 2. С. 151—164.
Yarskaya V. N., Lovcova N. I. (2010) Youth Policy: Different and Not Equal Yet. *The Journal of Social Policy Studies*. Vol. 8. No. 2. P. 151—164. (In Russ.)
- Arowolo O. O. (2000) Return Migration and the Problem of Reintegration. *International Migration*. Vol. 38. No. 5. P. 59—82. <https://doi.org/10.1111/1468-2435.00128>.
- Burnett R. (2009) Post-Corrections Reintegration: Prisoner Resettlement and Desistance From Crime. In: Adler J., Gray J. *Forensic Psychology: Concepts, Debates and Practice*. Cullompton: Willan.
- Burnett R., Maruna S. (2006) The Kindness of Prisoners: Strengthsbased Resettlement in Theory and in Action. *Criminology and Criminal Justice*. Vol. 6. No. 1. P. 83—106. <https://doi.org/10.1177/1748895806060668>.
- Giddens A. (1999) Risk and Responsibility. *The Modern Law Review*. Vol. 62. No. 1. P. 1—10.

- Griffin C. (1993) Representation of Youth. The Study of Youth and Adolescence in Britain and America. Cambridge: Polity Press.
- Humphreys M., Weinstein J. M. (2007) Demobilization and Reintegration. *Journal of Conflict Resolution*. Vol. 51. No. 4. P. 531—567. <https://doi.org/10.1177/0022002707302790>.
- Muravyeva M. G. (2017) Russia. In: Schreck C. J. (ed.) *The Encyclopedia of Juvenile Delinquency and Justice*. Hoboken: Wiley. <https://doi.org/10.1002/9781118524275.ejdj0194>.
- Ortner S. B. (1973) On Key Symbols. *American Anthropologist*. No. 5. P. 1338—1346.
- Surette R. (2016) Measuring Copycat Crime. *Crime, Media, Culture*. Vol. 12. No. 1. P. 37—64. <https://doi.org/10.1177/1741659015601172>.
- Swadener B. B., Lubeck S. (1995) The Social Construction of Children and Families “at Risk”: An Introduction. In: Swadener B. B., Lubeck S. *Children and Families “at Promise”: Deconstructing the Discourse of Risk*. Albany: State University of New York Press. P. 1—16.
- Tait G. (1995) Shaping the ‘at-Risk Youth’: Risk, Governmentality and the Finn Report. *Discourse: Studies in the Cultural Politics of Education*. Vol. 16. No. 1. P. 123—134. <https://doi.org/10.1080/0159630950160108>.
- Ward T., Maruna S. (2007) *Rehabilitation: Beyond the Risk Paradigm*. London, New York: Routledge.

DOI: [10.14515/monitoring.2021.2.1913](https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.2.1913)

С. Г. Давыдов

**ЦИФРОВЫЕ КОМПЕТЕНЦИИ РОССИЯН
И РАБОТА НА САМОИЗОЛЯЦИИ
ВО ВРЕМЯ ПАНДЕМИИ COVID-19**

Правильная ссылка на статью:

Давыдов С. Г. Цифровые компетенции россиян и работа на самоизоляции во время пандемии COVID-19 // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2021. № 2. С. 403—422. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.2.1913>.

For citation:

Davydov S. G. (2021) Digital Competencies of Russians and Work on Self-Isolation During the COVID-19 Pandemic. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 2. P. 403–422. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.2.1913>. (In Russ.)

* Продолжение рубрики, опубликованной в № 6 (2020). По причине пандемии не все тексты вошли в нее и были перенесены в № 2 (2021).

ЦИФРОВЫЕ КОМПЕТЕНЦИИ РОССИЯН И РАБОТА НА САМОИЗОЛЯЦИИ ВО ВРЕМЯ ПАНДЕМИИ COVID-19

DIGITAL COMPETENCIES OF RUSSIANS AND WORK ON SELF-ISOLATION DURING THE COVID-19 PANDEMIC

*ДАВЫДОВ Сергей Геннадьевич — кандидат философских наук, доцент департамента социологии факультета социальных наук, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия; партнер, ООО «Социал Бизнес Групп» (SBG), Москва, Россия
E-MAIL: sdavydov@hse.ru
<https://orcid.org/0000-0001-8455-9976>*

*Sergey G. DAVYDOV^{1,2} — Cand. Sci. (Philos.), Associate Professor at the Department of Sociology of Faculty of Social Sciences; partner
E-MAIL: sdavydov@hse.ru
<https://orcid.org/0000-0001-8455-9976>*

¹ HSE University, Moscow, Russia

² Social Business Group (SBG), Moscow, Russia

Аннотация. Массовый переход россиян на удаленную работу во время пандемии COVID-19 стал возможен благодаря достигнутому уровню цифровых компетенций, ключевой составляющей цифровой грамотности. Статья основана на материалах измерения самооценки цифровых компетенций взрослого населения России, совместно проведенного в конце апреля 2020 г. ВЦИОМ и «Социал Бизнес Групп». Предложена классификация цифровых компетенций, востребованных как в повседневных, так и в профессиональных практиках. Выделены четыре квантили цифровых компетенций в зависимости от уровня самооценки их наличия в анализируемой аудитории, а также четыре кластера россиян в зависимости от уровня адаптированности к цифровой среде.

Abstract. The massive transition of Russians to remote work during the COVID-19 pandemic was possible due to the achieved level of digital competencies, a key component of digital literacy. The paper is based on the materials of self-assessment measurement of digital competencies of the Russian adult population, conducted by Russian Public Opinion Research Center (VCIOM) and Social Business Group (SBG) at the end of April 2020. The study proposes a classification of digital competencies that are in demand in both routine and professional practices, identifies four quartiles of individual digital competencies depending on the self-assessment of their presence, and portrays four clusters of Russians depending on the level of adaptation to the digital environment.

Ключевые слова: цифровая грамотность, цифровые компетенции, самоизоляция, работа из дома, COVID-19, пандемия

Keywords: digital literacy, digital competences, self-isolation, work at home, COVID-19, pandemic

Цифровые компетенции и их изучение в России

Представления о цифровых компетенциях как совокупности знаний, умений и навыков, необходимых для эффективной деятельности в цифровой среде, восходят к концепту цифровизации, возникшему в 1990-е годы и развивающемуся в контекстуальном пространстве понятий цифровой экономики [Tarscott, 1995], цифровой культуры [Gere, 2002], цифровой революции [Rifkin, 2011; Шваб, 2016] и т. д. Под цифровизацией понимается процесс комплексных технологических, политических, экономических и социокультурных трансформаций, происходящих в обществе в связи с переходом от аналоговых информационно-коммуникационных систем к цифровым.

Теоретической рамкой анализа цифровых компетенций выступают так называемые парциальные грамотности — группа близких, но не тождественных друг другу по содержанию концептов. Наряду с уже упомянутой цифровой грамотностью в нее входят медиа- и информационная, новостная, компьютерная, интернет-грамотность и др. В академическом сообществе отсутствует консенсус по поводу соотношения значений этих терминов, трактовка в значительной степени зависит от задач того или иного исследования. Согласно мнению А. Букхорста, согласованному с рекомендациями ЮНЕСКО и ИФЛА¹, интегральным является понятие «медиа- и информационная грамотность», при этом «информационную грамотность» следует использовать в качестве зонтичного термина, объединяющего «родственные» понятия [Букхорст, 2013].

В России, при определенном влиянии данной парадигмы, особую значимость приобрел концепт информационной грамотности, использование которого в научных исследованиях стимулировалось введением в политический дискурс, а именно — в контексте разработки и последующей реализации национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации» (2017). Совместное исследование Российской ассоциации электронных коммуникаций и факультета коммуникаций, медиа и дизайна НИУ ВШЭ зафиксировало существенные изменения в тематическом медийном дискурсе, возникшие в связи с началом использования данного термина в риторике высшего руководства страны, начиная с текста Послания Президента РФ В. В. Путина Федеральному собранию Государственной Думы РФ от 1 декабря 2016 г. [Экономика Рунета, 2018].

К числу ранних упоминаний термина в российских научных публикациях относится статья А. Кузнецовой, основанная на результатах эмпирического исследования компьютерной зависимости среди школьников Санкт-Петербурга. Автор, в числе прочего, рекомендует «проводить в начальной школе профилактические программы, направленные на повышение грамотности в использовании современных технических цифровых средств» [Кузнецова, 2010]. Г. У. Солдатова и соавторы, изучающие цифровую компетентность подростков и их родителей,

¹ Решение об объединении двух подходов нашло отражение в так называемой Фесской декларации, принятой 17 июня 2011 г., а также в Московской декларации от 28 июня 2012 г. См.: Declaration on Media and Information Literacy Adopted by Fez International Forum (Fez, June 17, 2011) // UNESCO. URL: <http://www.unesco.org/new/fileadmin/MULTIMEDIA/HQ/CI/CI/pdf/news/Fez%20Declaration.pdf> (дата обращения: 20.02.2021); Московская декларация о медиа- и информационной грамотности (Москва, 28 июня 2012 года) // Российский комитет Программы ЮНЕСКО «Информация для всех». URL http://www.ifapcom.ru/files/News/Images/2012/mil/Moscow_Declaration_on_MIL_rus.pdf (дата обращения: 28.02.2021).

определяют ее как «способность индивида уверенно, эффективно, критично и безопасно выбирать и применять инфокоммуникационные технологии в разных сферах жизнедеятельности (работа с контентом, коммуникации, потребление, техносфера), а также его готовность к такой деятельности» [Солдатова и др., 2013]. По результатам анализа предметного поля цифровой грамотности А. В. Шариков предлагает четырехкомпонентную модель, включающую такие элементы, как технико-прагматические возможности, содержательно-коммуникативные возможности, технико-технологические угрозы и социопсихологические угрозы [Шариков, 2016]. Подробный анализ традиции изучения цифровой грамотности в России приводится в публикации [Davydov et al., 2020].

Характеризуя область отечественных исследований цифровой грамотности и связанных с ней цифровых компетенций, нельзя не упомянуть значительное количество измерений эмпирического характера. Особое место среди них занимает проект «Индекс цифровой грамотности в регионах России», совместно реализованный Региональной общественной организацией «Центр Интернет-технологий» (РОЦИТ) и факультетом коммуникаций, медиа и дизайна НИУ ВШЭ [Индекс цифровой грамотности, 2015; Давыдов, Логунова, Шариков, 2017]. Структуру данного индекса составили субиндексы цифрового потребления, цифровых компетенций и цифровой безопасности. На фоне ожидаемого роста абсолютных показателей в условиях экстенсивного развития цифровых технологий исследование 2018 г. зафиксировало снижение относительного интегрального значения индекса, связанное с падением полученных оценок цифровой безопасности граждан².

Помимо перечисленных организаций опыт эмпирических исследований цифровой грамотности есть у исследовательских компаний ВЦИОМ [Индекс цифровой грамотности, 2015], ЦИРКОН³, НАФИ [Цифровая грамотность для экономики..., 2018; Цифровая грамотность российских педагогов..., 2019] и др.

Описание методики исследования

Эмпирическую базу настоящей публикации составили результаты инициативного исследования отношения взрослых россиян к самоизоляции и самооценки цифровых компетенций во время пандемии COVID-19, совместно реализованного исследовательскими компаниями ВЦИОМ и «Социал Бизнес Групп» (СБГ) весной 2020 г.

Метод исследования — количественный репрезентативный опрос населения России в возрасте от 18 лет и старше. Метод сбора информации — телефонные интервью. Полевые работы были проведены 30 апреля 2020 г. в рамках проекта «ВЦИОМ — Спутник». Выборка исследования построена на стратифицированной двухосновной случайной процедуре отбора стационарных и мобильных телефонных номеров из полного списка последних, используемых в России. Проведена процедура взвешивания на вероятность отбора и социально-демографические параметры (пол и возраст). Максимальный размер ошибки выборки не превышает 2,5 % для уровня вероятности 95 %.

² См.: Цифровая грамотность россиян: цифры и тренды. 2018. URL: http://www.zircon.ru/upload/iblock/a63/Index_cifrvii_gramotnosti_2019_rocit.pdf (дата обращения: 28.02.2021).

³ Там же.

В анкету был включен список из 17 цифровых компетенций, уровень владения каждой из которых респондентам предлагалось оценить по 5-балльной шкале от «1» («совсем не умею») до «5» («очень хорошо умею это делать»). Компетенции, предложенные для самооценки, распространены среди массовой аудитории. Все они могут использоваться в обыденной жизни для решения повседневных задач, а также в профессиональной деятельности представителями широкого круга специальностей. В целом данные компетенции подразделяются на следующие группы.

1. Компетенции в области использования информационно-коммуникационных инструментов, таких как поисковые системы, мессенджеры, электронная почта и социальные сети.

2. Компетенции в области использования цифровых офисных приложений и оборудования. Сюда относятся текстовые редакторы, электронные таблицы, средства подготовки презентаций, а также работа со сканерами и принтерами.

3. Административно-технические компетенции работы с цифровыми устройствами — работа с файлами, облачными хранилищами, антивирусами, установка и настройка приложений.

4. Компетенции в области работы с изображениями и видео — цифровая фотосъемка, обработка изображений, цифровая видеосъемка, монтаж видео.

5. Компетенции, связанные с совершением финансовых операций в цифровой среде.

К полученным результатам был применен кластерный анализ (метод К-средних), благодаря которому были выявлены четыре наиболее однородные группы россиян, различающихся по уровню самооценки цифровой грамотности. Кластеризация была проведена по самооценкам компетенций; поскольку все переменные измерялись по единой шкале, стандартизация не производилась. Выбор количества кластеров обусловлен наилучшей интерпретируемостью результата.

Кроме того, все цифровые компетенции были разделены на четыре квартиля в зависимости от их распространенности в различных исследуемых группах. Сделано это было следующим образом: для компетенций были рассчитаны средние оценки уровня владения, далее расстояние между минимальным и максимальным значением было разделено на четыре равные части, компетенции были отнесены к тому или иному квартилю в зависимости от попадания среднего значения в ту или иную часть.

Помимо вышеуказанного табличного вопроса, в тематический блок анкеты вошли четыре закрытых и три открытых вопроса.

Цифровые компетенции россиян и их группировка по уровню владения

Рассмотрим самооценку уровня владения цифровыми компетенциями среди всех россиян в возрасте от 18 лет и старше. Сводная статистическая информация по данной части проведенного анализа представлена в таблице 1.

Таблица 1. Субъективная оценка уровня владения цифровыми компетенциями взрослыми россиянами (% , n = 1600)*

№	Квар- тиль	Компетенция	Высокие оценки («5» или «4»), %	Низкие оценки («3» или «2»), %	Отсутствие компетен- ций (оценка «1»), %	Затруд- няюсь ответить
1	1	Фотографировать на телефон или другой гаджет	71	16	13	1
2	1	Искать информацию в интернете (Яндекс, Google, Bing и др.)	70	14	15	1
3	1	Снимать видео на телефон/камеру или другой гаджет	67	19	14	0
4	1	Переписываться/совершать звонки в мессенджерах (Telegram, WhatsApp, Viber, Skype, Microsoft Teams или др.)	64	17	18	1
5	1	Пользоваться электронной почтой	60	15	24	1
6	2	Проводить финансовые операции в интернете и/или через мобильный банк (оплачивать покупки, счета, переводить деньги и т.д.)	60	16	23	1
7	2	Сканировать, распечатывать документы, изображения при помощи принтера, сканера	58	15	27	1
8	2	Пользоваться социальными сетями («ВКонтакте», «Одноклассники», Facebook, Instagram, Twitter, «Мой Мир», LiveJournal и др.)	58	20	20	1
9	2	Сохранять, копировать и архивировать файлы на компьютере/ноутбуке/ телефоне	57	18	26	1
10	3	Работать с текстами в текстовом редакторе (Microsoft Office Word, Open Office Writer или в др.)	48	18	33	1
11	3	Работать с антивирусами и другими средствами защиты информации (выбор, настройка, проверка файлов, чистка и т.д.)	37	27	35	1
12	3	Работать с электронными таблицами (Microsoft Excel, Open Office Calc или др.)	38	23	38	1
13	3	Размещать файлы, документы в интернете (в облачных хранилищах — Google Disc, Облако Mail и т.п.)	37	23	38	2
14	4	Устанавливать и настраивать программное обеспечение (на компьютер, мобильный телефон и т.д.)	32	27	41	1
15	4	Редактировать фотографии, изображения (при помощи Adobe Photoshop или применения необходимых фильтров в телефоне/на компьютере)	30	29	39	1

№	Квар- тиль	Компетенция	Высокие оценки («5» или «4»), %	Низкие оценки («3» или «2»), %	Отсутствие компетен- ций (оценка «1»), %	Затруд- няюсь ответить
16	4	Готовить презентации (например, в Microsoft Power Point, Open Office Impress, Prezi или др.)	29	23	46	2
17	4	Делать монтаж видео на телефоне / ноутбуке, компьютере	22	30	47	1

* Здесь и далее из-за округления сумма приведенных значений может не давать 100 %.

В первый квартиль с высоким уровнем самооценки вошли две компетенции, связанные с цифровыми изображениями и видео, и три компетенции из группы информационно-коммуникационных. Делать цифровые фотографии умеют 87 % респондентов, причем 71 % оценивают свои навыки в этой области достаточно высоко (выбраны оценки «4» или «5»). Снимают видео 85 %, в том числе на четверку или пятерку — 67 %. Обратим внимание, что две из четырех компетенций, относящихся к работе с цифровыми изображениями, вошли в четвертый квартиль с низким уровнем самооценки, причем монтаж видео занимает в общем списке последнее, 17-е место. Совсем не владеют этими компетенциями, соответственно, 39 % и 47 % россиян, владеют на высоком уровне всего 30 % и 22 % соответственно

Три из пяти компетенций первого квартиля носят информационно-коммуникационный характер. С поиском информации в интернете уверенно справляются 7 из 10 опрошенных, не умеют работать с поисковиками 15%. Мессенджерами пользуются 81 % респондентов, в том числе 64 % — уверенно. Наконец, трое из пяти участников исследования высоко оценивают свои навыки работы с электронной почтой.

Второй квартиль составили компетенции с уровнем владения выше среднего. Все они представляют разные группы. Первую строку в квартиле и шестую в общем списке занимает использование цифровых финансовых инструментов. Высоко оценили свои навыки в данной области 60 % взрослых россиян — ровно столько же, сколько и в случае с электронной почтой. Работа со сканером и принтером (доля уверенных пользователей — 58%) оказалась выше всего среди офисных компетенций, а администрирование файлов на компьютере (уверенных пользователей — 57%) — среди административно-технических навыков. Между ними, на восьмой позиции в общем списке, расположилась компетенция в сфере использования социальных сетей. Уровень владения ею россияне оценили ниже всего среди позиций, входящих в информационно-коммуникационный блок (пользуются — 78 %, на высоком уровне — 58%).

Компетенции с уровнем владения ниже среднего вошли в третий квартиль. Это работа с двумя офисными приложениями — текстовыми редакторами и электронными таблицами, а также две административно-технические компетенции — использование средств защиты информации и размещение файлов в облачных хранилищах. С MS Word и аналогами хорошо умеют работать 48 %, с MS Excel и аналогами — 38 %. Совсем не умеют пользоваться приложениями такого рода,

соответственно, 33% и 38% респондентов. Заметим, что еще одно распространенное офисное приложение — работа со слайдами — оказалось в общем списке на предпоследнем, 16 месте. С ним уверенно работают всего 29% опрошенных, совсем не работают — 46%. Если же вернуться к двум оставшимся позициям третьего квартиля, уверенно пользуются антивирусами и размещают файлы в интернете по 37% участников опроса.

Наконец, в четвертом квартиле с низким уровнем владения, наряду с тремя компетенциями, упомянутыми выше, также оказалась установка и настройка программного обеспечения. С решением этой задачи взрослые россияне, по собственной оценке, испытывают наибольшие проблемы из числа административно-технических. Впрочем, делать это в той или иной мере могут почти трое из пяти респондентов, а уверен в своих силах каждый третий.

Перейдем к рассмотрению самооценок уровня владения цифровыми компетенциями в подгруппе работающих россиян. Таких в выборке было выявлено 790, то есть 49% от общего числа опрошенных. Соответствующие показатели отражены в таблице 2.

Таблица 2. Субъективная оценка уровня владения цифровыми компетенциями взрослыми работающими россиянами (% , n = 790)

№	Квартиль	Компетенция	Высокие оценки («5» или «4»), %	Низкие оценки («3» или «2»), %	Отсутствие компетенций (оценка «1»), %	Затрудняюсь ответить
1	1	Фотографировать на телефон или другой гаджет	83	12	4	0
2	1	Искать информацию в Интернете («Яндекс», Google, Bing и др.)	86	10	5	0
3	1	Снимать видео на телефон/камеру или другой гаджет	81	14	5	0
4	1	Переписываться/совершать звонки в мессенджерах (Telegram, WhatsApp, Viber, Skype, Microsoft Teams или др.)	79	14	7	0
5	1	Пользоваться электронной почтой	76	13	11	0
6	1	Сканировать, распечатывать документы, изображения при помощи принтера, сканера	75	13	12	0
7	1	Проводить финансовые операции в интернете и/или через мобильный банк (оплачивать покупки, счета, переводить деньги и т. д.)	73	17	10	0
8	1	Сохранять, копировать и архивировать файлы на компьютере/ноутбуке/телефоне	72	17	11	0
9	2	Пользоваться социальными сетями («ВКонтакте», «Одноклассники», Facebook, Instagram, Twitter, Мой Мир, LiveJournal и др.)	71	17	11	0

№	Квартиль	Компетенция	Высокие оценки («5» или «4»), %	Низкие оценки («3» или «2»), %	Отсутствие компетенций (оценка «1»), %	Затрудняюсь ответить
10	2	Работать с текстами в текстовом редакторе (Microsoft Office Word, Open Office Writer или в др.)	62	20	18	0
11	3	Работать с электронными таблицами (Microsoft Excel, Open Office Calc или др.)	52	25	22	0
12	3	Работать с антивирусами и другими средствами защиты информации (выбор, настройка, проверка файлов, чистка и т. д.)	49	31	20	0
13	3	Размещать файлы, документы в Интернете (в облачных хранилищах — Google Disc, Облако Mail и т. п.)	47	29	24	1
14	4	Устанавливать и настраивать программное обеспечение (на компьютер, мобильный телефон и т. д.)	42	31	27	0
15	4	Редактировать фотографии, изображения (при помощи Adobe Photoshop или применения необходимых фильтров в телефоне/на компьютере)	38	34	28	0
16	4	Готовить презентации (например, в Microsoft Power Point, Open Office Impress, Prezi или других)	39	28	32	1
17	4	Делать монтаж видео на телефоне/ноутбуке, компьютере	28	36	34	1

Средние оценки в данной подгруппе по всем 17 показателям выше по сравнению с оценками по всей выборке; разница в среднем составляет 0,5 балла. Очередность компетенций при сортировке по среднему баллу изменилась следующим образом: поменялись местами позиции 6 и 7 (работающие респонденты оценили выше навыки работы с принтером и сканером, чем проведения цифровых финансовых операций), а также 8 и 9 (работа с файлами у работающих респондентов оказалась выше, чем пользование социальными сетями).

Более существенные изменения произошли в содержании кластеров. В данном случае в первый кластер попали не пять, а восемь компетенций: добавились сканирование и распечатывание документов, цифровые финансовые операции и работа с файлами. Работа с текстами в текстовых редакторах переместилась из третьего квартиля во второй. Состав компетенций четвертого квартиля не изменился. Другими словами, у работающих респондентов расширенные группы цифровых компетенций с высокой самооценкой.

Итак, среди работающих россиян и общий уровень оценок, и все средние оценки выше, чем в целом по выборке. Рост оценок примерно в равной степени ха-

рактерен для всех групп компетенций. При этом растет количество компетенций, уровень владения которыми оценивается выше среднего либо высоко.

Кластеризация россиян по уровню цифровых компетенций

Перейдем к рассмотрению группировки респондентов в зависимости от уровня самооценки владения цифровыми компетенциями. Она была получена в результате кластерного анализа методом *k*-средних. Мы выделили четыре кластера, характеристика которым дается ниже.

Доля респондентов с высокой самооценкой уровня цифровых компетенций оказалась самой высокой, составив 32%. На втором месте по численности кластер россиян с самооценкой выше среднего — 30%. Доля участников исследования, оценивающих свои цифровые компетенции ниже среднего, равна 18%. Наконец, в 21% случаев самооценка изучаемых умений и навыков оказалась низкой (см. табл. 3).

Таблица 3. Сводные данные о кластерах респондентов с различной самооценкой уровня цифровых компетенций

№	Название кластера	Доля, %	Средний возраст, лет	Доля мужчин, %	Доля работающих, %
1	ВЫСОКАЯ самооценка уровня цифровых компетенций	32	36	47	71
2	Самооценка уровня цифровых компетенций ВЫШЕ СРЕДНЕГО	30	45	45	59
3	Самооценка уровня цифровых компетенций НИЖЕ СРЕДНЕГО	18	54	47	45
4	НИЗКАЯ самооценка уровня цифровых компетенций	21	64	38	18

Уровень самооценки цифровых компетенций снижается с возрастом. В кластерах с более высокой самооценкой выше доля работающих респондентов, что согласуется со сделанным выше наблюдением, согласно которому работающие граждане оценивают свои компетенции выше, чем неработающие. Соотношение мужчин и женщин в трех кластерах из четырех примерно одинаковое и близкое к соотношению по выборке в целом. Статистически значимое смещение в сторону женщин наблюдается только в кластере с низкой самооценкой, их доля в этой группе равна 62%.

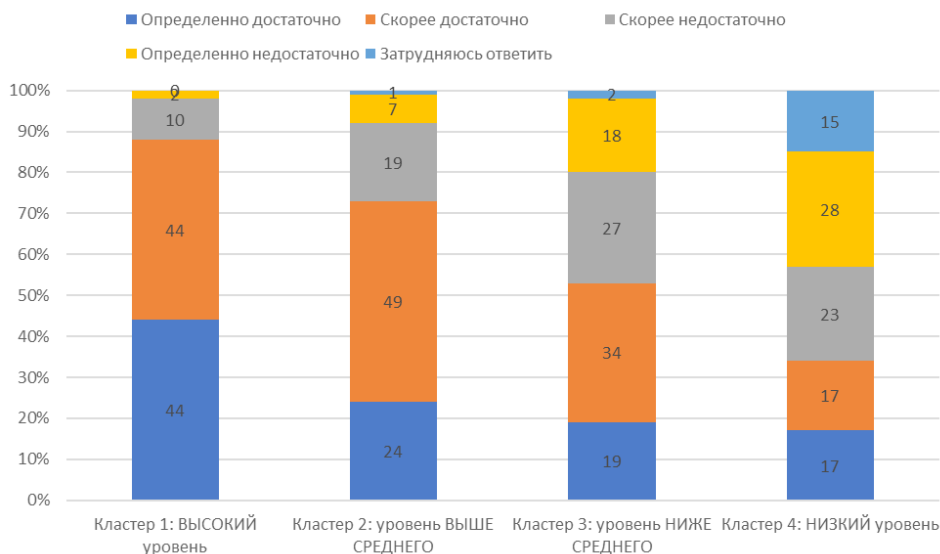
Для определения уровня удовлетворенности россиян своими цифровыми компетенциями в анкету был включен вопрос со следующей формулировкой: «Лично Вам в целом достаточно тех навыков работы на компьютере / ноутбуке / телефоне, которыми Вы обладаете, или недостаточно?» Примерно двое из трех опрошенных ответили на него утвердительно, причем 28% выбрали вариант «определенно достаточно», а 38% — «скорее достаточно». В то же время 30% дали отрицательный ответ. Из них 18% полагают, что им скорее недостаточно имеющихся навыков работы на компьютере, ноутбуке и телефоне, тогда как 12% указали альтернативу

«определенно недостаточно». Оставшиеся 4% респондентов затруднились ответить на вопрос.

Распределение ответов зависит от возраста респондентов — в младших группах удовлетворенность цифровыми компетенциями выше, чем в старших. Для россиян в возрасте от 18 до 24 лет суммарная доля ответивших «определенно достаточно» и «скорее достаточно» составляет 82%, тогда как для возрастной группы от 60 лет и старше — 48%. Среди сельских жителей данный параметр составляет 57%; данное значение не только ниже среднего по выборке, но и уступает значениям показателей для других типов населенных пунктов (см. табл. 4).

Таблица 4. Распределение ответов на вопрос: «Лично Вам в целом достаточно тех навыков работы на компьютере/ноутбуке/телефоне, которыми Вы обладаете или недостаточно?» в различных возрастных группах, %

	Определенно достаточно	Скорее достаточно	Скорее недостаточно	Определенно недостаточно	Затрудняюсь ответить
18—24 года	36	46	16	1	1
25—34 года	37	43	16	4	0
35—44 года	35	46	12	6	1
45—59 лет	21	39	22	16	2
60 лет и старше	22	26	22	20	10

Рисунок 1. Удовлетворенность уровнем цифровых компетенций в различных кластерах респондентов, %

Общая удовлетворенность уровнем цифровой грамотности вполне ожидаемо находится в зависимости от принадлежности к тому или иному кластеру: чем выше у респондентов самооценка уровня цифровых компетенций, тем выше удовлетворенность ими (см. рис. 1).

Отношение взрослых россиян к удаленной работе во время пандемии COVID-19

Измерение цифровых компетенций взрослых россиян, результаты которого рассматриваются выше, проводилось в особых условиях. Конец апреля 2020 г. — период наиболее жестких мер по ограничению непосредственного межличностного взаимодействия граждан, предпринятых правительством России с целью сдерживания распространения COVID-19. Коротко напомним хронологию событий. Всемирная организация здравоохранения официально объявила начало пандемии 11 марта 2020 г. К концу этого месяца в стране были закрыты границы и для россиян, и для зарубежных граждан. Со 2 марта президент России объявил период нерабочих дней; одним из последствий введения этого особого режима стал массовый переход граждан на удаленную работу; то есть по месту проживания. Поэтапное снятие ограничений началось с 11 мая. Таким образом, полевые работы нашего исследования пришлось на заключительную часть периода, когда ограничения действовали в полной мере и сроки их отмены еще не были объявлены.

Опрос показал, что на удаленную работу перешли 16% взрослых россиян, причем 9% — полностью, а 7% — частично. Кроме того, 27% респондентов продолжали работать в офисе или на предприятии, а 2% работали из дома до начала пандемии и связанных с ней социальных ограничений. Всего по состоянию на 30 апреля доля работающих россиян среди взрослого населения составляла 46%. Это означает, что переход на «удаленку» коснулся примерно каждого третьего работника.

В группу неработающих — напомним, что таковых было выявлено 54% — вошли и те, кто не работал до введенных ограничений (например, пенсионеры или учащиеся и т. д.), и те, кто утратил возможность работать в новой ситуации (например, в связи с запретом на работу развлекательных и культурных учреждений, предприятий общественного питания и т. д.). Данные, собранные в рамках исследования, не позволяют точно установить количество последних. Известно, однако, что 7% от общего числа участников исследования обозначили свой статус в качестве работающих, при этом также указав, что они не работают в настоящее время. Кроме того, 10% респондентов определили свой статус как «временно неработающие, безработные»; очевидно, что некоторые из них приобрели данный статус в течение последних полутора месяцев перед опросом.

В наибольшей степени переход на удаленную работу коснулся специалистов с высшим образованием. Среди представителей данной категории, занятых в бюджетной сфере, доля работавших во время пандемии из дома составила 60%, причем 47% перешли на данный режим полностью, а 13% — частично. Для специалистов с высшим образованием, которые трудятся в коммерческом секторе, данный показатель оказался на 9% ниже. Показатели перешедших на «удаленку»

полностью и частично составили, соответственно, 29% и 22%. Ожидаемо высокий показатель был получен для бизнесменов, предпринимателей. В этой группе режим работы изменился у 30% опрошенных. При этом необходимо отметить, что 8% из данной группы указали, что работали удаленно до начала пандемии. Среди жителей Москвы и Санкт-Петербурга работали во время пандемии дома 29%, в городах-миллионниках (исключая два мегаполиса) — 21%, а на селе — всего 10%.

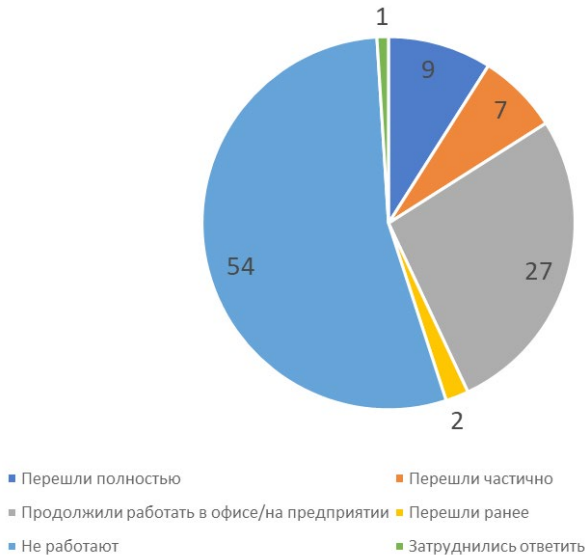

Рисунок 2. Распределение ответов на закрытый вопрос:

«В настоящее время в связи с объявлением пандемии коронавируса в мире некоторые компании и предприятия в нашей стране полностью или частично перевели сотрудников на удаленную работу из дома. Если Вы в настоящее время работаете, то в каком режиме?»
(% от всех опрошенных, $n = 1600$)

Работа, выполняемая на компьютерах и других цифровых устройствах, принадлежит к числу слабо зависящих от места нахождения исполнителя, если таковая зависимость вообще существует. Логично предположить, что люди, профессиональная деятельность которых каким-либо образом связана с информационно-коммуникационными технологиями, с одной стороны, выше среднего оценивают свои цифровые компетенции, а с другой стороны, во время пандемии более активно переходили на дистанционный режим работы. Полученные нами данные свидетельствуют о том, что среди респондентов с высокой самооценкой уровня владения цифровыми компетенциями показатели перехода на дистанционную работу оказались выше. Действительно, в первом кластере (высокая самооценка) доля перешедших на удаленную работу составила 28%, во втором (выше среднего) — 17%, в третьем (ниже среднего) — 9%, в четвертом (низкая) — 3%.

Негативный эмоциональный фон, сопровождавший пандемию весной 2020 г., был зафиксирован многими исследованиями общественного мнения (см., на-

пример, [Логинов, 2020; Социологический антикризисный центр, 2020]⁴ и др.). В рамках нашего исследования были получены следующие показатели отношения работающих дистанционно к этому опыту: отрицательное отношение высказали 61 % представителей данной группы, положительное — 36 %.

Сторонники обеих точек зрения представили свои аргументы. В пользу дистанционной работы свидетельствуют экономия времени на дорогу (31 %), гибкий график и возможность самостоятельно распоряжаться временем (26 %). В числе других высказанных аргументов: более комфортная обстановка дома, высвобождение свободного времени при такой организации труда, более высокий уровень безопасности, возможность присматривать за детьми и работать на собственном компьютере, экономия денег и др. (см. рис. 3).

Рисунок 3. Распределение ответов на открытый вопрос: «Почему Вам нравится удаленный режим работы (из дома)?» (до трех ответов, % от тех, кому нравится работать удаленно, n = 107)

Противники работы из дома в трех случаях из десяти утверждают, что их работа требует прямого контакта с людьми, поэтому в полной мере выполнять свои функции в дистанционном режиме они не могут. 15 % представителей данной группы указывают на то, что дома им сложно сосредоточиться. По мнению 11 % опрошенных, полноценно работать на «удаленке» невозможно, а каждому десятому респонденту просто надоело сидеть дома. Также 8 % участников исследования не симпатизируют удаленному режиму из-за увеличения объема работы, 7 % — из-за сложностей совмещения рабочего и частного пространства, столько же — по причине плохой интернет-связи или недостаточно мощного компьютера (см. рис. 4).

⁴ См. также: Режим самоизоляции: ожидания, мотивы, оценка введенных ограничений (2020) Аналитический отчет // ВЦИОМ. 2020. 27 апреля. URL: <https://wciom.ru/analytical-reports/analiticheskii-doklad/rezhim-samoizolyaczi-ozhidaniya-motivy-ocenka-vvedennykh-ogranichenij> (дата обращения: 28.02.2021).

Рисунок 4. Распределение ответов на открытый вопрос: «Почему Вам не нравится удаленный режим работы (из дома)?» (до трех ответов, % от тех, кому не нравится работать удаленно, n = 180)

Цифровые компетенции россиян, перешедших на удаленную работу

Рассмотрим показатели цифровых компетенций среди респондентов, которые во время пандемии перешли на удаленную работу (см. табл. 5).

Таблица 5. Субъективная оценка уровня владения цифровыми компетенциями взрослыми россиянами, перешедшими на удаленную работу во время пандемии COVID-19 (% , n = 262)

№	Квартиль	Компетенция	Высокие оценки («5» или «4»), %	Низкие оценки («3» или «2»), %	Отсутствие компетенций (оценка «1»), %	Затрудняюсь ответить
1	1	Искать информацию в интернете («Яндекс», Google, Bing и др.)	87	10	2	0
2	1	Фотографировать на телефон или другой гаджет	91	6	2	0
3	1	Пользоваться электронной почтой	87	9	4	0
4	1	Снимать видео на телефон/камеру или другой гаджет	87	7	3	0
5	1	Переписываться/совершать звонки в мессенджерах (Telegram, WhatsApp, Viber, Skype, Microsoft Teams или др.)	87	8	6	0

№	Кварталь	Компетенция	Высокие оценки («5» или «4»), %	Низкие оценки («3» или «2»), %	Отсутствие компетенций (оценка «1»), %	Затрудняюсь ответить
6	1	Сканировать, распечатывать документы, изображения при помощи принтера, сканера	83	11	5	0
7	1	Сохранять, копировать и архивировать файлы на компьютере/ноутбуке/телефоне	78	14	8	0
8	1	Работать с текстами в текстовом редакторе (Microsoft Office Word, Open Office Writer или в др.)	83	9	7	0
9	1	Проводить финансовые операции в интернете и/или через мобильный банк (оплачивать покупки, счета, переводить деньги и т.д.)	74	16	8	0
10	2	Пользоваться социальными сетями («ВКонтакте», «Одноклассники», Facebook, Instagram, Twitter, «Мой Мир», LiveJournal и др.)	79	14	9	1
11	2	Работать с электронными таблицами (Microsoft Excel, Open Office Calc или др.)	69	22	9	0
12	3	Размещать файлы, документы в Интернете (в облачных хранилищах — Google Disc, Облако Mail и т.п.)	55	29	16	2
13	3	Работать с антивирусами и другими средствами защиты информации (выбор, настройка, проверка файлов, чистка и т.д.)	59	23	16	0
14	3	Готовить презентации (например, в Microsoft Power Point, Open Office Impress, Prezi или др.)	56	25	20	0
15	3	Устанавливать и настраивать программное обеспечение (на компьютер, мобильный телефон и т.д.)	45	34	19	0
16	4	Редактировать фотографии, изображения (при помощи Adobe Photoshop или применения необходимых фильтров в телефоне/на компьютере)	54	25	21	0
17	4	Делать монтаж видео на телефоне/ноутбуке, компьютере	35	38	26	1

В первую очередь обратим внимание на высокий уровень оценок цифровых компетенций среди россиян, перешедших на удаленную работу. Средний балл в данном случае оказался равен 4,0, тогда как для работающих россиян его значение составило 3,6, а для всех взрослых россиян — 3,1. Как и при сравнении всех взрослых и работающих россиян, более высокие оценки у перешедших на «уда-

ленку» в сравнении с двумя другими вышеуказанными группами наблюдаются по всем 17 параметрам.

Сравнивая данные в таблицах 2 и 4, отметим изменения как в очередности компетенций в общем списке, так и в составе квартилей. У россиян, перешедших на удаленную работу, первую строчку занимает поиск информации в интернете, сместивший на вторую позицию цифровое фотографирование. Всего в первый квартиль попали девять компетенций — по сравнению с данными по всем работающим прибавилась работа с текстовыми редакторами, переместившаяся из второго квартиля. В свою очередь, во второй квартиль из третьего переместились электронные таблицы, а в третий из четвертого — установка и настройка программного обеспечения, а также подготовка электронных презентаций. В результате во втором квартиле остались две позиции, в третьем — четыре, в четвертом — две, причем обе связаны с работой с изображениями и видео.

Дискуссия

Беспокойство о собственном здоровье и здоровье близких во время пандемии наложило на неопределенность и нестабильность ситуации, а также жесткие, хотя и необходимые социальные ограничения. Переход на удаленную работу, ставший вынужденной и часто принудительной мерой, одновременно стал благоприятной возможностью для пересмотра места и роли цифровых технологий в профессиональной деятельности. Пандемия заставила многих работодателей и работников оперативно пересмотреть существующие процессы и договоренности, попробовать их изменить для адаптации к текущим условиям. Вынужденный социальный эксперимент, проведенный без должной подготовки, тем не менее продемонстрировал жизнеспособность модели работы из дома, показав некоторые ее преимущества.

Резюмируя полученные в ходе исследования результаты, прежде всего охарактеризуем природу использованных индикаторов. Самооценка компетенций, полученная в рамках массового опроса, заведомо носит субъективный характер, поскольку опирается на внутренние представления и критерии респондента, связанные с их содержанием и освоением. Фактически это показатели адаптированности пользователей к различным элементам информационно-коммуникационной среды. При этом нижний балл свидетельствует об отсутствии у респондента знаний, умений и навыков в определенной области.

Исследование показывает, что трудовая деятельность — важный фактор адаптации пользователей к цифровой среде. Наибольший уровень адаптации при этом демонстрируют специалисты с высшим образованием. Именно эта категория россиян оказалась наиболее активной при переходе на удаленную работу в условиях пандемии. Снижение социальной активности в старших возрастных группах, в том числе в связи с выходом на пенсию, снижает мотивацию по поддержанию цифровых компетенций в соответствии с уровнем развития цифровых систем. Отметим в целом высокую удовлетворенность опрошенных пользователей своими компетенциями, которая свидетельствует не столько о развитости компетенций, сколько об адаптированности к существующему уровню цифровой инфраструктуры.

Наиболее массовыми стали компетенции, связанные с использованием информационно-коммуникационных инструментов, — уровень владения всеми из них,

за исключением отчасти социальных сетей, весьма высокий. Также к числу массовых относится компетенция использования цифровых финансовых инструментов, развитие которой у широких слоев населения стимулируется и государством, и банковским сектором. Более сегментированным, связанным с определенными профессиональными ролями, является использование цифровых офисных приложений и оборудования. Хуже всего развиты навыки и умения, связанные с техническим администрированием цифрового оборудования.

Особо отметим ситуацию, связанную с компетенциями в сфере цифровых изображений, этих инструментов персональной памяти и в то же время все более активно используемых средств сетевых коммуникаций. Россияне высоко вовлечены в процессы, связанные с производством пользовательского визуального и аудиовизуального контента; фото- и видеосъемка глубоко интегрированы в многочисленные и разнообразные повседневные практики. С другой стороны, сущность этих практик связана в первую очередь с технически опосредованными переживаниями, предполагающими съемку и рассылку или, в некоторых случаях, следующую через короткое время публикацию снятого контента в социальных сетях. Другими словами, основной смысл пользовательских фото- и видеоматериалов реализуется в момент съемки и связан с формированием позиции снимающего — наблюдателя за событиями из собственной жизни. Общепринятые практики не предполагают значимых усилий по обработке и хранению контента, что говорит об их слабой проработанности. Общие тенденции, однако, свидетельствуют о постоянном усложнении коммуникаций с использованием статичных и динамичных изображений на специализированных платформах, таких как YouTube, Instagram, TikTok и др. Исходя из этого выскажем предположение, что продвинутые компетенции в сфере работы с цифровыми изображениями в ближайшее время станут сильным коммуникационным преимуществом, а также главным направлением развития и саморазвития для широкого круга пользователей.

Выводы

Переход на дистанционную работу во время пандемии COVID-19 в той или иной степени затронул около трети работающих россиян, преимущественно квалифицированных специалистов, работающих в бюджетной и коммерческой сферах. Опыт работы в режиме самоизоляции оценивается ими скорее негативно, хотя респонденты видят определенные преимущества в такой организации трудовой деятельности.

Работающие респонденты в среднем оценивают свои цифровые компетенции выше, чем неработающие, а перешедшие на удаленную работу — выше, чем не перешедшие. Большинство россиян удовлетворены имеющимся у них уровнем цифровой грамотности, а переход на удаленную работу не потребовал существенных усилий по его повышению.

Список литературы (References)

Букхорст А. Медиа- и информационная грамотность и ее «подруги» // Медиа- и информационная грамотность в обществах знания / сост. Кузьмин Е. И., Парша-

кова А. В. М.: МЦБС, 2013. С. 35—44. URL: http://www.ifapcom.ru/files/News/Images/2013/mil_int_rus.pdf (дата обращения: 28.02.2021).

Boekhorst A. (2013) (M)IL and Its Kind. In: Kuzmin E. I., Parshakova A. V. (eds.) *Media and Information Literacy for Knowledge Societies*. Moscow: MCBS. P. 35—44. URL: http://www.ifapcom.ru/files/News/Images/2013/mil_int_rus.pdf (accessed: 28.02.2021). (In Russ.)

Давыдов С. Г., Логунова О. С., Шариков А. В. Цифровая грамотность российских регионов: индустриальный взгляд // XVII Апрельская международная научная конференция по проблемам развития экономики и общества: в 4 кн. / отв. ред. Ясин Е. Г. Кн. 3. М.: Издательский дом НИУ ВШЭ, 2017. С. 238—246.

Davydov S. G., Logunova O. S., Sharikov A. V. (2017) Digital Literacy in Russian Regions: An Industrial View. In: Yasin E. G. (ed.) *XVII April International Academic Conference on Economic and Social Development: in 4 volumes*. Vol. 3. Moscow: NRU HSE Publishing House. P. 238—246. (In Russ.)

Индекс цифровой грамотности. М.: РОЦИТ: НИУ ВШЭ: ВЦИОМ, 2015. URL: https://wciom.ru/fileadmin/file/reports_conferences/2015/2015-12-21-rocit.pdf (дата обращения: 28.02.2021).

Index of Digital Literacy (2015) Moscow: ROTSIT, NRU HSE, VCIOM. URL: https://wciom.ru/fileadmin/file/reports_conferences/2015/2015-12-21-rocit.pdf (accessed: 28.02.2021). (In Russ.)

Кузнецова А. Значение профилактики компьютерной аддикции у младших школьников // Герценовские чтения. Начальное образование. 2010. Т. 1. № 2. С. 181—187. Kuznetsova A. (2010) The Importance of Preventing Computer Addiction among Younger Schoolchildren. *Herzen Readings. Primary Education*. Vol. 1. No. 2. P. 181—187. (In Russ.)

Логинов Д. М. Социальное самочувствие российского населения в период острой фазы эпидемиологического кризиса // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2020. № 6. С. 470—487. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.6.1708>.

Loginov D. M. (2020) Social Well-Being of the Russian Population During the Acute Stage of the Epidemiological Crisis. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes Journal*. No. 6. P. 470—487. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.6.1708> (In Russ.)

Солдатова Г. У., Нестик Т. А., Рассказова Е. И., Зотова Е. Ю. Цифровая компетентность подростков и родителей: результаты всероссийского исследования. М.: Фонд развития Интернет, 2013. URL: <https://ifap.ru/library/book536.pdf> (дата обращения: 28.02.2021).

Soldatova G. U., Nestik T. A., Rasskazova E. I., Zotova E. J. (2013) Digital Competence of Adolescents and Parents: Results of the All-Russian Study. Moscow: Internet Development Fund. URL: <https://ifap.ru/library/book536.pdf> (accessed: 28.02.2021). (In Russ.)

Социологический антикризисный центр. Сводка № 1. 06.04.2020. М.: ОМІ, Платформа. URL: http://sociocrisis.ru/files/sac_report_01.pdf (дата обращения: 28.02.2021).

Sociological Anti-Crisis Center (2020) Summary No. 1. April 6. Moscow: OMI, Platforma. URL: http://sociocrisis.ru/files/sac_report_01.pdf (accessed: 28.02.2021). (In Russ.)

Цифровая грамотность для экономики будущего. М. : Аналитический центр НАФИ, 2018.

Digital Literacy for the Future Economy. (2018) Moscow: Analytical Center NAFI.

Цифровая грамотность российских педагогов. Готовность к использованию цифровых технологий в учебном процессе. М. : Аналитический центр НАФИ, 2019.

Digital literacy of Russian Teachers. Readiness to Use Digital Technologies in the Educational Process (2019) Moscow: Analytical Center NAFI.

Шариков А. В. О четырехкомпонентной модели цифровой грамотности // Журнал исследований социальной политики. 2016. Т. 14. № 1. С. 87—98.

Sharikov A. V. (2016) Digital Literacy: A Four-Component Model. *The Journal of Social Policy Studies*. Vol. 14. No. 1. P. 87—98. (In Russ.)

Шваб К. Четвертая промышленная революция. М. : Эксмо, 2016.

Schwab K. (2016) *The Fourth Industrial Revolution*. М. : Eksmo. (In Russ.)

Экономика Рунета: Экосистема цифровой экономики России 2017. М. : Ассоциация электронных коммуникаций, 2018. URL: https://raec.ru/upload/files/de-itogi_booklet.pdf (дата обращения: 28.02.2021).

Runet Economy: The Ecosystem of the Digital Economy of Russia 2017 (2018). Moscow: Association for Electronic Communications. URL: https://raec.ru/upload/files/de-itogi_booklet.pdf (accessed: 28.02.2021). (In Russ.)

Davydov S., Logunova O., Maltseva D., Sharikov A., Zadorin I. (2020) Digital Literacy Concepts and Measurement. In: Davydov S. (ed.) *Internet in Russia: A Study of the Runet and Its Impact on Social Life*. Cham: Springer. P. 103—120.

Gere C. (2002) *Digital Culture*. London: Reaktion Books.

Rifkin J. (2011) *The Third Industrial Revolution: How Lateral Power Is Transforming Energy, the Economy, and the World*. New York, N.Y.: St. Martin's Press.

Tapscott D. (1995) *The Digital Economy: Promise and Peril in the Age of Networked Intelligence*. New York, N.Y.: McGraw-Hill.

DOI: [10.14515/monitoring.2021.2.1919](https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.2.1919)

А. В. Сапонова, И. В. Задорин

**«ХОРОШИМИ ДЕЛАМИ ПРОСЛАВИТЬСЯ НЕЛЬЗЯ»:
ПРОБЛЕМЫ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ В СМИ
ДЕЯТЕЛЬНОСТИ НЕКОММЕРЧЕСКОГО СЕКТОРА
ВО ВРЕМЯ ПАНДЕМИИ COVID-19 В РОССИИ**

Правильная ссылка на статью:

Сапонова А. В., Задорин И. В. «Хорошими делами прославиться нельзя»: проблемы репрезентации в СМИ деятельности некоммерческого сектора во время пандемии COVID-19 в России // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2021. № 2. С. 423—444. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.2.1919>.

For citation:

Saponova A. V., Zadorin I. V. (2021) “One Cannot be Famous for Good Deeds”: Media Coverage of Non-Profit Sector Activity During the COVID-19 Pandemic in Russia. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 2. P. 423–444. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.2.1919>. (In Russ.)

«ХОРОШИМИ ДЕЛАМИ ПРОСЛАВИТЬСЯ НЕЛЬЗЯ»: ПРОБЛЕМЫ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ В СМИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ НЕКОММЕРЧЕСКОГО СЕКТОРА ВО ВРЕМЯ ПАНДЕМИИ COVID-19 В РОССИИ

“ONE CANNOT BE FAMOUS FOR GOOD DEEDS”: MEDIA COVERAGE OF NON-PROFIT SECTOR ACTIVITY DURING THE COVID-19 PANDEMIC IN RUSSIA

САПОНОВА Анастасия Владимировна — магистр социологических наук, преподаватель департамента медиа, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия; специалист, Исследовательская группа ЦИРКОН, Москва, Россия
E-MAIL: saponowa@yandex.ru
<https://orcid.org/0000-0002-9393-3509>

Anastasia V. SAPONOVA^{1,2} — Master of Sociological Sciences, Lecturer, School of Media ; Specialist
E-MAIL: saponowa@yandex.ru
<https://orcid.org/0000-0002-9393-3509>

ЗАДОРИН Игорь Вениаминович — руководитель, Исследовательская группа ЦИРКОН, Москва, Россия; старший научный сотрудник Центра комплексных социальных исследований, Институт социологии ФНИСЦ РАН, Москва, Россия
E-MAIL: zadorin@zircon.ru
<https://orcid.org/0000-0002-5597-5441>

Igor V. ZADORIN^{2,3} — Head; Senior Research Fellow, Center for Comprehensive Social Research
E-MAIL: zadorin@zircon.ru
<https://orcid.org/0000-0002-5597-5441>

¹ HSE University, Moscow, Russia

² ZIRCON Research Group, Moscow, Russia

³ Institute of Sociology FCTAS RAS, Moscow, Russia

Аннотация. В статье рассматриваются особенности репрезентации третьего сектора в российских СМИ в период пандемии COVID-19. Исследование выполнено в количественной парадигме ($N = 1535$). Для повышения уровня надежности получаемых данных были применены метод контент-анализа (ручной кодировки) и методы автоматизированного анализа текстов (сетевой анализ и тематическое моделирование). Авторы приходят к выводу, что в современной российской медиасистеме, которая находится под давлением как государственных структур, так и коммерческих интересов, внимание к некоммерческому сектору оказывается фрагментарным и ситуативным. Сектор не представляется как цельный социальный институт, а в фокус внима-

Abstract. The article examines the representation of the non-profit sector in the Russian media during the COVID-19 pandemic. The study was conducted in a quantitative paradigm ($N = 1535$) utilizing the methods of content analysis (hand coding) and automated text analysis (network analysis and topic modeling). The authors claim that in the contemporary Russian media system, that is affected by the pressure from state structures and commercial interests, the media's attention to the non-profit sector is fragmentary and situational. Hence the sector is not represented as a whole social institution, and the media focus on either individual events that affect sensitive topics close to the reader (in the case of COVID-19 urgent and relevant as well) or on well-known public figures affil-

ния медиа попадают либо отдельные события, затрагивающие чувствительные, близкие читателю темы (в случае с COVID-19 еще и актуальные), либо заведомо известные публичные фигуры, аффилированные с сектором. В свою очередь интенсивность освещения деятельности НКО может являться одной из особенностей, характерной для развитых медиасистем. В статье показано, что СМИ регионов с высокими показателями Индекса развития медиасферы чаще освещают деятельность некоммерческого сектора, чем СМИ, представляющие регионы с менее развитыми медиасистемами.

Ключевые слова: некоммерческий сектор, COVID-19, российские медиа, медиасистема, контент-анализ, автоматизированные методы анализа текстов

Благодарность. Исследовательский проект выполнен Исследовательской группой «ЦИРКОН» по заказу Агентства социальной информации (АСИ) при поддержке Благотворительного фонда Владимира Потанина и Фонда президентских грантов в сентябре—октябре 2020 г.

Введение

Проблема освещения деятельности некоммерческих организаций в СМИ — предмет интереса и обсуждения сразу нескольких групп медиасубъектов и институтов. Во-первых, она регулярно и публично обсуждается непосредственными агентами — работниками третьего сектора и журналистами. Во-вторых, проблему можно назвать видимой для государственных структур на региональном уровне¹: в некоторых субъектах Российской Федерации официально существуют механизмы поддержки СМИ, освещающих деятельность социально ориентированных некоммерческих организаций. В качестве стимулов для медиа, уделяющих внимание третьему сектору,

iated with the sector. In turn, the intensity of coverage of the NGOs activities can be one of the features of developed media systems. The article shows that the media of regions with high indicators of the Media Development Index more often cover the activities of the non-profit sector than the media representing regions with less developed media systems.

Keywords: non-profit sector, COVID-19, russian media, content-analysis, media system, automated text analysis methods

Acknowledgments. The research project was conducted by the ZIRCON Research Group commissioned by the Agency for Social Information (ASI) with the support of the Vladimir Potanin Charitable Foundation and the Presidential Grants Fund in September—October 2020.

¹ Освещение работы общественных некоммерческих организаций в СМИ — интервью // Вести-Магадан. 2017. 2 мая. URL: <http://vesti-magadan.ru/vmsn/osveshhenie-raboty-obshhestvennyh-nekommercheskih-organizatsij-v-smi-intervyu> (дата обращения: 24.04.2021).

предлагается как финансовая (чаще всего — грантовая) поддержка, так и более символические формы содействия — например, конкурсы на лучший материал об НКО или публичные мероприятия, способствующие привлечению внимания к этой проблеме. В-третьих, для академического и/или исследовательского круга интерес к вопросу взаимодействия журналистов и НКО лежит в плоскости проблематики общественных функций медиа как в должном, так и фактическом их проявлении.

В период эпидемии COVID-19 нагрузка на некоммерческий сектор существенно увеличилась: часть НКО включились в раздачу средств индивидуальной защиты (СИЗ), адресную доставку продуктов и лекарств, выросло число обращений на линии психологической помощи, при этом сохранялись и привычные, не связанные с пандемией направления работы. В статье рассматривается, каким образом деятельность некоммерческих организаций была представлена в СМИ, какие сегменты сектора были наиболее заметны в информационном пространстве.

Теоретическая рамка

Некоторые исследователи отмечают, что представления россиян о некоммерческом секторе не укоренены в массовом сознании [Skokova, Pape, Krasnopolskaya, 2018], следовательно, они могут сравнительно быстро изменяться под воздействием информационных кампаний. Отчасти поэтому теоретической основой исследований репрезентации некоммерческого сектора (как и любого другого явления/процесса или института) оказывается предпосылка о взаимосвязи транслируемой медиа информации и мнений людей (а впоследствии, возможно, и их действий). Влияние может быть прямым и линейным или, как утверждали сторонники теорий ограниченных эффектов, весьма селективным и обусловленным как личными предпочтениями [Katz, Blumler, Gurevitch, 1973], так и более сложными методами передачи информации, например высказываниями лидеров мнений [Lasarsfeld, Berelson, Gaudet, 1968]. Эта базовая предпосылка о влиянии, оказываемом медиа, на теоретическом уровне, как правило, подкрепляется широко используемой в исследованиях медиа теорией «повестки дня» [McCombs, Shaw, 1972], согласно которой существует зависимость между темами, часто появляющимися в СМИ, и темами, которые население считает важными. Теория получила развитие в концепции «медиафрейминга», в рамках которой исследуется не только тематический набор, но и особенности его репрезентации [Entman, 1993; Ghanem, 1997; Weaver, McCombs, Shaw, 1998]. Такую теоретико-методологическую связку можно назвать довольно распространенной для исследований репрезентаций социальных феноменов, в том числе и образа некоммерческого сектора [Cooley, 2020; Hale, 2007; McDonald, Scaife, 2011].

Помимо перечисленных концепций, в существующих исследованиях присутствия третьего сектора в СМИ берутся за основу нормативные представления, согласно которым информирование о деятельности некоммерческих организаций кажется функцией априорной и преопределенной ориентацией медиа на освещение социальной сферы [Cooley, 2020; Hale, 2007]. В этой парадигме информация об НКО представляется общественным благом как для потребителей (аудитории СМИ), так и самого объекта сообщений. Такая теоретическая рамка, на наш взгляд, создает «идеальный тип» медиаобраза некоммерческого сектора, к которому

применяется некоторый эмпирический материал, а появляющиеся несоответствия проблематизируются.

Безусловной выгодой присутствия некоммерческих организаций в медиапространстве считается повышение уровня осведомленности о данном секторе, что может напрямую влиять на объемы фандрайзинга — эту зависимость подробно изучали на примерах роста собираемых средств в чрезвычайных ситуациях (*emergency fund-raising*) на фоне активной медиакомпания по освещению помощи, оказываемой НКО пострадавшим от природных катастроф [Waters, 2009, 2013; Martin, 2013; Bennett, Kottasz, 2000]. Помимо этого, медийный ресурс открывает возможность создавать коллаборации с известными персонами, что также способствует медийной экспансии сектора [Deacon, 1999; Deacon, Fenton, Walker, 1995; Brown, Minty, 2008]. Образ НКО в СМИ выступает одним из компонентов формирования доверия к ним, что связано уже не только с фандрайзингом, но и созданием определенной репутации среди потенциальных благополучателей, поэтому меры для стимулирования освещения деятельности третьего сектора называются экспертами в качестве первоочередных [Мерсиянова, Беневоленский, 2016].

Однако нынешняя конфигурация российской медиасистемы вряд ли может быть рассмотрена с позиции, где информация об НКО оценивается как безусловное благо. Современный медиарынок России может быть охарактеризован как двойственный: с одной стороны, СМИ находятся под влиянием государства, с другой — вынуждены зарабатывать в коммерческом сегменте [Kiria, 2018]. Дуалистическое устройство не предусматривает сектора общественных СМИ (*public service media*), следовательно, информация в такой медиасистеме не может рассматриваться как общественное благо, а необходимость присутствия третьего сектора в медиаповестке не является самоочевидной препозицией. Для медиасистемы с подобным устройством НКО находятся в «слепой зоне», поэтому освещение деятельности организаций третьего сектора в СМИ должно быть обусловлено либо государственными, либо коммерческими интересами, что потенциально может влиять на их транслируемый медиаобраз.

Методология

Исследование выполнено с использованием двух методов: контент-анализа публикаций в СМИ и последующего автоматизированного анализа текстов, который включал в себя построение облаков терминов и графов («деревьев смыслов»), а также тематическое моделирование. Мы предполагаем, что использование двух методологических подходов к анализу текстов (ручной кодировки и формального анализа) повысит надежность полученных данных [Мавлетова, Лебедев, 2017].

Поиск публикаций в системе мониторинга СМИ и социальных медиа «Медиа-логия» осуществлялся по ключевым словам, включая стоп-слова, которые отфильтровали смежные нерелевантные темы:

«нко*» | «благотворительность*» | «некоммерческ* организац*» | «благотворительн* фонд*» | («пожертвован*» AND NOT «храм*» AND NOT «ржевск*») | «благотвортельн* организац*» | «добровольческ* объединен*» | «!ТОС» | «некоммерческ* сектор*» | «Гринпис*» | «!Greenpeace».

Также был произведен дополнительный мониторинг по упоминаниям 204 благотворительных организаций. Удалось найти даже те публикации, которые не содержали ни одного из ключевых слов, но тематически были релевантны. В результате поиска по ключевым словам было получено 181 933 сообщения.

Далее, в соответствии с критериями релевантности, из массива были удалены следующие источники (первый этап фильтрации):

- сайты государственных учреждений, коммерческих организаций и благотворительных фондов;
- сайты политических партий;
- авторские блоги, персональные страницы;
- иные интернет-страницы, основной направленностью которых не является создание и распространение информации.

Наиболее крупные нерелевантные кластеры источников были удалены из генеральной совокупности публикаций. Таким образом, в выборочную совокупность попали только публикации в газетах, журналах, на радио, ТВ, в интернет-изданиях (сетевых изданиях) и информационных агентствах.

Затем на основе массива в 154 197 источников была сформирована случайная выборка размером в 6 040 публикаций.

На уровне выборочной совокупности (6 040 единиц текстов) каждая публикация отбиралась по соответствию двум критериям (второй этап фильтрации):

- релевантность источника (исключались из анализа нерелевантные ресурсы, которые не были выявлены на первом этапе фильтрации);
- информация о третьем секторе должна быть центральной темой сообщения.

В вычитке текстов на предмет релевантности и их кодировке в соответствии с кодировочным заданием были задействованы двенадцать человек, предварительно прошедших процедуру обучения, работа кодировщиков контролировалась на всем протяжении полевых работ. Проверка закодированного массива осуществлялась следующим образом:

- массив был проверен на наличие логических противоречий;
- проверке были подвергнуты 5 % публикаций, закодированных каждым кодировщиком.

Всего было закодировано 1 535 сообщений из 1 047 СМИ, опубликованных в период с 1 марта по 30 июня 2020 г. Ошибка выборки (признанной случайной бесповторной) не превышает 2,4 %.

Результаты анализа данных

Деятельность НКО освещается СМИ разных уровней и типов (форматов). Так, порядка 68 % публикаций были осуществлены региональными медиа, и только 32 % — общероссийскими. Такие показатели могут свидетельствовать об отсутствии в исследуемый период актуальной политической повестки, связанной с сектором, что привело к относительно слабому интересу к соответствующей тематике со стороны федеральных изданий. Ведущая роль в информировании о деятельности НКО принадлежала интернет-СМИ, на долю которых пришлось 79 % от общего числа анализируемых публикаций. Информационные агентства разместили 14 % материалов, газеты и ТВ — 4 % и 3 % соответственно.

О том, что практика освещения деятельности НКО связана в первую очередь с контекстом городских событий, свидетельствует типология СМИ (см. рис. 1): 46 % сообщений были опубликованы на городских, областных или краевых порталах, 33 % — в общественно-политических медиа, по 6 % приходится на гляцевые издания и СМИ, специализирующиеся на освещении деятельности некоммерческого сектора. Можно предположить, что такая особенность не является специфической российской чертой — результаты анализа британских СМИ также показывают региональную локализацию третьего сектора в медиа [Deason, 1999].

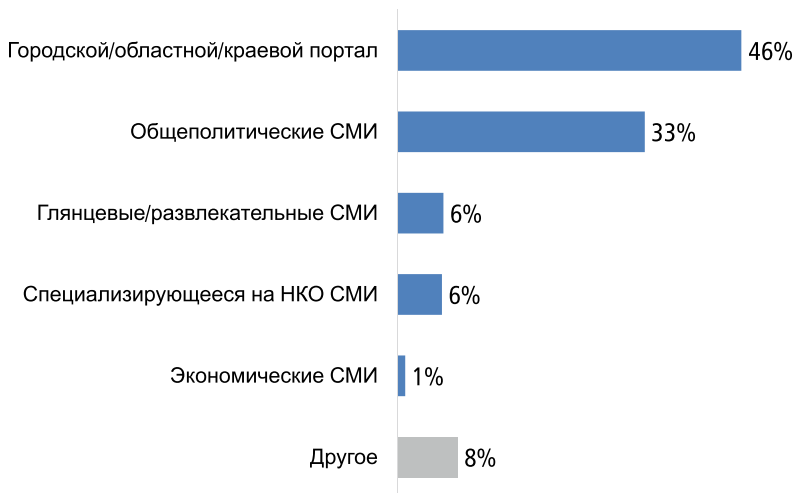

Рис. 1. Профиль СМИ (% от всей выборки)

Среди наиболее крупных источников информации о третьем секторе, относящихся к федеральному уровню, можно выделить АСИ («Агентство социальной информации»), «Московский комсомолец», «Аргументы и факты», «Комсомольскую правду», а также информационные агентства ТАСС и «РИА Новости». Отчасти лидерство данных медиа может обосновываться не особым интересом к некоммерческому сектору, а спецификой обозначенных изданий. ТАСС и «РИА Новости» — крупнейшие поставщики информации, их лидерство по количеству упоминаний можно ожидать в освещении большинства общественно-политических тем. «Московский комсомолец», «Аргументы и факты», «Комсомольская правда»² имеют региональные филиалы, редакции которых производят контент под общим медиабрендом.

Говоря о географическом распределении материалов, отметим три субъекта — Москву, Санкт-Петербург и Свердловскую область, СМИ которых чаще других рассказывали о событиях, происходящих в третьем секторе (см. рис. 2). Тематика НКО также достаточно активно освещалась изданиями Московской области, Республики Дагестан, Республики Татарстан, Краснодарского края и Челябинской области.

² Здесь имеется в виду интернет-версия газеты, а не одноименная радиостанция.

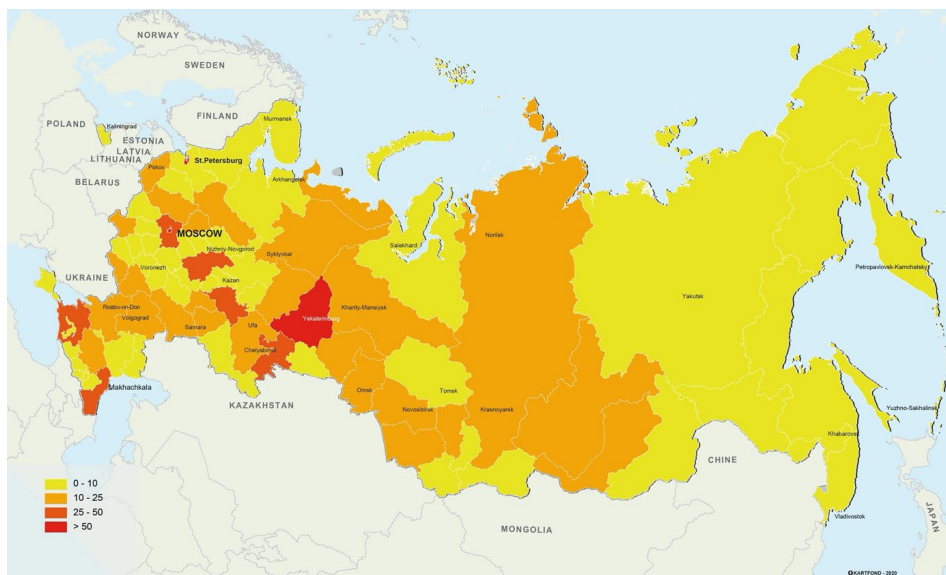

Рис. 2. Карта активности медиа (на основе количества единиц в выборке)³

Согласно полученным данным, медиасистемы всех вышеперечисленных регионов, за исключением Республики Дагестан, можно охарактеризовать как развитые⁴. Таким образом можно предположить, что существует зависимость между уровнем развития медиасистемы и интересом медиа к некоммерческому сектору. Однако на данном этапе сложно сказать, какая из пяти компонент, входящих в медиаиндекс⁵, — состояние инфраструктуры и среды для работы СМИ; влияние стейкхолдеров (бизнеса, власти) на работу СМИ; состояние СМИ (уровень и финансовой и технической обеспеченности) и плотность их распространения; характеристики аудитории и качество контента — способствует повышенному вниманию к деятельности некоммерческого сектора. Активность медиа в Республике Дагестан может быть объяснена высоким числом заразившихся коронавирусом, что вызвало широкую кампанию помощи региону (в том числе некоммерческим организациям, не только оказывавшим поддержку нуждающимся, но и получавшим ее), которая и нашла отражение в местных СМИ.

Большинство текстов имеют *информационный характер*. Так, 87 % из них представляют собой новостные материалы (информационные заметки), 9 % — интервью, еще 4 % — аналитические статьи. Можно предположить, что такое смещение журналистских публикаций в сторону информационных выступает общей характеристикой медиапространства, присущей и другим тематическим пластам.

³ Карта подготовлена Фондом открытой картографии (Картфонд. URL: <https://kartfond.ru>).

⁴ ЦИРКОН, Фонд «Медиастандарт» (2018). Индекс развития медиасферы — 2018. Динамика институционального развития средств массовой информации в субъектах РФ верхнего уровня в 2015—2018 гг. URL: http://www.zircon.ru/upload/iblock/75c/otchet-msindex-2018_final-na-sajt.pdf (дата обращения: 24.04.2021).

⁵ Подробнее о методике расчета индекса см.: URL: <http://www.msindex.ru/wp-content/uploads/2019/01/metodika-2018-na-sajt.pdf> (дата обращения: 17.04.2021).

Порядка 50 % текстов тематически связаны с пандемией. При этом на федеральном и региональном уровнях значения этого показателя значимо различаются. В федеральных СМИ деятельность третьего сектора в контексте COVID-19 освещается в 60 % публикаций, а в медиа регионального уровня — в 46 % материалов.

Различие в редакционной политике и фокусе интереса СМИ разных типов наиболее заметно при учете масштаба деятельности НКО, являющейся предметом сообщения (см. табл. 1). Так, 64 % от всех текстов в региональных медиа освещают работу локальных НКО (на уровне города, села или деревни), в федеральных СМИ к этой тематике обращаются примерно в 2,5 раза реже — в 25 % материалов данной группы.

Таблица 1. Распределение публикаций в зависимости от масштаба деятельности НКО в материалах региональных и федеральных СМИ (% от всей выборки)

Масштаб деятельности НКО, представленной в публикациях	Все СМИ	Региональные СМИ	Федеральные СМИ
Не определен	1	1	2
Международный: работа сразу в нескольких странах	6	3	14
Всероссийский/межрегиональный: работа на уровне страны или нескольких регионов	26	21	37
Локальный: работа на уровне отдельного населенного пункта (города/села)	52	64	25
Другое	15	11	22
Итого	100	100	100

В качестве основного *информационного повода* (см. рис. 3) чаще всего выступают различного рода мероприятия (онлайн-акции, концерты, аукционы, флеш-мобы) — 56 %. Порядка четверти материалов (23 %) посвящены информации о результатах деятельности НКО (например, передача средств или другие формы оказания помощи). В 11 % случаев поводами для публикации стали события, организованные НКО специально для СМИ (пресс-конференции, круглые столы и др.), а также пресс-релизы. Реже встречаются интервью с благополучателями (9 %), сообщения о законодательной деятельности (6 %), репортажи с места оказания помощи (3 %), а также конфликты и скандалы (3 %).

В целом выделить *мероприятие в третьем секторе* (или косвенно связанное с ним), которое стало бы интересным одновременно большому пулу СМИ, довольно трудно. Однако можно отметить события, вызвавшие наибольший резонанс в федеральных медиа. Как показано на рисунке 4, только часть материалов, в которых упоминается третий сектор, имеет непосредственное отношение к деятельности некоммерческих организаций. Обратные примеры — госпитализация учредителя фонда «Вера» Нюты Федермессер или обсуждение сериала «Зулейха открывает глаза», главную роль в котором сыграла Чулпан Хаматова, одна из учредителей и публичное лицо благотворительного фонда «Подари жизнь». Фактически информационным поводом для такого рода публикаций оказывается не сам по себе третий сектор и результаты его работы, а прямо или косвенно связанные с ним публичные фигуры (Н. Федермессер, Л. Аркус, Ч. Хаматова, А. Чубайс, В. Потанин, В. Путин и др.).

Рис. 3. Информационный повод публикаций (% от всей выборки)

Рис. 4. Основные события третьего сектора в медиа⁶

Рассматривая публикации в СМИ в тематическом разрезе (см. рис. 5), отметим, что почти половина из них посвящена оказанию помощи нуждающимся (47%). Второй по заметности тематический пласт связан с участием представителей

⁶ Для каждого события представлена сумма значений «Медиаиндекса», который рассчитывается системой мониторинга СМИ и социальных медиа «Медialogия». С параметрами, на основании которых рассчитывается индекс, можно ознакомиться здесь: <https://www.mlg.ru/about/technologies/#mediaindex> (дата обращения: 17.04.2021).

бизнеса в благотворительной деятельности (18%). Примерно равное количество сообщений посвящено запуску новых сервисов помощи (13%), участию знаменитостей в благотворительной деятельности (11%), государственному регулированию деятельности НКО (10%), а также историям о сотрудниках сектора или благополучателях (9%). Реже всего освещались совместные проекты НКО и СМИ (2%), а также поисково-спасательные работы (1%).

Таким образом, в период пандемии за некоммерческим сектором закрепились роль «социального помощника» государства в чрезвычайной ситуации, в то время как все остальные его функции, например развитие гражданского общества, почти не получили освещения в СМИ.

Рис. 5. Центральная тема публикаций (% от всей выборки)

Среди наиболее заметных сфер деятельности НКО следует отметить благотворительность и поддержку незащищенных категорий граждан (35%), а также здравоохранение (27%) (см. рис. 6). Примерно равное количество материалов посвящено помощи детям (14%), старшему поколению (13%), деятельности в области образования и культуры (15%). Примечательно, что во время пандемии из медиапространства исчез дискурс об «иностранных агентах», который в период с 2012 по 2017 г. доминировал в медиасообщениях о третьем секторе [Мерсиянова, 2017]. Это может свидетельствовать, что новости о НКО предопределяются актуальной общественно-политической повесткой (в разгар пандемии «политика» ушла на второй план).

Основной паттерн некоммерческого сектора как «социального помощника» («социального работника») локализуется на уровне отдельных территориальных

образований (городов и сел). Так, порядка 52 % от общего числа публикаций освещают деятельность НКО на локальном уровне, 26 % — на межрегиональном и всероссийском уровнях, еще 6 % — на уровне международном.

Рис. 6. Сферы благотворительной деятельности НКО, о которых идет речь в публикациях СМИ (% от всей выборки)

Как благополучатели (бенефициары) чаще других упоминаются конкретные люди (59%), в трети случаев (30 %) — институты и организации (см. рис 7). Реже всего в фокус СМИ попадает помощь, которая оказывается сообществам, объединениям или проектным группам.

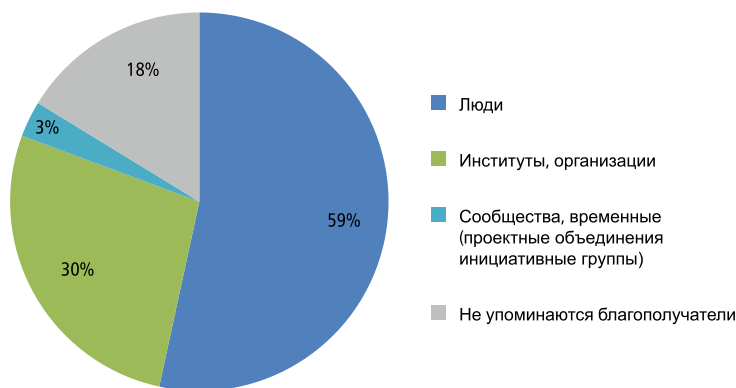

Рис. 7. Основные благополучатели (% от всей выборки)

В качестве основной организационной формы некоммерческого сектора в СМИ представлены фонды, на информацию о них приходится порядка половины всех анализируемых материалов (47 %). В 12 % публикаций речь идет об общественных организациях, в 7 % — об автономных некоммерческих организациях (АНО). Реже всего медиа обращаются к освещению территориального общественного самоуправления (ТОС) — 3 %, а также ассоциаций и союзов — 2 %.

Помимо локальности деятельности НКО, представленной в СМИ, можно отметить ограниченную субъектность («самостоятельность») некоммерческого сектора. Только в 39 % материалов некоммерческие организации представлены как самостоятельные акторы (см. рис. 8). В большинстве случаев деятельность НКО обеспечивается партнерством с более сильными (ресурсными) субъектами. В качестве основных партнеров НКО следует выделить государство (25 %), бизнес (19 %), другие (как правило, более крупные) некоммерческие организации (16 %) и известных личностей (16 %). Наименее заметна в публичном пространстве кооперация НКО с локальными сообществами (5 %) и СМИ (3 %).

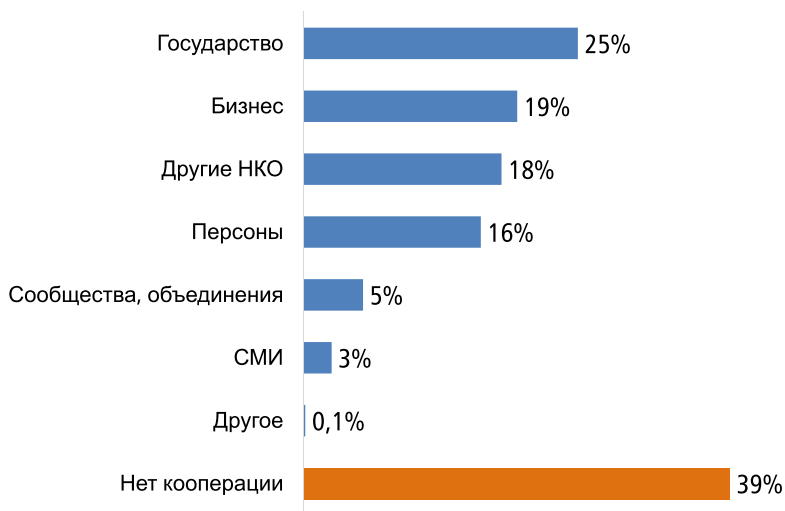

Рис. 8. Субъекты, с которыми кооперировались НКО (% от всей выборки)

В таблице 2 приведены десять наиболее заметных в медиа *регионов деятельности НКО*. Как можно видеть, девять из десяти совпадают с наиболее медиа-активными субъектами РФ (см. рис. 2), за исключением Тюменской области. В целом это может свидетельствовать о том, что СМИ одного региона фокусируются, как правило, на работе местных НКО. Также отметим, что 1/5 материалов СМИ освещает деятельность некоммерческого сектора всероссийского масштаба. В фокус интереса попадают и новости о зарубежных событиях некоммерческого сектора, преимущественно касающихся благотворительности (7 %).

Таблица. 2. Регионы деятельности НКО (% от всех публикаций)

Регион	% от всех
Москва	4
Республика Дагестан	3
Московская область	3
Санкт-Петербург	3
Свердловская область	2
Челябинская область	2
Республика Татарстан	2
Краснодарский край	2
Нижегородская область	2
Тюменская область	2
Россия	19
Другие страны	7

Переходя к вопросу о репрезентации в публикациях экспертизы представителей некоммерческого сектора (см. рис. 9), отметим, что информация от сотрудников НКО содержится примерно в трети материалов (точнее, в 31%), причем в четверти публикаций приводятся их комментарии или пояснения⁷, а в 6% озвучено экспертное мнение. В 70% материалов комментариев или экспертное мнение отсутствуют. Такое распределение может быть следствием, с одной стороны, поточного производства информационных материалов журналистами и отсутствием возможности добавлять комментарии от субъектов НКО, с другой — слабыми коммуникационными связями между журналистами и представителями НКО.

Рис. 9. Представленность экспертизы НКО (% от всей выборки)

⁷ Под комментарием в настоящем исследовании понималась информация, которая поясняется или дополняет журналистский материал. Экспертное мнение же представляет собой анализ и оценку.

Тональность сообщений можно охарактеризовать как преимущественно нейтральную (66%), в 32% публикаций освещение работы сектора имеет выраженно положительный характер. К числу негативных отнесены лишь 1% сообщений, при этом они оцениваются нами как ситуативные и не касаются деятельности сектора напрямую. В качестве примеров негативно окрашенных публикаций можно привести сообщения о принудительных пожертвованиях в Фонд Кадырова⁸ или информацию об отдельных недостатках благотворительной деятельности, которую ведет бизнес⁹.

Результаты формального (автоматизированного) анализа текстов

В данном разделе представлены результаты альтернативного подхода к анализу текстов СМИ¹⁰, реализованного на выборочной совокупности, а именно формального (автоматизированного) анализа текстов, который позволил выделить наиболее часто встречающиеся в текстах слова или лексемы, создать «облака терминов», ключевых (частотных) слов в публикациях, а также определить связи между словами и построить графы (сети) их сочетаемости друг с другом. Данные графы можно назвать специфическими «деревьями смыслов», воспроизводимых в материалах СМИ. С помощью метода тематического моделирования были выделены три основные темы, циркулирующие в изучаемых текстах. Такой вид анализа позволил по-другому посмотреть на исследуемые публикации и определить тематические аспекты, которые не были заранее заданы в кодификаторе контент-анализа.

Тематические детерминанты, описанные выше, прослеживаются в результатах частотного анализа слов¹¹. Схожий характер результатов, полученных по итогам как ручной кодировки, так и автоматизированного анализа текстов, доказывает надежность данных, собранных в рамках применения обоих методов.

На рисунке 10 приведены лексемы, чаще всего встречающиеся в текстовом массиве. Ожидаемо самыми частотными словами оказались «фонд» (2543) и «помощь» (2464), далее следуют «ребенок» (1868), «проект» (1848), «благотворительный» (1506), «помочь» (1371), «поддержка» (1261), «организация» (1245), «волонтер» (1218), «работа» (1217).

Частотные лексемы выступают индикаторами доминирующей повестки в отношении некоммерческого сектора, которая может быть охарактеризована как оказание помощи (преимущественно материальной — лексема «рубли») на локальном уровне («область») с акцентом на пандемию («ситуация», «пандемия»).

⁸ Круглов А. Фонд Кадырова получил рекордные 6 млрд рублей. И стал прибыльным впервые за 15 лет // Секрет Фирмы. 2020. 01 июня. URL: <https://secretmag.ru/news/fond-kadyrova-poluchil-rekordnye-6-mlrd-rublei-za-god-i-stal-pribylnym-vpervye-za-15-let.htm> (дата обращения: 24.04.2021).

⁹ Пермский «Красный крест» заявил, что получил мусор в качестве благотворительной помощи от Castorama // ProPerm.ru. 2020. 23 июня. URL: <https://properm.ru/news/society/186206/> (дата обращения 24.04.2021); Мельникова М. Перебор. Благотворительный фонд Мордашова приостановил прием заявок на получение продовольственной помощи // Самолетъ. 2020. 2 мая. URL: <https://samolet.media/posts/4957> (дата обращения 24.04.2021).

¹⁰ Благодарим К. Ю. Сударикова за проведенный анализ.

¹¹ Для текстового массива была проведена токенизация (разделение предложений на слова) и нормализация (приведение каждого слова к его единой форме). Наиболее употребимые (соединительные) слова в русском языке были удалены. Размер каждого слова (термина) пропорционален его частотности с коэффициентом 0.7. Построение «облаков терминов» выполнялось с помощью пакета WordCloud.

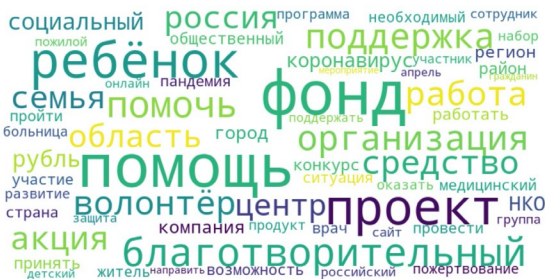

Рис. 10. Наиболее часто встречающиеся слова (подсчет общей частотности)

Другой (альтернативный) способ тематического анализа — сетевой анализ. Выделенные в результате него острова (графы) представляют собой связанные компоненты, где каждый узел соединен с любым другим напрямую или посредством других узлов. Для визуализации наиболее слабые связи (ниже определенного порогового значения) были удалены из сети. В результате мы получили пять тематических островов (представлены на рисунках ниже), которые показывают близость лексем по словосочетаниям. На рисунке 11 изображен основной остров.

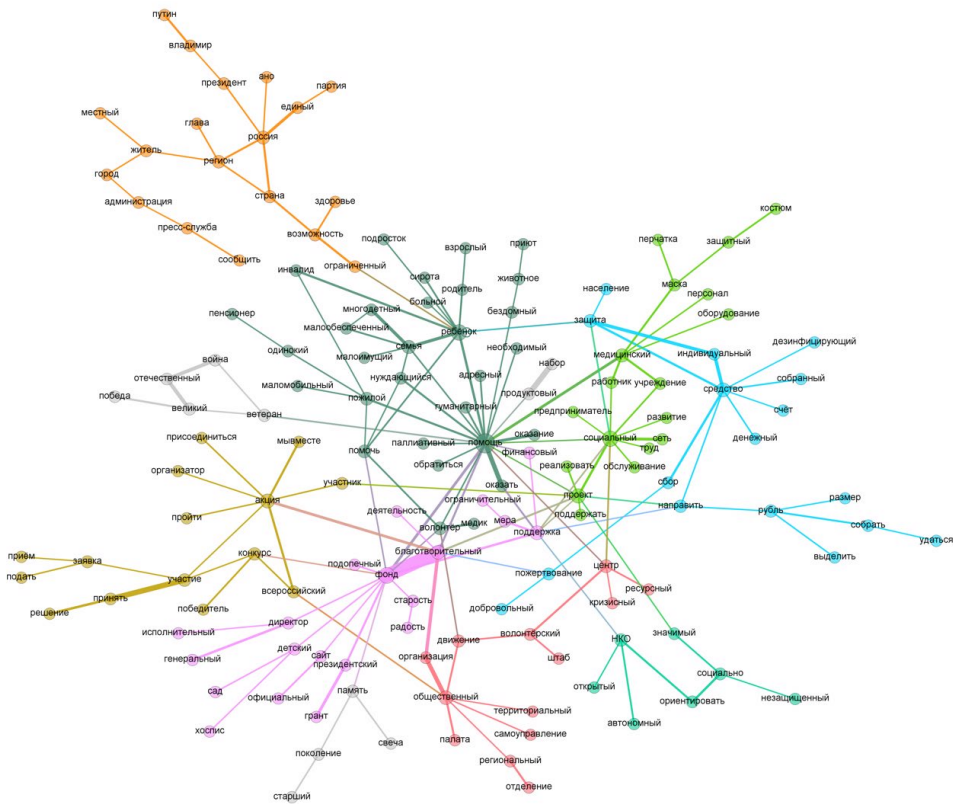

Рис. 11. Сеть близости лексем по словосочетаниям (остров 1 — основной)

Получившееся дерево состоит из девяти тематических кластеров, каждый из которых выделен отдельным цветом. Как можно видеть, один из центральных кластеров образуют лексемы, связанные с той помощью, которую оказывали некоммерческие организации нуждающимся людям во время пандемии («помощь», «оказание», «адресный», «бездомный», «гуманитарный», «необходимый», «нуждающийся»). Отметим, что в этот кластер попали лексемы, характеризующие основных благополучателей («ребенок», «бездомный», «животное», «сирота», «многодетный», «малообеспеченный», «малоимущий», «одинокий», «маломобильный», «пенсионер»). Другой кластер, близкий первому, образуют лексемы, относящиеся к участию в деятельности НКО органов власти («регион», «глава», «администрация», «президент», «партия»). Отдельный кластер составляют лексемы, связанные с широкомасштабными акциями («акция», «присоединиться», «участие», «принять»), которые характеризуют один из наиболее заметных аспектов деятельности некоммерческих организаций в СМИ, также видимыми оказываются и сообщения о конкурсах для НКО («конкурс», «участие», «принять», «решение», «заявка»). Еще один тематический узел отражает помощь ветеранам («ветеран», «победа», «великий», «отечественный») и предположительно отражает характерную повестку в преддверии 9 Мая.

На рисунке 12 представлена визуализация других выделенных в этой сети островов. Так, второй остров представляет собой лексемы, относящиеся к пандемии COVID-19 («пандемия», «борьба», «коронавирус», «распространение», «период», «сложный», «чрезвычайный»), третий — деятельность по доставке продуктов. Четвертый кластер содержит лексемы, связанные с работой НКО в медицинских учреждениях («больница», «инфекционный», «клинический», «районный», «городской»). В пятый остров вошли лексемы, относящиеся к освещению деятельности отделений Российского Красного Креста («красный», «крест», «гвоздика», «российский», «федерация»).

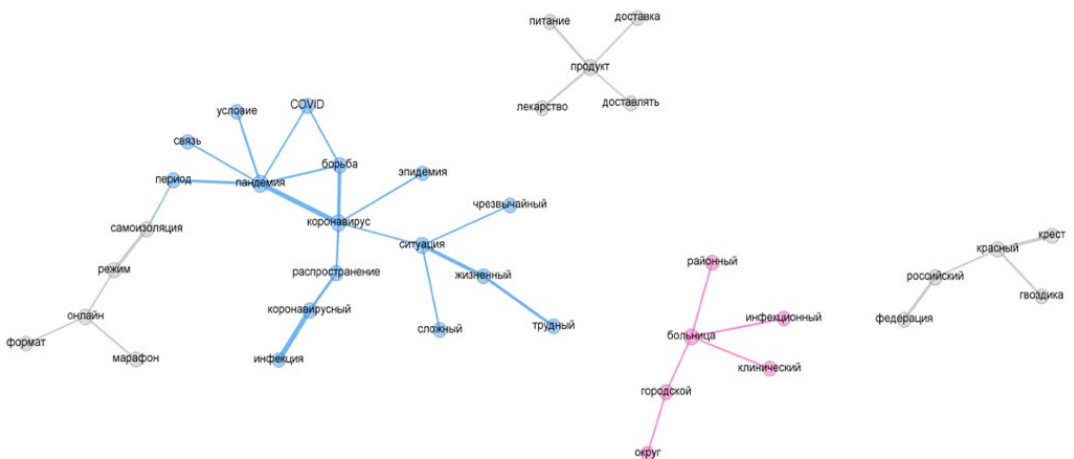

Рис. 12. Сеть близости лексем по словосочетаниям (острова 2—5)

Далее тексты были проанализированы с помощью метода тематического моделирования¹². На рисунках ниже (см. рис. 13—15) для каждой из тем приведен список 40 самых характерных для нее терминов вместе с их частотностью (относительно данной темы). Соотношение красной и синей полос около каждого термина иллюстрирует количество раз, которое данное слово упоминается в рамках конкретной темы, а также в общем массиве слов (по всем темам). Чем чаще слово встречается внутри одной темы, тем более характерным и специфическим оно для нее является. Круги слева на каждом рисунке показывают несвязность тем между собой, что позволяет рассматривать их как самостоятельные и непересекающиеся.

К первой и самой крупной теме (40,5%) относятся такие слова (токены), как «Помощь», «волонтер», «продукт», «средство», «акция», «организация», «поддержка». Мы квалифицируем их как индикаторы *коронавирусной повестки в СМИ*.

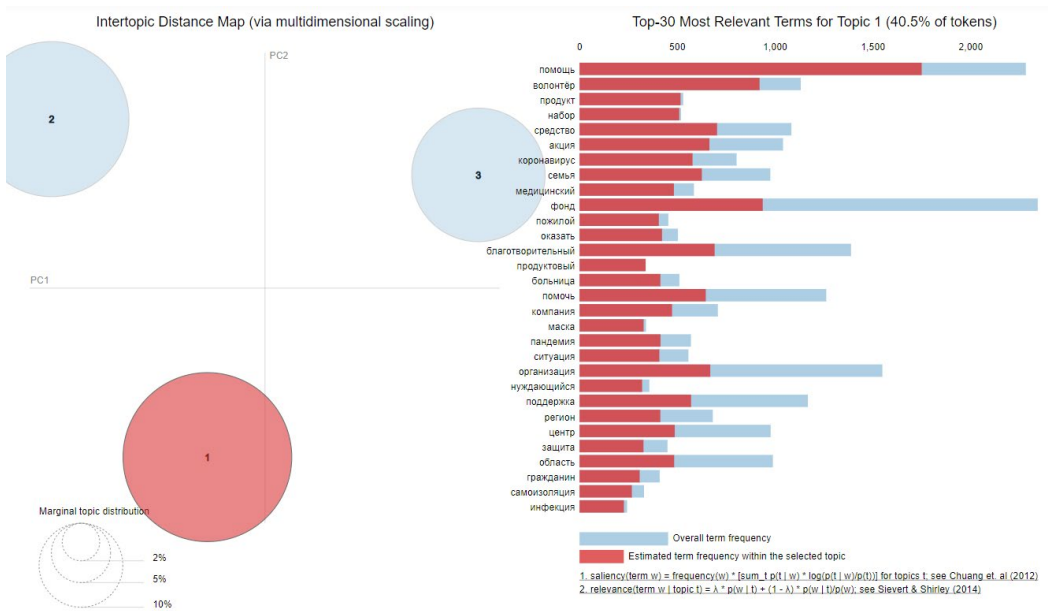

Рис. 13. Основные термины публикаций, отнесенных к теме 1

Во вторую тему вошли слова (34,1%), которые характеризуют *социально ориентированные направления деятельности НКО* («общественный», «социальный», «поддержка») с акцентом на ее системность и институционализированность («проект», «конкурс», «организация», «развитие», «победитель», «программа», «реализация»). Сюда же входит *работа по поддержке ветеранов* («память», «победа», «великий», «ветеран», «отечественный»). Отчетливо прослеживается *региональный уровень освещаемой деятельности* («область», «район», «территория»).

¹² Анализ был реализован с помощью пакета Genism.

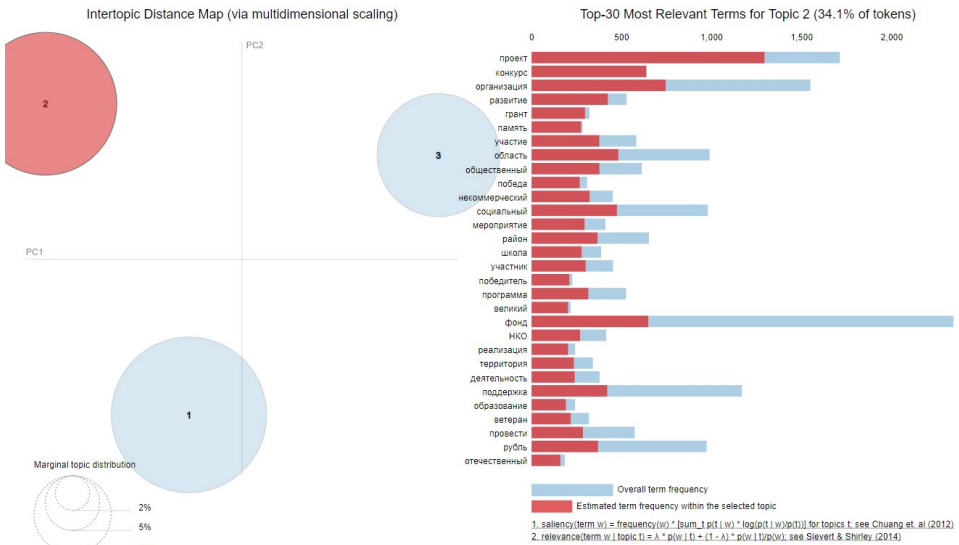

Рис. 14. Основные термины публикаций, отнесенных к теме 2

В третью тему вошли слова (25,3%), отражающие освещение **медиализированной деятельности НКО** (преимущественно фондов и хосписов), — «ребенок», «Фонд», «Помочь», «лечение», «благотворительный», «операция», «болезнь» (см. рис. 15). Как можно видеть, большим вниманием СМИ пользуется медицинская помощь, оказываемая НКО детям («мама», «родитель», «девочка», «мальчик»).

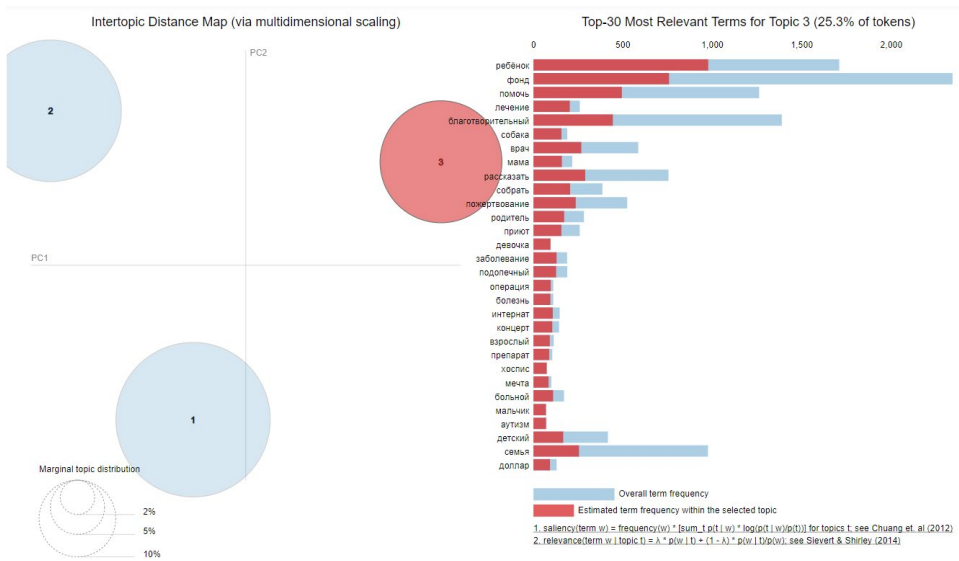

Рис. 15. Основные термины публикаций, отнесенных к теме 3

Как видно из рисунка 15, для деятельности НКО, связанной с медицинской помощью, характерной оказывается лексема «доллар». Это можно объяснить тем, что стоимость большинства операций, на которые собираются средства, оценивается в долларах (так как они проводятся за границей).

Дискуссия

В рамках исследования была определена тематическая структура представленности третьего сектора в российских СМИ, характеристиками которой выступают преимущественно информационный характер материалов и низкая степень присутствия экспертизы НКО (мнений и оценок от сотрудников сектора). Эти характеристики, впрочем, не являются уникальными для информационного поля НКО, а отражают общие тенденции трансформации медиасреды, характерные и для других тематических направлений.

Согласно полученным нами результатам, проблематика деятельности НКО не становится предметом массового обсуждения и редко выходит за границы отраслевого и экспертного обсуждения. Среди специфических характеристик репрезентации работы НКО можно выделить представленность благотворительных фондов как основных агентов некоммерческого сектора. На протяжении исследуемого периода наиболее заметна была деятельность, связанная с оказанием помощи нуждающимся и социально ущемленным категориям граждан. Таким образом, в России благотворительность репрезентируется как вспомогательная отрасль, закрывающая «дыры» и «прорехи» государственной системы социального обеспечения и поддержки отдельных групп населения, что существенно отличается от развитых секторов благотворительности в западных странах, где крупные благотворительные фонды давно уже выступают «институтами развития», а крупные бизнес-структуры — субъектами «импакт-экономики». Пока трудно дать однозначный ответ на вопрос, считать ли этот тренд специфическим для периода пандемии или же устойчивым и воспроизводимым паттерном.

Интерес к информации о некоммерческом секторе фиксируется как на федеральном, так и на региональном уровнях (на последнем — в большей степени), однако их повестка почти не пересекается. Внимание, уделяемое общероссийскими медиа работе некоммерческого сектора, довольно специфическое, во многом оно определяется как масштабом события (должно выходить за рамки региона), так и участием в нем публичной фигуры, известной в стране. Региональные (локальные) медиа выступают трансляторами более дифференцированного (разнообразного) контента о деятельности некоммерческого сектора, не связанного с масштабом события или персоны.

Отметим, что интенсивность освещения деятельности НКО отчасти определяется общим уровнем развития медиасистемы. СМИ регионов с высокими показателями индекса развития медиасферы (Москва, Санкт-Петербург и Свердловская область) чаще освещают деятельность некоммерческого сектора, чем СМИ, представляющие регионы с менее развитыми медиасистемами.

Ограничениями данного исследования можно назвать невозможность оценить аудиторию СМИ и, следовательно, фактическую заметность сообщения в медиaprостранстве, а также потенциальную возможность быть воспринятым потреби-

телями медиа. Также, в силу технических ограничений сбора данных, в анализ не вошли телевизионные репортажи, которые, как можно предположить, представляют собой обширный пласт для качественного анализа.

Список литературы (References)

- Мавлетова А. М., Лебедев Д. В. Исследования медиа-фреймов: обзор основных методологических подходов // Коммуникации. Медиа. Дизайн. 2017. Т. 2. № 3. С. 79—102. URL: <https://cmd-journal.hse.ru/article/view/7199> (дата обращения: 24.04.2021).
- Mavletova A. M., Lebedev D. V. (2017) Studying the Media Frames: Review of the Main Methodological Approaches. *Communications. Media. Design*. Vol. 2. No. 3. P. 79—102. URL: <https://cmd-journal.hse.ru/article/view/7199> (accessed: 24.04.2021). (In Russ.)
- Мерсиянова И. В., Беневоленский В. Б. Преимущества НКО как поставщиков социальных услуг: апробация в российских условиях // Вопросы государственного и муниципального управления. 2016. № 4. С. 13—20. URL: <https://vgmu.hse.ru/2016-4/199077421.html> (дата обращения: 24.04.2021).
- Mersianova I. V., Benevolenski V. B. (2016) The Comparative Advantages of NPOs as Social Welfare Services Providers: An Examination in the Russian Context. *Public Administration Issues*. No. 4. P. 7—26. URL: <https://vgmu.hse.ru/2016-4/199077421.html> (accessed: 24.04.2021). (In Russ.)
- Мерсиянова И. В. (2017) Гражданское общество и НКО в СМИ. М.: Высшая школа экономики. URL: <https://nko.tmbreg.ru/assets/images/Мерсиянова.pdf> (дата обращения: 24.04.2021).
- Mersianova I. V. (2017) Civil Society and NGOs in the Media. Moscow: HSE University. URL: <https://nko.tmbreg.ru/assets/images/Мерсиянова.pdf> (accessed: 24.04.2021). (In Russ.)
- Bennett R., Kottasz R. (2000). Emergency Fund-Raising for Disaster Relief. *Disaster Prevention and Management*. Vol. 9. No. 5. P. 352—367. <https://doi.org/10.1108/09653560010361393>.
- Brown P. H., Minty J. H. (2008) Media Coverage and Charitable Giving After the 2004 Tsunami. *Southern Economic Journal*. Vol. 75. No. 1. P. 9—25. URL: <https://www.jstor.org/stable/20112025> (accessed: 24.04.2021).
- Cooley A. (2020) Russian News Media as a Public Service Actor: Exploring the Coverage of Nonprofit Organizations. *Russian Journal of Communication*. Vol. 12. No. 1. P. 84—103. <https://doi.org/10.1080/19409419.2020.1777189>.
- Deacon D. (1999) Charitable Images: The Construction of Voluntary Sector News. In: Franklin B. (ed.), *Social Policy, The Media and Misrepresentation*. London: Routledge. P. 51—68. <https://doi.org/10.4324/9780203031322-10>.
- Deacon D., Fenton N., Walker B. (1995) Communicating Philanthropy: The Media and the Voluntary Sector in Britain. *Voluntas*. Vol. 6. No. 2. P. 119—139. <https://www.doi.org/10.1007/bf02353993>.

Entman R. M. (1993) Framing: Toward Clarification of a Fractured Paradigm. *Journal of Communication*. Vol. 43. No. 4. P. 51—58. <https://doi.org/10.1111/j.1460-2466.1993.tb01304.x>.

Ghanem S. (1997) Filling in the Tapestry: The Second Level of Agenda-Setting. In: McCombs M.E., Shaw D. L., Weaver D. H. (eds.) *Communication and Democracy: Exploring the Intellectual Frontiers in Agenda-Setting* Mahwah, NJ: Lawrence Erlbaum. P. 3—14.

Hale M. (2007) Superficial Friends: A Content Analysis of Nonprofit and Philanthropy Coverage in Nine Major Newspapers. *Nonprofit and Voluntary Sector Quarterly*. Vol. 36. No. 3. P. 465—486. <https://doi.org/10.1177/0899764006296849>.

Katz E., Blumler J. G., Gurevitch M. (1973) Uses and Gratifications Research. *Public Opinion Quarterly*. Vol. 37. No. 4. P. 509—523. <https://doi.org/10.1086/268109>.

Kiriya I. (2018) Russian Media. In: Studin I. (eds.) *Russia*. London: Palgrave Macmillan. https://doi.org/10.1057/978-1-137-56671-3_9.

Lazarsfeld P. F., Berelson B., Gaudet, H. (1968) *The People's Choice: How the Voter Makes up His Mind in a Presidential Campaign*. New York, NY: Columbia University Press.

Martin J. A. (2013) Disasters and Donations: The Conditional Effects of News Attention on Charitable Giving. *International Journal of Public Opinion Research*. Vol. 25. No. 4. P. 547—560. <https://doi.org/10.1093/ijpor/eds044>.

McCombs M.E., Shaw D. L. (1972) The Agenda-Setting Function of Mass Media. *Public Opinion Quarterly*. Vol. 36. No. 2. P. 176—187. URL: <https://www.jstor.org/stable/2747787> (accessed: 23.04.2021).

McDonald K., Scaife W. (2011) Print Media Portrayals of Giving: Exploring National “Cultures of Philanthropy”. *International Journal of Nonprofit and Voluntary Sector Marketing*. Vol. 16. No. 4. P. 311—324. <https://doi.org/10.1002/nvsm.430>.

Skokova Y., Pape U., Krasnopolskaya I. (2018) The Non-profit Sector in Today's Russia: Between Confrontation and Co-optation. *Europe-Asia Studies*. Vol. 70. No. 4. P. 531—563. <https://doi.org/10.1080/09668136.2018.1447089>.

Waters R. D. (2009) Examining the Role of Cognitive Dissonance in Crisis Fundraising. *Public Relations Review*. Vol. 35. No. 2. P. 139—143. <https://doi.org/10.1016/j.pubrev.2008.11.001>.

Waters R. D. (2013) Tracing the Impact of Media Relations and Television Coverage on U. S. Charitable Relief Fundraising: An Application of Agenda-Setting Theory Across Three Natural Disasters. *Journal of Public Relations Research*. Vol. 25. No. 4. P. 329—346. <https://doi.org/10.1080/1062726X.2013.806870>.

Weaver D., McCombs M., Shaw D. L. (1998) International Trends in Agenda-Setting Research. In: Holtz-Holtz-Bacha C., Scherer H., Waldmann N. (eds.) *Wie die Medien die Welt erschaffen und wie die Menschen darin leben*. Wiesbaden: VS Verlag für Sozialwissenschaften. P. 189—203. https://doi.org/10.1007/978-3-322-90440-9_12.

DOI: [10.14515/monitoring.2021.2.1926](https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.2.1926)

А. В. Шариков

**ГЛОБАЛЬНОЕ ИНФОРМАЦИОННОЕ ОНЛАЙН-ПРОСТРАНСТВО
В 2020 г.: ДИНАМИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ**

Правильная ссылка на статью:

Шариков А. В. Глобальное информационное онлайн-пространство в 2020 г.: динамические характеристики // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2021. № 2. С. 445—463. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.2.1926>.

For citation:

Sharikov A. V. (2021) Global Online Media Landscape 2020: Dynamic Characteristics. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 2. P. 445–463. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.2.1926>. (In Russ.)

ГЛОБАЛЬНОЕ ИНФОРМАЦИОННОЕ
ОНЛАЙН-ПРОСТРАНСТВО В 2020 г.:
ДИНАМИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИGLOBAL ONLINE MEDIA LANDSCAPE
2020: DYNAMIC CHARACTERISTICS

ШАРИКОВ Александр Вячеславович — кандидат педагогических наук, старший научный сотрудник, профессор департамента медиа, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия, Москва, Россия
E-MAIL: asharikov@hse.ru
<https://orcid.org/0000-0001-6035-5960>

Alexander V. SHARIKOV¹ — Cand. Sci. (Ped.), Senior Research Fellow, Professor at the School of Media
E-MAIL: asharikov@hse.ru
<https://orcid.org/0000-0001-6035-5960>

Аннотация. Статья описывает результаты исследования, цель которого — выявить динамические характеристики глобального информационного онлайн-пространства в 2020 г. Данное условное пространство рассматривается в языковых и тематических границах, предоставляемых системой FACTIVA, специализирующейся на мониторинге информации политического, экономического и социального характера с использованием ресурсной базы из более чем 30 тыс. онлайн-источников (крупнейшие мировые СМИ, информационные агентства и др.) на 25 языках, которые, по состоянию на 3 марта 2021 г., репрезентировали 91,7 % контента интернета.

Abstract. The article presents a study, which purpose was to identify dynamic characteristics of the global online media landscape in 2020. The media landscape is considered within linguistic and thematic boundaries of FACTIVA — a specialized monitor system for political, economic and social information. FACTIVA's resource base includes more than 30,000 online sources in 25 languages, representing 91.7 % of the Internet's content. As a result of the study, a number of dynamic patterns have been identified. Firstly, an increase in the number of the materials, which FACTIVA operates, confirms the trend for the Internet expansion. Secondly, the production of new materials follows a strict weekly cycle based on the alternation of weekdays and weekends. The latter, in turn, depends on traditions of different countries and the type of culture prevails in them (Christian, Muslim, etc.). Thus, in countries of the Christian tradition, a minimum of new publications is observed on Sundays, in Muslim countries — on Fridays. On a global scale, the peak in the number of published materials falls on Thursday. Thirdly, two new dynamic concepts — “global media splash” and “global media storm” have been introduced into scientific use, as well as a

Подтверждена тенденция расширения интернета, проявившаяся также в увеличении количества материалов, составляющих ресурсную базу системы FACTIVA. Обнаружена недельная цикличность производства новых материалов, которая объясняется чередованием будних и выходных дней. Выявлена привязка к традициям различных стран в организации выходных дней в зависимости от преобладания типа культуры (христианской, мусульманской и пр.). В странах христианской традиции минимум новых публикаций наблюдается по воскресень-

¹ HSE University, Moscow, Russia

ям, в мусульманских странах — по пятницам. Пик количества материалов в глобальном масштабе приходится на четверг. В научный обиход введены два новых динамических концепта, описывающих изменчивость появления онлайн-материалов. Первый — «глобальный медиавсплеск», описывающий существенный рост количества продуцируемых материалов в течение нескольких дней по сравнению с аналогичными днями предыдущей недели. Второй — «глобальный медиашторм», проявляется в сравнении с предыдущим месяцем. Сильными предложено считать глобальные медиавсплески и медиаштормы, при которых количество материалов увеличивается минимум на 15%.

Глобальный медиашторм не всегда связан с краткосрочными сенсационными материалами. Так, глобальный медиавсплеск, переросший в медиашторм, был зафиксирован в связи с убийством иранского генерала Касема Сулеймани и последующими событиями. А мощнейший глобальный медиашторм, при котором сильных глобальных медиавсплесков не наблюдалось, обусловлен пандемией COVID-19.

Ключевые слова: глобальное информационное онлайн-пространство, цикличность глобального информационного онлайн-пространства, глобальный медиавсплеск, глобальный медиашторм, FACTIVA

Благодарность. Работа выполнена на факультете коммуникаций, медиа и дизайна в рамках научно-исследовательского проекта «Трансформация картины мира в глобальном информационном онлайн-пространстве под влиянием пандемии COVID-19».

criterion for measuring their strength has been proposed. “Global media splash” describes a significant increase in the number of materials over several days compared to similar days in the previous week. The “global media storm” is manifested in comparison with the previous month. The article proposes to consider global media splashes and media storms as strong when the amount of the media materials increases by at least 15%. The global media storm may not be related to short-term sensational stories. For example, in January 2020, a global media splash which turned into a media storm was recorded in connection with the assassination of Iranian General Qasem Soleimani and subsequent events. The most powerful global media storm in 2020 was caused by the COVID-19 pandemic, but there were no strong global media splashes during this period.

Keywords: global online media landscape, global online media space cyclicity, global media splash, global media storm, FACTIVA

Acknowledgments. The work was performed at the Faculty of Communications, Media and Design within the framework of the research project “Transformation of the world picture in the global information online space under the influence of the COVID-19 pandemic”.

Глобальное информационное онлайн-пространство в 2020 г.: динамические характеристики

Цель настоящей статьи — выявить динамические характеристики глобального информационного онлайн-пространства в 2020 г. и попытаться осмыслить его как единое целое в своем движении. В 2020 г., прошедшем под знаком пандемии COVID-19, эти динамические характеристики проявились особенно ярко. Статья структурирована следующим образом: сначала мы проведем небольшой исторический экскурс — проследим, когда в мире начались первые исследования глобальных информационных процессов и на каких концептуальных основаниях они строились. Затем проанализируем, как развивалось данное направление исследований. Далее мы обратимся к современности и попытаемся осмыслить бытование глобального информационного онлайн-пространства на материале эмпирических данных, полученных в 2020 г. с помощью мониторинга контента ведущих мировых интернет-ресурсов, описав соответствующие динамические характеристики, факты и тенденции.

Краткий исторический экскурс

Ранние практики и исследования. Изучению глобальных информационных процессов предшествовало начавшееся в 1920-е годы международное радиовещание в коротковолновом диапазоне, с помощью которого радиосигнал может распространяться на тысячи километров. Это привело к созданию в конце 1920-х годов радиостанций, систематически транслирующих информацию на дальние территории в пропагандистских целях. В русскоязычной литературе применительно к такого рода практике сложилось понятие «иновещание», которым стали называть «вещание на аудиторию за пределами страны» [Современная идеологическая..., 1984: 138]. Как указывает А. Ф. Панфилов, первой в мире иновещательной акцией следует считать радиотрансляцию из США на страны Латинской Америки, состоявшуюся 25 мая 1924 г. [Панфилов, 1984: 20]. Вскоре аналогичные эксперименты стали осуществлять и другие страны — Великобритания, Испания, Италия, СССР, Франция и др. В 1939 г. был организован «Принстонский университетский центр по прослушиванию» (Princeton Listening Centre), который считается «пионером в области изучения иностранного коротковолнового радиовещания» [Панфилов, 1984: 39]. Так постепенно сложились предпосылки для исследования мировых информационных процессов.

Концепция свободного потока информации. О необходимости «свободного потока информации» между странами как об инструменте внешней политики заговорили незадолго до начала Второй мировой войны (см., например, [Bernstein, 1935]). А когда она началась, произошло невиданное до того усиление роли иновещания. Радиопропаганда приняла воистину глобальные масштабы, а число языков, на которых она велась ведущими мировыми государствами, уже составляло в каждой стране от десятка и выше. Так, в СССР в 1944 г. иновещание велось на 29 иностранных языках [Кашлев, 1988: 58].

После окончания войны с подачи западных государств концепция, или доктрина, «свободного потока информации» активно обсуждалась на крупных международных площадках. Ее суть состоит в том, что в мире должны быть приняты нормы

права, обеспечивающие беспрепятственное распространение информации между странами. В несколько иных формулировках данная идея была закреплена в основополагающих международных документах: в Уставе ЮНЕСКО в 1945 г.¹ и во Всеобщей декларации прав человека ООН в 1948 г.² С 1950 г. ЮНЕСКО на регулярной основе собирает сведения о средствах массовой информации по странам и публикует эти данные³.

Либерально-гуманистические идеи ООН, ЮНЕСКО и других ведущих международных организаций декларировались на фоне возникновения и усиления в мире идеологического противостояния, которое проявлялось, как минимум, в двух аспектах, «по двум осям» в терминах того времени: «Запад — Восток» и «Север — Юг». Ось «Запад — Восток» отражала противостояние идей социализма, носителями которого были СССР и страны социалистического лагеря, и идей капитализма, которые проповедовали ведущие западные страны во главе с США. Данное противостояние в сфере инновационного развития приняло характер информационной войны, которую также называли «психологической» [Лайнбарджер, 1962].

Идеологическое противостояние по оси «Север — Юг» отражало процессы распада мировой колониальной системы, постепенно переходящей к состоянию, характеризующемуся как неокOLONИализм, — экономическая зависимость освободившихся стран от бывших метрополий. «Свободный поток информации» на деле оказывался гибким инструментом давления развитых государств на развивающиеся страны. При этом обратный поток от развивающихся к развитым странам оказывался существенно меньшим по объему. Следовательно, в реальности «свободный поток информации» был односторонним: от экономически сильных стран к экономически слабым. Эти факты привели к критике концепции «свободного потока информации» и попыткам разработать альтернативные подходы.

Концепция нового мирового информационного и коммуникационного порядка. В рамках ЮНЕСКО ключевым стал подход, известный как «Концепция нового мирового информационного и коммуникационного порядка» («New World Information and Communication Order», сокращенно NWICO)⁴, акцентировавший необходимость отказа от колониальных и неокOLONИальных принципов организации распространения информации в мире.

В 1976 г. вышла книга Герберта Шиллера «Коммуникации и культурное господство» (Communication and Cultural Domination) [Шиллер, 1980], имевшая большой резонанс как в академическом мире, так и среди государственных и общественных деятелей. В ней автор убедительно продемонстрировал, как, опираясь на концепцию «свободного потока информации», США и другие страны, по сути, осуществляют политику «информационного империализма» в мире с помощью средств массовой коммуникации. Концепция «свободного потока информации»,

¹ Устав Организации Объединенных Наций по вопросам образования, науки и культуры / Комиссия Российской Федерации по делам ЮНЕСКО. URL: http://unesco.ru/wp-content/uploads/add/unesco_constitution_ru.pdf (дата обращения: 12.03.2021).

² Всеобщая декларация прав человека ООН / Организация Объединенных Наций. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declhr.shtml (дата обращения: 12.03.2021).

³ См., например, World Communications, Press, Radio, Film, Television (report). Paris: UNESCO, 1951.

⁴ New World Information and Communication Order (NWICO). URL: <https://onlinelibrary.wiley.com/doi/10.1002/9781405186407.wbiecn013.pub2> (дата обращения: 22.03.2021).

таким образом, превратилась в идеологическую доктрину, оправдывающую давление богатых стран на бедные.

Дискуссии вокруг несправедливого использования телерадиовещания в мире привели к оживленному обсуждению данной проблемы на площадках ООН и других международных организаций. В результате в рамках ЮНЕСКО в 1977 г. была создана Международная комиссия по изучению проблем коммуникации, куда вошли ведущие эксперты в области СМИ из 15 стран. Ее возглавил Шон Макбрайд, лауреат Нобелевской премии мира (1974 г.). Комиссия организовала беспрецедентное исследование международных информационных потоков, первые результаты которого были представлены в докладе на 20-й Генеральной конференции ЮНЕСКО, проходившей в 1978 г. в Париже. В докладе ставился вопрос о том, что мир «нуждается в свободном, более широком и сбалансированном распространении информации»⁵. В 1980 г. исследование было завершено и опубликовано в книге, озаглавленной «Много голосов — один мир» [Many Voices..., 1980].

Деятельность Комиссии Макбрайда, концепция NWICO и основанная на ней декларация ЮНЕСКО вызвали жесткую реакцию со стороны США и Великобритании. Данные события стали одной из причин, почему обе страны покинули ЮНЕСКО: США — в 1984 г., Великобритания — в 1985 г. Их возвращение состоялось лишь много лет спустя: Великобритания вновь вошла в состав организации в 1997 г., а США — в 2003 г.⁶ Демарш ведущих мировых держав привел к необходимости искать компромисс, который постепенно начал складываться в конце 1980-х годов (об этом см., например, [Mehra, 1986]).

Международный обмен информацией и глобализм. С 1960-х годов стали распространяться идеи глобализма, который в теоретическом плане предстал в виде научных разработок, обобщенно называемых глобалистикой. Появление глобалистики принято связывать с возникновением ряда организаций и объединений футурологической направленности, где обсуждались именно глобальные проблемы человечества. Наиболее известные среди них — «Институт проблем будущего» (1965 г., Вена, Австрия) и особенно «Римский клуб» (1968 г., Рим, Италия). В тот же период (1968 г.) вышла книга М. Маклюэна и К. Фиоре «Война и мир в глобальной деревне» (War and Peace in the Global Village; An Inventory of Some of the Current Spastic Situations That Could Be Eliminated by More Feedforward) [Маклюэн, Фиоре, 2012], где авторы анализируют проблемы глобального распространения информации. С этого момента слово «глобальный» (global) стало все чаще употребляться применительно к информационным процессам, постепенно вытесняя слово «всемирный» (world wide).

В 70-х годах XX века начинается глобальная эра интернета — ведутся первые эксперименты по установлению международной компьютерной связи на расстоянии. С 1990-х годов, после возникновения подсистемы, называемой «Всемирной паутиной» (World Wide Web), средства массовой информации приступают к актив-

⁵ Декларация об основных принципах, касающихся вклада средств массовой информации в укрепление мира и международного взаимопонимания, в развитие прав человека и в борьбу против расизма и апартеида и подстрекательства к войне // Организация Объединенных Наций. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/st_hr1_141.shtml (дата обращения: 12.03.2021).

⁶ США вернулись в ЮНЕСКО // Lenta.ru. 2003. 2 октября. URL: <https://lenta.ru/news/2003/10/01/unesco/> (дата обращения: 25.03.2021).

ному освоению онлайн-среды. Интернет постепенно превращается в глобальное информационное пространство. Ученые предпринимают попытки осмыслить новое явление на теоретическом уровне, появляется немало исследований, среди которых особо выделяется фундаментальная работа Мануэля Кастельса «Галактика Интернет» (*The Internet Galaxy. Reflections on the Internet, Business, and Society*), впервые опубликованная в 2001 г. [Кастельс, 2004].

Теория глобального новостного потока. Под влиянием описанных процессов в исследовательском поле постепенно сложилось направление, известное как «теория глобального новостного потока» (*Global News Flow Theory*). Его истоки следует искать в описанных выше концепциях и дискуссиях (см., например, [Buchanan, Cantril, Unesco, 1953]). Помимо упомянутой проблематики и концептуальных обсуждений, в рамках данного направления было проведено немало эмпирических исследований, которые позволили выявить три фактора, обуславливающие неравномерную представленность различных стран в картине мира, формируемой в СМИ [Kariel, Rosenvall, 1984; Kim, Barnett, 1996; Segev, 2015; Wu, 2000]. Первый из них — уровень экономического развития. Публикации о странах с высоким уровнем экономического развития появляются чаще. Второй фактор — близость описываемого государства стране, СМИ которой публикуют материалы. При этом имеется в виду близость не только территориальная, но также лингвистическая, экономическая, идеологическая и т. п. Третий фактор — события, привлекающие внимание мировой прессы, среди которых особую роль играют разного рода катастрофы (природные, техногенные), а также социальные, политические, экономические и военные конфликты.

Наконец, еще одно важное направление исследований, касающееся выбранной темы, — медиадинамика (*media dynamics*) и ее аспект, известный как теория новостной динамики (*news dynamics theory*), в рамках которой рассматривается понятие «медиашортм» [Boydston, Hardy, Walgrave, 2014; Hollanders, Vliegenthart, 2008; Lowrence, 1996; Wien, Elmelund-Praesteker, 2009].

Развитие данного направления исследований усилилось после создания в конце 1990-х годов мониторинговых систем, которые работают с большими массивами текстовых публикаций в интернете. Отметим наиболее известные из них:

— проект LexisNexis⁷, основанный в 1977 г., первоначально мониторил традиционные СМИ⁸, но с середины 90-х годов прошлого века постепенно переориентировался на онлайн-ресурсы;

— в России с 1996 г. действует мониторинговая система «Интегрум»⁹;

— в 1999 г. компаниями Dow Jones и Reuters была организована мониторинговая система Dow Jones and Reuters Business Interactive, которая вскоре была выкуплена компанией Dow Jones и стала называться Factiva¹⁰;

— с 2003 г. действует российская мониторинговая система «Медialogия»¹¹.

⁷ Подробнее о LexisNexis см.: URL: <https://www.lexisnexis.ru/> (дата обращения: 22.03.2021).

⁸ Мониторинг прессы представляет собой давнюю традицию, восходящую к XVIII веку. С 1990-х годов эта традиция связывается преимущественно с интернетом.

⁹ Подробнее об «Интегрум» см.: <https://integrum.ru/monitoring-smi/> (дата обращения: 22.03.2021).

¹⁰ Подробнее о Factiva см.: <https://professional.dowjones.com/factiva/> (дата обращения: 22.03.2021).

¹¹ Подробнее о «Медialogия» см.: <https://www.mlg.ru/> (дата обращения: 22.03.2021).

Отмеченные факты дали новый импульс проектам по изучению глобального информационного онлайн-пространства. На основе перечисленных и некоторых других мониторинговых систем проведено немало эмпирических исследований, в фокусе которых находятся именно онлайн-информационные потоки [Быстрицкий, Шариков, 2021; Казун, 2018; Казун, Казун, 2020; Balmas, 2018; Segev, 2016].

Глобальное информационное онлайн-пространство: рабочая модель

Несмотря на обширную литературу, посвященную интернету, и множество подходов к его изучению, сконструируем собственную рабочую модель, удобную для настоящего проекта. Поскольку речь идет не обо всем интернете, а лишь о некоторой его части, очертим границы, в пределах которых эта модель будет применена. Обобщенно выделяемый нами сегмент должен быть, во-первых, текстовым контентом; во-вторых, тематически ограничиваться проблемами политики, экономики и социума; в-третьих, не представлять собой литературные, развлекательные и академические тексты; в-четвертых, иметь новостную, аналитическую и публицистическую направленность. Условимся называть данный сегмент интернета «глобальное политико-экономическое и социальное текстовое информационное онлайн-пространство». Однако в контексте настоящей статьи для удобства вместо предложенного развернутого названия будем использовать более короткое выражение «глобальное информационное онлайн-пространство». Данное пространство имеет характеристики, из которых мы выделим *динамические*, то есть те, что описывают процессы, разворачивающиеся во времени в глобальном масштабе.

Мультилингвистическая структура. Глобальное информационное онлайн-пространство представляет собой сложное образование, в котором информация представлена на большом количестве языков. Согласно данным W³Techs, по состоянию на 3 марта 2021 г. в глобальном интернете присутствовала информация на 182 языках. По количеству контента лидирует английский язык (60,6%). В пятерку наиболее распространенных также входят: русский (8,3%), турецкий (3,9%), испанский (3,8%) и персидский (3,3%) языки. Одиннадцать языков захватывают чуть более 90% онлайн-контента — помимо пяти перечисленных, это французский (2,7%), немецкий (2,3%), японский (2,1%), вьетнамский (1,7%), китайский (1,4%) и арабский (1,1%)¹².

Динамические характеристики. Глобальное информационное онлайн-пространство отличается высокой подвижностью. На глобальном уровне каждую минуту появляются все новые и новые материалы на разных языках. Некоторые из них хранятся долго, другие могут появиться на короткий срок, а потом их удаляют. То же самое касается не только отдельных единиц контента — материалов, но и целых ресурсов.

Наблюдения за деятельностью прессы, существующей уже сотни лет, показывают, что время от времени издания быстро подхватывают сенсационные сообщения, тиражируют их, либо просто перепечатывая, либо трансформируя тексты, либо переводя информационные материалы в аналитические и публицистические. Еще в XX веке внимание исследователей привлекали вопросы медиадинамики

¹² Web Technology Surveys. Usage Statistics of Content Languages for Websites. 2021. 3 March. URL: https://w3techs.com/technologies/overview/content_language (дата обращения: 12.03.2021).

[Lowrence, 1996], которые в XXI веке получили новый импульс в связи с развитием упомянутых выше мониторинговых систем. В исследовательском дискурсе возникло понятие «медиашторм» [Boydston, Hardy, Walgrave, 2014], а в профессиональном журналистском сленге стали использовать слово «медиавсплеск»¹³. Подразумевается, что медиавсплеск, то есть внезапное повышение количества публикаций по некоторой теме, длится недолго, а медиашторм может растянуться на недели или даже на месяцы. Эти понятия обычно используются для описания динамических процессов в пределах одного издания, например «New York Times» [Boydston, Hardy, Walgrave, 2014]. В настоящем исследовании мы рассмотрим эти два понятия на глобальном уровне, обозначив их, соответственно, словосочетаниями «глобальный медиавсплеск» и «глобальный медиашторм».

Таким образом, рабочая модель нашего исследования предполагает, что его объектом выступает глобальное информационное политико-экономическое и социальное текстовое информационное онлайн-пространство, а предметом — динамические характеристики этого пространства в течение 2020 г.

Эмпирической базой исследования стала мониторинговая система FACTIVA, проект компании Dow Jones¹⁴, имеющая развернутую источниковую базу, в которую входят свыше 30 тыс. крупнейших мировых интернет-ресурсов (ведущие информационные агентства, газеты, телеканалы, радиостанции, специализированные порталы и др.). Анализируется информация на 25 языках¹⁵, которые, согласно данным W³Techs, по состоянию на 3 марта 2021 г. в совокупности репрезентируют 91,7 % контента интернета по лингвистическому основанию¹⁶.

FACTIVA ориентирована на поиск материалов прежде всего экономической, политической и общесоциальной направленности, что соответствует выбранному объекту исследования. Однако не вполне понятно, насколько полно ресурсная база этой мониторинговой системы репрезентирует глобальное политико-экономическое и социальное текстовое информационное онлайн-пространство по языковому основанию.

Важно сделать одно методическое замечание. При работе с FACTIVA в основном использовался принцип запросов по кодированным единицам поиска. За единицу принимался материал, в котором хотя бы раз упоминалась закодированная категория. FACTIVA подсчитывает количество таких материалов. При этом из поиска были исключены перепечатанные новости и другие дословно повторяющиеся материалы (например, о ценах, о рынках и т. п.).

¹³ Воробьева А. «Приключения» Кубка европейских чемпионов в Украине // ЗвездаРУ: Футбольные новости. 2018. 16 мая. URL: <https://zvezda-fc.ru/32190-priklucheniya-kubka-evropeyskikh-chempionov-v-ukraine.html> (дата обращения: 16.04.2021)

¹⁴ Автор выражает глубокую признательность компании Dow Jones за возможность использовать систему FACTIVA и особую благодарность Андрею Сенуку, официальному представителю компании в России, за консультации в процессе подготовки статьи.

¹⁵ Перечислим их: английский, арабский, болгарский, венгерский, датский, индонезийский, испанский, итальянский, каталонский, китайский (строго говоря, мониторинговая система FACTIVA использует два китайских письменных языка — традиционный и упрощенный; в процессе анализа данные о двух языках объединялись), корейский, малайский, немецкий, нидерландский, норвежский, польский, португальский, русский, словацкий, турецкий, финский, французский, чешский, шведский, японский.

¹⁶ Web Technology Surveys. Usage Statistics of Content Languages for Websites. 2021. 3 March. URL: https://w3techs.com/technologies/overview/content_language (дата обращения: 03.03.2021).

Динамические особенности

Условимся различать две группы динамических процессов при описании глобального информационного онлайн-пространства. Одна группа представляет объективную сторону его бытования, которая проявляется в изменении количества онлайн-ресурсов и материалов, размещаемых на них во временной развертке. Другая группа процессов связана с отбором информации, то есть с тем, что называют формированием повестки дня, которое носит субъективный характер. Рассмотрим некоторые моменты, связанные с каждой из них.

Изменение количества материалов на онлайн-ресурсах. Интернет как глобальная информационная система продолжает расширяться. Растет количество веб-сайтов, увеличивается охват аудитории. В 2020 г. число пользователей интернета в мире превысило 5 млрд человек¹⁷, а количество вебсайтов перешло отметку в 1,8 млрд¹⁸.

Как в таком контексте меняется количество материалов в рамках системы FACTIVA? Ответ на этот вопрос дает рисунок 1, на котором представлена динамика годового количества материалов, составлявших базу для анализа в FACTIVA в 2010—2020 гг. Видно, что от года к году происходило расширение этой базы: от 59,1 млн материалов в 2010 г. до 102,7 млн в 2020 г.

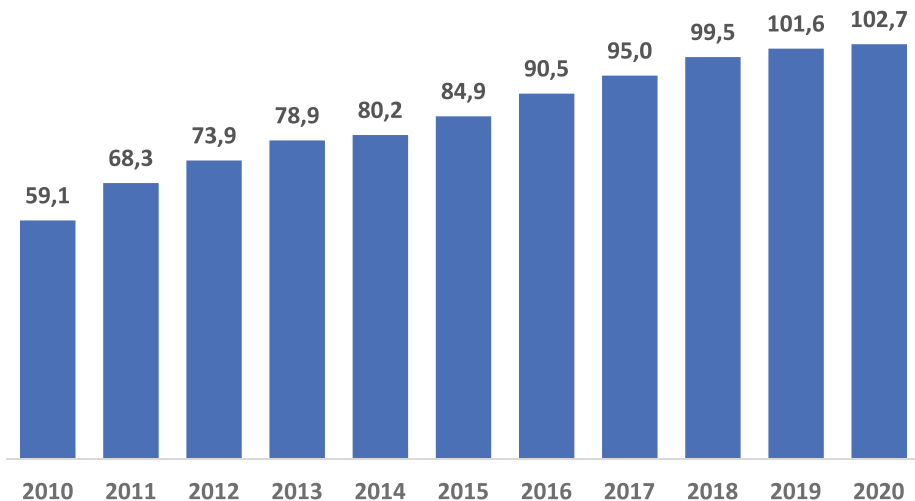

Рис. 1. Динамика годового количества материалов (в млн единиц), составлявших базу для анализа в системе FACTIVA в 2010—2020 гг. на 25 языках

Приведенные данные отражают макропроцессы в годовом измерении. А как ведет себя глобальное информационное онлайн-пространство на уровне ежедневного движения? Редакции всех СМИ и порталов мира работают в ритме жизни общества, в контекст которого они погружены. В каждом обществе есть будние

¹⁷ Internet World Stats. URL: <https://www.internetworldstats.com/> (дата обращения: 12.03.2021).

¹⁸ Internet Live Stats. URL: <https://www.internetlivestats.com/total-number-of-websites/> (дата обращения: 12.03.2021).

и выходные дни. Несмотря на то, что вебсайты открыты круглосуточно в течение всего года, поступление материалов происходит неравномерно. Отсюда гипотеза: количество материалов, выкладываемых на онлайн-ресурсы, предположительно, уменьшается по выходным и увеличивается по будним дням. Для проверки данной гипотезы в рамках системы FACTIVA были выгружены данные по дням. Мы ограничимся здесь рассмотрением результатов за первое полугодие 2020 г. (см. рис. 2).

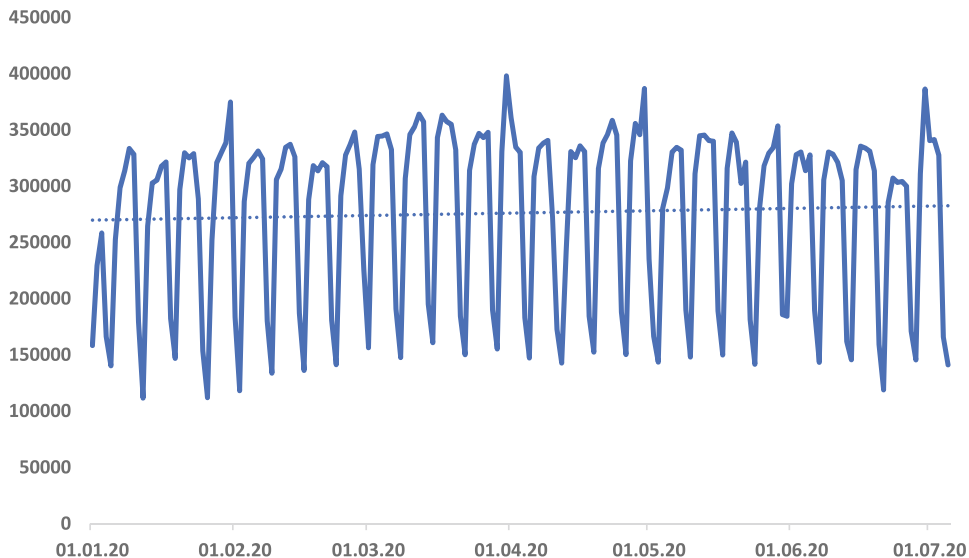

Рис. 2. Динамика ежедневного количества новых материалов на ресурсной базе системы FACTIVA с 1 января по 5 июля 2020 г.

Из рисунка 2 видно, что процесс ежедневного обновления материалов имеет выраженную цикличность, для определения параметров которой был применен спектральный анализ на основе окон Бартлетта¹⁹. По результатам анализа выделены два уровня периодичности:

1) Первый имеет величину периода, равную семи дням, и связан с недельной цикличностью. Он проявляется в том, что от недели к неделе характер последовательности значений с понедельника по воскресенье повторяется, хотя в течение недели количество новых материалов существенно различается для разных дней (см. рис. 3).

2) Второй период равен трем с половиной дням и привязан к закономерностям, проявляющимся внутри недельного интервала. Так, наибольшее количество новых материалов приходится на четверг, в первом полугодии 2020 г. эта величина в среднем составила 336 322 единицы. Наименьшее количество за тот же период приходится на воскресенье (143 282). Здесь как бы противостоят два отрезка времени примерно по три с половиной дня: с одной стороны, период со второй

¹⁹ Анализ проводился с помощью программного пакета IBM SPSS Statistics 27.

половины понедельника по четверг включительно и, с другой стороны, период с пятницы до середины понедельника.

В этом отношении следует вспомнить, что в связи с культурно-историческими традициями в странах наблюдается различие в выходных днях. В государствах с доминированием христианской культуры обязательный выходной — воскресенье, а с доминированием мусульманской культуры — пятница. В странах, где сильны иудейские традиции, выходным считается суббота. Воскресный минимум свидетельствует о том, что большинство источников, составляющих ресурсную базу системы FACTIVE, привязано к христианской культуре. Анализ динамики появления материалов на арабском языке, то есть на главном языке мусульманской культуры, позволил обнаружить пятничные минимумы. Следовательно, гипотеза подтвердилась.

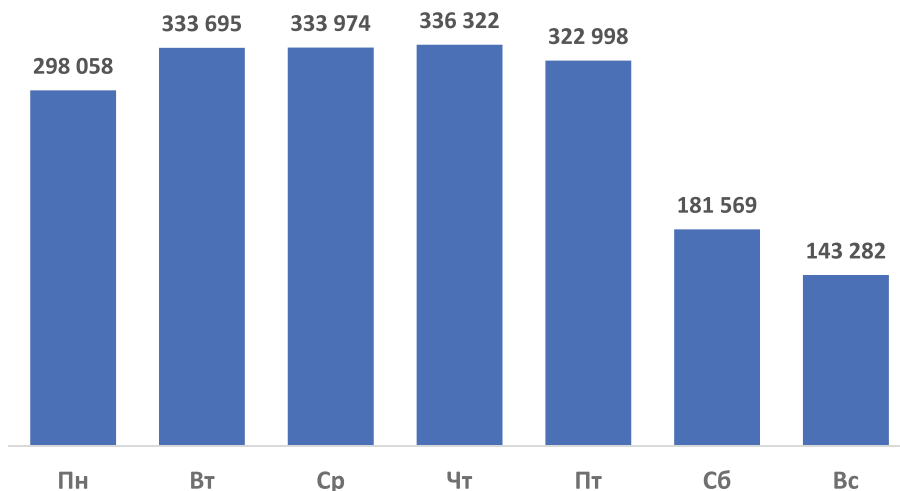

Рис. 3. Среднее количество материалов, составляющих ресурсную основу системы FACTIVE в январе — июле 2020 г. по дням недели

Глобальные медиавсплески и медиаштормы. Обратимся снова к рисунку 2. На фоне ярко проявляющейся циклической регулярности на базе суточных данных отчетливо видны пики количества материалов, наиболее заметный из которых пришелся на 31 марта 2020 г. Этот «выброс» является примером глобального медиавсплеска. Определим данное понятие.

Условимся называть глобальным медиавсплеском *динамический эффект увеличения количества материалов в глобальном информационном онлайн-пространстве в течение суток по сравнению с количеством материалов в аналогичный день предыдущей недели не менее чем на 5 %*. Будем считать глобальный медиавсплеск *сильным*, если прирост количества материалов составляет *не менее 15 % по сравнению с количеством материалов в аналогичный день предыдущей недели*.

На рисунке 2, который дает картину за первое полугодие 2020 г., отчетливо просматриваются четыре глобальных медиавсплеска — 31 января (на 30 %), 31 марта (на 18 %), 30 апреля (на 8 %) и 30 июня (на 26 %). Как видно, не все визуально про-

являющиеся глобальные медиавсплески на графике реально оказываются сильными. Заметим также, что все они приходятся на последние числа месяца, а два значения — на конец квартала. Объяснение этим глобальным медиавсплескам очень простое: в эти дни публикуется разного рода отчетности, итоги и прогнозы, которые добавляются к имеющемуся массиву информации.

Однако глобальные медиавсплески могут быть не на всем массиве данных, а по определенным темам, географическим объектам, организациям и персонам. Проследим этот процесс на примере материалов об убийстве иранского генерала Касема Сулеймани в пятницу, 3 января 2020 г. (см. рис. 4). Генерал находился в командировке в Ираке и погиб в аэропорту Багдада в ходе ракетного обстрела США. В этот день с пометкой «срочно» все мировые СМИ сообщили о данном событии. Общее число материалов с упоминанием Ирана, выгружаемых системой FACTIVA, составило 10 016. Неделей ранее, в пятницу, 27 декабря, Иран упоминался лишь в 1 241 публикации, то есть число материалов выросло на 707,1%, или в восемь с лишним раз. Сильнейший глобальный медиавсплеск! Однако после небольшого снижения в выходные дни на следующей неделе снова начался рост количества публикаций, который достиг пика 8 января, составив 23 338 материалов. Это было связано с цепью событий, последовавших за убийством генерала Сулеймани. Среди них атака силами противовоздушной обороны Ирана украинского самолета, который ошибочно был принят за военный объект, нападение бойцов Корпуса стражей иранской революции на американскую военную базу в Ираке и др. Сильнейший глобальный медиавсплеск, приняв характер двойного глобального «медиавзрыва», перешел в настоящий глобальный медиашторм, длившийся более недели.

Рис. 4. Количество материалов с упоминанием Ирана по дням в январе 2020 г. совокупно на 25 языках системы FACTIVA

Однако после мощного глобального медиавсплеска вследствие сенсационных событий не всегда возникают глобальные медиаштормы на отрезке одной-двух

недель. В 2020 г. имелись примеры более длительного глобального медиашторма, который был связан с пандемией COVID-19. Продолжая логику построения определений, условимся называть «глобальным медиаштормом» динамический эффект увеличения количества материалов в глобальном информационном онлайн-пространстве в течение месяца по сравнению с количеством материалов за предыдущий месяц не менее чем на 5%. Будем считать глобальный медиашторм сильным, если прирост количества материалов составляет не менее 15% по сравнению с предыдущим месяцем.

Опираясь на данное определение, убедимся, что убийство генерала Сулеймани вызвало сильный глобальный медиашторм. В декабре 2019 г. количество материалов с упоминанием Ирана в системе Factiva составило 26 727. В январе 2020 г. это число было равно 146 046. Следовательно, прирост составил 446,4%, что свидетельствует о сильнейшем глобальном медиашторме, что и требовалось доказать.

Рассмотрим рисунок 5, на котором изображена гистограмма, отражающая помесячную динамику появления новых материалов по совокупности всех ресурсов на 25 языках, которыми оперирует Factiva, и материалов, объединяющих три стандартные (кодируемые) темы — «новые коронавирусы», «вспышки заболеваний/эпидемии» и «здравоохранение».

Рис. 5. Динамика количества материалов, составивших ресурсный базис системы Factiva по месяцам с декабря 2019 по декабрь 2020 г., и количество материалов о пандемии COVID-19

На рисунке 5 для динамического ряда, отображающего количество всех материалов, лишь один следует считать сильным глобальным медиаштормом — это переход февраль — март, когда наблюдался рост с 7,9 до 9,1 млн материалов, то есть на 15%. Он отражает развитие процессов пандемии в мире и их освещение

в глобальном информационном онлайн-пространстве, которые представлены на гистограмме столбиками меньших размеров. На этой тематической последовательности видно, что «ковидное» глобальное медиавозмущение нарастало в течение четырех месяцев — с января по апрель, но наибольший скачок произошел в марте: количество материалов на 25 языках совокупно увеличилось с 0,9 до 2,5 млн, или на 170%. При этом самый заметный за 2020 г. глобальный медиаштурм, по всем материалам наблюдавшийся в феврале и марте, проходил без мощных глобальных медиавсплесков, в логике недельной цикличности, описанной выше, но с постоянным сильным нарастанием от недели к неделе (см. рис. 6).

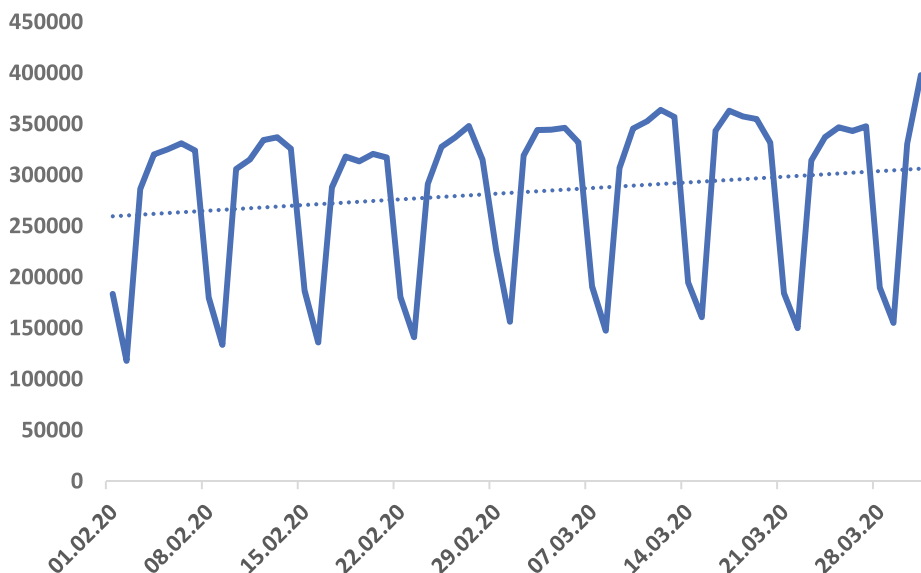

Рис. 6. Динамика ежегодного количества новых материалов на ресурсной базе системы FACTIVA в феврале—марте 2020 г. на 25 языках

Из сказанного следует, что глобальные медиаштурмы могут быть как связаны, так и не связаны с сильными глобальными медиавсплесками. Последствия медиавозмущений на отрезках времени длиной в несколько месяцев оказываются весьма существенными. Именно так произошло с освещением эпидемии COVID-19, о которой начали активно писать в январе 2020 г. (см. рис. 5). Сначала она выглядела как локальная вспышка заболевания в Китае, но, начиная с февраля количество материалов по данной теме увеличивалось, что вылилось в относительно медленно нарастающий, но мощный медиаштурм глобального масштаба. Если в январе 2020 г. тема COVID-19 была представлена в 0,5 млн материалов (5,9% всех публикаций), в феврале — 0,9 млн (11,6%), то в марте уже 2,5 млн или более четверти публикаций (27,3%) касались пандемии, а в апреле эта величина достигла своего максимума, составив 2,7 млн (31,4%), после чего стала снижаться. И хотя осенью 2020 г. началась вторая волна с гораздо более высоким уровнем заболеваемости и смертности, число публикаций, посвящен-

ных COVID-19, уменьшилось с 0,9 млн (9,8%) в октябре до 0,8 млн (9,0%) в декабре 2020 г. Человечество стало испытывать усталость от связанной с пандемией информации.

Заключение

Мы ввели рабочую модель глобального политико-экономического и социального текстового информационного онлайн-пространства и попытались изучить некоторые ее динамические свойства. Среди всего разнообразия интернет-контента модель ограничивает только текстовые формы информационного (новостного, аналитического, публицистического и т.п.) характера, которые связаны с политикой, экономикой, социумом. Инструментом, с помощью которого изучалось глобальное информационное онлайн-пространство в указанных модельных границах, выступила мониторинговая система FACTIVA, предоставляющая информацию на 25 языках, которые репрезентируют более 90% контента интернета.

Исследование динамических характеристик модели информационного онлайн-пространства привело к следующим результатам:

— Была подтверждена известная тенденция расширения интернета. В рамках системы FACTIVA она проявилась в увеличении количества материалов, составляющих ресурсную базу: за период с 2010 по 2020 г. их количество возросло с 59,1 до 102,7 млн материалов в год.

— Была обнаружена строгая регулярность производства новых материалов, которая сильнее всего просматривается на уровне недельной цикличности, где выявлены две фазы: со второй половины дня понедельника по четверг и с пятницы до середины дня понедельника. Данная периодичность объясняется рабочим циклом, имеющим место в любом обществе. В то же время немаловажную роль играет привязка той или иной страны и языковой зоны к традициям организации выходных дней. Пятница, суббота и воскресенье — это традиционные выходные дни в мусульманской, иудейской и христианской культурах соответственно. В целом в ресурсной базе системы FACTIVA доминирует христианская традиция, поэтому минимум поступления новых публикаций наблюдается в воскресенье, тогда как в мусульманских странах — по пятницам. В первой половине дня понедельника материалы обычно только набираются, если нет каких-то ярких событий, привлекающих прессу. Со второй половины дня понедельника процесс производства текстов набирает привычную скорость. Пик количества публикаций в среднем приходится на четверг.

— В исследовании были отработаны концепты глобального медиавсплеска и глобального медиашторма, то есть существенного роста количества продуцируемых материалов в глобальном информационном онлайн-пространстве либо на сравнительно коротком отрезке времени (глобальный медиавсплеск проходит в течение нескольких дней), либо на месячных интервалах (глобальный медиашторм). Были обозначены параметрические границы, позволяющие оценить уровень глобальных медиавсплесков и глобальных медиаштормов. В частности, предложено считать сильными глобальные медиавсплески и глобальные медиаштормы, при которых прирост количества материалов составляет не менее 15%. В 2020 г. самый сильный глобальный медиавсплеск, переросший в глобальный

медиашторм, наблюдался в январе в связи с убийством иранского генерала Касема Сулеймани, после чего произошло несколько других событий вокруг Ирана, о которых активно писала мировая пресса. В то же время не всегда глобальный медиашторм связан с краткосрочными сенсационными материалами. Мощнейший глобальный медиашторм 2020 г. был обусловлен пандемией COVID-19, когда на протяжении нескольких месяцев в мире наблюдалось нарастание количества материалов, посвященных различным аспектам эпидемии и ее последствиям.

Список литературы (References)

- Быстрицкий А. Г., Шариков А. В. О представленности России в глобальном информационном онлайн-пространстве // *Международная жизнь*. 2021. № 2. С. 76—93. URL: <https://interaffairs.ru/jauthor/material/2469> (дата обращения: 05.04.2021)
- Bystritskii A. G., Sharikov A. V. On the Representation of Russia in the Global Information Online Space. *International Affairs*. No. 2. P. 76—93. URL: <https://interaffairs.ru/jauthor/material/2469> (accessed: 05.04.2021). (In Russ.)
- Казун А. Д. Глобальный новостной поток. О каких странах говорят российские СМИ и почему? // *Полития*. 2018. № 4. С. 90—105. <https://doi.org/10.30570/2078-5089-2018-91-4-90-105>.
- Kazun A. D. (2018) Global News Flow (What Countries Russian Media Talk about and Why). *Politeia*. No. 4. P. 90—105. <https://doi.org/10.30570/2078-5089-2018-91-4-90-105>. (In Russ.)
- Казун А. П., Казун А. Д. Качество институтов и борьба лидеров стран Большой двадцатки за международную повестку дня // *Журнал институциональных исследований*. 2020. Т. 12. № 1. С. 128—143. <https://doi.org/10.17835/2076-6297.2020.12.1.128-143>.
- Kazun A. P., Kazun A. D. (2020) Institutional Quality and the Fight of the G20 Leaders for the International Agenda in Print Media. *Journal of Institutional Studies*. No. 1. P. 128—143. <https://doi.org/10.17835/2076-6297.2020.12.1.128-143>. (In Russ.)
- Кастельс М. Галактика Интернет: размышление об Интернете, бизнесе и обществе. Екатеринбург: У-Фактория, 2004.
- Castells M. (2004) The Internet Galaxy. Reflections on the Internet, Business, and Society. Ekaterinburg: U-Faktoriia. (In Russ.)
- Кашлев Ю. Б. Информационный взрыв: международный аспект. М.: Международные отношения, 1988.
- Kashlev I.U.B. (1988) Information Explosion: International Aspect. Moscow: International Relations. (In Russ.)
- Лайнбарджер П. Психологическая война. М.: Воениздат, 1962.
- Linebarger P.M.A. (1962) Psychological Warfare. Moscow: Voenizdat. (In Russ.)
- Маклюэн М., Фиоре К. Война и мир в глобальной деревне. М.: Астрель, 2012.

McLuhan M., Fiore Q. (2012) *War and Peace in the Global Village; An Inventory of Some of the Current Spastic Situations That Could Be Eliminated by More Feedforward*. Moscow: Astrel. (In Russ.)

Панфилов А. Ф. Радиовойна: история и современность. Очерки о внешнеполитической радиопропаганде фашистской Германии, Англии, США и ФРГ. М.: Искусство, 1984.

Panfilov A. F. (1984) *Radio War: History and Modernity. Essays on Foreign Policy Radio Propaganda of Fascist Germany, England, the USA and the FRG*. Moscow: Iskusstvo. (In Russ.)

Современная идеологическая борьба и проблемы языка / отв. ред. Дешериев Ю. Д. М.: Наука, 1984.

Desheriev Yu. D. (ed.) (1984) *Modern Ideological Struggle and Language Problems*. Moscow: Nauka. (In Russ.)

Шиллер Г. Манипуляторы сознанием. М.: Мысль, 1980.

Schiller H. I. (1980) *Communication and Cultural Domination*. Moscow: Mysl. (In Russ.)

Balmas M. (2018) Tell Me Who Is Your Leader, and I Will Tell You Who You Are: Foreign Leaders' Perceived Personality and Public Attitudes Toward Their Countries and Citizenry. *American Journal of Political Science*. Vol. 62. No. 2. P. 499—514. <https://doi.org/10.1111/ajps.12354>.

Bernstein H. (1935) *Can We Abolish War?* New York, NY: Broadview.

Boydston A. E., Hardy A., Walgrave S. (2014) Two Faces of Media Attention: Media Storm versus Non-Storm Coverage. *Political Communication*. Vol. 31. No. 4. P. 509—531.

Buchanan W., Cantril H., Unesco. (1953) *How Nations See Each Other: A Study in Public Opinion*. Urbana, IL: University of Illinois Press.

Hollanders D., Vliegenthart R. (2008) Telling What Yesterday's News Might be Tomorrow: Modeling Media Dynamics. *Communications: European Journal of Communication Research*. Vol. 33. No. 1. P. 47—68.

Kariel H. G., Rosenvall L. A. (1984) Factors Influencing International News Flow. *Journalism and Mass Communication Quarterly*. Vol. 61. No. 3. P. 509—666. <https://doi.org/10.1177/107769908406100305>.

Kim K., Barnett G. A. (1996) The Determinants of International News Flow a Network Analysis. *Communication Research*. Vol. 23. No. 3. P. 323—352. <https://doi.org/10.1177/009365096023003004>.

Lowrence R. G. (1996) Accidents, Icons, and Indexing. The Dynamics of News Coverage of Police Use of Force. *Political Communication*. Vol. 13. P. 437—454.

Many Voices, One World: Communication and Society, Today and Tomorrow: Towards a New More Just and More Efficient World Information and Communication Order. (1980) London: Kogan Page; New York, NY: Unipub; Paris: Unesco.

Mehra A. (1986) *Free Flow of Information: A New Paradigm*. New York, NY: Greenwood Press.

Segev E. (2016) *International News Flow Online: Global Views With Local Perspectives*. New York, NY: Peter Lang.

Segev E. (2015) Visible and Invisible Countries: News Flow Theory Revised. *Journalism: Theory, Practice and Criticism*. Vol. 16. No. 3. P. 412—428. <https://doi.org/10.1177/1464884914521579>.

Wien C., Elmelund -Praesteker C. (2009) An Anatomy of Media Hypes: Developing a Model for the Dynamics and Structure of Intense Media Coverage of Single Issue. *European Journal of Communication*. Vol. 24. No. 2. P. 183—201.

Wu H. D. (2000) Systemic Determinants of International News Coverage: A Comparison of 38 Countries. *Journal of Communication*. 2000. Vol. 50. No. 2. P. 110—130. <https://doi.org/10.1111/j.1460-2466.2000.tb02844.x>.

DOI: [10.14515/monitoring.2021.2.1765](https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.2.1765)

Ж. В. Чернова, Л. Л. Шпаковская

**«БЕСКОНЕЧНЫЙ ДЕНЬ СУРКА»:
СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ УЧЕБНЫХ ПРАКТИК
СТУДЕНТОВ ВУЗОВ В СИТУАЦИИ ВЫНУЖДЕННОЙ ИЗОЛЯЦИИ**

Правильная ссылка на статью:

Чернова Ж. В., Шпаковская Л. Л. «Бесконечный день сурка»: социологический анализ учебных практик студентов вузов в ситуации вынужденной изоляции // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2021. № 2. С. 464—483. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.2.1765>.

For citation:

Chernova Zh. V., Shpakovskaya L. L. (2021) “Endless Groundhog Day”: Sociological Analysis of Educational Practices Implemented by University Students in a Situation of Forced Isolation. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 2. P. 464–483. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.2.1765>. (In Russ.)

«БЕСКОНЕЧНЫЙ ДЕНЬ СУРКА»: СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ УЧЕБНЫХ ПРАКТИК СТУДЕНТОВ ВУЗОВ В СИТУАЦИИ ВЫНУЖДЕННОЙ ИЗОЛЯЦИИ

“ENDLESS GROUNDHOG DAY”: SOCIOLOGICAL ANALYSIS OF EDUCATIONAL PRACTICES IMPLEMENTED BY UNIVERSITY STUDENTS IN A SITUATION OF FORCED ISOLATION

ЧЕРНОВА Жанна Владимировна — доктор социологических наук, ведущий научный сотрудник, Социологический институт РАН — филиал Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук, Санкт-Петербург, Россия; доцент факультета свободных искусств и наук, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия
E-MAIL: chernova30@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0003-3416-5287>

Zhanna V. CHERNOVA^{1,2} — Dr. Sci. habil. (Soc.), Senior Researcher; Associate Professor of the Faculty of Liberal Arts and Sciences
E-MAIL: chernova30@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0003-3416-5287>

ШПАКОВСКАЯ Лариса Леонидовна — кандидат социологических наук, старший научный сотрудник, Социологический институт РАН — филиал Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук, Санкт-Петербург, Россия
E-MAIL: slarisalarisa@gmail.com
<https://orcid.org/0000-0002-4206-4702>

Larisa L. SHPAKOVSKAYA² — Cand. Sci. (Soc.), Senior Researcher
E-MAIL: slarisalarisa@gmail.com
<https://orcid.org/0000-0002-4206-4702>

¹ Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia

² Sociological Institute of the RAS — a Branch of the Federal State Budgetary Institution of Science of the Federal Research Sociological Center of the Russian Academy of Sciences, Saint Petersburg, Russia

Аннотация. В статье рассматриваются практики обучения во время вынужденного перехода на дистанционный формат весной 2020 г. В этот период многие молодые люди переживали кризис устройства повседневности: некоторые оказались закрытыми в ограниченном жилом пространстве в одиночестве, кому-то пришлось вернуться в родительскую семью, кто-то был изолирован в университетском общежитии. Карантин создал ситуацию глобальной поломки привычных структур повседневности и учебной деятельности. Авторы интересуются, как изменилась повседневность студентов

Abstract. The article examines learning modes during the forced transition to distance learning in the spring of 2020. During this period, many young people experienced a breakdown of the set-up of their everyday life: some were closed in a confined living space, someone had to return to their parental family, someone was isolated in a university dormitory. Globally, the quarantine has created a situation when usual structures of everyday life and learning activities were broken. The authors are interested in how students' everyday life changed in the spring of 2020. Distance learning in the context of self-isolation is associated

во время карантина весной 2020 г. Дистанционное обучение в условиях самоизоляции связано с изменением форм социальной включенности в учебный процесс, переструктурированием локальности и темпоральности практик обучения, досуга, свободного времени, общения и поиском новых способов «управления собой» (поддержание концентрации и включенности в образовательный процесс, борьба с прокрастинацией и попытки сделать свою повседневность комфортной). Авторы используют основные положения социологии повседневности (теория практик), фокусируясь на микроуровне анализа повседневных коммуникаций. Эмпирическими материалами исследования выступили полуструктурированные интервью со студентами, обучающимися в одном из университетов Санкт-Петербурга ($N = 35$). Анализ этих данных дал возможность понять, каким образом молодые люди адаптируются в ситуации обучения в изоляции, какие практики они вырабатывают и каким образом переживают эту ситуацию разрывов привычной ткани повседневности. Студенты были вынуждены переструктурировать пространство и время путем зонирования, обустройства виртуальных классов, создания нового режима дня, включения в дистантные локальности, (а)синхронизации времени учебы и внеучебных практик. Авторы описывают режимы включения в образовательные коммуникации «камера on» и «камера off», тем самым внося вклад в обсуждение более широких тем, связанных с социологическим осмыслением размывания границ между приватным и публичным в современном обществе.

with a change in forms of social inclusion within the educational process, as well as with restructuring of the locality and temporality of learning practices, leisure, free time, communication, and the search for new ways of “self-management” (maintaining concentration and involvement in the educational process, fighting procrastination and trying to make your everyday life comfortable). The authors utilize main concepts of the sociology of everyday life (practice theory), focusing on the micro-level of everyday communications. The empirical basis of the research is semi-structured interviews with students of a university in St. Petersburg ($N = 35$). The data analysis made it possible to understand how young people adjust to learning in isolation, what practices they develop and how they experience ruptures in the habitual fabric of everyday life. Students were forced to restructure the space and time by zoning, arranging virtual classrooms, creating a new daily routine, involving in distant localnesses, (a)synchronizing the time of study and extracurricular practices. The authors describe the modes of inclusion in educational communications “camera on” and “camera off”, thereby contributing to the discussion on issues related to the sociological understanding of blurring the boundaries between private and public in contemporary society.

Ключевые слова: практики повседневности, дистанционное обучение, молодежь, пандемия

Keywords: everyday life practices, distance learning, the youth, COVID-19 pandemic

Благодарность. Статья подготовлена в рамках НИР «Развитие образовательной модели свободных искусств и наук (Liberal Arts) в условиях цифровизации» (РАНХиГС, 2020 г., ID проекта в системе Pure СПбГУ 53583510).

Acknowledgments. The article was prepared within the research “The Development of the educational model for liberal arts and sciences in the context of digitalization” (RANEPА, 2020, project ID in the Pure system of St. Petersburg State University 53583510).

Статья направлена на изучение того, как изменились практики обучения студентов, а также устройство их повседневной жизни во время вынужденного перехода на дистанционную форму обучения в период пандемии COVID-19. 16 марта 2020 г. Министерство образования РФ рекомендовало вузам «организовать обучение студентов вне места нахождения вузов, в том числе обеспечить освоение ими образовательных программ с применением дистанционных технологий»¹. Вузы были вынуждены в ускоренном порядке реорганизовать свою работу, внедряя новые технологические и организационные решения, а студенты — адаптироваться к новым условиям проживания и обучения на карантине. В статье рассматривается онлайн-формат обучения в условиях карантина как ситуация «поломки» привычных структур повседневности и учебной деятельности.

Мы ставим следующие исследовательские вопросы:

- каким образом студенты переформатируют свою повседневность, адаптируясь к необходимости учиться из дома?
- как изменяются границы приватного и публичного в ситуации дистанционного обучения?
- какие режимы включения в процесс образовательной коммуникации выработывают студенты?
- как технологии дистанционного обучения одомашниваются молодыми людьми?
- какие эмоции, типы эмоциональной работы и заботы о себе изобретаются ими?

Карантин как поломка повседневности

Для изучения процессов перехода на онлайн-обучение [Максимова, Глазов, 2018] мы используем подход микросоциологического анализа социального взаимодействия [Волков, Хархордин, 2008]. Мы исходим из того, что позиция индивида в пространстве социального взаимодействия («на сцене», «за кулисами»), наличие «зрителей» и других участников коммуникации задает содержание исполняемой

¹ Агранович М. Минобрнауки рекомендовало вузам организовать дистанционное обучение // Российская Газета, 15.03.2020. <https://rg.ru/2020/03/15/minobrnauki-rekomendovalo-vuzam-organizovat-distancionnoe-obuchenie.html> (дата обращения: 16.03.2021).

роли и способ ее представления. Конвенционально разделяемое знание драматургии исполняемой участниками «пьесы» подкрепляется соответствующими «декорациями», костюмами актеров и манерой исполнения (жесты, телесные идиомы, интонации и пр.). Социально компетентный индивид не только хорошо знает предписанную ему роль и умеет правильно ее исполнить, но и ориентируется в доступном ему репертуаре представлений, попадая в соответствующее организованное социальное пространство и правильно интерпретируя видимые ему маркеры (декорации, антураж, реквизит других исполнителей) [Гофман, 2000; Вахштайн, 2003b].

Ситуация самоизоляции и вынужденного перехода на онлайн-формат обучения представляют собой ситуацию поломки устоявшихся структур повседневности студентов. До начала карантина повседневность студента была выстроена вокруг логики образовательного процесса, задающей четкое разграничение публичной и приватной сфер жизни и времени, форматированного учебным календарем (учебный год, расписание аудиторных занятий, внеучебная активность и свободное от учебы время). Мы рассматриваем карантин как ситуацию поломки повседневности [Гарфинкель, 2007], изменения правил и структур повседневной коммуникации, когда происходит смещение, наложение и переструктурирование границ приватного/публичного, способов самопрезентации в этих пространствах, приводящих к необходимости изменений практик тела [Мосс, 1996] и способов поддержания своего социального лица [Гофман, 2000; Вахштайн, 2007]. Поломка повседневности предполагает изменение эмоциональных режимов, поскольку каждое из пространств и типов действий, предполагаемых в нем (например, учебная аудитория), также включает конвенциональные правила чувств и выражения эмоций [Hochschild, 1983] (например, в аудитории принято демонстрировать спокойствие и избегать излишней эмоциональности, а также поддерживать заинтересованность и включенность в процесс образовательной коммуникации, подавляя скуку). Поломка повседневности предполагает изменение правил чувств, а в ситуации неопределенности этих правил может сопровождаться эмоциональной дезориентацией, требующей дополнительной эмоциональной работы. Стресс, страх, неуверенность и опасения разоблачения свидетельствуют о такой поломке [Гарфинкель, 2007].

Методы и эмпирическая база исследования

Вынужденный переход российских университетов на онлайн-формат обучения весной 2020 г. рассматривался нами как уникальная возможность изучить изменение учебных практик и отношения к ним студентов непосредственно в процессе массового внедрения этих образовательных технологий. Для того чтобы понять, каким образом студенты переструктурируют свою повседневность и адаптируются к новым формам образовательного процесса, в период с марта по май 2020 г. были проведены полуструктурированные интервью со студентами бакалавриата, обучающимися на одном из факультетов вуза Санкт-Петербурга ($N = 35$).

Исследование проводилось с использованием стратегии описательного кейс-стади. Случай изучается нами как фрагмент социальной реальности [Романов, 2005], связанной с трансформацией институциональных правил и норм образова-

тельных учреждений, а также индивидуальных интерпретаций и практик учебного взаимодействия в период карантина. Эта стратегия направлена на поиск ответов на вопросы о том, как и для чего производится подробное описание выбранного социального явления на примере конкретного объекта [там же: 102].

Выборка и дизайн исследования основаны на методологии peer-to-peer: студенты исследуемого факультета выступали в роли исследователей после обучения методике интервьюирования, участвовали в поиске информантов и сами брали интервью. Данный дизайн исследования был выбран, поскольку позволяет избежать властно-вертикальной коммуникации, неизбежной в процессе взаимодействия между студентом и преподавателем [Bradbury-Jones, Naylor, 2015]. Мы предполагали, что в ситуации коммуникации между равными студентами — участники исследования будут более открытыми в описании своего опыта и оценке организации различных аспектов учебного процесса до начала самоизоляции и в процессе перехода на онлайн-обучение [Byrne et al., 2015]. Интервью проводились онлайн из-за введенного режима самоизоляции в доверительной обстановке, а также в соответствии с этическими нормами социологического исследования. Интервьюирование не предполагало материального стимулирования информантов.

Гайд интервью помимо биографического блока и образовательной истории информанта предполагал обсуждение различных аспектов организации учебной и внеучебной жизни студентов до введения режима самоизоляции и в процессе перехода на онлайн: формат проведения лекционных и семинарских занятий, домашних заданий и других форм отчетности по курсам, характер коммуникации между преподавателями и студентами в аудитории и за ее пределами, институционализированные и неформальные практики взаимодействия студентов, а также опыт прохождения студентами различных онлайн-курсов на образовательных платформах и оценка перспектив развития онлайн-формата образования в целом.

Транскрипты всего массива данных интервью кодировались при помощи программы ATLAS.ti с использованием метода тематического анализа [Flick, 2006]. Единицей анализа выступал тематический нарратив, посвященный отдельным аспектам учебного процесса и образовательного опыта. На основе кодирования были выделены тематические категории, используемые информантами для описания и интерпретации своего повседневного опыта перехода на онлайн-обучение, такие как: «восприятие учебного процесса до начала карантина», «восприятие лекций, семинарских занятий, объема и формата домашних заданий до начала карантина», «восприятие студенческой жизни до начала карантина», «восприятие процесса перехода на онлайн-обучение», «эмоции в процессе перехода на онлайн-обучение», «проблемы в организации учебы и повседневности во время карантина», «использование технических образовательных средств во время карантина», «практики самоконтроля, управления временем и организации пространства в период карантина». Аналитическая интерпретация значений категорий анализа позволила сопоставить их смыслы и описать, каким образом молодые люди адаптируются к ситуации обучения в изоляции, тотальному распространению онлайн-формата, как вписывают процесс учебы в свою повседневную жизнь.

Фреймы повседневности студентов до начала режима самоизоляции

Интервью со студентами представляют их повседневность до начала карантина как достаточно структурированную, имеющую четкие границы между пространствами разного типа, которые соотносились с учебой и свободным временем. При этом существовали институционально оформленные правила и механизмы перехода этой границы. Выход из приватного пространства дома для многих сопровождался изменением своего внешнего вида и одежды в соответствии с конвенциональными правилами публичности. Процесс перемещения из одного пространства в другое в интервью выделяется особым образом и описан как необходимый для того, чтобы «выйти из одной роли» и подготовиться к исполнению другой: «когда идешь пешком до университета, то это тебя немножко освежает» (М., 3 курс), «в транспорте успеваю пробежать текст и подготовиться к парам» (Ж., 4 курс). Если дорога до места учебы слишком долгая, она представляется как изнурительная и избыточная активность в течение дня, приводит к невозможности правильного исполнения роли успешного студента:

...Первые два года мне было очень тяжело ввиду того, что я тратил около пяти часов практически каждый день, чтобы добраться от общежития до факультета. <...> Мне приходилось опаздывать частенько, и иногда я не успевал сдавать в срок домашние задания. (М., 3 курс)

Переключение фреймов коммуникации было связано с физическим перемещением между пространствами, пересечением видимых физических границ (вход в здание университета, проход через турникет, предъявление пропуска, вход в аудиторию, в которой согласно расписанию проходит занятие по определенному курсу и пр.). Информанты говорят о важности для них наличия этого институционализированного перехода из одного пространства в другое, который предполагает специфические формы опыта, коммуникации и дисциплины: «когда ты приходишь в здание университета, и сидишь там в этих коридорах и аудиториях, видишь людей, которые там работают» (Ж., 2 курс), «то есть видишь материальную часть этого института, она дисциплинирует» (Ж., 3 курс).

Социальный порядок внутри университета предполагает определенные формы самопрезентации как студентов, так и преподавателей. Сам антураж пространства аудитории задает способ презентации себя и поддерживает конвенционально разделяемые правила и смыслы взаимодействия участников образовательного процесса: столы и стулья, расставленные определенным образом (рядами или по кругу), место преподавателя (кафедра, стол со стоящим на нем компьютером), проектор и экран для демонстрации слайдов, доска, расположенная, как правило, за спиной преподавателя. Пространственное устройство аудитории определенным образом структурирует возможные формы поведения и взаимодействия в ней.

Чтобы описать коммуникацию и формы самопрезентации студентов в аудитории, мы предлагаем использовать понятие учебного дисплея (по аналогии с гендерным дисплеем), под которым понимаем телесные идиомы, стиль одежды, манера поведения и содержание общения, позволяющие студентам управлять впечатлением о себе и представлять себя компетентным лицом, вызывающим коммуникативное доверие, что может поддерживаться высокой оценкой со стороны преподавателей.

Разные формы аудиторных занятий предполагают разные способы самопрезентации и управления вниманием. Анализ собранных материалов показал, что студенты изучаемого факультета предпочитают «интерактивные формы» занятий, что позволяет поддерживать вовлеченность в образовательный процесс, а также дает возможности демонстрации своего учебного дисплея в процессе взаимодействия с преподавателем или другими учащимися:

Лично я очень люблю лекции с возможностью перебивать преподавателя с целью задать вопросы. (Ж., 2 курс)

Мне нравятся смешанные занятия, где есть дискуссия. Это дает возможность развития критического мышления, умения слушать и слышать другого, оно воспитывается в нашем университете. (М., 4 курс)

Мне понравилось, что у нас много [занятий] ориентированы на командную работу в малых группах, что является важной особенностью факультета. То есть факультет дает не только возможность самовыражения, почву для развития собственного мнения, но и учит взаимодействовать с другими. (Ж., 2 курс)

Другими типами публичных пространств университета выступают места социального общения и неформальной коммуникации: кафе, рекреации, «курилка». Это пространства, в которых (вос)производится коллективный стиль самопрезентации студентов, их общий габитус, а также формируется особая «атмосфера» и возникает чувство «мы» через сходные и разделяемые практики говорения, курения, потребления еды и напитков и пр.

Единственное — я скукаю по курилке. Вот почему мне не хватает нашего факультета. Мне не хватает именно общения. Когда у вас наконец-то перерыв между парами, ты выходишь в сад, начинаешь с кем-то разговаривать, обсуждать. Потом идешь в столовую, берешь кофе. Дружно идешь на пару. (М., 3 курс)

Прихожу просто общаться там с друзьями, сидеть, стоять в очереди к автоматам за сникерсом, в столовку ходить, в саду гулять. (Ж., 2 курс)

Ну, потому что в офлайне наличествует эффект присутствия. Я это как-то соотношу вот с хайдеггеринской идеей дазайна. Вот что ты находишься прямо вот в моменте, то есть ты прямо присутствуешь! Ты осуществляешься вместе с другими. (М., 3 курс)

Таким образом, повседневность студентов до начала карантина была структурирована вокруг учебного процесса, в центре которого находится пространство факультета. Университет и академический календарь также структурировали и повседневную жизнь вне его стен, организуя режим дня и перемещения в пространстве. Расписание занятий и пространство университета выступали одной из основных «точек сборки» студенческой повседневности.

Эмоции в процессе перехода на онлайн

Субъективное восприятие ситуации поломки повседневности имеет эмоциональное измерение. Если сложившиеся привычное течение повседневности и повседневной коммуникации остается незамеченным, создается ощущение стабильности, обыденности происходящего и даже может казаться скучным, то поломка характеризуется сменой эмоционального фона. Эмоциональная тональность перехода на онлайн-формат обучения в связи с введением режима самоизоляции включала широкую палитру переживаний и чувств. Начало карантина сопровождалось всплеском эмоций, в рассказах студентов было позитивно окрашено и воспринималось информантами как «радостное событие», своеобразные каникулы, позволяющие им вернуться домой, отдохнуть от учебы и поездок в университет, а также заняться «более приятными вещами»:

Первая неделя была точно прекрасной, будто на каникулы вышла. Мне нравилось, что не нужно было тратить время на то, чтобы собраться, добраться до здания, остынуть от пота, пока бежала, опаздывала на пару. (Ж., 1 курс)

Эмоциональное состояние студентов после первых недель самоизоляции приобрело иную окраску. Информанты стали говорить, что им психологически тяжело переживать эту ситуацию, так как «накопилась усталость» от постоянного нахождения в закрытом пространстве, резкого сокращения «живых» социальных контактов, а также выпадения из докарантинной повседневности, в значительной мере заданной логикой и ритмом учебного процесса

Я стал понимать, что ничего не происходит, мое пространство сузилось до моей комнаты, мне стало грустно и тоскливо, потому что жизнь проходит мимо меня, на улице весна, а я сижу дома. (М., 1 курс)

Я стал понимать, что если не начну ничего делать, то я просто повешусь. (М., 3 курс)

Если в обычной жизни я успевала хоть что-то, читала книги, то сейчас это тотальная деградация. У меня и так удаленка, я теперь всегда сижу дома... Ем чипсы, смотрю сериалы. Я себя даже морально заставляю, чтобы просто пойти помыть посуду, что уж там говорить про пары. (Ж., 2 курс)

С течением времени происходит рутинизация карантинных практик, а эмоциональный фон информантов стабилизируется в результате проделанной ими работы по приведению своих переживаний и чувств в соответствие с новой жизненной ситуацией. Признаком проделанной эмоциональной работы стали нарративы респондентов о том, что они со временем нашли позитивные моменты в онлайн-обучении и жизни в самоизоляции.

Иногда я очень радуюсь тому, что происходит, онлайн-обучению. Не надо тратить время на дорогу, потому что я очень долго добираться до университета, встаю, соответственно, очень рано. Здесь этого делать не приходится, это приятно. (Ж., 2 курс)

Моя мечта сбылась. Я давно думала о том, что все-таки не обязательно ездить в одно определенное место, чтобы сидеть на стуле от трех до шести-девяти часов, записывать без конца лекции и умирать с голоду. (Ж., 3 курс)

Онлайн-обучение: переформатирование пространства

Если до самоизоляции граница между приватной и публичной сферами была институционально оформлена и ее пересечение было связано с физическим перемещением в городском пространстве, позволяющим перейти из одного режима презентации себя в другой, то введение вынужденной самоизоляции привело к тому, что учебное пространство и пространство дома совпали. С точки зрения социологии повседневности это означает фундаментальное нарушение социального порядка, который основан на разделении пространств разного типа, а также способов взаимодействия и презентации себя в них. Ситуация карантина как наложения публичного и приватного пространства привела к дезориентации индивидов, сбив привычные настройки сложившихся паттернов взаимодействия и знаков маркировки того или иного пространства. Вынужденное превращение домашнего пространства в единственное место учебы заставило студентов вырабатывать способы переформатирования этого пространства и своего поведения в нем.

Первый способ условно можно назвать «одомашниванием публичного»: ни само пространство дома, ни устоявшиеся в нем практики взаимодействия не подвергаются существенному пересмотру. Респонденты говорят, что продолжали поддерживать такие способы организации повседневности, которые были обычными для их дома. При этом они вписывали учебные активности в эти привычные домашние практики. Образовательная активность оказывалась вторичной по отношению к домашнему стилю жизни. Респонденты слушали лекции и участвовали в семинарских занятиях параллельно с домашними занятиями, одни — лежа в кровати, другие во время приема пищи, а кто-то слушал лекции вместе с родителями.

Прикольно. Можно посуду мыть, что угодно делать, пока тебе говорят. (Ж., 2 курс)

[Во время занятий] перебираю или убираю, могу в телефон залезть, но это никак не мешает мне учиться. Я только быстрее все делаю и запоминаю лучше, поскольку фоном все слушаю. (Ж., 2 курс)

Я вчера буквально слушала лекцию, когда мылась, потому что я мылась с головой, а лекция была длинная. И я подумала: «Нужно послушать», она идет два часа, полчаса в душе. Это, кстати, был потрясающий опыт, если что я советую всем, если у тебя есть такая возможность. Это было гениально, я запомнила все настолько хорошо, что я готова пересказывать эту лекцию снова. (Ж, 2 курс)

Второй способ переструктурирования домашнего пространства связан с переключением режимов приватного/публичного во времени, иначе говоря, одно и то же пространство становится учебным или пространством дома в разные отрезки времени.

Мое рабочее место — это моя кровать. Во время занятий я включаю Zoom на ноутбуке, ложусь поудобнее и сижу... Я вообще все всегда делаю в кровати, то есть если мне нужно написать какую-то работу — я делаю это в кровати, я никогда не сижу за столом, я всегда пишу все-все лежа в кровати. Получается, что я живу в кровати: днем учусь, а вечером смотрю сериальчики, чай пью — в общем, отдыхаю. Замечательно удобно! (М., 3 курс)

В некоторых интервью такие переключения режимов публичности/приватности представлены как динамичные, постоянно сменяемые во время онлайн-обучения виды активности:

Иногда я отхожу [во время онлайн-занятия], допустим, попить или что-то такое, потом снова возвращаюсь, мне так проще. (М., 1 курс)

Бывает такое, что я отвлекаюсь на другие окна на экране компьютера, делаю растяжку или готовлю. (Ж., 2 курс)

Зонирование представлено информантами как способ создания «квазипубличных» пространств внутри жилья, выделения отдельных зон для работы и отдыха:

Я опять же пытаюсь придумывать что-то для себя, зонировать пространство, как я говорила, работать за другим столом, не где я ем, отдыхать — на диване, а работать — на него не садиться, иначе я усну. (Ж., 3 курс)

Есть же поговорка: «не спи там, где ешь», и это правда так. Поэтому я стараюсь сидеть на полу, в странных местах, на подоконнике. Изъезживаюсь как могу. (Ж., 2 курс)

Я это делаю так: переносу [учебные занятия] в разные комнаты, пространства; сходить туда, сделать это, потом в другом месте — другой предмет. (М., 3 курс)

Физическое и социальное пространства схлопнулись до фактического места проживания информантов. Оно стало гетеротопическим, поскольку начало выполнять множество различных функций, не свойственных ему ранее: учеба, работа, спортивные тренировки, культурное потребление. Новая конфигурация физического и социального пространства потребовала выработки новых способов и правил проживания в нем.

Онлайн-обучение и управление временем

Дезориентация в социальном пространстве устоявшихся взаимодействий, возникшая из-за смещения границ публичного и приватного, повлекла за собой изменения в восприятии студентами темпоральности их повседневной жизни. Распорядок дня участников исследования в ситуации самоизоляции по-прежнему был обусловлен учебным расписанием, однако вписать график занятий в режим дня оказалось не менее сложно, чем переформатировать пространство. В рассказах респондентов пространство университета выполняет дисциплинирующую

функцию, в его отсутствие рассинхронизируются временные перспективы, поскольку исчезают социальные механизмы принуждения — например, вставать утром в определенное время, создавать публичное лицо (бриться, краситься, одеваться) в соответствии с контекстом предполагаемого взаимодействия. В ситуации карантина каждый начинает существовать в своей индивидуальной темпоральной перспективе в соответствии со своим местом проживания, стилем и ритмом жизни.

Как показали материалы интервью, когда нет внешних, привычных и основанных на предыдущем опыте офлайн-обучения механизмов регламентации и контроля за поведением студентов во время занятий, происходит рассинхронизация временных перспектив, которая определяется информантами как «сбившийся режим дня»: «Изменился [режим дня] — это мягко сказано, потому что, к примеру, сегодня я уснул в 9 утра, проснулся в полчетвертого дня. И, собственно, почти каждый день так» (М., 3 курс); «Было такое, что я там засыпаю в 4, встаю в 12... сейчас полегче, конечно» (М., 3 курс); «Один из курсов я глобально просыпаю. Я включаю пару и просто засыпаю, и никак не могу помочь себе с этой проблемой» (Ж., 2 курс).

Субъективное восприятие времени стало организовываться вокруг повседневности «здесь и сейчас». Многим студентам сложно в таких условиях разделять время «для учебы» и «для отдыха». Они стали воспринимать время как недифференцированное, разряженное, ненасыщенное событиями и проходящее мимо внимания.

Кроме того, появляется чувство неудовлетворенности. Посетив пару в университете, ощущаешь, что уже сделал нечто значимое. А находясь дома, кажется, несмотря на работу, что ничего не происходит, ничего не делаешь. (Ж., 4 курс)

Суммарно твой рабочий день выглядит гораздо короче, потому что нет вот этой иллюзии передвижения куда-то, смены локаций и так далее. И к вечеру — как правило, часов в 6—7, — я уже ничего не делаю, и от этого у меня все время возникает ощущение, что я филоню, что я ничего не успела за день. (Ж., 4 курс)

Да, из-за того, что я учусь из дома, мне кажется, будто бы я все время учусь. То есть вот раньше я собиралась на учебу, ехала на учебу, там вот уже училась, приезжала и делала какие-то дела и четко было время, когда я сажусь учиться, я учусь и заканчиваю учиться. То сейчас этот процесс как будто бы размазан в течение дня. (Ж., 2 курс)

Особенно остро ощущали гетерохронию, то есть рассогласование временных перспектив учебного календаря [Вахштайн, 2003а], самих студентов, их одноклассников, друзей и родственников, те информанты, которые во время карантина были вынуждены вернуться к родителям, проживающим в населенных пунктах, расположенных в других часовых поясах. Студенты испытывали сложности из-за того, что им приходилось вписывать свое личное время во временные рамки, часто сильно отличающиеся от их повседневности:

Я провожу за ноутбуком гораздо, гораздо больше времени. И это особенно тяжело из-за того, что я нахожусь в другом часовом поясе. Я нахожусь в другом регионе, и поэтому вечерние пары у меня длятся до часу ночи. (Ж., 1 курс)

Студенты говорили, что им приходится предпринимать специальные усилия, направленные на синхронизацию своего режима дня с расписанием учебных занятий в отсутствие внешнего строгого принуждения. В частности, они полагали, что дисциплинируют себя. К практикам самодисциплины относятся, например, попытки создать собственный распорядок дня, самопринуждение, самопоощрение:

Приходится создавать себе самому расписание, без него впадаешь в хаос и разброс, и дни вообще начинают мешаться. И ты не помнишь — было это вчера или неделю назад или вообще сегодня утром. Один день похож на другой, особенно если ты сидишь в замкнутом пространстве. Это довольно сложно. Вот и как бы приходится строить какой-то план действий: сейчас я буду делать это, во столько вот это. Как будто у тебя реальное расписание занятий, но ты сидишь дома и делаешь вид, что ты не сидишь дома. (М., 3 курс)

С целью самопринуждения и самодисциплины применялись технические средства, позволяющие контролировать использование времени на разные виды онлайн-активности. Например, специальные программы, ограничивающие время присутствия в социальных сетях, доступ к развлекательному контенту на интернет-ресурсах (например, Self-Control, TrackTime, FocusBooster и др.). Некоторые использовали блокировки сайтов или приостанавливали свое пользование определенными интернет-ресурсами: «Недавно удаляла Instagram на неделю, чтобы не зависать в него. А то я иногда думаю: „Что-то мне как-то тревожно, пойду в Instagram“» (Ж., 2 курс).

В отсутствие инструментов единого институционального тайминга, поддерживающего общий ритм учебного процесса, некоторые респонденты пытались объединяться в мини-группы для совместной учебы и выполнения домашних заданий. Такие мини-группы могли быть виртуальными, однако при возможности переходили в режим физического сопresутствия, как, например, в случае совместной аренды жилья:

В какой-то момент хочется коворкинг, мы все переходим на кухню, садимся за один большой стол и там работаем, потому что мы все что-то читаем, мы все что-то пишем. Иногда нужно ощущение того, что все вместе работают, поэтому мы собираемся и делаем это вместе. У нас такой [название факультета] маленький происходит. Идешь по квартире: тут кто-то сидит что-то слушает, тут сидит слушает, там сидит слушает. (М., 2 курс)

Таким образом, режим изоляции привел к необходимости адаптации пространственных и временных практик студентов, обучающихся онлайн. Эта ситуация характеризовалась снижением чувства социальной включенности студентов в образовательный процесс и появлением чувства выпадения из студенческого сообщества. Многие участники исследования, описывая свой опыт проживания на карантине, говорили, что «скучают по факультету», «по живому общению на парах». Объективная невозможность посещения университета, отсутствие физического сопresутствия в аудитории, рассинхронизация временных перспектив студентов привели к диссоциации студенческого сообщества и попыткам его пересборки в новом формате.

Режимы видимости: управление вниманием и впечатлением

Ситуация учебного взаимодействия как одного из типов социальной коммуникации в большой степени оформляется техническими средствами и оборудованием, доступными его участникам. Мы предлагаем использовать технический термин «режим видимости» для описания степени вовлеченности индивида в социальную коммуникацию, а также тех средств, которые используются для демонстрации форм участия в ней [Гоффман 2017: 113]. Способы презентации себя, управления впечатлением, демонстрации степени вовлеченности в ситуацию и поддержания своего учебного дисплея зависят также от технических средств, которыми располагают преподаватели и студенты. В ситуации офлайн-занятий такими техническими средствами выступают сама учебная аудитория, ее размеры, организация пространства, другое оборудование: проекторы, доска, компьютер, колонки. Одновременное физическое присутствие всех участников учебного взаимодействия в аудитории, где проходит занятие по установленному расписанию, делает их не только видимыми, но и подотчетными друг другу и общему контексту коммуникации, у них также относительно мало возможностей регулировать степень вовлеченности и присутствия внутри ситуации. Откровенное нарушение конвенциональных правил демонстрации своей вовлеченности в ситуацию (например, если студент или преподаватель играет в компьютерные игры, смотрит видео в мобильном телефоне, демонстративно занят своими делами, спит или совсем не приходит в аудиторию) может быть расценено как нарушение дисциплины или как оскорбление и привести к санкциям (плохие оценки, выговоры, увольнение/отчисление и пр.). Ожидается, что участники занятия будут не просто физически присутствовать в аудитории, но и определенным образом будут выглядеть: быть одетым в соответствии с определенным дресс-кодом и вести себя должным образом, демонстрировать заинтересованность в происходящем (например, показывать активное слушание преподавателю, вести записи, задавать вопросы и отвечать на вопросы, демонстрировать готовность к занятию). Такой режим видимости, который задан фреймом очного учебного занятия, можно условно назвать «базовым» режимом видимости.

Режим видимости онлайн-обучения зависит от технических параметров оборудования, используемого для выхода в интернет, скорости интернет-соединения, программ для организации урока. Такой режим видимости технически позволяет в большей степени контролировать студентами степень своей включенности в ситуацию учебного взаимодействия (например, меняя настройки камеры и микрофона). Здесь также возможен более широкий выбор способов управления впечатлением о себе по сравнению с «базовым» режимом (например, использование аватарок, виртуальных персонажей, изменение настроек фона и пр.). Кроме того, в ситуации виртуального взаимодействия можно предьявить (сделать видимой) только часть себя (например, демонстрируя только лицо или верхнюю часть туловища, одетую в соответствии с новым zoom-этикетом).

В изучаемом нами кейсе учебного процесса в период карантина в одном из российских вузов основным техническим средством для организации виртуальных занятий выступала платформа Zoom, используя которую, преподаватели и студенты имитировали базовый режим видимости, поддерживая стандартный формат

коммуникации на лекциях и семинарских занятиях: преподаватели преимущественно излагали материал в формате монолога, а на семинарах организовывались обсуждения, презентации результатов групповой работы студентов и дискуссии в малых группах.

Основным инструментом регулирования своей степени включенности в виртуальные занятия для студентов выступало включение/выключение камеры. Поскольку на изучаемом факультете отсутствовала единая политика видимости, то есть формальные правила, требующие обязательного включения камеры студентами во время занятий, то вопрос о том, быть видимым или нет, на каждом учебном курсе и каждым студентом решался по-своему, то есть учащиеся могли сами выбирать степень и форму демонстрации себя. Вместе с тем, даже если преподаватель требовал включения камеры, студенты всегда имели возможность не пользоваться ей, сославшись на технические сложности и проблемы соединения с интернетом, и рассматривали регулирование видимости в качестве собственной зоны компетенции и выбора.

Решения в пользу того, чтобы включить камеру, студенты объясняли требованием со стороны преподавателя, а также самим форматом занятия. Например, на языковых курсах преподаватели настоятельно рекомендовали использовать камеру для большего вовлечения в процесс обучения. В этих случаях студенты считали требования оправданными и соглашались их выполнять. На курсах семинарского или полусеминарского формата включение камер студентами было более произвольным, на лекциях же камеры студентов, как правило, были отключены.

Однако некоторые студенты всегда включали камеру, независимо от формальных требований и формата занятия, рассматривая это как знак уважения к преподавателю или чувства долга и личной ответственности за то, как будет проходить занятие, поскольку считали, что *«самая невыносимая вещь на занятиях — это тишина на семинарах»* (М., 3 курс). Включенная камера также позволяет студентам правильно исполнять предписанную им роль и демонстрировать свой учебный дисплей. В этом случае студенты ставят себя на место преподавателя и оценивают свое поведение его глазами: *«Представляя себя преподавателем, мне было бы не очень приятно»* (М., 1 курс). Некоторые информанты рассказали, что испытывают дискомфорт, когда не видят своих собеседников, поэтому во время занятий включают камеру для того, чтобы активировать режим видимости, поместить себя в контекст виртуального взаимодействия и обозначить свое присутствие в нем: *«Люди не включают камеры, а значит, непонятно вообще — они здесь или нет, когда человек говорит с черным экраном»* (М., 2 курс). В других случаях информанты объясняют включение видеокamеры во время занятий желанием дисциплинировать себя. Включенная камера заставляет поддерживать свое социальное лицо, создает ситуацию квазипубличности и помогает переключать режимы публичного/приватного взаимодействия, о которых речь шла ранее.

Самым простым и очевидным объяснением отказа включить камеру является отсутствие институционализированной политики видимости на факультете. Кроме того, выключенная камера позволяет студентам вписывать учебную коммуникацию в повседневность домашнего пространства и совмещать ее с другими видами активностей, не нарушая правила презентации себя в учебной аудитории: *«Просто*

я в пижаме, и мне не хочется, чтобы преподаватели и студенты видели меня в таком виде. Я же не буду одеваться в уличную одежду и краситься» (Ж., 2 курс).

On/off камера в рассказах информантов выступает эмоционально окрашенным сенситивным моментом, который вызывает у них смешанные чувства. Респонденты свидетельствуют о целой гамме эмоций, сопровождающих их решения учиться с включенной или выключенной камерой: от раздражения и стресса до чувства свободы и эйфории, возникающих от ощущения своей невидимости. Включенная камера позволяет не только презентовать себя, но и заглянуть в приватное пространство других участников коммуникации. Одни говорят, что им приятно видеть однокурсников и преподавателей в менее формальной обстановке, другие полагают, что видимость, а значит, и проницаемость и подотчетность своей и чужой приватности может вызывать негативные эмоции. Некоторые студенты обращают внимание на неравенство между однокурсниками, а также между студентами и преподавателями, которое становится заметны в режиме онлайн-видимости, поскольку устройство дома и его интерьер не только выражают эстетические вкусы его хозяина, но и выступают маркерами статусных различий:

... Мне кажется, у тех преподавателей, с которыми я занимаюсь, есть какое-то ощущение того, что они как-то обязаны это делать. Чтобы у них был красивый фон, почти у всех там книжки сзади. Они все-таки академики сидят. (М., 3 курс)

Иначе говоря, решение не включать камеру может интерпретироваться как способ контролировать выдаваемую о себе информацию, избегать оценивания тех аспектов коммуникации (домашняя обстановка, присутствие других людей в домашнем пространстве), которые могут повлиять на их презентацию себя и отличаться от публичного социального лица.

Таким образом, в ситуации учебы в режиме самоизоляции не только разрушаются привычные способы поддержания границ публичного/приватного и способ репрезентации себя, но и конструируются новые способы проведения этих границ и производства своего социального лица в этих пространствах.

Механический перенос основных характеристик базового режима видимости в онлайн-формат в ситуации учебного взаимодействия не дает ощущения реальности происходящего, не позволяет использовать сложившиеся формы социального взаимодействия и способы самопрезентации, требуя от участников дополнительных усилий по реструктурированию пространства и времени, а также представлению себя.

Заключение

Изучая, каким образом изменяется повседневность студентов в ситуации карантина и вынужденного перехода на онлайн-формат обучения, мы показали, как трансформируется значение приватного пространства, осуществляется диссоциация прежних сообществ и институционализируются новые формы социальной включенности. Мы опирались на драматургический подход исследований социального взаимодействия, который фокусируется на способах самопрезентации участников коммуникации как инструментах поддержания определенного типа

общественных ситуаций, имеющих четкие пространственные и временные перспективы, и социального порядка в более широком смысле. С одной стороны, эти изменения актуализировались в результате чрезвычайной ситуации, вызванной введением режима самоизоляции, что сделало их массовым опытом. С другой стороны, они вписаны в более глобальные процессы размывания границ между работой и жизнью, характерные для современных постиндустриальных обществ [Бауман, 2002; Бек, 2000].

Мы понимаем ограниченность нашего описания, поскольку эмпирические данные собирались в самом начале перехода на онлайн-формат обучения, когда он был введен административным решением Министерством науки и высшего образования и был по крайней мере символически маркирован окончанием учебного года. Быстрый переход, временный характер и относительная краткосрочность тотального онлайн-формата обучения оказали определенное влияние на субъективное отношение к необходимости пересборки повседневности и выбранные стратегии адаптации к новым условиям обучения и жизни.

Участникам онлайн-образования пришлось на практике изобретать новые формы повседневности и презентации себя в них, с использованием новых доступных технических средств. Этот процесс сопровождался ощущением стресса и другими негативными эмоциями (скука, разочарование, усталость)². Стресс может рассматриваться как результат наложения двух типов пространств (приватного и публичного), неопределенности границ между ними и необходимости постоянного переключения разных режимов взаимодействия. В ситуации режима изоляции студенты изобретали новые способы форматирования пространства и времени. Мы выделили три стратегии адаптации пространства:

1) «одомашнивание публичного» — использование его как полностью приватного, когда учебные активности встраиваются в него как параллельные;

2) «переключение режимов» приватное/публичное — уборка и оформление жилого помещения как учебного офиса, поддержание соответствующего внешнего вида;

3) «зонирование» — выделение зон для работы и отдыха³.

Одновременно студенты ощущали исключение из привычных студенческих сообществ в результате их диссоциации и пытались создавать их новые формы⁴.

Кроме того, студентам пришлось самостоятельно управлять временем, выстраивать режим дня и синхронизировать свои индивидуальные темпоральности с учебным онлайн-расписанием. Многие респонденты говорили, что им приходится осуществлять самодисциплинирование и разрабатывать техники самоконтроля, которые оказались для тех, кто имел опыт тотально контролируемого обучения

² См.: Woolston C. (2020) Signs of Depression and Anxiety Soar Among US Graduate students During Pandemic. *Nature*. 18 August. URL: <https://www.nature.com/articles/d41586-020-02439-6?fbclid=IwAR1JoYoopstclagFJEЗКрW11kMy6sMzxcfUohTy7bFMKcGLrCCLwXBnf7g> (дата обращения: 13.09.2020); Студенты назвали основные проблемы онлайн-обучения // РБК. 2020. 19 августа. URL: <https://www.rbc.ru/society/19/08/2020/5f3bbdae9a7947d167de1a41> (дата обращения 13.09.2020).

³ Как самоизоляция изменила жилье россиян // STRELKA. 2020. URL: <https://project194606.tilda.ws/lifeinpandemia#Strategii#!/tab/198858237-2> (дата обращения: 13.09.2020).

⁴ Головная боль и возвращение домой: будни студентов на карантине // Theory and Practice. 2020. URL: https://theoryandpractice.ru/posts/18057-golovnaya-bol-i-vozvrashchenie-domoy-budni-rossiyskikh-studentov-na-karantine?fbclid=IwAR01-6cPwQa6inEqdBn5AtGW5-6TM_RBJGZZzJkHLZZe4jubyZ30cW-AvWc (дата обращения: 13.09.2020).

в стенах университета, крайне непривычными. Возникли и новые модели взаимодействия студентов и преподавателей в виртуальной аудитории. Гетеротопия социального пространства и способы выстраивания новых границ между публичным и частным пространством сформировали новые режимы видимости и способы презентации себя в ситуации учебной коммуникации⁵. Использование камеры во время занятий — действие, вписанное в определенный контекст коммуникации, — позволяет студентам контролировать степень своего присутствия в виртуальной аудитории и включенности в образовательный процесс. Отказ от включения камеры также обусловлен стремлением участников коммуникации управлять выдаваемой ими информацией, избегать вторжения в свое частное пространство и минимизировать визуальную и аудиальную подотчетность исполнения предписанной социальной роли.

Это новые практики и формы обучения, проблематизирующие саму модель университета как особого пространства [Абрамов и др., 2020], где его физические характеристики определяют модели социального взаимодействия и презентации себя, а также модели учебного процесса, основанного на отношениях власти, контроля и дисциплины [Connell, 2016]. Цифровизация радикально меняет представление об общности, создавая угрозу для традиционной модели обучения, но также и продуцируя возможности для образования университетских сообществ нового типа, основанных на новых видах взаимодействия [Mulder, 2018]. Вопросы о том, какие практики институционализируются и как изменится сама модель университетского образования, остаются открытыми и очевидно будут объектом дальнейшего изучения многих социальных ученых [Прощай, COVID?, 2020].

Список литературы (References)

Абрамов Р. Н., Груздев И. А., Терентьев Е. А., Захарова У. С., Григорьева А. В. Университетские преподаватели и цифровизация образования: накануне дистанционного форс-мажора // Университетское управление: практика и анализ. 2020. Т. 24. № 2. С. 59—74. <https://doi.org/10.15826/umpa.2020.02.014>.

Abramov R. N., Gruzdev I. A., Terentev E. A., Zakharova U. S., Grigoryeva A. V. (2020) University Professors and the Digitalization of Education: on the Threshold of Force Majeure Transition to Studying Remotely. *University Management: Practice and Analysis*. Vol. 24. No. 2. P. 59—74. <https://doi.org/10.15826/umpa.2020.02.014>. (In Russ.)

Бауман З. Индивидуализированное общество. М.: Логос, 2002.

Bauman Z. (2002) *The Individualized Society*. Moscow: Logos. (In Russ.)

Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну. М.: Прогресс-Традиция, 2000.
Beck U. (2000) *World Risk Society*. Moscow: Progress-Traditsiya. (In Russ.)

Вахштайн В. К проблеме темпоральных механизмов социальной организации пространства. Анализ резидентальной дифференциации // Социологическое обозрение. 2003а. Т. 3. № 3. С. 71—83.

⁵ Колобакина Т. «Я подошел к зеркалу, увидел свои красные глаза и мне стало страшно». Университет на карантине: глазами студентов // DOXA. 2020. 6 апреля. URL: https://doxajournal.ru/uni/students_quarantine_experience (дата обращения: 13.09.2020).

Vakhshtayn V. (2003a) On Temporal Mechanisms of Social Organization of Space. Analysis of Residential Differentiation. *The Russian Sociological Review*. Vol. 3. No. 3. P. 71—83. (In Russ.)

Вахштайн В. (2003b) Драматургическая теория Ирвинга Гофмана: структуралистское прочтение // Социологическое обозрение. 2003b. Т. 3. № 4. С. 104—118.
Vakhshtayn V. (2003b) Goffman's Dramaturgical Theory: Structuralist Interpretation. *The Russian Sociological Review*. Vol. 3. No. 4. P. 104—118. (In Russ.)

Вахштайн В. Памяти Ирвинга Гофмана // Социологическое обозрение. 2007. Т. 6. № 2. С. 65—78.

Vakhshtayn V. (2007) In memoriam Erving Goffman. *Sociological Review*. Vol. 6. No. 2. P. 65—78. (In Russ.)

Волков В., Хархордин О. Теория практик. СПб.: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2008.

Volkov V., Kharkhordin O. (2008) Practice Theory. St. Petersburg: EUSP Press. (In Russ.)

Гарфинкель Г. Исследования по этнометодологии. СПб.: Питер, 2007.

Garfinkel H. (2007) Studies in Ethnomethodology. St. Petersburg: Piter. (In Russ.)

Гофман И. Представление себя другим в повседневной жизни. М.: Канон-пресс, 2000.

Goffman E. (2000) The Presentation of Self in Everyday Life. Moscow: Canon-press. (In Russ.)

Гоффман Э. Поведение в публичных местах: заметки о социальной организации сборищ. М.: Элементарные формы, 2017.

Goffman E. (2017) Behavior in Public Place: Notes on the Social Organization of Gatherings. Moscow: Elementary forms. (In Russ.)

Максимова А. С., Глазов К. П. Существует ли цифровая микросоциология? // Социология власти. 2018. Т. 30. № 3. С. 14—37. <https://doi.org/10.22394/2074-0492-2018-3-14-37>.

Maximova A. S., Glazkov K. P. (2018) Is There a Digital Microsociology? *Sociology of Power*. Vol. 30. No. 3. P. 14—37. <https://doi.org/10.22394/2074-0492-2018-3-14-37>. (In Russ.)

Мосс М. Общество. Обмен. Личность. М.: Восточная литература, 1996.

Mauss M. (1996) Society. Exchange. Personality. Moscow: Vostochnaya literatura. (In Russ.)

Прощай, COVID? / под ред. К. Гаазе, В. Данилова, И. Дуденковой, Д. Кралечкина, П. Сафронова. М.: Издательство Института Гайдара, 2020.

Gaaze K., Danilov V., Dudenkova I., Kralechkin D., Safronov P. (eds.) (2020) Goodbye COVID? (In Russ.)

Романов П. Стратегии кейс-стади в исследовании социальных служб // Социологические исследования. 2005. № 4. С. 101—110.

Romanov (2005) Case Study Strategies in Social Services Research. *Sociological Studies*. No. 4. P. 101—110. (In Russ.)

Bradbury-Jones C., Taylor J. (2015) Engaging With Children as Co-Researchers: Challenges, Counter Challenges and Solutions. *International Journal of Social Research Methodology*. Vol. 18. No. 2. P. 161—173. <https://doi.org/10.1080/13645579.2013.864589>.

Byrne E., Brughra R., Clarke E., Lavelle E., McGarvey A. (2015) Peer Interviewing in Medical Education Research: Experiences and Perceptions of Student Interviewers and Interviewees. *BMC Research Notes*. Vol. 8. 153. <https://doi.org/10.1186/s13104-015-1484-2>.

Connel R. (2016) What Are Good Universities? *The Australian Universities' Review*. Vol. 58. No. 2. P. 67—73.

Flick U. (2006) An Introduction to Qualitative Research. London: Sage Publications.

Hochschild A. (1983) The Managed Heart. Commercialization of Human Feelings. Berkeley, Los Angeles, London: University of California Press.

Mulder A. (2018) The University as a Community in the Digital Age. Places of Engagement. Amsterdam: Amsterdam University Press.

DOI: [10.14515/monitoring.2021.2.1776](https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.2.1776)**А. А. Кирзюк****«У МЕНЯ НЕТ СТРАХА»:
КОВИД-ДИССИДЕНТЫ В ПОИСКАХ АГЕНТНОСТИ И ПРАВДЫ****Правильная ссылка на статью:**

Кирзюк А. А. «У меня нет страха»: ковид-диссиденты в поисках агентности и правды // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2021. № 2. С. 484—509. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.2.1776>.

For citation:

Kirziuk A. A. (2021) "I Have No Fear": COVID Skeptics in Search of Agency and Truth. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 2. P. 484–509. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.2.1776>. (In Russ.)

«У МЕНЯ НЕТ СТРАХА»: КОВИД-ДИССИДЕНТЫ В ПОИСКАХ АГЕНТНОСТИ И ПРАВДЫ

КИРЗЮК Анна Андреевна — кандидат философских наук, научный сотрудник Лаборатории теоретической фольклористики, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Москва, Россия
E-MAIL: kirzuk@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0002-4946-2148>

Аннотация. В статье рассматривается, как формируется ковид-диссидентский взгляд на пандемию. Анализ полуструктурированных интервью с ковид-диссидентами ($N=21$) показывает, что, в равной степени не доверяя СМИ, они по-разному отвечают на вопрос «кому и зачем нужно преувеличивать опасность коронавируса?». «Умеренные» диссиденты видят за медийными сообщениями борьбу частных экономических интересов, а «радикальные» — мировой заговор, угрожающий жизни и свободе людей. Также ковид-диссиденты под разными углами смотрят на ограничительные меры: хотя «радикальные» относятся к ним менее терпимо, чем «умеренные», только немногие «радикалы» встают на путь открытого сопротивления. В статье показано, что «радикальный» взгляд на пандемию связан, с одной стороны, с переживанием «паники агентности» (Т. Мелли), а с другой — с пессимистическим восприятием будущего. Важную роль в оценке ограничительных мер играет допандемийный опыт увлечения идеями и практиками альтернативной медицины. Нежелание отдавать государству приобретенную в результате этого опыта «самодельную агентность» (С. Хардинг, К. Стюарт) толкает некоторых «радикальных» дисси-

“I HAVE NO FEAR”: COVID SKEPTICS IN SEARCH OF AGENCY AND TRUTH

Anna A. KIRZIUK¹ — Cand. Sci. (Philos.), researcher at the Centre for Theoretical Folklore Studies
E-MAIL: kirzuk@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0002-4946-2148>

¹ Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russia

Abstract. The paper examines the formation of a skeptic view of the COVID pandemic. The author analyses semi-structured interviews with COVID skeptics ($N=21$) and shows that, equally distrusting the media, they give different answers to the question “Who needs to exaggerate the danger of coronavirus and why?”. “Moderate” skeptics see a struggle of private economic interests behind the media reports about the pandemic, while “radical” skeptics point to a world conspiracy that threatens the life and freedom of people. Apart from that, COVID skeptics perceive restrictive measures from different angles: although the “radicals” are less tolerant of these measures, only a few of them express open resistance. The paper shows that the “radical” view of the pandemic is associated, on the one hand, with the experience of agency panic (T. Melley), and on the other, with a pessimistic perception of the future. The pre-pandemic experience of being fascinated by the ideas and practices of alternative medicine plays an important role in assessing restrictive measures. The reluctance to pass the state the self-made agency (S. Harding, K. Stewart) acquired as a result of this experience pushes some “radical” skeptics towards active resistance to restrictive measures.

дентов на путь активного сопротивления
ограничительным мерам.

Ключевые слова: ковид-диссиденты, недоверие СМИ, картина мира, теория заговора, нарратив об упадке, стигматизированное знание, «паника агентности», «самодельная агентность»

Благодарность. Статья подготовлена в рамках гранта, предоставленного Министерством науки и высшего образования Российской Федерации (№ соглашения о предоставлении гранта: 075-15-2020-908).

Автор выражает благодарность Алексею Титкову (МВШСЭН) за полезные замечания, высказанные после прочтения чернового варианта статьи.

Введение

В России ковид-диссидентские идеи стали заметной формой реакции на пандемию. Согласно социологическим опросам, доля россиян, считающих пандемию выдумкой заинтересованных лиц, составляет от 38 % до 43,4 % [Артамонов, Лаврентьев, 2020a]¹. Исследование социальных сетей показывает, что тексты, утверждающие, будто власти преувеличивают опасность коронавируса в своих интересах, в период с февраля по август 2020 г. распространялись в русскоязычных соцсетях активнее, чем любые другие высказывания на тему нового вируса [Архипова* и др., 2020].

Первыми и наиболее радикальными отрицателями пандемии и критиками карантинных мер стали представители ультраконсервативного православного движения «Сорок сороков». Вскоре о преувеличении масштабов эпидемии и об опасности «цифрового концлагеря» заговорили самые разные публичные фигуры — от малоизвестных блогеров и маргинальных экспертов, таких как академик РАЕН Игорь Гундаров и автор газеты «Завтра» Валентин Катасонов, до ведущих с государственных телеканалов.

Однако было бы ошибкой думать, что подобные идеи привлекают только православных фундаменталистов, профессиональных конспирологов и общественных деятелей с сомнительной репутацией. В конце февраля итальянский философ Джорджо Агамбен заявил, что коронавирус не опаснее гриппа, назвал противо-

Keywords: COVID skeptics, media distrust, belief system, conspiracy theories, narrative of decline, stigmatized knowledge, agency panic, self-made agency

Acknowledgments. The paper was prepared within the framework of a grant provided by the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation (Grant Agreement No. 075-15-2020-908).

The author expresses his gratitude to Alexei Titkov (Moscow School of Social and Economic Sciences) for his helpful comments to the draft of the paper.

¹ См. также: Завадская М., Соколов Б. COVID-19 и политические настроения россиян // Riddle. 21.07.2020. URL: <https://www.ridl.io/ru/covid-19-i-politicheskie-nastroenija-rossijan/> (дата обращения: 18.04.2021).

эпидемические меры несоразмерными угрозе и выразил опасение, что «изобретение эпидемии» может стать предлогом для усиления государственного контроля над гражданами [Агамбен, 2020a]. Чуть позже Агамбен смягчил свои суждения об «изобретенности» вируса, но продолжал называть происходящее «гигантской операцией по фальсификации истины» [Агамбен 2020b: 97]. Левый европейский философ и ультраконсервативные православные активисты неожиданно стали единомышленниками, увидев в противоэпидемических мерах очертания будущего «цифрового Освенцима».

«Ковид-диссидентами» далее я буду называть людей, убежденных в том, что опасность COVID-19 намеренно преувеличивается в интересах некоторых наделенных властью агентов. Как видно, это убеждение объединяет людей слишком разных по культурному бэкграунду и политическим взглядам, чтобы его можно было объяснить недостатком образования, политическими предпочтениями, религиозностью или особенностями информационной среды. Где же тогда следует искать истоки ковид-диссидентских идей?

Пытаясь ответить на этот вопрос, я исходила из предположения, что люди ковид-диссидентских взглядов смотрят на большие медийные события и социальные потрясения через похожие «оптические устройства». «Линзами» для этих устройств служат представления о работе медиа, государства и его институтов, а также более широко — об устройстве социальной реальности. Эти представления, которые Уолтер Липпман называет «стереотипами» и «фикциями» [Липпман, 2004], а Джон Цаллер — «предрасположенностями» [Цаллер, 2004], образуют систему кодов, с помощью которой интерпретируются сообщения о пандемии и связанные с ней ограничительные меры.

Таким образом, первоначальная цель исследования состояла в том, чтобы понять, какие представления формируют диссидентский взгляд на пандемию. Однако в процессе выяснилось, что ковид-диссиденты смотрят на пандемию по-разному. Анализ их высказываний позволяет выделить две позиции, которые далее я буду называть «радикальной» и «умеренной».

Тот факт, что ковид-диссиденты не представляют однородной по своим взглядам группы, уже отмечался. Авторы проекта «КоронаФОМ» различают ковид-диссидентов по степени их «неверия» в новый вирус: собственно «ковид-диссидентами» они называют людей, полностью отрицающих существование коронавируса, а «коронаскептиками» — людей, считающих, что вирус есть, но его опасность преувеличена [Социология пандемии... 2021: 93—95]. По этому критерию всех моих информантов можно классифицировать как коронаскептиков. Они оценивают COVID-19 одинаково: считают, что такой вирус существует, но он опасен не более, чем обычный сезонный грипп или ОРВИ, а его вредность намеренно преувеличивается. Однако они по-разному объясняют такое положение дел. «Радикальные» ковид-диссиденты уверены, что точно знают, кому выгодно преувеличивать угрозу, и объясняют происходящее с помощью глобальных теорий заговора. «Умеренные» затрудняются с определением бенефициаров пандемии и ограничиваются общими рассуждениями о том, что это «манипуляция», которая кому-то выгодна, но их рассуждения не оформляются в полноценный конспирологический нарратив.

После выделения этих двух типов у исследования появилась еще одна задача — выяснить, почему, одинаково оценивая официальную информацию о коронавирусе как недостоверную, «умеренные» и «радикальные» диссиденты видят за ней разную реальность. По какой причине одни для объяснения происходящего обращаются к теориям заговора, а других такая объяснительная модель не привлекает? Чем различаются «оптические устройства», через которые смотрят на мир «умеренные» и «радикальные диссиденты», и какие элементы этих устройств отвечают за привлекательность конспирологических объяснений?

В основе данного исследования лежит 21 полуструктурированное интервью с ковид-диссидентами. 10 информантов относятся к «радикальным» диссидентам, 9 — к «умеренным», 1 представляет «переходный» тип². Большинство опрошенных (14 человек) живут в Санкт-Петербурге. Чтобы избежать влияния возрастных различий на восприятие пандемии, собеседники (за небольшим исключением), подбирались³ из возрастной группы 30—50 лет⁴. Среди них оказалось 10 мужчин и 11 женщин. Интервью записывались с мая по декабрь 2020 г. Сведения об информантах приведены в Приложении 1.

Интервью проходили в формате свободной беседы (очно и онлайн), в ходе которой информантам предлагалось высказаться по поводу масштабов пандемии, точности официальной статистики и адекватности противозидемических мер, а также выразить свое отношение к нескольким популярным в соцсетях теориям и слухам на эту тему. Также информантам задавались вопросы о соблюдении ими ограничительных мер. Обычно разговор естественным образом выходил на обсуждение таких вопросов, как опыт взаимодействия информанта с государственными институтами, доверие к официальной медицине и СМИ. В качестве дополнительного материала использовались высказывания, которые появлялись с июня по ноябрь 2020 г. в двух ковид-диссидентских пабликах («Секта свидетелей святого ковида» и «Antigen-19») в сети Facebook.

Портрет ковид-диссидента в количественных исследованиях

Существующие на сегодняшний день количественные исследования предполагают несколько возможных объяснений того, почему люди становятся ковид-диссидентами.

Первое связано с экономическим положением респондентов. Опрос НИУ ВШЭ в мае 2020 г. показал, что россияне, полностью лишившиеся дохода из-за карантинных мер, гораздо более склонны считать эпидемию выдумкой заинтересованных лиц, чем те, чьи доходы не пострадали [Артамонов, Лаврентьев, 2020b: 12]. Согласно июльскому опросу «КоронаФОМ», ковид-диссиденты чаще характеризуют свое материальное положение как плохое и очень плохое, чем респонденты в целом (45 % против 34 %) [Социология пандемии..., 2021: 93—94].

² На момент интервью этот информант был уверен в наличии всемирного заговора вокруг пандемии, но не мог с уверенностью сказать, что является целью этого заговора.

³ Поиск информантов велся через родственников и знакомых, которым я объясняла, что ишу для исследования людей, считающих опасность коронавируса преувеличенной.

⁴ Июльское исследование проекта «КоронаФОМ» показывает, что людей, отрицающих опасность вируса, больше всего среди молодежи и людей 31—45-лет, а меньше всего — среди пожилых людей, при этом возраст является единственным значимым социально-демографическим признаком этой группы [Закутина, 2020].

Второе объяснение связано с недоверием к государственным институтам и официальной информации. Результаты проекта «Values in Crisis» не показывают связи между ковид-диссидентскими взглядами респондентов и ухудшением их экономического положения, но свидетельствуют о том, что восприятие пандемии как мистификации коррелирует с недоверием к правительству и другим государственным институтам⁵. Также они показывают, что ковид-диссиденты не доверяют традиционным СМИ⁶.

Исследования, посвященные околокоронавирусной конспирологии, также говорят о внеэкономических основаниях диссидентского подхода к пандемии. Авторы британского исследования не нашли значимой корреляции между поддержкой конспирологических теорий о пандемии (в том числе и теорий о намеренном преувеличении ее масштабов) и экономическим положением респондентов, но выяснили, что адепты околокоронавирусной конспирологии не доверяют институтам и экспертам [Freeman et al., 2020]. Опрос, проведенный в марте 2020 г. в США, показал, что вера в конспирологические теории о коронавирусе связана с особыми паттернами восприятия информации, такими как *конспирологическое мышление* (склонность видеть за всеми значительными событиями заговоры) и *дениализм* (склонность отвергать информацию, исходящую из официальных источников, от политиков и профессиональных экспертов) [Uscinski et al., 2020].

Как мы увидим дальше, недоверие к политикам и СМИ действительно является важной частью «оптического устройства», через который ковид-диссиденты смотрят на мир. Однако количественные исследования не показывают, почему одни диссиденты находят привлекательными конспирологические объяснения пандемии, а другие нет, и почему одни пытаются активно сопротивляться ограничительным мерам, а другие не считают нужным это делать. Количественные исследования могут выявить отдельные элементы ковид-диссидентского «оптического аппарата», но для более полного понимания его устройства необходимо применить качественные методы. Полуструктурированные интервью позволяют фиксировать важные для информанта нарративы, отражающие его страхи и представления о реальности. В некоторых случаях интервью дает возможность увидеть, как эти представления сформировались: какие именно идеи, ощущения и практики «подготовили» информанта к диссидентскому восприятию пандемии.

В первой части статьи будет рассмотрено, как «умеренные» и «радикальные» ковид-диссиденты объясняют свои сомнения в масштабах пандемии, как относятся к соблюдению ограничительных мер, какие представления их объединяют. Во второй части я подробнее остановлюсь на «радикальных» диссидентах и попробую разобраться, почему их привлекают конспирологические объяснения происходящего и почему некоторые из них практикуют активное сопротивление.

⁵ См.: Завадская М., Соколов Б. COVID-19 и политические настроения россиян // Riddle. 21.07.2020. URL: <https://www.ridl.io/ru/covid-19-i-politicheskie-nastroenija-rossijan/> (дата обращения: 18.04.2021).

⁶ См.: Завадская М. COVID-19 и общественные настроения россиян в 2020 году // Riddle. 10.02.2021. URL: <https://www.ridl.io/ru/covid-19-i-obshhestvennye-nastroenija-rossijan-v-2020-godu/> (дата обращения: 18.04.2021).

«Умеренные» диссиденты: подозрения без конспирологии

Попытки разглядеть реальность за сообщениями СМИ приводят умеренных диссидентов к идее, что за фасадом пандемии некие наделенные властью агенты ведут борьбу за экономические и/или политические ресурсы: *«кому-то нужно было зачем-то посадить людей дома... может, есть какой-то интерес политический в этом, а может, это связано как-то с экономикой»* (В. О.).

Рассуждения умеренных диссидентов о том, что скрывается за пандемией, по большей части абстрактны. Особенно это касается экономической версии, рассказывая которую, «умеренные» неизменно затрудняются с определением конкретных бенефициаров пандемии. Приведу два характерных в этом отношении отрывка из интервью:

Инф.: *Мне кажется, это передел собственности, передел рынка.*

Инт.: *Передел собственности в чью пользу?*

Инф.: *А вот это хороший вопрос... Я не знаю. (М. Л.)*

Инф.: *Я абсолютно не могу понять, кому это выгодно, я только понимаю, что есть какие-то коммерческие структуры, которые сейчас очень сильно разбогатели на этом всем. Это есть однозначно. Просто об этом нам никто не будет рассказывать.*

Инт.: *Какие, например?*

Инф.: *Не знаю. Не хватает интеллекта мне это понять. (Т. Д.)*

В нарративах о политической подоплеке пандемии могут указываться фигуры игроков: *«Пока все заняты вирусом, политики наши, правительство — они делают какие-то вещи за нашей спиной. Пока все боятся заболеть, происходят какие-то дела, о которых мы не можем даже догадываться. Принимают какие-то новые реформы, не знаю...»* (А. Па.). Тем не менее в большинстве «умеренных» нарративов личности бенефициаров пандемии остаются неустановленными («какие-то коммерческие структуры»). Если эти бенефициары идентифицируются, то они — в отличие от нарративов «радикальных» диссидентов, — представляются фигурами российского масштаба («наше правительство»), но никогда не мирового. Что касается целей игры, которая ведется под прикрытием пандемии, то они всегда описываются туманно («какие-то реформы», «какие-то дела»).

Глобальные теории заговора «умеренные» диссиденты отвергают как неправдоподобные, причем одна из причин этого заключается в их масштабе: *«не верю, что все правительства могут между собой договориться»* (Т. Д.). Важно отметить, что рефлексия по поводу состоятельности теорий мирового заговора всегда возникла в интервью с моей подачи; сами «умеренные» диссиденты не склонны объяснять пандемию с помощью этих теорий, хотя знакомы с ними. Уверенность в том, что власти и СМИ намеренно преувеличивают опасность вируса, не приводит их (в отличие от «радикалов») к идее, что «нагнетание паники» вокруг вируса является частью зловещего плана всемирного масштаба.

Очевидно, что мы не можем считать «умеренных» диссидентов конспирологами. Важное свойство конспирологического нарратива состоит в том, что он идентифицирует агентов угрозы и раскрывает их мотивацию [Campion-Vincent, 2005: 104—105]. «Умеренные» диссиденты демонстрируют черты «конспирологического

сознания» (conspiracy mentality) — например, считают, что политики не сообщают гражданам об истинных мотивах своих решений [Bruder et al., 2013]. Но в своих догадках о том, что же скрывается за пандемией, они не приходят к идее заговора, тем более — заговора глобального.

«Радикальные» диссиденты: идея всемирного заговора

В отличие от «умеренных», «радикальные» диссиденты не затрудняются с ответом на вопрос, кому выгодно преувеличивать опасность вируса. В их объяснениях бенефициарами «паники вокруг коронавируса» выступают Билл Гейтс, «хозяева денег», Ротшильды и Рокфеллеры, «мировое правительство» (или «мировая закулиса»), масоны.

У радикальных диссидентов не вызывает сомнения способность правительств разных стран договариваться между собой. В их нарративах известные политики, чиновники и бизнесмены выступают лишь исполнителями планов гораздо более могущественных, зловещих и скрытых от глаз публики персонажей, решающих судьбы всего мира. Так, один мой «радикальный» собеседник поддерживает теорию о том, что пандемия выгодна Биллу Гейтсу, который планирует уничтожить часть населения через вакцины. Но Билл Гейтс не главный агент зла, он лишь выполняет план людей, которых В.Д. называет «мировой закулисой»: *«Билл Гейтс — не самый главный человек. Семьи. Семьи Рокфеллеров, Морганов, Ротшильдов. Они и президентов ставят, эти семьи»* (В.Д.). Другой тоже поддерживает теорию про Билла Гейтса и вакцины, но считает, что главным организатором и бенефициаром «телепандемии» выступает группа лиц, которую он называет «хозяевами денег» и описывает следующим образом: *«Это мощные кланы, у них Рокфеллеры и Ротшильды на побегушках. Это мы считаем, что они такие богатые и влиятельные. А за ними есть еще более влиятельные, это Морганы, Теслы, другие фамилии. За ними есть клан еще более мощный, который нигде особо не фигурирует»* (И. К.).

Цели организаторов «паники» вокруг коронавируса радикальным диссидентам тоже ясны: в большинстве случаев это установление тотального контроля над населением, и иногда — его частичное уничтожение. Некоторые «радикальные» информанты считают, что для заговорщиков важны обе эти цели. И.К. соединят идею уничтожения с идеей контроля в сложной теории, согласно которой введенный с вакциной «жидкий чип» позволит контролировать мысли человека, отключать «диссидентов» от системы безналичного расчета и тем самым обрекать на уничтожение: *«То есть наличных денег нет. Если ты начинаешь что-то не так думать — а мысли и эмоции считываются элементарно чипом — тебя отключают от всего. Человека не воспринимает ни одна система просто, и ему остается только умереть»* (И. К.).

Однако в целом перспектива тотального контроля занимает радикальных диссидентов гораздо больше, чем идея уничтожения населения. Тотальный контроль мыслится как конечная или промежуточная, но обязательная цель заговорщиков. Именно ее радикалы видят за различными противоэпидемическими мерами, причем даже не связанными с видимым ограничением свобод. Например, цель введения дистанционного обучения «радикальный» диссидент может видеть в том, чтобы «сделать людей еще глупее, чем они уже стали», и тем самым облегчить управление

ими⁷ (А. А.). Тема контроля, а также связанные с ней рассуждения о «манипуляции сознанием», «оглуплении народа» рефреном проходят через все интервью с «радикальными» диссидентами, и это, как мы увидим дальше, не случайно.

«Умеренное» и «радикальное» восприятие ограничительных мер

Количественные исследования (например, [Freeman et al., 2020]) показывают, что люди, считающие опасность вируса преувеличенной, в большей мере склонны не соблюдать меры предосторожности, рекомендованные ВОЗ. Однако это не означает, что все ковид-диссиденты пренебрегают мерами безопасности.

Все опрошенные «умеренные» диссиденты соблюдают рекомендованные ВОЗ гигиенические меры (ношение масок, частая дезинфекция рук), хотя и делают это с разной степенью желанья и регулярности. В целом отношение «умеренных» к ограничительным мерам довольно лояльное, хотя и лишено энтузиазма. Они не видят большой проблемы в том, чтобы их соблюдать: *«Ну хотите поиграться — давайте поиграемся»* (М. Л.). Чаще всего они соблюдают рекомендованные меры ситуативно, исходя из того, насколько в каждой конкретной ситуации велик риск санкций в виде социального неодобрения, конфликтов или штрафов. Например, весной, когда несоблюдение масочного режима еще не грозило штрафами, один мой «умеренный» собеседник надевал маску в тех общественных местах, где маски были надеты на большинстве присутствующих, и не делал этого, если большинство вокруг было без масок (В. Г.).

«Радикальные» диссиденты относятся к ограничительным мерам негативнее. Они расценивают их как шаг на пути к установлению тотального контроля над гражданами:

Правительство под предлогом коронавируса делает ограничения, чтобы посмотреть, до какого уровня мы позволим себя контролировать, после какой грани мы начнем срывать, начнем забастовки устраивать или еще что-то... Они сейчас прощупывают почву, где эта грань, которую можно пересечь. <...> Посмотрят-посмотрят и что-нибудь сотворят такое, что мы вообще будем ходить по струнке и дышать два раза в минуту. (Э. Б.)

Несмотря на такое восприятие ограничительных мер, отдельные «радикалы» могут соблюдать их ситуативно — чтобы *«не пугать людей, которые нервно к этому относятся»* (О. Г.), или же полагая, что иногда *«лучше на всякий случай побережься»* (А. По.).

Однако среди радикальных диссидентов выделяется группа людей, которым чужды и опасения «мало ли что», и благодушное отношение к глупости законодателей, и забота о страхах окружающих, и особенно — мягкий конформизм тех, кто боится социального неодобрения. В ковид-диссидентских пабликах периодически проходят дискуссии о том, следует ли отказываться надевать маску в учреждениях,

⁷ Моя собеседница не одинока в своих опасениях. С мая по июль 2020 г. на платформе Change.org появилось несколько петиций против предполагаемого введения дистанционного обучения на постоянной основе, причем инициаторы одной из этих петиций также использует аргумент, основанный на страхе контроля: «Этим они добиваются того, чтобы наши дети росли безграмотными, чтобы можно было ими легко управлять!». См.: Петиция против дистанционного обучения школьников набирает обороты в сети // Сиб. фм. 7 апреля. 2020. URL: <https://sib.fm/news/2020/07/07/petitsiya-protiv-distantsionnogo-obucheniya-shkolnikov-nabiraet-oboroty-v-seti> (дата обращения: 18.04.2021).

где за несоблюдение масочного режима могут оштрафовать сотрудников. Одни пользователи говорят, что предпочитают соблюдать правила (какими бы нелепыми и вредными они им ни казались) в ситуации, когда за их нарушение могут пострадать ни в чем неповинные кассиры и менеджеры. Другие на это отвечают, что маска — это нарушение прав и свобод, попытка государства подчинить себе людей, и поддаваться нельзя ни при каких обстоятельствах.

Двое из моих «радикальных» собеседников придерживались второй, более непримиримой позиции по поводу соблюдения ограничительных мер и последовательно сопротивлялись им на протяжении определенного периода времени; несколько информантов сопротивлялись масочному режиму эпизодически. В конце статьи мы обсудим, почему им так важно было это делать.

«Пока сам не увижу...»: недоверие властям и СМИ

Опрошенных ковид-диссидентов объединяет одна особенность «оптического устройства», через которое люди «читают» медийные события: все они убеждены, что информации, поступающей от официальных источников и «больших» СМИ, доверять не следует. По их мнению, эта информация не может отражать реального положения дел, а с помощью медийных сообщений элиты обычно скрывают истинные мотивы своих действий.

Убеждение, что «правды нам никто не скажет» (эта фраза звучала практически в каждом интервью), формирует специфические правила «чтения» медийных сообщений, состоящие в том, чтобы не верить явному содержанию высказываний, а пытаться разглядеть скрытую за ними реальность. Приведу несколько примеров.

По мнению «умеренного» диссидента М.Л., сообщения СМИ призваны замаскировать реальность, в которой принимаются значимые политические и экономические решения: *«Нам же прямо никто ничего не скажет. Если появляется какая-то информация от органов власти, то она для чего-то нужна. Это не козырь... Это вот как в шахматной партии, это пешка. Пешечку скормили, чтоб показать, да? А на самом деле план — он более широкий»* (М.Л.). Поэтому, увидев в апреле 2020 г. репортаж об отправке российской гуманитарной помощи в Италию, М.Л. предполагает, что на самом деле за ним скрываются попытки российского правительства установить с Италией военный альянс:

Инф: Почему-то мы отправляли помощь на военных грузовиках в Италию. Станный выбор, не кажется? Почему не во Францию, например?

Инт.: Может, потому что в Италии была более тяжелая ситуация?

Инф.: А в Испании что, нет? <...> У меня возникло ощущение, что это как-то связано с военными делами. НАТО расширяется в Европе, ставит там комплексы ПВО, может, и мы какие-то лазейки туда прокидываем...

Инт.: Под видом поставок гуманитарной помощи?

Инф.: Ну типа того, да. (М.Л.)

Подобным образом М.Л. интерпретирует сообщения об эпидемиологической ситуации — как прикрытые для передела рынка.

«Радикальный» диссидент Э. Б. уверен, что каждое большое событие, которое подробно освещается в медиа, это своего рода «отвлекающий маневр», необходимый властям для того, чтобы реализовать какие-то заведомо непопулярные решения. Именно в этом ключе он интерпретирует и сообщения об опасности коронавируса, о количестве заболевших и умерших: *«Пыль народу надо в глаза пустить, как обычно... как и с Олимпийскими играми было. Со всеми значимыми мероприятиями, которые у нас проходили в России, под эту марку что-то происходило. Людей уводят в одну сторону, а на самом деле...»* (Э. Б.). Такие представления о работе медиа сложились у него задолго до 2020 г.; неудивительно, что когда в СМИ появились сообщения о пандемии коронавируса, он воспринял их, как «театр на почве ковида» (Э. Б.).

Не доверяя чиновникам и СМИ, ковид-диссиденты предпочитают им личный опыт: *«Я не верю ничему, пока не потрогаю сам и сам не увижу»* (Э. Б.). Поэтому в своих оценках эпидемиологической ситуации скептики вынуждены полагаться на «статистику личных наблюдений», данные для которой собираются по личным каналам. Единственным способом эмпирической проверки официальных чисел становится выяснение того, сколько людей заболело и умерло от коронавируса в кругу лично знакомых респонденту людей. Часто именно эти собственноручно собранные данные окончательно убеждают человека в том, что масштабы эпидемии преувеличены. Несколько моих информантов в самом начале пандемии воспринимали ситуацию как опасную, но когда по прошествии нескольких месяцев в их ближайшем окружении не появилось тяжело больных или умерших, изменили свое мнение. Один из них, работая в военном оркестре, вынужден был весь апрель ездить на репетиции, где собиралось много людей, и поначалу боялся заразиться. К середине мая он пришел к выводу, что вирус не так страшен, как его изображают, поскольку ни сам он, ни коллеги из оркестра не начали болеть: *«Я не вижу просто. Я не могу поверить в то, чего я не вижу»* (В. О.).

Почему люди верят в теории заговора: дениализм и «паника агентности»

Итак, убеждение, что власти скрывают истинную картину происходящего, свойственно как «радикальным» диссидентам, так и «умеренным». Пришло время задаться вопросом, почему, в равной мере не доверяя медиа, ковид-диссиденты по-разному воспринимают сообщения о пандемии и ограничительные меры. Почему одни видят за ними банальный «передел рынка» и политические интриги, а другие — глобальный заговор, угрожающий жизням и свободе людей?

Чтобы ответить на этот вопрос, отвлечемся на некоторое время от ковид-диссидентов и вспомним, почему люди вообще верят в теории заговора.

Привлекательность конспирологии связывают с особым паттерном восприятия информации (denialism), который формируется на основе недоверия к правительству, официальным институтам, экспертам и СМИ [Barkun, 2015; Uscinski, Klofstad, Atkinson, 2016; Freeman, Bentall, 2017; Wood, Douglas, Sutton, 2012]. Это недоверие делает людей восприимчивыми к самым разным, даже противоречащим друг другу конспирологическим теориям [Wood, Douglas, Sutton, 2012], но не только к ним. Конспирология — одна из форм «стигматизированного знания» наряду с альтернативной историей, альтернативной медициной, астрологией, верой в НЛО

и прочими концепциями, не получающими признания со стороны академической науки и других официальных институтов [Barkun, 2015]. Поскольку симпатия к таким теориям вызвана недоверием к институтам и «мейнстриму», носитель одной разновидности «стигматизированного знания» (например, парамедицинских идей) склонен доверять и другим, включая теории заговора.

Психологи связывают веру в теории заговора с ощущениями уязвимости, обделенности, беспомощности и нехватки контроля [Abalakiina-Paar et al., 1999; Sullivan, Landau, Rothschild, 2010; Grzesiak-Feldman, 2013]. Социальные исследования подтверждают эти выводы. Теории заговора находят благодатную почву в маргинализованных группах, где такие ощущения распространены. Поэтому представители расовых и этнических меньшинств более склонны к конспирологии, чем представители большинства [Goertzel, 1994: 739; Bieber et al., 2020; Bodner et al., 2020].

Психологи считают, что конспирология компенсирует недостаток контроля, создавая иллюзию логичного и понятным образом устроенного мира [Abalakiina-Paar et al., 1999; Sullivan, Landau, Rothschild, 2010; Grzesiak-Feldman, 2013]. Но существует и другая точка зрения, согласно которой теории заговора не компенсируют нехватку контроля, а артикулируют ощущение подконтрольности каким-то внешним силам. В частности, Тимоти Мелли связывает расцвет идеи заговора в культуре послевоенных США с сомнениями в собственной автономности, которые начинает испытывать позднемодерный субъект [Melley, 2000: 12]. Многие американцы стали чувствовать, что находятся под влиянием не зависящих от них социальных сил, но при этом не могли их идентифицировать. Из этой смутной тревоги, которую Мелли называет «паникой агентности» (agency panic), и рождается фантазия о могущественных заговорщиках, способных контролировать сознание и волю обычных людей с помощью «промывки мозгов». Теории заговора становятся, по выражению Мелли, языком «вернакулярной социологии», на котором американцы говорят и думают о влиянии общества на индивида [Melley, 2008: 153].

Эти идеи Мелли развили Сьюзан Хардинг и Кэтлин Стюарт [Harding, Stewart, 2003]. Они замечают, что теории заговора не только артикулируют тревогу субъекта по поводу утраты автономности и агентности, но и предлагают своего рода лекарство от этой тревоги. Во-первых, такие теории подрывают монополию институтов на знание и власть. Во-вторых, призывают субъекта защищаться от внешнего контроля [ibidem]. Также они дают рецепты сопротивления: например, объясняют, как распознавать знаки тайной деятельности заговорщиков и защититься от «промывания мозгов». Все это наделяет адептов конспирологических теорий новой агентностью, которую Хардинг и Стюарт называют «самодельной» (self-made agency).

Для нашего дальнейшего анализа важно отметить, что идеи Т. Мелли, С. Хардинг и К. Стюарт применимы не только к конспирологии, но и к другим формам «стигматизированного знания» — в частности, к разным концепциям в духе нью-эйдж. Один из лейтмотивов идей нью-эйдж — утверждение, что общество с его мейнстримной культурой «промыло нам мозги», в результате чего сила нашего подлинного Я от нас скрыта [Pels, 1998]. Адептам предлагается «раскрыть свой потенциал», отринуть мейнстримные истины и обходиться со своими телом и душой без помощи институтов — без традиционных церквей, официальной медицины

и академической науки. Для реализации идей нью-эйдж не нужны профессиональные ученые, религиозные или ритуальные специалисты, они предполагают действия по принципу «сделай сам»⁸. Так же, как и конспирология, идеи нью-эйдж помогают субъекту в обретении «самодельной агентности».

Итак, привлекательность конспирологии связана, во-первых, с недоверием к институтам, а во-вторых, с ощущениями нехватки контроля и подконтрольности внешним силам, а теории заговора (наряду с другими формами «стигматизированного знания») могут артикулировать эти ощущения и в то же время компенсировать их.

«Напряженные отношения с системой»: нехватка контроля и поиски агентности

В интервью с радикальными диссидентами темы автономности и контроля возникают не только в контексте изложения той или иной теории заговора, но и в рассказах информантов о своем жизненном опыте. Например, бывшему сотруднику полиции важно было рассказать о том, как ему приходилось в принудительном порядке прививаться от гриппа: *«Когда работал, обязывали делать вакцины разные, от гриппа вот, хочешь — не хочешь, у нас там никто не спрашивал... Ну и было возмущение внутри такое, что почему я обязан это делать»* (Э. Б.).

Другой контекст рассуждений на тему контроля — сюжеты о технологиях, позволяющих спецслужбам и большим корпорациям следить за гражданами. Некоторые мои «радикальные» собеседники высказывали опасения, что такие технологии угрожают их частной жизни: *«где гарантия, что в телевизоре или в другом приборе какая-то такая [способная следить за действиями пользователя] микросхема не запрятана? <...> Мы уже все под колпаком»* (Д. П.). Кто-то опасается, что действия интернет-пользователей внимательно отслеживаются властями и могут стать причиной репрессий: *«если напишешь что-то не то на Яндекс-Дзен, к тебе приедут уже завтра люди специально обученные и нахлобучат тебя»* (Э. Б.).

Свойственное многим «радикальным» диссидентам ощущение, что «мы все под колпаком», может, как мы видим, опираться на реальные возможности технологий и реально существующие репрессивные практики, а может подкрепляться фантазиями о несуществующих сверхмощных приборах и техниках «работы с сознанием». Нам в данном случае не важна обоснованность таких страхов. Важно, что нарративы о технологиях слежки рассказываются в интервью, причем это происходит спонтанно, без наводящих вопросов со стороны интервьюера.

Можно предположить, что тревога по поводу утраты автономности и контроля стала эмоциональной основой состояния, в котором пандемия застала многих радикальных диссидентов и которое одна моя собеседница охарактеризовала как *«напряженные отношения с системой»* (В. П.).

В первой части статьи мы говорили о том, что «умеренных» и «радикальных» ковид-диссидентов объединяет недоверие чиновникам и СМИ. Однако радикальные диссиденты не доверяют более широкому кругу институтов, включая официальную

⁸ Александр Панченко: «Инопланетяне или снежный человек мало отличаются от богов и демонов». Интервью Александра Панченко (Евгений Былина, Syg.ma) // НЛО. URL: https://www.nlobooks.ru/books/nauchnaya_biblioteka/1483/review/20933/ (дата обращения: 06.05.2021).

медицину и академическую науку. Большинство моих «радикальных» собеседников симпатизирует различным формам «стигматизированного знания», причем особенно популярны среди них альтернативные медицинские концепции в духе нью-эйдж. «Умеренным» диссидентам такие симпатии — равно как и сомнения в авторитете доказательной медицины, — не свойственны.

Среди моих «радикальных» собеседников оказались поклонники альтернативной истории и астрологии, бывшие и настоящие противники прививок, adeпты теории о «конах мироздания», люди, практикующие отказ от лекарств, лечебное голодание, лечебное веганство, лечение самовнушением и другие методы альтернативной медицины. Многие придерживаются одновременно нескольких концепций «стигматизированного знания». Самый яркий в этом отношении пример — Е. К., которая верит в заговор фармакологических компаний и в заговор олигархов, увлекается альтернативной историей, практикует лечебное голодание и другие парамедицинские методы лечения. Будучи глубоко погруженной в разные системы «стигматизированного знания», Е. К. в то же время является носителем самых непримиримых взглядов на ограничительные меры и на протяжении долгого времени практиковала активное сопротивление им. Такое сочетание, как мы увидим дальше, не случайно.

Хотя пандемия коронавирусной инфекции усилила симпатии некоторых радикальных диссидентов к разным формам «стигматизированного знания», увлекаться ими они начали задолго до весны 2020 г. С одной стороны, это увлечение само по себе стало симптом «напряженных отношений с системой», то есть недоверия к государству и его институтам и стремления сопротивляться их власти. С другой стороны, увлечение «стигматизированными» идеями сделало эти отношения еще более «напряженными» и предопределило их дальнейшее ухудшение во время пандемии. Благодаря этим идеям к началу пандемии будущие ковид-диссиденты обладали не только аргументированной дениалистской установкой в отношении научной информации, но также опытом сопротивления официальной медицине и приобретенной в процессе этого сопротивления «самодельной агентностью».

Чтобы понять, как именно погружение в «стигматизированное знание» повлияло на формирование ковид-диссидентских идей и практик, стоит сказать несколько слов о теориях альтернативной медицины, близких многим радикальным диссидентам. Эти теории объявляют доказательную медицину малоэффективной или даже опасной: «таблетки только устраняют симптомы, но не лечат человека» (О. Г.). Часто скепсис по поводу официальной медицины сочетается с верой в заговор фармакологических компаний: «*Вся медицина завязана с фармкомпаниями. А фармкомпании заинтересованы в больных людях. Им нужно поддерживать этот баланс, чтобы человек всегда болел, но не умирал*» (Е. К.). Еще одна важная и общая для этих теорий идея обычно выражается в формуле «все болезни из головы» и состоит в том, что причиной болезней являются не физиологические нарушения в организме человека, а его эмоциональные состояния, поступки, мысли и отношения с окружающими.

Эти идеи имеют практические следствия, самое очевидное из которых — натуропатия, то есть отказ от лекарств и лечение «природными» и «естественными» средствами. Человек, убежденный, что для излечения от любой болезни нужно

просто «поверить в себя» или избавиться от «негативных мыслей» и не совершать плохих поступков, в принципе не нуждается в доказательной медицине: его здоровье зависит исключительно от его способности анализировать свои эмоции и социальные взаимодействия. Это убеждение дает ему возможность дистанцироваться от института официальной медицины и заботиться о своем здоровье самому, в автономном режиме, причем некоторые радикальные диссиденты вошли в этот режим еще до пандемии. Приведу несколько примеров.

Е. К. верит в заговор фармакологических кампаний, считает лекарства бесполезными и полагает, что болезни происходят от незитичного взаимодействия с миром, страха и других негативных эмоций. Она считает свое здоровье зоной своей ответственности и не намерена ни с кем ее делить: *«Ты говоришь себе, что за свою жизнь, за свое здоровье, за все, что меня окружает, я беру ответственность на себя. То есть я не переваливаю ни на кого эту ответственность. Если я попадаю в неприятности, значит, где-то есть недоработка, значит, я это сама притянула к себе»* (Е. К.). Руководствуясь этим убеждением, Е. К. несколько лет практикует веганство и уверена, что оно положительно влияет на ее здоровье, а в случае недомоганий занимается лечебным голоданием и анализирует свои мысли и поступки.

О. Г. придерживается похожих взглядов на официальную медицину и природу болезней и тоже практикует лечебное веганство. Она с неодобрением отзываясь о людях, которые в вопросах здоровья полагаются на официальную медицину («рассчитывают на таблетки») вместо того, чтобы правильно питаться. Когда ей самой во время беременности диагностировали пониженный гемоглобин и прописали препарат, повышающий содержание железа в крови, она не стала его принимать, а вместо этого самостоятельно выяснила, в каких овощах и фруктах содержится железо, повысила их долю в своем рационе и добилась, по ее словам, нужного результата.

В. П. тоже поддерживает теорию заговора фармкомпаний и симпатизирует антипрививочному движению. Будучи сторонницей «новогерманской медицины» и последовательницей инстаграм-блогера Кати Чи⁹, В. П. считает, что *«организм — это такой механизм, который нам через болезни и боли показывает, что у нас в жизни в целом не так»* (В. П.). Она старается не использовать ненужные при таких убеждениях лекарства, в частности, отказалась от антибиотиков. В вопросах здоровья В. П. полагается на собственное умение считать маркеры болезни, диагностировать ее и купировать, и убеждена, что справляется с этим лучше официальной медицины.

Перечисленные практики «автономного действия» наделяют перечисленных информантов той самой «самодельной агентностью», о которой писали С. Хардинг и К. Стюарт. Эта приобретенная агентность является предметом гордости моих собеседниц: она отличает их от людей, привыкших «рассчитывать на таблетки» и быть пассивными потребителями продуктов официальной медицины. Что же

⁹ Инстаграм-блогер Катя Чи пропагандирует натуропатию, отказ от прививок, советует лечиться травами и БАДами, призывает бороться с онкологическими заболеваниями посредством диеты, «задавать раку вопросы» и отказываться от химиотерапии. Разоблачительные сюжеты про смерти онкобольных, следовавших советам Кати Чи, несколько раз появлялись на телеканалах, однако количество ее подписчиков растет.

происходит, когда государство, опираясь на экспертное медицинское знание, требует соблюдать самоизоляцию и носить маску в общественных местах? Мои собеседницы, увлеченные парамедицинскими теориями, воспринимают эти требования как посягательство на их «самодельную агентность» в сфере здоровья:

Инф.: Если я чувствую, что я и мои дети здоровы, я это просто знаю, я могу себе позволить — и я беру на себя ответственность за свои действия. Мы можем пойти во двор и погулять. Мы можем пойти в магазин, мы можем пользоваться общественным транспортом, потому что я знаю, что мы здоровы.

Инт.: Но ведь симптомы коронавируса, они же не сразу проявляются после заражения, а через несколько дней?

Инф.: Когда я стала сомневаться в продуктивности традиционного лечения, я стала развивать какое-то логическое мышление, осознанность. Это длится уже на протяжении нескольких лет, и я наработала определенный опыт. Я чисто по ощущениям уже своего организма и по наблюдению за организмом своих детей и своего мужа знаю, в какой момент они заболеют. Я знаю, когда это будет. <...> И с ковидом та же самая история. <...> Я смогу с ним встретиться лицом к лицу. (В. П.)

Вводя обязательные для всех ограничительные меры, государство как бы говорит В. П. и ее единомышленникам: «Все-таки я лучше вас разбираюсь в вопросах происхождения, предупреждения и лечения болезней, и поэтому вы должны соблюдать мои предписания». Но они, как видно из приведенной выше цитаты, не готовы признать монополию государства на медицинское знание и поступиться приобретенной агентностью.

Таким образом, именно агентность становится главным предметом конфликта, начавшегося между государством и «радикальными» ковид-диссидентами весной 2020 г., и это относится не только к тем, кто начал сопротивляться «системе» до пандемии и продолжил во время. «Радикальный» ответ на вопрос «зачем властям нужно преувеличивать угрозу коронавируса?» почти всегда включает в себя положение, что власти хотят запугать граждан, чтобы сделать их более управляемыми:

Это просто манипуляция сознанием людей, вот и все. Запуганных людей можно превратить в стадо баранов, которым легче управлять. (А. По.)

Человек в состоянии страха перестает мыслить логически, перестает критически мыслить. То есть у него просто включается функция самовывживания. И ему проще навязать ту идею, которая кому-то нужна. (В. П.)

Это просто цирк всемирный, устроенный специально, чтобы людей как-то... напугать, ввести в страх, чтобы подчинить можно было в дальнейшем. (Э. Б.)

Чтобы не стать объектом «манипуляции» и сохранить агентность, рассуждающий таким образом человек должен не поддаваться страху, то есть не верить в опасность, о которой говорят чиновники, эксперты и СМИ. Поэтому радикальным

диссидентам очень важно подчеркивать свое бесстрашие перед лицом пандемии: «У меня нет страха. Потому что страх — это вот как раз... Сейчас людьми манипулируют через страх, понимаете?» (Е. К.).

Навыки, полученные благодаря парамедицинским теориям, играют в этой борьбе за агентность важную роль. Если страх мыслится как средство подавления агентности, то эти навыки («осознанность» и «логическое мышление»), наоборот, вообразаются как средство ее укрепления.

Итак, «радикальных» ковид-диссидентов беспокоят вопросы их собственной автономности и агентности. Еще до пандемии коронавируса некоторые из них задумывались о своей уязвимости перед лицом государства, стремились дистанцироваться от его институтов и приобрести «самодельную агентность» с помощью теорий «стигматизированного знания». Когда началась пандемия, они решили бороться за свою агентность — не поддаваться страху перед коронавирусом и не признавать монополию официальных институтов на медицинское знание. Но лишь немногие из них решились на крайнюю форму этой борьбы — реальное сопротивление ограничительным мерам.

«Радикальные» диссиденты: нарратив об упадке

Прежде чем перейти к теме сопротивления, мы должны остановиться еще на одной особенности «радикального» диссидентского взгляда на мир. Эта особенность отличает «радикальных» диссидентов от «умеренных», а также влияет на восприятие ограничительных мер и желание сопротивляться им.

В интервью с «радикальными» диссидентами неизменно возникал нарратив, который я называю нарративом об упадке. Без каких бы то ни было специальных вопросов с моей стороны каждый мой «радикальный» собеседник начинал говорить, что нечто в мире — социальный институт, здоровье детей, экологическая ситуация, промышленность, — деградирует на протяжении нескольких последних десятилетий. Если речь шла о явлении социального, а не природного порядка, то отправной точкой этой деградации объявлялся распад советской системы. Важно отметить, что мне не удавалось спровоцировать на такие нарративы «умеренных» диссидентов, хотя я пыталась это сделать с помощью наводящих вопросов.

Институты, чаще всего фигурирующие в «нарративах об упадке», — образование и медицина, и это не случайно. Радикальные диссиденты склонны не доверять медицинской информации, а состояние образования в их воображении напрямую связано с тем, насколько люди подвержены манипуляциям со стороны властей. Так, А. А. считает, что сейчас все реже можно встретить человека с «каким-то культурным багажом», потому что система школьного образования приходит в упадок, начиная с 1990-х годов:

Советское образование, может, было не самое лучшее в мире, но оно было лучше того, что сейчас. Когда мы учились [в 1990-е годы], память о нем еще была жива, и еще было, на что ориентироваться. <...> Может, про советское образование — это миф. Но оно было лучше, чем то, что сейчас, а то, что будет потом, будет хуже, чем то, что есть теперь. (А. А.)

И. К. также считает, что школьное образование деградирует, и в подтверждение этого тезиса приводит фразу, якобы сказанную бывшим министром образования: «Советская школа готовила творцов, а мы должны готовить грамотных потребителей». В результате общество, по мнению И. К., стало «легко взять на поводок», хотя еще 30 лет назад люди умели «логически мыслить» и организованно сопротивляться (И. К.).

Многие «радикалы» уверены, что деградирует медицинское образование, а значит, разрушается и медицина как институт: «В СССР была старая школа, врачей нормально учили. А сейчас какие там знания? Заплатишь деньги, и будешь учиться» (Э. Б.). Из-за подобных представлений некоторые радикальные диссиденты особенно не доверяют молодым врачам:

Инф.: Я, допустим, если иду и вижу там [в поликлинике] какую-нибудь бабушку лет 60-ти, я безумно просто рад. Если врач — бабушка, я очень рад. С удовольствием к ней записываюсь и слушаю, что она говорит.

Инт.: А почему врач должна быть бабушкой?

Инф.: А потому что образование сильно рухнуло, понимаете? Если передо мной человек, которому лет 20—25, я не очень доверяю его навыкам. (В. Д.)

В терминах упадка могут описываться другие социальные институты, а также промышленность и экономика, но не только они. Половина моих «радикальных» собеседников считает, что дети сейчас рождаются менее здоровыми или с большим количеством ментальных отклонений, чем раньше. Рассказы об этом выстроены в логике прогрессирующего упадка: «Дети — какие они больные все, это вообще! Мы же такими не были, когда росли. Вообще никогда к врачам не обращались. Редко когда, очень редко там заболеешь чем-то серьезным. Это наше поколение. Наши дети уже больше болели, чем мы, а их дети вообще без конца болеют, внуки наши» (Н. Д.). Ухудшение детского здоровья может связываться с деградацией общественной морали. Е. Ку. считает, что сейчас происходит рост гиперактивности, дислексии и расстройств аутистического спектра среди детей, и объясняет это падением нравов. По ее мнению, раньше детей с гиперактивностью было меньше, потому что были «более жесткие моральные устои»; сейчас, когда эти устои расшатаны, рождается большее количество «постабортных» детей, у которых чаще бывают пренатальные патологии.

Итак, дети все чаще рождаются больными, образование и медицина разрушаются, нравы портятся, а люди глупеют. Может показаться, что такие нарративы никак не связаны с ковид-диссидентскими взглядами. Но на самом деле в них отражается специфический взгляд на мир, предопределяющий критическое восприятие любых инноваций. Уверенность, что «раньше было лучше, чем сейчас, а завтра будет хуже, чем теперь», превращает любое нововведение в триггер катастрофических ожиданий. Именно таким триггером для многих «радикалов» стали противозидемические меры.

Активное сопротивление: самозащита и обретение сверхагентности

Сочетание «паники агентности» с уверенностью, что мир неуклонно деградирует, делает радикальных диссидентов особенно чувствительными к ограничениям

свобод, принесенным пандемией. Поэтому в ограничительных мерах они видят не просто нелепые распоряжения властей (такой взгляд характерен для «умеренных»), а шаг на пути к тотальному порабощению граждан. Ограничение свобод и усиление контроля со стороны властей их настораживают, поскольку они озабочены вопросами автономности и агентности. А поскольку в оценке будущего «радикалы» руководствуются логикой прогрессирующего упадка, то они ожидают, что за сегодняшними ограничениями свобод последуют другие, еще более серьезные. Механизм формирования таких ожиданий хорошо отражают аргументы, с помощью которых наиболее радикальные участники ковид-диссидентских пабликов убеждают других в необходимости борьбы с масочным режимом. Эти аргументы строятся по модели «сегодня — маска, завтра — еще нечто более неудобное, бессмысленное и унижительное»:

Сегодня маску на кассе надень, а завтра не пустят в магазин без скафандра или будут бить палками за нахождение на улице без намордника¹⁰.

А завтра вам скажут носить на голове трусы, послезавтра иметь с собой вазелин для коитуса, через месяц скажут, что надо получить десять ударов палкой, без этого не отпустят товар¹¹.

Ощущение прогрессирующего упадка, помноженное на «панику агентности», приводит некоторых «радикалов» к сопротивлению ограничительным мерам. Но активное сопротивление, то есть отказ надевать маску, за которым следует длительное препирательство с администрацией или водителем, с покупателями или пассажирами, вызов полиции, составление протоколов, — занятие довольно выматывающее. Поэтому даже самые непримиримые из моих собеседников не смогли, по их словам, практиковать активное сопротивление на протяжении длительного времени и перешли к более пассивной, избегающей форме (не посещать магазины, где требуют надевать маску, не пользоваться общественным транспортом). Однако в каком-то смысле психологические затраты, которые несет активно протестующий диссидент, оправданы, поскольку активное сопротивление способно подарить ему чувство исключительной агентности.

В СМИ акты ковид-диссидентского сопротивления обычно представлены как неудачные: мы узнаем о них из заголовков типа «В Казани бабушку без маски выкинули из автобуса пассажиры»¹² или «В Екатеринбурге пассажиры выкинули из трамвая женщину без маски»¹³. Просматривая ковид-диссидентские паблики, мы узнаем, что сопротивление может быть успешным, хотя разные формы высказываний — например, видеосвидетельства и словесные рассказы, — дают

¹⁰ Пост в паблике «Секта свидетелей святого ковида», 21.08.2020.

¹¹ Комментарий к посту в паблике Antigen-19, 23.08.2020.

¹² Терпение лопнуло. В Казани бабушку без маски выкинули из автобуса пассажиры // Аргументы и факты. Казань. 30 октября.2020. URL: https://kazan.aif.ru/incidents/emergency/terpenie_lopnulo_v_kazani_babushku_bez_maski_vykinuli_iz_avtobusa_passazhiry (дата обращения: 18.04.2021).

¹³ В Екатеринбурге пассажиры выкинули из трамвая женщину без маски. «Из-за нее собралась пробка» // ЕАН. Екатеринбург. 8 ноября.2020. URL: https://eanews.ru/news/v-yekaterinburge-passazhiry-vykinuli-iz-tramvaya-zhenshchiny-bez-maski-iz-za-neye-sobralas-probka_08-11-2020 (дата обращения: 18.04.2021).

авторам разные возможности репрезентации. Видеоролик, герой которого отказывается надеть маску в общественном месте, может закончиться победой борца¹⁴, может — поражением, а может вообще оборваться в разгар конфликта. Рассказы, в отличие от видео, неизменно повествуют об успехе сопротивления. Их герой не подчиняется требованию надеть маску, доказывая сотрудникам его неправомочность. Но это — только часть его успеха: помимо эксклюзивного права не подчиняться официальным требованиям, герой также получает символическую награду в виде признания и власти.

Приведу два примера таких рассказов. Первый был размещен в августе 2020 г. в паблике Antigen-19 и описывал успешное сопротивление в супермаркете «Ашан»:

*Муж собрал вокруг себя толпу народу — работников, охранников, прохожих — и толкнул речь. Говорил, что нас обманывают с этим ковидом, что надо перестать быть быдлом, что надо начинать себя уважать и бороться с нарушением наших прав, иначе нас так и будут е*** во все щели, а мы будем это терпеть и ходить в намордниках, что надо очнуться и бороться за свободу. **У людей в глазах зашевелился огонек.** <...> Мужчина в черном развернулся и ушел, передумав вызывать нам наряд полиции, как он грозился. Охранники просто смотрели и **уже ничего не требовали. Прохожие поддакивали.** <...> Ну а с кассиром вообще **произошло чудо.** Вроде как она это все затеяла, но когда все разошлись, она сказала нам: «Ребята, вы, пожалуйста, не держите на меня зла, я поняла — **вы правы абсолютно!!** Надо уже устраивать бунты, чтобы от нас отстали с этими масками, мы и правда уже как быдло»¹⁵.*

Этот текст рассказывает не только о победе над масочным режимом, но и о приобретении власти. Его герой подобен проповеднику, чья пламенная речь обращает язычников: представители администрации отказываются от своих претензий и признают правоту диссидента, случайные свидетели начинают прислушиваться и соглашаться, а кассир и вовсе обращается в «новую веру». Новообращенная публика дает герою власть: теперь он может не только игнорировать официальные правила, но и диктовать свои.

Второй рассказ об успешном сопротивлении был записан в интервью. Среди моих информантов трое рассказали об опыте борьбы (разной степени длительности) против масочного режима и других ограничительных мер. Самой радикально настроенной из них стала Е.К., которая, по ее словам, с начала пандемии ни разу и ни при каких обстоятельствах не надевала маску. Вот как она описывает эпизод сопротивления, произошедший на вокзале, куда ее не хотели пускать без маски:

*Это было воскресенье, я позвонила и вызвала полицию, **подняла всех**, вызвала начальника ж/д вокзала и сказала ему: «Нарушаются мои права». Собралось 20 человек, то есть **высших вот этих чиновников**, приехали такие и говорят: «Это кто здесь такая вообще? На уши поставила **весь город**». Я говорю: «Нарушаются мои права как*

¹⁴ Примеры успешного сопротивления демонстрирует в своих видео автор популярного в ковид-диссидентских кругах ютьюб-канала Вадим Видякин, «юрист из Кирова» (пример такого материала см.: https://www.youtube.com/watch?v=T2avd_p_5LI&t=2s).

¹⁵ Пост в паблике Antigen-19 от 23.08.2020.

человека. Я **требую** альтернативный проход, потому что я не прохожу через рамки и я не ношу маски». И **начальник** — он, конечно же, **открыл** <...> и меня пропустили. А один полицейский, он даже потом говорит: «Ну, девушка, ну хоть что-нибудь **можно я напишу**, потому что будет потом... просто так приехал, что ли. Но я, говорит, **вами восхищаюсь**. Если все люди бы вот так осознанно...» (Е. К.)

Елена тоже получает признание аудитории в лице начальника вокзала и полицейского. Так же, как текст из ковид-диссидентского паблика, ее рассказ говорит об успешной проповеди, результатом которой становится обретение власти: «высшие чиновники» и начальник вокзала признают правоту рассказчицы, а полицейский выражает ей свое восхищение.

Мы не знаем, как в реальности разворачивались ситуации, описанные в этих двух рассказах, но, опираясь на материалы интервью, мы можем понять, почему подобные тексты построены именно таким образом и что именно приобретает «радикальный» диссидент, сопротивляясь ограничительным мерам и рассказывая об этом. Из интервью с Е. К. мы знаем, что когда-то (до увлечения конспирологическими и парамедицинскими теориями), у нее было ощущение, что ее никто не слышит: «Ты вроде бы требуешь, и вроде говоришь все правильно, а тебя никто не слышит. Такое ощущение, что люди тебя просто... ну как, игнорируют» (Е. К.). Оставшись одна с тремя детьми, она ожидала, что государство будет платить ей пособие по многодетности и выделит жилье, но эти ожидания (неважно, насколько правомерными они были), не оправдались. Описывая свое общение с чиновниками, она снова говорит о неспособности быть услышанной: «Они просто не слышат, они не хотят слушать, не хотят услышать тебя. Им просто все равно» (Е. К.).

Также мы знаем, что уже к началу пандемии Е. К. имела «напряженные отношения с системой», то есть не доверяла официальной медицине и другим институтам и активно сопротивлялась им. В этом ей помогали разные концепции «стигматизированного знания» и связанные с ними практики, причем не только парамедицинские — например, на протяжении нескольких лет она отказывалась проходить через рамки металлоискателей в метро, на вокзалах и аэропортах, требуя обеспечить ей так называемый альтернативный проход.

Все это — и переживание собственной «неслышности», и следование «стигматизированным» идеям, — говорит о том, что к началу пандемии у Е. К. уже была потребность в утверждении собственной субъектности и агентности. Мы видим, что в рассказе об успешном сопротивлении масочному режиму эта потребность удовлетворяется. В этом рассказе государство не только слышит Е. К., но и признает ее правоту. Одерживая победу над его представителями в лице «высших чиновников» и полицейских, она приобретает сверхагентность, недоступную тем, кто проходит через рамки металлоискателей и следует предписаниям властей.

Таким образом, активное сопротивление ограничительным мерам хотя и энергозатратно, но позволяет компенсировать нехватку агентности и недостаток контроля. Поэтому наиболее настоятельную потребность сопротивляться испытывают те, кто еще до пандемии особенно нуждался в усилении собственной агентности и пытался делать это при помощи разнообразных «стигматизированных» идей.

Заключение

Проведенное исследование позволило добавить несколько важных штрихов к фрагментарному портрету ковид-диссидента, существовавшему в количественных исследованиях. Во-первых, мы увидели различия в способах интерпретации пандемии, которые не фиксировались количественными методами. Убеждение, что опасность вируса преувеличивается властями, не обязательно ведет к конспирологическим объяснениям происходящего: теории заговора привлекают «радикальных» диссидентов, а «умеренные» объясняют пандемию тайной борьбой за экономические ресурсы. Во-вторых, мы выяснили, что ковид-диссиденты по-разному относятся к соблюдению ограничительных мер.

Анализ интервью свидетельствует, что и склонность к конспирологическим объяснениям, и стремление сопротивляться ограничительным мерам связаны, с одной стороны, с «паникой агентности», а с другой — с пессимизмом радикальных диссидентов.

Хотя количественные исследования показывали, что диссиденты более пессимистически настроены, чем остальные граждане¹⁶, качественные методы позволили увидеть, как именно этот пессимизм связан с поддержкой ковид-диссидентской конспирологии и практиками сопротивления. Ощущение, что мир неуклонно деградирует, приводит к критическому восприятию любых нововведений, в том числе связанных с пандемией. А переживание «паники агентности» развивает особую чувствительность к любым государственным жестам, связанным с усилением контроля и ограничением свобод. Сочетание этой чувствительности с глубоким пессимизмом в отношении будущего формирует «радикально»-диссидентский взгляд на пандемию и заставляет видеть за сегодняшними цифровыми пропусками очертания будущего «цифрового Освенцима», а за введением масочного режима — попытку властей превратить нацию в легко управляемое «стадо».

Метод полуструктурированных интервью позволил увидеть роль, которую играет в восприятии ограничительных мер и в готовности сопротивляться им имеющийся у ковид-диссидента опыт борьбы с «системой». Данное исследование показывает, что хотя все радикальные диссиденты в той или иной мере переживали «панику агентности», активно сопротивляться масочному режиму начали те, кто еще до пандемии конвертировал это переживание в увлечение различными «стигматизированными» [Barkun, 2015] идеями и практиками парамедицинского характера. Практикуя альтернативные методы лечения и отказываясь от вмешательств, принятых в системе официальной медицины, эти люди приобрели «самодельную агентность» [Harding, Stewart, 2003], с которой не захотели расстаться в тот момент, когда государство ввело обязательные для всех ограничительные меры. Некоторых из них это толкает на путь открытого сопротивления ограничительным мерам. Анализ нарративов о таком сопротивлении показывает, что оно позволяет компенсировать нехватку агентности.

¹⁶ Завадская М., Соколов Б. Ковид-диссиденты и политическая поддержка в России в период пандемии. По результатам панельного опроса Values in Crisis, 2020—2021. Доклад на семинаре ЦСИПИ 18.02.2021.

Список литературы (References)

- Агамбен Дж. Изобретение эпидемии // Интеллектуальные хроники пандемии / под ред. А. В. Тимофеев. Киев : Днипро, 2020а.
- Agamben G. (2020a) Invention of the Epidemic. In: Timofeev A. (ed.) *Intellectual Chronicle of the Pandemic*. Kyiv: Dnipro. (In Russ.)
- Агамбен Дж. Об истинном и ложном // Интеллектуальные хроники пандемии / под ред. А. В. Тимофеев. Киев : Днипро, 2020b. С. 97—99.
- Agamben G. (2020b). About True and False. In: Timofeev A. (ed.) *Intellectual Chronicle of the Pandemic*. Kyiv: Dnipro. (In Russ.)
- Артамонов Р., Лаврентьев Н. Опрос общественного мнения населения РФ. Изменения, вызванные эпидемией и режимом самоизоляции. Пятая волна. 2020а. URL: https://www.hse.ru/data/2020/06/03/1602506343/HSE_Covid_03_2020_1_1.pdf (дата обращения: 18.04.2021).
- Artamonov R., Lavrentiev N. (2020a). Public Opinion Poll of the Population of the Russian Federation. Changes Caused by the Epidemic and the Self-Isolation Regime. The 5th Wave. URL: https://www.hse.ru/data/2020/06/03/1602506343/HSE_Covid_03_2020_1_1.pdf. (In Russ.)
- Артамонов Р., Лаврентьев Н. Опрос общественного мнения населения РФ. Изменения, вызванные эпидемией и режимом самоизоляции. Седьмая волна. 2020b. URL: <https://www.hse.ru/news/398120110.html> (дата обращения: 18.04.2021).
- Artamonov R., Lavrentiev N. (2020b). Public Opinion Poll of the Population of the Russian Federation. Changes Caused by the Epidemic and the Self-Isolation Regime. The 7th wave. URL: <https://www.hse.ru/news/398120110.html> (accessed: 18.04.2021). (In Russ.)
- Архипова А.*, Радченко Д., Козлова И., Пейгин Б., Гаврилова М., Петров Н. Пути российской инфодемии: от WhatsApp до Следственного комитета // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2020. № 6. С. 231—265. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.6.1778>.
- Arkipova A.*, Radchenko D., Kozlova I., Peigin B., Gavrilova M., Petrov N. (2020) Specifics of Infodemic in Russia: From WhatsApp to the Investigative Committee. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 6. P. 231—265. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.6.1778> (дата обращения: 18.04.2021). (In Russ.)
- Закутина Е. «Не верю!» — социологический портрет ковид-диссидента // К-ФОМ. 24.07.2020. <https://covid19.fom.ru/post/ne-veryu-sociologicheskij-portret-kovid-dissidenta> (дата обращения: 18.04.2021).
- Zakutina E. "I Do Not Believe!" A Sociological Portrait of a Covid-Dissident. *K-FOM*. 24.07.20. URL: <https://covid19.fom.ru/post/ne-veryu-sociologicheskij-portret-kovid-dissidenta> (accessed: 18.04.2021). (In Russ.)
- Социология пандемии. Проект коронаФОМ. М. : Институт Фонда «Общественное Мнение», 2021.
- Sociology of a Pandemic. CoronaFOM Project. (2021) Moscow: Public Opinion Foundation Institute. (In Russ.)

Липпман У. Общественное мнение. М. : Фонд «Общественное мнение», 2004.

Lippmann W. (2004) Public Opinion. Moscow: Public Opinion Foundation Institute. (In Russ.)

Цаллер Дж. Происхождение и природа общественного мнения. М. : Фонд «Общественное мнение», 2004.

Zaller J. (2004) The Nature and Origins of Mass Opinion. Moscow: Public Opinion Foundation Institute. (In Russ.)

Abalakina-Paap M., Stephan W., Craig T., Gregory W. (1999) Belief in Conspiracies. *Political Psychology*. Vol. 20. No. 3. P. 637—647. <https://doi.org/10.1111/0162-895X.00160>.

Barkun M. (2015) Conspiracy Theories as Stigmatized Knowledge. *Diogenes*: Vol. 62. No. 3—4. 168—176. <https://doi.org/10.1177/0392192116669288>.

Bieber F., Prelec T., Jović D., Nechev Z. (2020) The Suspicious Virus: Conspiracies and COVID-19 in the Balkans. *BiEPAG Report*. URL: <https://biepag.eu/wp-content/uploads/2020/12/Conspiracies-and-COVID19-in-the-Balkan-English-2.pdf> (accessed: 18.04.2021).

Bodner J., Welsh W., Brodie I., Muldoon A., Leech D., Marshall A. (2020) COVID-19 Conspiracy Theories: QAnon, 5G, New World Order and Other Viral Ideas. Jefferson: McFarland & Company.

Bruder M., Haffke P., Neave N., Nouripanah N., Imhoff R. (2013) Measuring Individual Differences in Generic Beliefs in Conspiracy Theories Across Cultures: Conspiracy Mentality Questionnaire. *Frontiers in Psychology*. April. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2013.00225>.

Campion-Vincent V. (2005) From Evil Others to Evil Elites: A Dominant Pattern in Conspiracy Theories Today. In: Fine G., Champion-Vincent V., Heath C. (eds.) *Rumor Mills: The Social Impact of Rumor and Legend* New Brunswick, NJ: Aldine Transaction. P. 103—122.

Freeman D., Bentall R. (2017) The Concomitants of Conspiracy Concerns. *Social Psychiatry and Psychiatric Epidemiology*. Vol. 52. P. 595—604. <https://doi.org/10.1007/s00127-017-1354-4>.

Freeman D., Waite F., Rosebrock L., Petit A., Causier C., East A., Jenner L., Teale A.-L., Carr L., Mulhall S., Bold E., Lambe S. (2020) Coronavirus Conspiracy Beliefs, Mistrust, and Compliance With Government Guidelines in England. *Psychological Medicine*. May. <https://doi.org/10.1017/s0033291720001890>.

Goertzel T. (1994) Belief in Conspiracy Theories. *Political Psychology*. Vol. 15. No. 4. P. 731—742. <https://doi.org/10.2307/3791630>.

Grzesiak-Feldman M. (2013) The Effect of High-Anxiety Situations on Conspiracy Thinking. *Current Psychology: A Journal for Diverse Perspectives on Diverse Psychological Issues*. Vol. 32. P. 100—118. <https://doi.org/10.1007/s12144-013-9165-6>.

- Harding S, Stewart C. (2003) 9 Anxieties of Influence: Conspiracy Theory and Therapeutic Culture in Millennial America. In: West H. G., Sanders T. (eds.) *Transparency and Conspiracy: Ethnographies of Suspicion in the New World Order*. London, Durham: Duke University Press. P. 258—288. <https://doi.org/10.1515/9780822384854-011>.
- Melley T. (2000) *Empire of Conspiracy: The Culture of Paranoia in Postwar America*. Ithaca: Cornell University Press. <https://doi.org/10.7591/9781501713019>.
- Melley T. (2008) Brainwashed! Conspiracy Theory and Ideology in the Postwar United States. *New German Critique*. Vol. 35. No. 1. P. 145—164. <https://doi.org/10.1215/0094033X-2007-023>.
- Pels P. Religion, Consumerism, and the Modernity of the New Age (1998). *JASO*. Vol. 29. No. 3. P. 263—272.
- Sullivan D., Landau M. J., Rothschild Z. K. (2010) An Existential Function of Enemyship: Evidence That People Attribute Influence to Personal and Political Enemies to Compensate For Threats to Control. *Journal of Personality and Social Psychology*. Vol. 98. No. 3. P. 434—449.
- Uscinski J., Klobstad C., Atkinson M. (2016) What Drives Conspiratorial Beliefs? The Role of Informational Cues and Predispositions. *Political Research Quarterly*. Vol. 69. No. 1. P. 57—71.
- Uscinski J., Enders A., Klobstad C., Seelig M., Funchion J., Everett C., Wuchty S., Premaratne K., Murthi M. (2020) Why do People Believe COVID-19 Conspiracy Theories? *The Harvard Kennedy School (HKS) Misinformation Review*. <https://doi.org/10.37016/mr-2020-015>.
- Wood M. J., Douglas K. M., Sutton R. M. (2012) Dead and Alive: Beliefs in Contradictory Conspiracy Theories. *Social Psychological and Personality Science*. Vol. 3. No. 6. P. 767—773. <https://doi.org/10.1177/1948550611434786>.

Приложение 1

Список информантов¹⁷

- В. О. — м. 1984 г. р., СПб., образование высшее, музыкант.
М. Л. — м. 1987 г. р., СПб., образование высшее, менеджер.
Т. Д. — ж., 1976 г. р., СПб., образование высшее, преподаватель иностранных языков.
А. Па. — ж., 1993 г. р., СПб., образование высшее, музыкант.
А. По. — ж., 1987 г. р., СПб., образование среднее специальное, продавец.
В. Г. — м., 1979 г. р., СПб., образование высшее, фрилансер в сфере IT.
В. Д. — м., 1979 г. р., СПб., образование высшее.
И. К. — м., 1962 г. р., Обнинск, образование высшее, журналист.
Э. Б. — м., 1979 г. р., СПб., образование среднее специальное, предприниматель.
А. А. — ж. 1982 г. р., СПб., образование высшее, преподаватель иностранных языков.
Д. П. — м., 1980 г. р., СПб., образование среднее специальное, работник супермаркета.
О. Г. — ж., 1991 г. р., Марсель, образование высшее, до недавнего времени — научный сотрудник.
А. Б. — м., 1980 г. р. СПб., образование высшее, телеоператор.
В. П. — ж., 1989 г. р., Екатеринбург, образование высшее, предприниматель.
Е. К. — ж., 1977 г. р., СПб., образование среднее специальное, до недавнего времени — медсестра.
Н. Д. — ж. 1956 г. р., Черкесск, образование высшее, социальный работник.
Е. Ку. — ж., 1974 г. р., Обнинск, образование высшее, врач.

¹⁷ Представлены данные только о тех информантах, интервью с которыми цитируются в статье.

DOI: [10.14515/monitoring.2021.2.1798](https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.2.1798)

К. А. Галкин

**ЭКСТРА ВРЕМЯ? СМЫСЛЫ ПОЖИЛОГО ВОЗРАСТА
И ИХ ПОНИМАНИЕ В КНИГЕ К. КАВЕНДИШ.
РЕЦ. НА КН.: CAVENDISH C. EXTRA TIME: 10 LESSONS
FOR AN AGEING WORLD. GLASGOW: HARPER COLLINS, 2019**

Правильная ссылка на статью:

Галкин К. А. Экстра время? Смыслы пожилого возраста и их понимание в книге К. Кавендиш // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2021. № 2. С. 510—519. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.2.1798>. Рец. на кн.: Cavendish C. Extra time: 10 Lessons for an Ageing World. Glasgow: Harper Collins, 2019.

For citation:

Galkin K. A. (2021) Extra Time? Senses of Old Age and Their Understanding in the Book by Camilla Cavendish. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 2. P. 510–519. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.2.1798>. Book Review: Cavendish C. Extra Time: 10 Lessons for an Ageing World. Glasgow: Harper Collins, 2019. (In Russ.)

ЭКСТРА ВРЕМЯ? СМЫСЛЫ ПОЖИЛОГО ВОЗРАСТА И ИХ ПОНИМАНИЕ В КНИГЕ К. КАВЕНДИШ. РЕЦ. НА КН.: CAVENDISH C. EXTRA TIME: 10 LESSONS FOR AN AGEING WORLD. GLASGOW: HARPER COLLINS, 2019

EXTRA TIME? SENSES OF OLD AGE AND THEIR UNDERSTANDING IN THE BOOK BY CAMILLA CAVENDISH. BOOK REVIEW: CAVENDISH C. EXTRA TIME: 10 LESSONS FOR AN AGING WORLD. GLASGOW: HARPER COLLINS, 2019

ГАЛКИН Константин Александрович — кандидат социологических наук, старший научный сотрудник, Социологический институт РАН Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук, Санкт-Петербург, Россия
E-MAIL: Kgalkin1989@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0002-6403-6083>

Konstantin A. GALKIN¹ — *Cand. Sci. (Soc.), Senior Researcher*
E-MAIL: Kgalkin1989@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0002-6403-6083>

Аннотация. В рецензии анализируются выводы и положения книги Камиллы Кавендиш «Extra Time», посвященной проблематике старения в междустрановом аспекте и особенностям восприятия старения как активного времени. Также в ней даны практические рекомендации, связанные с особенностями активного старения и тем, как в период extra time у пожилых людей появляется возможность сохранять здоровье и активность, выполняя необходимые физические упражнения. В рецензии автор критически осмысляет особенности старения как позитивного времени, рассматривая работу Камиллы Кавендиш через призму критической геронтологии и социологии.

Abstract. The review analyses the conclusions and provisions of the book by Camilla Cavendish «Extra Time», dedicated to the issue of aging in a cross-country aspect and the peculiarities of the perception of aging as an active time of life. The book provides practical recommendations related to the features of active aging and the opportunity to maintain health and activity by performing the necessary physical exercises during the extra time period. In the review, the author critically comprehends the features of aging as a positive time, examining the work of Camilla Cavendish through the prism of critical gerontology and sociology.

Ключевые слова: активное долголетие, биологические особенности старения, восприятие старения, старение, физическая активность

Keywords: active longevity, biological features of aging, perception of aging, aging, physical exercise

Книга Камиллы Кавендиш посвящена изучению того, как в пожилом возрасте улучшить жизнь, сделать ее более долгой [Cavendisch, 2019]. Многие из отзывов, с которыми читатель может ознакомиться на обороте обложки, говорят об оптимизме автора и о том, что работа в большей степени представляет собой практическое пособие, помогающее пожилым людям сохранить активность и физическую форму. В книге указывается, какие шаги для этого необходимо предпринимать.

Камилла Кавендиш — бывшая глава политического отдела правительства Дэвида Кэмерона. О прошлом авторки¹ в большой политике свидетельствует цитата, приведенная в середине книги: «Когда я работала помощником Дэвида Кэмерона, один из его советников назвал меня „фашистом здравоохранения“» [ibid.: 30]. Преступление Кавендиш, как она поясняет позже, состояло в том, чтобы предложить налог на сахар для борьбы с ожирением. Эта мера была введена в Великобритании чуть позднее — в 2018 г.

Это еще один аргумент в пользу того, что читатель «Extra Time» держит перед собой достаточно практическую и политизированную книгу, состоящую из рекомендаций. В первую очередь эти рекомендации представляют собой способы улучшения здоровья пожилых людей. Кавендиш приводит конкретные шаги и рассматривает политику относительно возраста и активного долголетия в разных странах. Другим значимым аргументом, который позволяет отнести произведение Кавендиш к литературе по активному старению (active aging), выступает рассказ авторки о том, что именно подвигло ее написать книгу. В основе идеи написания книги, отмечает Кавендиш, лежит история ее отца. Когда ему исполнилось пятьдесят лет, он сдался и перестал к чему-либо стремиться, он боялся, например, что не сможет разводить любимых кошек, ухаживать за ними. Однако, как подчеркивает Кавендиш, это был всего лишь страх, и отец прожил в добром здравии до восьмидесяти шести лет. Это утверждение, помимо прочего, свидетельствует о попытке Кавендиш позитивно взглянуть на старение и рассмотреть это явление под оптимистичным углом, принимая во внимание то, как именно организм стареет и какие процессы при этом происходят со здоровьем.

В своей работе Камилла Кавендиш задумывается не столько о биологических часах и особенностях старения клетки (хотя подобные отсылки можно встретить на страницах книги), сколько о концепте времени. *Extra time*, или дополнительное время, — это термин, который авторка вводит, чтобы продлить время среднего возраста, и многие, кого раньше было принято называть пожилыми, сегодня становятся людьми среднего возраста. Эта концептуальная рамка — структурная опора книги, на которой основываются все построения относительно рассмотрения возраста и активного старения. Как отмечает Кавендиш, «нам крайне необходимо пересмотреть политику относительно возраста и понимание временных границ возраста в принципе», «нет четкого и определенного разделения на возраст в кортах от 60 лет и до 100 лет» [ibid.: 58].

Кавендиш дает достаточно смелый совет: необходимо принять свой возраст таким, какой он есть, и продолжать активную жизнь в любом возрасте. Это, отмечает авторка, есть основа активного долголетия, которое может быть реализовано

¹ Здесь и далее сохранено авторское употребление феминитивов (примеч. ред.).

на практике конкретными людьми и в конкретных странах. Страновой компонент, то есть рассмотрение активного старения в различных странах и особенностей времени *extra time*, которое представлено именно с точки зрения демографии и аналитики авторки, делают работу Кавендиш осмысленным исследовательским проектом с достаточно четкой структурой и целью исследования. Однако если внимательно присмотреться к исследованию, то выясняется, что это не просто анализ демографической ситуации и старения в страновом контексте, а призыв к действию и попытка рассмотреть — через демографию и понимание старения в различных странах — особенности возраста, чтобы в будущем использовать позитивный и негативный опыт разных стран для развития концепции активного старения.

Мировой вызов, связанный с увеличением числа людей старше 65 лет, Кавендиш считает отправной точкой и для своего исследования, и для применения политики активного старения. Камилла Кавендиш отправляется в своеобразный виртуальный тур по разным странам, где беседует с врачами, учеными, представителями правительства и бизнес-сообщества, стремится оспорить различные стереотипы и табу, существующие в отношении возраста, и старается рассмотреть возраст, как она сама отмечает, с позитивной точки зрения (то есть следовать идее о том, что старший возраст есть время возможностей и достижений, активностей). Однако, говорит Кавендиш, это должно способствовать изменению нынешних взглядов на технологии старения и особенности «борьбы с возрастом». Авторка подчеркивает, что в кардинальном пересмотре нуждается как политика относительно возраста практически во всех странах, так и конкретные действия, например меры по улучшению здравоохранения. Кавендиш настаивает на том, чтобы в разных странах было организовано просвещение в здравоохранении относительно физической активности в пожилом возрасте.

Книга состоит из десяти глав. В первой главе Кавендиш размышляет о демографических трендах и старении населения в разных странах. Как отмечает авторка, рождаемость падает практически во всем мире, а число людей старшего поколения постоянно растет. Например, население Китая постареет быстрее, чем станет богатым и процветающим [Cavendisch, 2019: 18]. При этом стареющее население, отмечает Кавендиш, продолжает работать и жить полноценной жизнью, таким образом, граница среднего возраста становится условной, а средний возраст — расширенным, продленным во времени. Именно дополнительное время — *extra time* — есть ключевая характеристика протяженности среднего возраста. К такому заключению Кавендиш приходит в конце первой главы.

Вторая глава книги посвящена медиасфере и правительствам. Как отмечает Кавендиш, негативный образ старения нередко сконструирован медиаресурсами и политическими системами различных стран. Медиаресурсы могут транслировать идею, что активное старение возможно лишь для обеспеченных людей, а остальные люди по-прежнему остаются заложниками возраста. Рассуждая таким образом, Кавендиш приближается к социально-конструктивистскому пониманию возраста, когда он представляется как конструкт, созданный в рамках политического дискурса и дискурса СМИ в различных странах. В этом смысле выводы Кавендиш не кажутся новыми. Это хороший анализ того, как медиаресурсы и политика в области возраста создают сам возраст и конструируют рамки, ограничивающие его

и задающие понимание старения в той или иной стране. Авторка рассматривает возраст-конструкт с практической точки зрения, которая основывается на важности здорового образа жизни. Как отмечает Кавендиш во второй главе, именно здоровый образ жизни может продлить средний возраст, он способствует активному долголетию, сохранению активности и вовлеченности в социальную жизнь. Именно борьба со стереотипами относительно возраста, подчеркивает Кавендиш, способна противостоять часто неверному дискурсу, связанному с активным долголетием, который присутствует в различных странах.

Третья глава книги начинается с изучения биологических особенностей старения. В этой главе Камилла Кавендиш описывает старение с позиций здорового образа жизни и представляет состояние, необходимое для активного долголетия, как отсутствие вредных привычек, отказ от употребления нездоровой пищи и регулярное выполнение физических упражнений. Авторка ставит своей целью разобраться, каким могло бы быть старение, если бы человек на протяжении всей жизни придерживался правильного питания, выполнял физические упражнения и в целом вел здоровый образ жизни. Именно несоблюдение этих правил, отмечает Кавендиш, может привести к тому, что человек состарится еще до наступления конкретного возраста.

В этой главе отчетливо прослеживается политическое прошлое Кавендиш и ее работа в области здравоохранения. Авторка дает советы относительно выполнения упражнений, аэробики и сниженного употребления сахара, которые способствуют поддержанию организма в форме и продлению активного образа жизни. Это способ применения политики активного старения к отдельно взятым индивидам. Недостатком третьей главы книги можно назвать рассмотрение физических упражнений, важности их выполнения и соблюдения графика тренировок как естественной панацеи от старения. Такая позиция не может быть универсальной, поскольку люди с соматическими сложностями и особыми режимами тела вряд ли смогут заниматься аэробикой. К тому же не все люди в силу ограничений, связанных со здоровьем, способны выполнять сложные физические упражнения. При этом они могут позиционировать себя как желающих придерживаться активного образа жизни, и стараются действовать таким образом. С другой стороны, медицинский редукционизм и попытка решить все проблемы возраста через систему упражнений и особых телесных практик — довольно спорное решение, которое заслуживает критики как с позиции критических геронтологов, так и с позиции исследователей возраста в лице приверженцев социально-конструктивистского подхода. Последние утверждают, что возраст и активность конструируются общественным дискурсом, выраженным в попытке привлечь людей среднего и пожилого возраста к активностям и создать подобные активности, то есть решить таким образом вопросы старения на уровне социальной политики. Следовательно, позитивный образ старения и необходимость выполнять упражнения становятся лишь частью конструкта позитивного образа возраста, который используется в различных странах.

Пятая глава книги примечательна тем, что Камилла Кавендиш отталкивается в ней от нейроисследований. Ключевая характеристика возраста, отмечает авторка, заключается в том, что невозможно стать слишком старым, чтобы прекратить

учиться. Кавендиш анализирует, какие практические упражнения помогают держать «мозг в форме». Именно прибегая к достижениям современной нейронауки, говорит авторка, человек может противостоять болезни Альцгеймера и деменции. Однако в пятой главе, как и в третьей, присутствует явный перекося в сторону биологического редукционизма и биологической детерминированности возраста, и авторка не уделяет должного внимания тому, что такие заболевания, как деменция и болезнь Альцгеймера, могут иметь гораздо более сложные социальные и психологические последствия. Также Кавендиш не раскрывает сути того, почему пожилые люди могут страдать подобными заболеваниями и как жизнь в семье или отдельное (одинокое) проживание могут сказаться на риске заболеваемости такого рода болезнями. В пятой главе не упоминается и такая интересная тема, как активное старение людей, имеющих подобные заболевания. Соответственно, не обсуждается, как для таких людей может быть реализовано активное старение, какие особенности в выполнении упражнений и обучении могут оказаться для них значимыми.

Шестая глава книги продолжает биологический дискурс предыдущих глав. Здесь Камилла Кавендиш задается вопросом: можно ли рассматривать старение как болезнь? Это создает ряд дополнительных вопросов, среди которых наиболее важен следующий: можно ли вылечить старение. Например, возможно ли обуздать гены и протеин в нашем организме и как это сделать? На эти вопросы Кавендиш пытается ответить с позиции развития современной медицины и здравоохранения, приходя к выводу, что если старение — это болезнь, то с точки зрения современной медицины будет неправильным лечить одну болезнь за раз. Гораздо эффективнее лечить сразу несколько болезней, создавая цепи защиты в нашем теле, которые помогут не только легче пережить само старение, но и защититься от различных недугов, которые ведут к плохому самочувствию. В этой главе также доминирует биологический редукционизм, и Камилла Кавендиш продолжает рассматривать старение с точки зрения биологических особенностей, происходящих в организме, и тех изменений, которые могут быть зафиксированы и эффективно вылечены. Не уделяется внимание тому, как эти изменения могут быть рассмотрены с позиций социологии и критической геронтологии, а также тому, что стареющее и слабеющее тело может быть объектом социального исключения и проблемой для жизни в социуме. Взять, например, проблему мобильности пожилых людей, которые не могут полноценно передвигаться по городу. Эта проблема связана и с соматическими телесными ощущениями, и с пониманием возраста как особого состояния, которое ограничивает возможности. В свою очередь, невозможность излечения физической болезни возраста способствует тому, что старению присваиваются смыслы, связанные и с социальной эксклюзией, и с пониманием возраста как времени, которое ограничивает возможности. В работе Кавендиш об этом практически не упоминается. С другой стороны, социальное исключение пожилых людей, например, связанное с проблемами мобильности или сложностями со здоровьем, также может создавать особый образ старения: он будет восприниматься как негативный и обусловленный различными стигмами. Об этом Кавендиш также не пишет и не показывает, следует ли воспринимать старение как особое заболевание, связанное и с биологическими особенностями,

о которых говорится в главе, и с особенностями социального понимания возраста и стигм, имеющих отношение к возрасту. Все это комплексно конструирует возраст как особое состояние, создает образ возраста для самих пожилых людей, точнее говоря, особенности подобного образа.

В восьмой главе авторка переходит к описанию взаимодействия технологий и человека, на конкретных примерах показывает, как устроено это взаимодействие. В главе приводятся два кейса: роботы в Японии и медицинские сестры в Нидерландах. Кавендиш приходит к выводу, что система поддержки здоровья пожилых людей основывается на постоянных взаимодействиях технологий и человека. Это практический вывод, однако мы не найдем здесь ни подробного описания этого взаимодействия, ни анализа существующей литературы, посвященной изучению материальности старения и особенностям этой материальности в контексте взаимодействия людей и различных приборов и устройств. Глава содержит наблюдения и выводы Кавендиш, но в тексте не изложены последствия подобных взаимодействий и не описано, как техника становится одним из акторов, формирующих среду старения для пожилых людей и создающих сложности, связанные с различными техническими устройствами, призванными улучшить жизнь пожилого человека [Hörpner, Urban, 2018; Irni, 2010]. Это остается нерассмотренным и незатронутым в ходе анализа взаимодействия пожилых людей с техническими новшествами. Даже на практическом уровне Кавендиш не прибегает к различным исследованиям, выполненным в том числе с применением АНТ-методологии, чтобы понять особенности различных акторов и их взаимодействий в жизни пожилых людей. Авторка ограничивается лишь позитивным пониманием важности различных технических новинок и их использования для улучшения жизни.

В десятой главе Камилла Кавендиш рассуждает о новых разделениях и демаркационных линиях в осмыслении возраста, делая вывод, что новое понимание возрастных особенностей обусловлено не разделениями возраста на «старше» и «моложе»: оно определяется тем, насколько человек подготовлен к жизни и активностям в любом возрасте. Такое определение позволяет достаточно четко определить возраст как период жизни, при котором важное значение играет выполнение упражнений, тренировки и научение различным навыкам. Это представление в целом вписывается в общие идеи книги Кавендиш, в ее попытки сделать понятным тот факт, что возраст может восприниматься совершенно по-другому, если выполнять необходимые упражнения и придерживаться в целом правильного образа жизни. При этом у читателя, в особенности знакомого с исследованиями по критической геронтологии и социологии возраста, невольно возникает ряд вопросов, в частности о том, насколько такой подход оправдан, не стигматизирует ли он пожилых людей, создавая искусственные рамки ограничений и принуждая их к постоянной физической активности.

Если рассматривать книгу «Extra Time» с позиций активного долголетия, то эта работа может восприниматься как неплохое практическое пособие по исследованию возраста, изучению того, как происходит старение и насколько важна для пожилых людей активность. Но с учетом того, что с развитием критической геронтологии возникают новые подходы и концепции, в рамках которых критикуется активное старение, работу Камиллы Кавендиш невозможно назвать

хорошей проработкой и полноценным исследованием возраста, в сравнении с исследованиями других авторов и критических геронтологов и социологов, где возраст рассматривается с критических позиций и анализируются подходы к изучению пожилых людей [Polivka, 2011; Holstein, Minkler, 2007; Piel, Robra, 2018]. Это в большей степени исследование, преследующее практические цели, хотя в книге достаточно хорошо рассмотрены и проработаны демографические аспекты и особенности старения.

Другой немаловажной особенностью книги Камиллы Кавендиш является представление концепта *extra time* и рассмотрение старения с позиций новой парадигмы возраста, изучения особенностей старения и того, как оно происходит. Здесь важно авторское понимание возраста как «времени возможностей» или «дополненного, расширенного времени», когда возраст становится новой перспективой для пожилых людей. С другой стороны, подобное описание возраста вряд ли можно назвать инновационным — скорее, это дополнение к уже знакомому концепту возраста, который присутствует в общей концептуализации возраста в активном долголетии.

Один из минусов книги Кавендиш — пренебрежение современными теориями изучения возраста и рассмотрения его с социологических и критических позиций, осмысление того, что возраст — это не только биологическая составляющая, которую можно регулировать и даже замедлить путем различных упражнений, физических и телесных активностей. Важно понимать, что возраст конструируется и создается по-разному в тех или иных странах, в зависимости от культурных особенностей и понимания старения. Так же как и индивидуально смыслы старения могут пониматься по-разному, и многое зависит от самих индивидов, от того, как они видят и понимают свой возраст и особенности старения, какие смыслы вкладывают в этот процесс и как видят агентность и автономность [Baars et al., 2016; Wellin, 2018; Katz, 2020]. Все это Камилла Кавендиш пытается представить исключительно с позиций активного долголетия и стремления к поддержанию активности через физические упражнения, поддержание организма в форме.

Несмотря на это, работа Камиллы Кавендиш — прекрасная книга, которая может быть достаточно мотивирующей для людей, находящихся в том самом *extra time*. Также она может оказаться полезной для социологов возраста, антропологов, занимающихся старением, и адептов подхода активного долголетия. Книга может играть роль не только практического пособия, но и исследовательского проекта, посвященного осмыслению особенностей возраста и старения в различных странах.

Заключение

В книге Камиллы Кавендиш собран и проанализирован обширный материал, позволяющий осознать, что такое старение и как возраст может быть представлен исходя из страновой перспективы, особенностей понимания возраста в различных странах. По мнению Кавендиш, возраст и старение как таковые не существуют в принципе, они суть биологические особенности организма, которые связаны с конкретным временем, могут влиять на самочувствие человека и его самоощущение. Это утверждение довольно спорно и может быть опровергнуто как кри-

тическими геронтологами, так и социологами. Только ли физическая активность и хорошая физическая форма организма могут замедлить старение и изменить смыслы возраста для пожилых людей? Резонно предположить, что нет: биологические особенности стареющего организма — это только часть особенностей возраста, причем далеко не основная.

Если согласиться с авторкой в том, что возраста как такового не существует, то в этом случае следует повсеместно выявлять специфику возраста и понимать его особенности, которые могут быть скрыты и за индивидуальными представлениями о возрасте и старении, и за страновыми и культурными различиями, проблематикой возраста, которая различна в разных странах. Возраст может быть представлен как шанс и как дополнительное время, но он может и не пониматься таким образом. Для этого требуются дополнительные исследования, которые могут пролить свет на особенности эмпирического понимания возраста.

Камилла Кавендиш в данном случае остается нерелексивной в вопросе о том, насколько правомерно рассматривать возраст только с позиции активности, ведь психологические особенности, равно как и понимание смыслов возраста, которые отличаются как в страновом, так и в индивидуальном контекстах, оказывают влияние на определения старения и само осмысление возраста пожилыми людьми. В этом смысле книга Камиллы Кавендиш есть в большей степени практический труд, который в зависимости от различных стран и людей может мотивировать на то, чтобы быть активными и рассматривать возраст как время возможностей через призму особых программ физических нагрузок. Это немаловажно в контексте повсеместного продвижения концепции активного долголетия.

Список литературы (References)

Baars J., Dannefer D., Phillipson Ch., Walker A. (eds.) (2016) *Aging, Globalization and Inequality: The New Critical Gerontology*. London: Routledge.

Cavendish C. (2019). *Extra Time Lessons for an Ageing World*. Glasgow: Harper Collins.

Holstein M. B., Minkler M. (2007) *Critical Gerontology: Reflections for the 21st Century. Critical Perspectives on Ageing Societies*. In: Bernard M., Scharf Th. (eds.) *Critical Perspectives on Ageing Societies*. P. 13—26. <https://doi.org/10.1332/policypress/9781861348906.003.0002>.

Höppner G., Urban M. (2018) Where and How Do Aging Processes Take Place in Everyday Life? Answers From a New Materialist Perspective. *Frontiers in Sociology*. Vol. 3. <https://doi.org/10.3389/fsoc.2018.00007>.

Irni S. (2010) *Ageing Apparatuses at Work: Transdisciplinary Negotiations of Sex, Age and Materiality*. Åbo: Åbo Akademi University Press.

Katz S. (2020) *Precarious Life, Human Development and the Life Course: Critical Intersections*. In: Grenier A., Phillipson Ch., Settersten R. A. (eds.) *Precarity and Ageing: Understanding Insecurity and Risk in Later Life*. Bristol; Chicago, IL: Bristol University Press; Policy Press. P. 41—64. <https://doi.org/10.2307/j.ctvtv944f.9>.

Piel J., Robra B. P. (2018) Reconstructing Research About Close Relationships in Old Age: A Contribution From Critical Gerontology. *Frontiers in Sociology*. Vol. 3. <https://doi.org/10.3389/fsoc.2018.00036>.

Polivka L. (2011) Neoliberalism and Postmodern Cultures of Aging. *Journal of Applied Gerontology*. Vol. 30. No. 2. P. 173—184. <https://doi.org/10.1177/0733464810385919>.

Wellin C. (ed.) (2018) *Critical Gerontology Comes of Age: Advances in Research and Theory for a New Century*. New York, NY: Routledge. <https://doi.org/10.4324/9781315209371>.

DOI: [10.14515/monitoring.2021.2.1866](https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.2.1866)

И. А. Вершинина

РИТМЫ СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

**РЕЦ. НА КН.: LYON D. RHYTHMANALYSIS: RESEARCH METHODS.
LONDON, OXFORD, NEW YORK, NEW DELHI, SYDNEY:
BLOOMSBURY ACADEMIC, 2021**

Правильная ссылка на статью:

Вершинина И. А. Ритмы современной жизни // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2021. № 2. С. 520—525. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.2.1866>. Рец. на кн.: Lyon D. Rhythmanalysis: Research Methods. London, Oxford, New York, New Delhi, Sydney: Bloomsbury Academic, 2021.

For citation:

Vershinina I. A. (2021) The Rhythms of Modern Life. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 2. P. 520–525. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.2.1866>. Book Review: Lyon D. Rhythmanalysis: Research Methods. London, Oxford, New York, New Delhi, Sydney: Bloomsbury Academic, 2021. (In Russ.)

РИТМЫ СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ. РЕЦ.
НА КН.: DAWN LYON. RHYTHMANALYSIS:
RESEARCH METHODS. LONDON, OXFORD,
NEW YORK, NEW DELHI, SYDNEY:
BLOOMSBURY ACADEMIC, 2021

THE RHYTHMS OF MODERN LIFE. BOOK
REVIEW: DAWN LYON. RHYTHMANALY-
SIS: RESEARCH METHODS. LONDON,
OXFORD, NEW YORK, NEW DELHI, SYD-
NEY: BLOOMSBURY ACADEMIC, 2021

ВЕРШИННИНА Инна Альфредовна — кандидат социологических наук, доцент, доцент кафедры современной социологии, социологический факультет, МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия

E-MAIL: urbansociology@yandex.ru

https://orcid.org/0000-0001-6186-4388

Inna A. VERSHININA¹ — Cand. Sci. (Soc.), Associate Professor, Department of contemporary sociology, Faculty of Sociology
E-MAIL: urbansociology@yandex.ru
https://orcid.org/0000-0001-6186-4388

¹ Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

Аннотация. Публикация представляет собой рецензию на книгу британского социолога Д. Лайон «Ритманализ: методы исследования», в которой рассматривается история возникновения метода, его видение французским социологом А. Лефевром, а также современные исследования, выполненные с его помощью. Автор подчеркивает, что возможности данного метода довольно широки, и полагает, что он может помочь выявить взаимосвязи между индивидуальными и социальными ритмами, тем самым дополнив современную картину социальной реальности.

Abstract. The review regards the book by the British sociologist Dawn Lyon «Rhythmanalysis: Research Methods», which examines the history of this method along with its vision by the French sociologist Henri Lefebvre, and contemporary research using rhythmanalysis. The author emphasizes that the possibilities of this method are quite wide, and believes that it can help to identify the relationship between individual and social rhythms, thereby complementing the contemporary representation of social reality.

Ключевые слова: Дон Лайон, методы исследования, ритм, ритманализ, пространство, время, Анри Лефевр

Keywords: Dawn Lyon, research methods, rhythm, rhythmanalysis, space, time, Henri Lefebvre

В декабре 2020 г. вышла в свет работа британского социолога из Кентского университета (University of Kent) Дон Лайон (Dawn Lyon) «Ритманализ: методы исследования» (Rhythmanalysis: Research Methods). Она представляет собой обновленное издание книги «Что такое ритманализ?», появившейся двумя годами ранее [Лyon, 2018], и, по словам автора, «посвящена пониманию социальной жизни на основе ритма» [Лyon, 2021: 2]. Д. Лайон указывает на то, что в последние годы в социальных науках началась популяризация визуальных и сенсорных методов исследования, которые предполагают «задействование органов чувств для сохранения жизнеспособности и динамизма социального мира в наших отчетах

о нем» [Lyон, 2021: 82]. С ее точки зрения, ритманализ — один из тех методов исследования, возможности использования которого еще предстоит оценить. Она отмечает возрождение интереса к ритму в социальных и гуманитарных науках и полагает, что его привлекательность «как способа совместного исследования пространства и времени в XXI веке заключается в том, как он перекликается с тем, как, кажется, меняется мир» [ibid.: 35]. По ее словам, увлечение ритманализом возникло у нее из «давнего интереса к тому, как время и пространство проживаются, производятся, запоминаются и воображаются, и как они формируют опыт повседневной жизни» [ibid.: 2].

Термин «ритманализ» предложил португальский философ Лусиу Альберту Пинейру душ Сантуш (1889—1950, Lúcio Alberto Pinheiro dos Santos), который обратил внимание на материальные, биологические и психологические ритмы в своей небольшой работе «Ритманализ» [Cunha, 2012: 13], опубликованной в 1931 г. Тем не менее «интеллектуальной отправной точкой книги» [Lyон, 2021: 2] Д. Лайон называет работы французского социолога Анри Лефевра, поскольку рассматривает именно его влияние на эмпирические исследования в данной области как наиболее значимое. Одновременно она критикует французского социолога за то, что он «не предлагает систематической методологии для выполнения ритманализа» [ibid.: 4], а лишь задает общее направление исследований. Однако работы А. Лефевра до сих рассматриваются как классические теми, кто занимается ритманализом, поэтому и Д. Лайон дает довольно подробный их обзор.

Очевидно, что для А. Лефевра ритм — это составляющая пространственно-временного континуума, но, если пространство — тема, которую французский социолог начинает подробно разрабатывать еще в конце 1960-х годов, то темпоральный аспект выходит на первый план лишь в работе «Элементы ритманализа: введение в знание ритмов», опубликованной на французском языке уже после его смерти в 1992 г. и переведенной на английский язык в 2004 г. А. Лефевр ставит перед собой весьма амбициозную задачу и «предлагает не что иное, как основание новой науки, новой области знания: анализа ритмов» [Lefebvre, 2004: 3], который должен основываться на широком междисциплинарном мышлении, в целом характерном для французского социолога.

По замыслу А. Лефевра, ритманалитик имеет гораздо более широкие возможности для понимания социальной реальности, нежели те, «кто считает и описывает вещи в их „неподвижности“» [Lyон, 2021: 23]. По словам французского социолога, «ритманалитик задействует все свои чувства... думает своим телом, не абстрактно, а в живом временном пространстве» [Lefebvre, 2004: 21], что позволяет ему собрать те данные, которые сложно получить с помощью других методов. Для А. Лефевра основой анализа становятся линейные и циклические ритмы, последние связаны с природой, долгое время управлявшей повседневной жизнью людей. Однако современность, с его точки зрения, во многом детерминирована количественно определенным линейным временем капитализма, которое «однородно» и «фрагментировано», «монотонно, утомительно и даже невыносимо», навязывается технологиями и промышленным трудом [Lyон, 2021: 24].

Рассуждения Д. Лайон частично перекликаются с опасениями А. Лефевра по поводу колонизации повседневности линейными, а не циклическими ритма-

ми. Однако в примерах, обсуждаемых в третьей главе ее книги, демонстрируется, что колонизация не является ни тотальной, ни однонаправленной [Lyon, 2021: 77]. Кроме того, автор предлагает использовать ритманализ для уточнения отношений между циклическим и линейным ритмами, чтобы получить более полное понимание того, что из себя представляет современная социальная реальность. Д. Лайон полагает, что «ритманализ может сделать видимыми отношения между индивидуальными и социальными ритмами» [ibid.: 38], тем самым расширив наши представления о современности.

С одной стороны, нельзя не заметить, что «темп жизни в западном мире в XX и XXI веках ускорился» [ibid.: 4], на это еще полвека назад обратил внимание О. Тоффлер в своей работе «Шок будущего» [Toffler, 1970]. С другой стороны, «мы также стали свидетелями появления различных медленных движений для альтернативных способов жизни — в городах, производстве продуктов питания и науке» [Lyon, 2021: 4], одним из примеров чего можно назвать набирающее все большую популярность движение слоуфуд. Таким образом, современность оказывается намного сложнее, чем можно было бы предположить на первый взгляд, и у ритманализа постоянно появляются новые области изучения.

Очевидно, что пандемия COVID-19 кардинально изменила повседневную жизнь миллионов людей по всему миру, «поставив жизнь на паузу» в условиях локдаунов и заставив привыкать к новой реальности с совершенно другими ритмами. Это еще раз продемонстрировало, что время — это тот параметр повседневной жизни, который порождается социальным и зависит от него.

Исследования использования времени уже давно предоставляют интересные данные о «количестве» времени, которое люди посвящают разным задачам [Lyon, 2021: 85], что позволяет сделать выводы, например, о различиях в разделении домашнего труда. Однако концептуализация времени, лежащая в основе этой исследовательской программы, линейная и выражается в часах [ibid.: 86]. В свою очередь, ритманализ предполагает изучение не только скорости социальной жизни, но целого комплекса ее составляющих: «Ритмичное мышление предлагает более многогранный подход. Оно предполагает тонкое понимание артикуляции темпа, движения, потока, застоя и повторения» [ibid.: 4].

По мнению А. Лефевра, ритманализ объединяет количественные и качественные методы, тем самым расширяя возможности получения и интерпретации данных [Lefebvre, 2004: 8—9]. И Д. Лайон соглашается с французским социологом в том, что «ритманализ представляет собой не метод как таковой, а набор методов; и они будут отличаться в зависимости от проекта и вопросов, которые он задает. В этом смысле ритманализ имеет много общего с этнографией и разделяет некоторые методы, используемые в этнографических исследованиях, особенно наблюдение. Однако он также может принимать другие формы, в том числе количественные, используемые при изучении экономических циклов или цифрового взаимодействия» [Lyon, 2021: 5].

Не удивительно, что в современных исследованиях на основе ритманализа зачастую сочетают различные методы. Например, технологии GPS предлагают множество возможностей для изучения «ритма города», но эти данные далеко не всегда позволяют понять смысл тех перемещений, которые фиксируются.

Однако если эту информацию дополнить сведениями из личных дневников горожан, то жизнь города обретает яркие краски, которых лишены данные, полученные лишь с помощью GPS [Lyon, 2021: 89]. Тем самым ритманализ подчеркивает, что линейность и стандартизация никогда не могут полностью уловить ни внутреннюю жизнь, ни паттерны повседневности [Barrows, 2016: 87].

Книга Д. Лайон состоит из пяти глав. Первая, «Введение в ритманализ» [Lyon, 2021: 1—18], представляет собой общую характеристику ритманализа, а также обоснование необходимости присутствия данного метода в социологических исследованиях, «чтобы лучше подготовиться к распознаванию множества ритмов, которые лежат в основе и имеют значение для нашей жизни в XXI веке» [ibid.: 16].

Вторая глава «История и развитие ритманализа: от Лефевра до наших дней» [Lyon, 2021: 19—44] предлагает краткий обзор возможностей использования метода в социологических исследованиях. Д. Лайон начинает с подробного изложения идей А. Лефевра и его видения ритманализа, после чего переходит к современным исследованиям. В частности, автор демонстрирует возможности ритманализа не только в изучении повседневной жизни, трудовой деятельности, в городских исследованиях, но также и в познании мира природы [ibid.: 37—43].

Третья глава «Ключевые методологические ориентиры ритманализа: тело как центральный, второстепенный и малозначимый элемент» [Lyon, 2021: 45—78] указывает на наличие трех разных подходов к пониманию ритманализа, которые различаются в первую очередь тем, насколько активно они используют тело как инструмент в процессе исследования. Тем самым демонстрируются преемственность между рядом современных исследователей и А. Лефевром, который «вернул тело в теоретические и эмпирические исследования пространства и времени» [ibid.: 11]. В частности, автор подробно рассказывает о собственном исследовании рыбного рынка, в котором тело было «важным, но недостаточным инструментом исследования» и дополнялось аудиовизуальными методами для документирования, восприятия и анализа ритмов его функционирования [ibid.: 67—75].

Четвертая глава «Чем хорош ритманализ? Некоторые преимущества, ограничения и будущие направления ритманалитического проекта» [Lyon, 2021: 79—94] представляет собой критический анализ данного метода. Автор утверждает, что сильной стороной ритманализа является его применимость к широкому кругу ситуаций и вопросов [ibid.: 79], однако Д. Лайон также осознает не только ограничения использования ритманализа [ibid.: 90], но и его опасности, поскольку круглосуточное наблюдение в повседневной жизни расширяет возможности управления через ритм [ibid.: 103].

Пятая глава «Что такое ритманализ? Заключение» [Lyon, 2021: 95—104] демонстрирует, что, несмотря на все сложности и ограничения ритманализа, это важный способ получения информации о социальном мире, который может помочь получить новые данные о самых разных аспектах функционирования современного общества: «Выдвигая на передний план пространственные и временные измерения социального мира, которые часто считаются само собой разумеющимися, ритманализ делает возможными различные формы анализа и критики повседневной жизни, как показывают примеры в этой книге. Центральная роль времени и места в этом подходе порождает новое понимание социальной жиз-

ни» [Lyon, 2021: 101—102]. Тем самым автор рассматривает ритманализ как исследовательскую стратегию, которая предлагает возможности для совместного осмысления пространства и времени при изучении повседневной жизни, в чем заключается его сила и привлекательность для ряда социологов.

Д. Лайон считает, что «обновленное осознание — или „возвращение“ — ритма можно увидеть в контексте конкретных изменений в структурах, процессах, пространствах и темпоральностях повседневной жизни и интеллектуального развития, которые приводят к их восприятию заново» [ibid.: 3]. Тем самым она предлагает социологам пересмотреть отношение к исследованиям ритма, которые «расширяют методологическое вдохновение» [Smith, Hetherington 2013: 10]. Не только Д. Лайон, но и другие авторы (например, Дж. Эванс), указывают на острую необходимость в изучении новых ритмов жизни, появляющихся, в частности, в связи с изменяющимся экологическим контекстом нынешнего столетия. Они настаивают на необходимости пересмотра доминирующих линейных концепций времени, которые подавляют нашу способность к предвидению [Lyon, 2021: 103; Evans, 2010], и ритманализ может стать одним из возможных методов для ответа на новые вызовы.

Список литературы (References)

Barrows A. (2016) *Time, Literature and Cartography after the Spatial Turn, The Chronometric Imaginary*. New York, NY: Palgrave Macmillan.

Cunha R. S. (2012) *O essencial sobre ritmanalise*. Alfragide: Leya.

Evans J. (2010) *Re-Thinking Catastrophe in the Time of Climate Change*. In: Edensor T. (ed.) *Geographies of Rhythm: Nature, Place, Mobilities and Bodies*. Farnham: Ashgate.

Lefebvre H. (2004) *Rhythmanalysis: Space, Time and Everyday Life*, London: Continuum International Publishing Group Ltd.

Lyon D. (2018) *What is Rhythmanalysis?* London, Oxford, New York, New Delhi, Sydney: Bloomsbury Academic.

Lyon D. (2021) *Rhythmanalysis: Research Methods*. London, Oxford, New York, New Delhi, Sydney: Bloomsbury Academic.

Smith R. J., Hetherington K. (2013) *Urban Rhythms: Mobilities, Space and Interaction in the Contemporary City*. Introduction to Special Issue on Urban Rhythms. *Sociological Review*. Vol. 61. No. 1. P. 4–16. <https://doi.org/10.1111/1467-954X.12050>.

Toffler A. (1970) *Future Shock*. New York: Random House.

DOI: [10.14515/monitoring.2021.2.1859](https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.2.1859)

И. В. Богдан, Д. П. Чистякова, А. В. Праведников

ПРОБЛЕМАТИКА ДОВЕРИЯ В СОЦИОЛОГИИ МЕДИЦИНЫ

Правильная ссылка на статью:

Богдан И. В., Чистякова Д. П., Праведников А. В. Проблематика доверия в социологии медицины // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2021. № 2. С. 526—533. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.2.1859>.

For citation:

Bogdan I. V., Chistyakova D. P., Pravednikov A. V. (2021) The Issue of Trust in the Sociology of Medicine. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 2. P. 526–533. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.2.1859>. (In Russ.)

ПРОБЛЕМАТИКА ДОВЕРИЯ В СОЦИОЛОГИИ МЕДИЦИНЫ

БОГДАН Игнат Викторович — кандидат политических наук, начальник отдела медико-социологических исследований, Научно-исследовательский институт организации здравоохранения и медицинского менеджмента Департамента здравоохранения города Москвы, Москва, Россия

E-MAIL: bogdaniv@zdrav.mos.ru

<https://orcid.org/0000-0002-7002-1646>

ЧИСТЯКОВА Дарья Павловна — аналитик 2 категории отдела медико-социологических исследований, Научно-исследовательский институт организации здравоохранения и медицинского менеджмента Департамента здравоохранения города Москвы, Москва, Россия

E-MAIL: chistyakovadp@zdrav.mos.ru

<https://orcid.org/0000-0002-8729-9898>

ПРАВЕДНИКОВ Александр Владимирович — кандидат социологических наук, аналитик отдела медико-социологических исследований, Научно-исследовательский институт организации здравоохранения и медицинского менеджмента Департамента здравоохранения города Москвы, Москва, Россия

E-MAIL: pravednikovAV@zdrav.mos.ru

<https://orcid.org/0000-0002-2553-2359>

Аннотация. На материалах онлайн-форума «Социология здоровья: здравоохранение, которому доверяют» (Москва, ноябрь 2020) в статье рассматриваются актуальные аспекты тематики доверия в здравоохранении. На основе анализа выступлений экспертов авторы выделяют детерминанты и основных субъектов доверия; описывают мифы, существующие

THE ISSUE OF TRUST IN THE SOCIOLOGY OF MEDICINE

Ignat V. BOGDAN¹ — *Cand. Sci. (Polit.), Head of the Department of Medical and Sociological Research*

E-MAIL: bogdaniv@zdrav.mos.ru

<https://orcid.org/0000-0002-7002-1646>

Darya P. CHISTYAKOVA¹ — *Analyst, Department of Medical and Sociological Research*

E-MAIL: chistyakovadp@zdrav.mos.ru

<https://orcid.org/0000-0002-8729-9898>

Alexandr V. PRAVEDNIKOV¹ — *Cand. Sci. (Soc.), Analyst, Department of Medical and Sociological Research*

E-MAIL: pravednikovAV@zdrav.mos.ru

<https://orcid.org/0000-0002-2553-2359>

¹ Research Institute for Healthcare Organization and Medical Management of the Moscow Department of Healthcare, Moscow, Russia

Abstract. On the materials of the online forum “Sociology of Health: Healthcare Which Is Trusted” (Moscow, November 2020) the article examines the issue of trust in contemporary healthcare. Based on the analysis of the experts’ presentations, the authors identify determinants and main subjects of trust; describe myths that exist in various fields of medicine and undermine trust; consider

в различных областях медицины и под-
рывающие доверие; рассматривают
практики и принципы управления лояльностью в медицинских организациях. Отдельное внимание уделяется прикладным аспектам применения социологического знания в управлении здравоохранением. В заключении статьи в обобщенном виде представлены актуальные направления исследований доверия в социологии медицины.

Ключевые слова: социология здоровья, управление лояльностью, доверие в здравоохранении, мифы в медицине, коммуникации, СМИ

practices and principles of loyalty management in medical organizations. Special attention is paid to the application of sociological knowledge in healthcare management. In the conclusion, the current directions of research on trust in the sociology of medicine are summarized.

Keywords: sociology of health, loyalty management, trust in healthcare, myths in medicine, communications, mass media

12 ноября 2020 г. в Москве в очно-заочном формате (по причине пандемических ограничений) прошел второй форум «Социология здоровья: здравоохранение, которому доверяют». Организаторами форума выступили Департамент здравоохранения города Москвы и Научно-исследовательский институт организации здравоохранения и медицинского менеджмента Департамента здравоохранения города Москвы (НИИОЗММ ДЗМ). Среди партнеров форума — фонд «Общественное мнение» и Министерство здравоохранения Российской Федерации.

Программа форума была представлена пленарным заседанием и тремя секциями. Также в рамках форума прошел финал конкурса молодых ученых: восемь коллективов молодых специалистов представили свои работы в области социологии медицины. Мероприятие было аккредитовано в рамках системы непрерывного медицинского образования (НМО).

Форум «Социология здоровья» задумывался как площадка для диалога между прикладными специалистами в области организации здравоохранения и гуманитарного знания (в первую очередь социологов). В 2020 г. эта цель осталась актуальной, и около трети спикеров форума были представлены медиками-управленцами (главные врачи и иные представители административно-управленческого персонала, главные внештатные специалисты регионального и федерального уровня). Их привлечение позволило усилить практикоориентированность форума, так как зачастую именно они выступают заказчиками социологических исследований в медицине.

Участие ведущих экспертов медицинских и социологических организаций, а также содержание их выступлений вызвали немалый интерес: около 2500 человек стали слушателями форума. География форума, включающая 16 стран, свидетельствует о международной актуальности повестки (трансляция пленарного заседания форума велась также на английском языке).

Для сферы здравоохранения доверие особенно важно, так как оно обуславливает готовность граждан своевременно обращаться в медицинские организации,

следовать рекомендациям медицинских работников и избегать нерациональных практик, что в итоге приводит к сохранению и улучшению здоровья населения. На форуме доверие рассматривалось в контексте системы здравоохранения, однако данная категория представляет значительный интерес и для социологов, так как объектом и субъектом доверия могут выступать общественные группы, институты, а в его формировании значимую роль играют социальные факторы.

Ключевые аспекты обсуждения доверия системе здравоохранения

Хотя тема доверия (как тема форума) была утверждена до начала пандемии, именно в период необходимости консолидации усилий медицинского и гражданского сообщества для противодействия коронавирусу она приобрела особенное значение. По словам А. Ослона, общество изменилось, мы наблюдаем существование новой пандемической реальности, которая нуждается в социологическом осмыслении (**А. Ослон**, президент Фонда «Общественное мнение»).

В контексте информационной политики спикеры обсуждали источники, пользующиеся наибольшим доверием населения. В нашей стране, как и во всем мире, это врачи (**Л. Катыева**, директор Центра современных коммуникаций ВШГУ РАНХиГС; **Л. Лебедева**, руководитель проектов ФОМ), причем в условиях пандемии большим доверием стали пользоваться именно врачи стационаров (**И. Богдан**, начальник отдела медико-социологических исследований ГБУ «НИИОЗММ ДЗМ»). Недоверие институтам (**Л. Катыева**, **М. Макушева**, генеральный директор ЦСП «Платформа») формирует запрос на информацию от осведомленных очевидцев — переболевших пациентов и практикующих в период пандемии рядовых врачей (**М. Макушева**).

Далее в контексте доверия обсуждалась волонтерская деятельность (**И. Богдан**). В период пандемии волонтерское движение значительно трансформировалось, в частности, опыт ВОД «Волонтеры-медики» говорит о том, что в среднем волонтеры стали значимо старше — их средний возраст составлял 34 года (**О. Никитина**, заместитель руководителя МРО ВОД «Волонтеры-медики»).

Также на форуме рассматривалась роль СМИ и социальных медиа как модераторов между системой здравоохранения и населением (**В. Кажберова**, директор Медиаинститута общественного здоровья). Опрос Фонда «Общественное мнение» показал, что наряду с врачами телевидение и интернет были основными источниками информации о пандемии (**Л. Лебедева**). Ряд блогеров также вызывали большое доверие у населения, несмотря на то что их сообщения могли противоречить официальной статистике (**М. Макушева**).

Следующие важные вопросы — как заслужить доверие и что является факторами доверия? Или, наоборот, каковы факторы недоверия и чего следует избегать? В этом отношении значимо замечание **К. Родина** (директор по работе с органами государственной власти ВЦИОМ) о том, что доверие формируется не только из опыта взаимодействия, но и за счет информационного поля вокруг системы здравоохранения. Спикеры обсудили характеристики информационной среды, которые можно рассматривать как подрывающие доверие к здравоохранению:

- Акцент на ошибках медицины вместо ее достижений (**Н. Присяжная**, заместитель директора по научной работе института социальных наук Первого

МГМУ имени И. М. Сеченова, совместный доклад с директором института **А. Решетниковым**).

- Противоречивость информации (**И. Богдан, Л. Катыева**).
- Расхождение между официальными декларациями о системе здравоохранения и реальным положением дел (**Н. Присяжная и А. Решетников**).
- Фрагментарность информационной среды, существование «негативных» «информационных пузырей». Например, существующие в таком «пузыре» ковид-скептики питают иллюзию, что их много (**Л. Лебедева**). Данный эффект усиливается зачастую большей активностью нелояльных групп. Например, как показывают исследования в социальных медиа, противники вакцинации очень активны в онлайн-дискуссиях в социальных сетях (**В. Черный**, директор по маркетингу Brand Analytics).
- Широкий спектр антинаучных заблуждений в информационном пространстве подрывает доверие к доказательной медицине, которая лежит в основе систем здравоохранения. Среди них — конспирологические теории, выступления ложных экспертов, ссылки на статьи, противоречащие научному консенсусу (даже если доказана их ложность), спекуляции о завышенных ожиданиях (например, ожидание 100 % эффекта без побочных последствий при вакцинации), использование ложных аналогий (**К. Хаберсаат**, аналитический отдел ВОЗ).

Среди факторов доверия к системе здравоохранения рассматривался образ медицинского специалиста (**И. Богдан**). В этом ключе важно то, что сегодня врачи для нашего населения — профессия, доверие к которой одно из самых высоких (**К. Родин**). При этом значение имеет не только доверие населения специалистам, но и обратное доверие специалистов пациентам (**Г. Джарелли**, профессор института Magna Græcia, Италия).

Наконец, третий вопрос в контексте тематики доверия — динамика его индикаторов. За годы наблюдений (2006—2019) мы видим рост удовлетворенности системой здравоохранения (**В. Бузин**, главный научный сотрудник ЦНИИ ОИЗ Минздрава РФ), которую можно использовать в качестве косвенной оценки аспекта доверия, связанного с опытом личного обращения за медицинскими услугами. Исследования ВЦИОМ, проведенные в период пандемии, также фиксируют рост удовлетворенности, стабильность доверия к врачам (**К. Родин**).

Мифы о здравоохранении

Тематика (не)доверия раскрывалась в том числе через мифы о медицине, которым была посвящена преимущественно первая секция форума. Существование барьеров в сознании людей, широкая распространенность заблуждений о различных сферах медицины ставят на первый план необходимость работы с информационной повесткой. Приведем ключевые идеи о циркуляции мифов, их опасности для формирования доверия в обществе и необходимости развенчания, высказанные на форуме.

Мифы распространяются, несмотря на существование убедительных исследований в рамках доказательной медицины. Это можно видеть на примере популярной диетологии, где популярны заблуждения о полезности отдельных

продуктов и диет, противоречащие диетологии доказательной (**А. Стародубова**, заместитель директора по научной и лечебной работе ФИЦ питания, биотехнологии и безопасности пищи).

Зачастую мифы, циркулирующие среди самих медицинских работников, — большая проблема, чем распространение мифов среди населения. Например, медицинские работники не всегда понимают, что паллиатив — это не только для умирающих пациентов, из-за чего помощь оказывается не своевременно (**Д. Невзорова**, директор ФНПЦ ПМП ФГАОУ ВО Первый МГМУ имени И. М. Сеченова).

Мифы существуют не только о болезнях и медицинской помощи, но и о специалистах, оказывающих ее. Особенно ярко это проявляется в психиатрии. Например, **Г. Костюк** (главный врач ГБУЗ «Психиатрическая клиническая больница № 1 им. Н. А. Алексеева ДЗМ») наряду с пятью мифами о лечении выделил пять мифов о психиатрах (мифы об автоматической «постановке на учет», необъективности психиатрии и т. д.), которые перекликаются с мифами о детской психиатрии, упомянутыми в докладе **М. Бебчук** (директор НПЦ ПЗДП им. Сухаревой).

Пандемия также привела к зарождению своих мифов. В частности, **К. Бэтч** (заведующая лабораторией психологии и инфекционных заболеваний в Эрфуртском университете, Германия) отметила существование мифа, связанного с восприятием: когда люди нам нравятся/близки, нам начинает казаться, что они безопасны с точки зрения рисков заражения, хотя в условиях распространения инфекции зачастую именно близкие люди несут большую угрозу заражения. Или же миф о том, что вакцина опаснее болезни (**М. Макушева**).

Обилие мифов приводит к негативным последствиям для системы здравоохранения, в том числе потому, что они подрывают доверие к ней. Среди негативных последствий — отказы от рациональных практик во время пандемии (**М. Макушева**) или непонимание реальных масштабов заболеваний. Например, данные о распространении депрессии в нашей стране, по-видимому, занижены, в том числе из-за того, что не обратившимся к психиатру (часто из-за недоверия) такой диагноз не ставится (**Г. Костюк**).

Упоминались не только мифы о медицине, но и заблуждения о том, как проводить социологическое исследование в медицине (**И. Богдан**). Однако в отличие от предыдущего форума (в рамках которого проводилась отдельная методическая секция), в 2020 г. данная тематика не обсуждалась широко.

Опыт медицинских организаций в изучении лояльности сотрудников и пациентов

На форуме также была рассмотрена связанная с доверием тематика лояльности. Спикеры акцентировали внимание на важности и необходимости проведения исследования лояльности пациентов и сотрудников медицинских организаций, делились успешным опытом реализации мониторингов и управления лояльностью за счет работы с ключевыми факторами.

Наряду с известными определениями лояльности, используемыми в подходе Ф. Райхельда при построении индекса (e)NPS, характеризующего готовность рекомендовать полученные услуги или свою организацию как место работы (**И. Богдан**), давались и более специфические трактовки лояльности. Например, **М. Бебчук**,

говоря о лояльности пациентов, характеризовала ее в терминах раннего обращения, ранней помощи, а в конечном счете — лучшей возможности помочь.

Важно, что, как и в случае с доверием системе здравоохранения, проблемы лояльности могут быть связаны не только с реальным опытом. Так, на материалах исследования в Детской городской поликлинике 86 было сделано заключение, что проблемы нелояльности могут носить информационный характер и требовать в первую очередь налаживания информационных потоков (**Г. Уханова**, главный врач ДГП 86 ДЗМ).

Критичен не просто сам факт исследования лояльности, но именно корректное проведение соответствующего исследования (**И. Богдан**). На форуме рассматривались различные подходы к организации мониторингов лояльности: организация постоянного мониторинга удовлетворенности в рамках внедрения таких стандартов управления медицинскими организациями, как JCI (**Р. Гостищев**, заместитель главного врача по перспективному развитию ГКБ № 40 ДЗМ); на базе колл-центров (**И. Богдан**); работы «службы качества», в которую может входить в том числе социолог (**А. Тяжелников**, главный врач КДП 121 ДЗМ).

Важными оказались данные, полученные на материале исследования ГКБ 52 о том, что пандемия не препятствует достаточно высоким показателям лояльности и оценки эмоционального состояния работников (**М. Лысенко**, главный врач ГКБ 52 ДЗМ).

Как повысить лояльность работников? Для этого необходимо изучить ее факторы, основным из которых в нескольких докладах называлась атмосфера, отношения в коллективе (**М. Бебчук, И. Богдан, Г. Уханова**).

Диалог между населением и системой здравоохранения: прикладные решения

Важнейший вопрос и фокус форума — прикладные аспекты исследований. Социологическое сопровождение преобразований, разработка практикоориентированных рекомендаций — необходимые условия изучения доверия.

На форуме было отмечено, что значимость имеет не просто социологическая констатация процессов, но и прикладной характер исследований, преобразования, которые становятся возможными по итогам исследования (**Г. Уханова**). Формально проведенное исследование без практического итога приводит к разочарованию как получателей услуг, так и работников сферы здравоохранения (**И. Богдан**).

Большое внимание на третьей секции уделялось необходимости грамотной информационной работы. Эксперты выделили следующие рекомендации в данной области:

- Важность обращения к лидерам общественного мнения, простой и понятный язык сообщений (**Л. Катышева, К. Хаберсаат**), ограничения на повторение мифов (само повторение мифа закрепляет его) (**К. Хаберсаат**).
- Объяснение логики решений (**К. Бэтч**), развенчание мифов и стигматизирующих установок (**М. Бебчук**).
- Повышение уровня информационной грамотности населения, а также ответственности и грамотности журналистов (**Л. Лебедева**).
- Учет целей и контекстов информационной кампании, понимание отсутствия ее «идеального рецепта». К примеру, если алармизм в начале пандемии был

уместен, то в дальнейшем он блокирует восприятие информации, нужен иной подход. В частности, для продвижения вакцинации международная группа предложила подход «who why when we» к информационной политике — указание, кто получит вакцину в первую очередь, почему именно они и когда ее получу я (мы) (**Л. Катыева**).

- Необходимость задействования новых подходов к коммуникации в области общественного здравоохранения — например, технологий мобильного здоровья (mhealth), с учетом их особенностей. При разработке последних велика роль социологов (изучение ценностей, установок, поведения) (**Е. Дмитриева**, профессор кафедры социологии МГИМО).
- Как показала просветительская кампания на тему инсульта в Москве, инструментом оценки качества информационных кампаний может выступить социология (**И Сун Чер**, заместитель директора ФНПЦ ПМП ФГАОУ ВО Первый МГМУ имени И. М. Сеченова). Такое социологическое сопровождение должно быть в большей степени централизованным, чем сегодня. В частности, отмечается потребность в построении общей федеральной социологической службы в интересах системы здравоохранения (**В. Бузин**).

Заключение

Поднятые на втором форуме «Социология здоровья» вопросы можно рассматривать как отражающие важнейшие направления исследований проблематики доверия в социологии медицины. Данные вопросы, по мнению авторов, можно сгруппировать в следующие смысловые блоки:

- Определение понятий, связанных с доверием системе здравоохранения (помимо доверия, на форуме было уделено внимание лояльности и удовлетворенности).
- Каков уровень доверия у различных групп? Как его оценить? Что важно при исследовании доверия?
- Кому доверяют в здравоохранении вообще и в период пандемии в частности?
- Как повысить доверие, управлять им? Каковы факторы доверия? Что повышает, а что снижает доверие? В частности, какие мифы о медицине вносят вклад в снижение доверия?
- В чем специфика построения доверия на разных уровнях, в том числе на уровне медицинской организации или системы здравоохранения?

Отдельно стоит отметить важный аспект форума — признание практически всеми спикерами (в том числе не специализирующимися на социологии) важности использования социологических методов для решения проблем управления здравоохранением, связанных с доверием.

С презентациями и видеоматериалами выступлений всех спикеров, в том числе не рассмотренных в данной статье, можно ознакомиться на сайте socforum.niioz.ru. Также на данном сайте приведены материалы предыдущего форума (<https://socforum.niioz.ru/ru/forum-2019/>).

Приглашаем коллег к участию в форуме в 2021 г. в качестве спикеров, слушателей и участников конкурса молодых ученых!

